DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/polnoesobranieso31gork

Gor'kiĭ, Maksim

М. ГОРЬКІЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ ТРЕТІЙ

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ ▫ ПЕТРОГРАДЪ

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1918 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 20

891.73
Є 669PL
t. 3

ЯРМАРКА ВЪ ГОЛТВѢ.

Мѣстечко Голтва стоитъ на высокой площади, выдвинувшейся въ луга, какъ мысъ въ море. Съ трехъ сторонъ обрѣзанная капризнымъ теченіемъ Псла, эта ровная площадь открываетъ широкіе горизонты на сѣверъ, западъ и востокъ, и въ южной части ея столпились въ живописную группу бѣлыя хатки Голтвы, утопающія въ зелени тополей, сливъ и черешень. Изъ-за хатъ вздымаются на небо, безоблачное и знойное, пять главъ деревянной церкви, простенькой и тоже бѣлой. Золотые кресты отражаютъ снопы солнечныхъ лучей и теряютъ въ блескѣ солнца свои формы, — кресты похожи на факелы, горящіе яркимъ пламенемъ.

На востокъ раскинулась равнина обработанныхъ полей — вплоть до горизонта пестрѣютъ квадраты, желтые и темные; среди нихъ тамъ и тутъ стоятъ пышныя, зеленыя левады, бѣлыя хатки прячутся въ садахъ, дороги вьются межъ хлѣбовъ, какъ змѣи, и стада вдали на выгонахъ — какъ игрушечныя. На западѣ площадь крутымъ обрывомъ спускается къ быстро текущему Пслу; его вода блеститъ на солнцѣ серебромъ, на берегахъ стоятъ вербы и осокори; за Псломъ опять поля до горизонта и опять на нихъ куски яркой зелени, полосы созрѣвшаго хлѣба и бѣлыя пятна хуторовъ. Хутора, въ рамкахъ изъ тополей и вербъ—всюду, куда ни взглянешь... Густо засѣяна людьми благодатная земля Малороссіи!..

Надъ громаднымъ пространствомъ, тѣсно заставленнымъ возами, тысячеголосый говоръ стоитъ въ воздухѣ, знойномъ и пыльномъ. Всюду толкутся, спорятъ и „грегочутъ“ „чоловікі“, горохомъ разсыпаются бойкія рѣчи „жінокъ“. Десять хохловъ въ минуту выпускаютъ изъ себя столько словъ, сколько въ то же время наговорятъ трое евреевъ, а трое евреевъ скажутъ въ ту же минуту не болѣе одного цы-

гана. Если сравнивать, то хохла слѣдуетъ примѣнить къ пушкѣ, еврея — къ скорострѣльному ружью, а цыганъ — это митральеза. Черныя лица, черные волосы и бѣлые хищные зубы цыганъ такъ и мелькаютъ въ толпѣ; ихъ характерная, страстная гортанная рѣчь трещитъ въ ушахъ, — за ней не успѣваешь слѣдить. Ихъ проворныя движенія и жесты красивы, но заставляютъ опасаться, быстрые темные глаза съ синеватыми бѣлками сверкаютъ хитростью и нахальствомъ. Ловкіе, гибкіе, они являются ласковыми лисицами басенъ и сейчасъ же скалятъ зубы, какъ голодные волки. Четверо изъ нихъ осаждаютъ какого-то „чоловіка“, уже сбитаго съ толку и растерявшагося подъ градомъ убѣдительныхъ рѣчей, осыпающихъ его немудрую голову. Онъ стоитъ среди нихъ, усердно чешетъ затылокъ и тяжело соображаетъ. У него на поводу молоденькая лошаденка. Ее осаждаютъ оводы съ такимъ же усердіемъ и жаромъ, какъ ея хозяина—цыгане. Вокругъ этой группы толпа, внимательно слѣдящая за ходомъ сдѣлки.

— Подожди...—говоритъ хохолъ.

— Не хочу!—восклицаетъ цыганъ.—Что̀ мнѣ ждать: хиба жъ я съ того, что подожду, грòши зароблю? Я тебѣ говорю прямо, какъ передъ Богомъ: моя лошадь такая, что и самъ полтавскій губернаторъ на ней поѣхалъ бы, куда хочешь — хоть въ Петербургъ! Вотъ нà — какая моя лошадь! А что̀ твоя? Только тѣмъ она на мою и похожа, что у нея тоже четыре ноги и хвостъ! А какой у нея хвостъ? Это стыдъ, дядько, стыдъ, а не хвостъ...

Цыганъ ожесточенно дергаетъ лошадь за хвостъ, щупаетъ ее всюду и руками и глазами и все говоритъ, говоритъ. Его товарищи пренебрежительно совѣтуютъ ему:

— Э, брось! Что̀ тебѣ хочется въ убытокъ мѣняться? Вотъ дурной!.. Брось...

— Въ убытокъ? Ну, и буду мѣняться въ убытокъ! Развѣ жъ я моему коню и карману не хозяинъ? Мнѣ человѣкъ нравится, и я хочу человѣку доброе сдѣлать! Дядько! Молитесь Господу!..

Хохолъ снимаетъ шапку, и они оба истово крестятся на церковь.

— Ну, Господи, благослови! — восклицаетъ цыганъ.—Берите жъ моего коня и помните мое доброе сердце... Берите его и давайте мнѣ пять карбованцевъ придачи... Вотъ и все!.. Кончено!.. Давайте руки...

Хохолъ изъ всей силы бьетъ ладонью по ладони цыгана и говоритъ:

— Два дамъ!

— Э! Четыре съ половиной!

— Два!

Цыганъ такъ шлепнулъ по рукѣ хохла, что тотъ потрясъ ею въ воздухѣ и потомъ внимательно осмотрѣлъ свою ладонь, какъ бы удостовѣряясь—цѣла ли?

— Четыре ровно!

— Два!—упорно стоитъ на своемъ хохолъ.

— Ну, — утомленно говоритъ цыганъ, — идите жъ теперь къ вашей жінкѣ и разскажите ей, какой вы дурень...

— Два!—говоритъ хохолъ.

— Вотъ что̀,—молитесь Богу!

Снова молятся и снова бьютъ руки другъ друга.

— Ну, берите же на свое счастье, мнѣ въ убытокъ: не хочу я съ васъ, добрый человѣкъ, лишнихъ грошей брать, коли нѣтъ ихъ у васъ въ карманѣ... Даете три съ полтиной?

— Ни,—качаетъ головой хохолъ, оглядывая лошадь цыгана, понурую и шершавую.

— Три съ четвертью?

— Ни...

— Чтобъ ваша жінка сказала вамъ сто разъ „ни", когда вы у нея борща попросите! Дайте три гладкихъ карбованца? И то не даете? Такъ берите жъ за вашу цѣну... Э, пропали мои гро̀ши и конь хорошій!

Лошадей передаютъ изъ полы въ полу, и хохолъ уходитъ, ведя на поводу вымѣненную крупную рыжую кобылу, равнодушно переступающую разбитыми ногами. Морда у нея печальная, и уныло смотрятъ ея тусклые глаза на толпу людей, критически разглядывающую ее.

Но скоро хохолъ возвращается назадъ. Онъ идетъ торопливо, такъ что лошадь едва поспѣваетъ за нимъ; лицо у него сконфуженное и растерянное. Цыгане смотрятъ навстрѣчу ему спокойно и разговариваютъ о чемъ-то на своемъ языкѣ.

— Це діло не законне,—покачивая головой, говоритъ хохолъ, подходя къ нимъ.

— Какое дѣло?—освѣдомляется одинъ изъ цыганъ.

— А це... Якъ же вы міни...

— А что̀ мы тобі?

— Підождить!.. Якъ же...

— А якъ же?

— Да підождить же!

— А чего ждать? Когда кобыла родитъ? Да ты жъ, дядько, еще и не вѣнчался съ ней!

Въ толпѣ хохотъ. Бѣдняга хохолъ апеллируетъ къ ней.

— Добрые люди — ратуйте! Воны міни беззубу коняку на місто моіи зубатой наміняли!

Толпа не любитъ неловкихъ такъ же, какъ и слабыхъ. Она становится на сторону цыганъ...

— А де жъ у тобі очи булы?—спрашиваетъ хохла сивый старикъ.

— Не вмій зъ цыганами діла! — поучительно заявляетъ другой..

Обманутый разсказываетъ, что онъ смотрѣлъ зубы у коня, но на верхніе не обратилъ вниманія, а изъ нихъ три оказываются сломанными. Должно-быть, коня когда-то сильно ударили по мордѣ и сломали ему три зуба. Куда онъ годится такой? Онъ ѣсть не можетъ, — вонъ у него какой вздутый животъ. Человѣка два-три изъ толпы начинаютъ защищать хохла. Возникаетъ гвалтъ, и громче всѣхъ кричитъ, не уставая, цыганъ...

— Э, добрый чоловікъ! Чего жъ ты затіявъ таку заворуху? Хиба ты не знаешь, якъ треба конівъ куповаты? Конівъ куповаты—якъ жінку выбираты, все одно, таке жъ важно діло... Слухай, я тобі скажу відну казку... Якъ булы на світи три братика, двое розумніи, а третій дурень—ось якъ ты, або жъ я...

Товарищи цыгана тоже орутъ во всю глотку, оправдывая его; хохлы лѣниво ругаются въ отвѣтъ; толпа становится все гуще и тѣснѣе...

— Що жъ міни зостаеться, добрі люди? — горестно вопрошаетъ обиженный.

— Ходи до урядника!—кричатъ ему.

— А и пойду!—рѣшаетъ онъ

— Стой, чоловіче!—останавливаетъ его цыганъ.—Разорить меня хочешь? Разоряй! Давай мнѣ три карбованца—я твою лошадь назадъ виддамъ! Желаешь? Давай два! Желаешь? Ну, иди и жалуйся...

Хохлу не особенно пріятно „тягать къ ділу“ урядника, и онъ задумывается. Со всѣхъ сторонъ ему даютъ совѣты, но онъ остается глухъ и нѣмъ, рѣшая что-то про-себя. Наконецъ онъ рѣшилъ...

— Ну, отъ що, — уныло говоритъ онъ цыгану, — нехай Богъ тебя осудитъ... Отдай міни моего коня, а два карбованци, що ты въ придачу узялъ — твои... Триста трясцівъ тобі у бокі—грабь!

И цыганъ ограбилъ его съ такимъ видомъ, точно великую милость ему оказалъ

— Догадливі люди! — похваливали „чоловіки“ цыганъ, отходя отъ нихъ.

— Деготь московскій, атличный, фабричный, аккуратный, аппаратный, пахучій, тягучій! Шесть копеекъ кварта, пятнадцать четверть! — возглашаетъ черниговецъ, возсѣдающій на телѣгѣ. Телѣга, бочка и самъ торговецъ — все это черно и жирно отъ дегтя и все двигается одной сплошной массой, распространяя вокругъ себя характерный ароматъ.

А, мабудь, и по пьять за кварту продадите? — справляется у дегтярника „чоловікъ“ въ необычайно широкихъ штанахъ и въ соломенной шляпѣ на головѣ.

— Тпру-у! По пять не могу, хозяину на шесть копеекъ присягалъ...

— А, мабудь, можно по пять?

— Никакъ...

— Эге... Совсімъ не можно?

— Слушай, дядько, продамъ тебѣ по пять, не говори только никому... Не скажешь?

— Ни, не скажу...

— Ну, давай баклажку.

— На що?

— А на деготь!

— Та міни того вашого дегтя не треба, бо я вже купивъ... И тежъ по шість копіекъ и тежъ у васъ... Я спросивъ васъ за тімъ, що, мабудь, вы теперь дешевше виддаете цей деготь.

Дегтярникъ молча отвертывается, трогаетъ лошадь и ѣдетъ между возовъ, возглашая о своемъ товарѣ... Чоловікъ провожаетъ его взглядомъ и говоритъ другому, раскинувшемуся на возу:

— Коли бъ я не куповалъ кварты дегтя утромъ, была бы въ міни копійка лишня у кишени...

— Эге жъ... Жарко!

— Якъ у пекли...

— Хиба жъ твой батько писавъ тобі зъ пекла, якъ тамъ жарко?—спрашиваютъ съ воза.

Томящій зной все усиливается. Запахъ дегтя, навоза и пота виситъ въ воздухѣ вмѣстѣ съ тонкой пеленой ѣдкой пыли. Всюду у возовъ стоятъ и лежатъ волы, жуютъ, не уставая, сѣно и смотрятъ въ землю большими, добрыми глазами. Кажется, что они думаютъ: у нихъ такія осмысленныя морды и въ глазахъ свѣтится спокойная, привычная печаль.

Мычатъ коровы и телята, блеютъ овцы, раздается звонъ косъ, пробуемыхъ покупателями. „Чоловіки“, пріѣхавшіе продавать скотъ или руно, лежатъ подъ возами, скрываясь отъ солнца и ожидая покупателей. „Чоловіки“ покупающіе расхаживаютъ между возами, высматривая скотъ и шагая черезъ ноги продавцовъ, разбросанныя на землѣ. У каждаго покупателя въ рукѣ кнутъ, и, подходя къ воламъ, покупатель считаетъ нужнымъ вытянуть смиренную скотину по боку кнутомъ. Волы медленно поднимаются на ноги, если они лежали, и тяжело двигаются отъ удара, если стояли на ногахъ.

— Скількі за цю пару просите?—спрашиваетъ покупатель пространство...

Изъ подъ воза раздается неторопливый отвѣтъ:

— Девяносто рубливъ...

— И то грòши... — говоритъ покупатель и отходитъ или спрашиваетъ:

— А чего жъ бы вамъ, дядько, цілу сотнягу не просить?

— Та вже міни більшь того, скількі треба,—не треба грошівъ. А коли вы вже такій добрый, то давайте и усю сотню—я візьму...

— Спасибо вамъ... А скількі жъ вы діломъ узяли?

— Та вже такъ, щобъ не долго балакать, возьму я съ васъ... девяносто рубливъ...

Начинается торгъ. „Чоловіки“ не торопятся,—это совсѣмъ не въ ихъ характерѣ, и продавецъ вылѣзаетъ изъ-подъ воза не ранѣе того, какъ убѣдится, что покупатель серьезный. Понемногу горячатся, и вотъ уже бьютъ другъ друга по рукамъ, молятся по десяти разъ и болѣе, расходятся, снова сходятся. Все дѣлается медленно, но основательно, вдумчиво. Ядреной и крутой ругани великоруссовъ, отъ которой духъ въ груди спираетъ и глаза на лобъ лѣзутъ, не слышно, — ее замѣняетъ колкій и мѣткій юморъ, щедро украшающій рѣчи. Не слышно и великорусскаго „тыканья“. Сивый дідъ, у котораго безусый хлопецъ торгуетъ пару молоденькихъ бычковъ, такъ, напримѣръ, отчитываетъ покупателя:

— Здается міни, что вы, хлопче, раненько маткину цицьку на люльку зміняли, бо разума у річахъ вашихъ не бачу я...

— Та якъ же, діду! Воны и некрасиві—ось роги якіе...

— А хиба жъ вы рогами пахати будете? Такъ куповайте жъ собі козловъ: у нихъ рога красивѣйши...

Сыны Израиля вертятся межъ возовъ, какъ вьюны. Они обо всемъ спрашиваютъ, все щупаютъ и все покупаютъ. „Чоловіки“ говорятъ имъ „ты“ и смотрятъ за ними во всѣ

глаза. Паны встрѣчаются съ „чоловіками“ съ чувствомъ собственнаго достоинства, и въ разговорѣ съ паномъ у хохла сквозь внѣшнюю почтительность пробивается не одна нотка пренебреженія. Видно, что панъ давно уже опредѣленъ, какъ „ненужна козявка у пчелиномъ рои“.

У одного изъ возовъ корова, привязанная къ нему, вдругъ зашаталась и въ корчахъ повалилась на землю. „Жінка“, продававшая ее, соскочила съ воза и закрутилась вокругъ больного животнаго, какъ въ вихрѣ. Испугъ, граничащій съ ужасомъ, выразился на лицѣ бѣдной женщины, сразу лишившейся надежды продать свою добрую скотину.

— Ой, Господи! Ой, добри люде! Ратуйте... що воно таке? Що воно? Ой, Мати Пречистая!

Сразу выросла толпа и принялась горячо обсуждать несчастіе. Дѣлали предположенія, отчего именно заболѣла корова и какъ можно лучше лѣчить ее. Явился какой-то древній старикъ, весь, точно плѣсенью, покрытый лохмотьями, и началъ отчитывать корову, творя шопотомъ молитву. Толпа поснимала шапки и молча ждала результатовъ моленія, изрѣдка крестясь. А корова билась на землѣ въ судорогахъ, пыталась встать и снова грузно падала. Она тяжело вздыхала, и много боли было въ ея кроткихъ глазахъ. Потомъ ея хозяинъ, снявъ съ головы шапку, сталъ ею растирать хребетъ животнаго, трижды обвелъ шапкой вокругъ роговъ, трижды вокругъ шеи и столько же вокругъ хвоста. И это не помогло. Принесли бутылку дегтя и вылили въ глотку животнаго, потомъ угостили его скипидаромъ, наконецъ явился коновалъ, угрюмый мужикъ, съ разнообразными инструментами у пояса. Онъ важно осмотрѣлъ корову и пробилъ ей какимъ-то ржавымъ гвоздемъ вену на шеѣ. Тонкими струйками хлынула густая, черная кровь. Какой-то моралистъ нашелся въ толпѣ. Онъ посмотрѣлъ на корову и ея хозяина, убитаго горемъ, и сказалъ:

— Отъ це вамъ, дядько, Божіе наказаніе... Здаетця міни, що хотѣли вы утаиты, яка вона вана корова... И открывъ Господь людямъ вашую думку... Отъ якъ!

Хохолъ посмотрѣлъ на него и грустно покачалъ головой.

— Богъ мою думку знае...—вздохнулъ онъ.

А рядомъ съ этой сценой разыгрывается другая. „Жінка“, размахивая руками, какъ поломанная мельница крыльями, бранитъ своего „чоловіка“. Онъ сидитъ на землѣ, упираясь въ нее руками, и блаженно улыбается. Носъ у него красный,

сіяющи, шапка на затылкѣ, воротъ рубахи развязался, и солнце бьетъ ему прямо въ грудь и лицо.

— Голодранецъ ты! Хиба жъ морді твоїй не стыдно? Э-е, шибеникъ! Визьму кнутъ, та якъ учну стегать...

— Оле-спа! Утыхо-о-омырся-а! — тянетъ „чоловікъ“, подмигивая жінкѣ.—Слухай... я и тобі пивкварты купивъ.

— О-о!—стонетъ жінка.—Безстыжи очи!

Наклоняясь къ мужу, она съ великимъ трудомъ приподниаетъ его съ земли и старается засунуть это разслабленное хмелемъ тѣло подъ возъ. „Чоловікъ“ стукается головой о колесо и предупреждаетъ жену:

— У кармані штанівъ скляница... то якъ бы и... и вона не побилась... э?

Черезъ минуту они оба дружелюбно распиваютъ „пивкварты“, и добрая, хотя строгая супруга уже обложила своего благовѣрнаго сѣномъ и одеждой такъ, что онъ могъ свалиться въ любую сторону, безъ риска удариться своей головой о колесо.

Молоденькій еврей съ ящикомъ на груди ходитъ и кричитъ:

— Роменскій табакъ! Панскій табакъ! Крѣпчайшій табакъ! Чортъ курилъ—дымомъ жінку уморилъ.

— Отъ це добрый табачино, колі зъ его жінки мруть!— замѣчаетъ какой-то Солопій Черевикъ.

Въ центрѣ ярмарки два длинныхъ ряда палатокъ образуютъ широкую улицу, сплошь набитую народомъ. Подъ однимъ изъ полотняныхъ навѣсовъ пріютился еврей съ рулеткой. Его окружаетъ плотная толпа преимущественно молодежи, и изъ нея то и дѣло раздаются то угрюмые, то возбужденные голоса:

— Красна! Черна! Четъ! Проигралъ!

Въ сторонѣ блѣдный и встревоженный парубокъ уговариваетъ другого:

— Онисиме! Дай же міни карбованецъ! Бо я, мабудь, и ворочу мои гроши... О, не играть бы міни въ ту бісову штуку... Вертыться, вертыться — та и вывернетъ твои карманці...

Остробородый ярославецъ торгуетъ гребешками, ножичками, книжками, мыломъ...

— Паж-жалуйте-съ! Заграничные товары! Столичныя книги! Благовонныя мыла! Небесные духи! Молодой юноша! позвольте вамъ предложить книжечку для пріятнаго чтенія-съ? Не угодно ли подробно разсмотрѣть, очень занимательная

исторія — смерть господина Ивана Ильича, сочиненіе графа Толстого. При семъ же веселая комедія — „Плоды просвѣщенія“. Очень тонко осмѣяны господа столичные и русскіе мужики. Продаю за двадцать копеекъ-съ! Графское сочиненіе — за двугривенный, дешевле никто не продастъ. А вотъ еще не пожелаете ли — „Князь Серебряный“? Про царя Ивана Грознаго... по случаю того, какъ эта книжечка уже читана — за тридцать пять копеекъ отдамъ! Стихи поэта Пушкина-съ — по пятачку и по три копейки книжка... Прекрасные стихи, самаго веселаго содержанія... „Андрей Безстрашный, русская повѣсть“... цѣна три копейки. Янанча, татарскій наѣздникъ, взятіе города Казани. О разведеніи куръ — не желаете ли просвѣтиться? Пять копеекъ цѣна... Машинка для усовъ — извольте-съ, „Житіе иже во святыхъ отца нашего“... Красавица! купите зеркальце? Душистое мыло есть... Чего-съ? За Ивана Ильича и гривенникъ? Напечатано на книжкѣ — двадцать. За гривенникъ могу продать вотъ-съ „Еврейскіе разсказы“... Тетка! Ты такъ гребень сломаешь... Почтенный! купите бритву? „Загробная жизнь или о томъ, что̀ ждетъ душу нашу по смерти“... Весьма полезно знать — цѣна полтина. Не желаете? „Болѣзни домашнихъ животныхъ“—полюбопытствуйте! „Веретагіанская кухня“... А то вотъ часики продаю: серебро — какъ золото, ходъ самый правильный, цѣна дешевая... Почтеннѣйшій — мыльца для дочки не желаете ли пріобрѣсти?.. Послѣднее слово, милый: за Ивана Ильича — восемнадцать копеекъ...

Ни одной секунды не молчитъ этотъ сухой и поджарый ярославецъ, продающій сразу двумъ десяткамъ покупателей. Его звонкій голосъ издали влечетъ къ нему народъ, и около его лавочки тѣсная толпа. Одни покупаютъ, другіе просто смотрятъ на продавца и слушаютъ его бойкую, разсыпчатую рѣчь. Здоровенный усатый хохолъ долго таращилъ на ярославца большіе, выпуклые глаза и вдругъ расхохотался.

— Чого вы, пане, регочете? — спросилъ его сосѣдъ.

— Та ось вінъ, цей москаль, нехай ему, бісову сыну, гадюка у глотку влізе... Винъ совсимъ якъ та молотилка работае. Доброму чоловіку у мисяць стилькі не казати, якъ винъ у часъ кажетъ...

А у возовъ съ глиняной посудой изъ Опошни — посудой, замѣчательной по рисункамъ, но грубоватой по исполненію, торгуютъ хохлы. Здѣсь не торопятся. Вотъ какая-то разомлѣвшая отъ жары женщина съ зонтикомъ въ рукахъ подхо-

дитъ, беретъ макитру — подобіе великорусской корчаги — и, разсмотрѣвъ ее, спрашиваетъ:

— Скилькі грошей?

— За що? — освѣдомляется продавецъ, возлежащій подъ возомъ на брюхѣ.

— А за макитру...

— Трицать пять копекъ...

— О, лишечко! та то дюже дорого!

— Хиба жъ?

— А звисно! Вонъ она неровна, та корява...

— А що жъ вы, пани, съ цей макитры стрѣлять хотите, чи що? Зачімъ ей буты ровной? Не ружье вона, а макитра.

— Та воно вірно... Ще и не гладка вона, та и тускла яка-то...

— Такъ же то зеркало, пани, гладко да блестяще, зеркало, а не макитра.!.

— Вона и дребезжитъ...

— О? То значится — въ ней дірка е.

— То-то е дірка...

— Такъ вже світъ устроенъ, пани, что у нимъ усе діряво... Вонъ и у васъ, пани, хусточка зъ діркой.

Пани краснѣетъ и оправляетъ платокъ на груди...

— А вы, пани, подівитеся, може и знайдете крѣпку макитру.

Пани смотритъ макитры, а продавецъ, неподвижно лежа подъ возомъ, смотритъ на нее...

— Будьте милостивы, скажить мині — отъ така хороша? — показываетъ пани выбранную посудину...

— Це? Зо всихъ наилучша...

Начинаютъ торговаться. Это длится долго, часто прерываясь паузами, во время которыхъ женщина выдумываетъ все новые и новые недостатки макитры, а торговецъ наслаждается покоемъ въ тѣни воза. Бойчее торгуютъ жінки. Онѣ продаютъ какое-то розовое питье, вишни и тарань. Этой рыбы цѣлые вороха лежатъ на землѣ, и такъ какъ ее здѣсь очень любятъ — она покупается хорошо. Звонкіе голоса женщинъ такъ и рѣжутъ уши.

— Рыба черноморска, керченска, вкусна та солена!

— А вотъ ще наилучшая рыба!

Вечереетъ. Солнце уже низко надъ лугами, и пыль, тучей стоящая надъ ярмаркой, кажется розовой въ лучахъ заката. Всюду гонятъ скотину на Пселъ, раздается мычаніе, суровые окрики, кое-гдѣ налаживаются пѣсни. Веселые звуки сопилки

несутся со стороны погоста. Тамъ, у земляного вала, ограждающаго ниву опочившихъ, собралась толпа хлопцевъ и, не обращая никакого вниманія на „дідовы могилы“, собирается „танцювати“ въ виду ихъ. Тополя на погостѣ тихо качаютъ вершинами, точно протестуя противъ нарушенія мира и тишины въ мѣстѣ упокоенія.

— А тепери я веліка,
Треб-ба мині чоловіка...

распѣваютъ двое пьяныхъ, идя къ погосту. Они толкаютъ другъ друга плечами и качаются на ногахъ, какъ надломленные. У обоихъ блаженныя, красныя лица, оба они охрипли отъ усилій пѣть согласно: одинъ сдвинулъ шапку на ухо, а другой держитъ ее въ рукѣ и дирижируетъ ею, не замѣчая, что изъ нея вылѣзли и болтаются въ воздухѣ какія-то тряпки, и куски пеньки. Отъ погоста навстрѣчу имъ несется дробный топотъ ногъ, съ жаромъ выбивающихъ голака, и задорные, хотя тихіе звуки сопилки.

Тѣни отъ возовъ становятся все длиннѣе. Жара спадаетъ. Съ луговъ тянетъ запахомъ свѣже-скошеннаго сѣна. Солнце сѣло, и на небѣ задумчиво замерли легкія облака, еще розовыя отъ заката. Шумъ понемногу стихаетъ; люди, изможенные хлопотами и зноемъ дня, укладываются спать на воздухѣ и подъ возами. Тяжело дышатъ волы, пережевывая сѣно, фыркаютъ лошади.

Теперь уже всѣ звуки разрознены и ясно слышны, они и не сливаются въ тотъ гулъ, что оглушалъ и опьянялъ въ теченіе дня. Вотъ раздается торжественная музыка. Около слѣпого, играющаго на фисгармоникѣ, толпа молчаливыхъ людей стоитъ безъ шапокъ и благоговѣйно слушаетъ музыку

— Господа, симъ восхва-а-лимъ и возблагодаримъ Творца на-а-шего, — поетъ слѣпой, аккомпанируя себѣ на звучномъ инструментѣ. Густыя и успокоивающія ноты печально вьются въ воздухѣ надъ головами молитвенно настроенныхъ людей, покрытыхъ пòтомъ и пылью. Иные шепчутъ что-то — видно, какъ шевелятся ихъ губы, иные вздыхаютъ... Большинство нѣмо, неподвижно и глубоко-серьезно.

А со стороны погоста несется удалая пѣсня, исполняемая могучимъ хоромъ молодыхъ голосовъ. Гей-гей! — гремитъ припѣвъ.

Слышно, что эта пѣсня складывалась въ широкой степи, верхомъ на коняхъ, во время похода, старыми свободолюбивыми „лыцарями“, проливавшими свою бурную и горячую кровь „за віру христьянску, та вольності казачи“...

— Пойте славу Бога нашег-о-о... яко Онъ Творецъ міра и прибѣжище человѣ-е-ковъ, въ Немъ же обрящемъ упокоеніе... — поетъ и играетъ слѣпой.

Ночь идетъ.

Кое-гдѣ уже вспыхнули огоньки костровъ, и вокругъ нихъ видны фигуры людей, красноватыя въ блескѣ огня. Пріятной свѣжестью вѣетъ съ луговъ, гдѣ Шелъ, темный, красивый и быстрый, стремительно спѣшитъ къ Днѣпру и съ нимъ — въ море. Вспыхиваютъ звѣзды.

Ночь идетъ.

1897.

ЗАЗУБРИНА.

... Круглое окно моей камеры выходило на тюремный дворъ Оно было очень высоко отъ пола, но, приставивъ къ стѣнѣ столъ и влѣзая на него, я могъ видѣть все, что дѣлалось на дворѣ. Надъ окномъ подъ навѣсомъ крыши голуби устроили себѣ гнѣздо, и когда я, бывало, смотрѣлъ изъ окна внизъ на дворъ, они ворковали надъ моей головой.

У меня было достаточно времени для того, чтобы съ моего возвышеннаго пункта ознакомиться съ населеніемъ тюрьмы, и я зналъ, что самый веселый человѣкъ среди ея угрюмаго и сѣраго населенія назывался — Зазубрина.

Это былъ коренастый и толстый малый, съ краснымъ лицомъ и высокимъ лбомъ, изъ-подъ котораго всегда оживленно сверкали большіе, свѣтлые глаза.

Шапку свою онъ носилъ на затылкѣ, уши торчали на его бритой головѣ какъ-то смѣшно; тесемки ворота рубахи онъ никогда не завязывалъ, курточку не застегивалъ, и каждое движеніе его мышцъ давало понять въ немъ душу, неспособную къ унынію и озлобленію.

Всегда хохотавшій, подвижной и шумный, онъ былъ кумиромъ тюрьмы; его всегда окружала толпа сѣрыхъ товарищей, и онъ смѣшилъ и развлекалъ ее разными курьезными выходками, скрашивая своимъ искреннимъ весельемъ тусклую и скучную жизнь...

Однажды онъ явился изъ камеры на прогулку съ тремя крысами, хитро запряженными въ бечевки. Зазубрина бѣгалъ за ними по двору, крича, что онъ ѣдетъ на тройкѣ; крысы, обезумѣвъ отъ его криковъ, метались во всѣ стороны, а арестанты-зрители хохотали, какъ дѣти, глядя на этого толстаго человѣка и его тройку.

Онъ, очевидно, считалъ себя существующимъ исключительно для увеселенія людей и, чтобъ достичь этого, не брез-

говалъ ничѣмъ. Иногда его изобрѣтательность принимала жестокія формы: такъ, напримѣръ, однажды онъ приклеилъ чѣмъ-то къ стѣнѣ волосы мальчика-арестанта, дремавшаго сидя на землѣ у этой стѣны, и потомъ, когда волосы присохли, внезапно разбудилъ его. Мальчикъ быстро вскочилъ на ноги и, схватившись тонкими и худыми руками за голову, съ плачемъ упалъ на землю. Арестанты хохотали, и Зазубрина былъ доволенъ. Послѣ, — я видѣлъ это изъ окна, — онъ приласкалъ мальчика, оставившаго на стѣнѣ порядочный клокъ своихъ волосъ...

Кромѣ Зазубрины, въ тюрьмѣ былъ еще одинъ фаворитъ — рыжый и толстый котенокъ, маленькое, избалованное всѣми, игривое животное. Выходя на прогулку, арестанты каждый разъ отыскивали его гдѣ-то и подолгу возились съ нимъ, передавая его съ рукъ на руки, бѣгая по двору за нимъ и позволяя ему царапать ихъ руки и рожи, оживленныя этой игрой съ баловнемъ.

Когда на сцену являлся котенокъ, онъ отвлекалъ вниманіе отъ Зазубрины, и послѣдній не могъ быть доволенъ этимъ предпочтеніемъ. Зазубрина былъ въ душѣ артистъ и, какъ артистъ, онъ былъ непомѣрно таланту самолюбивъ. Когда его публика увлекалась котенкомъ, онъ оставался одинъ, садился на дворѣ гдѣ-нибудь въ уголкѣ и оттуда слѣдилъ за товарищами, забывавшими его въ эти минуты. А я изъ своего окна слѣдилъ за нимъ и чувствовалъ все то, чѣмъ полна была душа его въ эти моменты. Мнѣ казалось неизбѣжнымъ, что Зазубрина убьетъ котенка при первомъ же удобномъ случаѣ, и мнѣ было жалко веселаго арестанта. Стремленіе человѣка быть центромъ общаго вниманія людей — пагубно для него, ибо ничто не умерщвляетъ душу такъ быстро, какъ жажда нравиться людямъ.

Когда сидишь въ тюрьмѣ — даже жизнь грибковъ плѣсени на ея стѣнахъ кажется интересной; понятно поэтому то вниманіе, съ которымъ я слѣдилъ изъ окна за маленькой драмой внизу, за этой ревностью человѣка къ котенку, и понятно то нетерпѣніе, съ какимъ я ждалъ развязки. Она наступила и разыгралась. Это было такъ.

Однажды въ яркій солнечный день, когда арестанты высыпали изъ камеръ во дворъ, Зазубрина увидалъ въ углу двора ведро зеленой краски, оставленное малярами, красившими крыши тюрьмы. Онъ подошелъ къ нему, подумалъ надъ нимъ и, окунувъ палецъ въ краску, выкрасилъ себѣ усы въ зеленый цвѣтъ. Эти зеленые усы на его красной рожѣ возбудили общій хохотъ. Какой-то подростокъ захотѣлъ воспользоваться идеей

Зазубрины и тоже сталъ-было раскрашивать себѣ верхнюю губу, но Зазубрина, обмакнувъ руку въ ведро, ловко смазалъ ему всю физіономію. Подростокъ фыркалъ и моталъ головой, Зазубрина приплясывалъ вокругъ него, а публика хохотала, поощряя своего забавника одобрительными возгласами.

Какъ разъ въ этотъ моментъ на дворѣ явился рыжій котенокъ. Онъ шелъ по двору, не торопясь и граціозно поднимая лапки, поводилъ поднятымъ кверху хвостомъ и нимало, очевидно, не боялся попасть подъ ноги толпы, бѣсновавшейся вокругъ Забубрины и окрашеннаго имъ подростка, усиленно растиравшаго по лицу ладонями липкую смѣсь масла и мѣдянки.

— Братцы! — воскликнулъ кто-то. — Мишка пришелъ!

— А! плутишка Мишка!

— Рыжій! Кисанька!

Котенка схватили, и онъ переходилъ съ рукъ на руки, всѣми ласкаемый.

— Ишь, наѣлся! Брюхо-то какое толстое!

— Вѣдь какъ онъ растетъ быстро!

— Царапается, чертенокъ!

— Пусти его! Пущай самъ прыгаетъ...

— Ну, я подставлю спину... Прыгай, Мишка!

Около Зазубрины было пусто. Онъ стоялъ одинъ, стирая пальцами краску съ усовъ, и поглядывалъ на котенка, прыгавшаго по плечамъ и спинамъ арестантовъ. Это всѣхъ очень забавляло, и смѣхъ звучалъ непрерывно.

— Братцы! давайте выкрасимъ кота! — раздался голосъ Зазубрины. Онъ такъ звучалъ, точно Зазубрина, предлагая эту забаву, вмѣстѣ съ тѣмъ и просилъ согласиться на нее.

Толпа арестантовъ зашумѣла.

— Д'ыть онъ съ того подохнетъ! — заявилъ кто-то.

— Съ краски-то? Скаа-залъ!

— Валяй, Зазубрина! Крась живо!

Широкоплечій малый, съ огненно-рыжей бородой, воскликнулъ одушевленно:

— И придумалъ же, сатана, этакую штуку!

Зазубрина уже держалъ котенка въ рукахъ и шелъ съ нимъ къ ведру съ краской.

Поо-смотрите, братцы, во-отъ...

пѣлъ Зазубрина:

Красится рыжій котъ
Въ зеленую краску:
Д'воспляшемте пляску.

Грянулъ взрывъ хохота, и, подкимая бока, арестанты раздались, — мнѣ видно было, какъ Зазубрина, держа котенка за хвостъ, окунулъ его въ ведро и приплясывая, пѣлъ:

Постой, не мяучь,
Отца крестнаго не мучь!

Хохотъ разгорался. Кто-то тонкимъ голосомъ визжалъ:

— О-ой-й! Ой, Іюда косопузая!

— А, ба-атюшки! — стоналъ другой.

Захлебывались смѣхомъ, задыхались отъ него; онъ кривилъ тѣла этихъ людей, сгибалъ ихъ, сотрясалъ и грохоталъ въ воздухѣ — могучій, беззаботный, все возрастая и доходя почти до истерики. Изъ оконъ женскаго корпуса смотрѣли на дворъ улыбавшіяся лица въ бѣлыхъ платочкахъ. Надзиратель, прижавшись спиной къ стѣнѣ, выпятилъ свой толстый животъ и, поддерживая его руками, пускалъ изъ себя залпами густой, басовитый, душившій его хохотъ.

Смѣхъ разбросалъ людей во всѣ стороны около ведра. Выкидывая ногами удивительныя штуки, ходилъ вприсядку Зазубрина, подпѣвая себѣ:

Ай жись-то весела!
Да кошка сѣрая жила,
А сынъ ея, рыжій котъ,
Нынче зелено живетъ!

— Бу-удитъ, чортъ те подери! — стоная, воскликнулъ огненно-рыжій бородачъ.

Но Зазубрина былъ въ ударѣ. Вокругъ него гремѣлъ безумный смѣхъ сѣрыхъ людей, и Зазубрина зналъ, что это онъ именно заставляетъ всѣхъ такъ смѣяться. Въ каждомъ его жестѣ, въ каждой гримасѣ его подвижного шутовского лица ясно проглядывало это сознаніе, и все его тѣло подергивалось отъ наслажденія торжествомъ. Онъ держалъ котенка уже за голову и, смахивая съ его шерсти избытокъ краски, въ экстазѣ артиста, сознающаго свою побѣду надъ толпой, не уставая, танцовалъ и импровизировалъ:

Родненькіе братцы,
Поглядите въ святцы:
Коту имя надо дать,
Дужъ и какъ намъ его звать?

Все смѣялось вокругъ обуянной безумнымъ весельемъ толпы арестантовъ; смѣялось солнце на стеклахъ оконъ съ желѣзными рѣшетками; улыбалось синее небо надъ дворомъ тюрьмы, и даже ея старыя, грязныя стѣны какъ будто улыбались улыбкой существъ, которыя должны подавлять въ себѣ веселье, какъ бы оно ни бушевало въ нихъ. Изъ-за рѣшетокъ оконъ

въ женскомъ отдѣленіи смотрѣли на дворъ лица женщинъ; онѣ тоже смѣялись, и зубы ихъ блестѣли на солнцѣ. Все вокругъ какъ-то переродилось, сбросило съ себя скучный сѣрый тонъ, наводившій тоску и уныніе, и ожило, пропитанное этимъ очищающимъ смѣхомъ, который, какъ солнце, даже и грязь заставляетъ быть болѣе приличной.

Положивъ зеленаго котенка на траву, островки которой, пробиваясь между камнями, пестрили тюремный дворъ, Зазубрина, возбужденный, задыхавшійся и потный, все исполнялъ свой дикій танецъ

Но смѣхъ уже гасъ. Его было чрезмѣрно много, и онъ утомилъ людей. Кое-кто еще истерически взвизгивалъ, нѣкоторые продолжали хохотать, но уже съ паузами... Наконецъ явились моменты, когда всѣ молчали, кромѣ напѣвавшаго плясовую Зазубрины и котенка, который тихо и жалобно мяукалъ, ползая по травѣ. Онъ почти не отличался отъ нея цвѣтомъ и, — должно-быть, краска ослѣпила его, связала его движенія, — большеголовый, склизкій, онъ безсмысленно ползалъ на дрожащихъ лапкахъ, останавливался, точно приклеиваясь къ травѣ, и все мяукалъ...

Погляди, народъ крещеный!
Ищетъ мѣста котъ зеленый,
Бывшій рыжій Мишка-котъ—
Себѣ мѣста не найдетъ!

комментировалъ Зазубрина движенія котенка.

— Ишь ты, собака, ловко какъ!—сказалъ рыжій дѣтина. Публика смотрѣла на своего артиста пресыщенными глазами.

— Мяукаитъ!—заявилъ подростокъ-арестантъ, кивая головой на котенка, и посмотрѣлъ на товарищей. Они, наблюдая за котенкомъ, молчали.

— Что же, онъ на всю жизнь зеленымъ останется?—спросилъ подростокъ.

— А сколько ему жизни? — заговорилъ сѣдой и высокій арестантъ, садясь на корточки около Мишки.—Вотъ онъ подсохнетъ на солнцѣ, шерсть-то склеится у него, онъ и сдохнетъ...

А котенокъ раздирающе мяукалъ, вызывая реакцію въ настроеніи арестантовъ.

— Сдохнетъ?—спросилъ подростокъ.—А ежели бы вымыть его?

Никто не отвѣчалъ ему. Маленькій, зеленый комокъ возился у ногъ этихъ грубыхъ людей и былъ жалокъ въ свей безпомощности.

— Ф-фу! упарился я!—воскликнулъ Зазубрина, бросаясь на землю. На него не обратили вниманія.

Подростокъ подвинулся къ котенку и взялъ его въ руки, но тотчасъ же положилъ на траву, заявивъ:

— Горячій весь...

Потомъ онъ осмотрѣлъ товарищей и жалобно проговорилъ:

— Вотъ-те и Мишка! И не будетъ у насъ Мишки-то! Пошто убили животную? Тоже...

— Ну, чай, поправится,—сказалъ рыжій. Зеленое безобразное существо все ползало по травѣ, двадцать паръ глазъ слѣдили за нимъ, и уже ни на одномъ лицѣ не было и тѣни улыбки. Всѣ были угрюмы, всѣ молчали и всѣ стали такъ же жалки, какъ этотъ котенокъ, точно онъ сообщилъ имъ свое страданіе и они почувствовали его боль.

— Оправится!—усмѣхнулся подростокъ, возвышая голосъ.— Тоже... Былъ Мишка... любили его всѣ... За что мучаете? Убить бы, что ли...

— А кто все?—злобно крикнулъ рыжій арестантъ.—Вонъ онъ, дьяволъ затѣйникъ!

— Ну,—сказалъ Зазубрина примиряюще,—чай, всѣ вмѣстѣ рѣшились!

И онъ съежился, точно отъ холода.

— Всѣ вмѣстѣ!—передразнилъ его подростокъ...—Тоже! Ты одинъ виноватъ... да!

— А ты, теленокъ, не мычи,—миролюбиво посовѣтовалъ Зазубрина.

Сѣдой старикъ взялъ котенка на руки и, тщательно осмотрѣвъ его, посовѣтовалъ:

— Ежели его въ керосинѣ искупать, смоется краска!

— А по-моему, взять его за хвостъ и черезъ стѣнку кинуть,—сказалъ Зазубрина и, усмѣхаясь, добавилъ:—Самое простое дѣло!

— Что-о?—взревѣлъ рыжій.—А ежели я тебя самого этакъ-то? Хочешь?

— Дьяволъ!—вскричалъ подростокъ и, выхвативъ котенка изъ рукъ старика, бросился куда-то. Старикъ и еще нѣсколько человѣкъ пошли за нимъ.

Тогда Зазубрина остался одинъ въ кругу людей, смотрѣвшихъ на него злыми и угрюмыми глазами. Они какъ бы ждали отъ него чего-то.

— Вѣдь я же не одинъ, братцы!—жалобно сказалъ Зазубрина.

— Молчи!—крикнулъ рыжій, оглядывая дворъ,—не одинъ! А кто еще?

— Да вѣдь всѣ!—звонко вырвалось у потѣшника.

— У, собака!

Рыжій ткнулъ его кулакомъ въ зубы. Артистъ отшатнулся назадъ, но тамъ его встрѣтилъ подзатыльникъ.

— Братцы...—взмолился онъ тоскливо. Но его братцы видѣли, что двое надзирателей далеко отъ нихъ, и, обступивъ своего фаворита тѣсной толпой, нѣсколькими ударами сбили его съ ногъ. Издали ихъ тѣсную группу можно было принять за компанію, которая оживленно бесѣдовала. Окруженный и скрытый ими, Зазубрина лежалъ у ихъ ногъ. Раздавались изрѣдка глухіе звуки: били ногами по ребрамъ Зазубрины, били не торопясь, безъ озлобленія, выжидая, когда извивавшійся ужомъ человѣкъ откроетъ удару ноги какое-нибудь особенно удобное мѣсто.

Минуты три продолжалось это. Вдругъ раздался голосъ надзирателя:

— Эй, вы, черти! Знай краи, да не падай!

Арестанты прекратили истязаніе не вдругъ. Одинъ по одному расходились они отъ Зазубрины, и каждый, уходя, прощался съ нимъ пинкомъ ноги.

Когда же они разошлись, онъ остался лежать на землѣ. Лежалъ онъ грудью внизъ, плечи у него дрожали—должно-быть, плакалъ,—онъ все кашлялъ и отхаркивался. Потомъ онъ осторожно, точно боясь разсыпаться, началъ подниматься съ земли, уперся лѣвой рукой въ нее, потомъ подогнулъ одну ногу и, завывъ, какъ больная собака, сѣлъ на землѣ.

— Притворяйся!—крикнулъ грозно рыжій. Зазубрина метнулся на землѣ и быстро всталъ на ноги.

Потомъ, шатаясь, онъ направился къ одной изъ стѣнъ тюрьмы. Одна рука у него была прижата къ груди, другую онъ простиралъ впередъ. Вотъ онъ уперся ею въ стѣну и, ставъ, наклонилъ свою голову къ землѣ. Онъ кашлялъ...

Я видѣлъ, какъ на землю падали темныя капли; отлично видно было, какъ онѣ мелькали на сѣромъ фонѣ тюремной стѣны.

И, чтобы не запачкать своей кровью казеннаго зданія, Зазубрина всячески старался лить ее на землю такъ, чтобъ ни одна капля ея не попала на стѣну.

Надъ нимъ смѣялись...

Котенокъ исчезъ съ той поры. И Зазубрина уже ни съ кѣмъ не дѣлилъ вниманія обитателей тюрьмы.

1897.

СКУКИ РАДИ.

...Извергая клубы тяжелаго, сѣраго дыма, пассажирскій поѣздъ, какъ огромное пресмыкающееся, исчезалъ въ степной дали, въ желтомъ морѣ хлѣбовъ. Вмѣстѣ съ дымомъ поѣзда въ знойномъ воздухѣ таялъ сердитый шумъ, нарушавшій въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ равнодушное молчаніе широкой и пустынной равнины, среди которой маленькая желѣзнодорожная станція возбуждала своимъ одиночествомъ чувство грусти.

И когда глухой, но жизненный шумъ поѣзда разсѣялся и замеръ подъ яснымъ куполомъ безоблачнаго неба, вокругъ станціи снова воцарилась угнетающая тишина, и съ нею унылое однообразіе степи увеличилось.

Степь была золотисто-желтая, небо—ярко-голубое. И та и другое были необъятно-велики; коричневыя постройки станціи, брошенной среди нихъ, производили впечатлѣніе случайнаго мазка, портившаго центръ меланхолической картины, трудолюбиво написанной художникомъ, лишеннымъ фантазіи и вдохновенія.

Ежедневно въ 12 дня и въ 4 пополудни къ станціи приходятъ изъ степи поѣзда и стоятъ по двѣ минуты. Эти четыре минуты—главное и единственное развлеченіе станціи: онѣ приносятъ съ собой впечатлѣнія ея служащимъ.

Въ каждомъ поѣздѣ толпа разнообразныхъ людей, разнообразно одѣтыхъ. Они являются на мигъ; въ окнахъ вагоновъ мелькнутъ ихъ утомленныя, нетерпѣливыя, равнодушныя лица — звонокъ, свистки—и съ грохотомъ, возбуждающимъ нервы, они уносятся въ степь, вдаль, въ города, гдѣ кипитъ шумная жизнь.

Служащимъ станціи, скучающимъ въ своемъ одиночествѣ, любопытно видѣть эти лица, и, проводивъ поѣздъ, они дѣлятся другъ съ другомъ наблюденіями, схваченными налету. Во-

кругъ нихъ лежитъ молчаливая степь и надъ ними равнодушное небо, а въ ихъ сердцахъ смутная зависть къ тѣмъ людямъ, которые ежедневно куда-то стремятся мимо нихъ, тогда какъ они остаются, заключенные въ пустынѣ, живя какъ бы внѣ жизни и имѣя возможность видѣть людей только въ продолженіе четырехъ минутъ.

И вотъ, проводивъ поѣздъ, они стоятъ на перронѣ станціи, провожая глазами черную ленту, исчезающую въ золотомъ морѣ хлѣба, и молчатъ подъ впечатлѣніемъ жизни, пролетѣвшей мимо нихъ.

Они почти всѣ тутъ: начальникъ станціи—добродушный и полный блондинъ съ большими казацкими усами; его помощникъ — рыжеватый молодой человѣкъ съ острой бородкой; станціонный сторожъ Лука—маленькій, юркій и хитрый, и одинъ изъ стрѣлочниковъ—Гомозовъ, плотный, широкобородый, молчаливый мужикъ, съ лицомъ серьезнымъ и сытымъ.

На скамьѣ у двери станціи сидитъ жена начальника, маленькая и толстая женщина, сильно страдающая отъ жары. На колѣняхъ у нея спитъ ребенокъ, и лицо у него такое же пухлое и красное, какъ у матери.

Поѣздъ скрывается подъ уклономъ, и кажется, что онъ зарылся въ землю.

Тогда начальникъ станціи говоритъ, обращаясь къ женѣ:

— А что̀, Соня, самоваръ готовъ?

— Конечно,—лѣниво и тихо отвѣчаетъ она.

— Лука! Ты тутъ, тово... подмети полотно и перронъ... видишь—сколько нашвыряли всякой всячины...

— Я знаю, Матвѣй Егоровичъ...

— Да... ну что̀ же? Будемъ чай пить, Николай Петровичъ?

— По обыкновенію...—говоритъ помощникъ.

А послѣ провода дневного поѣзда Матвѣй Егоровичъ спрашивалъ жену:

— А что̀, Соня, обѣдъ готовъ?

Потомъ онъ отдаетъ приказаніе Лукѣ, всегда одно и то же; приглашаетъ помощника, который столуется у нихъ:

— Ну что̀ же? Будемъ обѣдать?

А помощникъ резонно отвѣчаетъ ему:

— Какъ всегда...

Уходятъ съ перрона въ комнату, гдѣ много цвѣтовъ и мало мебели, гдѣ пахнетъ кухней и пеленками, и тамъ, вокругъ стола разговариваютъ о томъ, что̀ промелькнуло мимо нихъ.

— Замѣтили, Николай Петровичъ, во второмъ классѣ брюнеточку въ желтомъ? Ядовитая штукенція!..

— Недурна, но одѣта безвкусно...—отвѣчаетъ помощникъ.

Онъ всегда говоритъ кратко и увѣренно, потому что считаетъ себя человѣкомъ, знающимъ жизнь и образованнымъ. Онъ кончилъ гимназію. У него есть тетрадка въ черномъ коленкорѣ; онъ записываетъ въ нее разныя изреченія знаменитостей, вылавливая ихъ изъ фельетоновъ газетъ и книгъ, случайно попадающихъ въ его руки. Начальникъ безспорно признаётъ его авторитетъ во всемъ, что не касается службы, и слушаетъ его внимательно. Особенно ему нравятся премудрости изъ тетрадки Николая Петровича, и онъ всегда простодушно восхищается ими. Замѣчаніе помощника о костюмѣ брюнетки вызываетъ у Матвѣя Егоровича вопросъ:

— Развѣ желтое не къ лицу брюнеткамъ?

— Я говорю о фасонѣ, а не о цвѣтѣ,—объясняетъ Николай Петровичъ, аккуратно накладывая варенье изъ стеклянной вазы себѣ на блюдечко.

— Фасонъ—это другое дѣло...—соглашается начальникъ.

Въ разговоръ вступаетъ его жена, потому что эта тема близка и понятна ей. Но такъ какъ умы этихъ людей мало изощрены—разговоръ тянется медленно и рѣдко волнуетъ ихъ чувства.

А въ окно смотритъ степь, очарованная молчаніемъ, и небо, важное въ своемъ великолѣпномъ спокойствіи.

Почти каждый часъ являются товарные поѣзда; но прислуга, сопровождающая ихъ, давно знакома. Всѣ эти кондуктора—люди полусонные, подавленные скучной ѣздой по степи. Впрочемъ, иногда они разсказываютъ о происшествіяхъ на линіи: на такой-то верстѣ раздавили человѣка; или говорятъ о новостяхъ по службѣ: тотъ оштрафованъ, этотъ переведенъ. Эти новости не обсуждаются—ихъ пожираютъ, какъ лакомки пожираютъ вкусное и рѣдкое блюдо

А солнце медленно сползаетъ съ неба на край степи, и когда оно тамъ почти коснется земли, то становится багровымъ. На степь ложится красноватое освѣщеніе, возбуждающее тоскливое чувство неудовлетворенности, смутное влеченіе куда-то вдаль, вонъ изъ этой пустоты. Потомъ солнце прикасается краемъ къ землѣ и лѣниво уходитъ въ нее или за нее. Въ небѣ еще долго послѣ него тихо играетъ музыка яркихъ цвѣтовъ вечерней зари, но она все блѣднѣетъ, и наступаютъ сумерки, теплыя и молчаливыя. Вспыхиваютъ звѣзды и трепещутъ въ небѣ, точно испуганныя скукой на землѣ.

Въ сумеркахъ степь суживается; на станцію со всѣхъ сторонъ безшумно ползетъ тьма ночи. И вотъ приходитъ ночь, черная и угрюмая.

На станціи зажигаютъ огни; ярче и выше всѣхъ ихъ зеленоватый огонь семафора. Вокругъ него тьма и молчаніе.

Порой раздается звонокъ,—повѣстка къ поѣзду; торопливый звукъ колокола несется въ степь и быстро тонетъ въ ней.

Вскорѣ послѣ звонка изъ темной дали выбѣгаетъ красный сверкающій огонь, и тишина въ степи содрогается отъ глухого грохота поѣзда, идущаго къ одинокой станціи, окруженной тьмой.

Низшій слой маленькаго общества на станціи живетъ нѣсколько иначе, чѣмъ аристократія. Сторожъ Лука вѣчно борется съ желаніемъ сбѣгать къ женѣ и брату въ деревню за семь верстъ отъ станціи. Тамъ у него хозяйство, какъ онъ говоритъ Гомозову, когда проситъ этого молчаливаго и степеннаго стрѣлочника „подежурить“ на станціи.

При словѣ „хозяйство“ Гомозовъ всегда тяжело вздыхаетъ и говоритъ Лукѣ:

— Что̀ жъ, поди. Хозяйство требуетъ присмотра, это вѣрно...

А другой стрѣлочникъ, Аѳанасій Ягодка, старый солдатъ съ круглымъ, краснымъ лицомъ въ сѣдой щетинѣ, человѣкъ насмѣшливый и злобный, не вѣритъ Лукѣ.

— Хозяйство!—восклицаетъ онъ, усмѣхаясь.—Жена!.. Понимаю я, что̀ оно такое... Жена-то у тебя вдова, что ли? Али солдатка?

— Ахъ, ты, птичій губернаторъ!—презрительно откликается Лука.

Онъ зоветъ Ягодку птичьимъ губернаторомъ за то, что старый солдатъ страстно любитъ птицъ. Вся будка у него, и внутри и снаружи, увѣшана клѣтками и садками; въ ней, какъ и вокругъ нея, цѣлый день, не смолкая, раздается птичій гамъ. Плѣненные солдатомъ перепела неустанно кричатъ свое однообразное „подьполоть“, скворцы бормочутъ длинныя рѣчи, разноцвѣтныя маленькія птички неустанно щебечутъ, свистятъ и поютъ, услаждая одинокую жизнь солдата. Онъ возится съ ними все свое свободное время и, относясь къ нимъ ласково и заботливо, не обнаруживаетъ никакого интереса къ товарищамъ. Луку онъ зоветъ ужомъ, Гомозова—кацапомъ и, не стѣсняясь, говоритъ имъ въ глаза, что оба они „бабьи прихвостни“, и что слѣдовало бы за это бить ихъ.

Лука на его слова мало обращаетъ вниманія, но если солдату удастся раздражить его, Лука долго и ѣдко ругаетъ его:

— Гарниза ты сѣрая, крысиный объѣдокъ! Что̀ ты можешь

понимать, отставной козы барабанщикъ? Гонялъ ты всю свою жизнь лягушекъ изъ-подъ пушекъ да полковую капусту караулилъ... твое ли дѣло разсуждать? Пошелъ къ перепеламъ, ими и командуй, птичій командиръ!

Ягодка, спокойно выслушавъ ругательства сторожа, шелъ жаловаться на него начальнику станціи, а тотъ кричалъ, чтобы къ нему не лѣзли съ пустяками, и гналъ солдата прочь. Тогда Ягодка находилъ Луку и уже самъ начиналъ ругать его—не горячась, спокойно, тяжеловѣсными и скверными словами, отъ которыхъ Лука скоро убѣгалъ, отплевываясь.

Гомозовъ на обличенія солдата отвѣчалъ вздохами и сконфуженно оправдывался.

— Что подѣлаешь? Ничего не подѣлаешь съ этимъ... Конечно... баловство это... но, между прочимъ, не суди, да не осужденъ будешь...

Однажды солдатъ отвѣтилъ ему, усмѣхаясь:

— Заладила сорока Якова одно про всякаго! Не суди, не суди... а коли не судить другихъ, такъ людямъ не о чемъ и разговаривать...

Кромѣ жены начальника, на станціи была еще одна женщина—это кухарка. Звали ее Арина; ей было лѣтъ подъ сорокъ, и была она очень некрасива: коренастая, съ отвислыми грудями, всегда грязная и оборванная. Она ходила, переваливаясь съ ноги на ногу, и на ея рябомъ лицѣ блестѣли узкіе испуганные глазки, окруженные морщинами. Было что-то рабское, забитое въ ея нескладной фигурѣ, и толстыя губы ея постоянно складывались такъ, точно она хотѣла просить прощенія у всѣхъ людей, валяться въ ногахъ у нихъ и не смѣла плакать. Гомозовъ прожилъ на станціи восемь мѣсяцевъ, не обращая особеннаго вниманія на Арину; встрѣчаясь съ нею, онъ говорилъ ей: „здорово!“. Она отвѣчала ему тѣмъ же, перекидывались двумя-тремя фразами и затѣмъ расходились, каждый въ свою сторону. Но однажды Гомозовъ пришелъ въ кухню начальника станціи и предложилъ Аринѣ сшить ему рубахъ. Она согласилась и, сшивъ рубахи, зачѣмъ-то сама понесла къ нему.

— Вотъ и спасибо!—сказалъ Гомозовъ.—Три рубахи, по гривеннику штука, стало-быть—тридцать копеекъ слѣдуетъ тебѣ... Вѣрно?

— Да ужъ такъ...—отвѣтила Арина

Гомозовъ задумался и долго молчалъ.

— А ты какой губерніи?—спросилъ онъ наконецъ женщину, все время смотрѣвшую на его бороду.

— Рязанской...—сказала она.

— Издалека! А сюда какъ же попала?

— А такъ... одна я... одинокая...

— Отъ этого и дальше можно зайти...—вздохнулъ Гомозовъ.

И снова они долго молчали.

— Вотъ и я тоже. Нижегородскіи я, Сергачскаго уѣзда...—заговорилъ Гомозовъ.—Вотъ и я тоже одинъ, весь тутъ. А было у меня хозяйство, жена тоже была... дѣти—двое. Жена умерла въ холеру, а дѣти просто такъ... А я того... замотался съ горя. Да-а... Потомъ пробовалъ опять устроиться—анъ нѣтъ, развинтилась машина, не работаетъ. Ну и пошелъ... на сторону, стало-быть, со своей дороги... вотъ и бьюсь третій годъ ужъ...

— Плохо, когда нѣтъ своего гнѣзда,—тихо сказала Арина.

— Еще бы!.. Ты вдовая, что ли?

— Дѣвка...

— Гдѣ ужъ, чай!—откровенно усомнился Гомозовъ.

— Ей-Богу, дѣвка,—увѣрила его Арина.

— Что̀ же замужъ не вышла?

— Кто возьметъ меня? Безо всего я... кому корысть... да и съ лица некрасивая...

— Да-а... — задумчиво протянулъ Гомозовъ и, поглаживая бороду, сталъ пытливо смотрѣть на нее. Потомъ справился, сколько она получаетъ жалованья.

— Два съ полтиной..

— Такъ. Ну... значитъ, тридцать копеекъ тебѣ съ меня? Вотъ что̀... ты приди-ка вечеромъ за ними... часовъ этакъ въ десять, а? Я тебѣ и отдамъ... чаю попьемъ, поговоримъ скуки ради... Оба мы одинокіе... приходи!

— Приду...—просто сказала она и ушла.

Потомъ, придя къ нему аккуратно въ десять часовъ вечера, ушла отъ него уже на разсвѣтѣ.

Гомозовъ больше не звалъ ея къ себѣ и тридцати копеекъ ей не отдавалъ. Она сама явилась къ нему, тупая и покорная, пришла и молча стала передъ нимъ. Онъ, лежа на койкѣ, посмотрѣлъ на нее и, подвинувшись къ стѣнѣ, сказалъ:

— Садись.

А когда она сѣла, объявилъ ей:

— Ты вотъ что̀—храни это въ секретѣ. Чтобы никто ни-ни! А то мнѣ будетъ нехорошо... я не молоденькій, да и ты тоже... Понимаешь?

Она утвердительно кивнула головой.

Провожая ее, онъ далъ ей свою одежду для починки и опять напомнилъ ей:

— Чтобы ни одна душа—ни-ни!

Такъ они и зажили, пряча отъ всѣхъ свою связь.

Арина прокрадывалась къ нему по ночамъ чуть не ползкомъ. Онъ принималъ ее снисходительно, съ видомъ властелина, и порой откровенно говорилъ ей:

— А и дурна же ты съ лица!

Она молча улыбалась ему блѣдной и виноватой улыбкой и, уходя отъ него, почти всегда уносила съ собой какую-нибудь работу, данную имъ.

Видѣлись они не часто. Но иногда Гомозовъ, встрѣчая ее гдѣ-нибудь на станціи, вполголоса говорилъ ее:

— Приходи сегодня...

И она покорно являлась къ нему съ такимъ серьезнымъ выраженіемъ на своемъ рябомъ лицѣ, какъ будто пришла затѣмъ, чтобы выполнить долгъ, важность котораго стала понятна ей.

А когда шла домой, то на лицѣ ея уже снова была обычная ему мертвая мина виновности и испуга.

Порой она, остановясь гдѣ-нибудь въ уголкѣ или за деревомъ, подолгу смотрѣла въ степь. Тамъ царила ночь, и отъ суроваго молчанія ея на сердцѣ становилось жутко.

Однажды, проводивъ вечерній поѣздъ, станціонное начальство устроило чаепитіе въ саду передъ окнами квартиры Матвѣя Егоровича, въ густой тѣни тополей.

Въ жаркіе дни они часто дѣлали такъ,—это все-таки вносило нѣкоторое разнообразіе въ монотонность ихъ жизни.

Пили чай и молчали, уже исчерпавъ всѣ впечатлѣнія, данныя поѣздомъ.

— А сегодня жарче вчерашняго, — сказалъ Матвѣй Егоровичъ, одной рукой передвигая пустой стаканъ женѣ, а другой отирая потъ съ лица.

Жена, принимая стаканъ, объявила:

— Это отъ скуки кажется, что жарче...

— Гм! Пожалуй... дѣйствительно... скучно жить! Вотъ карты хороши въ этомъ случаѣ... но насъ только трое..

Николай Петровичъ повелъ плечами и, прищуривъ глаза, отчетливо произнесъ:

— Карточная игра, по выраженію Шопенгауэра, есть банкротство всякой мысли.

— Ловко!—умилился Матвѣй Егоровичъ.—Какъ это? банкротство мысли... да-а! А кто сказалъ?

— Шопенгауэръ, нѣмецъ, философъ...

— Фи-илософъ? Мм...

— А что эти философы—въ университетахъ служатъ?—полюбопытствовала Софья Ивановна.

— Т.-е. какъ вамъ сказать? Это не чинъ, а... такъ сказать, природная способность... Философомъ можетъ быть всякій... кто родится съ привычкой думать и во всемъ искать начало и конецъ. Конечно, и въ университетахъ бываютъ философы... но они могутъ быть и просто такъ... даже служить на желѣзной дорогѣ.

— И много получаютъ тѣ, которые при университетахъ?

— Глядя по... уму...

— Но, если бы былъ четвертый—премило бы мы повинтили!—со вздохомъ сказалъ Матвѣй Егоровичъ.

И разговоръ оборвался.

Въ синемъ небѣ поютъ жаворонки, по тополямъ прыгаютъ съ вѣтки на вѣтку малиновки и тихо свистятъ. Въ комнатѣ плачетъ ребенокъ.

— Арина тамъ?—спрашиваетъ Матвѣй Егоровичъ.

— Конечно...—кратко отвѣчаетъ ему жена.

— Оригинальная баба эта Арина; вы замѣтьте, Николай Петровичъ...

— Оригинальность—первый оттискъ банальности, —какъ бы про-себя говоритъ Николай Петровичъ, имѣя видъ задумчивый и мыслящій.

— Какъ?—оживляется начальникъ.

И когда Николай Петровичъ вразумительно повторяетъ изреченіе, онъ сладко щуритъ глаза, а Софья Ивановна томнымъ голоскомъ говоритъ:

— Какъ вы хорошо помните то, что читали... а я вотъ прочитаю и на другой день, хоть убейте, ничего не помню... Вотъ недавно въ книжкѣ „Нива“ прочитала что-то такое интересное, такое забавное,—а что?—ни слова не помню!

— Привычка...—кратко объясняетъ Николай Петровичъ.

— Нѣтъ, это лучше этого... Какъ его? Шопенгауэра...—улыбаясь, говоритъ Матвѣй Егоровичъ.—Выходитъ, что все новое будетъ старымъ!

— И наоборотъ ибо одинъ поэтъ сказалъ: „да, экономна мудрость бытія: все новое въ ней шьется изъ старья“.

— Фу, ты, чортъ! Какъ это у васъ... точно изъ рѣшета сыплется!

Матвѣй Егоровичъ довольно смѣется, его жена мило улыбается, а Николай Петровичъ польщенъ и безуспѣшно хочетъ скрыть это.

— Кто это сказалъ насчетъ банальности-то?

— Барятинскій, поэтъ.

— А другое?

— Тоже поэтъ—Фофановъ.

— Ловкачи!—одобряетъ поэтовъ Матвѣй Егоровичъ и нараспѣвъ, съ улыбкой удовольствія на лицѣ, повторяетъ двустишье.

Скука какъ бы играетъ съ ними,—на минуту освободитъ ихъ отъ своихъ тѣсныхъ объятій и снова обниметъ. Тогда опять они молчатъ, отдуваясь отъ жары, увеличиваемой чаемъ.

Въ степи—только солнце.

— Да, такъ я заговорилъ объ Аринѣ...—вспоминаетъ Матвѣй Егоровичъ.—Странная эта баба, смотрю я на нее и удивляюсь. Точно ее пришибло чѣмъ-то, не смѣется она, не поетъ, говоритъ мало... пень какой-то! Но между тѣмъ она очень хорошо работаетъ и такъ, знаете, возится съ Лелей, такъ внимательна къ ребенку...

Онъ говоритъ тихо, не желая, чтобы Арина черезъ окно услыхала его слова. Онъ знаетъ, что нельзя хвалить прислугу, если не хочешь, чтобы она зазналась. Жена перебиваетъ его, многозначительно хмурясь:

— Ну, ужъ ты оставь... ты не все знаешь о ней.

„Любви раба,
Я такъ слаба
Въ борьбѣ съ тобой,
О, демонъ мой!“—

тихонько и речитативомъ напѣваетъ Николай Петровичъ, отбивая тактъ по столу ложкой. Онъ улыбается.

— Что̀, что̀ такое? Она... ну, ну, это вы ужъ врете оба!

И Матвѣй Егоровичъ громко хохочетъ. Щёки у него трясутся, и со лба быстро стекаютъ капельки пота.

— Это совсѣмъ даже не смѣшно! — останавливаетъ его жена.—Во-первыхъ, у нея на рукахъ ребенокъ; во-вторыхъ—видишь, хлѣбъ какой? Перекисъ, подгорѣлъ... А почему?

— Да-а, хлѣбъ, дѣйствительно, не того... нужно ей сдѣлать внушеніе! Но, ей-Богу! это... этого я не ожидалъ! Она вѣдь тѣсто! Ахъ, ты, чортъ возьми! Но онъ, кто онъ? Лукашка? Я жъ его высмѣю, стараго чорта! Или это Ягодка? А-а, бритая губа!

— Гомозовъ...—кратко говоритъ Николай Петровичъ.

— Ну-у? Такой степенный мужикъ? О-о? Да вы не того... не сочиняете, а?

Матвѣя Егоровича очень занимаетъ эта уморительная исторія. Онъ то хохочетъ съ увлажненными глазами, то серьезно говоритъ о необходимости сдѣлать влюбленнымъ строгое вну-

шеніе, потомъ представляетъ себѣ нѣжные разговоры между ними и снова оглушительно хохочетъ.

Наконецъ онъ увлекается. Тогда Николай Петровичъ дѣлаетъ строгое лицо, а Софья Ивановна круто обрываетъ мужа.

— Ахъ, черти! Ну и посмѣюсь же я надъ ними! Это интересно...—не унимается Матвѣй Егоровичъ.

Является Лука и докладываетъ:

— Телеграпъ стучитъ...

— Иду. Давай повѣстку 42-му.

Скоро онъ съ помощникомъ уходитъ на станцію, гдѣ Лука дробно отбиваетъ въ колоколъ повѣстку. Николай Петровичъ садится къ аппарату, запрашивая сосѣднюю станцію: „могу ли отправить поѣздъ № 42“, а его начальникъ ходитъ по конторѣ, улыбается и говоритъ:

— А мы съ вами вышутимъ ихъ, чертей... все-таки, скуки ради, посмѣемся хоть немного...

— Это позволительно...—соглашается Николай Петровичъ, дѣйствуя ключомъ аппарата.

Онъ знаетъ, что философъ долженъ выражаться лаконически.

Имъ очень скоро представилась возможность посмѣяться.

Какъ-то разъ ночью Гомозовъ пришелъ къ Аринѣ на погребъ, гдѣ она, по его приказанію и съ разрѣшенія начальницы, устроила себѣ постель среди различнаго хлама. Тутъ было сыро и прохладно, а изломанные стулья, кадки, доски и всякая рухлядь принимали въ темнотѣ пугающія очертанія; а когда Арина была одна среди нихъ—ей было до того страшно, что она почти не спала и, лежа на снопахъ соломы съ открытыми глазами, все шептала про-себя молитвы, извѣстныя ей.

Гомозовъ пришелъ, долго и молча мялъ и тискалъ ее, а когда усталъ, то заснулъ. Но скоро Арина разбудила его тревожнымъ шопотомъ:

— Тимоѳей Петровичъ! Тимоѳей Петровичъ!

— Ну?—сквозь сонъ спросилъ Гомозовъ.

— Заперли насъ...

— Какъ такъ?—спросилъ онъ, вскакивая.

— Подошли и... замкомъ...

— Врешь ты...—испуганно и гнѣвно шепнулъ онъ, отталкивая ее отъ себя.

— Погляди самъ,—покорно сказала она.

Онъ всталъ и, задѣвая за все, что встрѣчалось на пути, подошелъ къ двери, толкнулъ ее и, помолчавъ, угрюмо сказалъ

— Это солдатъ...

За дверью раздался ликующій хохотъ.

— Выпусти!—громко попросилъ Гомозовъ.

— Что?—раздался голосъ солдата.

— Выпусти, молъ...

— Утромъ выпустимъ,—сказалъ солдатъ и пошелъ прочь.

— Дежурство у меня, чортъ!—сердито и умоляюще крикнулъ Гомозовъ.

— Я подежурю... сиди, знай...

И солдатъ ушелъ.

— Ахъ, собака!—съ тоской прошепталъ стрѣлочникъ.—Погоди... запирать меня все-таки ты не можешь... Есть начальникъ... что ты ему скажешь? Онъ спроситъ—гдѣ Гомозовъ—а? Вотъ ты и отвѣчай ему тогда...

— Да это, поди-ка, начальникъ самъ и велѣлъ ему,—тихо и безнадежно сказала Арина.

— Начальникъ?—испуганно переспросилъ Гомозовъ.—Зачѣмъ же это ему?—И, помолчавъ, онъ крикнулъ ей:—Врешь ты!

Она отвѣтила тяжелымъ вздохомъ.

— Что же это будетъ?—спросилъ стрѣлочникъ, усаживаясь на кадку около двери.—Срамъ-то мнѣ какой! А все ты, уродина чортова, все ты это... у-у!

Сжавъ кулакъ, онъ погрозилъ въ сторону, откуда доносился звукъ ея дыханія. Она же молчала.

Сырая тьма окружила ихъ,—тьма, пропитанная запахомъ кислой капусты, плѣсени и еще чего-то остраго, щекотавшаго носъ. Въ дверь сквозь щели пробивались ленты луннаго свѣта. За дверьми грохоталъ товарный поѣздъ, уходившій со станціи.

— Что молчишь, кикимора?—заговорилъ Гомозовъ со злобой и презрѣніемъ.—Какъ теперь я буду? Надѣлала дѣловъ и молчишь? Думай, чортъ, что будемъ дѣлать? Куда отъ сраму мнѣ дѣваться? Ахъ, ты, Господи, Боже мой! На что я связался съ этакой!..

— Я прощенія попрошу,—тихо объявила Арина.

— Ну?

— Можетъ, простятъ...

— Да мнѣ что изъ этого? Ну, простятъ тебя, ну? Вѣдь срамъ-то на мнѣ останется или нѣтъ? Надо мной смѣяться-то будутъ?

Помолчавъ, онъ снова начиналъ укорять и ругать ее. А время шло жестоко-медленно. Наконецъ женщина съ дрожью въ голосѣ попросила его;

— Прости ты меня, Тимоѳей Петровичъ!

— Коломъ бы тебя по башкѣ простить!—зарычалъ онъ.

И опять наступило молчаніе, угрюмое, подавляющее, полное тупой боли и злобы для двухъ людей, заключенныхъ во тьмѣ.

— Господи! хоть бы свѣтало скорѣе,—тоскливо взмолилась Арина.

— Молчи ты... я те вотъ засвѣчу! — пригрозилъ ей Гомозовъ и снова началъ бросать въ нее тяжелыми укорами. Потомъ наступила пытка тишиной и молчаніемъ. А жестокость времени все увеличивалась съ приближеніемъ разсвѣта, точно каждая минута медлила исчезнуть, наслаждаясь смѣшнымъ, позорнымъ и тяжелымъ положеніемъ этихъ людей.

Гомозовъ задремалъ наконецъ и проснулся отъ крика пѣтуха, раздававшагося рядомъ съ погребомъ.

— Эй, ты... вѣдьма! Спишь?—глухо спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—тяжелымъ вздохомъ отвѣтила Арина

— А то бы заснула!—съ ироніей предложилъ стрѣлочникъ.—Эхъ, ты...

— Тимоѳей Петровичъ, — почти взвизгнувъ, воскликнула Арина,—не сердись ты на меня! Пожалѣй ты меня! Христомъ Богомъ прошу—пожалѣй! Одна вѣдь я, одна-то одинешенька! И ты мнѣ... родной ты мой—вѣдь ты мнѣ...

— Не вой, не смѣши людей-то!—строго остановилъ Гомозовъ истерическій шопотъ женщины, нѣсколько смягчавшій его.—Молчи ужъ... коли Богъ убилъ...

И снова они молча ждали каждой слѣдующей минуты. Не минуты шли, не принося имъ ничего. Вотъ наконецъ въ щеляхъ двери сверкнули лучи солнца и блестящими нитями прорѣзали тьму на погребѣ. Вскорѣ около погреба раздались шаги. Кто-то подошелъ къ двери, постоялъ и удалился.

— Мм-учители—замычалъ Гомозовъ и плюнулъ.

Снова ожиданіе, молчаливое и напряженное.

— Господи... помилуй...—прошептала Арина.

Какъ будто тихо подкрадываются къ погребу... Гремитъ замокъ, и раздается строгій голосъ начальника:

— Гомозовъ! Бери Арину за руку и выходи: ну, живо!..

— Иди ты!—вполголоса сказалъ Гомозовъ. Арина подошла и, опустивъ голову, стала рядомъ съ нимъ.

Двери отворились, передъ ней стоялъ начальникъ станціи. Онъ кланялся и говорилъ:

— Съ законнымъ бракомъ поздравляю! Пожалуйте! Музыка—играй!

Гомозовъ шагнулъ черезъ порогъ и остановился, оглушенный взрывомъ глупаго и нелѣпаго шума. За дверью стояли Лука, Ягодка и Николай Петровичъ.

Лука билъ кулакомъ по ведру и козлинымъ теноромъ оралъ что-то; солдатъ игралъ на своемъ рожкѣ, а Николай Петровичъ махалъ въ воздухѣ рукой и, надувъ щёки, дѣлалъ губами, какъ труба:

— Пумъ! Пумъ! Пумъ-пумъ-пумъ!

Ведро дребезжало, рожокъ вылъ и ревѣлъ. Матвѣй Егоровичъ хохоталъ, взявшись за бока. Хохоталъ и его помощникъ при видѣ Гомозова, растерянно стоявшаго передъ ними, съ сѣрымъ лицомъ и сконфуженной улыбкой на дрожащихъ губахъ. За нимъ неподвижно, точно каменная, стояла Арина, опустивъ голову низко на грудь.

„Тимоѳею да Орина
Сладки рѣчи говорила“...

пѣлъ Лука какую-то ерунду и строилъ Гомозову отвратительныя рожи. А солдатъ придвинулся къ Гомозову и, подставивъ рожокъ къ его уху, игралъ, игралъ.

— Ну, идите... ну... подъ руку бери ее!..—кричалъ начальникъ станціи, надрываясь отъ хохота. На крыльцѣ сидѣла жена и качалась изъ стороны въ сторону, визгливо вскрикивая:

— Мотя... будетъ... ахъ! умру!

„За мигъ свиданья
Терплю страданья!“—

пѣлъ Николай Петровичъ подъ самымъ носомъ Гомозова.

— Ур-ра новобрачнымъ!—скомандовалъ Матвѣй Егоровичъ, когда Гомозовъ шагнулъ впередъ. И всѣ четверо дружно гаркнули „ура“, причемъ солдатъ кричалъ ревущимъ басомъ.

Арина шла за Гомозовымъ, поднявъ голову, раскрывъ ротъ и свѣсивъ руки вдоль корпуса. Глаза у нея тупо смотрѣли впередъ, но едва ли видѣли что-нибудь.

— Мотя, вели имъ... поцѣловаться!.. ха, ха, ха!

— Новобрачные, горько! — закричалъ Николай Петровичъ, а Матвѣй Егоровичъ даже прислонился къ дереву, ибо отъ смѣха не могъ держаться на ногахъ. А ведро все грохотало, рожокъ вылъ, ревѣлъ, дразнилъ, и Лука, приплясывая, пѣлъ:

„А и густо ты, Орина,
Да намъ кашу наварила“.

И Николай Петровичъ снова дѣлалъ губами:

— Пумъ-пумъ-пумъ! Тра-та-та! Пумъ! пумъ! Тра-ра-ра!

Гомозовъ дошелъ до двери въ казарму и скрылся въ ней. Арина осталась на дворѣ, окруженная бѣснующимися людьми. Они орали, хохотали, свистали ей въ уши и прыгали вокругъ нея въ припадкѣ безумнаго веселья. Она стояла передъ ними

съ неподвижнымъ лицомъ, растрепанная, грязная, и жалкая, и смѣшная.

— Новобрачный удралъ, а... она осталась,—кричалъ Матвѣй Егоровичъ женѣ, указывая на Арину, и снова корчился отъ хохота.

Арина повернула къ нему голову и пошла мимо казармы—въ степь. Свистъ, крикъ, хохотъ провожали ее.

Будетъ! Оставьте! — кричала Софья Ивановна. — Дайте ей... очухаться! Скоро обѣдъ нужно готовить.

Арина уходила въ степь, туда, гдѣ за линіей отчужденія стояла щетинистая полоса хлѣба. Она шла медленно, какъ человѣкъ, глубоко задумавшійся.

— Какъ, какъ?—переспрашивалъ Матвѣй Егоровичъ участниковъ этой шутки, разсказывавшихъ другъ другу разныя мелкія подробности поведенія новобрачныхъ. И всѣ хохотали. А Николай Петровичъ даже тутъ нашелъ время и мѣсто вставить маленькую мудрость:

„Смѣяться, право, не грѣшно
Надъ тѣмъ, что̀ кажется смѣшно!“—

сказалъ онъ Софьѣ Ивановнѣ и внушительно добавилъ:

— Но много смѣяться—вредно.

Смѣялись на станціи въ тотъ день много, но обѣдали плохо потому, что Арина не явилась стряпать, и обѣдъ готовила сама начальница станціи. Но и дурной обѣдъ не убилъ хорошаго настроенія. Гомозовъ не выходилъ изъ казармы до времени своего дежурства, а когда вышелъ, то его позвали въ контору начальника, и тамъ Николай Петровичъ, при хохотѣ Матвѣя Егоровича и Луки, сталъ разспрашивать Гомозова, какъ онъ „увлекалъ“ свою красавицу.

— По оригинальности—это грѣхопаденіе № 1-й,—сказалъ Николай Петровичъ начальнику.

— Грѣхопаденіе и есть, — хмуро улыбаясь, говорилъ степенный стрѣлочникъ. Онъ понялъ, что, если сумѣетъ сказать объ Аринѣ, подтрунивая надъ нею, то надъ нимъ будутъ меньше смѣяться. И онъ разсказывалъ:

— Вначалѣ она мнѣ все подмаргивала.

— Подмаргивала?! Ха-ха-ха! Николай Петровичъ, вы только вообразите, какъ это она, этакая р-рожа, должна была ему подмаргивать? Прелесть!

— Значитъ, подмаргиваетъ, а я вижу и думаю про себя—шалишь! Потомъ, стало-быть, говоритъ, хочешь, говоритъ, я тебѣ рубахи сошью!

— Но „не въ шитьѣ была тутъ сила“...—замѣтилъ Нико-

лай Петровичъ и пояснилъ начальнику: — Это, знаете, изъ Некрасова—изъ стихотворенія „Нарядная и убогая"... Продолжай, Тимоѳей!

И Тимоѳей продолжалъ говорить, сначала насилуя себя, затѣмъ постепенно возбуждаясь ложью, ибо видѣлъ, что ложь полезна ему.

А та, о которой онъ говорилъ, лежала въ это время въ степи. Она вошла глубоко въ море хлѣба, тяжело опустилась тамъ на землю и долго неподвижно лежала на землѣ. Когда же солнце накалило ей спину до того, что она уже не могла больше терпѣть жгучихъ лучей его, она перевернулась вверхъ грудью и закрыла лицо руками, чтобы не видѣть неба, слишкомъ яснаго, и чрезмѣрно яркаго солнца въ глубинѣ его.

Сухо шурчали колосья хлѣба вокругъ этой женщины, раздавленной позоромъ, и неугомонно, озабоченно трещали безчисленные кузнечики. И было жарко. Попробовала она вспомнить свои молитвы и не могла: передъ глазами у нея вертѣлись въ дикой пляскѣ смѣющіяся рожи, а въ ушахъ пылъ теноръ Луки, раздавался насмѣшливо-жалобный вой рожка и хохотъ. Отъ этого или отъ жары ей тѣснило грудь, и вотъ она, разстегнувъ кофту, подставила свое тѣло лучамъ солнца, можетъ-быть, ожидая, что такъ ей будетъ легче дышать. И въ то время, какъ солнце жгло ея кожу, изнутри ея грудь сверлило ощущеніе, близкое къ боли и похожее на изжогу. Тяжело вздыхая, шептала она изрѣдка:

— Господи... помилуй...

Но въ отвѣтъ ей раздавался только сухой шелестъ колосьевъ хлѣба да озабоченный стрекотъ кузнечиковъ. Приподнимая голову надъ волнами хлѣба, она видѣла ихъ золотистые переливы, черную трубу водокачки, торчавшую далеко отъ станціи въ балкѣ, и крыши станціонныхъ построекъ. Больше ничего не было въ необъятной желтой равнинѣ, покрытой голубымъ куполомъ неба, и Аринѣ казалось, что она одна на землѣ, лежитъ въ самой серединѣ ея, и ужъ никто никогда не придетъ раздѣлить тяжесть одиночества, — никто, никогда...

Къ вечеру она услыхала крики:

— Арина-а! Аришка, чо-ортъ!..

Одинъ голосъ былъ голосомъ Луки, другой — солдата. Ей хотѣлось услышать третій, но онъ не позвалъ ея, и тогда она заплакала обильными слезами, быстро сбѣгавшими съ ея рябыхъ щекъ на грудь ей. Плакала она и терлась голой грудью о сухую теплую землю, чтобы заглушить эту изжогу, все сильнѣе терзавшую ее. Плакала и молчала, сдерживая стоны,

точно боялась, что кто-нибудь услышитъ и запретитъ ей плакать.

Потомъ, когда наступила ночь, встала и медленно пошла на станцію.

Дойдя до станціонныхъ построекъ, она прислонилась спиной къ стѣнѣ погреба и долго стояла тутъ, глядя въ степь. Являлись и исчезали товарные поѣзда; она слышала, какъ солдатъ разсказывалъ кондукторамъ о ея позорѣ, и кондуктора хохотали. Ночь была тихая, лунная... хохотъ далеко разносился по пустынной степи, гдѣ чуть слышно свистали суслики.

— Господи! помилуй...—вздыхала женщина, плотно прижимаясь къ стѣнѣ. Но вздохи эти не облегчали тяжести, давившей ей сердце.

Подъ утро она осторожно пробралась на чердакъ станціи и тамъ повѣсилась, устроивъ петлю изъ веревки, на которой сушила выстиранное ею бѣлье.

Черезъ два дня по запаху трупа Арину нашли. Сначала всѣ испугались, потомъ стали разсуждать, кто виноватъ въ этомъ дѣлѣ? Николай Петровичъ неопровержимо доказалъ, что виноватъ—Гомозовъ. Тогда начальникъ станціи далъ стрѣлочнику въ зубы и грозно велѣлъ ему молчать.

Явились власти, произвели слѣдствіе. Выяснилось, что Арина страдала меланхоліей... Рабочимъ дорожнаго мастера было поручено свезти ее въ степь и тамъ закопать. Когда же это было исполнено — на станціи снова воцарились порядокъ и спокойствіе.

И снова ея обитатели начали жить по четыре минуты въ сутки, изнывая отъ скуки и безлюдья, отъ бездѣлья и жары, съ завистью слѣдя за поѣздами, пролетавшими мимо нихъ.

...А зимой, когда по степи съ воемъ и ревомъ носятся вьюги, осыпая маленькую станцію снѣгомъ и дикими звуками,— обитателямъ станціи живется еще скучнѣе.

1897.

КАИНЪ и АРТЕМЪ

Каинъ былъ маленькій, юркій еврей, съ острой головой, съ желтымъ, худымъ лицомъ; на скулахъ и подбородкѣ у него росли кустики рыжихъ жесткихъ волосъ, и лицо смотрѣло изъ нихъ точно изъ старой, растрепанной плюшевой рамки, верхней частью которой служилъ козырекъ грязнаго картуза.

Изъ-подъ козырька и рыжихъ, точно выщипанныхъ бровей сверкали маленькіе сѣрые глазки. Они очень рѣдко останавливались подолгу на одномъ предметѣ, но всегда быстро бѣгали изъ стороны въ сторону и всюду сѣяли улыбки—робкія, заискивающія, льстивыя.

Каждый, кто видѣлъ эти улыбки, сразу понималъ, что основное чувство человѣка, который такъ улыбается — боязнь за все и предъ всѣми, боязнь, черезъ минуту готовая повыситься до ужаса. И поэтому каждый, если было ему не лѣнь, усиливалъ злыми насмѣшками и щелчками это всегда напряженное чувство еврея, пропитавшее собою не только его нервы, но, казалось, и складки парусиновой одежды, которая, облекая отъ плечъ до пятъ его костлявое тѣло, тоже вѣчно трепетала.

Имя еврея было Хаимъ Ааронъ Пурвицъ, но его звали Каинъ. Это проще, чѣмъ Хаимъ, это имя болѣе знакомо людямъ, и въ немъ есть много оскорбительнаго. Хотя оно и не шло къ маленькой, испуганной и слабосильной фигуркѣ, но всѣмъ казалось, что оно вполнѣ точно рисуетъ тѣло и душу еврея и въ то же время обижаетъ его.

Онъ жилъ среди людей, обиженныхъ судьбой, а для нихъ всегда пріятно обидѣть ближняго, и они умѣютъ дѣлать это, ибо пока только такъ они могутъ мстить за себя. А обижать Каина было легко: когда надъ нимъ издѣвались, онъ только виновато улыбался, а порой даже самъ помогалъ смѣяться надъ собой, какъ бы платя впередъ своимъ обидчикамъ за право существовать среди нихъ.

Жилъ онъ торговлей, конечно. Онъ ходилъ по улицамъ съ деревяннымъ ящикомъ на груди и сладенькимъ, тонкимъ голосомъ кричалъ:

— Вак-ша! Спичкэ! Булавкэ! Шпилькэ! Голантегейнаго товаг-у! Газный мьелькій товаг-у!

Еще одна характерная черта: уши у него были большія, оттопыренныя и они постоянно прядали, какъ у пугливой лошади.

Торговалъ онъ въ Шиханѣ, въ мѣстности, гдѣ отложилась городская голь и рвань—разные „забракованные люди". Шиханъ представляетъ собою узкую улицу, застроенную старыми, угрюмыми, высокими домами; въ нихъ помѣщались ночлежки. трактиры, хлѣбопекарни, лавки съ бокалеей, старымъ желѣзомъ и разной рухлядью; ихъ населяли воры и пріемщики краденаго, мелкіе торгаши и торговки съѣстнымъ. Въ этой улицѣ всегда было много тѣни отъ высокихъ домовъ, много грязи и пьяныхъ; лѣтомъ въ ней всегда стоялъ густой запахъ гніенія и перегорѣлой водки. Солнце, точно боясь осквернить свои лучи ея грязью, только раннимъ утромъ осторожно и ненадолго заглядывало въ эту улицу.

Она расположилась по склону горы, недалеко отъ берега большой рѣки, и постоянно была полна судорабочими, матросами съ пароходовъ, крючниками. Они тутъ пьянствовали и наслаждались по-своему, и тутъ же, въ укромныхъ уголкахъ, воры дожидались ихъ опьянѣнія. Около тротуаровъ улицы стояли корчаги торговокъ пельменями, лотки пирожниковъ и торговцевъ печенкой. Толпы рабочаго люда съ рѣки жадно пожирали горячую пищу, пьяные пѣли пѣсни и ругались, продавцы звонко зазывали покупателей, хваля свои товары; грохотали телѣги, съ трудомъ пробираясь сквозь группы людей, толпившихся на улицѣ, покупающихъ или продающихъ, въ ожиданіи работы или удачи. Хаосъ звуковъ вихремъ носился въ узкой, какъ канава, улицѣ, разбиваясь о грязныя стѣны ея зданій, словно изъязвленныя, потому что штукатурка ихъ выкрошилась.

Въ этой канавѣ, полной кипящей грязи, полной оглушающаго шума и циничныхъ рѣчей, всегда шныряли и возились дѣти,—дѣти всѣхъ возрастовъ, но одинаково грязныя, голодныя и развращенныя. Они бѣгали тутъ съ утра до вечера, существуя насчетъ доброты торговокъ и ловкости своихъ маленькихъ рукъ, а ночью спали гдѣ-нибудь въ сторонѣ—подъ воротами, подъ ларемъ пирожника, въ углубленіи подвальнаго окна. Съ разсвѣтомъ эти тощія жертвы рахитизма и скрофулёза уже были на ногахъ, чтобы снова воровать вкусные и цѣнные куски пищи и выпрашивать негодныя для

продажи. Чьи это были дѣти? Всѣхъ... Вотъ въ этой улицѣ изо дня въ день и бродилъ Каинъ, выкрикивая свои товары и продавая ихъ женщинамъ улицы. Онѣ занимали у него на нѣсколько часовъ двугривенный съ обязательствомъ уплатить двадцать двѣ копейки и всегда аккуратно платили. Вообще, у Каина были въ улицѣ большія дѣла: онъ покупалъ у загулявшихъ рабочихъ рубахи, картузы, сапоги и гармоники, у женщинъ—юбки, кофты, грошовыя украшенія, потомъ промѣнивалъ эти вещи или продавалъ ихъ съ гривенникомъ барыша. И ежечасно подвергался насмѣшкамъ, побоямъ, а иногда его даже обирали. Онъ не жаловался на все это, а лишь улыбался своими трагически-кроткими улыбками.

Бывало, захваченный въ одномъ изъ темныхъ угловъ улицы двумя-тремя молодцами, доведенными голодомъ или похмельемъ до готовности хоть на убійство, еврей, сбитый на землю кулаками или ужасомъ, сидѣлъ у ногъ своихъ грабителей и, трепещущій, судорожно роясь въ карманахъ, умолялъ ихъ:

— Господа-а! Добрые господа! Не берите всѣхъ... Какъ я буду торговать?

И худое лицо его все дрожало отъ безчисленныхъ улыбокъ.

— Ну, не нищи! Давай только тридцать копеекъ...

Эти добрые господа хорошо понимали, что не слѣдуетъ вырывать у коровы все вымя для того, чтобъ достать молока.

Случалось, онъ вставалъ съ земли и шелъ рядомъ съ ними по улицѣ, балагуря и улыбаясь; они тоже снисходительно разговаривали и посмѣивались надъ нимъ, и всѣ держали себя просто и открыто. Каинъ же послѣ такого событія казался еще болѣе худымъ и—только.

Съ кагаломъ онъ, должно-быть, жилъ не въ ладу. Очень рѣдко видѣли его рядомъ съ единовѣрцемъ, и всегда было замѣтно, что единовѣрецъ относится къ Каину свысока и презрительно. Былъ въ улицѣ слухъ, будто бы на Каина наложенъ „херемъ“, и одно время уличныя торговки называли его проклятымъ.

Едва ли это было вѣрно, хотя за Каиномъ и водились несомнѣнные признаки еретичества: онъ не соблюдалъ субботъ и употреблялъ въ пищу „кошерное“ мясо. Къ нему приставали, прося и требуя объяснить, какъ онъ смѣлъ ѣсть то, что̀ запрещено его вѣрой? Онъ сжимался въ комокъ, улыбался и отшучивался или убѣгалъ, никогда ничего не разсказывая о вѣрѣ и обычаяхъ евреевъ.

Даже несчастныя дѣтишки этой улицы преслѣдовали его, бросая ему въ ящикъ и спину комья грязи, корки арбузовъ и

всякую дрянь. Онъ старался остановить ихъ ласковыми словами, но чаще убѣгалъ отъ нихъ въ толпу, куда они не шли за нимъ, боясь, что тамъ ихъ растопчутъ.

Такъ день за днемъ жилъ Каинъ, всѣмъ знакомый и всѣми гонимый,—торговалъ, дрожалъ отъ страха и улыбался; и вотъ однажды судьба тоже улыбнулась ему...

Въ каждомъ уголкѣ жизни есть свой деспотъ. На Шиханѣ эту роль игралъ красавецъ Артемъ, колоссальный дѣтина съ правильно-круглой головой въ густой шапкѣ кудрявыхъ черныхъ волосъ. Эти мягкіе волосы причудливыми кольцами сыпались ему на лобъ, спускаясь до прелестныхъ бархатныхъ бровей и огромныхъ карихъ глазъ, продолговатыхъ и всегда подернутыхъ какой-то маслянистой влагой. Носъ у него былъ прямой, антично-правильный, губы красныя, сочныя, прикрытыя большими черными усами; все его круглое, чистое и смугловатое лицо было на диво правильно и красиво, а эти глаза, подернутые туманомъ, очень шли къ нему, какъ бы дополняя и объясняя его красоту. Широкогрудый, высокій и стройный, всегда съ безсознательно-довольной улыбкой на губахъ, онъ былъ на Шиханѣ грозой мужчинъ и радостью женщинъ. Бо̀льшую часть дня онъ проводилъ лежа гдѣ-нибудь на солнечномъ припекѣ — массивный, лѣнивый, впивающій воздухъ и солнечный свѣтъ медленными вздохами, отъ которыхъ его могучая грудь вздымалась высоко и ровно.

Ему было лѣтъ двадцать пять. Года три тому назадъ онъ явился въ городъ съ артелью крючниковъ-промзинцевъ *) и послѣ навигаціи остался зимовать, понявъ, что можетъ и не работая пріятно жить на средства своей силы и красоты. И вотъ съ той поры онъ превратился изъ деревенскаго парня и крючника въ любимца торговокъ пельменями, лавочницъ и иныхъ женщинъ Шихана. Этотъ родъ занятій позволялъ ему имѣть пищу, водку и табакъ всегда, когда онъ желалъ; больше онъ ничего не умѣлъ желать и—такъ жилъ.

Женщины ругались изъ-за него, дрались; на замужнихъ сплетничали мужьямъ, мужья и возлюбленные жестоко били ихъ—Артемъ былъ равнодушенъ ко всему этому, онъ грѣлся на солнцѣ, потягиваясь, какъ котъ, и ждалъ, когда въ немъ зародится одно изъ немногихъ доступныхъ ему желаній.

Обыкновенно онъ лежалъ на горѣ, въ которую упиралась улица. Тутъ прямо передъ собой онъ видѣлъ рѣку, за ней,

---

*) Промзино—село Симбирской губ., откуда выходятъ на Волгу лучшіе, т.-е. сильнѣйшіе крючники.

вплоть до горизонта, широко разстилались луга, кое-гдѣ на ихъ ровномъ зеленомъ коврѣ лежали сѣрыя пятна — это деревни. Тамъ — всегда тихо, ясно, зелено... А повернувъ голову влѣво, онъ видѣлъ свою улицу отъ начала до конца, въ ней кипѣла шумная жизнь; всматриваясь въ ея темную суету, онъ различалъ фигуры знакомыхъ людей, слышалъ голодный ревъ улицы и, можетъ-быть, думалъ о чемъ-нибудь. Вокругъ него, по горѣ, росъ густой бурьянъ, торчали одиноко чахлыя березы, обломанные кусты бузины,—тутъ золоторотцы переживали похмелье и играли въ карты, чинили платье или отдыхали отъ работы и дракъ.

Среди нихъ Артемъ былъ на дурномъ счету. Онъ былъ неодолимо силенъ и часто озорничалъ, а потомъ очень уже легко онъ добывалъ свой хлѣбъ. Это возбуждало зависть; и къ тому же онъ рѣдко дѣлился съ кѣмъ-либо своей добычей. Вообще, товарищескія чувства въ немъ были не развиты, и онъ не тяготѣлъ къ общенію съ людьми. Если къ нему приходили и начинали говорить съ нимъ, онъ отвѣчалъ охотно, но самъ не начиналъ разговора; если у него просили денегъ на похмелье,—онъ давалъ, но по собственному почину никогда не угощалъ знакомыхъ. А среди нихъ вошло въ обычай каждую добытую копейку пропивать и проѣдать въ компаніи.

Сюда въ кусты, къ Артему являлись посланники любви— въ видѣ оборванной и чумазой дѣвочки изъ улицы или такого же чумазаго мальчика. Это очень юные люди, лѣтъ семи-восьми, рѣдко — десяти, но они всегда проникнуты сознаніемъ глубокой важности возложеннаго на нихъ порученія, говорятъ они вполголоса, и всегда на ихъ рожицахъ мина таинственности...

— Дяденька Артемъ, тетка Марья велѣла тебѣ сказать, что мужъ-то у нея уѣхалъ, такъ чтобы ты сегодня нанялъ лодку, да въ луга бы съ ней поѣхалъ...

— Та-акъ, — лѣниво тянетъ Артемъ, и его прекрасные глаза мутно улыбаются...

— Непремѣнно, чтобы...

— Могу... А... вотъ что̀... это—какая она, тетка-то Марья?

— Лавочница, чай,—укоризненно говоритъ посланецъ.

— Лавочница... н-да? Это—которая рядомъ съ желѣзной лавкой?

— Чай, рядомъ-то съ желѣзной лавкой Анисья Николаевна... что̀ ужъ!

— Ну-ну, я, братъ, вѣдь знаю... Я вѣдь это такъ... Для шутки говорю!.. будто позабылъ... а вѣдь я Марью знаю.

Но посланецъ не увѣренъ въ этомъ, онъ хочетъ хорошо исполнить свое порученіе и настоятельно объясняетъ Артему:

— Марья—это которая маленькая, румяная, рядомъ съ рыбой...

— Ну-ну!.. которая рядомъ съ рыбой. Вотъ! Чудашка ты!.. вѣдь я развѣ спутаю? Ладно, скажи ей, Марьѣ,—ѣду. Ѣдетъ, молъ. Иди!

Тогда посланецъ корчитъ слащайшую рожу и тянетъ:

— Дяденька Артемъ, дай копеечку!

— Копеечку? А коли нѣту ея? — говоритъ Артемъ, засовывая обѣ руки разомъ въ карманы своихъ шароваръ. И всегда находитъ какую-нибудь монету. Радостно усмѣхаясь, посланецъ мчится возвѣстить влюбленной печеночницѣ объ исполненномъ порученіи и съ нея тоже получить награду. Онъ знаетъ цѣну денегъ и нуждается въ нихъ не только потому, что голоденъ, но и потому, что онъ куритъ папиросы, пьетъ водку и имѣетъ свои маленькія сердечныя дѣла. На другой день послѣ такой сценки Артемъ еще болѣе, чѣмъ всегда, недоступенъ впечатлѣніямъ бытія и еще болѣе красивъ своей рѣдкой красотой могучаго, но смирнаго животнаго. Такъ тянулось это сытое, почти безсознательное существованіе, спокойное, несмотря на многое множество ревнивцевъ ревнивицъ и завистниковъ, спокойное потому, что оно охранялось страшной силой Артемова кулака.

Но иногда въ карихъ глазахъ красавца сгущалось что-то грозное, темное; его бархатныя брови сурово сдвигались и смуглый лобъ разрѣзывала глубокая морщина. Онъ вставалъ и шелъ изъ своего логовища въ улицу, и чѣмъ ближе онъ подходилъ къ ея суетѣ, тѣмъ болѣе округлялись зрачки его глазъ и чаще вздрагивали тонкія ноздри. На лѣвомъ плечѣ у него виситъ желтая куртка изъ крестьянскаго сукна, правое покрыто рубахой, и сквозь нее видно, какое это могучее плечо. Сапогъ онъ не любилъ и ходилъ всегда въ лаптяхъ; бѣлыя онучи, красиво перекрещенныя оборами, рельефно обрисовывали икры его ногъ. Шелъ онъ медленно, какъ большая грозовая туча...

Улица знаетъ его повадки и уже по лицу видитъ, чего ей можно ждать отъ него. Раздается предупреждающій шопотъ:

— Артемъ идетъ!..

И красавцу торопливо очищаютъ дорогу, отодвигая въ сторону лотки съ товарами, котлы и корчаги съ горячимъ. заискивающе улыбаются ему, кланяются... и всѣ его боятся, Онъ же идетъ среди этихъ знаковъ вниманія къ нему и

боязни предъ его силой, идетъ угрюмый, молчаливый и уже дико-прекрасный, какъ большой звѣрь.

Вотъ его нога задѣваетъ за лотокъ съ рубцомъ, печенкой, легкимъ,—и все это летитъ на грязную мостовую. Торговецъ отчаянно вскрикиваетъ и ругается.

— А ты что стоишь на дорогѣ?—спокойно, но зловѣще спрашиваетъ Артемъ.

— Какая тебѣ, быку, тутъ дорога?—воетъ торговецъ.

— А ежели я тутъ хочу итти?

Подъ скулами Артема вздуваются большіе желваки, и глаза у него—какъ раскаленные докрасна гвозди. Торговецъ видитъ это и бормочетъ:

— Узка тебѣ улица-то...

Артемъ медленно двигается дальше. Торговецъ идетъ въ трактиръ, беретъ тамъ кипятку, моетъ въ немъ свой товаръ и черезъ пять минутъ снова кричитъ на всю улицу:

— Ничонка, лехко, серце горяче! Матросъ! Иди на починѣ—языкъ за пятакъ отрѣжу! Тетка, купи горло! Кому нужно серце горяче? Ничонка, лехко!

Волнуется гулъ голосовъ и тяжелый запахъ гнили, водки, пота, рыбы, дегтя, луку.

Люди расхаживаютъ по мостовой, мѣшая двигаться лошадямъ, кричатъ, торгуются, смѣются. Высоко надъ ними—голубая лента неба, мутная отъ пыли и грязи, поднятой на воздухъ этой улицей, въ которой даже тѣни отъ домовъ кажутся сырыми и пропитанными грязью...

— Голантегейнаго товаг-у! Ниткэ! Иголкэ!—возглашаетъ Каинъ, слѣдя за Артемомъ, страшнымъ для него болѣе, чѣмъ для другихъ.

— Пироги со грушай, покупай да кушай!—звонко заливается молодая пирожница.

— Луку, зеленаго луку-у!..—вторитъ ей другая.

— Ква асъ! Ква-асъ!—сипло квакаетъ низенькій и толстый старикъ съ краснымъ лицомъ, сидя въ тѣни кадки своего товара.

А человѣкъ, извѣстный въ улицѣ подъ страннымъ прозвищемъ Дрянаго Жениха, продаетъ какому-то судорабочему грязную, но крѣпкую рубаху со своего плеча и убѣдительно кричитъ ему:

— Ду-убина! Гдѣ ты купишь за двугривенный такую парадную вещь? Вѣдь въ такой рубахѣ купчиху сватать можно! Съ милліонами... чо-ортъ!

Вдругъ сквозь общій дикій, но гармоничный ревъ и вой прорѣзывается звенящая нота дѣтскаго голоса:

— Подай-те, Хри-ста ра-ди, копе-ечку... си-ро-тѣ одинокому... ни отца нѣту ни матери...

Странно и чуждо всему звучитъ въ этой улицѣ имя Христа!

— Артюша! Поди-ка сюда!—ласково восклицаетъ бойкая солдатка Дарья Громова, торгующая пельменями.—Гдѣ ты пропадаешь? что̀ насъ забываешь?

— Много продала? — спокойно спрашиваетъ Артемъ и легкимъ толчкомъ ноги опрокидываетъ ея товаръ. Пельмени, желтые и скользкіе, ползутъ по камнямъ мостовой, и отъ нихъ идетъ паръ, а Дарья, готовая драться, яростно кричитъ:

— Безстыжіе твои зѣнки! Гра-абитель! Какъ тебя земля-то носитъ, верблюдъ ты астраханскій!

Надъ ней хохочутъ,—всѣ знаютъ, что она проститъ это Артему.

А онъ все такъ же медленно двигается дальше, толкая всѣхъ, налѣзая на людей грудью, наступая имъ на ноги. И впереди него быстро, какъ змѣя, ползетъ предостерегающій шопотъ:

— Артемъ идетъ!

Въ этихъ двухъ словахъ даже тотъ, кто впервые слышитъ ихъ, чувствуетъ угрозу себѣ и уступаетъ Артему дорогу, посматривая на мощную фигуру красавца съ любопытствомъ и осторожностью.

Вотъ Артемъ встрѣчаетъ одного изъ знакомыхъ босяковъ. Они здороваются, и Артемъ такъ сжимаетъ своей желѣзной лапой руку знакомаго, что тотъ кричитъ отъ боли и ругается. Тогда Артемъ сжимаетъ ему пальцами плечо или какъ-нибудь иначе причиняетъ ему боль и молча, спокойно наблюдаетъ, какъ человѣкъ стонетъ и охаетъ подъ его рукой, задыхается отъ боли и шепчетъ:

— Пусти, палачъ!.. проклятый!..

Но палачъ неумолимъ, какъ судья.

Каинъ тоже нерѣдко попадалъ въ жестокія руки Артема, который игралъ имъ, какъ любопытный ребенокъ букашкой.

Это своеобразное и непонятное поведеніе силача называлось на Шиханѣ „Артюшкинъ выходъ“. Оно создавало ему массу враговъ, но они не могли сломить его чудовищной силы, хотя и пробовали. Такъ, однажды подобрались семеро здоровыхъ молодцовъ; одобренные всей улицей, они рѣшили поучить и усмирить Артема. Двое изъ нихъ очень дорого заплатили за эту попытку, остальные отдѣлались легко. Другой разъ лавочники—оскорбленные мужья—порядили знаменитаго городского силача-мясника, не разъ выходившаго побѣди-

телемъ изъ борьбы съ атлетами-циркистами. Мясникъ взялся за крупное вознагражденіе избить Артема до полусмерти. Ихъ свели, и Артемъ, никогда не отказывавшійся драться „по охотѣ“, вышибъ мяснику руку изъ ключицы и ударомъ „подъ душу“ уложилъ его на мѣстѣ безъ сознанія. Эти факты еще выше подняли престижъ Артемовой силы и, конечно, еще болѣе создали ему враговъ.

А онъ попрежнему продолжалъ свои „выходы“, сокрушая все и всѣхъ на своемъ пути. Какія чувства выражалъ онъ такъ? Быть-можетъ, это была месть городу и порядкамъ его жизни со стороны человѣка полей и лѣсовъ, оторвавшагося отъ своей почвы; быть-можетъ, онъ смутно чувствовалъ, какъ городъ губитъ его, заражая своимъ ядомъ его тѣло и душу, и, чувствуя это, онъ такъ боролся съ роковой силой, порабощавшей его. Его „выходы“ заканчивались иногда въ участкѣ, гдѣ полиція относилась къ нему лучше, чѣмъ къ другимъ людямъ изъ Шихана, удивляясь его баснословной силѣ, забавляясь ею и зная, что онъ—не воръ и не способенъ быть воромъ—глупъ для этого. Но чаще послѣ „выхода“ Артемъ шелъ въ какой-нибудь притонъ, и тамъ его брала на свое попеченіе одна изъ женщинъ, влюбленныхъ въ него. Послѣ своихъ подвиговъ онъ былъ мраченъ и капризенъ, въ глазахъ у него сгущалось что-то дикое, и неподвижностью своей физіономіи онъ походилъ на идіота. Какая-нибудь промасленная до мозга костей торговка, ядреная баба бальзаковскаго возроста, ухаживала за нимъ съ видомъ собственницы этого звѣря и съ чувствомъ страха передъ нимъ.

— Можетъ, пивка заказать еще пару, Артюша? Али наливочки какой? А покушать ты не желаешь ли чего? И чтой-то ты у меня сегодня такой не удалой...

— Отвяжись...—глухо говорилъ Артемъ, и она на нѣсколько минутъ переставала суетиться около него, а потомъ снова принималась спаивать красавца, ибо она уже знала, что трезвый Артемъ былъ скупъ на ласки.

И вотъ судьбѣ, часто слишкомъ шутливой, угодно было, чтобы этотъ человѣкъ и Каинъ однажды столкнулись.

Случилось это такъ.

Однажды послѣ „выхода“ и обильной пирушки, сопровождавшей его, Артемъ со своей дамой, пошатываясь, шелъ къ ней въ гости узкимъ и пустыннымъ переулкомъ подгородной слободки. Его ждали тутъ. Нѣсколько человѣкъ бросились на него и тотчасъ же сбили его съ ногъ. Ослабленный виномъ, онъ защищался плохо, и тогда эти люди чуть ли не въ про-

долженіе цѣлаго часа вымещали на немъ безчисленныя обиды, понесенныя ими отъ него. Спутница Артема убѣжала, ночь была темна, мѣсто пустынно,—у нихъ были всѣ удобства для полнаго расчета съ Артемомъ, и они дѣйствовали, не щадя своихъ силъ. А когда, уставшіе, они кончили, на землѣ лежало два неподвижныхъ тѣла: одно — красавца Артема, а другое—человѣка, имя которому было Красный Козелъ.

Посовѣтовавшись, что̀ имъ дѣлать съ этими тѣлами, молодцы рѣшили: Артема спрятать подъ старую, разбитую ледоходомъ бѣляну, лежавшую на берегу рѣки кверху дномъ, а Краснаго Козла, который стоналъ, взять съ собой.

Когда Артема потащили по землѣ къ берегу, онъ очнулся отъ боли, но, догадавшись, что положеніе мертваго теперь для него выгоднѣе, молчалъ, сдерживая боль. Его тащили, ругали и хвастались другъ передъ другомъ ударами, нанесенными силачу. Артемъ слышалъ, какъ Мишка Вавиловъ говорилъ товарищамъ, что онъ все норовилъ бить Артема пинками подъ лѣвую лопатку, чтобы разорвалось сердце. А Сухоплюевъ разсказывалъ, что онъ билъ все по животу, потому что — если испортить человѣку кишки, — ѣда ему не пойдетъ на пользу, и сколько бы онъ ни ѣлъ — силы у него не будетъ. Ломакинъ тоже заявилъ, что онъ два раза вспрыгивалъ ногами на животъ Артему. Такъ же блистательно отличались и всѣ другіе, о чемъ они, хвастаясь, говорили все время, пока не пришли къ бѣлянѣ и не засунули подъ нее Артема. Онъ слышалъ всѣ ихъ рѣчи и слышалъ, какъ они, уходя, всѣ единогласно рѣшили, что теперь уже ему, Артему, не встать на ноги.

Вотъ онъ остался одинъ, во тьмѣ, на кучѣ сырого мусора, набросаннаго подъ бѣляну въ половодье волнами рѣки. Ночь была свѣжая, майская, и эта свѣжесть то и дѣло возвращала Артему сознаніе. Но когда онъ пробовалъ сползти къ рѣкѣ, онъ снова падалъ въ обморокъ отъ страшной боли во всемъ тѣлѣ. И снова приходилъ въ себя, терзаемый болью, томимый страшной жаждой. Рѣка какъ бы дразнила его безсиліе, тихо плескаясь о берегъ гдѣ-то тутъ, близко къ нему. Всю ночь онъ провелъ въ этомъ положеніи, боясь стонать и двигаться.

Но однажды, очнувшись, онъ почувствовалъ, что съ нимъ случилось что-то хорошее, очень облегчившее его боли. Онъ съ трудомъ могъ открыть одинъ глазъ и едва шевелилъ разбитыми, опухшими губами. Былъ день, потому что черезъ щели барки проникали подъ нее лучи солнца; они создали вокругъ Артема мглу. Потомъ кое-какъ онъ поднялъ руку къ

лицу и ощупалъ на немъ мокрыя тряпки. Тряпки же лежали на груди у него и на животѣ. Онъ былъ совершенно раздѣтъ, и холодъ уменьшалъ его муки.

— Пить бы...—выговорилъ онъ, смутно догадываясь, что около него долженъ быть кто-то. Дрожащая рука протянулась черезъ его голову и въ ротъ ему сунула горлышко бутылки. Бутылка плясала въ рукѣ подававшаго ее и била Артема по зубамъ. Выпивъ воды, Артемъ захотѣлъ узнать, кто тутъ около него, но попытка повернуть голову не удалось ему, вызвавъ боль въ шеѣ. Тогда, хрипя и заикаясь, онъ началъ говорить:

— Водки... въ утро бы стаканъ... И снаружи вытереть... Тогда бы я... всталъ, чай...

— Вста-ать? Вы не можете встать. Вы же весь синій и пухлый, какъ утопленникъ... А водка—это можно, водка есть... я имѣю цѣлую бутылку водки...

Говорили тихо, робко и очень быстро. Артемъ зналъ этотъ голосъ, но не помнилъ, кому онъ принадлежитъ, которой изъ женщинъ.

— Давай,—сказалъ онъ.

И опять кто-то, очевидно, избѣгавшій его глазъ, протянулъ ему бутылку сзади черезъ голову. Артемъ, съ усиліемъ глотая водку, смотрѣлъ однимъ глазомъ въ сырое и черное днище бѣляны, поросшее грибами.

Когда онъ отпилъ болѣе четверти бутылки, онъ вздохнулъ глубоко и облегченно и съ хрипомъ въ груди заговорилъ слабымъ голосомъ, лишеннымъ оттѣнковъ:

— Чисто меня отдѣлали... Но погоди... встану я. Встану... Тогда—держись...

Ему не отвѣчали, но онъ слышалъ шорохъ,—точно кто-то отскочилъ отъ него, — и затѣмъ стало тихо, только волны плескали, да гдѣ-то далеко пѣли „дубинушку“ и ухали — должно-быть, тащили тяжелую вещь. Потомъ пронзительно взвизгнулъ свистокъ парохода, взвизгнулъ, оборвался и черезъ нѣсколько секундъ мрачно загудѣлъ, точно навсегда прощался съ землей... Артемъ долго ждалъ отклика на свои слова, но подъ бѣляной было тихо, и ея тяжелое днище, пропитанное зеленоватой гнилью, висѣло и качалось надъ его головой, то поднимаясь вверхъ, то опускаясь внизъ, точно хотѣло съ размаха упасть на него и раздавить его на смерть.

Артему стало жалко себя. Весь онъ вдругъ проникся яснымъ сознаніемъ своей почти дѣтской безпомощности, и вмѣстѣ съ тѣмъ ему стало обидно за себя. Его, такого сильнаго, такого красиваго, и такъ изувѣчили, обезобразили!..

Слабыми руками онъ началъ ощупывать ссадины и опухоли на лицѣ и груди у себя, а потомъ съ горечью выругался и заплакалъ. Онъ всхлипывалъ, шмыгалъ носомъ, тоскливо ругался и, еле двигая вѣками, выжималъ ими слезы, наполнявшія его глаза. Онѣ, крупныя и горячія, лились по его щекамъ, текли ему въ уши... и онъ чувствовалъ, что отъ слезъ внутри его какъ бы что-то прочищается.

— Ладно!.. Погодите!..—бормоталъ онъ сквозь рыданія.

И вдругъ услышалъ, что гдѣ-то близко, и точно передразнивая его, — тоже раздаются заглушаемыя рыданія и шопотъ.

— Кто это?—грозно спросилъ онъ, хотя ему было страшно чего-то.

Ему не отвѣтили на вопросъ.

Тогда, собравъ всѣ силы. Артемъ повернулся на бокъ, звѣремъ зарычалъ отъ боли, приподнялся на локти и увидалъ во мглѣ маленькую фигурку, сжавшуюся въ комокъ у борта бѣляны. Обнявъ свои колѣни длинными и тонкими руками, этотъ человѣкъ прижалъ къ нимъ голову, а его плечи дрожали; Артему показалось, что это подростокъ-парнишка...

— Иди сюда!—сказалъ онъ.

Но тотъ не послушался, продолжая трястись, какъ въ лихорадкѣ. У Артема отъ боли и страха предъ этой фигурой помутилось въ глазахъ, и онъ завылъ:

— Иди-и!

Въ отвѣтъ ему посыпался цѣлый градъ дрожащихъ, торопливыхъ словъ:

— Что же я вамъ сдѣлалъ худого? За что вы на меня кричите? Развѣ я не вымылъ васъ водой и не напоилъ, и не далъ вамъ водки? Не плакалъ я, когда вы плакали, и не было больно мнѣ, когда вы стонали? О, Богъ мой и Господь мой! Даже и доброе мое только муки несетъ мнѣ! Что я сдѣлалъ худого душѣ вашей или тѣлу вашему? Что могу я сдѣлать вамъ худого — я! я! я!

И, оборвавъ свою рѣчь тремя воплями, этотъ человѣкъ замолчалъ, схватился за голову руками и сталъ раскачиваться изъ стороны въ сторону, сидя на землѣ.

— Каинъ? Это... ахъ, ты!

— Ну, и что? Это я...

— Ты? Ну-у! Все это — ты тутъ? А-яй! Ты поди сюда. Ну... чудакъ ты!

Артемъ растерялся отъ неожиданности и вмѣстѣ съ тѣмъ почувствовалъ, что въ немъ вспыхнула какая-то радость. Онъ засмѣялся даже, когда увидалъ, какъ еврей на четвереренькахъ

робко ползетъ къ нему и какъ учащенно, боязливо мигаютъ маленькіе глазки на смѣшномъ лицѣ, давно знакомомъ Артему.

— Смѣло иди! Ей-Богу, не трону! — счелъ онъ нужнымъ ободрить еврея.

Каинъ подползъ къ его ногамъ, остановился и сталъ смотрѣть на нихъ съ такой боязливой и просительной улыбкой, точно ждалъ, что онѣ растопчутъ его истощенное страхомъ тѣло.

— Ну!.. вотъ такъ ты! И все это ты дѣлалъ? Кто тебя прислалъ—Анѳиса?—допрашивалъ Артемъ, едва ворочая языкомъ.

— Я самъ пришелъ!

— Са-амъ? Врешь!

— Я не вру, не вру!—быстро зашепталъ Каинъ.—Я самъ пришелъ — пожалуйста, повѣрьте мнѣ! Я разскажу, какъ я пришелъ. Вотъ слушайте, — я узналъ объ этомъ въ Грабиловкѣ... Я пью чай и слышу: Артема ночью забили до смерти. Я не вѣрю — пхэ! Развѣ можно васъ и забить до смерти? Я посмѣиваюсь себѣ. О, думаю, глупые люди! Этотъ человѣкъ — какъ Сампсонъ, и кто изъ васъ можетъ одолѣть его? Но они все приходятъ и говорятъ: забили, забили! И ругаютъ васъ, и смѣются... Всѣ рады... и я повѣрилъ. И узналъ, что вы — тутъ... Уже приходили сюда смотрѣть на васъ и говорили, что мертвый вы... Я пошелъ и пришелъ, и увидѣлъ васъ... вы стонали, когда я стоялъ тутъ. Я думалъ, видя васъ—самаго сильнаго человѣка въ свѣтѣ — вотъ убили его!.. такая сила, такая сила! Мнѣ стало, извините меня, жалко васъ! Я подумалъ, что нужно омыть васъ водой... и сдѣлалъ такъ, а вы отъ этого стали оживать... Я обрадовался этому... охъ, какъ я радъ былъ этому... вы не вѣрите мнѣ, да? Потому что — я жидъ? да? Но, нѣтъ, вы повѣрьте... я скажу вамъ, почему я обрадовался и что̀ думалъ... я скажу правду... вы не разсердитесь на меня?

— Вотъ те крестъ!.. убей меня громъ! — съ силой побожился избитый красавецъ.

Каинъ подвинулся еще ближе къ нему и еще понизилъ свой голосъ.

— Вы знаете, какъ хорошо мнѣ жить? Вы знаете это, да? Развѣ, извините,—я не терпѣлъ отъ васъ побоевъ? И развѣ вы не смѣялись надъ пархатымъ жидомъ? Что̀? Это правда? а! Вы извините мнѣ мою правду, вы поклялись. Не сердитесь! Я только говорю, что вы, какъ и всѣ прочіе люди, гоняли жида... За что, а? Развѣ жидъ — не сынъ Бога вашего и не одинъ Богъ далъ душу вамъ и ему?

Каинъ торопился, бросалъ вопросъ за вопросомъ, не ожидая отвѣтовъ на нихъ; въ немъ вдругъ заклокотали всѣ тѣ слова, которыми онъ отмѣчалъ въ своемъ сердцѣ нанесенныя ему обиды и оскорбленія; ожили въ немъ всѣ они и вотъ лились изъ его сердца горячимъ каскадомъ. Артему было неловко передъ нимъ.

— Слышь, Каинъ, — глухо сказалъ онъ, — брось это! Я тебя... ежели я тебя пальцемъ теперь трону... или кто другой—разобью въ куски! Понялъ?

— Ага! — торжествуя, вскричалъ Каинъ и даже чмокнулъ языкомъ. — Вотъ! Вы предо мной виноваты... извините! Не разсердитесь на меня за то, что знаете, что виноваты предо мной! Я говорю, не виноваты, но вѣдь я знаю, о! я знаю, вы меньше другихъ виноваты!.. я понимаю это! Всѣ они только на меня плюютъ своей скверной слюной, вы же — на меня и на всѣхъ ихъ! Вы многихъ обижали хуже, чѣмъ меня... Я тогда думалъ: вотъ этотъ сильный человѣкъ бьетъ и оскорбляетъ меня не за то, что я жидъ, а за то, что я—какъ всѣ они, не лучше ихъ и среди нихъ несу свою жизнь... И... я всегда со страхомъ любилъ васъ. Я смотрѣлъ на васъ и думалъ, что и вы можете разорвать пасть льва и избить филистимлянъ... Вы били ихъ... и я любилъ смотрѣть, какъ вы дѣлали это... И мнѣ тоже хотѣлось быть сильнымъ... но я, какъ блоха...

Артемъ хрипло засмѣялся.

— Вотъ ужь вѣрно — какъ блоха!..

То, что̀ говорилъ ему Каинъ, онъ почти не понималъ, но ему было пріятно видѣть около себя маленькую фигурку еврея. И, подъ возбужденный полушопотъ Каина, въ немъ медленно слагались свои думы.

— Сколько теперь часовъ? Чай, поди-ка, около полудня. А ни одна, небось, не идетъ навѣстить мила друга... А вотъ жидъ пришелъ... помогъ, говоритъ—люблю, а я его обижалъ, бывало... силу хвалитъ... Вернется ли она? Господи, кабы вернулась!

Тяжело вздыхая, Артемъ представлялъ себѣ своихъ враговъ, избитыхъ имъ и вотъ такъ же опухшихъ, какъ онъ. И они такъ же, какъ онъ, будутъ валяться безъ силъ гдѣ-нибудь... но къ нимъ придутъ свои, товарищи, а не жидъ...

Артемъ взглянулъ на Каина, и ему показалось, что отъ думъ у него въ горлѣ и во рту стало горько. Онъ сплюнулъ и тяжело вздохнулъ.

А Каинъ все говорилъ, страшно возбужденный, съ перекошеннымъ отъ волненія лицомъ и вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

— И когда вы заплакали... я тоже заплакалъ... Такъ жалко сдѣлалось мнѣ вашей силы...

— А я думаю, кто это дразнится? — угрюмо усмѣхнулся Артемъ.

— Я всегда любилъ вашу силу... И я молилъ Бога: Предвѣчный Богъ нашъ на небѣ, и на землѣ, и въ выси небесъ отдаленныхъ! Пусть будетъ такъ, что я буду нуженъ этому сильному человѣку! Пусть я заслужу предъ нимъ, и да обратится сила его въ защиту мнѣ! Пусть за нее я буду сохраненъ отъ гоненій на меня, и гонители мои да погибнутъ отъ силы этой! Такъ я молился... и долго такъ просилъ я Господа моего, пусть Онъ создастъ мнѣ защитника и ъ сильнѣйшаго врага моего, какъ Онъ далъ въ защитники Мардохею царя, побѣдившаго всѣ народы... И вотъ вы плакали, и я плакалъ... и вдругъ вы закричали на меня, и молитвы мои пропали...

— Да развѣ я зналъ.. чудакъ ты, — виновато усмѣхнулся Артемъ.

Но Каинъ едва ли слышалъ его слова. Онъ раскачивался, взмахивалъ руками и все шепталъ страстнымъ шопотомъ, въ которомъ звучали и радость, и надежда, и обожаніе силы этого изувѣченнаго человѣка, и страхъ, и тоска.

— Наступилъ мой день, и вотъ я одинъ около васъ... Всѣ бросили васъ, а я пришелъ... Вѣдь вы выздоровѣете, Артемъ? Это не опасно вамъ? И воротится къ вамъ ваша сила?

— Подымусь... не крушись.. А тебя за доброту буду беречь, какъ малаго ребенка...

Артемъ чувствовалъ, что понемногу ему становится лучше,— тѣло ноетъ меньше и въ головѣ яснѣе. Нужно заступиться за Каина предъ людьми — что̀, въ самомъ дѣлѣ? Вонъ онъ какой добрый и открытый, — прямо все говоритъ, по душѣ. Подумавъ такъ, Артемъ вдругъ улыбнулся, — давно уже его томило какое-то неопредѣленное желаніе, и вотъ теперь онъ понялъ его.

— А вѣдь это я ѣсть хочу. Ты бы, Каинъ, добылъ чего поѣсть?

Каинъ вскочилъ на ноги такъ быстро, что едва не ударился о копани бѣляны. Лицо его положительно преобразилось: что-то сильное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣтски-ясное явилось въ немъ. Артемъ, этотъ сказочный силачъ, проситъ ѣсть у него, Каина!

— Я сдѣлаю вамъ все, все! Оно уже есть, вотъ тутъ, въ углу!.. я припасъ... я знаю. Когда кто боленъ, онъ долженъ ѣсть... ну да! И я, когда шелъ сюда, то истратилъ цѣлый рубль.

— Сосчитаемся! Я те десять отдамъ... Мнѣ вѣдь это можно... не свои у меня. Скажу—дай!—и дастъ...

И онъ добродушно засмѣялся, а Каинъ при этомъ смѣхѣ еще болѣе просіялъ и даже захихикалъ.

— Я знаю... Вы скажите, что̀ вы хотите? Я все сдѣлаю, все!

— А... видишь ты... ужъ коли такъ... то вытри ты меня водкой! Ѣсть не давай, а сначала вытри... мо ешь ты?

— А почему не могу? Какъ лучшій докторъ сдѣлаю!

— Вали! Потрешь меня, я и встану...

— Вста-анете? Охъ, нѣтъ, не можете вы встать!

— Я те покажу, какъ я могу! Здѣсь, что ли, я ночевать-то буду? Чудило ты... А ты вотъ вытри меня, да и бѣги-ка въ слободу къ пирожницѣ Мокѣвнѣ... И скажи ей, что я къ ней въ сарай переберусь на житье... постлала бы тамъ соломы, что ли. У нея я отлежусь... вотъ! За все, про все я тебѣ заплачу... ты не сумлѣвайся!

— Я вѣрю, — говорилъ Каинъ, наливая водки на грудь Артема,—я вѣрю вамъ больше, чѣмъ себѣ... Ахъ, я знаю васъ!

— У-у! Три, три... Ничего, что больно... три, знай! А-а-а! Вотъ, вотъ, вотъ...—рычалъ Артемъ.

— Я пойду для васъ и утоплюсь...—объяснялся Каинъ.

— Такъ, такъ, такъ... Плечо-то, плечо валяй... Ахъ, черти! Какъ разутюжили! А все баба виновата. Не будь бабы, былъ бы я трезвъ... а къ трезвому ко мнѣ—сунься-ка!

Каинъ, входя въ роль слуги, объявилъ:

— О, женщины! Это—всѣ грѣхи міра... у насъ, евреевъ, есть даже такая утренняя молитва: „Благословенъ ты, Предвѣчный Боже нашъ, Царь вселенной, за то, что не сотворилъ меня женщиной“...

— Ну? Неужто?—воскликнулъ Артемъ.—Такъ-таки прямо и молитесь Богу? Ишь вѣдь вы какіе... Что̀ же она, баба? Она только глупая... а безъ нея нельзя... Но чтобы такъ ужъ, даже Богу молиться... это не тово... обидно вѣдь ей, бабѣ-то! Она тоже чувствуетъ...

Онъ лежалъ неподвижный и огромный—еще болѣе увеличенный опухолями, а Каинъ, маленькій и хрупкій, задыхаясь отъ усилій, возился около него, изо всей силы растирая ему бока, грудь, животъ, возился и кашлялъ отъ запаха водки.

По берегу рѣки то и дѣло проходили люди, слышался говоръ и шаги. Бѣляна лежала надъ песчанымъ обрывомъ, болѣе сажени высотой, и сверху ее было видно только съ самаго края обрыва. Отъ рѣки ее отдѣляла узкая полоса песку,

забросанная щепками и разнымъ мусоромъ. Подъ нею было еще грязно. Но сегодня она возбуждала въ людяхъ большой интересъ. Каинъ и Артемъ замѣтили, что около нея то и дѣло проходятъ, садятся на ея дно, стучатъ ногами въ борта... На Каина это дурно подѣйствовало. Онъ пересталъ говорить и, молча ерзая около Артема, пугливо и жалобно улыбался.

— Вы слушаете?..

— Слышу,—довольно усмѣхнулся силачъ.—Понимаю... хотятъ сообразить, скоро ли я буду снова въ силѣ... тоже вѣдь имъ надо это знать... чтобы рёбра припасти свои... Ха-ха! Черти! Обидно имъ, чай, что не издохъ я... Работишка-то ихъ даромъ пропала..

— А знаете что̀?—зашепталъ ему на ухо Каинъ, съ миной ужаса и предостереженія на своемъ лицѣ.—Знаете? Вотъ я уйду, и вы останетесь одинъ... а они тогда придутъ къ вамъ и... и...

Артемъ раскрылъ ротъ и выпустилъ изъ груди цѣлый залпъ хриплаго смѣха.

— Ахъ, ты... фигура! Такъ ты думаешь—это они тебя, что ли, боятся? Ахъ, ты!..

— А! Но я могу быть свидѣтелемъ.

— Они тебѣ дадутъ тукманку!.. ха-ха-ха! Вотъ ты и свидѣтельствуй!.. на томъ свѣтѣ.

Страхъ Каина былъ разогнанъ смѣхомъ Артема, и мѣсто страха въ узкой, ввалившейся груди еврея заняла твердая и радостная увѣренность. Теперь его, Каинова жизнь пойдетъ иной чередой, теперь у него есть мощная рука, которая всегда отведетъ отъ него удары и несправедливости людей, безнаказанно истязавшихъ его...

Прошло около мѣсяца времени.

Однажды въ полдень,—часъ, когда жизнь на Шиханѣ принимаетъ особенно напряженный характеръ, сгущается и вскипаетъ, когда торговцевъ съѣстнымъ окружаютъ толпы пристанскихъ и судовыхъ рабочихъ съ пустыми желудками и громкими требованіями ѣды, и вся улица наполняется теплымъ запахомъ вареннаго испорченнаго мяса,—въ этотъ часъ кто-то вполголоса крикнулъ:

— Артемъ идетъ!..

Нѣсколько оборванцевъ, праздно толкавшихся въ улицѣ, ожидая случая чѣмъ-нибудь поживиться, быстро исчезли куда-то. Обыватели Шихана съ тревогой и любопытствомъ искоса и исподлобья стали смотрѣть въ ту сторону, откуда раздавалось предостереженіе

Артема давно ждали съ глубокимъ интересомъ, горячо обсуждая, каковъ-то онъ появится?

Какъ и раньше, Артемъ шелъ среди улицы, шелъ своей обыкновенной, медленной походкой сытаго человѣка, дѣлающаго прогулку. Въ его наружности не было ничего новаго. Какъ всегда, пиджакъ висѣлъ у него на одномъ плечѣ, картузъ былъ надѣтъ набекрень... и черные кудри разсыпались по лбу, какъ всегда. Большой палецъ правой руки онъ заткнулъ за поясъ, лѣвая рука была глубоко засунута въ карманъ шароваръ, и грудь богатырски выпячивалась впередъ. Только его красивое лицо стало какъ бы осмысленнѣе,—это всегда бываетъ послѣ болѣзни. Онъ шелъ и отвѣчалъ на привѣтствія и поклоны лѣнивыми кивками головы.

Вся улица провожала его взглядами и тихимъ шопотомъ изумленія и восхищенія предъ этой несокрушимой силой, выдержавшей такъ легко побои. Много въ улицѣ было людей, говорившихъ объ его выздоровленіи со злобой: они презрительно ругали тѣхъ, что не сумѣли отбить легкія и сломать рёбра Артему. Вѣдь не можетъ быть такого человѣка, котораго нельзя было бы изувѣчить до смерти!.. А другіе съ удовольствіемъ строили предположенія о томъ, какъ силачъ расправится съ Краснымъ Козломъ и его товарищами. Но сила обаятельна тѣмъ болѣе, чѣмъ крупнѣе она, и большинство находилось подъ вліяніемъ Артемовой силы.

А Артемъ уже вошелъ въ „Грабиловку"—клубъ Шихана.

Когда его высокая и мощная фигура явилась на порогѣ трактира, въ длинной и низкой комнатѣ съ кирпичнымъ сводчатымъ потолкомъ, гостей было немного. При видѣ Артема среди нихъ раздались два-три восклицанія, родилось какое-то суетливое движеніе и кто-то шарахнулся въ дальній уголъ этого склепа, сырого прокопченнаго дымомъ махорки, пропитаннаго грязью и плѣсенью.

Не обращая ни на кого вниманія, Артемъ медленно обвелъ глазами трактиръ и, на ласковое привѣтствіе буфетчика Савки Хлѣбникова, отвѣтилъ вопросомъ:

— Каинъ не былъ?

— Долженъ скоро быть... Его время близко...

Артемъ подошелъ къ столу у одного изъ оконъ съ желѣзными рѣшетками, спросилъ себѣ чаю и, положивъ на столъ свои громадныя руки, равнодушно осмотрѣлъ публику. Въ трактирѣ было человѣкъ десять, все золоторотцы; они сбились въ кучу около двухъ столовъ и оттуда наблюдали за Артемомъ. Когда же глаза ихъ встрѣчались съ глазами красавца, наблюдатели смущенно и заискивающе улыбались, оче-

видно, желая вступить въ бесѣду съ Артемомъ, но тотъ смотрѣлъ на нихъ тяжело и угрюмо. И всѣ молчали, не рѣшаясь заговорить съ нимъ. Хлѣбниковъ, возясь за буфетомъ, напѣвалъ что-то подъ носъ себѣ и лисьими глазами посматривалъ вокругъ.

Съ улицы въ окна лился гулкій шумъ, влетали рѣзкія ругательства, божба, выкрики торговцевъ. Гдѣ-то близко съ дребезгомъ свалились бутылки, разбиваясь о камни мостовой. Артему стало душно сидѣть въ этомъ душномъ погребѣ...

— Ну, вы, волки,—вдругъ громко и медленно заговорилъ онъ,—вы чего присмирѣли? Пилятъ зѣнки и молчатъ...

— Можемъ и говорить, ваша грозность!—сказалъ Драный Женихъ, вставая и идя къ Артему.

Это былъ тощій человѣкъ въ парусиновой курткѣ и солдатскихъ штанахъ, лысый, остробородый, съ маленькими красными глазами, ехидно прищуренными.

— Хворалъ ты, говорятъ?—спросилъ онъ, усаживаясь противъ Артема.

— Ну?

— Ничего... Не видать было долго... Спросишь,—а гдѣ Артемъ? Говорятъ, заболѣть изволилъ...

— Такъ... Ну?

— Еще... ну? Поѣдемъ дальше... Что у тебя болѣло-то?

— А ты не знаешь?

— Развѣ я тебя лѣчилъ?

— Все врешь вѣдь, собака,—усмѣхнулся Артемъ.—И зачѣмъ врешь? Вѣдь знаешь правду?

— Знаю...—сказалъ Женихъ, тоже усмѣхаясь.

— Такъ чего же врешь-то?

— Стало-быть, такъ умнѣе...

— Умнѣе. Эхъ ты!.. огарокъ!

— Да... вѣдь скажи тебѣ правду-то, пожалуй, и разсердишься...

— Наплевать мнѣ на тебя!

— И на томъ спасибо! А ты съ выздоровленіемъ водкой меня не угостишь?

— Спроси...

Женихъ спросилъ полбутылки водки и оживился.

— Экая у тебя жизнь легкая, Артемъ!.. Всегда есть деньги.

— Ну, такъ что?

— Ничего... Выручаютъ тебя бабы... проклятыя!

— На тебя и не смотрятъ.

— Намъ гдѣ ужъ. У насъ не такія ноги, чтобы ходить по твоей дорогѣ,—вздохнулъ Женихъ.

— Потому баба любитъ здороваго человѣка. Ты что? А я— чистый человѣкъ...

Въ такомъ тонѣ Артемъ постоянно бесѣдовалъ съ золоторотцами. Его равнодушный, лѣнивый и густой голосъ придавалъ особую силу и тяжесть его словамъ, и всегда они были грубы и обидны. Быть-можетъ, онъ чувствовалъ, что эти люди во многомъ хуже его, но во всемъ и всегда умнѣе.

Явился Каинъ съ ящикомъ своихъ товаровъ на груди и съ желтымъ ситцевымъ платьемъ, переброшеннымъ черезъ лѣвую руку. Сдавленный обычнымъ ему чувствомъ страха, онъ сталъ въ дверяхъ, вытянулъ шею и съ безпокойной улыбкой оглянулъ внутренность трактира, но, увидѣвъ Артема, весь просіялъ радостью. Артемъ смотрѣлъ на него и широко улыбался, шевеля губами.

— Айда ко мнѣ!—крикнулъ онъ Каину и, обращаясь къ Жениху, насмѣшливо приказалъ ему:

— А ты пошелъ прочь... Дай человѣку мѣсто..

Рыжая щетинистая рожа Жениха на моментъ одеревянѣла отъ удивленія и досады; онъ медленно поднялся со стула, посмотрѣлъ на товарищей, изумленныхъ не менѣе его, на Каина, безшумно и осторожно подходившаго къ столу... и вдругъ озлобленно плюнулъ на полъ.

— Тьфу!

Послѣ чего медленно и молча ушелъ за свой столъ, гдѣ тотчасъ же раздался глухой шопотъ, въ которомъ были ясно слышны ноты насмѣшки и злобы. Каинъ все улыбался растерянно, радостно, и въ то же время искоса и съ тревогой скашивалъ глаза въ сторону обиженнаго Жениха и его компаніи.

А Артемъ добродушно говорилъ ему:

— Ну, давай чай пить, что ли, купецъ... Пирога надо купить,—будешь пирогъ ѣсть? Ты чего туда глядишь?.. А ты плюнь на нихъ, не бойся... Ну-ка, вотъ я имъ проповѣдь скажу...

Онъ всталъ, движеніемъ плечъ сбросилъ куртку на полъ и подошелъ къ столу недовольныхъ. Высокій и мощный, выпячивая впередъ грудь, разминая плечи и всячески рисуясь своей силой, онъ стоялъ передъ ними съ усмѣшкой на губахъ, а они, замеревъ въ осторожныхъ позахъ, молчали, готовые бѣжать отъ него.

— Ну...—началъ Артемъ,—что вы урчите?

Ему хотѣлось сказать что-нибудь страшно сильное, но словъ не было у него, и онъ остановился...

— Глаголь сразу!—махнулъ рукой Драный Женихъ, скрививъ губы.—А то лучше отстань отъ насъ на всѣ четыре стороны, богова дубина!.

— Молчи!—повелъ бровями Артемъ.—Озлился... зазорно тебѣ, что я съ жидомъ дружбу веду, а тебя прогналъ... Я всѣмъ вамъ говорю,—онъ лучше васъ, жидъ-то! Потому въ немъ доброта къ человѣку есть... а у васъ нѣту ея... Онъ только замученный... а вотъ теперь я беру его подъ свою руку... и ежели какая-нибудь кикимора изъ вашего брата обидитъ его—держись тогда! Прямо говорю—не бить, а мучить буду...

У него дико вспыхнули глаза, жилы на шеѣ вздулись и ноздри задрожали

— Что побили меня пьянаго—это мнѣ ни по чемъ!—силы мнѣ не убавили, только сердце пуще ожесточили... Такъ и знайте! А за Каина, за всякое обидное слово ему, вступлюсь и прямо на смерть буду увѣчить. Такъ всѣмъ и скажите...

Онъ вздохнулъ во всю грудь, точно тяжесть съ себя сбросилъ, и, повернувшись къ нимъ спиной, пошелъ прочь.

— Здорово пущено!—вполголоса воскликнулъ Драный Женихъ и скорчилъ унылую рожу, глядя, какъ Артемъ усаживается противъ Каина.

Каинъ сидѣлъ за столомъ, блѣдный отъ волненія, и не отводилъ отъ Артема расширенныхъ глазъ, полныхъ чувства, неизъяснимаго словами.

— Слыхалъ? — строго спросилъ его красавецъ.—Вотъ... Такъ и знай, какъ кто задѣнетъ тебя, бѣги ко мнѣ и говори. Я сейчасъ приду и развинчу ему кости...

Еврей бормоталъ что-то,—молился Богу или благодарилъ человѣка. А Драный Женихъ и его компанія, пошептавшись другъ съ другомъ, одинъ за однимъ стали выходить изъ трактира. Женихъ, проходя мимо стола Артема напѣвалъ себѣ подъ носъ:

— Кабы къ моему уму
Прибавили денегъ тьму,
Ай, хорошъ бы я былъ,—
Безъ просыпу бы я пилъ...

и, взглянувъ въ лицо Артему, неожиданно докончилъ пѣсню своими словами, скорчивъ рожу и въ тактъ притоптывая ногой:

— Дураковъ бы всѣхъ скупилъ,
Да въ Черномъ морѣ утопилъ:
Вотъ какъ!—

и быстро юркнулъ въ дверь.

Артемъ выругался и оглянулся вокругъ. Въ полутемномъ, закопченномъ и пахучемъ склепѣ осталось только трое людей—онъ, Каинъ противъ него и Савка за буфетомъ.

Лисьи глазки Савки встрѣтились съ тяжелымъ взглядомъ Артема, и длинное лицо его приняло выраженіе сладчайшаго благочестія.

— Превосходно и великолѣпно поступилъ ты, Артемъ Михайлычъ!—говорилъ онъ, поглаживая бороду.—Совсѣмъ по завѣту евангельскому... Какъ въ притчѣ о самарянинѣ милосердномъ. Во гною и струпьяхъ былъ Каинъ-то... А вотъ ты не побрезговалъ.

Артемъ слушалъ не его слова, а эхо ихъ. Оно, отражаемое сводчатымъ потолкомъ трактира, плавало въ его пахучемъ воздухѣ и, густое такое, лѣзло въ уши. Артемъ молчалъ и тихонько трясъ головой, точно желая отогнать отъ себя эти звуки. А они все плавали и вклевывались въ его уши, раздражая его. Было душно и скучно. Какая-то странная тяжель легла на сердце Артема.

Онъ упорно смотрѣлъ на Каина. Обжигаясь и дуя на блюдечко, еврей, наклонивъ голову, пилъ чай, и блюдечко тряслось въ его рукахъ. Иногда Артемъ ловилъ на своемъ лицѣ скользкій взглядъ Каина, и силачу отъ этого взгляда становилось еще скучнѣе. Глухое чувство недовольства чѣмъ-то росло въ его груди, глаза все темнѣли, и онъ дико осматривался вокругъ себя. Въ головѣ его, какъ жернова, ворочались думы безъ словъ. Раньше онѣ не посѣщали его, но вотъ во время болѣзни пришли. И не отходятъ...

Окна, какъ у тюрьмы, съ желѣзными рѣшетками; въ нихъ льется съ улицы оглушающій шумъ... Сырыя, тяжелыя массы камня висятъ надъ головой; липкій отъ грязи, покрытый соромъ, кирпичный полъ... И этотъ маленькій, оборванный, запуганный человѣкъ... Сидитъ, дрожитъ, молчитъ... А въ деревняхъ скоро косьба начнется. Уже за рѣкой, противъ города, трава въ лугахъ почти по поясъ. И когда оттуда пахнетъ вѣтеръ, запахи приноситъ онъ такіе заманчивые...

— Что̀ же ты молчишь все, Каинъ? — недовольно заговорилъ Артемъ.—Али все еще боишься меня? Эхъ, растерянный ты человѣкъ!..

Каинъ поднялъ голову и странно закачалъ ею, а лицо у него было сконфуженное и жалкое.

— А что̀ мнѣ говорить? И какимъ мнѣ языкомъ говорить съ вами? Этимъ?—еврей высунулъ кончикъ языка, показывая его Артему,—которымъ я со всѣми другими людьми говорю? Развѣ мнѣ не стыдно съ вами этимъ языкомъ говорить? Вы думаете, я не понимаю, что вамъ тоже стыдно сидѣть рядомъ со мной? Что̀ я и что̀ вы?—Вы, Артемъ, великая душа, вы, какъ Іуда Маккавей!.. Что̀ бы вы сдѣлали, если бы знали,

зачѣмъ Господь сотворилъ васъ? А! никто не знаетъ великихъ тайнъ Творца и никто не можетъ угадать, зачѣмъ дана ему жизнь. Вы знаете, сколько дней и ночей моей жизни думалъ я, зачѣмъ мнѣ жизнь? Зачѣмъ духъ мой и умъ мой? Что я людямъ? Плевательница для ядовитой слюны ихъ. А что мнѣ люди? Гады, уязвляющіе меня во всѣ мѣста тѣла моего и въ душу мою... Зачѣмъ я живу на землѣ? И зачѣмъ только несчастья знаю я... и въ солнцѣ нѣтъ луча для меня?

Онъ говорилъ эти слова страстнымъ полушопотомъ, и—какъ всегда въ минуты возбужденія его изстрадавшейся души—все лицо его дрожало.

Артемъ не понималъ его рѣчи, но слышалъ и видѣлъ, что то Каинъ жалуется. Отъ этого Артему стало еще тяжелѣе.

— Ну вотъ, опять ты свое!—съ досадой мотнулъ онъ головой.—Вѣдь я же тебѣ сказалъ—заступлюсь!

Каинъ тихо и горько засмѣялся.

— Какъ вы заступитесь за меня предъ лицомъ Бога моего? Это Онъ гонитъ меня...

— Ну, это... конечно! Противъ Бога я не могу,—простодушно согласился Артемъ и съ жалостью посовѣтовалъ еврею:—Ты ужъ терпи!.. Противъ Бога—ничего не подѣлаешь.

Каинъ посмотрѣлъ на своего заступника и улыбнулся... тоже съ жалостью. Такъ сначала сильный пожалѣлъ умнаго, потомъ умъ пожалѣлъ силу, и между двумя собесѣдниками пронеслось нѣкоторое вѣяніе, немного сблизившее ихъ

— А ты женатый?—спросилъ Артемъ.

— О, у меня большая семья для моихъ силъ...—тяжело вздохнулъ Каинъ.

— Ишь ты!—сказалъ силачъ. Ему трудно было представить себѣ женщину, которая любила бы Каина, и онъ съ новымъ любопытствомъ посмотрѣлъ на него, такого хилаго, маленькаго, грязнаго, робкаго.

— У меня было пять дѣтей, теперь—четыре. Одна дѣвочка, Хая, все кашляла, кашляла и умерла... Боже мой... Господь мой!.. И моя жена тоже больная... все кашляетъ

— Трудно тебѣ,—сказалъ Артемъ и задумался.

Каинъ тоже задумался, опустивъ голову.

Въ двери трактира входили старьевщики, подходили къ буфету и тамъ о чемъ-то вполголоса бесѣдовали съ Савкой. Онъ таинственно разсказывалъ имъ что-то, подмигивая въ сторону Артема и Каина, а его собесѣдники удивленно и насмѣшливо поглядывали на нихъ. Каинъ уже подмѣтилъ эти взгляды и встрепенулся. А Артемъ смотрѣлъ за рѣку, въ

луга... Свистятъ тамъ косы, и съ мягкимъ шумомъ трава къ ногамъ косарей ложится...

— Уходите вы, Артемъ... а если не хотите, я уйду... Вотъ пришли люди,—шепталъ Каинъ,—и они смѣются надъ вами изъ-за меня...

— Кто смѣется?—очнувшись отъ грезъ, рявкнулъ Артемъ, дико поводя вокругъ себя глазами.

Но всѣ въ трактирѣ были серьезны и поглощены своимъ дѣломъ. Ни одного взгляда не поймалъ Артемъ. И, сурово нахмуривъ брови, онъ сказалъ еврею:

— Врешь ты все... занапрасно жалуешься... Этакъ-то, смотри, не игра! Ты жалуйся тогда, когда есть противъ тебя вина. Али ты, можетъ, пытаешь меня, нарочно сказалъ?

Каинъ болѣзненно улыбался въ лицо ему и не отвѣчалъ. Нѣсколько минутъ оба они сидѣли молча. Потомъ Каинъ всталъ и, надѣвъ на шею свой ящикъ, приготовился итти. Артемъ протянулъ ему руку:

— Идешь? Ну, иди, торгуй... А я посижу еще тутъ...

Обѣими своими ручонками Каинъ потрясъ громадную лапу своего защитника и быстро ушелъ.

Выходя на улицу, онъ зашелъ за уголъ, остановился тамъ и сталъ выглядывать изъ-за него. Ему была видна дверь трактира, и не пришлось долго ждать. Скоро въ этой двери, какъ въ рамѣ, явилась фигура Артема. Брови у него были нахмурены и лицо такое, какъ будто Артемъ боялся увидѣть что-то непріятное ему. Онъ долго и пристально разсматривалъ людей, толпившихся въ улицѣ, а потомъ его лицо приняло обычное, лѣниво-равнодушное выраженіе, и онъ пошелъ сквозь толпу туда, гдѣ улица упиралась въ гору,—очевидно, на свое любимое мѣсто.

Каинъ проводилъ его тоскливымъ взглядомъ и, закрывъ лицо руками, уперся лбомъ въ желѣзную дверь кладовой, около которой онъ стоялъ...

Вѣская угроза Артема возымѣла свое дѣйствіе: ея испугались, и еврея перестали травить.

Каинъ ясно видѣлъ, что въ терніяхъ, сквозь которыя онъ шелъ къ своей могилѣ, шиповъ стало меньше. Люди какъ будто перестали замѣчать его существованіе. Попрежнему онъ юрко шныряль между нихъ, возглашая свои товары, но ему уже не наступали на ноги нарочно, какъ это бывало раньше, не толкали его въ сухіе бока, не плевали въ его ящикъ... Хотя прежде не смотрѣли на него такъ холодно и враждебно, какъ стали смотрѣть теперь.

Чуткій ко всему, что̀ его касалось, онъ замѣтилъ и эти новые взгляды, замѣтилъ и спросилъ себя,—что̀ они значатъ и чѣмъ грозятъ ему? Много онъ думалъ по этому поводу и не могъ понять, почему на него стали такъ смотрѣть... И онъ вспоминалъ, что прежде, хотя и рѣдко, съ нимъ заговаривали дружелюбно... порой справлялись о ходѣ его дѣлъ... а иногда даже шутили и совсѣмъ не зло шутили...

Каинъ задумывался. Вѣдь ужъ это всегда бываетъ такъ, что въ прошломъ человѣкъ склоненъ видѣть даже и маленькое хорошее, раньше не замѣченное имъ...

Онъ задумывался, чутко слушалъ и зорко смотрѣлъ. Однажды его ушей коснулась новая пѣсня, сложенная Дранымъ Женихомъ, трубадуромъ улицы. Этотъ человѣкъ добывалъ свой хлѣбъ музыкой и пѣніемъ; инструментомъ ему служили восемь деревянныхъ столовыхъ ложекъ; онъ бралъ ихъ между пальцевъ и билъ ими себя по надутымъ щекамъ, по животу, перебирая пальцами, ударялъ ложками другъ о друга, и получался порядочный аккомпанементъ речитативу куплетовъ, которые онъ самъ же слагалъ. Если эта музыка была мало пріятна, такъ зато она требовала отъ исполнителя ловкости фокусника; ловкость же во всѣхъ видахъ цѣнилась публикой улицы.

И вотъ какъ-то разъ Каинъ наткнулся на группу людей, среди которой Женихъ, вооруженный своими ложками, бойко говорилъ:

— Эй, господа честные, арестанты запасные! Играю свѣжую пѣсню, только-что испекъ,—горячій кусокъ! Давай по копейкѣ съ рыла, а у кого рожа—съ того дороже! Начинаю!

Влѣзетъ солнышко въ окошко—
Люди ему рады,
А вотъ, если влѣзу я...

— Это слыхали! — скептически воскликнулъ кто-то изъ публики.

— Знаемъ, что слыхали! Да я тебѣ пирога прежде хлѣба даромъ-то не дамъ...—объявилъ Женихъ, стукая ложками и продолжая напѣвать:

Ой, горько мнѣ живется!
Плохо я удался.
Тятьку съ братомъ повѣсили,
А я оборвался!..

— Жаль!—заявила публика.

Но копейки Жениху сыпали, ибо знали, что это добросовѣстный человѣкъ, и если онъ обѣщалъ новую пѣсню, такъ ужъ дастъ ее.

— Вотъ она новая, дубина еловая!

И ложки затрещали частой задорной дробью.

По-ознакомился быкъ съ паукомъ,
Познакомился жидъ съ дуракомъ,
На хвостѣ носитъ быкъ паука,
Продаетъ бабамъ жидъ дурака,
Эй, вы, тетки...

— Стопъ машина! Господину Каину почтеніе, коломъ по шеѣ! Изволили слушать пѣсню, купецъ? Не для васъ сложена... проходите вашимъ путемъ!

Каинъ разсыпалъ передъ артистомъ свои улыбки и ушелъ прочь отъ него, вздыхая и предчувствуя что-то.

Цѣпилъ онъ эти дни и боялся за нихъ. Каждое утро онъ являлся въ улицу, твердо увѣренный, что сегодня у него никто не посмѣетъ отнять его копеекъ. И глаза его стали немножко свѣтлѣе и покойнѣе. Артема онъ видѣлъ каждый день, но, если силачъ не звалъ его, Каинъ не подходилъ къ нему.

Артемъ же рѣдко подзывалъ его, а подозвавъ, спрашивалъ:

— Ну что̀—живешь?

— О, да! Живу... и благодарю васъ, — радостно блестя глазами, говорилъ Каинъ.

— Не трогаютъ?

— Развѣ они могутъ противъ васъ!—со страхомъ восклицалъ еврей.

— Ну... то-то!.. А коли что̀—скажи.

— Я скажу!

— Вотъ...

Онъ угрюмыми глазами измѣрялъ фигурку еврея и отпускалъ его.

— Иди... торгуй!

И Каинъ быстро отходилъ прочь отъ своего защитника, всегда ловя на себѣ насмѣшливые и злые взгляды публики, взгляды, пугавшіе его.

Такъ продолжалось съ мѣсяцъ.

И вотъ однажды подъ вечеръ, когда Каинъ уже хотѣлъ итти домой, онъ встрѣтилъ Артема. Красавецъ, кивнувъ ему головой, поманилъ его къ себѣ пальцемъ. Каинъ быстро подбѣжалъ къ нему и увидалъ, что Артемъ мраченъ и хмуръ, какъ осенняя туча.

— Кончилъ торговать-то?—спросилъ онъ.

— Уже хотѣлъ уходить домой...

— Погоди... пойдемъ-ка, поговорю я тебѣ что-то...—глухо сказалъ Артемъ.

И двинулся впередъ, громадный и тяжелый, а Каинъ пошелъ сзади него.

Они вышли изъ улицы и повернули къ рѣкѣ, гдѣ Артемъ нашелъ укромное мѣсто подъ обрывомъ у самыхъ волнъ.

— Садись,—сказалъ онъ Каину.

Тотъ сѣлъ, искоса и боязливо поглядывая на своего защитника. Артемъ согнулъ спину и сталъ медленно крутить папиросу, а Каинъ смотрѣлъ на небо, на лѣсъ мачтъ у берега, по ту сторону рѣки, на спокойныя, застывшія въ тишинѣ вечера волны, и соображалъ, о чемъ будетъ говорить силачъ.

— Ну что,—спросилъ Артемъ,—живешь?

— Живу, о! я теперь не боюсь...

— Ну и хорошо

— Благодарю...

— Погоди!—сказалъ Артемъ.

И онъ долго и тяжко молчалъ, попыхивая папиросой, тогда какъ еврей ждалъ его рѣчи, полный смутныхъ и боязливыхъ предчувствій.

— Н-да... Такъ теперь ничего, не обижаютъ?

— О, они боятся васъ! Они всѣ, какъ собаки, а вы—какъ левъ! И я теперь...

— Погоди!

— Н-ну? И что вы хотите мнѣ сказать?—съ трепетомъ спросилъ Каинъ.

— Сказать-то? Это не просто.

— Что же оно такое?

— А!.. видишь ты... будемъ мы говорить прямо. Сразу и—все!

— Ага!

— И я тебѣ долженъ сказать, что больше я—не могу...

— Что? Что не можете?

— Ничего! не могу! Противно мнѣ... Не идетъ мнѣ это... Не мое это дѣло...—вздохнувъ, сказалъ Артемъ.

— Что же? Не ваше дѣло—что?

— Все это... ты и все... Не хочу я больше тебя знать... потому—не мое это дѣло.

Каинъ съежился, точно его ударили, и молчалъ.

— И ежели тебя обидятъ, ты ко мнѣ не иди и не жалуйся мнѣ... я не могу тебѣ помочь... и въ защиту не пойду. Понимаешь? Нельзя мнѣ это...

Каинъ молчалъ, какъ мертвый.

А Артемъ, выговоривъ свои слова, свободно вздохнулъ и продолжалъ яснѣе и болѣе связно:

— За то, что ты меня тогда пожалѣлъ, я могу тебѣ заплатить. Сколько надо? Скажи—и получи. А жалѣть тебя я не могу... Нѣтъ во мнѣ этого... и все я только ломалъ себя... притворялся больше. Думалъ—жалѣю, анъ выходитъ—такъ что одинъ обманъ. Совсѣмъ я не могу жалѣть.

— Потому что—я жидъ?—тихо спросилъ Каинъ.

Артемъ сбоку посмотрѣлъ на него и просто сказалъ одно изъ тѣхъ словъ, которыя родятся въ сердцѣ:

— Что̀ жидъ? Мы всѣ—жиды предъ Господомъ...

— Такъ почему?—тихо спросилъ Каинъ.

— Да не могу! Понимаешь, нѣтъ у меня жалости къ тебѣ... и ни къ кому нѣтъ... Ты это тоже пойми... другому бы я и не сказалъ этого, а просто бы р-разъ ему по башкѣ! А тебѣ говорю...

— Кто возстанетъ за меня противъ злобствующихъ? Кто постоитъ за меня противъ лиходѣевъ?—тихо и грустно спросилъ еврей словами псалма.

— Я—не могу...—отрицательно мотнулъ головой Артемъ.—Не потому я это, что смѣются... мнѣ песъ съ ними, смѣйся... Не жаль мнѣ тебя... А за то—я лучше заплачу деньги...

— О, мстящій Боже! Предвѣчный Богъ возмездій, возсіяй, вознесись, Судія земли...—молился Каинъ, съежившись въ маленькій комокъ.

Лѣтній вечеръ былъ тихъ и тепелъ. Грустно и ласково отражала вода рѣки лучи заката. Съ обрыва на Каина и Артема упала тѣнь.

— Ты подумай,—убѣдительно и грустно говорилъ Артемъ,—какая моя задача теперь? Ты вотъ этого не понимаешь... а я—я долженъ за себя стать... они меня какъ избили? Помнишь?

Онъ скрипнулъ зубами и завозился на пескѣ, а потомъ легъ на спину, протянувъ ноги къ водѣ и закинувъ руки за голову.

— Я теперь всѣхъ ихъ знаю...

— Всѣхъ?—спросилъ Каинъ убито.

— Всѣхъ! Теперь я начну съ ними расчетъ... И ты мнѣ мѣшаешь...

— Чѣмъ я могу мѣшать?—воскликнулъ еврей.

— Не то, чтобы мѣшать, а... такое дѣло—озлобился я противъ всѣхъ людей. Хуже я ихъ? Вотъ оно что̀... Ну и, сталобыть, ты мнѣ теперь—лишній. Понялъ?

— Нѣтъ!—кротко объявилъ еврей и тряхнулъ головой.

— Не понимаешь? Экій ты какой! Тебя жалѣть надо—такъ? Ну, а я теперь не могу жалѣть никого... Нѣтъ у меня жалости-то...

И, толкнувъ въ бокъ еврея, онъ добавилъ:

— Совсѣмъ нѣтъ. Понялъ?

Наступило долгое молчаніе. Вокругъ собесѣдниковъ, в тепломъ и пахучемъ воздухѣ, плавали всплески волнъ какіе-то глухіе, охающіе звуки, приносившіеся издалека, с рѣки, сонной и темной.

— Что̀ же мнѣ теперь дѣлать? — спросилъ наконец Каинъ, но отвѣта не дождался, потому что Артемъ задре малъ или задумался о чемъ-то.—Какъ я буду жить без васъ?—громко сказалъ еврей.

Артемъ, глядя на небо, отвѣтилъ ему:

— А ужъ ты это самъ подумай...

— Боже мой, Боже мой!..

— Вѣдь это тоже не скажешь сразу—какъ жить,—лѣнив говорилъ Артемъ.

Сказавъ то, что̀ хотѣлъ, онъ какъ-то сразу сталъ ясенъ спокоенъ.

— А вѣдь я зналъ это... еще тогда, когда шелъ къ вамъ избитому, то ужъ зналъ... что не можете вы заступаться з меня долго...

И еврей умоляющими глазами посмотрѣлъ на Артема, и не встрѣтилъ его глазъ.

— Вы, можетъ-быть, потому, что смѣются они надъ вам за меня?—спросилъ Каинъ осторожно и чуть не шопотомъ

— Они-то? А что̀ мнѣ они?—открывъ глаза, усмѣхнулс Артемъ.—Ежели бы я захотѣлъ, то посадилъ бы тебя н плечи да и носилъ по улицѣ. Пускай смѣются... А тольк ни къ чему это... Надо все дѣлать по правдѣ... по душѣ. Чего въ ней нѣтъ—такъ уже нѣтъ... И мнѣ, братъ, прям скажу,—противно, что ты такой... да! Вотъ какъ выходитъ

— Ахъ!.. вѣрно. Ну и что̀ я теперь!? уходить?

— Иди, пока свѣтло... не тронутъ еще пока. Вѣдь нашег разговора никто не знаетъ...

— Да-а. И вы не говорите никому, а?—попросилъ Каинъ

— Ну... извѣстно. А ты все-таки не лѣзь мнѣ на глаз часто...

— Хорошо,—тихо и грустно согласился еврей и встал на ноги.

— Тебѣ бы лучше въ другомъ мѣстѣ гдѣ торговать,— равнодушно сказалъ Артемъ.—А то тутъ—строго жизнь дер жатъ... Все напрямки норовятъ...

— Куда же я пойду?

— Ну ужъ... какъ инъ знаешь.

— Прощайте, Артемъ.

— Прощай, братъ!

И онъ, лежа, протянулъ еврею руку и стиснулъ своими пальцами его сухія кости.

— Прощай. Не обижайся...

— Я не обижаюсь,—подавленно вздохнулъ еврей.

— Ну вотъ... Вѣдь этакъ-то лучше, самъ посуди... Больно ты... не для меня товарищъ... Развѣ мнѣ для тебя жить? Не идетъ это...

— Прощайте!

— Ну, иди...

Каинъ пошелъ берегомъ рѣки, опустивъ голову на грудь и сильно сгорбившись.

Красавецъ Артемъ повернулъ голову вслѣдъ ему и черезъ нѣсколько секундъ снова улегся въ прежней позѣ, лицомъ къ небу, уже темному отъ близости ночи...

Въ воздухѣ рождались и таяли странные звуки. Рѣка плескалась о берегъ однообразно, печально и тоскливо.

А Каинъ, пройдя шаговъ пятьдесятъ, вернулся, снова подошелъ къ могучей фигурѣ Артема, распростертой на землѣ, и, остановясь передъ ней, тихо и почтительно спросилъ:

— А можетъ, вы иначе подумаете?

Артемъ молчалъ.

— Артемъ? — позвалъ Каинъ и долго ждалъ отвѣта. — Артемъ? Можетъ, все это такъ себѣ вы?—повторилъ еврей дрожащимъ голосомъ.—Вспомните, какъ я тогда васъ... а? Артемъ!? Никто не пришелъ, а я пришелъ...

Въ отвѣтъ ему раздался слабый храпъ.

...Каинъ еще долго стоялъ надъ силачомъ и все всматривался въ его безжизненно-красивое лицо, смягченное сномъ. Богатырская грудь вздымалась ровно и высоко, и черные усы, шевелясь отъ дыханія, открывали блестящіе, крѣпкіе зубы красавца. Казалось, онъ улыбался...

Глубоко вздохнувъ, еврей еще ниже склонилъ голову и снова пошелъ къ берегу рѣки. Весь трепещущій отъ страха предъ жизнью, онъ шелъ осторожно—въ открытыхъ пространствахъ, освѣщенныхъ луной, онъ умѣрялъ шагъ, вступая въ тѣнь—крался медленно...

И былъ похожъ на мышенка, на маленькаго трусливаго хищника, который пробирается въ свою нору среди многихъ опасностей, отовсюду грозящихъ ему.

А ужъ ночь наступила, и на берегу рѣки было пустынно...

1898.

ДРУЖКИ.

Одного изъ нихъ звали Пляши-нога, другого—Уповающій, а по роду занятій оба они были воры.

Жили они на окраинѣ города, въ слободѣ, странно разметавшейся по оврагу, въ одной изъ ветхихъ лачугъ, слѣпленныхъ изъ глины и полусгнившаго дерева, похожихъ на кучи мусора, сброшенныя въ оврагъ. Воровать „дружки" ходили въ ближайшія къ городу деревни, ибо въ городѣ воровать трудно, а въ слободкѣ у сосѣдей украсть было нечего.

Оба они были парни осторожные и скромные: стащатъ кусокъ полотна, армякъ или топоръ, сбрую, рубаху или курицу, и уже долго потомъ не посѣщаютъ ту деревню, въ которой имъ удалось что-нибудь „слямзить". Но, несмотря на такой умный образъ дѣйствій, подгородные мужики хорошо знали ихъ и грозились при случаѣ избить до смерти. Однако такого случая не представлялось мужикамъ, и кости двухъ друзей были цѣлы, хотя уже лѣтъ шесть кряду друзья слушали угрозы мужиковъ.

Пляши-нога былъ человѣкъ лѣтъ сорока, высокій, сутулый, худой и жилистый. Онъ ходилъ, опустивъ голову къ землѣ, заложивъ за спину длинныя руки, шагая неторопливо, но широко, и на ходу онъ всегда оглядывался по сторонамъ озабоченно прищуренными, безпокойно-зоркими глазами. Волосы на головѣ онъ стригъ, бороду брилъ; густые, сивые солдатскіе усы закрывали ему ротъ, придавая лицу его какое-то ощетинившееся, суровое выраженіе. Лѣвая нога у него, должно-быть, была вывихнута или сломана и срослась такъ, что стала длиннѣе правой; когда онъ, шагая, поднималъ ее, она у него подпрыгивала въ воздухѣ и виляла въ сторону; эта особенность его походки и дала ему прозвище.

Уповающій былъ старше товарища лѣтъ на пять, ниже ростомъ и шире въ плечахъ. Но онъ часто и глухо кашлялъ,

и лицо его, скуластое, обросшее большой, черной съ просѣдью бородой, покрывала болѣзненная желтизна. Глаза у него были большіе, черные, а смотрѣли они на все виновато и ласково. На ходу онъ складывалъ большія губы сердечкомъ и тихо насвистывалъ какую-то пѣсню, однообразную, печальную, всегда одну и ту же. На плечахъ у него болталась короткая одежина изъ разноцвѣтныхъ лохмотьевъ—что-то похожее на ватный пиджакъ; а Пляши-нога ходилъ въ длинномъ сѣромъ кафтанѣ, подпоясанномъ кушакомъ.

Уповающій былъ крестьяниномъ, его товарищъ—сынъ понамаря, бывшій лакей и маркеръ. Ихъ всегда видѣли вмѣстѣ, и крестьяне говорили при видѣ ихъ:

— Опять дружки появились... гляди въ оба!

— Ахъ, дьяволы!

— И когда они подохнутъ?

А дружки шли гдѣ-нибудь проселочной дорогой, зорко поглядывая по сторонамъ и избѣгая встрѣчъ. Уповающій кашлялъ и насвистывалъ свою пѣсню; а нога его товарища плясала въ воздухѣ, какъ бы стремясь оторваться и убѣжать въ сторону съ опаснаго пути своего хозяина. Или они лежали гдѣ-нибудь на опушкѣ лѣса, во ржи, въ оврагѣ, и тихо разговаривали о томъ, какъ украсть для того, чтобы поѣсть.

Зимою даже и волки,—болѣе приспособленные къ борьбѣ за свою жизнь, чѣмъ два друга,—плохо живутъ. Тощіе, голодные и злые, они рыскаютъ по дорогамъ, и хотя ихъ убиваютъ, но боятся: у нихъ есть когти и зубы для самозащиты, главное—сердца ихъ ничѣмъ не смягчены. Послѣднее очень важно, ибо для того, чтобы побѣждать въ борьбѣ за существованіе, человѣкъ долженъ имѣть или много ума, или сердце звѣря.

Зимою дружкамъ приходилось плохо; зачастую оба они выходили по вечерамъ на улицы города и просили милостыню, стараясь не попадаться на глаза полиціи. Очень рѣдко удавалось имъ украсть что-нибудь; ходить по деревнямъ было неудобно, потому что холодно и на снѣгу оставались слѣды, да и безполезно посѣщать деревни, когда все въ нихъ заперто и занесено снѣгомъ. Много силъ теряли товарищи зимой, борясь съ голодомъ, и, можетъ-быть, никто не ждалъ весны такъ жадно, какъ они ждали ее...

И вотъ наконецъ подходила весна. Товарищи, истощенные и больные, вылѣзали изъ своего оврага, радостно смотрѣли на поля, гдѣ съ каждымъ днемъ быстрѣе таялъ снѣгъ, являлись бурыя проталины, лужи блестѣли, какъ зеркала, и ве-

село журчали ручьи. Солнце лило на землю свои безкорыстныя ласки, и оба друга грѣлись въ его лучахъ, разсуждая о томъ, какъ скоро просохнетъ земля и когда наконецъ можно будетъ итти по деревнямъ „стрѣлять“. Часто Уповающій, страдавшій безсонницей, будилъ своего друга раннимъ утромъ и радостно объявлялъ ему:

— Эй! вставай... грачи прилетѣли!

— Прилетѣли?

— Ей-Богу! Слышишь, какъ галдятъ?

Выйдя изъ своей лачуги, они со вниманіемъ и подолгу слѣдили, какъ черные вѣстники весны хлопотливо вили новыя гнѣзда и исправляли старыя, наполняя воздухъ своимъ громкимъ, озабоченнымъ крикомъ...

— Теперь за жаворонками очередь,—говорилъ Уповающій и принимался чинить старую, полусгнившую сѣть.

Являлись жаворонки; тогда товарищи шли въ поле, ставили сѣть на одной изъ проталинъ и, бѣгая по полю, мокрые и грязные, гнали подъ сѣть голодныхъ и утомленныхъ перелетомъ птицъ, искавшихъ корма на сырой, только-что освободившейся изъ-подъ снѣга землѣ. Наловивъ птичекъ, они продавали ихъ по пятачку и гривеннику за штуку. Потомъ являлась крапива, которую они собирали и тащили на базаръ торговкамъ овощами. Почти каждый день весны давалъ имъ что-нибудь новое,—новый, хотя и маленькій заработокъ. Они умѣли всѣмъ пользоваться: верба, щавель, шампиньоны, земляника, грибы—ничто не миновало ихъ рукъ. Солдаты выходили на стрѣльбу,—друзья, послѣ окончанія стрѣльбы, рылись въ валахъ, отыскивая пули, которыя потомъ продавали по двѣнадцати копеекъ за фунтъ. Всѣ эти занятія, хотя и не позволяли друзьямъ умереть съ голоду, но очень рѣдко давали имъ возможность насладиться чувствомъ сытости, пріятнымъ чувствомъ полноты желудка и горячей работой его надъ проглоченной пищей.

Однажды, въ апрѣлѣ, когда на деревьяхъ еще только наливаются почки и лѣса стоятъ, подернутые сизымъ сумракомъ, а на бурыхъ, жирныхъ поляхъ, облитыхъ солнцемъ, чуть-чуть пробивается трава,—друзья шли по большой дорогѣ, шли и, куря самодѣльныя папиросы изъ махорки, разговаривали.

— Все гуще ты кашляешь-то...—спокойно предупреждалъ Пляши-нога товарища.

— Это—наплевать!.. Вотъ солнышкомъ меня подогрѣетъ— и я оживу...

— Мм... А то, можетъ, сходить бы тебѣ въ больницу...

— Ну! На что она мнѣ? Коли помереть надо, и такъ помру.

— Это конечно...

Они шли мимо березъ по тракту, и березы бросали на нихъ узорчатыя тѣни своихъ тонкихъ вѣтвей. Воробьи прыгали по дорогѣ, оживленно чирикая.

— Ходить ты плохо сталъ...—помолчавъ, замѣтилъ Пляши-нога.

— Это оттого, что душитъ меня...—объяснилъ Уповающій.— Воздухъ теперь густой, жирный воздухъ, ну и трудно мнѣ глотать-то его...

И, остановившись, онъ закашлялся.

Пляши-нога стоялъ рядомъ съ нимъ, курилъ и неопредѣленно смотрѣлъ на него. Уповающій трясся въ припадкѣ кашля, теръ грудь руками, а лицо у него стало синимъ.

— Здорово продрало дыхалки-то,—сказалъ онъ, когда перестадъ кашлять.

И они пошли дальше, спугивая воробьевъ.

— Теперь мы двигаемъ на Мухину...—заговорилъ Пляши-нога, бросивъ папироску и сплюнувъ.—Обойдемъ ее по заворкамъ... можетъ, что накроемъ... Дальше Сивцовой рощей на Кузнечиху... Съ Кузнечихи на Марковку свернемъ... да и домой...

— Верстъ тридцать ходу будетъ,—сказалъ Уповающій.

— Лишь бы не даромъ...

Влѣво отъ дороги стоялъ лѣсъ, однообразно-темный и непривѣтливый; среди его голыхъ вѣтвей еще не было видно ни одного зеленаго пятна, ласкающаго глазъ. По опушкѣ его бродила маленькая мохнатая и взъерошенная лошаденка съ подведенными боками; рёбра на ея остовѣ вырисовывались такъ же выпукло, какъ обручи на бочкѣ. Товарищи снова остановились и долго смотрѣли, какъ она медленно переступала ногами, наклоняя морду къ землѣ, и, забирая губами желтыя былинки, тщательно жевала ихъ истертыми желтыми губами.

— Тоже отощала!..—замѣтилъ Уповающій.

— Тпрусень, тпрусень!—поманилъ Пляши-нога.

Лошадь взглянула на него и, отрицательно качнувъ головой, снова опустила ее къ землѣ.

— Не хочетъ къ тебѣ,—пояснилъ Уповающій ея утомленное движеніе.

— Идемъ!.. Ежели ее... татарамъ отвести—рублей семь дадутъ, пожалуй...—задумчиво проговорилъ Пляши-нога.

— Не дадутъ. Чего имъ въ ней!

— А кожа?

— Кожа? Такъ развѣ за кожу столько дадутъ? Трешниц за кожу.

— Н-ну!

— А что? Вѣдь у нея какая кожа? Портянка старая, не кожа...

— Все-таки дадутъ что-нибудь...

— Да, это конечно!...

Пляши-нога взглянулъ на товарища и, остановясь, сказалъ

— Ну?

— Хлопотно...—нерѣшительно откликнулся Уповающій.

— Чего тамъ?

— Опять же слѣды... Земля сырая... видно будетъ, куд повели...

— Лапти надѣнемъ ей...

— Какъ хошь...

— Айда! Загонимъ ее въ лѣсъ и тамъ въ оврагѣ дождемс ночи... А ночью выведемъ и сгонимъ къ татарамъ. Тутъ не далеко—версты три...

— Что жъ?—кивнулъ головой Уповающій,—пойдемъ! Си ница въ руки... Только бы не того...

— Ничего не будетъ!—увѣренно сказалъ Пляши-нога.

Они свернули съ дороги и, оглядываясь по сторонам пошли къ лѣсу. Лошадь посмотрѣла на нихъ, фыркнул взмахнула хвостомъ и снова принялась щипать блеклу траву.

На днѣ глубокаго лѣсного оврага было сыро, тихо и су мрачно. Журчаніе ручья носилось въ тишинѣ, однообразное грустное, какъ жалоба. Съ крутыхъ склоновъ оврага свѣши вались внизъ голыя вѣтви орѣшника, калины, жимолост кое-гдѣ изъ земли безпомощно торчали корни, вымытые ве сенней водой. Лѣсъ былъ еще мертвъ; сумракъ вечера уве личивалъ безжизненное однообразіе его красокъ, а уныло молчаніе, притаившееся въ немъ, наполняло его мрачным и торжественнымъ покоемъ кладбища.

Дружки давно уже сидѣли тутъ въ тишинѣ и сыромъ су мракѣ, подъ группой осинъ, съѣхавшихъ вмѣстѣ съ огромно глыбой земли на дно оврага. Маленькій костеръ ярко горѣл предъ ними, и они, грѣя надъ огнемъ руки, понемногу под брасывали въ него сучья, заботясь о томъ, чтобы огонь во время горѣлъ ровно и костеръ не давалъ дыму. Неподалек отъ нихъ стояла лошадь. Они окутали ей морду рукавом

оторваннымъ отъ лохмотьевъ Уповающаго, и привязали ее за поводъ къ стволу дерева.

Уповающій, сидя на корточкахъ у костра, задумчиво смотрѣлъ въ огонь и насвистывалъ свою пѣсню; его товарищъ, нарѣзавъ пучокъ ивовыхъ прутьевъ, плелъ изъ нихъ корзину и, занятый своимъ дѣломъ, молчалъ.

Унылая мелодія ручья и тихій свистъ бездольнаго человѣка сливались въ одинъ аккордъ и жалостливо плавали въ безмолвіи вечера и лѣса; иногда потрескивали сучья въ огнѣ, потрескивали и шипѣли, точно вздыхали, какъ бы сочувствуя жизни, болѣе медленной, чѣмъ ихъ смерть на огнѣ, и потому болѣе мучительной.

— А что̀... скоро мы пойдемъ?—спросилъ Уповающій.

— Рано еще... Стемнѣетъ совсѣмъ, тогда и пойдемъ...—отвѣтилъ Пляши-нога, не поднимая головы отъ своей работы.

Уповающій вздохнулъ и закашлялся.

— Ты что̀, озябъ, что ли?—спросилъ его товарищъ послѣ долгой паузы.

— Нѣе-е... скушно мнѣ чего-то...

— Ишь ты!—мотнулъ головой Пляши-нога.

— Сердце мнѣ сосетъ...

— Болѣзнь...

— Надо-быть, она... А можетъ, что̀ другое.

Пляши-нога помолчалъ и сказалъ:

— А ты не думай...

— Про что?

— Да про все...

— Видишь ты,—вдругъ оживился Уповающій,—не могу я не думать. Смотрю я на нее,—онъ махнулъ рукой на лошадь,—смотрю и понимаю,—тоже и у меня была такая... Замухрыжка она, а въ хозяйствѣ—первый винтъ! У меня одно время даже пара была... здо̀рово я въ ту пору работалъ.

— А что̀ выработалъ?—кратко и холодно спросилъ Пляши-нога.—Не люблю я этого въ тебѣ... Заведешь волынку и охаешь... а къ чему?

Уповающій молча бросилъ въ огонь горсточку мелко изломанныхъ сучьевъ и сталъ смотрѣть, какъ искры летѣли кверху и гасли въ сыромъ воздухѣ. Глаза у него часто мигали, и по лицу быстро бѣгали тѣни. Потомъ онъ повернулъ голову туда, гдѣ стояла лошадь, и долго разглядывалъ ее.

Она стояла неподвижно, какъ вкопанная въ землю; голова ея, обезображенная повязкой, была понуро опущена.

— Разсуждать надо просто,—сурово и внушительно говорилъ Пляши-нога.—Наше житье: день да ночь—и сутки

прочь! Пища есть—хорошо; нѣтъ—попищи-попищи, да и перестань... потому что ни къ чему это... А ты какъ начнешь... слушать скверно. Отъ болѣзни это у тебя.

— Должно-быть, что отъ болѣзни... — тихо согласился Уповающій, но, помолчавъ, прибавилъ:—А можетъ, отъ слабаго сердца.

— И сердце слабое отъ болѣзни...—категорически заявилъ Пляши-нога.

Онъ перекусилъ зубами прутъ, взмахнулъ имъ, со свистомъ разрѣзалъ воздухъ и строго сказалъ:

— Я вотъ здоровъ—и нѣтъ у меня ничего такого.

Лошадь переступила съ ноги на ногу; затрещалъ какой-то сучокъ; въ ручей посыпалась земля, булькая и вводя новыя ноты въ его тихую мелодію. Потомъ откуда-то вспорхнули двѣ птички и полетѣли вдоль оврага, безпокойно цыркая. Уповающій посмотрѣлъ вслѣдъ имъ и тихо заговорилъ:

— Какія это пташки? Ежели скворцы, нечего имъ дѣлать въ лѣсу... Они около жилья больше. Надо полагать, что это свиристели... некому больше, какъ имъ...

— А можетъ-быть, клесты,—сказалъ Пляши-нога.

— Клестамъ рано быть. И опять же онъ, клестъ, въ сосновомъ лѣсу вьется. Здѣсь ему нечего дѣлать... А это не иначе, какъ свиристели...

— Ну, и пускай ихъ!

— Это конечно,—согласился Уповающій и почему-то тяжко вздохнулъ.

Въ рукахъ Пляши-ноги работа подвигались быстро: онъ уже сплелъ дно корзины и ловко выводилъ бока. Онъ рѣзалъ прутья ножомъ, перекусывалъ ихъ зубами, гнулъ, вязалъ, быстро перебирая пальцами, и посапцвалъ носомъ, ощетинивая усы.

Уповающій смотрѣлъ то на него, то на лошадь, точно окаменѣвшую въ своей понурой позѣ, то въ небо, уже почти ночное, но безъ звѣздъ.

— Хватится мужикъ лошади, — вдругъ заговорилъ онъ страннымъ голосомъ,—а ея и нѣту... Туда-сюда—нѣтъ лошадки!

И Уповающій развелъ руками. Лицо у него было глупое, а глаза такъ часто мигали, точно онъ смотрѣлъ на что-то яркое, вдругъ вспыхнувшее предъ нимъ.

— Это ты къ чему?—сурово спросилъ Пляши-нога.

— Вспомнилъ я одну исторію...—виновато сказалъ Уповающій.

— Какую?

— Да... такъ тутъ... случилось тоже вотъ, что лошадь увели... у моего шабра. Михайлой его звали... большой такой былъ мужикъ... рябой.

— Ну?

— Ну, и увели,.. На озимяхъ паслась она и—нѣтъ ея! Такъ онъ, Михайла-то, какъ понялъ, что обезлошадѣлъ, да какъ грохнется изъемь, да какъ завоетъ! Ахъ, ты, братецъ ты мой, какъ это онъ завылъ тогда!.. и упалъ... ровно ему ноги переломило.

— Ну?

— Ну... долго онъ этакъ-то...

— А тебѣ что̀?

Уповающій при рѣзкомъ вопросѣ товарища отодвинулся отъ него и робко отвѣтилъ:

— Да я такъ это... вспомнилось... Потому что безъ лошади зарѣзъ мужику.

— Вотъ что̀ я тебѣ скажу,—строго началъ Пляши-нога, въ упоръ глядя на Уповающаго,—ты это брось. Изъ такого твоего разговора толку не будетъ... Понялъ? Шаберъ, Михайла! Не твое дѣло.

— Да вѣдь жалко, — возразилъ Уповающій, поводя плечами.

— Жалко? Небось, насъ никому не жалко.

— Это что̀ говорить!..

— Ну, и молчи... Скоро итти намъ надо.

— Скоро?

— Ну да...

Уповающій подвинулся къ костру, помѣшалъ въ немъ палкой и, искоса взглянувъ на Пляши-ногу, вновь погруженнаго въ работу, тихо и просительно сказалъ:

— Давай лучше бросимъ ее...

— Этакая подлая у тебя натура!—со скорбью воскликнулъ Пляши-нога.

— Да ей-Богу!—тихо и убѣдительно говорилъ Уповающій.— Ты подумай, вѣдь опасно! Вѣдь версты четыре надо тащиться съ ней... А какъ татары-то не возьмутъ? Тогда что̀?

— Это мое дѣло!

— Какъ хошь! Только лучше бы ее отпустить... пускай ее и шляется... Вонъ она какая дохлая!

Пляши-нога молчалъ, только пальцы его двигались быстрѣе.

— Сколько за нее дадутъ... въ случаѣ чего?—тянулъ Уповающій тихо, но упрямо.—А теперь время самое хорошее... Сейчасъ будетъ темно,—пошли бы мы вдоль оврага и вышли къ Дубенкамъ... гляди, и поймали бы что-нибудь сподручное.

Монотонная рѣчь Уповающаго, сливаясь съ журчаніемъ ручья, плавала по оврагу и сердила прилежнаго Пляши-ногу.

Онъ молчалъ, сцѣпивъ зубы, и отъ раздраженія прутья ломались подъ его пальцами.

— Теперь бабы холсты бѣлятъ...

Лошадь громко вздохнула и завозилась. Окутанная тьмой, она стала теперь еще болѣе уродливой и жалкой. Пляши-нога поглядѣлъ на нее и сплюнулъ въ костеръ...

— Живность теперь тоже на свободѣ... по лужамъ—гуси...

— Скоро ты весь вытечешь? чортъ!—зло спросилъ Пляши-нога.

— Ей-Богу!.. Ты не сердись, Степанъ, на меня... Бросимъ ее къ лѣшему! Право!

— Ты жралъ сегодня?—крикнулъ Пляши-нога.

— Нѣ...—сконфуженно отвѣтилъ Уповающій, испуганный его крикомъ.

— Ну, и чортъ съ тобой! Сохни ты... А мнѣ наплевать...

Уповающій молча посмотрѣлъ на него—онъ, собравъ въ кучу прутья, связывалъ ихъ въ снопикъ и сердито сопѣлъ. Отъ костра на лицо его падалъ отблескъ, и лицо съ ощетиненными усами было красное, сердитое.

Уповающій отвернулся и тяжко вздохнулъ.

— Мнѣ, я говорю, наплевать,—дѣлай, какъ знаешь,—злобно и осипшимъ голосомъ заговорилъ Пляши-нога.

— Во!—тихо отозвался Уповающій.

— А только я тебѣ говорю, что ежели ты такъ будешь крутить... я тебѣ не компанія! Ладно ужъ, будетъ! Знаю я тебя... вотъ что...

— Да, чудакъ-человѣкъ...

— Больше никакихъ!

Уповающій съежился и закашлялъ; потомъ, откашлявшись и тяжело дыша, онъ сказалъ:

— Вѣдь я почему больше? Потому, что опасно съ ней...

— Ладно!—сердито крикнулъ Пляши-нога.

Онъ поднялъ прутья, вскинулъ ихъ къ себѣ на плечо, взялъ подъ мышку недодѣланную корзину и всталъ на ноги.

Уповающій тоже всталъ, посмотрѣлъ на товарища и тихими шагами пошелъ къ лошади.

— Тпру!.. Христосъ съ тобой... не бойсь!..—раздался въ оврагѣ его глухой голосъ.

— Тпру, тпру... стой!.. Ну, иди себѣ... вотъ и иди... Н-до, дура-а!

Пляши-нога смотрѣлъ, какъ его товарищъ возился около лошади, раскручивая тряпку съ ея морды, и усы суроваго вора вздрагивали.

— Иди, что ли!—сказалъ онъ, двигаясь впередъ.

— Иду,—отвѣтилъ Уповающій.

И, пробираясь сквозь кусты, они молча пошли вдоль оврага среди ночной тьмы, наполнившей его до краевъ.

Лошадь тоже пошла за ними.

Потомъ сзади ихъ раздался плескъ воды, заглушившій мелодію ручья.

— Ишь ты, дура!.. въ ручей оступилась...—сказалъ Уповающій.

Пляши-нога сердито сапнулъ носомъ и промолчалъ.

Во тьмѣ и угрюмомъ молчаніи оврага раздавался тихій шорохъ кустовъ, медленно уплывая вдаль отъ того мѣста, гдѣ красная кучка углей костра сверкала на землѣ, какъ чей-то чудовищный глазъ, злой и насмѣшливый...

Взошла луна.

Ея прозрачное сіяніе наполняло оврагъ дымчатымъ сумракомъ; повсюду упали тѣни; лѣсъ отъ этого сталъ гуще, а тишина въ немъ полнѣе и строже. Бѣлые стволы березъ, посеребренные луной, рисовались на темномъ фонѣ дуба, вяза и кустарника, какъ восковыя свѣчи.

Дружки молча шагали по дну оврага; итти имъ было трудно: ихъ ноги то скользили, то глубоко вязли въ грязи. Уповающій дышалъ часто, и въ груди у него свистѣло, хрипѣло и взвизгивало, точно онъ спряталъ тамъ большіе, давно нечищенные стѣнные часы. Пляши-нога шелъ впереди; тѣнь его прямой и высокой фигуры падала на Уповающаго.

— Иди вотъ! — вдругъ заговорилъ онъ ворчливо и обиженно.—А куда итти? Чего искать? Эхма!..

Уповающій вздохнулъ и промолчалъ.

— Опять же ночь теперь короче воробьинаго носа... придемъ въ деревню къ свѣту... И какъ мы идемъ? Ровно барыни... прогулку дѣлаемъ...

— Тяжело мнѣ, братъ...—тихо сказалъ Уповающій.

— Тяжело?—иронически воскликнулъ Пляши-нога.—Вотъ видишь! А почему?

— Дышать мнѣ очень неспособно... — отвѣтилъ больной воръ.

— Дышать? А отчего неспособно дышать?

— Отъ болѣзни...

— Врешь! Это отъ глупости твоей.

Пляши-нога остановился, обернулся къ товарищу лицомъ и, помахавъ пальцемъ подъ носомъ у него, добавилъ:

— Отъ твоей глупости дышать ты не можешь... да! Понялъ?

Уповающій низко опустилъ голову и виновато сказалъ:

— Конечно...

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но закашлялся, оперся дрожащими руками о стволъ дерева и кашлялъ долго, топчась ногами на одномъ мѣстѣ, взмахивая головой и широко раскрывая ротъ.

Пляши-нога пристально смотрѣлъ въ его лицо, осунувшееся, землистое и зеленоватое отъ луннаго свѣта.

— Всѣхъ ты лѣшихъ въ лѣсу перебудишь... угрюмо сказалъ онъ наконецъ.

А когда Уповающій откашлялся и, закинувъ голову, свободно вздохнулъ, онъ тономъ приказанія предложилъ ему:

— Отдохни... присядемъ!

И они сѣли на сырую землю, въ тѣнь кустовъ. Пляши-нога свернулъ папиросу, закурилъ, посмотрѣлъ на ея огонь и медленно началъ:

— Ежели бы у насъ дома была какая-нибудь ѣда... то можно бы намъ и воротиться домой...

— Это вѣрно...—качнулъ головой Уповающій.

Пляши-нога искоса взглянулъ на него и продолжалъ:

— Но какъ дома у насъ ничего—должны мы итти...

— Да ужъ... надо...—вздохнулъ Уповающій...

— Хоша итти намъ и некуда, потому толку никакого не будетъ... Глупы мы, главная причина! До того мы глупы...

Сухой голосъ Пляши-ноги рѣзалъ воздухъ и, должно-быть, причинялъ большое безпокойство Уповающему: онъ все возился на землѣ, вздыхалъ и странно урчалъ.

— А жрать мнѣ хочется—страсть какъ!—закончилъ Пляши-нога свою тягучую, укоризненно звучащую рѣчь.

Тогда Уповающій рѣшительно всталъ на ноги...

— Куда?—спросилъ Пляши-нога.

— Идемъ.

— Чего ты такъ... вспорхнулъ?

— Идемъ!

— Пойдемъ... — Пляши-нога тоже всталъ.—Только безъ толку...

— Ладно... что̀ будетъ!—махнулъ рукой Уповающій.

— Расхрабрился тоже!..

— А какъ? Пилилъ ты меня, пилилъ, корилъ-корилъ... Господи!

— А зачѣмъ поступаешь зря?

— Зачѣмъ?

— Н-да!

— Да вѣдь мнѣ, чай, жалко?

— Чего? Кого?

— Кого! Человѣка, чай...

— Человѣка?—протянулъ Пляши-нога.—На-те—возьмите, понюхайте да бросьте!.. Ахъ, ты, добрая душа, а ума нѣтъ ни шиша! Да онъ кто тебѣ, человѣкъ-то? Понимаешь ты это? Онъ вотъ поймаетъ тебя за шиворотъ да и... какъ блоху—подъ ноготь! Въ ту пору ты его и пожалѣй... да! Тогда ты ему и обнаружь глупость-то свою. Онъ тебя за твою жалость... семью муками измучаетъ. Кишки твои всѣ на руку себѣ навертитъ... по вершку въ часъ всѣ жилы изъ тебя вытянетъ... Ахъ, ты... жалость! А ты моли Бога, чтобы безъ всякой жалости просто прикокнули тебя и шабашъ! Эхъ, ты! чтобъ тебя дождемъ размочило! Жалость... тьфу!

Онъ былъ возмущенъ, этотъ Пляши-нога.

Его голосъ, рѣзкій, полный ироніи и презрѣнія къ товарищу, гулко носился по лѣсу, и вѣтки кустовъ съ тихимъ шорохомъ качались, какъ бы поддакивая суровымъ и вѣрнымъ словамъ.

Уповающій, подавленный укорами, медленно шагалъ дрожащими ногами, сунувъ руки въ рукава своей куртки и опустивъ голову низко на грудь.

— Погоди...—сказалъ онъ наконецъ.—Чего ужъ? Я поправлюсь... вотъ придемъ въ деревню... я и пойду... одинъ пойду... ты и не ходи совсѣмъ. Прямо стяну... что̀ первое подъ руку попадетъ... и домой!.. Придемъ—лягу я! Трудно мнѣ... Не говори ужъ ты...

Онъ говорилъ чуть слышно, задыхаясь, съ хрипомъ, съ клокотаніемъ въ груди. Пляши-нога подозрительно взглянулъ на него... остановился, хотѣлъ что-то сказать... махнулъ рукой и, ничего не сказавъ, опять пошелъ...

Долго они шли молча и медленно.

Пѣли пѣтухи гдѣ-то близко; собака провыла; потомъ печальный звукъ сторожевого колокола прилетѣлъ изъ дальней сельской церкви и утонулъ въ суровомъ молчаніи лѣса... Большимъ чернымъ пятномъ въ мутный лунный свѣтъ ринулась откуда-то большая птица, и въ оврагѣ зловѣщимъ звукомъ проплылъ торопливый свистъ и шорохъ крыльевъ.

— Воронъ... а то грачъ,—замѣтилъ Пляши-нога.

— Вотъ что̀...—заговорилъ Уповающій, тяжело опускаясь на землю,—иди ты, а я тутъ останусь... не могу я больше,—душитъ... въ головѣ круженье...

— Ну... вотъ те разъ!—недовольно сказалъ Пляши-нога.—Неужто такъ-таки и не можешь?

— Не могу...

— Съ праздникомъ! Тьфу!

— Ослабъ я совсѣмъ...

— Еще бы! не жрамши шляемся съ утра.

— Нѣтъ, это, видно, ужъ... шабашъ мнѣ! Вонъ она, кровища-то хлещетъ!

И Уповающій поднялъ къ лицу Пляши-ноги свою руку, выпачканную чѣмъ-то темнымъ. Тотъ покосился на руку и пониженнымъ голосомъ спросилъ:

— Что же будемъ дѣлать?

— Иди ты... а я останусь... отлежусь, можетъ...

— Куда я пойду? Въ деревню если... сказать имъ—человѣку, молъ, плохо...

— Нѣ... смотри, побьютъ.

— Это какъ есть... Имъ только попадись!..

Уповающій откинулся на спину, глухо кашляя и выплевывая изо рта цѣлые шматки крови...

— Идетъ?—спросилъ Пляши-нога, стоя надъ нимъ, но глядя въ сторону.

— Шибко идетъ...—еле слышно сказалъ Уповающій и закашлялся.

Пляши-нога цинично и громко ругнулся.

— Хоть бы позвать кого!

— Кого?—грустнымъ эхомъ повторилъ Уповающій.

— А можетъ, ты... всталъ бы да и пошелъ... помаленьку?

— Нѣтъ ужъ...

Пляши-нога сѣлъ около головы товарища и, обнявъ колѣни руками, сталъ смотрѣть ему въ лицо. Грудь Уповающаго подымалась неровно, съ глухимъ хрипомъ, глаза провалились, а губы какъ-то странно растянулись и какъ бы пристали къ зубамъ. Изъ лѣваго угла рта по щекѣ ползла живая темная струйка.

— Все еще течетъ?—тихо спросилъ Пляши-нога, и въ тонѣ его вопроса было что-то близкое къ почтенію.

Лицо Уповающаго дрогнуло.

— Течетъ...—раздался слабый хрипъ.

Пляши-нога наклонилъ голову къ колѣнямъ и замолчалъ.

Надъ ними висѣла стѣна оврага, изборожденная глубокими рытвинами отъ весеннихъ потоковъ. Съ вершины ея смотрѣлъ въ оврагъ косматый рядъ деревьевъ, освѣщенныхъ луной. Другой скатъ оврага, болѣе пологій, весь поросъ кустарникомъ; кое-гдѣ изъ его темной массы вздымались сѣрые стволы осинъ, и на ихъ голыхъ вѣтвяхъ ясно были видны гнѣзда грачей.. И оврагъ, облитый луной, былъ похожъ на сновидѣніе, на скучный сонъ, лишенный красокъ жизни; а тихое журчаніе ручья еще болѣе усиливало его безжизненность, оттѣняло тоскливую тишину въ немъ.

— Умираю...—еле слышно шепнулъ Уповающій и вслѣдъ затѣмъ громко и ясно повторилъ:—Умираю я, Степанъ!

Пляши-нога дрогнулъ всѣмъ тѣломъ, завозился, засопѣлъ и, поднявъ голову съ колѣнъ, смущенно, тихонько, точно боялся помѣшать чему-то, заговорилъ:

— А ты не того... не бойся! Ничего... можетъ, это такъ просто... ничего, братъ! ей-Богу!

— Господи Іисусе Христе...—тяжело вздохнулъ Уповающій.

— Ничего! — шепталъ Пляши-нога, наклонясь надъ его лицомъ.—Ты подержись немного... можетъ, пройдетъ...

Но Уповающій началъ кашлять; въ груди у него явился новый звукъ—точно мокрая тряпка шлепалась объ его рёбра. Пляши-нога смотрѣлъ на него и молча шевелилъ усами. Откашлявшись, Уповающій началъ громко и прерывисто дышать—такъ, точно онъ изо всѣхъ силъ бѣжалъ куда-то. Долго онъ дышалъ такъ, потомъ заговорилъ:

— Прости, Степанъ... коли что̀ я... за лошадь вотъ... прости, братокъ!..

— Ты меня прости...—перебилъ Пляши-нога его рѣчь и, помолчавъ, добавилъ:—Я... куда я теперь пойду? И какъ быть?

— Ничего! дай тебѣ Гос...

Онъ охнулъ, не докончивъ словъ, и замолчалъ.

Потомъ началъ хрипѣть... потомъ вытянулъ ноги... одну изъ нихъ отвелъ въ сторону...

Пляши-нога, не сводя глазъ, смотрѣлъ на него. Проходили минуты, какъ часы.

Вотъ Уповающій приподнялъ голову; но она у него тотчасъ же безсильно упала на землю.

— Что̀, братъ?—наклонился къ нему Пляши-нога. Но онъ не отвѣчалъ уже, спокойный и неподвижный.

Посидѣлъ еще немного около товарища суровый Пляши-нога, а потомъ всталъ, снялъ шапку, перекрестился и медленно пошелъ вдоль оврага. Лицо у него обострилось, брови и усы ощетинились, и шагалъ онъ такъ твердо, точно билъ землю ногами, точно больно сдѣлать ей хотѣлъ.

Уже свѣтало. Небо было сѣрое, неласковое; въ оврагѣ царила угрюмая тишина; только ручей, никому не мѣшая, велъ свою однообразную, тусклую рѣчь.

Но вотъ раздался шорохъ... Должно-быть, комъ земли покатился на дно оврага. Проснулся грачъ и, тревожно крикнувъ, полетѣлъ куда-то. Потомъ синица прозвенѣла. Въ сыромъ, холодномъ воздухѣ оврага звуки жили недолго—родятся и тотчасъ же исчезнутъ...

1898.

ПРОХОДИМЕЦЪ.

I.

Встрѣча съ нимъ.

... Натыкаясь во тьмѣ на плетни, я храбро шагалъ по лужамъ грязи отъ окна къ окну, негромко стучалъ въ стекла пальцемъ и провозглашалъ:

— Пустите прохожаго ночевать?!

Въ отвѣтъ меня посылали къ сосѣдямъ, въ „сборню", къ чорту; изъ одного окна обѣщали натравить на меня собакъ, изъ другого — молча, но красноорѣчиво погрозили большимъ кулакомъ. А какая-то женщина кричала мнѣ:

— Иди-ка, иди прочь, пока цѣлъ! У меня мужъ дома...

Я понялъ ее такъ: очевидно, она принимала ночлежниковъ только въ отсутствіе мужа... Пожалѣвъ, что онъ дома, я пошелъ къ слѣдующему окну.

— Добрые люди! Пустите прохожаго ночевать?!..

Мнѣ ласково отвѣтили:

— Иди съ Богомъ... дальше!

А погода была скверная: сыпался мелкій, холодный дождь, и грязная земля была густо окутана тьмой. Иногда откуда-то налеталъ порывъ вѣтра; онъ тихо вылъ въ вѣтвяхъ деревьевъ, шелестѣлъ мокрой соломой на крышахъ и рождалъ еще много невеселыхъ звуковъ, нарушая скорбной музыкой стоновъ и вздоховъ темную тишину ночи. Слушая эту печальную прелюдію къ суровой поэмѣ, которую зовутъ—осень, люди подъ крышами, вѣроятно, были дурно настроены и поэтому не пускали меня ночевать. Я долго боролся съ этимъ ихъ рѣшеніемъ, они стойко сопротивлялись мнѣ и наконецъ уничтожили мою надежду на ночлегъ подъ кровлей. Тогда я вышелъ изъ деревни въ поле, думая, что тутъ, быть-можетъ, найду стогъ сѣна или соломы... хотя только случай могъ указать мнѣ ихъ въ этой густой и тяжелой тьмѣ.

Но вотъ я вижу, что въ трехъ шагахъ отъ меня возвышается что-то большое и еще болѣе темное, чѣмъ сама тьма. Иду туда и догадываюсь — это хлѣбный магазинъ. Хлѣбные магазины строятся не прямо на землѣ, а на сваяхъ или на камняхъ; между поломъ магазина и землей есть пространство, гдѣ порядочный человѣкъ можетъ свободно помѣститься, — стòитъ только лечь на животъ и проползти туда.

Очевидно, судьба хотѣла, чтобы я провелъ эту ночь не только подъ крышей, но и подъ поломъ. Довольный этимъ, я ползъ по сухой землѣ, ощупывая грудью и боками болѣе ровное мѣсто для ложа. И вдругъ во тьмѣ раздается нѣкій спокойно-предупреждающій голосъ:

— Держите лѣвѣе, почтенный...

Это было поистинѣ неожиданно.

— Кто тутъ? — спросилъ я.

— Человѣкъ... съ палкой...

— Палка и у меня есть...

— А спички есть?

— И спички имѣю...

— Вотъ и хорошо!

Я не видѣлъ въ этомъ ничего хорошаго, ибо, на мой взглядъ, хорошо мнѣ могло быть только тогда, когда бы я имѣлъ хлѣбъ и табакъ, а не однѣ только спички.

— А что, въ деревнѣ не пускаютъ ночевать? — спросилъ невидимый голосъ.

— Не пускаютъ, — сказалъ я.

— И меня тоже не пустили...

Это было ясно,—если только онъ просился на ночлегъ. Но онъ могъ и не проситься, а сюда залѣзъ, быть-можетъ, лишь для того, чтобъ выждать удобный моментъ для совершенія какой-нибудь рискованной операціи, непремѣнно требующей покрова ночи. Конечно, всякій трудъ угоденъ Богу, но все-таки я рѣшилъ крѣпко держать въ рукѣ мою палку.

— Не пустили, черти!—повторилъ голосъ.—Дубье! Въ хорошую погоду пускаютъ, а вотъ въ такую—хоть реви!

— А вы куда идете?—спросилъ я.

— Въ... Николаевъ. А вы?

Я сказалъ—куда.

— Попутчики, значитъ. А ну, зажгите-ка спичку, я закурю.

Спички отсырѣли; я очень долго и нетерпѣливо шаркалъ ими доски надъ моей головой. Вотъ наконецъ вспыхнулъ маленькій огонекъ, и изъ тьмы выглянуло блѣдное лицо въ густой черной бородѣ.

Большіе, умные глаза съ усмѣшкой посмотрѣли на меня,

потомъ изъ-подъ усовъ блеснули бѣлые зубы, и человѣк сказалъ мнѣ:

— Хотите курить?

Спичка догорала. Зажгли другую и при свѣтѣ ея еще раз осмотрѣли другъ друга, послѣ чего мой соночлежникъ увѣ ренно объявилъ:

— Ну, намъ, кажется, можно не стѣсняться... берите па пироску.

У него въ зубахъ была другая, и, разгораясь при куреніи она освѣщала его лицо слабымъ красноватымъ свѣтомъ Около глазъ и на лбу у этого человѣка было много глубокихъ и тонко прорѣзанныхъ морщинъ. Раньше, при свѣтѣ спички я замѣтилъ, что онъ одѣтъ въ остатки стараго ватнаго пальто подпоясанъ веревкой, а на ногахъ у него башмаки изъ цѣльнаго куска кожи—„поршни", какъ ихъ зовутъ на Дону.

— Странникъ?—спросилъ я.

— Да, пѣшествую. А вы?

— Тоже.

Онъ завозился, и при этомъ брякнуло что-то металлическое—очевидно, чайникъ или котелокъ, эти необходимыя принадлежности странника по святымъ мѣстамъ; но въ его тонѣ не было оттѣнка того лисьяго благочинія, которое всегда выдаетъ странника, въ его тонѣ не звучала обязательная для странника вороватая елейность, и пока въ рѣчахъ его не было ни вздоховъ благоговѣйныхъ, ни словъ „отъ Писанія". Вообще, онъ не походилъ на профессіоналиста-шатуна по святымъ мѣстамъ, эту худшую разновидность неисчислимой „бродячей Руси",—худшую по своимъ моральнымъ качествамъ и вслѣдствіе массы лжи и суевѣрій, которыми люди этого типа заражаютъ духовно-голодную, всегда алчущую деревню. Къ тому же и шелъ онъ на Николаевъ, гдѣ нѣтъ святыхъ и мощей...

— А откуда шагаете?—спросилъ я.

— Изъ Астрахани...

Въ Астрахани тоже нѣтъ мощей. Тогда я спросилъ его:

— Значитъ, вы отъ „моря до моря" ходите, а не по святымъ мѣстамъ?

— И во святыя мѣста захожу. Почему же не зайти во святое мѣсто? Съ удовольствіемъ захожу... тамъ всегда хорошо кормятъ... особенно, если со мнихами въ интимность вступить. Нашъ братъ Исакій ими очень уважается, потому что великое разнообразіе вноситъ въ ихъ жизнь. А вы какъ насчетъ этого?

Я объяснилъ.

— Кормовыя мѣста. А откуда идете? Ага! Путина протяженная. Запаливайте спичку,—еще покуримъ. Когда куришь, какъ будто теплѣе становится...

Было дѣйствительно холодно: и отъ вѣтра, который то и дѣло нахально врывался къ намъ, и отъ мокрой одежды.

— Можетъ-быть, вы ѣсть хотите? Я имѣю хлѣбъ, картофель и двѣ жареныхъ вороны... дать?

— Ворону?—спросилъ я съ любопытствомъ.

— А вы ихъ не ѣдите? Напрасно...

Онъ сунулъ мнѣ большую краюху хлѣба.

— Я не пробовалъ воронъ...

— На-те, попробуйте. Осенью онѣ превкусныя. И потомъ—гораздо пріятнѣе ѣсть ворону, выуженную своей рукой, чѣмъ хлѣбъ или сало, поданные тебѣ рукой ближняго изъ окна дома его... который всегда, послѣ того, какъ примешь милостыню... хочется поджечь...

Это онъ резонно говорилъ, резонно и интересно. Употребленіе воронъ въ пищу было ново для меня, но не вызвало во мнѣ удивленія: я зналъ, что въ Одессѣ зимой „раклы" ѣдятъ крысъ, въ Ростовѣ—улитокъ. Что тутъ невѣроятнаго? Даже парижане, находясь въ осадномъ положеніи, съ удовольствіемъ ѣли всякую дрянь, а есть люди, которые всю жизнь находятся въ осадномъ положеніи.

— А какъ же вы ловите воронъ?—освѣдомился я.

— Не ртомъ, конечно. Ихъ можно убивать палкой или камнемъ, но вѣрнѣе—удить. Нужно привязать на конецъ длинной бечевки кусокъ сала, мяса или корку хлѣба. Ворона схватитъ, проглотитъ и—тащи ее! Потомъ, свернувъ ей голову, ощипать, выпотрошить и, воткнувъ на палку, жарить надъ костромъ.

— Хорошо бы теперь посидѣть у костра!—вздохнулъ я.

Холодъ становился все ощутительнѣе. Казалось, что и самъ вѣтеръ иззябъ: онъ съ такимъ болѣзненно-дрожащимъ визгомъ бился о стѣны магазина. Порою вмѣстѣ съ нимъ прилеталъ вой собаки, пѣніе пѣтуха, тоскливый звукъ сторожевого колокола сельской церкви, скрытой во тьмѣ. Капли дождя тяжело падали съ крыши магазина на мокрую землю.

— Скучно лежать молча...—сказалъ мой сопочлежникъ.

— А говорить—холодно,—замѣтилъ я.

— А вы суньте вашъ языкъ за пазуху... согрѣется.

— Спасибо за совѣтъ...

— Вмѣстѣ, что ли, пойдемъ? Намъ по дорогѣ...

— Пойдемте!

— Такъ познакомимся... я, напримѣръ, дворянинъ Павелъ Игнатьевъ Промтовъ...

Отрекомендовался и я.

— Ну-съ, такъ вотъ! Теперь спрошу: вы какъ попали на стезю сію? По слабости къ водкѣ, что ли?

— Отъ скуки жизни...

— И это возможно... А вы знаете одно сенатское изданіе, именуемое: справки о судимости?

— Знаю...

— Ваше имя тамъ напечатано?

Я въ то время еще нигдѣ не печатался, о чемъ и заявилъ ему.

— И я тоже не пропечатанъ...

— Но надѣетесь?

— Все въ руцѣ Божіей!

— А вы, кажется, веселый человѣкъ?

— О чемъ горевать?!..

— Не всякій скажетъ это, будучи въ вашемъ положеніи,— усомнился я въ искренности его словъ.

— Положеніе—сырое и холодное, но вѣдь оно измѣнится съ разсвѣтомъ. Взойдетъ солнце... вѣдь оно взойдетъ? Тогда мы вылѣземъ отсюда и будемъ пить чай, поѣдимъ, согрѣемся... Развѣ плохо?

— Хорошо! — согласился я.

— Ну, вотъ видите! Все дурное имѣетъ свои хорошія стороны.

— Все хорошее — свои дурныя...

— Аминь!—тономъ дьякона возгласилъ Промтовъ.

Ей-Богу, мнѣ съ нимъ становилось весело! Я жалѣлъ, что не могу видѣть его лица, которое, судя по богатству интонацій голоса, должно было очень выразительно играть. Мы долго говорили съ нимъ о пустякахъ, скрывая за ними обоюдное желаніе ближе узнать другъ друга, и я внутренно восхищался той ловкостью, съ которой онъ, умалчивая о себѣ, заставлялъ меня высказываться предъ нимъ.

Пока мы мирно бесѣдовали, дождь пересталъ, и тьма незамѣтно начала таять; уже на востокѣ загоралась нѣжнымъ блескомъ розоватая полоса разсвѣта. Съ разсвѣтомъ вмѣстѣ явилась и свѣжесть утра — пріятная и бодрящая, когда она застаетъ человѣка одѣтымъ въ сухое и теплое платье.

— Не найдемъ ли мы тутъ чего-нибудь для костра... сухой щепки? — спросилъ Промтовъ.

Ползая по землѣ, мы поискали, но ничего не нашли. Тогда рѣшили отодрать какую-то доску, не особенно крѣпко прибитую къ своему мѣсту. Отодравъ, превратили ее въ щепы. Затѣмъ Промтовъ предложилъ попробовать, нельзя ли про-

вертѣть дыру въ полу магазина, дабы достать зеренъ ржи,— ибо, если рожь сварить въ водѣ, получается хорошая пища. Я протестовалъ, заявивъ, что это неудобно: мы выпустимъ изъ магазина нѣсколько пудовъ ржи для того, чтобъ взять ея два-три фунта.

— А вамъ какое до этого дѣло?—спросилъ Промтовъ.

— Нужно, я слышалъ, имѣть уваженіе къ чужой собственности...

— Это, батенька, только тогда нужно, когда есть своя... и нужно только потому, что она для всякаго другого—чужая...

Я замолчалъ, думая про себя, что этотъ человѣкъ долженъ быть крайнимъ либераломъ въ вопросѣ о собственности, и что пріятность знакомства съ нимъ имѣетъ свое неудобство.

Вскорѣ явилось солнце, веселое и яркое. Голубые куски неба смотрѣли изъ разорванныхъ тучъ, медленно и устало плывшихъ на сѣверъ. Всюду сверкали капли дождя. Мы съ Промтовымъ вылѣзли изъ-подъ магазина и пошли полемъ, по щетинѣ скошеннаго хлѣба, къ зеленой, извилистой лентѣ деревьевъ вдали отъ насъ.

— Тамъ—рѣка,—сказалъ мой знакомый.

Я смотрѣлъ на него и думалъ, что ему, должно-быть, лѣтъ сорокъ, и что жизнь для него была не шуткой. Его глаза, темные и глубоко запавшіе въ орбиты, блестѣли спокойно и самоувѣренно, а когда онъ немного прищуривалъ ихъ, лицо его принимало выраженіе лукавое и черствое. Въ его твердой и спорой походкѣ, въ ранцѣ изъ кожи, ловко прикрѣпленномъ на спинѣ, во всей его фигурѣ видна была привычка къ бродячей жизни, волчья опытность и лисья сноровка.

— Пойдемъ мы съ вами такъ, — говорилъ онъ: — сейчасъ за рѣкой, верстахъ въ шести, будетъ село Манжелѣя, а отъ него прямая дорога на Новую Прагу. Около этого мѣстечка живутъ штундисты, баптисты и другіе мечтающіе мужички... Они прекрасно кормятъ, если имъ соврать что-нибудь утѣшительное. Но о Писаніи съ ними—ни слова! Они сами въ Писаніи, какъ дома...

Мы выбрали себѣ мѣсто недалеко отъ группы осокорей, набрали камней, которыхъ много валялось на берегу рѣчонки, мутной отъ дождя, и на камняхъ развели костеръ. Верстахъ въ двухъ отъ насъ на возвышенности стояла деревня, и на соломѣ ея крышъ блестѣло розоватое золото разсвѣта. Стѣны бѣлыхъ хатъ скрывали острыя пирамиды тополей, окрашенныя въ краски осени и утренняго солнца. Тополя окутывалъ сѣрый дымъ изъ трубъ, окутывалъ, затемняя оранжевые и багряные цвѣта листвы и нѣжно-голубое небо между нею.

— Я буду купаться, — объявилъ Промтовъ.—Это необхо димо послѣ такой скверной ночи. Совѣтую и вамъ. А пок мы освѣжимся — чай вскипитъ. Знаете, нужно заботиться чтобы естество наше всегда было чисто и свѣжо.

Говоря, онъ раздѣвался. Тѣло у него было породистое красиво сложенное, съ крѣпкими, хорошо развитыми муску лами. И когда я увидалъ его обнаженнымъ, грязныя лохмотья сброшенныя имъ съ себя, показались мнѣ вдвое болѣе гнусными и мерзкими, чѣмъ казались до сей поры... Окунувшись въ жгучую воду рѣки, дрожащіе и синіе отъ холода, мы выскочили на берегъ и торопливо одѣли наше платье, согрѣтое у костра Потомъ сѣли къ огню пить чай.

У Промтова была желѣзная кружка; онъ налилъ въ нее кипящаго чаю и предложилъ его сначала мнѣ. Но чортъ, который готовъ посмѣяться надъ человѣкомъ, дернулъ меня за одну изъ лживыхъ струнъ сердца, и я великодушно заявилъ:

— Спасибо! Пейте сначала вы, я подожду.

Я сказалъ это въ твердой увѣренности, что Промтовъ непремѣнно захочетъ соревноваться со мною въ великодушіи и вѣжливости, тогда я уступилъ бы ему и первый выпилъ бы чай. Но онъ просто сказалъ:

— Ну, хорошо...

И поднесъ кружку къ своему рту.

Я отвернулся въ сторону и сталъ пристально смотрѣть въ пустынную степь, желая убѣдить Промтова, будто я не вижу, какъ ѣдко смѣются надо мной его темные глаза. А онъ прихлебывалъ чай, жевалъ хлѣбъ, вкусно чмокая губами, и дѣлалъ все это мучительно-медленно. У меня отъ холода даже внутренности дрожали, и я готовъ былъ въ горсть себѣ налить кипятку изъ чайника.

— Что̀, — засмѣялся Промтовъ, — не выгодно деликатничать-то?

— Увы! — сказалъ я.

— Ну и прекрасно! Учитесь... Зачѣмъ уступать другому то, что̀ тебѣ выгодно или пріятно? Вѣдь хотя и говорятъ, что всѣ люди—братья, однако никто не пробовалъ доказать это метрическими справками...

— Ужъ будто вы именно такъ думаете?

— А чего ради я говорилъ бы не такъ, какъ думаю?

— Знаете, вѣдь человѣкъ всегда немножко рисуется, кто бы онъ ни былъ...

— Не пойму я, чѣмъ вызвалъ у васъ такое недовѣріе ко мнѣ... — пожалъ плечами этотъ волкъ. — Ужъ не тѣмъ ли,

что далъ вамъ хлѣба и чаю? Такъ я сдѣлалъ это не изъ братскихъ чувствъ, а изъ любопытства. Вижу человѣка не на своемъ мѣстѣ, и хочется знать, какъ и чѣмъ его вышибло изъ жизни...

— И мнѣ тоже этого хочется... Скажите мнѣ: кто и что̀ вы?—спросилъ я у него.

Онъ пытливо посмотрѣлъ на меня и, помолчавъ, сказалъ:

— Человѣкъ никогда точно не знаетъ, кто онъ... Нужно спрашивать у него, за кого онъ себя принимаетъ.

— Хотя бы и такъ.

— Ну... думаю, что я человѣкъ, которому въ жизни тѣсно. Жизнь узка, а я—широкъ... Можетъ-быть, это невѣрно. Но на свѣтѣ есть особый сортъ людей, родившихся, должно-быть, отъ Вѣчнаго Жида. Особенность ихъ въ томъ, что они никакъ не могутъ найти себѣ на землѣ мѣста и прикрѣпиться къ нему. Внутри нихъ живетъ тревожный зудъ желанія чего-то новаго... мелкіе изъ нихъ никогда не могутъ выбрать себѣ штановъ по вкусу и отъ этого всегда не удовлетворены и несчастны, крупныхъ ничего не удовлетворяетъ—ни деньги, ни женщины, ни почетъ... Такихъ людей въ жизни не любятъ: они дерзновенны и неуживчивы. Вѣдь большинство людей—пятачки, ходовая монета... и вся разница между ними въ годахъ чеканки. Этотъ—стертъ, этотъ—поновѣе, но цѣна имъ одна, матеріалъ ихъ одинаковъ, и во всемъ они тошнотворно схожи другъ съ другомъ. А я вотъ не пятачокъ... хотя, можетъ-быть, я семишникъ... Вотъ и все.

Онъ говорилъ все это, скептически усмѣхаясь, и мнѣ казалось, что онъ самъ не вѣритъ себѣ. Но онъ возбуждалъ во мнѣ жадное любопытство, и я рѣшилъ итти за нимъ, пока не узнаю, кто онъ. Было ясно, что это такъ называемый „интеллигентный человѣкъ". Ихъ много среди бродягъ, но всѣ они — мертвые люди, потерявшіе всякое уваженіе къ себѣ, лишенные способности къ самооцѣнкѣ, и всѣ они живутъ лишь тѣмъ, что съ каждымъ днемъ своей жизни падаютъ все ниже въ грязь и гадость; потомъ они растворяются въ ней и исчезаютъ изъ жизни.

Но у Промтова было что-то твердое, стойкое. И онъ не жаловался на жизнь, какъ это дѣлаютъ всѣ.

— Ну что̀ же? Идемъ!—предложилъ онъ.

— Идемъ!

Мы поднялись съ земли, согрѣтые чаемъ и солнцемъ, и пошли берегомъ рѣки внизъ по ея теченію.

— А вы какъ добываете пропитаніе? — спросилъ я Промтова.—Работаете?

— Ра-аботаю? Нѣтъ, я до этого не охотникъ...

— Но какъ же?

— А... вотъ увидите!

Онъ замолчалъ. Потомъ, пройдя нѣсколько шаговъ, сталъ насвистывать сквозь зубы какую-то веселую пѣсню. Глаза его увѣренно и зорко оглядывали степь, и шагалъ онъ твердо, какъ человѣкъ, идущій къ цѣли.

Я смотрѣлъ на него, и желаніе понять, съ кѣмъ я имѣю дѣло, сильнѣе разгоралось во мнѣ.

Насъ окружала степь, пустынная и тихая, надъ нами сіяло ласковое солнце юга, мы вдыхали полной грудью чистый, бодрящій воздухъ и шли вдаль, гдѣ обрывки тучъ столпились въ красивый хаосъ красокъ и формъ.

...Когда мы вошли въ улицу села, къ намъ подъ ноги откуда-то бросилась маленькая собака и съ громкимъ лаемъ стала вертѣться вокругъ насъ. При каждомъ взглядѣ на нее, она, пугливо взвизгивая, отскакивала въ сторону, какъ мячъ, и снова бросалась на насъ, ожесточенно лая. Выбѣгали ея подруги, но онѣ не отличались такимъ усердіемъ: тявкнутъ разъ-два и куда-то скроются. Ихъ равнодушіе, кажется, еще болѣе возбуждало рыжую собачонку.

— Видите, какая подлая натура?—сказалъ Промтовъ, кивая головой на ревностную собаку.—И вѣдь это лжетъ она. Она понимаетъ, что лаять не нужно, и она не зла—она труслива и желаетъ выслужиться передъ хозяиномъ. Черта чисто-человѣческая... и, несомнѣнно, воспитана въ ней человѣкомъ. Портятъ люди звѣрей... Скоро наступитъ время, когда и звѣри будутъ такими же подлыми и неискренними, какъ вотъ мы съ вами...

— Благодарю,—сказалъ я.

— Не на чемъ. Однако мнѣ нужно пострѣлять...

На его выразительномъ лицѣ явилась скорбная мина, глаза стали глупыми, весь онъ согнулся, сжался, и лохмотья на немъ стали стоймя, какъ плавники ерша.

— Надо обратиться къ ближнему съ просьбой о хлѣбѣ,—объяснилъ онъ мнѣ свое превращеніе и сталъ зорко смотрѣть въ окна хатъ. У одной хаты подъ окномъ стояла женщина, кормя грудью ребенка. Промтовъ поклонился ей и просительно сказалъ:

— Ненько моя! А дайте жъ страннимъ людямъ хлѣба!

— Не прогнѣвайтеся! — отвѣтила женщина, окинувъ насъ подозрительнымъ взглядомъ.

— Чтобъ у тебя въ грудяхъ сперло, суча дочка,—сурово пожелалъ ей мой спутникъ.

Женщина взвизгнула, какъ ужаленная, и бросилась къ намъ.

Промтовъ, не двигаясь съ мѣста, смотрѣлъ ей въ лицо своими черными глазами, и выраженіе ихъ было дико и зловѣще... Баба поблѣднѣла, вздрогнула и, что-то пробормотавъ, быстро пошла въ хату.

— Идемте,—предложилъ я Промтову...

— А вотъ подождемъ, пока она вынесетъ хлѣба...

— Она вышлетъ на насъ мужа съ вилами.

— Много вы понимаете, — скептически усмѣхнулся этотъ волкъ.

Онъ былъ правъ,—женщина явилась передъ нами, держа въ рукахъ полъ-коровая хлѣба и солидный шматокъ сала. Молча и низко поклонившись Промтову, она просительно сказала ему:

— Пожалуйте, возьмите, человѣче Божій, не гнѣвайтесь...

— Спаси тебя, Боже, отъ злого ока, отъ ворожбы и трясцы!.. — внушительно напутствовалъ ее Промтовъ. И мы пошли...

— Послушайте, — сказалъ я, когда мы были уже далеко отъ хаты,—что это у васъ какой странный... чтобы не сказать болѣе, способъ прошенія?

— Самый вѣрный... Если на бабу стрѣльнуть хорошенько глазами — она приметъ за колдуна, испугается и не только хлѣба—всю мужнину „кишеню“ цѣликомъ отдастъ. Для чего мнѣ просить и унижаться предъ ней, когда я могу приказать? Я всегда думалъ, что лучше вырвать, чѣмъ выпросить... ну, а если нельзя вырвать, конечно, надо просить.

— А не случалось, что вамъ вмѣсто хлѣба...

— По шеѣ давали? Нѣтъ. Сунься-ка ко мнѣ! У меня, батенька, есть съ собой магическая бумажка... стоитъ мнѣ ее показать мужику, и онъ рабъ мой... Хотите, покажу?

Я держалъ въ своихъ рукахъ эту довольно грязную и измятую бумажку и видѣлъ: это было проходное свидѣтельство, выданное Павлу Игнатьеву Промтову, высланному административнымъ порядкомъ изъ Петербурга, для слѣдованія изъ Астрахани въ Николаевъ. На бумажкѣ была печать астраханскаго полицейскаго правленія и соотвѣтствующія подписи,—все какъ слѣдуетъ...

— Не понимаю!—сказалъ я, возвращая этотъ документъ въ руки собственника.—Какимъ это случаемъ вы, высланный изъ Петербурга, слѣдуете изъ Астрахани?

Онъ разсмѣялся, всей своей фигурой выражая сознаніе своего превосходства надо мной.

— А вѣдь очень просто! Подумайте — меня высылаютъ изъ Петербурга и, высылая, мнѣ предлагаютъ выбрать, за извѣстными исключеніями, мѣсто жительства. Я называю Курскъ, скажемъ къ примѣру. Являюсь въ Курскъ, иду въ полицію... Честь имѣю представиться! Курская полиція не можетъ принять меня любезно: у нея своихъ хлопотъ—полонъ ротъ. Она предполагаетъ, что передъ ней мазурикъ и ловкій мазурикъ, если отъ него не могли избавиться по силѣ и при помощи статей закона, а должны были для его искорененія прибѣгнуть къ административнымъ мѣрамъ. И она всегда рада сбыть меня куда-нибудь — хоть бы въ омутъ головой. Видя ея затрудненія, я, по человѣчеству, прихожу къ ней на помощь. Такъ какъ,—говорю я,—я самъ избиралъ мѣсто жительства, то не пожелаете ли вы, чтобъ я и еще разъ избралъ его?—Они рады скачать меня съ шеи. Я и говорю, что готовъ уйти изъ круга ихъ попеченія о неприкосновенности личностей и имущества... но мнѣ, за мою любезность, слѣдуетъ дать на дорогу. Они даютъ рублей пять, десять, больше и меньше, смотря по настроенію и характеру, — всегда даютъ съ удовольствіемъ. Лучше потерять пять цѣлковыхъ, чѣмъ пріобрѣсти въ лицѣ моемъ лишнее безпокойство,—не такъ ли?

— Можетъ-быть,—сказалъ я.

— Да ужъ именно такъ! И они снабжаютъ меня бумажкой, совершенно непохожей на паспортъ. Въ различіи же этой бумажки съ паспортомъ и заключается ея магическая сила. На ней написано: адми-ни-стра-тивно высланному изъ Пе-те-рбу-рга! О! Я показываю ее старостѣ, который, по обыкновенію, глупъ, какъ пень, и онъ въ ней ни дьявола не понимаетъ. Онъ боится ея: на ней печати. Я говорю ему: на основаніи этой бумаги ты долженъ дать мнѣ ночлегъ. Онъ даетъ. Долженъ накормить меня! Онъ кормитъ. Иначе онъ не можетъ, потому что въ бумагѣ изображено—изъ Петербурга, административно. Чортѣ знаетъ, что̀ оно такое — административно? Можетъ-быть, это значитъ: посланъ тайно для разслѣдованія насчетъ кустарныхъ промысловъ, поддѣлки фальшивой монеты, тайнаго винокуренія, тайной продажи питій? Или насчетъ того — какъ усердно посѣщаютъ православную церковь?.. А можетъ-быть, что-нибудь касательно земли? Да кто разберетъ, что̀ такое значитъ — административно изъ Петербурга? Можетъ-быть, я кто-нибудь переряженный... Мужикъ глупъ, что̀ онъ понимаетъ?

— Да, онъ мало понимаетъ,—замѣтилъ я.

— И это очень хорошо! — оживленно и съ убѣжденіемъ

заявилъ Промтовъ. — Именно такимъ онъ и долженъ быть и въ такомъ лишь видѣ онъ и необходимъ для всѣхъ, какъ воздухъ. Ибо что̀ есть мужикъ? Мужикъ есть для всѣхъ людей матеріалъ питательный, сирѣчь — съѣдобное животное. Напримѣръ, я. Развѣ возможно было бы мнѣ пребываніе на землѣ безъ мужика? Для существованія человѣка необходимы солнце, вода, воздухъ и мужикъ.

— А земля?

— Былъ бы мужикъ—земля будетъ! Сто̀итъ ему приказать: эй, ты! сотвори земли! И—бысть земля. Онъ не можетъ ослушаться...

Любилъ говорить этотъ веселый пройдоха! Мы давно уже вышли изъ села, прошли мимо многихъ хуторовъ, и уже снова предъ нами стояла деревня, вся утопавшая въ оранжевой листвѣ осени. Промтовъ болталъ—веселый, какъ чижъ, а я слушалъ его и думалъ о мужикѣ и новомъ для меня видѣ паразита, разъѣдающаго его мужицкое призрачное благосостояніе... Когда мужику заплатятъ чѣмъ-нибудь хорошимъ за все дурное, которымъ такъ щедро награждаютъ его? Вотъ рядомъ со мной идетъ продуктъ городской жизни, циничный и умный проходимецъ, живущій насчетъ соковъ этого мужика,—волкъ, увѣренный въ своей волчьей силѣ...

— Послушайте-ка!—вдругъ вспомнилъ я одно обстоятельство.—Мы встрѣтились съ вами при такихъ условіяхъ, которыя заставляютъ меня сильно усомниться въ дѣйствіи вашей бумажки... Это какъ объяснить?

— Э!—усмѣхнулся Промтовъ. — Очень просто: я уже проходилъ по симъ мѣстамъ... а не всегда, знаете, удобно напоминать о себѣ...

Его откровенность правилась мнѣ. Откровенность — всегда хорошее качество, и очень жаль, что оно рѣдко встрѣчается среди порядочныхъ людей. И я внимательно вслушивался въ развязную болтовню моего спутника, пытаясь опредѣлить, таковъ ли онъ, какимъ себя рисуетъ...

— Вотъ передъ нами деревня... желаете, я покажу вамъ силу моей бумажки?—предложилъ Промтовъ.

Я отказался отъ этого опыта, предложивъ ему лучше разсказать мнѣ, за что именно его наградили этой бумажкой?..

— Ну, это, знаете ли, дли-инная исторія!—махнулъ онъ рукой.—Но я разскажу... когда-нибудь. А пока что̀—давайте отдохнемъ и закусимъ. Пищевой снарядъ у насъ есть въ достаточномъ количествѣ, значитъ, итти въ деревню и безпокоить ближняго намъ пока не требуется.

Отойдя въ сторону отъ дороги, мы усѣлись на землю и

стали ѣсть. Потомъ, разлѣпившись подъ теплыми лучами солнца и дуновеніемъ мягкаго вѣтра степи, мы улеглись и заснули... А когда проснулись, солнце, багровое и большое, уже было на горизонтѣ, и на степь ложились тѣни южнаго вечера.

— Ну, вотъ видите,—объявилъ Промтовъ,—судьбѣ угодно, чтобъ мы заночевали въ этой деревушкѣ...

— Пойдемте, пока еще свѣтло,—предложилъ я.

— Не бойтесь! Сегодня ночуемъ подъ кровомъ...

Онъ былъ правъ: въ первой же хатѣ, куда мы толкнулись съ просьбой о ночлегѣ, насъ гостепріимно пригласили войти.

Хозяинъ хаты, крупный и добродушный „чоловікъ", только-что пріѣхалъ съ поля, гдѣ оралъ; его „жінка" готовила „вечеряти". Четверо чумазыхъ ребятишекъ, сбившись въ кучу въ углу хаты, смотрѣли оттуда на насъ любопытными и робкими глазами. Дородная „жінка" быстро и молча металась изъ хаты въ сѣни и обратно, внося то хлѣбъ, то кавуны, то молоко. Хозяинъ сидѣлъ противъ насъ на лавкѣ и сосредоточенно теръ себѣ поясницу, кидая на насъ вопрошающіе взгляды.

Вскорѣ съ его стороны послѣдовалъ обычный вопросъ:

— Гдѣ жъ вы идете?

— Ходимъ, добрый человѣкъ, отъ моря до моря, до Кіева города... — бойко отвѣчалъ Промтовъ словами старой колыбельной пѣсни...

— Чего жъ тамъ у Кіевѣ?—подумавъ, спросилъ чоловікъ.

— А святыя мощи?

Чоловікъ посмотрѣлъ на Промтова и молча сплюнулъ. Потомъ послѣ паузы спросилъ:

— А видкиля идете?

— Я — изъ Петербурга, онъ изъ Москвы, — отвѣчалъ Промтовъ.

— Отъ що?—поднялъ брови хохолъ.—А що этотъ Петербургъ? Кажутъ люди, що винъ на мори построенъ... и що его заливаетъ...

Дверь отворилась, и явилось двое хохловъ.

— А мы до тебе, Михаилъ...—объявилъ одинъ изъ нихъ.

— Що жъ вы до мене?

— Та воно таке діло... Що се за люди?

— Ось цей? — спросилъ хозяинъ, кивая на насъ головой.

— Эге жъ!

Хозяинъ помолчалъ, подумалъ и, медленно покрутивъ головой, объявилъ:

— Хиба жъ я знаю?

— Мабудь, вы странники?—спросили у насъ.

— Эге!—отвѣтилъ Промтовъ.

И воцарилось долгое молчаніе, въ теченіе котораго три хохла разсматривали насъ упорно, подозрительно, любопытно... Наконецъ всѣ усѣлись за столъ и начали съ трескомъ уничтожать кроваво-красные кавуны.

— А... мабудь, который изъ васъ есть и письменный?—обратился къ Промтову одинъ изъ хохловъ.

— Оба,—кратко отвѣтилъ Промтовъ.

— Такъ не знаете ли вы часомъ, що треба дѣлать чоловіку, якъ въ него хребетъ ноетъ и зудитъ до того, что ночью и спати не можно?

— Знаемъ!—объявилъ Промтовъ.

— А що?

Промтовъ долго жевалъ хлѣбъ, потомъ вытиралъ руки о свои лохмотья, потомъ задумчиво смотрѣлъ въ потолокъ и наконецъ рѣшительно и даже сурово заговорилъ:

— Нарвать кропивы и велѣть бабѣ на ночь тою кропивой растереть хребетъ, а потомъ смазать его коноплянымъ масломъ съ солью... вотъ и все!

— Что же съ того буде?—освѣдомился хохолъ.

— А ничего не будетъ,—пожалъ плечами Промтовъ.

— Ничого?

— Какъ есть ничего!

— А поможетъ воно?

— Поможетъ...

— Спытаю... Спасибо вамъ...

— На здоровьечко! — пожелалъ Промтовъ совершенно серьезно.

Долгое молчаніе, хрустъ кавуновъ, шопотъ дѣтей...

— А слухайте вы,—заговорилъ хозяинъ хаты,—якъ того... воно не звистно вамъ... мабудь, краемъ вуха зловили вы въ Петербурги або въ Москви... той... насчетъ Сибири... можно переселяться, чи не можно? Бо земскій — бреше винъ чи съ правды—бачилъ, що зовсимъ не можно.

— Не можно!—рубитъ Промтовъ.

Хохлы переглянулись другъ съ другомъ, и хозяинъ пробормоталъ въ усы себѣ:

— Хай имъ жаба въ брюхо влизе.

— Не можно! — вновь объявилъ Промтовъ, и вдругъ лицо его стало какимъ-то вдохновеннымъ. — А потому не можно, что не зачѣмъ ѣхать въ Сибирь, когда вездѣ земли—сколько хочешь!

— Та воно вирно, що для покойникивъ земли везд. у волю...

а вотъ для живыхъ бы треба... — грустно заявилъ одинъ хохолъ...

— Въ Петербургѣ рѣшено, — торжественно продолжалъ Промтовъ, — всю землю, какая есть у крестьянъ и у помѣщиковъ, отобрать въ казну...

Хохлы дико вытаращили на него глаза и молчали. Промтовъ строго осмотрѣлъ ихъ и спросилъ:

— Отобрать въ казну—зачѣмъ?

Молчаніе приняло характеръ напряженный, и бѣдняги-хохлы, казалось, вотъ-вотъ лопнутъ отъ изумленія и ожиданія. Я смотрѣлъ на нихъ и едва могъ сдержать злобу, возбужденную этимъ издѣвательствомъ Промтова надъ бѣдняками. Но разоблачить передъ ними его нахальное вранье—значило бы отдать его на избіеніе имъ. И я молчалъ, сдавленный нелѣпой дилеммой.

— Та говорите жъ, добрый чоловікъ! — почти задыхаясь, тихо и робко попросилъ одинъ изъ хохловъ.

— Затѣмъ отобрать, чтобъ правильно раздѣлить всю землю между крестьянами! Признано тамъ, — Промтовъ ткнулъ рукой куда-то въ бокъ, — что истинный хозяинъ земли есть крестьянинъ, и вотъ сдѣлано распоряженіе: въ Сибирь не пускать, а ожидать раздѣла...

У одного изъ хохловъ даже кусокъ кавуна вывалился изъ руки. Всѣ они смотрѣли въ ротъ Промтова жадными глазами и молчали, пораженные его дивной вѣстью. И потомъ — черезъ нѣсколько секундъ — раздалось одновременно четыре восклицанія:

— Мати Пречиста!—истерически вздохнула „жінка“

— А... мабудь, вы брешете?

— Та говорите жъ, добрый чоловіче!

— Ось къ чому цей годъ таки ярки зори! — убѣдительно воскликнулъ тотъ хохолъ, у котораго болѣлъ хребетъ.

— Это — только слухъ,—сказалъ я,—можетъ-быть, все это окажется брехней...

Промтовъ съ искреннимъ изумленіемъ взглянулъ на меня и горячо заговорилъ:

— Какъ слухъ? Какъ такъ брехня?

И полилась изъ устъ его мелодіи наглѣйшаго вранья — сладкая музыка для всѣхъ слушателей, кромѣ меня. Увеселительно онъ сочинялъ! Хохлы, которымъ хотѣлось вѣрить, готовы были вскочить ему въ ротъ. Но мнѣ было дико слушать эту вдохновенную ложь, которая въ конечномъ результатѣ могла накликать на головы простодушныхъ людей большое несчастье. Я вышелъ изъ хаты и легъ на дворѣ, думая

о томъ, какъ бы разоблачить скверную игру моего спутника. Его голосъ долго звучалъ въ моихъ ушахъ, потомъ я заснулъ...

Я былъ разбуженъ Промтовымъ на восходѣ солнца.

— Вставайте, идемъ!—говорилъ онъ.

Рядомъ съ нимъ стоялъ заспанный хозяинъ хаты, а котомка Промтова топорщилась во всѣ стороны. Мы простились съ ними и ушли. Промтовъ былъ веселъ, пѣлъ, свисталъ и иронически поглядывалъ на меня сбоку. Я обдумывалъ рѣчь къ нему и молчалъ, шагая рядомъ съ нимъ.

— Ну-съ, что̀ же вы меня не распинаете?—вдругъ спросилъ онъ.

— А вы сознаёте, что слѣдуетъ?—сухо освѣдомился я

— Ну разумѣется.... Я понимаю васъ и знаю, что вы должны меня шпынять... Даже скажу вамъ, какъ вы будете это дѣлать. Хотите? Но—лучше бросьте это. Что̀ дурного въ томъ, что мужики помечтаютъ? Они только будутъ умнѣе отъ этого. А я выигрываю. Посмотрите, какъ они туго набили мнѣ котомку!

— Но вѣдь вы можете подвести ихъ подъ палку!

— Едва ли... А хотя бы? Какое мнѣ дѣло до чужой спины? Дай Боже свою сберечь въ цѣлости. Это, конечно, не морально; но какое мнѣ, опять-таки, дѣло до того, что̀ морально и что̀ не морально? Согласитесь, что ровно никакого дѣла нѣтъ!

„Что̀ же?—подумалъ я,—волкъ правъ...“

— Положимъ, что они черезъ меня потерпятъ, но вѣдь и послѣ этого небо будетъ голубымъ, а море—соленымъ.

— Но неужели вамъ не жалко...

— Меня не жалѣютъ... Азъ есмь перекати-поле, и всякій, кому вѣтеръ бросаетъ меня подъ ноги,—пинаетъ меня въ сторону...

Онъ былъ серьезенъ и сосредоточенно-золъ, а глаза его блестѣли мстительно.

— Я всегда такъ дѣйствую, а порой и хуже... Одному мужичку въ Саратовской губерніи отъ боли въ животѣ я рекомендовалъ пить настоенное на черныхъ тараканахъ деревянное масло... за то, что онъ былъ скупъ. Да мало ли я надѣлалъ злого и смѣшного во время моихъ странствій? Сколько я разныхъ нелѣпыхъ суевѣрій и мечтаній ввелъ въ духовный оборотъ мужика... И вообще я не стѣсняюсь... Зачѣмъ бы мнѣ это? Ради какихъ законовъ, я спрашиваю? Нѣтъ законовъ иныхъ, развѣ во мнѣ!

Я, слушая его, думалъ, что съ моей стороны будетъ очень

умно, если я вспомню первый псаломъ царя Давида и сойду съ пути этого грѣшника. Но мнѣ хотѣлось знать его исторію.

Дня три еще провелъ я съ нимъ и въ эти три дня убѣдился во многомъ, о чѣмъ раньше догадывался. Такъ, напримѣръ, мнѣ стало ясно, какимъ путемъ въ котомку Промтова попали разныя ненужныя вещи, въ родѣ подсвѣчника мѣднаго, стамески, куска кружевъ, мониста. Я понялъ, что рискую ребрами и даже могу попасть туда, куда обыкновенно попадаютъ коллекціонеры, подобные Промтову. Нужно было разстаться съ нимъ... Но его исторія!

И вотъ однажды, въ день, когда дулъ свирѣпый вѣтеръ, сбивая насъ съ ногъ, и мы съ Промтовымъ зарылись въ стогъ соломы, дабы укрыться отъ холода, Промтовъ разсказалъ мнѣ исторію своей жизни...

II.

Исторія его жизни.

— Ну-съ, будемъ разсказывать... на пользу и въ поученіе вамъ... Начну съ папаши. Папаша у меня былъ человѣкъ строгій и благочестивый, достукался къ шестидесяти годамъ до полной пенсіи и переѣхалъ на жительство въ уѣздный городишко, гдѣ купилъ себѣ домикъ... А мамаша была женщина добраго сердца и горячей крови... такъ что, можетъ-быть, мой-то папаша мнѣ и не отецъ. Онъ меня не уважалъ: за всякую малость ставилъ въ уголъ, на колѣни, а то такъ ремнемъ хлесталъ. Мамаша же любила меня, и съ ней мнѣ хорошо жилось. За каждую записочку, которую она, бывало, пошлетъ со мной другу своего сердца,—а у нея друзья сердца всегда были,—я получалъ отъ нея должное вознагражденіе, а за скромность—особо. Когда папаша уѣхалъ, я остался въ шестомъ классѣ гимназіи и вскорѣ изъ нея былъ исключенъ за то, что перепуталъ учителей физики... нужно было брать уроки у нашего инспектора, а я бралъ ихъ у инспекторской горничной. Инспекторъ на меня за это обидѣлся и прогналъ меня къ папашѣ. Явился я къ нему и разсказываю, что вотъ, молъ, вслѣдствіе недоразумѣній съ инспекторомъ исключенъ я изъ храма науки. А инспекторъ-то, оказалось, уже письмомъ изложилъ папашѣ всю суть дѣла, только умолчалъ благоразумно о томъ, что онъ засталъ меня на мѣстѣ преступленія, въ комнатѣ горничной, и что самъ онъ явился туда ночью и въ халатѣ, а входя, шепталъ сладкимъ голосомъ: „Дунечка?“. Но это ужъ его дѣло.

Папаша, встрѣтивъ меня, конечно, сталъ ругаться нехорошими словами, мамаша—тоже. Поругали, поругали и рѣшили отправить меня въ Псковъ, гдѣ у папаши былъ братъ. Сослали меня въ Псковъ; вижу я: дядюшка свирѣпый и глупый, но кузины хорошенькія,—стало-быть, жить можно. Но казалось, что и тутъ я не ко двору пришелся: черезъ три мѣсяца турнулъ меня дядюшка, обвинивъ въ развратномъ поведеніи и въ дурномъ на дочерей его вліяніи. Снова меня разругали и снова сослали—на этотъ разъ въ деревню къ тетушкѣ, въ Рязанскую губернію. Тетушка оказалась славной и веселой бабой, молодежи у нея всегда была куча! Но въ то время всѣ были заражены дурацкой модой читать запрещенныя книжки... Буцъ! И вотъ меня заперли въ острогъ, гдѣ я и просидѣлъ, должно-быть, мѣсяца четыре. Мамаша письменно сообщаетъ мнѣ, что я ее убилъ, папаша извѣщаетъ меня, что я его опорочилъ... очень скучные родители были у меня!

Знаете, если бы человѣку было позволено самому себѣ родителей выбирать, это было бы много удобнѣе теперешнихъ порядковъ—вѣрно? Ну-съ, выпустили меня изъ острога, и я уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ у меня сестра замужемъ. Но сестра оказалась обремененной семействомъ и злой по сей причинѣ... Что дѣлать? На выручку мнѣ явилась ярмарка,—поступилъ я въ хоръ пѣвцовъ. Голосъ былъ у меня хорошій, упругость красивая, произвели меня въ солисты, я и пою себѣ... Вы думаете, я пьянствовалъ при этомъ? Нѣтъ, я и теперь почти не пью водки, развѣ иногда—очень рѣдко и то, какъ согрѣвающее. Я никогда не былъ пьяницей... впротивъ, напивался, если были хорошія вина—шампанское, напримѣръ. Марсалу дадите въ обиліи—непремѣнно упьюсь, но люблю ее, какъ женщинъ. Женщинъ я люблю до бѣшенства... а можетъ-быть, я ихъ ненавижу... потому что, взявъ, то слѣдуетъ, съ женщины, я сейчасъ же ощущаю непреодолимое желаніе сдѣлать ей какую-нибудь мерзопакость—такую, знаете, чтобъ она не боль и униженіе чувствовала, а чтобъ казалось ей, будто кровь ея и мозгъ костей ея напитанъ я вонючей и гадкой отравой, и чтобъ всю жизнь гадость этой отравы она носила въ себѣ и чувствовала ее каждую минуту... Н-да! Ужъ за что я такъ на нихъ золъ—не знаю и не могу объяснить себѣ этого... Онѣ всегда были благосклонны ко мнѣ, ибо я былъ красивъ и смѣлъ. Но и злы онѣ! Впрочемъ, чортъ съ ними. Люблю я, когда онѣ плачутъ и стонутъ,—смотришь, слушаешь и думаешь—ага! дѣломъ вору и мука!..

Ну-съ, такъ вотъ — пою я и ничего себѣ, весело жив
Является однажды предо мною нѣкій бритый человѣкъ
спрашиваетъ: „Играть на сценѣ не пробовали?“ „Игралъ і
домашнихъ спектакляхъ...“—„На водевильныя роли по дв
дцать пять рублей въ мѣсяцъ желаете?“ Ну, и поѣхали м
въ городъ Пермь. Играю я, пою въ дивертисментахъ—п
ружность страстнаго брюнета, прошлое—политическаго пр
ступника; дамы отъ меня въ восторгѣ. Дали мнѣ вторы
любовниковъ,—играю. „Пробуйте,—говорятъ мнѣ,—героевъ
Пробую въ „Блуждающихъ огняхъ“ играть Макса, и—сам
чувствую—хорошо вышло! Проигралъ сезонъ, на лѣто сост
вилось превеселое турнэ: играли въ Вяткѣ, играли въ Уфѣ, дал
въ городѣ Елабугѣ играли. На зиму опять воротились въ Перм

И въ эту зиму я почувствовалъ къ людямъ ненависть
отвращеніе. Выйдешь, знаете, на сцену, да какъ сотни д
раковъ и мерзавцевъ воткнутъ въ тебя свои глаза—по кож
пробѣжитъ этакая рабья трусливая дрожь, и щиплетъ теб
точно ты въ муравьиную кучу усѣлся. Смотрятъ они на теб
какъ на свою игрушку, какъ на вещь, которую купили і
одинъ вечеръ для своего пользованія. Въ ихъ волѣ осуди
и одобрить тебя... И вотъ они слѣдятъ—достаточно ли ты пр
лежно ломаешься предъ ними? И если найдутъ, что прилежно-
орутъ, какъ ослы на привязи, орутъ они, а ты слушаеш
ихъ и чувствуешь себя довольнымъ ихъ похвалой. На врем
позабудешь, что ты ихъ собственность... потомъ вспомнин
это и за то, что тебѣ было пріятно ихъ одобреніе, чуть н
бьешь себя по мордѣ...

До судорогъ противна была мнѣ эта публика, и часто мн
хотѣлось плюнуть на нее со сцены, выругать ее самыми п
хабными словами. Бывало, чувствуешь, какъ ея глаза вп
ваются въ тѣло, точно булавки, и какъ жадно ждетъ он
чтобы ты пощекоталъ ее... ждетъ съ увѣренностью той п
мѣщицы, которой дворовыя дѣвки всегда на ночь пят
чесали... Чувствуешь это ея ожиданіе и думаешь, какъ б
хорошо имѣть въ рукѣ такой длинный ножъ, чтобъ имъ сра
было можно всему первому ряду зрителей носы срѣзать
Чортъ бы всѣхъ ихъ взялъ!

Но это я уже, кажется, въ лиризмъ ударился? Такъ, зн
читъ, играю я и ненавижу публику, и хочу бѣжать отъ не
Въ этомъ мнѣ помогла супруга господина прокурора. О
мнѣ не понравилась, а это ей не понравилось. Привела о
въ движеніе своего супруга, и очутился я въ городѣ С
ранскѣ—точно пылинку вѣтромъ унесло меня съ берегов
Камы. Эхма! Все, какъ сонъ, въ сей подлой жизни.

Сижу я въ городѣ Саранскѣ, и сидитъ со мной въ немъ молодая жена одного молодого пермяка, изъ купеческаго званія. Баба она была рѣшительная и очень любила мое искусство. Вотъ мы съ ней и сидимъ. Денегъ у насъ нѣтъ, знакомствъ тоже нѣтъ. Мнѣ скучно, ей тоже. Она мнѣ и стала говорить отъ скуки, что я ея не люблю. Сначала я это терпѣлъ, но потомъ надоѣло; я и говорю ей: „да поди ты отъ меня ко всѣмъ чертямъ!"—„Такъ-то?"—говоритъ. Схватила револьверъ, трахъ въ меня... прямо въ плечо лѣвое засадила пулю; немножко ниже—и былъ бы я въ раю. Ну, я, конечно, упалъ. А она испугалась, да со страха-то въ колодецъ и прыгнула.

До смерти размокла тамъ.

А меня водворили въ больницу. Ну и, разумѣется, явились дамы: ихъ хлѣбомъ не корми, лишь бы имъ повертѣться около какого-нибудь амурнаго дѣла. Вертѣлись онѣ вокругъ меня, пока я не всталъ на ноги, а когда я всталъ, то опредѣлили меня секретаремъ въ полицію. Что̀ жъ—состоять при полиціи все-таки удобнѣе, чѣмъ подъ надзоромъ полиціи. Вотъ я и живу мѣсяцъ, два, три...

Именно въ эти дни, первый разъ въ моей жизни, испыталъ я приступъ удручающей, коверкающей душу скуки... Это самое мерзостное настроеніе изъ всѣхъ, человѣка уродующихъ... Все вокругъ перестаетъ быть интереснымъ, и хочется чего-то новаго. Бросаешься туда, сюда, ищешь, что̀-то находишь—берешь и скоро видишь, что это совсѣмъ не то, что̀ нужно... Чувствуешь себя взятымъ въ плѣнъ чѣмъ-то темнымъ, чувствуешь себя внутренно связаннымъ, неспособнымъ жить въ мирѣ съ самимъ собой... а этотъ миръ всего нужнѣе человѣку! Подлое состояніе...

И довело оно меня до того, что я женился. Такой поступокъ для человѣка съ моимъ характеромъ только и возможенъ съ тоски или похмелья.

Жена моя была дочерью одного священника; жила она съ матерью — отецъ умеръ—и пользовалась полною свободой. Имѣла свой собственный домикъ, даже, можно сказать, домище, имѣла и деньги. Дѣвица она была красивая, неглупая, веселаго характера, но очень любила читать книжки, и это скверно отражалось и на ней и на мнѣ. Постоянно она выдавливала изъ книжекъ разныя правила жизни: уловитъ какое-нибудь правило и сейчасъ съ нимъ ко мнѣ. А я со временъ гладыхъ ногтей моихъ морали терпѣть не могъ... Сначала я посмѣивался надъ женой, а потомъ стало мнѣ тошно ее слушать... Вижу я, что всегда она щеголяетъ наряженная въ

разныя книжныя выдумки... а къ женщинѣ вычитанное из книжекъ идетъ, какъ къ лакею костюмъ съ барскаго плеч Стали мы поругиваться... Познакомился я съ однимъ по помъ; былъ тамъ этакій попъ—забулдыга, гитаристъ, п вецъ,—замѣчательно трепака откалывалъ и выпить былъ м стеръ... Для меня онъ—лучшій человѣкъ въ городѣ, потом что съ нимъ жить мнѣ было всегда весело, а она меня з попа ругаетъ и все хочетъ втащить въ свою компанію из разныхъ книжниковъ и фарисеевъ. Къ ней являлись по в черамъ всѣ серьезные и лучшіе люди города, какъ она их называла... а для меня они были серьезны, какъ удавле ники. Я и самъ любилъ читать въ то время, но никогда н умѣлъ безпокоиться по поводу прочитаннаго; да и не пон маю, зачѣмъ это нужно. А они,—жена и иже съ нею—когд бывало, прочтутъ какую-нибудь книжку, такъ въ такое бе покойство приходятъ, точно каждому изъ нихъ по сто з нозъ подъ кожу попало. По-моему такъ:—книжка? Хорош Интересная? Еще лучше! Но всякую книжку человѣкъ п салъ, а выше своей головы онъ не можетъ прыгнуть. Книж всѣ пишутся для одной цѣли: всѣ хотятъ показать, что х рошее—хорошо, а дурное—дурно. И толкъ будетъ один прочитаешь ли сто ихъ или тысячу. Жена пожирала книж десятками... такъ что я прямо началъ уже говорить ей, ч мнѣ жилось бы много лучше, если бъ я на попѣ женилс Попъ только и спасалъ меня отъ скуки, а безъ него я б убѣжалъ отъ жены... Бывало, какъ только фарисеи къ ней- я къ попу. Такъ прожилъ я года полтора. Отъ скуки стал съ попомъ въ церкви служить. То апостолъ читаю, т стоя на клиросѣ, пою: „Отъ юности моея мнози борютъ м страсти“.

Много претерпѣлъ я за это время и во многомъ буду оправданъ на страшномъ судѣ за это терпѣніе. Но вот пріѣхала къ попу моему племянница,—пріѣхала потому, ч былъ онъ вдовъ, и потому, что его свиньи съѣли, то-есть н совсѣмъ съѣли, а испортили его видъ. Онъ, знаете, упал пьяный на дворѣ да и заснулъ, а свиньи пришли во двор и объѣли ему ухо, щеку и шею. Извѣстно вѣдь, свин всякую дрянь ѣдятъ. Отъ этого ущерба захворалъ мой поп и призвалъ племянницу, чтобъ она за нимъ ухаживала, а за ней. Ну, мы съ нею очень ревностно принялись за дѣл и съ успѣхомъ. А жена моя узнала, въ чемъ дѣло, узна и, конечно, ругается. Что̀ мнѣ дѣлать? И я сталъ ругатьс Она и говоритъ мнѣ: „пошелъ вонъ изъ моего дома!“ Я под малъ-подумалъ и мирно ушелъ—совсѣмъ ушелъ изъ город

Такъ и разрѣшилъ узы моего брака... если она жива, супруга-то моя, такъ навѣрное уже считаетъ меня благополучно умершимъ. Никогда не чувствовалъ я ни малаго желанія увидѣть ее... думаю, что и она тоже хорошо меня забыла, да живетъ въ мирѣ! Ибо очень она надоѣла мнѣ во время оно...

И вотъ, снова свободный, прибылъ я въ городъ Пензу. Толкнулся въ полицію—мѣста нѣтъ, туда, сюда—мѣста нѣтъ! Я и поступилъ въ псаломщики... Поступилъ и пою, и читаю. Въ церкви опять публика, и снова у меня возникаетъ къ ней отвращеніе. Заработокъ—мизерный, положеніе зависимое. Плохо было мнѣ. Но одна купчиха выручила. Была она женщина толстая, богобоязненая, и жилось ей очень скучно. Вотъ она меня и облюбовала для духовнаго назиданія. И сталъ я къ ней ходить, а она давай меня кормить. Мужъ у нея въ домѣ умалишенныхъ пребывалъ, она одна заправляла большимъ мучнымъ дѣломъ... Вотъ я осторожненько и подъѣхалъ къ ней: „трудно, молъ, Секлетея Кирилловна!“—„Трудно“, говоритъ.—„Возьмите меня въ помощники?“—Обманешь“, говоритъ,—и взяла, конечно. Тутъ я очень хорошо зажилъ; но городъ оказался препоганымъ! Ни театра нѣтъ, ни порядочной гостиницы, ни интересныхъ людей... Разумѣется, затосковалъ я. Затосковалъ и къ дядюшкѣ пишу письмо: въ теченіе пятилѣтняго отсутствія изъ Петербурга я, молъ, очень образумился. Прошу прощенія за все, что̀ сдѣлалъ, больше никогда и ничего не буду дѣлать, а между прочимъ, спрашиваю—нельзя ли мнѣ въ Питерѣ жить? Дядюшка отвѣчаетъ—можно, но осторожно. Тутъ... разстался я съ купчихой.

Знаете что̀—баба она была глупая, жирная, плотная и некрасивая. Были у меня любовницы очень бельфамистыя... изящныя и умныя бабенки были... Н-да. Но съ ними я всегда разставался скверно: или я бабу прогоню со злобой и презрѣніемъ, или баба мнѣ пакость устроитъ. А эта Секлетея внушала мнѣ уваженіе къ себѣ своей... простотой. Я говорю ей: „прощай!“—„Прощай, говоритъ, мой сердечный! Дай тебѣ Богъ счастья...“—„Неужто, молъ, тебѣ не жалко разстаться?“—„Какъ, говоритъ, не жалко этакого красавца да умницу? Вѣкъ бы, говоритъ, не разсталась съ тобой, да вѣдь нужно... я, говоритъ, тебя понимаю—ты птица вольная; ну, и лети себѣ съ Богомъ!“ И горько плачетъ... „Ну, говорю, прости меня, Секлетея!“—Что̀ ты, говоритъ,—спасибо я тебѣ сказать должна, а не прощать тебя“.—„Какъ спасибо, за что спасибо?“—„А какъ же?—говоритъ.—Вѣдь ты какой человѣкъ: тебѣ по міру пустить меня ничего не стоило, вся я въ твоихъ рукахъ была,

какъ ты захотѣлъ бы, такъ и могъ меня ограбить, и не помѣшала бы я тебѣ,—зналъ ты это. А ты вотъ честь-честью уходишь... и знаю я, сколько ты нажилъ у меня за это время—всего около четырехъ тысячъ. Другой бы, говоритъ, на твоемъ мѣстѣ всю кашу слюпалъ, да и чашку о полъ...“ Н-да-а... вотъ что она сказала... Эхъ, милая баба!..

Расцѣловался съ нею и, уважая ее, съ легкимъ сердцемъ и съ пятью тысячами въ карманѣ—она невѣрно сосчитала—явился въ Питеръ. Живу бариномъ, бываю въ театрѣ, обзавелся знакомствами, иногда отъ скуки играю на сценѣ, но больше въ карты. Прекрасное занятіе карты: сидишь за столомъ и въ теченіе ночи десять разъ умрешь и воскреснешь. Жутко знать, что вотъ въ слѣдующую минуту убьютъ твой послѣдній рубль и ты—нищій, ступай на улицу—воруй или застрѣлись. Хорошо также знать, что твой сосѣдъ или партнеръ чувствуетъ по поводу послѣдняго рубля то же самое щекотливое и жуткое, что ты самъ чувствовалъ незадолго до него. Видѣть красныя и блѣдныя, возбужденныя рожи, трепещущія отъ страха быть обыгранными и отъ жадности къ деньгамъ,—смотрѣть на нихъ и бить ихъ карты одну за другой... Ахъ, какъ это дивно волнуетъ нервы и кровь!.. Бьешь карту—а точно вырываешь у человѣка изъ сердца по кусочку горячаго мяса съ нервами и кровью... Сочно! Этотъ постоянный рискъ паденія—самое лучшее въ жизни... и самая лучшая мысль выражена такъ:

Есть наслажденіе въ бою
И бездны мрачной на краю!

Великое наслажденіе есть въ этомъ... и вообще хорошо себя чувствовать можно только тогда, когда чѣмъ-нибудь рискуешь. Чѣмъ больше риску, тѣмъ больше жизни... Случалось ли вамъ голодать? Мнѣ случалось не ѣсть по двое сутокъ кряду... И вотъ, когда желудокъ начнетъ ѣсть самъ себя, когда чувствуешь, какъ сохнутъ, умирая отъ голода, твои внутренности,—тогда готовъ за кусокъ хлѣба убить человѣка, ребенка... на все готовъ,—въ этой готовности къ преступленію есть своя особая поэзія... это очень цѣнное ощущеніе, и, переживъ его, больше уважаешь себя.

Но однако продолжимъ нашу пеструю повѣсть, она и такъ уже тянется, какъ похоронная процессія, въ которой я занимаю мѣсто покойника. Тьфу! вотъ дурацкое уподобленіе влѣзло въ голову. И, пожалуй, оно вѣрно... отъ чего, впрочемъ, не становится умнѣе... У господина Бальзака гдѣ-то есть очень вѣрное и мѣткое выраженіе: „Это глупо, какъ фактъ“. Глупо? Ну и пускай! Какое мнѣ дѣло до разницы между глупымъ и

умнымъ? Итакъ, живу я въ Петербургѣ. Это хорошій городъ, но онъ сталъ бы вдвое лучше, если бы половину его жителей утопить въ томъ скверномъ морѣ, которое бултыхается около него. Живу и совершаю разные поступки, какъ это и надлежитъ человѣку. Понравился одной дамѣ, и она меня пріобрѣла себѣ на содержаніе... Вы на содержаніи у женщинъ не состояли? Попробуйте, потому что это интересно,—вы въ одно и то же время вещь вашей дамы и владыка ея. Васъ купили, какъ игрушку, но играете купившимъ — вы. Этотъ купившій оказывается въ вашихъ рукахъ и въ очень смѣшномъ положеніи,—ибо вы всегда можете играть предъ нимъ роль сапога, который хочетъ быть шляпой и требуетъ, чтобъ его носили на головѣ. Такъ вотъ, живу я и живу годъ, два, три—все идетъ хорошо, т.-е. весело. Но тутъ случилась одна опереточная исторія. Однажды пришелъ ко мнѣ нѣкто, очень хорошій человѣкъ, но занимавшійся дурнымъ дѣломъ—политикой, за что, впрочемъ, и былъ своевременно и крѣпко ущемленъ. Пришелъ и говоритъ: „достань мнѣ паспортъ!“ Какой? „А вотъ, говоритъ, такъ: дѣвица, брюнетка, лѣтъ двадцати, средняго роста, все остальное—обыкновенное“. Зачѣмъ? „А вотъ, говоритъ, есть такая дѣвица, а нужно, чтобъ ея не было, такъ я ее и хочу по чужому документу замужъ выдать“. Что̀ же? Это дѣльце веселое, а у моей дамы была какъ разъ подходящая къ требованію горничная... Я взялъ ея паспортъ да и отдалъ этому шарлатану. Хорошо-съ. Проходитъ длинное время.

Вдругъ—трахъ!—являются два жандарма и говорятъ,—пожалуйте! Я пожаловалъ. Нѣкто, сѣдой и вельми свирѣпый, спрашиваетъ меня: „Вы, говоритъ, для дѣвицы такой-то паспортъ доставали?“—„Вѣрно, вашество, но только не знаю, для этой ли дѣвицы“.—„Какъ такъ?“ А мнѣ пріятель дѣвицу-то, дѣйствительно, забылъ назвать. Свирѣпый человѣкъ мнѣ не вѣритъ.—„Какъ же, говоритъ, вы ея не знаете, а паспортъ ей дали?“—„Я не давалъ ей...“—„А кому?“—„А вотъ кому...“—„Ага-а, говоритъ, вотъ когда онъ попался! Благодарю за свѣдѣнія!“ И сейчасъ же отдалъ приказаніе забрать моего друга, а меня, пока что̀, запереть въ уютное мѣсто. Дня черезъ два дали мнѣ съ другомъ очную ставку. Онъ, конечно, подтвердилъ мои слова... Спрашиваютъ меня, куда я желаю уѣхать изъ Питера. Я говорю:—нельзя ли въ Царское Село?—„Нѣтъ, говорятъ, подальше“. А въ Руссу?—„Еще подальше“. Сторговались мы на Тулѣ. Въ Тулу, такъ въ Тулу! „Вы, говоритъ, можете и дальше уѣхать, если захотите, но сюда въ продолженіе трехъ лѣтъ не являйтесь. Документы ваши мы пока оставимъ у себя, на память

о васъ, а вамъ — вотъ извольте проходное свидѣтельство до Тулы. Получите и въ двадцать четыре часа постарайтесь улепетнуть... Ну что же?—думаю я. Надо слушаться начальство,—какъ его не послушаться?

Ну-съ, такъ вотъ... продалъ я все свое имущество квартирной хозяйкѣ по цѣнамъ пареной рѣпы и иду къ моей дамѣ. Не приказала принимать, собака. Захожу еще къ двумъ-тремъ знакомымъ,—встрѣчаютъ точно прокаженнаго. Плюнулъ я на всѣхъ и пошелъ въ одно богоугодное мѣсто, чтобъ провести тамъ послѣдніе часы моей жизни въ Питерѣ. Къ шести часамъ утра я вышелъ оттуда безъ гроша въ карманѣ,—дочиста проигрался въ карты! Такъ аккуратно меня одинъ товарищъ прокурора обчистилъ, что я даже въ умиленіе пришелъ отъ его таланта, безъ всякаго снисхожденія обыгралъ... да... Ну, куда же мнѣ дѣваться? Пошелъ я, неизвѣстно зачѣмъ, на Московскій вокзалъ, пришелъ, потолкался тамъ, вижу, идетъ поѣздъ въ Москву. Вошелъ въ вагонъ и сѣлъ. Проѣхалъ двѣ станціи, меня съ тріумфомъ выгнали. Хотѣли составить протоколъ, спросили, кто я: я показалъ имъ свое свидѣтельство, они и оставили меня въ покоѣ. Идите, говорятъ, дальше. Иду. Верстъ десять прошелъ—усталъ и чувствую, что надо поѣсть. Будка. Линейный сторожъ. Я къ нему: дай, дружище, кусокъ хлѣба?! Посмотрѣлъ на меня онъ и далъ мнѣ не только хлѣба, но и молока большую чашку. У него я и ночевалъ, первый разъ по-бродяжьи, на вольномъ воздухѣ, на сѣнѣ, въ полѣ, за будкой. Проснулся на другой день — солнце сіяетъ, воздухъ — какъ шампанское, зелень, птицы. Взялъ у сторожа еще хлѣба и пошелъ дальше.

Вы должны понять это: въ бродяжьей жизни есть нѣчто всасывающее, поглощающее. Пріятно чувствовать себя свободнымъ отъ обязанностей, отъ разныхъ маленькихъ веревочекъ, связывающихъ свое существованіе среди людей... отъ всякихъ мелочишекъ, до того облѣпляющихъ твою жизнь, что она становится уже не удовольствіемъ, а скучной ношей... тяжелымъ лукошкомъ обязанностей... въ родѣ обязанности одѣваться—прилично, говорить—прилично... и все дѣлать такъ, какъ принято, а не такъ, какъ тебѣ хочется. При встрѣчѣ со знакомымъ нужно, какъ это принято, сказать ему—здравствуй! а не—изо хни!—какъ это иногда хочется сказать.

Вообще—если говорить по правдѣ—такъ всѣ эти торжественно-дурацкія отношенія, что установились между порядочными городскими людьми—скучная комедія! Да еще и подлая комедія, потому что никто никого въ глаза не называетъ ни дуракомъ ни мерзавцемъ... а если иногда это и дѣлается,

акъ только въ припадкѣ той искренности, которую называютъ
лобой...

А на бродяжьемъ положеніи живешь внѣ всей этой капи-
ели... то же обстоятельство, что ты безъ сожалѣнія отказался
тъ разныхъ удобствъ жизни и можешь существовать безъ
ихъ, какъ-то пріятно приподнимаетъ тебя въ своихъ гла-
ахъ. Къ себѣ становишься снисходительнымъ безъ оглядки...
отя я къ себѣ никогда не относился строго, не одергивалъ
ебя, и зубы моей совѣсти никогда у меня не ныли... не ца-
апалъ я моего сердца когтями моего ума. Я, знаете, рано
какъ-то незамѣтно для себя твердо усвоилъ самую про-
тѣйшую и мудрую философію: какъ ни живи — а все-таки
мрешь; зачѣмъ же ссориться съ собой, зачѣмъ тащить себя
а хвостъ влѣво, когда натура твоя во всю мочь претъ на-
раво? И людей, которые рвутъ себя на-двое, я терпѣть не
огу... Чего ради они стараются? Бывало, я разговаривалъ
ъ такими юродивыми. Спрашиваешь его: „о чемъ ты, другъ,
оешь, зачѣмъ ты, братъ, скандалишь?“—„Стремлюсь, говоритъ,
ъ самоусовершенствованію...“—„Чего же, молъ, ради?“—„Какъ
акъ — чего ради? Въ совершенствованіи человѣка — смыслъ
изни...“—„Ну, я этого не понимаю; вотъ въ совершенствованіи
ерева смыслъ ясенъ: оно усовершенствуется до пригодности
ъ дѣло, и его употребятъ на оглоблю, на гробъ или еще на
то-нибудь полезное для человѣка... Ну хорошо! ты совер-
ленствуешься—это твое дѣло; но, скажи, зачѣмъ ты ко мнѣ
ристаешь и меня въ свою вѣру обратить хочешь?“—„А затѣмъ,
оворитъ, что ты скотъ и не ищешь смысла въ жизни.“—„Да
же нашелъ его, ежели я скотъ и сознаніе скотства моего
е отягощаетъ меня“.—„Врешь, говоритъ. Коли ты, говоритъ,
ознаёшь, ты долженъ исправиться“.—„Какъ исправиться? Да
ѣдь я живу въ мирѣ съ собой, умъ и чувство у меня едино
уть, а слово и дѣло въ полной гармоніи!“—„Это, говоритъ, под-
ость и цинизмъ...“ И вотъ такъ разсуждаютъ всѣ они, бы-
ало. Чувствую я, что они и врутъ и глупы; чувствую это
не могу не презирать ихъ. Потому что я людей знаю! —
сли все сегодняшнее подлое, грязное и злое объявишь завтра
естнымъ, чистымъ, добрымъ—всѣ эти морды, безъ всякаго
силія надъ собой, завтра же и будутъ совершенно честными,
истыми и добрыми. Имъ для этого понадобится только одно—
русость свою уничтожить въ себѣ... Такъ-то.

Рѣзко это, говорите?—ничего, сойдетъ. Пусть рѣзко, зато
равильно... Я, видите ли, такъ полагаю: служи Богу или
орту, но не Богу и чорту. Хорошій подлецъ всегда лучше
лохого честнаго человѣка. Есть черное и есть бѣлое, а смѣ-

шай ихъ—будетъ грязнее. Я всю жизнь мою встрѣчалъ только плохихъ честныхъ людей,—такихъ, знаете, у которыхъ честность-то изъ кусочковъ составлена, точно они ее подъ окнами насбирали, какъ нищіе. Это—честность разноцвѣтная, плохо склеенная, съ трещинами... а то есть еще честность книжная, вычитанная и служащая человѣку, какъ его лучшія брюки—для парадныхъ случаевъ... Да и вообще все хорошее у большинства хорошихъ людей—праздничное и дѣланое; держатъ они его не въ себѣ, а при себѣ, на показъ, для форса другъ передъ другомъ... Встрѣчалъ я людей и по самой натурѣ своей хорошихъ... но рѣдко они встрѣчаются и почти только среди простыхъ людей, внѣ стѣнъ города... Этихъ сразу чувствуешь—хорошъ! И видишь—родился хорошимъ... да!

А впрочемъ, чортъ съ ними со всѣми—и съ хорошими и съ плохими! Знать я не хочу Гекубы...

Я понимаю, что разсказываю вамъ факты жизни моей кратко и поверхностно, и что вамъ трудно понимать—отчего и какъ... но это уже дѣло мое. Да и суть не въ фактахъ, а въ настроеніяхъ. Факты—одна дрянь и мусоръ. Я могу много надѣлать фактовъ, если захочу... возьму ножъ да и сую его вамъ въ горло,—вотъ и будетъ уголовный фактъ. А то ткну въ себя этотъ ножъ — тоже фактъ будетъ... вообще, можно дѣлать самые разнообразные факты, если настроеніе позволяетъ. Все дѣло въ настроеніяхъ: они плодятъ факты и они творятъ мысли... и идеалы... А знаете вы, что̀ такое идеалъ? Хе! Это просто костыль, придуманный въ ту пору, когда человѣкъ сталъ плохимъ скотомъ и началъ ходить на однѣхъ заднихъ лапахъ. Поднявъ голову отъ сѣрой земли, онъ увидалъ надъ ней голубое небо и былъ ослѣпленъ великолѣпіемъ его ясности. Тогда онъ, по глупости, сказалъ себѣ: я достигну его. И съ той поры онъ шляется по землѣ съ этимъ костылемъ, держась при помощи его до сего дня все еще на заднихъ лапахъ.

Вы не подумайте, что и я тоже лѣзу на небо, — никогда не ощущалъ такого желанія... я это такъ сказалъ, для краснаго словца.

Однако исторія-то у меня опять въ узелъ захлеснулась. Ничего! Вѣдь это только въ романахъ клубки событій правильно развертываются, а жизнь наша—неправильная, запутанная мотушка. Къ тому же за романы деньги платятъ, а я даромъ стараюсь. Чортъ знаетъ для чего!..

Ну-съ, такъ вотъ... понравилось мнѣ это хожденіе, тѣмъ болѣе понравилось, что скоро я открылъ и средства къ пропитанію. Иду однажды и вижу: вдали красуется усадьба, а

навстрѣчу мнѣ двигаются, межъ высохшихъ хлѣбовъ, три благообразныя фигуры—мужчина и двѣ дамы. Мужчина уже съ сѣдиной въ бородѣ, въ очкахъ и очень благообразный, а дамы образа замореннаго, но тоже благороднаго. Сдѣлалъ я себѣ рожу страстотерпца и, поровнявшись съ ними, попросилъ у нихъ разрѣшенія зайти въ усадьбу ночевать. Разрѣшили и переглянулись между собой этакъ многозначительно. Я вѣжливо поклонился имъ, поблагодарилъ и не торопясь пошелъ. А они повернули назадъ и—за мной. Вступили въ разговоръ—кто, откуда, чей таковъ? Были они люди темперамента гуманнаго, образа мыслей либеральнаго и отвѣты мнѣ сами подсказывали, такъ что, когда я пришелъ въ усадьбу, то оказалось, что навралъ имъ—чортъ знаетъ сколько! Будто бы я изучаю и поучаю народъ, и якобы душа моя находится въ плѣну разныхъ идей и прочее такое... И, ей-Богу, все это казалось потому только, что они сами хотѣли, я же лишь не препятствовалъ имъ принять меня за то, за что они меня принимали. Когда я сообразилъ, какъ трудна та роль, которую я долженъ былъ играть для нихъ, мнѣ стало немножко не по себѣ. Но послѣ ужина понялъ, что играть эту роль—есть интересъ, ибо божественно-вкусно они ѣли! Съ чувствомъ ѣли—ѣли, какъ люди образованные. Потомъ отвели мнѣ комнаточку, мужчина снабдилъ меня штанишками и прочимъ—вообще гуманно обошлись со мной. Ну, я имъ за это и распустилъ же вожжи моего воображенія!

Царица Небесная, какъ я вралъ! Что̀ Хлестаковъ? Идіотъ Хлестаковъ! Я вралъ, никогда не теряя сознанія, что вру, хотя и наслаждался тѣмъ, какъ вру. Такъ я вралъ, скажу вамъ, что даже Черное море покраснѣло бы, если бы оно ложь мою слышало. Эти добрые люди слушали меня съ наслажденіемъ, слушали и кормили меня, и ухаживали за мной, какъ за роднымъ, больнымъ ребенкомъ. А я имъ за это сочиняю. Вотъ когда пригодились мнѣ книжки, которыя я когда-то прочиталъ, и споры фарисеевъ жены моей!

Врать умѣючи—высокое наслажденіе, скажу я вамъ. Если врешь и видишь, что тебѣ вѣрятъ, — чувствуешь себя приподнятымъ надъ людьми, а чувствовать себя выше людей—довольствіе рѣдкостное! Овладѣть ихъ вниманіемъ и мыслить про себя—дурачье! А одурачить человѣка всегда пріятно. Да и ему, человѣку-то, тоже пріятно слышать ложь, хорошую ложь, которая гладитъ его по шерсткѣ. И, можетъ-быть, всякая ложь—хороша, или же, наоборотъ, все хорошее — ложь. Едва ли на свѣтѣ есть что-нибудь болѣе стоящее вниманія, чѣмъ разныя людскія выдумки: мечты, грезы и прочее такое.

Къ примѣру, возьмемъ любовь: я всегда любилъ въ женщинах какъ разъ то, чего у нихъ никогда не было и чѣмъ я обыч новенно самъ же ихъ награждалъ. Это и было лучшее в нихъ. Бывало, видишь свѣжую бабеночку и сейчасъ же сооб ражаешь—обнимать она должна такъ, цѣловать она должна— этакъ. Раздѣтая она такова, въ слезахъ такая-то, въ радости— вотъ какая. Потомъ незамѣтно увѣришь себя, что все это нея есть, именно такъ есть, какъ ты того хочешь... И, разу мѣется, по ознакомленіи съ нею, какова она есть на самом дѣлѣ, торжественно садишься въ лужу!.. Но это неважно — вѣдь нельзя же быть врагомъ огня только за то, что он иногда жжется, нужно помнить, что онъ всегда грѣетъ, — такъ ли? Ну вотъ... По сей причинѣ и ложь нельзя называт вредной, поносить ее всячески, предпочитать ей истину... ещ неизвѣстно вѣдь—что̀ она такое, эта истина, никто не видал ея паспорта... и, можетъ-быть, она, по предъявленіи докумен товъ, чортъ знаетъ чѣмъ окажется...

А все-таки я, какъ Сократъ, философствую, вмѣсто того чтобы дѣломъ заниматься...

Вралъ я тѣмъ добрымъ людямъ даже до истощенія фан тазіи, и когда созналъ себя въ опасности стать скучным для нихъ—ушелъ далѣе, проживъ у нихъ три недѣли. Ушелъ хорошо снабженный для пути, и вотъ направляю стопы мо къ ближайшей станціи, дабы отъ нея ѣхать до Москвы. А от Москвы до Тулы доѣхалъ даромъ по недосмотру кондукторовъ

И вотъ я въ Тулѣ передъ лицомъ тамошняго полицеймей стера. Смотритъ онъ на меня и спрашиваетъ

— Чѣмъ же вы здѣсь намѣрены заняться?

— Не знаю,—говорю.

— А за что,—говоритъ,—васъ удалили изъ Петербурга?

— Я и этого не знаю.

— Очевидно,—говоритъ, — за какіе-нибудь дебоши, коде ксомъ уголовнымъ не предусмотрѣнные?—проницательно допра шиваетъ онъ.

Но я остаюсь непроницаемъ.

— Неудобный вы человѣкъ,—говоритъ онъ.

— У всякаго, молъ, своя спеціальность, господинъ хорошій

Подумалъ онъ, подумалъ да и предлагаетъ мнѣ: „Такъ как вы, говоритъ, сами избирали мѣсто жительства, то, если вам у насъ не нравится, вы можете уйти дальше. Есть другіе города, напримѣръ, Орелъ, Курскъ, Смоленскъ... Вѣдь вам все равно, гдѣ жить... Не угодно ли, я выдамъ вамъ дальнѣйшее проходное?.. Намъ очень пріятно будетъ не безпокоиться о вашемъ здоровьѣ. У насъ такая масса хлопотъ...

а вы, говоритъ, извините за откровенность, кажетесь человѣкомъ, вполнѣ способнымъ усилить хлопоты полиціи... даже нарочно для этой цѣли и созданнымъ".—„Такъ-съ, молъ, но мнѣ и здѣсь нравится..."—„Ну, говоритъ, желаете, я вамъ трешницу на дорогу дамъ?"—„Дешево, молъ, труды ваши цѣните... Ужъ лучше позвольте мнѣ остаться подъ покровительствомъ тульскихъ законовъ". Но онъ меня упорно не хочетъ... Сообразительный былъ человѣкъ! Ну, я взялъ съ него пятнадцать рублей, да и пошелъ въ Смоленскъ городъ. Видите? Всякое скверное положеніе человѣка имѣетъ въ себѣ и возможность лучшаго. Это я говорю на основаніи солиднаго опыта и по силѣ моей глубокой вѣры въ изворотливость человѣческаго ума. Умъ — это силища! Вы человѣкъ молодой еще; и вотъ я говорю вамъ: вѣрьте въ умъ — и никогда не пропадете! Знайте, что каждый человѣкъ содержитъ въ себѣ дурака и мошенника: дуракъ—его чувство, а мошенникъ—умъ. Чувство потому глупо, что оно прямо, правдиво и не умѣетъ притворяться; а развѣ можно жить и не притворяться? Необходимо притворяться; даже изъ жалости къ людямъ это нужно, потому что люди всегда жалости достойны... а больше всего именно тогда, когда они другихъ жалѣютъ...

Итакъ, значитъ, пошелъ я въ Смоленскъ, чувствуя, что тверда земля подо мной, и зная, что, съ одной стороны, я всегда могу разсчитывать на поддержку гуманныхъ людей, съ другой—на поддержку полиціи. Первымъ я нуженъ для проявленія ихъ чувствъ, а вторымъ — я не нуженъ, поэтому тѣ и другіе должны платить мнѣ отъ избытковъ своихъ.

Такъ-то.

Явился въ Смоленскъ, и такъ какъ уже было холодно, то рѣшилъ зазимовать тамъ. Живо нашелъ добрыхъ людей и къ нимъ пристроился. Ничего себѣ, — провелъ зиму не скучно. Но вотъ настала весна, и, повѣрите ли, потянуло меня вонъ изъ города! Хочется бродяжить... Кто мнѣ мѣшаетъ? Пошелъ и снова шлялся цѣлое лѣто, а на зиму попалъ въ городъ Елисаветградъ. Попалъ и никакъ не могу приснoровиться къ чему-нибудь! Бился, бился, наконецъ нашелъ мой путь! Въ репортеры мѣстной газеты завербовался... дѣло маленькое, но свободное и даетъ нѣкоторый кормъ. Потомъ познакомился съ юнкерами—есть въ этомъ городѣ кавалерійское юнкерское училище — и, познакомившись съ ними, устроилъ картежъ. Хорошій картежъ вышелъ: за зиму-то я около тысячи рублей заколотилъ. И вновь весна пришла. Она застала меня съ деньгами и въ джентльменскомъ видѣ.

Куда пойду?—въ городъ Славянскъ на воды. Тамъ удачно

игралъ до августа, а въ этомъ мѣсяцѣ принужденъ былъ выѣхать. Зимовалъ въ Житомірѣ съ одной бабочкой... порядочная дрянь была... по безподобной красоты баба!

Прожилъ я такимъ маперомъ года моего изгнанія изъ Питера и поѣхалъ туда вновь... Чортъ его знаетъ, почему, но онъ всегда тянулъ меня къ себѣ. Пріѣхалъ я туда джентльменомъ со средствами. Отыскиваю знакомыхъ, и что же оказывается? Похожденія мои среди либеральныхъ людей Московской губерніи имъ извѣстны. Все знаютъ: и какъ я у Ивановыхъ въ усадьбѣ три недѣли жилъ, питая ихъ голодныя души плодами моей фантазіи, и какъ я съ Петровыми поступилъ, и какъ я m-me Васильеву изобидѣлъ. Ну что же? Стало-быть, такъ нужно. И если семь дверей закрылись передъ тобой — открывай другія десять... Но не повезло мнѣ! Очень я старался о томъ, чтобы создать себѣ устойчивое положеніе въ обществѣ, и не могъ! Не то я самъ за эти три года утратилъ что-то изъ моей способности уживаться съ людьми, не то люди стали за это время болѣе пройдохами. И вотъ, когда мнѣ пришлось особенно туго, дернулъ меня чортъ предложить мои услуги сыскному отдѣленію. Предложилъ я себя въ качествѣ агента по надзору за игорными домами. Приняли меня. Условія хорошія. Къ сей тайной профессіи присоединилъ я еще и явную: сталъ заниматься репортажемъ въ одной газетинѣ. Давалъ ей уличную хронику, а иногда сочинялъ и фельетоны... А потомъ игралъ. И увлекся я этой игрой, — до того увлекся, что доносить-то о ней по начальству и забылъ. Совершенно забылъ, знаете, что это есть моя обязанность. И когда проиграюсь, вспомню: а вѣдь надо донести! Но нѣтъ, думаю себѣ, сначала отыграюсь, а потомъ донесу. Откладывалъ я, такимъ образомъ, исполненіе обязанности очень долго, до поры, пока однажды меня на мѣстѣ преступленія за карточнымъ столомъ не зацѣпила полиція. Конечно, осрамили меня полицейскіе публично, признавъ за своего. А на другой день позвали, куда слѣдуетъ, сдѣлали очень свирѣпое внушеніе, сказали мнѣ, что у меня нѣтъ совсѣмъ совѣсти, и выслали изъ столицы... опять выслали! Безъ права въѣзда въ теченіе десяти лѣтъ.

Шесть лѣтъ я путешествую и, ничего себѣ, не жалуюсь Богу моему на судьбу. Объ этомъ времени я не буду разсказывать, ибо оно слишкомъ однообразно... и разнообразно. Въ общемъ, это веселая птичья жизнь. Только зеренъ иногда не хватаетъ... но не надо быть слишкомъ требовательнымъ, памятуя, что даже лица, на тронахъ сидящія, не одни только удовольствія испытываютъ. Въ такой жизни, какъ эта, нѣтъ

обязанностей — это первое хорошее, и нѣтъ законовъ, кромѣ законовъ природы — это второе. Конечно, господа урядники иногда безпокоятъ... но и въ хорошихъ гостиницахъ блохи водятся... Зато вы можете итти: направо, налѣво, впередъ, назадъ, всюду, куда васъ влечетъ, а если не влечетъ никуда — запасись отъ мужика хлѣбомъ — онъ добръ и всегда дастъ, — запасись хлѣбомъ и лежи, дондеже тебя не потянетъ куда-нибудь...

Гдѣ я не былъ? Былъ въ толстовскихъ колоніяхъ и у московскихъ купчихъ на кухняхъ кормился. Живалъ въ Кіево-Печерской лаврѣ и на Новомъ Аѳонѣ. Былъ въ Ченстоховѣ и Муромѣ. Порой мнѣ кажется, что всякую тропинку Россійской имперіи уже второй разъ попираю я стопами моими. И какъ только представится мнѣ случай ремонтировать внѣшность — катну я за границу! Въ Румынію дерну, а оттуда — всѣ пути открыты. Ибо въ Россіи — уже скучно мнѣ. И въ ней — „все, что̀ могъ, я уже совершилъ“.

Думаю, что, въ самомъ дѣлѣ, за эти шесть лѣтъ много я совершилъ. Сколько словъ чудесныхъ говорилъ я, какія чудеса я разсказывалъ! Придешь, знаете, въ деревню, попросишься на ночлегъ, и когда тебя накормятъ — заведешь волынку своей фантазіи! Можетъ-быть, что я даже секты новыя основалъ, ибо — много и очень много говорилъ я отъ Писанія. А мужикъ къ Писанію чутокъ и на двухъ словахъ можетъ построить такое новѣйшее вѣроученіе, что — ахъ ты мнѣ... А сколько сочинилъ я законовъ о надѣлахъ и передѣлахъ земли!.. Да, много влилъ я фантазіи въ жизнь.

Да, вотъ такъ я и живу... Живу и вѣрую: пожелай я осѣдлости и — будетъ! Ибо у меня есть умъ, и меня цѣнятъ бабы. Вотъ приду я въ городъ Николаевъ и пойду въ Николаевскую слободу, гдѣ живетъ дочь одного николаевскаго солдата. Женщина она вдовая, красивая и зажиточная. Приду я и скажу ей:—„Капочка! а ну-ка, топи баню! Омой меня и одѣнь, азъ же пребуду съ тобой даже отъ луны и до луны“. Она все сейчасъ мнѣ сдѣлаетъ... И если завела она безъ меня любовника себѣ — прогонитъ его. И я проживу у нея мѣсяцъ и болѣе — сколько захочу! Жилъ я у нея въ третьемъ году два мѣсяца зимы... въ прошломъ — даже три мѣсяца... прожилъ бы всю зиму, если бъ она была поумнѣе, а то очень ужъ скучно съ ней. Кромѣ своего огорода, который даетъ ей до двухъ тысячъ въ годъ, знать ничего не хочетъ баба.

А то пойду на Кубань, въ станицу Лабинскую. Тамъ есть казакъ Петръ Черный, и онъ меня считаетъ святымъ человѣкомъ, — многіе меня считаютъ человѣкомъ праведной жизни.

Многіе простые и вѣрующіе люди говорятъ мнѣ: — „возьм батюшка, вотъ это и поставь свѣчу угоднику, когда буде у него...“ Я беру. Я цѣню вѣрующихъ людей и не хочу обі дѣть ихъ гнусной правдой, сказавъ имъ, что на искренню лепту ихъ не свѣчу для угодника, а табаку для себя я куплю.

Есть также много прелести и въ сознаніи своей отчужде пости отъ людей, въ ясномъ пониманіи высоты и прочност той стѣны прегрѣшеній противъ нихъ, которую я самъ сво бодно построилъ. И много сладкаго и остраго въ постоянном рискѣ быть разоблаченнымъ. Жизнь — игра! Я ставлю на сво карту все — т.-е. нуль — и всегда выигрываю... безъ риск проиграть что-нибудь иное, кромѣ реберъ моихъ. Но я увѣ ренъ, что если меня когда-нибудь будутъ бить — меня не и увѣчатъ, а убьютъ. На это нельзя обижаться, и было бі глупо этого бояться.

Ну-съ, такъ вотъ, молодой человѣкъ, я разсказалъ вам свою исторію. И даже съ походцемъ разсказалъ, ибо въ мое исторіи была и философія. И знаете? — мнѣ нравится то, чт я разсказалъ. Мнѣ кажется, что я порядочно разсказалъ Пойду дальше: весьма вѣроятно, что я тутъ многое сочинилъ но, ей-Богу, если я навралъ — я навралъ въ фактахъ. Вы смотрите не на нихъ, а на мой способъ изложенія — онъ увѣряю васъ, съ подлиннымъ души моей вѣренъ. Я дал вамъ жаркое изъ фантазіи подъ соусомъ изъ чистѣйшей истины...

А впрочемъ, зачѣмъ я вамъ сказалъ это?.. Затѣмъ, дорогой мой, что чувствую я — вы мало вѣрите мнѣ... Радъ за васъ Такъ! Не вѣрьте человѣку! Ибо всегда, когда онъ о себѣ разсказываетъ, онъ лжетъ! Лжетъ въ несчастіи, чтобъ возбу дить къ себѣ болѣе состраданія, въ счастіи — чтобъ ему болѣе завидовали, во всѣхъ случаяхъ — чтобы увеличить вниманіе къ себѣ.

1898.

ЧИТАТЕЛЬ.

... Была ночь, когда я вышелъ на улицу изъ дома, гдѣ, въ кругу близкихъ мнѣ людей, читалъ свой первый напечатанный разсказъ. Меня много хвалили за него, и я, пріятно взволнованный, медленно шагалъ по пустынной улицѣ, впервые въ моей жизни испытывая такъ полно наслажденіе жить.

Это было въ февралѣ; ночь была ясная, и безоблачное небо, густо затканное звѣздами, дышало бодрымъ холодомъ на землю, покрытую пышнымъ уборомъ только-что выпавшаго снѣга. Вѣтви деревьевъ, перевѣшиваясь черезъ заборы, бросали на мою дорогу причудливые узоры тѣней, ярко и радостно блестѣли снѣжинки въ голубомъ и ласковомъ сіяніи луны. Нигдѣ не было видно ни одного живого существа, и скрипъ снѣга подъ моими ногами былъ единственнымъ звукомъ, нарушавшимъ торжественную тишину этой ясной, памятной мнѣ ночи... Я думалъ:

„Хорошо быть чѣмъ-нибудь на землѣ среди людей!“ И воображеніе, не скупясь на яркія краски, рисовало мнѣ мое будущее...

— Да, вы написали славную вещицу!.. Это — фактъ! — задумчиво сказалъ кто-то за моей спиной.

Я вздрогнулъ отъ неожиданности и оглянулся.

Маленькій, одѣтый въ темное человѣкъ поровнялся и пошелъ въ ногу со мной, снизу вверхъ глядя въ мое лицо и улыбаясь острой улыбкой. Въ немъ все было остро: взглядъ, скулы, подбородокъ съ эспаньолкой; вся его маленькая, сухая фигурка колола глаза своей странной угловатостью. Онъ шелъ легко и какъ-то беззвучно, точно скользилъ по снѣгу. Я не видалъ его тамъ, гдѣ читалъ, и, понятно, былъ удивленъ его возгласомъ. Откуда и кто онъ?

— Вы... тоже слушали? — спросилъ я.

— Да, имѣлъ удовольствіе.

Говорилъ онъ теноромъ. Губы у него были тонкія, черные маленькіе усы не скрывали собой ихъ улыбки. Она не исчезала и производила непріятное впечатлѣніе, ибо я чувствовалъ, что за ней скрыта какая-то ѣдкая и нелестная для меня мысль. Но я былъ слишкомъ хорошо настроенъ для того, чтобъ долго останавливаться въ наблюденіи за этой чертой моего спутника, и, мелькнувъ въ глазахъ моихъ, какъ тѣнь, она быстро исчезла предъ ясностью моего довольства собой. Я шелъ рядомъ съ нимъ и ожидалъ, что̀ онъ скажетъ, втайнѣ надѣясь, что онъ увеличитъ количество пріятныхъ минутъ, пережитыхъ мною въ этотъ вечеръ. Человѣкъ жаденъ, потому что судьба слишкомъ рѣдко улыбается ему ласково.

— А хорошо чувствовать себя чѣмъ-то исключительнымъ?— спросилъ мой спутникъ.

Я не услышалъ въ его вопросѣ ничего особеннаго и поспѣшилъ согласиться съ нимъ.

— Хе, хе, хе! — колко засмѣялся онъ, нервно потирая свои маленькія руки съ тонкими, цѣпкими пальцами.

— А вы веселый человѣкъ... — сухо сказалъ я, задѣтый его смѣхомъ.

— Да, я веселый человѣкъ, — улыбаясь, подтвердилъ онъ и качнулъ головой. — И еще я очень любопытенъ... Я всегда хочу знать; все знать — это мое постоянное стремленіе, и оно-то поддерживаетъ во мнѣ бодрость и смѣлость. Вотъ и сейчасъ я хочу знать, что сто̀итъ вамъ вашъ успѣхъ?

Я посмотрѣлъ на него и нехотя отвѣтилъ ему:

— Около мѣсяца работы... можетъ-быть, немного болѣе...

— Ага! — живо подхватилъ онъ. — Немножко труда, затѣмъ частица житейскаго опыта, который всегда чего-нибудь сто̀итъ... Но это недорого все-таки, когда такой цѣной вы пріобрѣтаете сознаніе, что вотъ въ данный моментъ нѣсколько тысячъ людей живутъ вашей мыслью, читая ваше произведеніе. И потомъ пріобрѣтаются надежды на то, что, можетъ-быть, со временемъ... хе, хе!.. и когда вы умрете... хе, хе, хе!.. за все это можно больше дать, больше того, сколько дали вы намъ — не правда ли?

Онъ опять засмѣялся своимъ дробнымъ, колющимъ смѣхомъ, лукаво оглядывая меня острыми черными глазками. Я тоже посмотрѣлъ на него сверху внизъ и, обиженный, холодно спросилъ его:

— Извините... съ кѣмъ я имѣю удовольствіе бесѣдовать?

— Кто я? Вы не догадываетесь? А я пока не скажу вамъ, кто я... Развѣ для васъ знать имя человѣка болѣе важно, чѣмъ знать то, что̀ онъ скажетъ вамъ?

— Конечно, нѣтъ... Но все это странно... — отвѣтилъ я.

Онъ для чего-то тронулъ меня за рукавъ пальто и, тихонько посмѣиваясь, заговорилъ:

— Ну и пускай будетъ странно, — почему бы человѣку не позволить себѣ иногда выйти изъ рамокъ простого и обыденнаго?.. И если вы не прочь сдѣлать это — давайте поговоримъ откровенно? Вообразите, что я — читатель... нѣкій странный читатель, который очень любопытенъ и желалъ бы знать, для чего и какъ дѣлается книга... вами, напримѣръ? Давайте же поговоримъ.

— О, пожалуйста! — сказалъ я. — Мнѣ пріятно... такіе встрѣчи и разговоры... не каждый день возможны. — Но я уже лгалъ ему, ибо для меня все это становилось непріятнымъ. Я думалъ: чего онъ хочетъ? И съ какой стати я позволю себѣ придавать этой уличной встрѣчѣ съ незнакомымъ мнѣ человѣкомъ характеръ какого-то диспута?

Однако я все-таки медленно шелъ рядомъ съ нимъ и старался выразить на лицѣ моемъ любезное вниманіе къ моему спутнику. Это, я помню, съ трудомъ удавалось мнѣ. Но все-таки у меня пока было еще много бодраго настроенія, я не хотѣлъ обидѣть этого человѣка отказомъ говорить съ нимъ и рѣшилъ слѣдить за собой.

Луна сіяла въ небѣ сзади насъ, и наши тѣни лежали у насъ подъ ногами. Слившись въ одно темное пятно, онѣ ползли впереди насъ по тротуару, а я смотрѣлъ на нихъ и ощущалъ въ себѣ зарожденіе чего-то такого, что̀, какъ и эти тѣни, было темно и неуловимо и, какъ онѣ, было тоже впереди меня.

Мой спутникъ помолчалъ съ минуту времени и потомъ заговорилъ увѣреннымъ тономъ господина своихъ думъ:

— Ничего нѣтъ въ жизни болѣе важнаго и любопытнаго, чѣмъ мотивы человѣческихъ дѣйствій... Не правда ли?

Я кивнулъ головой.

— Вы согласны!.. Такъ давайте, поговоримъ откровенно... не упускайте случая говорить откровенно, пока вы еще молоды!..

„Странный человѣкъ!“ — подумалъ я и, заинтересованный его словами, спросилъ его, усмѣхаясь:

— Но какъ же это такъ... сразу? И о чемъ говорить?

— А зачѣмъ итти медленно, когда можно достичь цѣли однимъ прыжкомъ? — живо отвѣтилъ онъ, взглянувъ мнѣ въ лицо, и съ фамильярностью стараго знакомаго воскликнулъ:

— Будемъ говорить о цѣляхъ литературы!

— Пожалуй... хотя, мнѣ кажется, уже поздно...

— О! Для васъ еще не поздно!..

Я остановился, удивленный этими словами, — онъ произнесъ ихъ съ такой серьезной увѣренностью... и они звучали — какъ иносказаніе. Я остановился, желая что-то спросить у него, но онъ, взявъ меня за руку, тихо и настойчиво повелъ впередъ, говоря мнѣ:

— Не останавливайтесь, ибо со мной вы на хорошемъ пути... Довольно предисловій! Скажите, — чего хочетъ литература?.. Вы ей служите, вы должны это знать.

Мое изумленіе росло въ ущербъ моему самообладанію. Что̀ нужно отъ меня этому человѣку? Кто онъ?

— Послушайте, — сказалъ я, — согласитесь, что все происходящее между нами...

— Имѣетъ свое достаточное основаніе, — вѣрьте мнѣ! Вѣдь ничто въ мірѣ не совершается безъ достаточнаго къ тому основанія... Идемте же скорѣе, но не впередъ, а вглубь...

Безспорно, этотъ чудакъ былъ интересенъ, но онъ сердилъ меня. Я снова сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе впередъ; онъ слѣдовалъ за мной и спокойно говорилъ мнѣ:

— Я понимаю васъ: вамъ трудно въ этотъ моментъ дать опредѣленіе цѣли, которую преслѣдуетъ литература. Попробую я сдѣлать это...

Онъ вздохнулъ и потомъ съ улыбкой посмотрѣлъ мнѣ въ лицо.

— Вы согласитесь со мной, если я скажу, что цѣль литературы — помогать человѣку понимать себя самого, поднять его вѣру въ себя и развить въ немъ стремленіе къ истинѣ, бороться съ пошлостью въ людяхъ, умѣть найти хорошее въ нихъ, возбуждать въ ихъ душахъ стыдъ, гнѣвъ, мужество, дѣлать все для того, чтобъ люди стали благородно-сильными и могли одухотворить свою жизнь святымъ духомъ красоты. Вотъ моя формула; она, разумѣется, не полна, схематична... дополняйте ее всѣмъ, что̀ можетъ одухотворить жизнь, и скажите — вы согласны со мной?

— Да, это такъ... — сказалъ я. — Приблизительно — это такъ. Принято думать, что, въ общемъ, задача литературы облагородить человѣка...

— Вотъ какому великому дѣлу вы служите! — внушительно сказалъ этотъ человѣкъ... и снова онъ засмѣялся своимъ ѣдкимъ смѣхомъ: — Хе, хе, хе!

— Однако къ чему вы говорите все это? — спросилъ я, дѣлая видъ, будто бы его смѣхъ не задѣваетъ меня.

— А какъ вы думаете? Скажите откровенно!..

— Откровенно говоря... — началъ я, придумывая колкость,

замолчалъ. Что значитъ говорить откровенно? Этотъ человѣкъ
глупъ, онъ долженъ знать, какъ тѣсны границы человѣче-
кой откровенности и какъ стойко охраняетъ ихъ самолюбіе.
зглянувъ въ лицо моего спутника, я почувствовалъ себя
убоко уязвленнымъ его улыбкой, — въ ней было столько
роніи и остраго презрѣнія! Еще я чувствовалъ, что начинаю
яться чего-то, и боязнь эта понуждаетъ меня уйти отъ него.

— До свиданія! — сухо сказалъ я, приподнимая шляпу.

— Почему? — тихо воскликнулъ онъ.

— Я не люблю шутокъ, когда въ нихъ нѣтъ чувства мѣры...

— И уходите... Дѣло ваше... но, знаете, если вы теперь
дете отъ меня, мы уже никогда не встрѣтимся.

Слово „никогда“ онъ подчеркнулъ, и оно прозвучало въ
пахъ моихъ, какъ ударъ похороннаго колокола. Я ненавижу
о слово и боюсь его: оно всегда представляется мнѣ тяже-
мъ и холоднымъ, чѣмъ-то въ родѣ молота, предназначеннаго
дьбой для того, чтобы раздроблять надежды людей. Это
ово остановило меня.

— Что вамъ нужно?—съ тоской и злобой спросилъ я.

— Сядемъ здѣсь,—снова усмѣхаясь, произнесъ онъ и,
ѣпко взявъ меня за руку, потянулъ ее внизъ.

Въ этотъ моментъ мы съ нимъ были въ аллеѣ городского
да, среди неподвижныхъ, обледянѣлыхъ вѣтвей акаціи и си-
ни. Освѣщенныя луной, онѣ висѣли въ воздухѣ надъ го-
вой моей, и, мнѣ казалось, эти покрытыя льдомъ и инеемъ
есткія вѣтви проникаютъ мнѣ въ грудь и касаются сердца.

Недоумѣвающій, озадаченный выходкой моего спутника, я
отрѣлъ на него и молчалъ.

„Это больной“,—подумалъ я, желая ободрить себя и объ-
снить себѣ его дѣйствія.

Но онъ какъ-то угадалъ мою мысль.

— Ты думаешь, что я ненормаленъ? Оставь это. Это та-
я дрянная и вредная мысль! Прикрываясь ею, какъ часто
отказываемся отъ пониманія человѣка только потому, что
ъ оригинальнѣе насъ, и какъ стойко эта мысль поддержи-
етъ и осложняетъ печальную небрежность нашихъ отноше-
й другъ къ другу!

— О, да...—сказалъ я, все сильнѣе ощущая въ себѣ сму-
еніе предъ этимъ человѣкомъ.—Но извините, я пойду... Мнѣ
ра уже...

— Ступай,—сказалъ онъ, пожавъ плечами.—Иди... но знай,
о ты спѣшишь потерять себя... хе, хе...—Онъ выпустилъ
ю руку изъ своей, и я пошелъ прочь отъ него.

Онъ остался въ саду на горѣ, спускавшейся къ Волгѣ, на

горѣ, покрытой бѣлой пеленой снѣга, перерѣзанной темным лентами тропинокъ. Предъ нимъ открывался широкій вид на безмолвную, унылую равнину за рѣкой. Этотъ человѣк остался въ саду, сѣлъ на одну изъ скамеекъ и сталъ смот рѣть въ пустынную даль, а я шелъ вдоль по аллеѣ и чув ствовалъ, что не уйду отъ него, но все-таки шелъ. Шелъ и думалъ: слѣдуетъ мнѣ итти тихо или быстро для того, чтоб показать ему,—человѣку, что̀ сидѣлъ тамъ, сзади меня,— какъ мало онъ для меня значитъ?

Вотъ онъ тихо насвистываетъ что-то знакомое... Я знак что это смѣшная и грустная пѣсня о слѣпомъ, который взял на себя роль вожака слѣпыхъ.

„Зачѣмъ онъ именно ее насвистываетъ?“—подумалъ я

И тутъ я понялъ, что съ той минуты, какъ я встрѣ тился съ этимъ маленькимъ человѣчкомъ, я вступилъ въ тем ный кругъ ощущеній исключительныхъ и странныхъ. Недав нее, ровное и довольное настроеніе моего духа облеклось в туманъ ожиданія чего-то важнаго и тяжелаго.

„Какъ же ты будешь вожакомъ,
Если съ дорогой незнакомъ?“

вспоминалъ я слова пѣсни, которую насвистывалъ тотъ че ловѣкъ.

Я обернулся и посмотрѣлъ на него. Облокотясь одной ру кой о колѣно и положивъ голову на ладонь, онъ смотрѣл на меня, свисталъ, и его черные усы шевелились на лицѣ освѣщенномъ луной. Я рѣшилъ вернуться назадъ, движимый какимъ-то роковымъ чувствомъ. Быстро подошелъ я къ нему сѣлъ рядомъ и сказалъ ему, не волнуясь, но горячо:

— Послушайте, будемъ говорить просто...

— Это необходимо для людей,—кивнулъ онъ головой.

— Вы, я чувствую, обладаете силой какого-то воздѣйствія на меня и, очевидно, имѣете что-то сказать мнѣ... да?

— Наконецъ ты нашелъ въ себѣ мужество слушать!—воскликнулъ онъ со смѣхомъ; но теперь этотъ смѣхъ былъ мягче, и даже что-то близкое къ радости послышалось мнѣ въ немъ.

— Такъ говорите!—сказалъ я,—и, если можете, говорите безъ странностей...

— О, хорошо! Но согласись, что вѣдь странности были необходимы для того, чтобъ привлечь ко мнѣ твое вниманіе? Теперь притупляется вниманіе къ простому и ясному, какъ черезчуръ холодному и жесткому, а согрѣть и смягчить что-нибудь мы не умѣемъ: мы сами холодны и жестки. Мы, кажется, снова хотимъ грезъ, красивыхъ вымысловъ, мечты и

странностей, ибо жизнь, созданная нами, бѣдна красками, тускла, скучна! Дѣйствительность, которую мы когда-то такъ горячо хотѣли перестроить, сломала и смяла насъ... Что̀ же дѣлать? Попробуемъ, быть-можетъ, вымыселъ и воображеніе помогутъ человѣку подняться ненадолго надъ землей и снова высмотрѣть въ ней свое мѣсто, потерянное имъ. Потерянное, не правда ли? Вѣдь человѣкъ теперь не царь земли, а рабъ жизни, утратилъ онъ гордость своимъ первородствомъ, преклоняясь предъ фактами, не такъ ли? Изъ фактовъ, созданныхъ имъ, онъ дѣлаетъ выводъ и говоритъ себѣ: вотъ непреложный законъ! И, подчиняясь этому закону, онъ не замѣчаетъ, что ставитъ себѣ преграду на пути къ свободному творчеству жизни, въ борьбѣ за свое право ломать для того, что̀бы создавать. Да онъ и не борется больше, а только приспособляется... Чего ради ему бороться? Гдѣ у него тѣ идеалы, ради которыхъ онъ пошелъ бы на подвигъ? Вотъ почему живется такъ бѣдно и скучно, вотъ почему обезсилѣлъ въ человѣкѣ духъ творчества... Нѣкоторые слѣпо ищутъ чего-то, что̀, окрыляя умъ, возстановило бы вѣру людей въ самихъ себя. Часто идутъ не въ ту сторону, гдѣ хранится все вѣчное, объединяющее людей, гдѣ живетъ Богъ... Тѣ, которые ошибаются въ путяхъ къ истинѣ—погибнутъ! Пускай, не нужно имъ мѣшать, не сто̀итъ ихъ жалѣть—людей много! Важно стремленіе, важно желаніе души найти Бога, и если въ жизни будутъ души, охваченныя стремленіемъ къ Богу, Онъ будетъ съ ними и оживитъ ихъ, ибо Онъ есть безконечное стремленіе къ совершенству... Такъ ли?

— Да,—сказалъ я,—это такъ...

— Ты однако умѣешь соглашаться,—замѣтилъ мой собесѣдникъ, колко усмѣхаясь. Потомъ онъ помолчалъ, и я нетерпѣливо вздохнулъ. Тогда онъ, не обращая на меня своего взгляда, блуждавшаго вдали, спросилъ:

— Кто есть твой Богъ?

До этого вопроса онъ говорилъ мягко и ласково, и мнѣ пріятно было его слушать: какъ и всѣ думающіе люди, онъ былъ немного печаленъ, былъ близокъ мнѣ, я понималъ его, и мое смущеніе предъ нимъ гасло. И вотъ вдругъ онъ ставитъ роковой вопросъ, на который такъ трудно отвѣтить человѣку нашего времени, если этотъ человѣкъ честно относится къ себѣ. Кто есть мой Богъ? Если бъ я зналъ это!

Я былъ подавленъ вопросомъ этого человѣка, да и кто бы на моемъ мѣстѣ сохранилъ присутствіе духа? А онъ смотрѣлъ на меня своими острыми глазами, все улыбался и ожидалъ моего отвѣта.

— Ты молчишь слишкомъ долго для человѣка, который мог бы дать мнѣ отвѣтъ. Можетъ-быть, ты скажешь мнѣ что-ни будь, если я спрошу тебя вотъ о чемъ: ты пишешь, и ты сячи людей читаютъ тебя; что же именно ты проповѣдуеш И думалъ ли ты о твоемъ правѣ поучать?

Первый разъ въ жизни я смотрѣлъ такъ внимательно вглуб себя. Пусть не думаютъ, что я возвышаю или унижаю себ для того, чтобъ привлечь къ себѣ вниманіе людей,—у ни щихъ не просятъ милостыни. Я открылъ въ себѣ немал добрыхъ чувствъ и желаній, немало того, что обыкновенн называютъ хорошимъ, но чувства, объединяющаго все эт стройной и ясной мысли, охватывающей всѣ явленія жизни я не нашелъ въ себѣ. Въ душѣ моей много ненависти; он постоянно тлѣетъ тамъ... иногда вспыхиваетъ яркимъ огнем гнѣва; но еще больше сомнѣній въ душѣ моей. Порой он такъ потрясаютъ мой умъ, такъ давятъ сердце, что долго время я существую внутренно опустошенный... Ничто не во буждаетъ меня къ жизни, сердце мое холодно, какъ мерт вое, умъ спитъ, а воображеніе давятъ кошмары. И такъ, слѣ пой, нѣмой и глухой, живу я долгіе дни и ночи, ничего н желая, ничего не понимая; мнѣ кажется тогда, что я уж трупъ и лишь по какому-то странному недоразумѣнію еще н зарытъ въ землю. Ужасъ такого существованія еще больш усиливается сознаніемъ необходимости жить, ибо въ смерт еще менѣе смысла, еще больше тьмы... Навѣрное, она отни маетъ даже и наслажденіе ненавидѣть...

Что же, въ самомъ дѣлѣ, я проповѣдую, я—такой, каков есть? И что я могу сказать людямъ? То, что уже давно го ворили имъ и всегда говорятъ, что находитъ себѣ слушате лей, но не дѣлаетъ людей лучшими? Но имѣю ли я прав проповѣди этихъ идей и понятій, если самъ я, воспитанны на нихъ, часто поступаю не такъ, какъ они повелѣваютъ Если я иду противъ нихъ, значитъ ли это, что убѣжденіе въ ихъ истинности есть искреннее мое убѣжденіе, заложен ное въ основѣ моего „я“?.. Что же отвѣчу я человѣку, кото рый сидитъ рядомъ со мной? А онъ уже усталъ ждать моих отвѣтовъ и снова заговорилъ:

— Я бы не поставилъ тебѣ этихъ вопросовъ, если бъ н видалъ, что твое честолюбіе еще не успѣло уничтожить твоя честь. Ты имѣешь мужество слушать меня... изъ этого я за ключаю, что твоя любовь къ себѣ разумна, ибо для того чтобъ усилить ее, ты не бѣжишь даже и отъ мукъ. За это я облегчу тяжесть твоего положенія предо мной и буду говорит съ тобой, какъ съ виновнымъ, а не какъ съ преступникомъ

„Когда-то среди насъ жили великіе мастера слова, тонкіе знатоки жизни и человѣческой души, люди, одухотворенные неукротимымъ стремленіемъ къ совершенствованію бытія, одухотворенные глубокой вѣрой въ человѣка. Они создавали книги, которыхъ никогда не коснется забвеніе, ибо въ книгахъ тѣхъ запечатлѣны вѣчныя истины, нетлѣнной красотой вѣетъ съ ихъ страницъ. Образы, начертанные въ тѣхъ книгахъ, живы, ибо воодушевлены силой вдохновенія, а примѣры поступковъ и правила жизни вовѣки будутъ незыблемы. Въ тѣхъ книгахъ есть и мужество и гнѣвъ пылающій, въ нихъ звучитъ и любовь искренняя и свободная, и ни одного лишняго слова нѣтъ въ нихъ. Оттуда, я знаю, ты черпалъ пищу душѣ своей... Но, должно-быть, плохо питалась душа твоя, ибо у тебя рѣчь о правдѣ и любви звучитъ фальшиво и лицемѣрно, точно ты насилуешь себя, когда говоришь объ этомъ. Ты, какъ луна, чужимъ свѣтомъ свѣтишь, свѣтъ твой печально-тусклъ, онъ много плодитъ тѣней, но слабо освѣщаетъ и не грѣетъ онъ никого. Ты нищъ для того, чтобы дать людямъ что-нибудь дѣйствительно цѣнное, а то, что̀ ты даешь, ты даешь не ради высокаго наслажденія обогащать жизнь красотой мысли и слова, а гораздо больше для того, чтобъ возвести случайный фактъ твоего существованія на степень феномена, необходимаго для людей. Ты даешь для того, чтобы больше взять отъ жизни и людей. Ты нищъ для подарковъ, ты просто ростовщикъ: даешь крупицу твоего опыта подъ проценты вниманія къ тебѣ. Твое перо слабо ковыряетъ дѣйствительность, тихонько ворошитъ мелочи жизни, и, описывая будничныя чувства будничныхъ людей, ты открываешь ихъ уму, быть-можетъ, и много низкихъ истинъ, но можешь ли ты создать для нихъ хотя бы маленькій, возвышающій душу обманъ?.. Нѣтъ! Ты увѣренъ, что это полезно рыться въ мусорѣ будней и не умѣть находить въ нихъ ничего, кромѣ печальныхъ, крошечныхъ истинъ, установляющихъ только то, что человѣкъ золъ, глупъ, безчестенъ, что онъ вполнѣ и всегда зависитъ отъ массы внѣшнихъ условій, что онъ безсиленъ и жалокъ, одинъ и самъ по себѣ. Знаешь, ты, пожалуй, уже успѣлъ убѣдить его въ этомъ! Ибо душа его охлаждена и умъ тупъ... Еще бы! Онъ смотритъ на свое изображеніе въ твоихъ книгахъ, а книги,—особенно если онѣ написаны съ той увѣренностью, которую такъ часто вы принимаете за талантъ,—всегда нѣсколько гипнотизируютъ человѣка. Онъ смотритъ на себя въ твоемъ изображеніи и, видя, какъ онъ дуренъ, не видитъ возможности быть лучше. Развѣ ты умѣешь показать ему эту возможность? Развѣ ты можешь сдѣлать это,

когда ты самъ... Но я пощажу тебя за то, что, слушая меня, ты, я чувствую, думаешь не надъ тѣмъ, какъ бы возразить мнѣ и оправдать себя. Такъ! Ибо учитель, если онъ честенъ, всегда долженъ быть внимательнымъ ученикомъ. Всѣ вы, учители жизни нашихъ дней, гораздо больше отнимаете у людей, чѣмъ даете имъ, ибо вы все только о недостаткахъ говорите, только ихъ видите. Но въ человѣкѣ должны быть и достоинства; вѣдь въ васъ они есть? А вы, чѣмъ вы отличаетесь отъ дюжинныхъ, сѣрыхъ людей, которыхъ изображаете такъ жестоко и придирчиво, считая себя проповѣдниками, обличителями пороковъ ради торжества добродѣтели? Но замѣчаете ли вы, что добродѣтели и пороки—вашими усиліями опредѣлить ихъ—только спутаны, какъ два клубка нитокъ, черныхъ и бѣлыхъ, которыя отъ близости стали сѣрыми, воспринявъ другъ отъ друга часть первоначальной окраски? И едва ли Богъ послалъ васъ на землю... Онъ выбралъ бы болѣе сильныхъ, чѣмъ вы. Онъ зажегъ бы сердца ихъ огнемъ страстной любви къ жизни, къ истинѣ, къ людямъ, и они пылали бы во мракѣ нашего бытія, какъ свѣтильники Его силы и славы... Вы же чадите, какъ факелы торжества сатаны, и чадъ вашъ, проникая въ умы и души, отравляетъ ихъ ядомъ недовѣрія къ себѣ. Скажи: чему вы учите?“

Я чувствовалъ на щекѣ своей горячее дыханіе этого человѣка и не смотрѣлъ на него, боясь встрѣтиться съ его взглядомъ. Его слова падали въ мой мозгъ, какъ огненныя капли, и отъ этого мнѣ было больно... Я съ ужасомъ понималъ, какъ трудно отвѣчать на простые вопросы... И не отвѣтилъ ему.

— Итакъ, я, усердный читатель всего, что̀ ты пишешь и что̀ пишутъ подобные тебѣ, спрашиваю: чего ради вы пишете? А вы много пишете... Хотите ли вы пробудить добрыя чувства въ сердцахъ людей? Но холодными и безсильными словами вы не сдѣлаете этого, нѣтъ! И вы не только не можете дать жизни что-либо новое, вы и старое даете въ скомканномъ, измятомъ, лишенномъ о̀браза видѣ. Читая васъ, ничему не поучаешься, ни за что, кромѣ васъ, не стыдишься. Все будни, будни, будничные люди, будничныя мысли, событія... Когда же будутъ говорить о духѣ смятенномъ и о необходимости возрожденія духа? Гдѣ же призывъ къ творчеству жизни, гдѣ уроки мужества, гдѣ бодрыя слова, окрыляющія душу?

„... Ты можешь сказать мнѣ: жизнь не даетъ иныхъ о̀бразовъ, кромѣ тѣхъ, которые воспроизводимъ мы. Не говори такъ, ибо для человѣка, имѣющаго счастье владѣть словомъ,

стыдно и позорно сознаваться въ своемъ безсиліи предъ жизнью и въ томъ, что не можетъ онъ стать выше ея. А если ты стоишь на одномъ уровнѣ съ жизнью, если ты не можешь силой воображенія твоего создать образы, которыхъ нѣтъ въ жизни, но которые необходимы для поученія ея,— какая польза въ твоей работѣ, и чѣмъ оправдаешь ты званіе свое? Загромождая память и вниманіе людей мусоромъ фотографическихъ снимковъ съ ихъ жизни, бѣдной событіями, подумай, не вредишь ли ты людямъ? Ибо—сознайся!—ты не умѣешь изображать такъ, чтобъ твоя картина жизни вызывала въ человѣкѣ мстительный стыдъ и жгучее желаніе создать иныя формы бытія... Можешь ли ты ускорить біеніе пульса жизни, можешь ли ты вдохнуть въ нее энергію, какъ это дѣлали другіе?"

Мой странный собесѣдникъ остановился на минуту, а я молча думалъ о его словахъ.

— Я вижу вокругъ себя много умныхъ людей, но мало среди нихъ людей благородныхъ, да и тѣ, которые есть, разбиты и больны душой. И почему-то всегда такъ наблюдаю я: чѣмъ лучше человѣкъ, чѣмъ чище и честнѣе душа его, тѣмъ меньше въ немъ энергіи, тѣмъ болѣзненнѣе онъ, и тяжело ему жить. Одиночество и тоска—удѣлъ такихъ людей. Но, какъ ни много въ нихъ тоски о лучшемъ, въ нихъ нѣтъ силъ для созданія его. Не потому ли они такъ разбиты и жалки, что имъ не дано своевременно помощи ободряющимъ душу словомъ?..

„И еще,—снова заговорилъ мой странный собесѣдникъ,— можешь ли ты возбудить въ человѣкѣ жизнерадостный смѣхъ, очищающій душу? Посмотри, вѣдь люди совершенно разучились хорошо смѣяться! Они смѣются зло, смѣются подло, часто смѣются сквозь слезы, но никогда не услышишь среди нихъ радостнаго, искренняго смѣха, того смѣха, который долженъ бы сотрясать груди взрослыхъ, ибо хорошій смѣхъ оздоровляетъ душу... Для человѣка необходимо смѣяться, вѣдь смѣхъ—одно изъ немногихъ преимуществъ его надъ животными. Можешь ли ты возбудить въ людяхъ какой-либо иной смѣхъ, кромѣ смѣха порицанія, кромѣ пошлаго смѣха надъ тобой, человѣкомъ, который лишь потому смѣшонъ, что жалокъ? Пойми, твое право проповѣдывать должно имѣть достаточное основаніе въ твоей способности возбуждать въ людяхъ искреннія чувства, которыми, какъ молотками, однѣ формы жизни должны быть разбиты и разрушены для того, чтобъ создать другія, болѣе свободныя, на мѣсто тѣсныхъ. Гнѣвъ, ненависть, мужество, стыдъ, отвращеніе и наконецъ злое отчаяніе—вотъ рычаги, которыми можно разрушить все на

землѣ. Ты можешь создать такіе рычаги? Ты можешь привести ихъ въ движеніе? Для того, чтобы имѣть право говорить къ народу, нужно имѣть въ душѣ или великую ненависть къ его недостаткамъ, или великую любовь къ нему за его страданія; если же нѣтъ въ душѣ твоей этихъ чувствъ, будь скроменъ и много подумай прежде, чѣмъ что-либо сказать...“

Уже свѣтало, но на душѣ моей все болѣе сгущалась тьма. А человѣкъ, для котораго не было тайнъ въ душѣ моей, все говорилъ. Иногда во мнѣ вспыхивала мысль:

„Да человѣкъ ли онъ?“

Но, поглощенный его словами, я не могъ думать надъ этой догадкой, и вновь въ мой мозгъ, какъ иглы, вонзались его слова.

— Жизнь все-таки растетъ и въ ширь и въ глубь, хотя растетъ она медленно, ибо у васъ нѣтъ силы и умѣнья ускорить ея движенія. Растетъ жизнь, и съ каждымъ днемъ люди учатся спрашивать. Кто будетъ отвѣчать имъ? Должны бы вы, апостолы-самозванцы. Но понимаете ли вы жизнь настолько, чтобъ объяснять ее другимъ? Понимаете ли вы запросы своего времени, предчувствуете ли вы будущее, и что̀ вы можете сказать для возбужденія человѣка, растлѣннаго мерзостью жизни, павшаго духомъ? Онъ упалъ духомъ, его интересъ къ жизни низокъ, желаніе жить съ достоинствомъ въ немъ изсякаетъ, онъ хочетъ жить просто, какъ свинья, и—вы слышите?—уже онъ нахально смѣется, когда произносятъ слово—идеалъ: человѣкъ становится только грудой костей, покрытыхъ мясомъ и толстой шкурой,—эту скверную груду двигаетъ не духъ, а похоти. Онъ требуетъ вниманія—скорѣе! помогайте ему жить, пока онъ еще человѣкъ! Но что̀ вы можете сдѣлать для возбужденія въ немъ жажды жизни, когда вы только ноете, стонете, охаете или равнодушно рисуете, какъ онъ разлагается? Надъ жизнью носится запахъ гніенія, трусость, холопство пропитываютъ сердца, лѣнь вяжетъ умы и руки мягкими путами... Что̀ вы вносите въ этотъ хаосъ мерзости? Какъ вы всѣ мелки, какъ жалки, какъ васъ много! О, если бъ явился суровый и любящій человѣкъ съ пламеннымъ сердцемъ и могучимъ, всеобъемлющимъ умомъ! Въ духотѣ позорнаго молчанія раздались бы вѣщія слова, какъ удары колокола, и, можетъ-быть, дрогнули бы презрѣнныя души живыхъ мертвецовъ...

Послѣ этихъ словъ онъ долго молчалъ. Я не смотрѣлъ на него. Не помню, чего было больше во мнѣ—стыда или ужаса?

— Что̀ ты можешь сказать мнѣ?—раздался безучастный вопросъ.

— Ничего пока!—отвѣтилъ я.

И опять было молчаніе.

— А какъ же ты теперь будешь жить?

— Не знаю покамѣстъ...—отвѣтилъ я.

— Что̀ же ты будешь говорить?

Я промолчалъ.

— Нѣтъ мудрости превыше молчанія!..

Мучительна была пауза между этими его словами и смѣхомъ, который раздался вслѣдъ за ними. Онъ смѣялся съ наслажденіемъ, какъ человѣкъ, которому давно уже не представлялось случая посмѣяться такъ легко и пріятно. У меня сердце кровью плакало отъ этого проклятаго смѣха.

— Хе, хе, хе! И это ты—учитель жизни? Ты, котораго такъ легко смутить? Теперь, я думаю, ты понялъ, кто я? да? хе, хе, хе... И каждый изъ васъ, юношей, родившихся стариками, такъ же бы смутился, если бы захотѣлъ имѣть дѣло со мною. Лишь тотъ, кто облекъ себя въ броню лжи, нахальства и безстыдства, не дрогнетъ передъ судомъ своей совѣсти. Такъ вотъ какъ ты силенъ: толчокъ—и ты падаешь. Скажи мнѣ, ну скажи мнѣ что-нибудь въ свое оправданіе, опровергни то, что̀ я сказалъ! Освободи сердце твое отъ стыда и боли. Будь хоть на минуту сильнымъ и увѣреннымъ въ себѣ, и я возьму назадъ то, что̀ бросилъ въ лицо твое. Я поклонюсь тебѣ... Покажи мнѣ въ душѣ твоей хоть что-нибудь такое, что̀ помогло бы мнѣ признать въ тебѣ учителя! Мнѣ нуженъ учитель, потому что я человѣкъ; я заплутался во мракѣ жизни и ищу выхода къ свѣту, къ истинѣ, красотѣ, къ новой жизни,—укажи мнѣ пути! Я человѣкъ. Ненавидь меня, бей, но извлекай изъ тины моего равнодушія къ жизни! И хочу быть лучшимъ, чѣмъ есть; какъ это сдѣлать? Учи!

Я думалъ:—„Могу ли я, могу ли удовлетворить тѣмъ требованіямъ, которыя человѣкъ, по праву своему, предъявляетъ ко мнѣ? Жизнь гаснетъ, умы людей все плотнѣе охватываетъ тьма сомнѣній, и нужно найти исходъ. Гдѣ путь? Одно я знаю—не къ счастью нужно стремиться, зачѣмъ счастье? Не въ счастьѣ смыслъ жизни, и довольствомъ собой не будетъ удовлетворенъ человѣкъ: онъ все-таки выше этого. Смыслъ жизни въ красотѣ и силѣ стремленія къ цѣлямъ, и нужно, чтобы каждый моментъ бытія имѣлъ свою высокую цѣль. Это было бы возможно... но не въ старыхъ рамкахъ жизни, въ которыхъ всѣмъ такъ тѣсно и гдѣ нѣтъ свободы духу человѣка...“

А онъ снова смѣялся, но уже тихо, смѣхомъ человѣка. сердце котораго изъѣдено думами.

— Какъ много было людей на землѣ, но какъ мало воздвигнуто на ней памятниковъ людямъ! Почему бы это? Не предадимъ проклятію прошлое,—слишкомъ много оно возбуждаетъ зависти къ себѣ. Ибо въ настоящемъ вовсе нѣтъ такихъ людей, которые по смерти оставили бы за собой какой-нибудь слѣдъ на землѣ. Дремлетъ человѣкъ... и никто не будитъ его. Дремлетъ онъ и—превращается въ животное. Бичъ ему нуженъ и огненная ласка любви вслѣдъ за ударомъ бича. Не бойся сдѣлать ему больно: если ты любя бьешь, онъ пойметъ твой ударъ и приметъ его, какъ заслуженный. Когда же ему будетъ больно и стыдно за себя, ты пламенно обласкай его—и онъ возродится... Люди? Это все еще дѣти, хотя порой они поражаютъ злодѣйствомъ своихъ дѣлъ и извращенностью мысли. И они всегда нуждаются въ любви къ нимъ, въ постоянной заботѣ о свѣжей и здоровой пищѣ для ихъ душъ... А ты умѣешь любить людей?

— Любить людей?—переспросилъ я съ сомнѣніемъ, ибо, право, не знаю, люблю ли я людей. Нужно быть искреннимъ—я не знаю этого. Кто скажетъ про себя: вотъ я люблю людей! Человѣкъ, внимательно слѣдящій за собой, долго подумаетъ надъ этимъ вопросомъ, прежде чѣмъ рѣшиться сказать: люблю. Всѣ знаютъ, какъ далекъ отъ каждаго изъ насъ нашъ ближній.

— Ты молчишь? Все равно—я понимаю тебя и безмолвнаго... И я ухожу...

— Уже?—тихо спросилъ я. Потому что, какъ ни страшенъ онъ былъ для меня, самъ я для себя—еще страшнѣе...

— Да, я ухожу... Не разъ еще я приду къ тебѣ. Жди!

И онъ ушелъ.

Какъ ушелъ? Я не замѣтилъ этого. Онъ быстро и безшумно ушелъ, какъ исчезаютъ тѣни... Я же еще долго оставался на скамьѣ въ саду, не чувствуя холода извнѣ и не замѣчая, что уже солнце взошло и ярко блестятъ лучи его на обледенѣлыхъ вѣтвяхъ деревьевъ. Странно было мнѣ видѣть ясный день и солнце, сіяющее равнодушно, какъ всегда, и эту старую, измученную землю, одѣтую покровомъ снѣга, ослѣпительно сверкавшаго въ лучахъ солнца...

. . . . . .

1898.

КИРИЛКА.

...Когда возокъ выпрыгнулъ изъ лѣса на опушку и предо мной развернулся широкій, сумрачный горизонтъ, Исай привсталъ на козлахъ, вытянулъ шею, посмотрѣлъ вдаль и сказалъ:

— Ахъ, ты, чортъ... кажись, тронулась!

— Ну?

— А право... какъ будто идетъ...

— Гопи скорѣе!

— Э-эхъ ты, мар-рмаладина!

Коротенькое и толстое животное съ ослиными ушами и шерстью пуделя отъ удара кнутовищемъ по его крупу отскочило въ сторону съ дороги, остановилось и, перебирая на мѣстѣ ногами, обиженно закачало головой.

— Н-но! я тебѣ пококетничаю!—крикнулъ Исай, дергая вожжами.

Псаломщикъ Исай Мякинниковъ былъ уродливый человѣкъ сорока лѣтъ отъ роду. На лѣвой щекѣ и подъ челюстью у него росла рыжая борода, а на правой вздулась огромная кила, она закрывала ему глазъ и опускалась морщинистымъ мѣшкомъ на плечо. Отчаянный пьяница, недурной философъ и насмѣшникъ, онъ везъ меня къ своему родному брату и моему товарищу, сельскому учителю, умиравшему отъ чахотки. За пять часовъ времени мы не проѣхали и двадцати верстъ, потому что дорога была скверная, а то фантастическое животное, которое везло насъ, имѣло дурной характеръ. Исай называлъ его шишигой, жерновомъ, ступой и другими странными именами, причемъ каждое изъ нихъ одинаково шло къ этому коню, мѣтко подчеркивая ту или иную изъ особенностей его внѣшности и характера. И среди людей часто встрѣчаются такія же сложныя существа, которыхъ какъ ни назови,—все будетъ впору имъ, лишь имя человѣка къ нимъ нейдетъ.

Надъ нами нависло сѣрое небо, сплошь покрытое тучами вокругъ насъ распростерлись луга въ темныхъ пятнахъ проталинъ. Впереди, верстахъ въ трехъ отъ насъ, возвышались синеватые холмы горнаго берега Волги, и тяжелое небо опиралось на нихъ. Рѣка была невидима за косматой гривой прибрежныхъ кустовъ. Съ юга дулъ вѣтеръ, вода въ лужахъ морщилась и гримасничала, въ воздухѣ метался скучный сырой звукъ—хлюпала грязь подъ ногами лошади... И во всей природѣ было разлито что-то печальное, точно она утомилась въ ожиданіи яркаго солнца весны, была недовольна тѣмъ, что такъ долго нѣтъ лучей его, и было ей тяжело и скучно безъ нихъ.

— Задержитъ насъ рѣка,—говорилъ Исай, подпрыгивая на козлахъ.—А Яковъ не дождется и помретъ... тогда изъ всего нашего странствія выйдетъ одно безполезное утружденіе плоти... Но ежели мы и застанемъ его въ живыхъ—какая польза? Одна помѣха и больше ничего... въ часъ смертный не слѣдуетъ торчать предъ глазами отходящаго, нужно оставить человѣка одного, дабы не отводить его взгляда внутрь себя на предметъ посторонній... въ часъ смертный человѣкъ долженъ смотрѣть въ глубину своего сердца, а не на пустяки, ибо живой для умирающаго есть пустякъ и лишній предметъ... Положимъ, оно такъ ужъ полагается закономъ жизни, чтобы у одра предстояли близкіе покидающаго юдоль сію... но ежели разсуждать съ употребленіемъ разума, а не мозгомъ пятокъ нашихъ, то опять-таки окажется, что въ этомъ обычаѣ нѣтъ пользы ни живымъ ни мертвымъ, а одно излишество въ терзаніи сердца. Живой не долженъ и вспоминать о томъ, что есть смерть и ждетъ его она... Живому это вредно, потому что отемняетъ радости... Ты, чортовъ пестъ! Играй ногами веселѣй!.. Н-но!..

Исай говорилъ однотонно, густымъ, сиплымъ голосомъ, и его нелѣпая, длинная фигура, закутанная въ широкій и дырявый рыжій армякъ, неуклюже болталась на козлахъ, подпрыгивая, перегибаясь съ бока на бокъ, кланяясь и откидываясь назадъ. Широкополая черная шляпа, подарокъ батюшки, была привязана тесемками подъ его подбородкомъ, и вѣтеръ бросалъ въ лицо ему концы тесемокъ. Псаломщикъ трясъ своей острой головой, шляпа съѣзжала ему на глаза, полы армяка раздувались отъ вѣтра. Исай вертѣлся, ежился, ругался, а я, глядя на него, думалъ о томъ, какъ много человѣкъ тратитъ энергіи на борьбу съ мелочами. Если бъ насъ не одолѣвали гнусные черви мелкихъ будничныхъ золъ, мы легко раздавили бы страшныхъ змѣй нашихъ крупныхъ несчастій.

— Идетъ!—уныло воскликнулъ Исай.

— Видишь?

— Вижу въ кустахъ лошадей... и люди около нихъ... Тьфу! Значитъ—нѣтъ ѣзды!

— Можетъ-быть, какъ-нибудь переправимся.

— Толкуй! Извѣстно, переправимся... когда ледъ пройдетъ. А до той поры что̀ будемъ дѣлать? То-то... И потомъ—ѣсть и хочу! Такъ я хочу ѣсть, что даже сказать этого невозможно простымъ языкомъ. Говорилъ я тебѣ—давай закусимъ... Нѣтъ, вези... На̀, привезъ!..

— Ѣсть и мнѣ хочется... Ты ничего не взялъ съ собой?

— Ежели я позабылъ!—сердито отвѣтилъ Исай.

Выглядывая изъ-за его спины, я видѣлъ коляску, запряженную тройкой лошадей, и плетеный шарабанъ парой. Лошади смотрѣли навстрѣчу намъ, а около нихъ стояли какія-то фигуры: одна высокая, съ рыжими усами, въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ, другая—въ черномъ длиннополомъ сюртукѣ на мѣху.

— Земскій начальникъ Сущовъ, а это мельникъ Мамаевъ,—пробормоталъ Исай вполоборота ко мнѣ и почтительнымъ тономъ приказалъ своему коню:

— Тпру, радѣтель... Опоздали мы, стало-быть,—сдвинувъ съ головы шляпу, обратился онъ къ толстому кучеру, стоявшему у тройки.

Кучеръ хмуро взглянулъ на его голый, яйцеобразный черепъ и молча отвернулся въ сторону.

— Не потрафили,—улыбаясь, отвѣтилъ купецъ Мамаевъ, низенькій и полный человѣкъ съ краснымъ лицомъ и мошенически-ласковыми глазами.

Земскій начальникъ, облокотясь на крыло коляски, курилъ и крутилъ усъ, исподлобья поглядывая на насъ. Тутъ было еще двое людей: кучеръ Мамаева, рослый малый съ кудрявыми волосами и съ огромнымъ ртомъ, и мужичонка на кривыхъ ногахъ, въ рваномъ полушубкѣ, туго подпоясанный, перегнувшійся впередъ и какъ бы застывшій въ поклонѣ намъ. Маленькое, сморщенное лицо его поросло рѣдкой сѣрой бородкой, глаза были сложены въ улыбку, и въ ней одновременно соединялись почтительность съ насмѣшкой и тупость съ плутовствомъ. Онъ сидѣлъ на корточкахъ, былъ похожъ на обезьяну и, медленно поворачивая голову то туда, то сюда, слѣдилъ за всѣми, не показывая никому своихъ глазъ. Изъ безчисленныхъ дыръ его полушубка высовывались клочья грязной овчины, и вся фигура мужика производила странное впечатлѣніе: онъ казался изжеваннымъ, какъ будто

только сейчасъ вырвался изъ какой-то огромной пасти, пытавшейся сожрать его... Высокій бугоръ песку, за которымъ мы стояли, скрывалъ насъ отъ вѣтра и рѣку отъ насъ.

— Пойти взглянуть, какъ тамъ дѣла-то...—сказалъ Исай и полѣзъ на бугоръ. За нимъ угрюмо двинулся земскій начальникъ, потомъ я и купецъ. Мужичонка сталъ на четвереньки и тоже сталъ карабкаться на бугоръ. Когда мы взлѣзли на его вершину, то всѣ сѣли тамъ, мрачные, какъ вороны. Предъ нами аршинахъ въ четырехъ разстоянія и сажени на три ниже насъ—широкой синевато-сѣрой полосой лежала рѣка, вся въ морщинахъ, въ язвахъ, въ кочкахъ изъ мелко истертаго льда. Ледъ покрывалъ ее, какъ болѣзненной коростой, и двигался медленно, но несокрушимая сила была въ его неторопливомъ движеніи. Скрипучій шорохъ стоялъ въ воздухѣ, холодномъ и сыромъ.

— Кирилка!—позвалъ земскій начальникъ.

Мужичонка вскочилъ на ноги и, стащивъ съ головы шапку, согнулся предъ земскимъ такъ, точно подставлялъ ему свою голову на отсѣченіе.

— Что̀ же—скоро?

— Не задержитъ, ваше благородье, сичасъ станетъ... Изволите видѣть, какъ претъ? Въ этакомъ густомъ ходу не можетъ онъ не стать... Тамъ, на версту выше—коса. Какъ на нее навалитъ—такъ и готово дѣло. Вся штука въ большой чкѣ... ежели большая чка увязнетъ въ воротахъ около косы—тутъ ему и препона! Тиснетъ ее въ узину—она весь ходъ и задержитъ...

— Ну ладно... молчи!..

Мужикъ шлепнулъ губами и умолкъ.

— Нѣтъ, это чортъ знаетъ что̀!—возмущенно заговорилъ земскій.—Я же вѣдь говорилъ тебѣ, идіоту, переправь двѣ лодки на эту сторону, а? говорилъ?

— Говорили вы... это вѣрно...—виновато отвѣтилъ мужикъ.

— Н-ну, а ты?

— Не успѣлъ... потому—тронулась она сразу...

— Болванъ! Нѣтъ,—обратился земскій къ Мамаеву,—эти... ослы совершенно не могутъ понимать человѣческаго языка.

— Сказано—муж-жики-съ,—любезно улыбаясь, прошипѣлъ Мамаевъ,—раса дикая... племя тупое, умы осиновые... но вотъ теперь будемъ ожидать отъ усердія земства и распространенія имъ школъ—просвѣщенія и образованности...

— Школы... да! Читальни, фонари—прекрасно! Я понимаю это... но однако, хотя я и не противникъ просвѣщенія, как вы знаете, а все-таки ха-аро-ошая порка воспитываетъ бы

стрѣе и стòитъ дешевле... да-съ! За розгу мужикъ не платитъ, а на просвѣщеніе съ него шкуру дерутъ хуже, чѣмъ розгой драли. Пока просвѣщеніе только разоряетъ его, вотъ чтò... Я однако не говорю—не просвѣщайте, я говорю—пожалѣйте, подождите...

— Совершенно такъ!—съ удовольствіемъ воскликнулъ купецъ.—Очень бы слѣдовало подождать, потому что тяжело мужику по нынѣшнимъ днямъ... недороды, болѣзни, слабость къ вину,—все это, такъ сказать, подъ корень его сѣчетъ, а тутъ школы, читальни... Чтò съ него взять при такомъ порядкѣ? Совсѣмъ нечего съ него взять... ужъ повѣрьте мнѣ!

— Вамъ это извѣстно, Никита Павлычъ,—убѣжденно, но вѣжливо сказалъ Исай и благочестиво вздохнулъ.

— Еще бы! Семнадцать лѣтъ хожу вокругъ него. Я насчетъ ученія такъ полагаю: ежели во благовременіи, то оно можетъ принести пользу... всякому человѣку... Но ежели у меня въ брюхѣ, извините, пусто,—ничему я учиться не пожелаю, кромѣ какъ воровству...

— Зачѣмъ вамъ учиться!—почтительно и ласково воскликнулъ Исай.

Мамаевъ взглянулъ на него и искривилъ губы.

— Вотъ мужикъ... Кирилка!—позвалъ земскій.—Вотъ мужикъ,—обратился онъ къ намъ съ нѣкоторой торжественностью на лицѣ и въ тонѣ,—это, рекомендую, недюжинный мужикъ... бестія, какихъ мало! Когда горѣлъ „Григорій", онъ, этотъ оборванецъ, этотъ... собственноручно спасъ шестерыхъ пассажировъ... поздней осенью, часа четыре кряду, рискуя жизнью, купался въ водѣ, въ бурю, ночью... Спасъ людей и скрылся... его ищутъ, хотятъ благодарить, хлопотать о медали... а онъ въ это время воруетъ казенный лѣсъ и схваченъ на мѣстѣ преступленія. Хорошій хозяинъ, скупъ, сноху вогналъ во гробъ, жена, старуха, бьетъ его полѣномъ... онъ пьяница и очень богомоленъ, поетъ на клиросѣ... имѣетъ хорошій пчельникъ и при всемъ этомъ—воръ! Паузилась тутъ баржа, и онъ попался въ кражѣ трехъ мѣстъ изюму... извольте видѣть, какая фигура?

Всѣ мы внимательно посмотрѣли на талантливаго мужика. Онъ стоялъ предъ нами, спрятавъ свои глаза, и шмыгалъ носомъ, обративъ лицо на щегольскіе сапоги земскаго. Около его губъ играли двѣ морщинки, но губы были плотно сжаты, и лицо рѣшительно ничего не выражало.

— И вотъ мы спросимъ его—Кирилка! Скажи,—какая польза въ грамотѣ... въ школахъ?

Кирилка вздохнулъ, почмокалъ губами и не сказалъ ничего.

— Ну, вотъ ты грамотный,—строже заговорилъ земскій,— ты долженъ знать,—лучше тебѣ жить оттого, что ты грамотный?

— Всяко бываетъ, — сказалъ Кирилка, наклоняя голову еще ниже.

— Да нѣтъ, все-таки — ты читаешь, ну что же, какая польза отъ этого для тебя?

— Пользы, оно, конечно, нѣтъ, чтобы, значитъ, прямо взять ее... по ежели разсудить, то... учатъ, стало-быть, въ пользу это имъ...

— Кому—имъ?

— Учителямъ, стало-быть... земству, значитъ, и вообще... начальству...

— Дуракъ же ты! Тебѣ-то, тебѣ—есть польза?

— Это... какъ угодно, ваше благородіе...

— Кому угодно?..

— Вамъ... значитъ, какъ вы начальникъ...

— Пошелъ прочь!

У земскаго концы усовъ вздрагивали и лицо покраснѣло.

— Вотъ видите, онъ ничего не сказалъ, но его отвѣтъ ясенъ. Нѣтъ, господа, прежде, чѣмъ учить мужика азбукѣ, нужно... дисциплинировать его!.. Онъ—испорченный ребенокъ, да! но онъ и—почва! Вы понимаете?.. Основаніе пирамиды государственнаго строя... и вдругъ... колеблется! Вы понимаете серьезность такого... э... э... безпорядка.

— Дѣло ясное, — сказалъ Мамаевъ. — И, дѣйствительно, слѣдуетъ укрѣпить...

Такъ какъ и я интересуюсь судьбой мужика, я тоже вступилъ въ разговоръ, и скоро мы въ четыре голоса горячо и озабоченно рѣшали судьбу его. Истинное призваніе каждаго изъ насъ—установлять правила поведенія для нашихъ ближнихъ, и несправедливы тѣ проповѣдники, которые упрекаютъ насъ въ эгоизмѣ, ибо въ безкорыстномъ стремленіи видѣть людей лучшими мы всегда забываемъ о себѣ, и, можетъ-быть, отъ этого-то мы всѣ такъ плохи.

Мы спорили, а рѣка, какъ огромная змѣя, ползла предъ нами и терлась о берегъ своей холодной, сѣрой чешуей

И нашъ разговоръ извивался змѣей, раздраженной змѣей, которая бросается изъ стороны въ сторону въ своемъ стремленіи схватить то, что ей необходимо и что ускользаетъ отъ нея. Отъ насъ ускользалъ предметъ разговора—мужикъ. Кто онъ? Онъ сидѣлъ на пескѣ недалеко отъ насъ; онъ молчалъ и лицо его было безстрастно.

Мамаевъ говорилъ:

— Нѣ-ѣтъ-съ, онъ не глупъ! Онъ даже о-очень не дуракъ... его довольно трудно объѣхать на кривой...

Земскій начальникъ раздражался:

— Я не говорю — глупъ! я говорю—распущенъ! Поймите! Живетъ безъ должной опеки надъ нимъ, какъ надъ несовершеннолѣтнимъ,—вотъ въ чемъ корень неурядицъ его жизни...

— А я, съ позволенія сказать, полагаю такъ, что онъ— ничего! Божья тварь, какъ и всѣ... Но — извините! обалдѣлъ онъ... т.-е. отъ неустройства бытія своего лишился надеждъ...

Это говорилъ Исай, говорилъ голосомъ елейнымъ и почтительнымъ, сладко улыбаясь и вздыхая, его глазки робко щурились и не хотѣли смотрѣть прямо, а кила сотрясалась, точно въ ней было много смѣха, онъ желалъ вырваться на воздухъ и не смѣлъ. Я же утверждалъ, что мужикъ—просто голоденъ, и что если бы дать ему вволю хорошей пищи, то онъ, навѣрное, исправится...

— Вы говорите—голоденъ?—раздраженно воскликнулъ земскій.—Но, чортъ возьми, почему? Нужно понять, по-че-му онъ голоденъ? Почему, скажите, ради Бога, сорокъ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ онъ не зналъ, что̀ такое голодъ, а былъ сытъ, здоровъ? Т.-е. я... не то хотѣлъ сказать... Я говорю... я... я вотъ самъ голоденъ! Да, чортъ, въ данную минуту я самъ, по его милости, голоденъ! А! Какъ это вамъ нравится? Я приказывалъ — переправить сюда лодки и ждать меня... Пріѣзжаю... Сидитъ Кирилка. Тьфу! Нѣтъ, это, я вамъ скажу, просто и-ді-оты... т.-е. люди, въ которыхъ нѣтъ уваженія къ слову представителя власти...

— Дѣйствительно... очень бы пріятно покушать!—меланхолически сказалъ Мамаевъ.

— Н-да,—вздохнулъ Исай...

И всѣ мы, раздраженные споромъ и уже не разъ сердито перекинувшіе другъ на друга, замолчали, объединенные желаніемъ ѣсть, и посмотрѣли на Кирилку, который подъ нашими взглядами передернулъ плечомъ и сталъ медленно стаскивать шапку съ своей головы...

— Какъ же это ты, братъ, насчетъ лодки-то?.. — укоризненно сказалъ Исай.

— Да вѣдь что̀ же лодка?.. хоша бы она и была — ея не видѣть...—виновато отвѣтилъ Кирилка.

Мы всѣ четверо отвернулись отъ него...

— Шесть часовъ сижу здѣсь,—объявилъ Мамаевъ, взглянувъ на золотые часы, вынутые имъ изъ кармана, — изъ своего кармана, долженъ я прибавить.

— Вотъ извольте видѣть!—раздраженно воскликнулъ зем-

скій и повелъ усами.—А эта бестія... говоритъ—скоро обр
зуется заторъ... Ты! скоро, что ли?

Очевидно, земскій полагалъ, что Кирилка имѣетъ нѣку
власть надъ рѣкой и движеніемъ льда по ней, и было ясн
что Кирилка, дѣйствительно, виновенъ въ этомъ, потому ч
вопросъ зомскаго привелъ въ движеніе всѣ члены мужичонк
Кирилка двинулся на самый край бугра, прикрылъ глаза л
донью и сталъ, наморщивъ лобъ, смотрѣть вдаль, з
чѣмъ-то дрыгая лѣвой ногой и шевеля губами, какъ буд
онъ шепталъ заклинанія рѣкѣ или тихо приказывалъ
что-то.

Ледъ шелъ сплошной массой, синеватыя льдины съ глухим
шорохомъ лѣзли одна на другую, ломились, трещали, разс
пались на мелкіе куски; порою между ними появлялась му
пая вода и исчезала, затираемая льдомъ. Казалось, огромн
тѣло, пораженное кожной болѣзнью, все въ струпьяхъ и р
нахъ, лежитъ предъ нами, а чья-то могучая, невидимая ру
очищаетъ его отъ грязной чешуи, и казалось—пройдетъ ещ
нѣсколько минутъ—рѣка освободится отъ тяжелыхъ оковъ
явится предъ нами широкая, могучая, прекрасная,—сверкну
изъ-подъ снѣга и льда ея волны, и солнце, прорвавъ туч
радостно и ярко взглянетъ на нее.

— Теперь ужъ—сичасъ, вашбродіе! — оживленно воскли
пулъ Кирилка.—Рѣдѣетъ... эна тамъ! вона у косы!

Онъ простиралъ руку съ шапкой вдаль, гдѣ я ничего
видѣлъ, кромѣ льда...

— До Ольховой далеко?

— Ежели прямо итти, верстъ пять, вашбродіе...

— Ч-чорта... гм! Можетъ-быть, у тебя есть что-нибуд
Картофель, хлѣбъ?

— Хлѣбъ?.. Это точно, хлѣбъ есть... а картофелю нѣту
не родилось его нонѣ, картофелю-то...

— Съ тобой хлѣбъ?

— Хлѣбъ-то? За пазухой, вонъ онъ...

— Тьфу! На кой чортъ ты носишь его за пазухой?

— Да его немного, вашбродіе, фунта съ два... и опять же
теплѣе онъ отъ этого...

— Э, дуракъ... Надо было давеча еще кучера послать
Ольховую! Молока бы, что ли, выпить... но этотъ все тве
дитъ—чичасъ! чичасъ!... Этакая м-мерзость!

Земскій началъ зло дергать усы, а Мамаевъ ласково уст
вился на пазуху мужика, который стоялъ, понуривъ голо
и медленно поднималъ къ ней руку съ шапкой. Исай дѣла
Кирилкѣ какіе-то знаки пальцами; мужикъ взглянулъ на не

сталъ безшумно подвигаться въ его сторону, обернувъ лицо ъ спинѣ земскаго начальника.

Ледъ рѣдѣлъ, между льдинами являлись трещины; онѣ были очно морщины на скучномъ, безкровномъ лицѣ. Играя на емъ, онѣ придавали рѣкѣ то одно, то другое выраженіе, всегда динаково мудрое, всегда холодное, но—то печальное, то намѣшливое, то искаженное болью. Сѣрая масса облаковъ смотѣла на игру льда неподвижно, безстрастно, а шорохъ льдинъ песокъ звучалъ, какъ чей-то робкій шопотъ, и наводилъ ныніе.

— Дай мнѣ, братъ, хлѣбца!—услыхалъ я подавленный шотъ Исая.

И въ то же время Мамаевъ густо крякнулъ, а земскій громко сердито сказалъ:

— Кирилка! дай сюда хлѣбъ..

Мужичонка сорвалъ одной рукой шапку съ головы, другую ку сунулъ за пазуху и, положивъ хлѣбъ на шапку, протялъ его къ земскому, изогнувшись чуть не въ дугу. Взявъ лѣбъ въ руку, земскій брезгливо оглянулъ его и съ кислой ыбкой подъ усами сказалъ намъ:

— Господа! Всѣ мы, я вижу, являемся претендентами на ладаніе этимъ кускомъ и всѣ мы имѣемъ на него одинавое право... право людей, которые хотятъ ѣсть... Что же? здѣлимъ пополамъ... сію скудную трапезу... Чортъ возьми! тъ смѣшное положеніе, но, повѣрите ли, торопясь застать рогу, я такъ спѣшилъ... Извольте...

Отломивъ себѣ, онъ подалъ кусокъ хлѣба Мамаеву. Купецъ прищурилъ глазъ, склонивъ голову на бокъ, и, измѣвъ хлѣбъ, откромсалъ свою долю. Остатки взялъ Исай и здѣлилъ со мною. Мы снова сѣли въ рядъ и стали дружно молча жевать этотъ хлѣбъ... все-таки, хотя онъ былъ похожъ глину, имѣлъ запахъ потной овчины и квашеной капусты, . и неизъяснимый вкусъ...

Я ѣлъ и наблюдалъ, какъ по рѣкѣ плывутъ грязные лохтья ея зимнихъ одеждъ.

— Вотъ,—говорилъ земскій, съ упрекомъ глядя на кусокъ своей рукѣ,—извольте видѣть — это хлѣбъ! Въ то время, къ за границей крестьянинъ имѣетъ вино, сыръ, хорошій еничный хлѣбъ—нашъ мужикъ ѣстъ... эту гадость. Мякина немъ, кислота какая-то... и этимъ питаются наканунѣ -го столѣтія!.. А почему?

Такъ какъ вопросъ былъ обращенъ къ Мамаеву, купецъ кело вздохнулъ и скромно отвѣтилъ:

— Пишша не тово... не располагаетъ...

— А по-че-му-съ?

— И...истощала почва земли... такъ сказать...

— Хм! Полноте! Эти разговоры объ истощеніи земли— просто выдумка земскихъ статистиковъ...

Кирилка вздохнулъ и поправилъ шапку на головѣ.

— Ты! скажи — земля родитъ? — обратился къ нему земскій.

— Да-ить... она всяко... когда ей въ мочь, то она— сколько угодно!

— Не виляй! Говори прямо—родитъ?

— То-есть... стало-быть. ежели...

— Вре-ешь!

— Ежели руки къ ней, то она—ничего...

— Ага-а! Вы слышите — руки! Вотъ потому-то она и не родитъ, что рукъ къ ней некому приложить... Что̀ мы видимъ? Пьянство и распущенность... лѣность. Руководителя нѣтъ. Недородъ—на сцену выступаетъ земство: на̀, сѣй, батюшка на̀, ѣшь, батюшка... Нѣ-ѣтъ-съ, это не порядокъ! Почему до 61 года родила? Потому что — если недородъ—сейчасъ—его голубчика... мужика, то-есть — пожалуйте-ка сюда! Вы какъ пахали? Вы какъ сѣяли? и т. д. Потомъ дадутъ ему — сѣй! И — родитъ, о, повѣрьте! А теперь, живя за пазухой у земства, онъ спряталъ всѣ свои способности... потому что не знаетъ, какъ употребить ихъ съ большей пользой для себя, а указать некому...

— Это... точно, бывало, помѣщикъ могъ заставить все что̀ угодно, — увѣренно сказалъ Мамаевъ.— Онъ что̀ хотѣлъ изъ мужика дѣлалъ...

— Музыкантовъ, живописцевъ, танцоровъ, актеровъ...—съ жаромъ подхватилъ земскій,—все, что̀ угодно!

— Истинно-съ... я вотъ тоже помню, когда еще мальчишкой былъ... такъ у насъ... у графа... въ дворнѣ былъ одинъ... подражатель, такъ сказать...

— Н-да?

— Всему выучился подражать! Не токмо звукамъ, которые отъ человѣка и скота... но даже деревяннымъ и инымъ... изображалъ, какъ доску пилятъ или стекло бьется. Надуетъ щёки и... хорошо выходило! А то, бывало, графъ скажетъ: Ѳедька! лай, какъ Злобная лаетъ! Ѳедька! лай, какъ Перехватъ!.. и тоже лаетъ! Вотъ до чего достигъ! Теперь бы за этакое искусство много денегъ можно взять!

— Лодки ѣдутъ!—возгласилъ Исай.

— А! Наконецъ! Кирилка, лошадей моихъ... впрочемъ, я самъ скажу кучеру...

— Вотъ и дождались...—съ улыбкой сказалъ Мамаевъ.

— Да...

— Ужъ это всегда такъ: ждешь, ждешь и... дождешься! Хе, хе, хе! Всему есть свой конецъ...

— Вѣдь это утѣшительно... не правда ли?

— Еще бы-съ!

— Ежели бы не это — многіе совсѣмъ не могли бы жизнь терпѣть,—сказалъ Исай.

У того берега рѣки среди льда копошились двѣ длинныя, темныя точки.

— Лѣзутъ,—сказалъ Кирилка, посмотрѣвъ на нихъ.

Земскій начальникъ искоса взглянулъ на него и спросилъ:

— Ну что, все пьешь?

Кирилка виновато отвѣтилъ:

— Ежели когда случится... выпиваю...

— А лѣсъ воруешь?

— Зачѣмъ мнѣ лѣсъ, вашбродіе?

— Нѣтъ, однако?

— Никогда я, вашбродіе, не займовался лѣсомъ,—сказалъ Кирилка и даже головой потрясъ отрицательно.

— А судилъ я тебя за что?

— Извѣстно... судили вы, это точно...

— За что?

— Какъ вы начальники... то вамъ и положено судить насъ.

— Хи-итрая ты бестія! Ну, а съ баржъ, во время паузка, тоже воруешь попрежнему?

— Я, вашбродіе, одинъ разъ попробовалъ.

— Да и то попалъ, ха, ха, ха!

— Не привышно намъ это... потому и попалъ.

— Надо пріучиться? ха, ха, ха!

— Хе, хе, хе!—смѣялся Мамаевъ.

Лодки, отталкиваясь баграми отъ льдинъ, напиравшихъ на ихъ борта, подвигались къ нашему берегу. Мужики, сидѣвшіе въ нихъ, что-то кричали другъ другу. Кирилка тоже приставилъ ко рту кулакъ трубкой и неожиданно-сильнымъ голосомъ крикнулъ имъ:

— На ветлу потрафля-ай!..

Крикнулъ и почти кувыркомъ скатился внизъ съ бугра къ рѣкѣ... Мы тоже послѣдовали за нимъ.

Скоро мы садились въ лодки: въ одну я съ Исаемъ, въ другую Мамаевъ съ земскимъ.

— Съ Богомъ, ребята! — снявъ фуражку и крестясь, скомандовалъ земскій. Двое мужиковъ въ его лодкѣ тоже истово перекрестились и стали тыкать баграми въ льдины, сжима-

вшія лодки. А льдины ударялись о борта, и раздавался зловѣщій, хрустящій звукъ. На водѣ было холодно. Лицо Мамаева, я видѣлъ, какъ-то побурѣло. Земскій начальникъ, хмуря брови, строго и безпокойно смотрѣлъ вверхъ по теченію, откуда на наши лодки неслись огромные голубовато-сѣрые куски льда. Маленькія льдины шуршали о киль лодки, и казалось, будто чьи-то острые, крупные зубы грызутъ дерево лодокъ...

Было сыро, шумно и жутко, и всѣ мы смотрѣли за борта на этотъ грязный, холодный ледъ, такой могучій и глупый. Но вдругъ въ шорохѣ, окружавшемъ насъ, я услышалъ голосъ съ берега и взглянулъ туда. Берегъ былъ еще саженяхъ въ десяти отъ насъ, на немъ стоялъ безъ шапки Кирилка; я видѣлъ его сѣрые, бойкіе глаза и слышалъ Кирилкинъ странно-сильный голосъ:

— Дядя Антонъ! За почтой поѣдете — хлѣба мнѣ привезите, слышь? Господа-то, путя ожидаючи, краюшку у меня съѣли, а одна и была...

1899.

О ЧОРТѢ.

Осенью — печальной порой увяданія и смерти — тяжело жить!

Сѣрые дни, плачущее небо безъ солнца, темныя ночи, угрюмо поющій вѣтеръ, осеннія тѣни — густыя и черныя тѣни!—все это навѣваетъ на человѣка тучи мрачныхъ думъ, и въ душѣ его рождается таинственный ужасъ предъ жизнью, въ которой нѣтъ ничего устойчиваго, вѣчно все колеблется: родится, разлагается, умираетъ... зачѣмъ?.. какая цѣль?..

Иногда нѣтъ силъ бороться съ тьмою тѣхъ думъ, что̀ охватываютъ душу поздней осенью... поэтому всякій, кто хочетъ скорѣе пережить ихъ горечь—пусть идетъ имъ навстрѣчу. Это единственный путь, которымъ человѣкъ можетъ выйти изъ хаоса тоски и сомнѣній на твердую почву увѣренности въ себѣ.

Но это трудный путь... Онъ идетъ сквозь тернія; они до крови рвутъ живое сердце ваше, и всегда на этомъ пути ждетъ васъ чортъ. Это именно тотъ, лучшій изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ чертей, съ которымъ познакомилъ насъ великій Гёте...

Объ этомъ чортѣ я и разсказываю.

Чорту было скучно.

Онъ слишкомъ уменъ для того, чтобы всегда только смѣяться; онъ знаетъ, что въ жизни есть явленія, которыя и самъ чортъ безсиленъ осмѣять,—никогда онъ, напримѣръ, не касался острымъ ножомъ своей ироніи величественнаго факта своего бытія. По правдѣ говоря, этотъ нашъ любимый чортъ гораздо болѣе дерзокъ, чѣмъ уменъ, и если присмотрѣться къ нему внимательнѣе, пожалуй, окажется, что онъ, какъ и мы, бо̀льшую часть своего времени посвящаетъ пустякамъ. Но оставимъ это,—мы вѣдь не дѣти, не будемъ же ломать

лучшую изъ нашихъ игрушекъ, доискиваясь, что скрыто у нея внутри.

Однажды чортъ шлялся по кладбищу среди могилъ во тьму осенней ночи; ему было скучно, онъ тихо свисталъ и, поглядывая вокругъ себя, искалъ развлеченій. Онъ насвистывалъ старинный романсъ—любимый романсъ моего отца:

Какъ отъ вѣтки родной
Листъ осенней порой,
Оторвавшись, по вѣтру летаетъ.

А вѣтеръ вторилъ ему, съ воемъ носясь надъ могилами между черными крестами, по небу медленно ползли тяжелыя тучи осени, орошая холодными слезами тѣсныя жилища мертвецовъ. Жалкія деревья кладбища пугливо скрипѣли подъ ударами вѣтра, простирая къ безмолвнымъ тучамъ свои оголенныя вѣтви. Вѣтви задѣвали за кресты, и тогда на кладбищѣ рождался угрюмый шорохъ—звукъ тяжелый и пугающій...

Чортъ свисталъ и думалъ:

„Любопытно, какъ чувствуютъ себя мертвецы въ такую погоду? Вѣроятно, сырость проникаетъ туда къ нимъ... и хотя они со дня смерти навсегда застрахованы отъ ревматизма, однако... должно-быть, непріятно!.. Развѣ вызвать одного изъ нихъ и побесѣдовать съ нимъ? Все-таки развлеченіе и для меня... и для него, я полагаю... Вызову! Гдѣ-то тутъ однажды сунули въ землю знакомаго мнѣ литератора.. При жизни я, бывало, посѣщалъ его... почему бы не возобновить знакомства? Всѣ люди этой профессіи ужасно требовательны,—посмотримъ—вполнѣ ли ихъ удовлетворяетъ могила? Но гдѣ же она?

И самъ чортъ, который, какъ извѣстно, все знаетъ, долго бродилъ по кладбищу, прежде чѣмъ нашелъ могилу литератора...

— Эй, слушайте!—крикнулъ онъ, стуча когтями по тяжелому камню, которымъ былъ придавленъ его знакомый.—Вставайте!

— Зачѣмъ?—глухо донеслось изъ-подъ земли.

— Нужно...

— Не встану...

— Почему?

— Да... вы кто?

— Вы меня знаете...

— Цензоръ?

— Ха-ха-ха! Нѣтъ!

— Можетъ-быть, жандармъ?

Нѣтъ, нѣтъ!

— И не критикъ?

— Я—чортъ...

— А! Сейчасъ вылѣзу.

Камень сдвинулся съ могилы, земля разверзлась, и изъ нея явился скелетъ. Это былъ самый обыкновенный скелетъ, почти такой же, по какимъ студенты изучаютъ анатомію костей; только онъ былъ грязный, не имѣлъ проволочныхъ связокъ, да въ пустыхъ впадинахъ, на мѣстѣ глазъ, у него сіялъ голубой фосфорическій свѣтъ. Онъ вылѣзъ изъ земли, встряхнулъ костями, чтобъ сбросить приставшую къ нимъ землю, кости сухо стукнули другъ о друга, и онъ, поднявъ черепъ кверху, посмотрѣлъ своимъ голубымъ, холоднымъ взглядомъ въ темное небо, покрытое тучами.

— Здравствуйте!—сказалъ чортъ.

— Не могу, — кратко отвѣтилъ писатель. Говорилъ онъ тихо и такимъ страннымъ звукомъ, точно двѣ кости, чуть слышно скрипя, терлись одна о другую...

— Извиняюсь за мое привѣтствіе,—любезно сказалъ чортъ.

— Ничего... Но однако зачѣмъ вы меня подняли?

— Хотѣлъ предложить вамъ прогуляться... не болѣе этого...

— А-а! Я съ удовольствіемъ пройдусь немного... хотя погода прескверная.

— Полагаю, вы не боитесь простуды?—спросилъ чортъ.

— О, нѣтъ, я вѣдь еще при жизни основательно простудился.

— Да, помню, вы умирали совсѣмъ остывшимъ.

— Еще бы!.. всю жизнь меня такъ усердно охлаждали...

Они шли рядомъ другъ съ другомъ по узкой дорожкѣ, среди могилъ и крестовъ; изъ глазъ писателя падали на землю два голубые луча и освѣщали дорогу чорту... Мелкій дождь кропилъ ихъ, и вѣтеръ свободно пролеталъ между голыхъ реберъ писателя сквозь грудь его, въ которой уже не было сердца.

— Мы идемъ въ городъ?—спросилъ онъ у чорта.

— Что васъ интересуетъ тамъ?

— Жизнь, государь мой,—безстрастно объяснилъ писатель.

— Ба! Она еще имѣетъ для васъ цѣну?

— Еще бы!

— Но почему?

— Какъ сказать? Человѣкъ все измѣряетъ количествомъ своихъ усилій... и если онъ принесъ простой камень съ вершины Арарата,—камень будетъ для него драгоцѣнностью...

— Бѣдняга!—усмѣхнулся чортъ.

— Но и... счастливецъ!—холодно возразилъ писатель.

Чортъ молча пожалъ плечами.

Они уже вышли съ кладбища, и передъ ними лежала улица—два ряда домовъ, а посреди нихъ—тьма, въ которой жалкіе фонари ярко свидѣтельствовали о недостаткѣ свѣта на землѣ.

— Скажите,—заговорилъ чортъ послѣ паузы,—каково вамъ въ могилѣ?

— Теперь, когда я привыкъ къ ней,—ничего, очень покойно... но сначала, знаете, было ужасно скверно. Болванъ, который заколачивалъ гвозди въ крышку гроба, вбилъ зачѣмъ-то гвоздь мнѣ въ черепъ. Это, конечно, мелочь... но все-таки непріятно было. Я, знаете, готовъ былъ думать, что это нѣкій ехидный символизмъ... желаніе испортить мой мозгъ при помощи котораго я, бывало, самъ кое-что портилъ людямъ... Потомъ явились червяки. Они, чортъ ихъ возьми, кушали меня ужасно медленно...

— Еще бы!—сказалъ чортъ.—И нельзя ихъ винить за это пропитанное желчью тѣло совсѣмъ не вкусное блюдо...

— Сколько на мнѣ было тѣла! Сущіе пустяки...—возразилъ писатель.

— А все-таки съѣсть его—скорѣе непріятная обязанность чѣмъ удовольствіе... Вотъ, напримѣръ, издателей черви ѣдятъ быстро и съ наслажденіемъ.

— Это понятно: они, должно-быть, вкусные...

— А что̀, осенью въ могилѣ сыро?—спросилъ чортъ.

— Сыровато... но къ этому привыкаешь... Собственно говоря, больше всего безпокоятъ разные идіоты, которые, шляясь по кладбищу, случайно натыкаются на мою могилу. Не знаю—сколько времени лежу я въ землѣ... такъ и самъ я и все вокругъ меня неподвижно — представленіе о времени недоступно мнѣ...

— Вы лежите въ землѣ четыре года, скоро уже пять будетъ,—сказалъ чортъ...

— Да? вотъ какъ... Было у моей могилы за это время три человѣка... Раздражаютъ, будь они прокляты! Одинъ, знаете, прямо отвергъ фактъ моего существованія,—пришелъ, прочиталъ надпись и съ увѣренностью говоритъ: „Такого не было! Никогда я не читалъ такого... но фамилія знакома: во дни моей юности человѣкъ съ такой фамиліей имѣлъ в нашей улицѣ тайную кассу судъ“... Какъ это вамъ нравится? А я шестнадцать лѣтъ печатался въ самыхъ распространенныхъ журналахъ и трижды при жизни издавался въ отдѣльныхъ изданіяхъ...

— Послѣ смерти васъ издали два раза,—сообщилъ чортъ

— Вотъ видите!.. А то пришли двое, и одинъ изъ нихъ говоритъ: „А! это тотъ?“—„Онъ самый“,—отвѣтилъ другой.—„Н-да, тоже и его читали во время оно“.—„Всѣхъ читаютъ...“—„Что̀, бишь, провозглашалъ—этотъ“? „Обыкновенно... идеи добра, красоты... ну, и прочее...“—„Да, да, помню...“—„Языкъ у него былъ дубоватъ“.—„Сколько ихъ лежитъ въ землѣ! Да, русская земля талантами богата“... И ушли... быки... Я знаю: теплыя слова не повысятъ температуру могилы, и я ихъ не хочу... но все-таки обидно! И ахъ, какъ мнѣ хотѣлось обругать ихъ!..

— Вы бы и ругнули хорошенько!—усмѣхнулся чортъ.

— Нѣтъ, неловко, знаете... Канунъ двадцатаго столѣтія и—вдругъ! — мертвецы ругаются... Нелѣпо... и наконецъ очень жестоко по отношенію къ матеріалистамъ.

Чорту снова становилось скучно.

Этотъ писатель и при жизни желалъ бы быть женихомъ на всѣхъ свадьбахъ и покойникомъ на всѣхъ похоронахъ, и теперь, когда все умерло въ немъ,—честолюбіе его живо. Но развѣ для жизни человѣкъ важенъ? Важенъ лишь духъ человѣка, и только духъ его достоинъ рукоплесканій и поклоненія.. Какъ скучны люди!.. Чортъ уже хотѣлъ предложить писателю возвратиться въ могилу, какъ вдругъ въ его злой головѣ вспыхнула одна идея. Они были въ этотъ моментъ на площади, и со всѣхъ сторонъ ихъ окружали тяжелыя громады домовъ. Надъ площадью низко нависло черное мокрое небо; казалось, оно опирается на кровли и мрачнымъ взглядомъ смотритъ на грязную землю.

— Послушайте-ка,—сказалъ чортъ, любезно наклоняясь къ писателю,—не хотите ли вы посмотрѣть, какъ живетъ ваша жена?

— Я, право, не знаю, хочу ли, медленно проговорилъ писатель.

— Э, да вы совершенный мертвецъ!—воскликнулъ чортъ, подзадоривая его.

— Нѣтъ, почему же?—и писатель бодро встряхнулъ костями.—Я не прочь... и къ тому же вѣдь она меня не увидитъ... а если увидитъ—не узна̀етъ?

— О, разумѣется!—увѣрилъ его чортъ.

— Я, знаете, потому это говорю, что она... не любила, если я надолго уходилъ изъ дома...—объяснился писатель.

И вотъ стѣна одного дома куда-то исчезла, или же стала прозрачной, какъ стекло. Писатель видѣлъ внутренность большихъ комнатъ, и въ нихъ было такъ свѣтло, удобно, красиво...

— Славная обстановка!—одобрительно проскрипѣлъ онъ,—очень хорошая обстановка! Живя въ такой, я бы, пожалуй, еще и теперь не умеръ...

— И мнѣ тоже нравится,—улыбаясь, сказалъ чортъ.—И вѣдь не дорого сто̀итъ—тысячи три...

— Гм... это не дорого?.. Помню, что самое крупное мое произведеніе дало мнѣ 815 рублей... и я почти годъ работалъ надъ нимъ... Но кто же тутъ живетъ?

— Ваша жена,—сказалъ чортъ.

— Да? Вотъ какъ!.. Э... это хорошо... для нея... А женщина,—она и есть? Жена моя?

— Она... вотъ явился ея мужъ...

— Она стала красивая... и какъ хорошо одѣта! М-м... Мужъ, говорите? Какой здоровый малый; рожа у него довольно-таки буржуазная... но добрый человѣкъ, кажется... право же, лицо глуповатое! И даже пошлое... впрочемъ, такія лица нравятся женщинамъ.

— Хотите, я вздохну за васъ?—предложилъ чортъ, ехидно поглядывая на писателя. Но тотъ былъ увлеченъ зрѣлищемъ...

— Какія у нихъ веселыя, живыя лица! Они оба, очевидно, довольны жизнью... Она его любитъ, не знаете?

— О, да, очень...

— А онъ кто?

— Приказчикъ изъ магазина модъ...

— Приказчикъ изъ магазина модъ...—медленно повторилъ писатель и долго не говорилъ ни слова. Чортъ смотрѣлъ на него и весело улыбался.

— Что̀, нравится вамъ все это?—спросилъ онъ.

Писатель съ усиліемъ заговорилъ:

— У меня были дѣти... они?—да, я знаю, живы... у меня были дѣти: сынъ и дочь... я думалъ тогда—вотъ у меня есть сынъ, онъ тоже со временемъ будетъ порядочный человѣкъ...

— Порядочныхъ людей въ жизни много, ей нужны люди совершенные,—сказалъ чортъ холодно и засвисталъ какой-то бравурный маршъ.

— Я думаю—приказчикъ, должно-быть, плохой педагогъ... и сынъ мой...

Пустой черепъ писателя печально закачался...

— Смотрите-ка, какъ онъ ее обнимаетъ! Превесело имъ живется!—воскликнулъ чортъ...

— Да-а... Что̀ же онъ, приказчикъ-то, богатый?

— Былъ бѣднѣе меня, но богата ваша жена...

— Жена? Откуда у нея взялись деньги?

— А отъ продажи вашихъ книгъ!

— Та-акъ,—сказалъ писатель, тихо покачивая своимъ голымъ и пустымъ черепомъ.—Та-акъ! Выходитъ, что я больше всего работалъ для нѣкоего приказчика?

— Пожалуй, что именно такъ и выходитъ—,весело согласился чортъ...

Писатель посмотрѣлъ на землю и сказалъ чорту:

— Проводите меня въ мою могилу.

...Было темно; шелъ дождь, по небу тяжело плыли тучи, и писатель, постукивая костями, стремительно шагалъ къ своей могилѣ... Чортъ шелъ сзади него и весело посвистывалъ...

Читатель, разумѣется, недоволенъ. Читатель объѣлся литературой, и даже люди, которые пишутъ лишь для того, чтобы угодить ему, очень рѣдко приходятся ему по вкусу. Въ данномъ же случаѣ читатель недоволенъ еще и тѣмъ, что мною ничего не сказано про адъ. Такъ какъ читатель справедливо убѣжденъ, что по смерти онъ попадаетъ въ адъ, ему еще при жизни хочется знать что-нибудь объ адѣ. Но, право же, я ничего не могу сказать пріятнаго читателю, ибо ада нѣтъ, нѣтъ ада огненнаго, который такъ легко себѣ представить. Однако есть нѣчто другое и неизмѣримо болѣе страшное.

Тотчасъ же послѣ того, какъ докторъ скажетъ про васъ вашимъ близкимъ:

— Умеръ...—

вы вступите въ нѣкую безграничную, ярко освѣщенную область, и это есть область сознанія вашихъ ошибокъ.

Вы лежите въ могилѣ, въ тѣсномъ гробу, и предъ вами проходитъ, вращаясь, какъ колесо, бѣдная жизнь ваша. Она движется медленно до мучительности и вся проходитъ — отъ перваго сознательнаго шага и до послѣдней минуты жизни вашей. Вы увидите все, что̀ скрывали отъ себя при жизни, всю ложь и мерзость вашего бытія, всѣ мысли ваши вы вновь передумаете, вы увидите каждый невѣрный вашъ шагъ, вся жизнь ваша возобновится—вся до секунды! И для того, чтобъ усилить муки ваши, вы будете знать, что по той тѣсной и глупой дорогѣ, по которой шли вы,—идутъ другіе и толкаютъ другъ друга, и торопятся, и лгутъ... И вы понимаете, вы ясно видите—все это они дѣлаютъ лишь для того, чтобъ со временемъ узнать, какъ позорно жить такой гнусной, бездушной жизнью.

Но, видя ихъ торопливо идущими къ своей гибели, вы ничѣмъ не въ состояніи предупредить ихъ: ни крика ни движенія не сдѣлаете вы, и желаніе помочь имъ будетъ безплодно рвать душу вашу... Хорошо?

Проходитъ предъ вами жизнь ваша и снова возвращается, и снова вы видите ее съ начала... и нѣтъ конца работѣ вашего сознанія, и не будетъ конца ей... и ужасу мукъ вашихъ не будетъ конца никогда... никогда!

1899.

ЕЩЕ О ЧОРТѢ.

Былъ у меня товарищъ, — угаси, Господи, пылкую душу его! Ибо зачѣмъ ей горѣть тамъ, у полярнаго круга, куда онъ уѣхалъ невольно?..

Угаси, Господи, душу, его! Ибо огонь ея ничего не освѣтитъ тамъ, кромѣ пустыни, не растаютъ снѣга пустынь отъ огня души его, и не исчезнутъ отъ него черныя тучи тоски одиночества, яко исчезаетъ дымъ отъ лица огня!

Былъ у меня товарищъ... молодъ онъ былъ въ ту пору, когда погибъ. Однажды онъ ѣхалъ ко мнѣ въ гости, но—онъ слишкомъ любилъ прямыя дороги, и вотъ, не заѣзжая ко мнѣ, онъ прямо поѣхалъ туда, гдѣ живетъ и теперь и откуда уже не воротится...

Онъ жилъ со старухой-матерью; ей было въ то время шестьдесятъ три года, и смерть стояла за плечами у нея. Я ждалъ его. И въ одинъ и тотъ же день получилъ, съ одной стороны, извѣстіе о томъ, что онъ уже не пріѣдетъ ко мнѣ, а съ другой—письмо отъ его матери, которая спрашивала меня, пріѣхалъ ли онъ, просила меня беречь его душу и тѣло, писать ей—какъ мы съ нимъ проводимъ время, какъ онъ чувствуетъ себя...

Я прочиталъ это письмо и представилъ себѣ ее, мать, какъ я зналъ ее: больной, дряхлой, съ кроткими глазами, горѣвшими только безмѣрной любовью къ сыну... Весь смыслъ немощной жизни былъ въ заботахъ о немъ, въ думахъ о его счастьѣ...

— Сказать ей правду?—спросилъ я себя...

...Есть правда, которая нужна человѣку, она обжигаетъ съ его сердца грязь и пошлость пламенемъ стыда, — да здравствуетъ!

И есть правда, которая, падая на голову человѣка, какъ камень, убиваетъ въ немъ желаніе жить, — да погибнетъ!.. Если скажу матери, что исчезъ навсегда для нея сынъ, въ

лучшемъ случаѣ я—убью ее сразу... но если она не умретъ отъ этой подлой и страшной правды,—исчезнетъ смыслъ ея жизни, и послѣдніе дни ея будутъ отравлены невыносимой болью и безплоднымъ страданіемъ... Она двадцать восемь лѣтъ, полныхъ труда и мученія, неустанно охраняла дни своего сына, и вотъ, предъ смертью, у нея отняли единственное утѣшеніе—счастье знать, что сынъ ея выросъ, крѣпокъ и безъ матери, его опоры, можетъ стойко бороться съ жизнью и — она вѣритъ въ это—будетъ побѣдителемъ... А я скажу ей— побѣжденъ...

Нѣтъ, я лучше солгу!..

И три мѣсяца, вплоть до дня ея смерти, я писалъ ей письма почеркомъ ея сына, начиная ихъ словами:

— Моя милая, славная мама!..

Она отвѣчала мнѣ на нихъ длинными посланіями, въ которыхъ доказывала необходимость ношенія фуфаекъ съ бо̀льшимъ краснорѣчіемъ и жаромъ, чѣмъ Лютеръ свои тезисы. Я говорилъ ей устами ея сына о томъ, какъ счастливо и весело ему живется, подробно описывалъ его успѣхи въ трудѣ и обществѣ, подчинялся за него ея требованіямъ, соглашался съ ея совѣтами, былъ нѣженъ, внимателенъ, счастливъ.

Она, ликуя, писала мнѣ:

„Славный ты мой мальчикъ! Никогда еще не былъ ты такъ милъ и ласковъ, какъ теперь, въ твоихъ письмахъ ко мнѣ. Спасибо тебѣ, дорогой мой, за то, что ты обогащаешь послѣдніе дни мои сокровищами чистаго сердца твоего“.

Я усиливалъ яркость красокъ моей фантазіи и писалъ ей о томъ, какъ хорошо жить, имѣя такую чудную, святую мать; она отвѣчала мнѣ: какъ хорошо умирать, имѣя такого прекраснаго, счастливаго сына... И умерла она съ вѣрой, что ея сынъ счастливъ... онъ же въ это время сидѣлъ въ тюрьмѣ, гдѣ-то по дорогѣ на далекій сѣверъ...

Вотъ какая славная исторія... жаль только, что она выдумана мною...

Читатель, и тебя, какъ умирающую старушку, я тоже обманулъ. Дѣло въ томъ, что все, что̀ я разсказалъ тебѣ „о чортѣ“,—выдумано мною и—клянусь!—въ дѣйствительности ничего подобнаго не было. И даже чортъ, котораго я представилъ тебѣ,—скверный чортъ, что̀, кстати сказать, уже видно и по его поступку съ писателемъ. Подумай самъ, развѣ порядочный чортъ, желая поглумиться надъ писателемъ, не нашелъ бы ничего хуже, какъ именно показать ему его жену и ея образъ жизни послѣ его смерти? Настоящій чортъ ни-

когда не рискнетъ своей старинной и прочной дружбой съ женщиной, никогда онъ не позволитъ себѣ поставить ее въ неловкое положеніе предъ кѣмъ-либо, а тѣмъ болѣе предъ ея мужемъ, хотя бы и мертвымъ...

Вотъ и все... Я извиняюсь предъ тобою, читатель, за мой обманъ, впредь обязуюсь быть правдивымъ, какъ солнце, и даже фантастическіе, святочные разсказы отнынѣ буду писать, строго придерживаясь дѣйствительности. Я даже пойду дальше въ моемъ желаніи быть правдивымъ предъ тобою,—о, читатель!—и здѣсь же подробно разскажу, что̀ именно побудило меня покаяться въ обманѣ...

Ты, конечно, знаешь, что среди пишущей братіи есть люди, которые смѣшиваютъ призваніе писателя съ ремесломъ портного: употребляя перо свое, какъ иголку, они шьютъ изъ тканей вымысла костюмы для Правды, съ цѣлью скрыть ея наготу. Существованіе такихъ писателей необходимо, ибо для многихъ читателей Правда есть именно та единственная женщина, которую они не желаютъ видѣть голой, полагая, что Правда непремѣнно стара и некрасива. Среди моихъ знакомыхъ есть одинъ такой писатель-костюмеръ; онъ пока еще не написалъ ни строчки, но прекрасно понимаетъ духъ времени, и когда найдетъ нужнымъ, то напишетъ что-нибудь оптимистическое, успокоительное, какъ валеріановыя капли, съ надеждами на будущее, со множествомъ цитатъ, не безъ холопства предъ фактомъ и даже безъ тѣни оригинальности. Правда въ этомъ произведеніи будетъ одѣта не только прилично, но и красиво, ибо мой знакомый—человѣкъ со вкусомъ.

Онъ на-дняхъ пришелъ ко мнѣ и началъ говорить о разныхъ интересныхъ вещахъ. Помню, что началъ онъ съ Адама. Онъ очень одобрилъ нашего общаго папашу за то, что тотъ препоясалъ чресла и такимъ образомъ открылъ принципъ брюкъ. Потомъ онъ долго умилялся по поводу того факта, что на землѣ,—если посмотрѣть на нее внимательно,—мы не видимъ ничего открытаго: улицы покрыты грязью и пылью, долины—травой, вершины горъ — снѣгомъ, даже небо часто покрывается тучами и каждыя сутки—ночною тьмой.

— Сколько мудрости въ природѣ! — воскликнулъ онъ по этому поводу.

Затѣмъ онъ говорилъ о людяхъ: „мы видимъ, что и они тоже всегда чѣмъ-нибудь покрыты и что-нибудь прикрываютъ“. Слѣдовалъ рядъ доказательствъ мудрости людей... я, право, не помню этихъ доказательствъ, но, кажется, онъ приводилъ въ примѣръ женщинъ, которыя, дескать, всегда прикрываютъ

траурными платьями свою радость по поводу смерти ихъ мужей, а также ссылался на журналистовъ, всегда, дескать, прикрывающихъ цитатами изъ чужихъ произведеній отсутствіе своихъ мыслей и словъ...

Такъ какъ мнѣ было скучно слушать его, я съ нимъ все соглашался, ожидая, что отъ этого и ему тоже будетъ скучно.

— Наконецъ посмотрите! — сказалъ онъ, указывая на шторы,—мы укрываемся даже отъ солнца! И—о, какая дивная гармонія укрывательства!—само солнце прикрываетъ пятнами ослѣпительный блескъ своихъ лучей...

Тутъ онъ пришелъ въ восторгъ, а я подумалъ о немъ:

„Не совершилъ ли онъ отъ избытка своего довѣрія къ людямъ и отъ убѣжденія въ ихъ мудрости чего-нибудь дерзкаго и не нуждается ли въ укрывателѣ?“

Но оказалось нѣчто совершенно иное.

— Какъ видите, государь мой, вся вселенная, отъ былинки и до солнца, нуждается въ покровахъ! Что̀ вы на это скажете?

— Это... очень забавно!—сказалъ я.

— Ага! Ну-съ, объясните же мнѣ теперь—зачѣмъ вы написали „О чортѣ“?

Если бъ меня вдругъ сдѣлали министромъ финансовъ — я, навѣрное, изумился бы менѣе, чѣмъ при этомъ странномъ вопросѣ.

— Не смотрите на меня круглыми глазами,—сказалъ онъ.— Не притворяйтесь изумленнымъ. Я безусловно осуждаю вашъ поступокъ. Въ наше время, батенька мой, каждый порядочный человѣкъ стремится быть феминистомъ, даже и въ томъ случаѣ, если онъ женатъ. А вы вдругъ показываете женщину въ такомъ несимпатичномъ освѣщеніи. Это — вообще, а въ частности—та женщина, о которой вы писали, совершенно не заслуживаетъ нареканія. Она права-съ! Да! Она — права! Она, въ теченіе его трудовой жизни, терпѣла вмѣстѣ съ нимъ и холодъ и голодъ... всѣ лишенія! Вотъ наконецъ онъ — умеръ. Ну что̀ же? Мы всѣ умремъ... одни прежде своего времени, другіе—быть-можетъ, запоздаютъ, но—повѣрьте!—мы всѣ умремъ!

Я вѣрилъ ему, молча кивая головой, и чувствовалъ себя очень скверно.

— И вотъ—онъ умеръ! А она, послѣ его смерти, отдавъ ему всю свою молодость, всѣ силы свои, наконецъ получила возможность сносно жить на деньги, вырученныя отъ продажи его...

— Кто̀—она?—съ ужасомъ спросилъ я.

— Та, жена писателя, которую вы изобразили... не притворяйтесь!

— Но вѣдь я самъ выдумалъ ее! Вѣдь это только мой святочный разсказъ...

— О! Вы прекрасно знаете, въ чемъ дѣло...

— И дѣйствительно—она существуетъ?

— Ну, разумѣется!

— И... и за приказчикомъ замужемъ?

— Не за приказчикомъ, а, кажется, за маркеромъ... но это ничего не измѣняетъ...

— Ахъ! Ничуть... ничуть, чортъ бы меня взялъ!

— Вамъ не стыдно, а?

— Но послушайте! Ей-Богу же, это только случайное совпаденіе... я фантазировалъ—и только!

— Вы фантазировали? Въ это я не вѣрю. Но предположимъ, что — да, вы только фантазировали. Какъ же вы рѣшаетесь фантазировать до такой степени неудачно, что ваши фантазіи совпадаютъ съ дѣйствительностью? Знаете ли вы, что въ публикѣ говорятъ, будто вы написали свой разсказъ о чортѣ по заказу и внушенію Литературнаго Фонда, который хочетъ добиться, чтобъ всѣ писатели отказывали право на изданіе ихъ сочиненій ему, Фонду, а не женамъ, дѣтямъ и т. д.? Знаете ли вы, что публика тоже любитъ фантазировать и что она фантазируетъ всегда охотнѣе, чѣмъ думаетъ?

. . . . . .

Я долго увѣрялъ его, что исторія „о чортѣ“ только плодъ моей фантазіи, но онъ не вѣрилъ мнѣ. Потомъ, кажется, повѣрилъ. И это онъ научилъ меня извиниться передъ тобою, читатель, въ моемъ невольномъ обманѣ и разсказать о настоящемъ, порядочномъ чортѣ...

Я извинился. Теперь я хочу разсказать о добромъ чортѣ. Клянусь, что буду строго придерживаться фактовъ, а существованіе добраго чорта подтверждается Лесажемъ и китайской легендой о Цин-гіу-тонгѣ.

Все это произошло въ ночь наканунѣ Крещенья. Стояла оттепель; бѣлый, какъ молоко, густой туманъ наполнялъ улицы, скрывая дома другъ отъ друга и пряча въ покровахъ своихъ все—и хорошее и дурное. Вокругъ фонарей, окутанныхъ туманомъ, образовались мутныя пятна прозрачнаго свѣта и—безъ лучей, безъ движенія—они стояли въ воздухѣ, не освѣщая земли. Душныя, мутныя волны наводили уныніе своей мертвой неподвижностью; люди являлись и исчезали въ нихъ, какъ призраки; всѣ звуки, казалось, отсырѣли, были сдавлены, и даже удары колокола, тяжелые отъ влаги, впитанной ими въ себя, безсильно и быстро тонули въ туманѣ, ничего никому не сказавъ...

— О, тоска, моя нимфа Эгерія! Какъ я радъ, что опять бодрый холодъ объятій твоихъ освѣжаетъ усталую душу мою! Какъ грозовая туча въ лѣтній зной поитъ благодатною влагой эту бѣдную землю, всегда жаждущую цвѣтовъ, такъ и ты— о, тоска!—увлажаешь одинокое сердце мое, и отъ свѣжести твоего вѣянія расцвѣтаютъ въ немъ цвѣты ненависти моей къ этой туманной, полумертвой жизни, къ этимъ бездушнымъ людямъ, покорнымъ рабамъ ея.

Это говорилъ чортъ, и изъ словъ его всякій проницательный человѣкъ сразу же, разумѣется, увидитъ, что этотъ былъ декадентъ и ницшеніанецъ,—стало-быть, не только дѣйствительно существующій, но и самый модный чортъ. Онъ шелъ въ туманѣ по улицѣ и искалъ домъ, надъ входомъ въ который не было бы креста, начертаннаго мѣломъ.

„Какъ скверно стало на землѣ, — думалъ онъ. — Мнѣ совершенно нечего дѣлать на ней... нѣтъ ни души, достойной вниманія. Убійственно-бездарны стали люди, до тошноты неинтересны и мелки... Особенно теперь, когда среди нихъ съ новой силой расцвѣтаетъ проповѣдь личнаго самоусовершенствованія и борьбы со страстями. Глупцы! Они думаютъ, что еще имѣютъ страсти, когда въ нихъ остались однѣ похоти... Но вотъ форточка, не огражденная крестомъ отъ моего визита,—войду! Можетъ-быть, увижу что-нибудь интересное...“

Чортъ превратился въ снѣжинку и, влетѣвъ черезъ форточку въ комнату, безшумно упалъ на подоконникъ.

У окна стоялъ столъ, а за столомъ сидѣлъ Иванъ Ивановичъ. По душевному складу своему это былъ человѣкъ „интеллигентный“, а профессіей его было стремленіе къ достиженію духовнаго совершенства, которое онъ и внѣдрялъ въ себя ежесуточно путемъ продолжительныхъ бесѣдъ со знакомыми и посредствомъ чтенія душеполезныхъ книгъ. Такъ какъ все это происходило въ послѣдній день Святокъ, Иванъ Ивановичъ, сидя за столомъ, подводилъ итоги пережитаго за истекшія двѣ недѣли и былъ погруженъ въ самого себя. Человѣкъ, занятый самосозерцаніемъ, всегда нѣсколько похожъ, съ одной стороны, на Нарцисса, съ другой—на муху въ патокѣ; по этой причинѣ Иванъ Ивановичъ не замѣтилъ ни снѣжинки, влетѣвшей въ форточку, ни того, какъ она превратилась въ маленькаго чортика.

Закрывъ глаза, Иванъ Ивановичъ съ уныніемъ всматривался въ картину, которую онъ видѣлъ однажды въ какомъ-то журналѣ и теперь возстановилъ въ своей памяти: картина изображала огромнаго спрута, который пожиралъ рака, крѣпко обнявъ его своими щупальцами.

„Вотъ и я, — думалъ Иванъ Ивановичъ, — вотъ и я, какъ этотъ ракъ... а жизнь, какъ спрутъ, высасываетъ изъ меня мои соки. Я стремлюсь побороть ея тлетворное вліяніе, я хочу побѣдить мои страсти... а она своими цѣпкими и страшными щупальцами хватаетъ меня и влечетъ туда, гдѣ кипятъ вакхическія оргіи, гдѣ въ человѣкѣ пробуждается животное, гдѣ гаснетъ въ немъ все чистое... Я долженъ бы посвящать всѣ силы мои, весь мой умъ на дѣло воспитанія изъ себя личности отзывчивой, какъ эхо, на всѣ... благородныя, возвышающія душу впечатлѣнія бытія... я долженъ бы быть мужественнымъ защитникомъ моихъ правъ, попранныхъ правъ личности... и вмѣсто всего этого... я три раза былъ на маскарадѣ... былъ въ ресторанѣ и даже... унизилъ женщину!..

„Положимъ, она—хороша! Боже, какъ она хороша!.. Но все-таки она—жена другого... Чужая жена... какъ это низко съ моей стороны!

„Хотя, впрочемъ, она не совсѣмъ чужая мнѣ... она жена Егора, а Егоръ мой старый товарищъ, мой задушевный другъ... да-а! Быть-можетъ, это обстоятельство нѣсколько... сглаживаетъ мою вину, но все-таки, все-таки!.. Хорошо еще, что я всегда сознаю свои пороки, это поднимаетъ меня въ своихъ глазахъ... это очень утѣшительно!.. Но-о, чортъ! если бъ я могъ вырвать страсти изъ своего сердца!“

— Вы попробуйте, — раздался вѣжливый голосъ.—Если угодно, я могу помочь вамъ въ этомъ...

Иванъ Ивановичъ быстро поднялъ голову и вздрогнулъ,— при видѣ чорта всегда вздрагиваешь.

— Извините... я не замѣтилъ, когда вы вошли... Если не ошибаюсь—имѣю честь видѣть... чорта?

— Именно,—сказалъ чортъ.

— Гм... гм... чему обязанъ удовольствіемъ?..

— Да просто я зашелъ къ вамъ отъ-нечего-дѣлать. Вѣдь сегодня—вы знаете?—канунъ Крещенья, и насъ, чертей, въ этотъ день отовсюду изгоняютъ. На улицѣ—туманъ, сырость... скверная зима въ этомъ году! И вотъ я, зная васъ за человѣка гуманнаго...

Иванъ Ивановичъ былъ смущенъ. Онъ никогда не относился серьезно къ вопросу о бытіи чорта и теперь, при видѣ его, чувствовалъ себя виноватымъ предъ нимъ.

— Я... очень радъ!—говорилъ онъ, растерянно улыбаясь.— Вамъ, можетъ-быть, неловко на подоконникѣ? Прошу васъ...

— О, не безпокойтесь! Я, какъ и вы, очень быстро привыкаю ко всякому положенію, какъ бы оно ни было неудобно и даже—постыдно...

— Мм... очень пріятно!—сказалъ Иванъ Ивановичъ и подумалъ про себя: „Однако онъ... грубоватъ... или, вѣрнѣе—фамильяренъ“.

— Вы, кажется, выразили желаніе почистить себѣ сердце, а?

— Н-да... знаете, человѣкъ, несмотря на прогрессъ ума, все еще слабъ въ борьбѣ со страстями... Но, простите! если я не ослышался, вы предложили мнѣ свою помощь въ этомъ... предпріятіи?

— Предложилъ и повторяю—готовъ служить вамъ!

— Но вѣдь это... противъ вашей спеціальности?—удивился человѣкъ.

— Э, Иванъ Ивановичъ,—воскликнулъ чортъ, безшабашно махнувъ рукой.—Вы думаете, не надоѣла мнѣ моя спеціальность?

— Да?

— Еще бы! Даже человѣку порой надоѣдаетъ дѣлать все только пакости, и онъ иногда искренно кается...

„А что̀, если я приму его помощь?—думалъ Иванъ Ивановичъ.—Онъ, навѣрное, можетъ сдѣлать меня совершеннымъ. Вотъ будутъ поражены мои знакомые...“

— Такъ скажите мнѣ, что̀ васъ стѣсняетъ?—настаивалъ чортъ.

— Но... э... видите ли... вѣдь это, должно-быть, очень болѣзненная операція?

— Только для твердыхъ сердецъ, для тѣхъ, у кого чувства цѣльны и глубоко вросли въ сердце.

— А я?

— У васъ,—вы извините, вѣдь я являюсь какъ бы докторомъ,—у васъ сердце мягкое, такое, знаете... дряблое, какъ переросшая редиска, напримѣръ. Когда я буду извлекать изъ него стѣсняющія васъ страсти, вы почувствуете то же, что̀ чувствуетъ курица, когда у нея выдергиваютъ перья изъ хвоста...

Иванъ Ивановичъ задумался и, подумавъ, спросилъ:

— А позвольте узнать, вы, за вашу... услугу, потребуете мою душу?

Чортъ вскочилъ съ подоконника на полъ и, тревожно махая лапками, заговорилъ:

— Душу? О, нѣтъ! Нѣтъ, пожалуйста... мнѣ не надо... Помилуйте?! Куда мнѣ ее? Т.-е.—извините!—я хотѣлъ сказать—на что ее мнѣ? Ахъ, не то, не то! Я хотѣлъ сказать...

Иванъ Ивановичъ смотрѣлъ, какъ чортъ суетился, и чувствовалъ себя обиженнымъ.

— Я потому спросилъ объ этомъ, что вообще вами принято...

— Это было раньше, когда существовали здоровыя, крупныя души...

— Вы какъ будто пренебрегаете моей душой..

— О, нѣтъ! Но я... я просто хочу быть безкорыстнымъ сегодня... И потомъ согласитесь, развѣ мнѣ не интересно видѣть совершеннаго человѣка?

— Гм... Такъ вы говорите, что это не больно и не опасно?

— Увѣряю васъ! При моей помощи достиженіе совершенства вамъ совсѣмъ ничего не будетъ стоить... Да вотъ, не угодно ли, извлечемъ изъ вашего сердца что-нибудь на пробу?

— П...пожалуй...

— И прекрасно! Что всего болѣе отягощаетъ васъ?

Иванъ Ивановичъ задумался. Очень трудно сказать сразу, которая изъ нашихъ страстишекъ любезна намъ менѣе другихъ.

— Нѣтъ, ужъ вы, пожалуйста, начинайте съ маленькаго.

— Мнѣ все равно... съ чего прикажете?

Иванъ Ивановичъ опять замолчалъ. Хотя онъ и часто разбирался въ душѣ своей, но отъ этого,—а можетъ-быть, поэтому именно,—въ ней царилъ полнѣйшій хаосъ: все въ ней было скомкано, перепутано... и какъ усиленно ни ворошилъ онъ теперь ея содержимое, не могъ онъ найти въ ней ни одного чувства опредѣленнаго, цѣльнаго, чистаго отъ постороннихъ примѣсей.

Чортъ усталъ ждать и предложилъ ему:

— Давайте, выдернемъ изъ вашего сердца честолюбіе: оно вѣдь не большое у васъ...

— Ну хорошо!—сказалъ Иванъ Ивановичъ со вздохомъ,—вытаскивайте его изъ меня...

Чортъ приблизился къ нему и, коснувшись рукой его груди, быстро отдернулъ руку прочь. Иванъ Ивановичъ почувствовалъ острое, но пріятное колотье, похожее на то, какимъ сопровождается извлеченіе занозъ изъ пальца.

— А вѣдь въ самомъ дѣлѣ это не больно...—облегченно сказалъ Иванъ Ивановичъ.—Позвольте взглянуть, какое у меня было честолюбіе-то...

Чортъ протянулъ ему руку, и на ладони ея Иванъ Ивановичъ увидѣлъ нѣчто безцвѣтное, маленькое, сморщенное, похожее на тряпочку, которой долго вытирали пыль. Посмотрѣлъ Иванъ Ивановичъ на свое честолюбіе и, вздохнувъ, тихонько сказалъ:

— А знаете... какъ вспомнишь, что это все-таки кусокъ моего сердца... жалко!

— Не желаете ли, я извлеку изъ васъ и жалость?

— Н-н... какъ же я буду безъ нея?

— Какая въ ней польза?

— Ну, знаете, это хорошее человѣческое чувство...

— Ну, а что̀ скажете о злобѣ?

— Вотъ эту—вонъ! Вотъ эту—къ чорту! О, извините...

— Ничего... не безпокойтесь...

Чортъ снова коснулся груди Ивана Ивановича, и снова человѣкъ почувствовалъ уколъ. И снова на ладони чорта лежало что-то, издававшее кислый запахъ и похожее на тряпочку...

— Н-да,—сказалъ Иванъ Ивановичъ, сморщивъ носъ,—вонъ она какая у меня... въ натуральномъ-то видѣ...

— Къ ней много примѣшано трусости,—сказалъ чортъ.

— Вонъ что̀... гм... Но, скажите, пожалуйста, отчего это у всѣхъ моихъ чувствъ такое... студенеобразное строеніе? Точно медузы...

— Судьба ужъ ваша такая, добрѣйшій Иванъ Ивановичъ,—сказалъ чортъ и брезгливо сбросилъ съ ладони на полъ кусокъ сердца своего паціента.

— А я себя уже начинаю чувствовать какъ-то особенно,—сообщилъ Иванъ Ивановичъ, прислушиваясь къ біенію своего сердца.

— Пріятно?

— Легче... просторнѣе стало въ груди...

— Продолжать операцію?

— Я... непрочь...

— Что̀ у васъ есть еще?

— Да... разное... вообще все то, что̀ имѣется у людей...

— Гнѣвъ, напримѣръ?

— О, да! Конечно... гнѣвъ, да... То-есть, собственно говоря, не совсѣмъ это гнѣвъ... а знаете... этакая нервность... раздраженіе... очень безпокойное чувство!

— Убрать это?

— Разумѣется! Но только осторожнѣе, пожалуйста... У меня тамъ все немножко спутано... Вотъ, когда вы выдергивали злобу, я почувствовалъ, какъ во мнѣ шевельнулся стыдъ за нее...

— Это естественно,—сказалъ чортъ,—даже мнѣ, при видѣ вашихъ чувствъ, стыдно за васъ становится... очень ужъ вы неопрятно содержите сердце-то ваше...

— Что̀ же, развѣ я виноватъ въ этомъ?—возразилъ Иванъ Ивановичъ.—Вѣдь сердце—не зубы: его щеткой съ мѣломъ не вычистишь...

— И въ этомъ есть правда... Ну-съ, такъ я оперирую? Извлечь нервозность-то?

— Я готовъ...

И третій разъ чортъ коснулся своей рукою груди Ивана Ивановича.

Но, когда онъ отдернулъ ее—на рукѣ у него оказалась цѣлая груда какой-то легковѣсной и совершенно неопредѣленной мѣшанины. Она не имѣла никакой формы, пахла чѣмъ-то затхлымъ и была окрашена въ два цвѣта: въ тотъ зеленовато-сѣрый, который свойственен недозрѣлымъ плодамъ, и въ тотъ темно-бурый, который они принимаютъ, когда загніютъ.

Чортъ держалъ эту студенеобразную, дрожащую массу въ пригоршняхъ и съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на нее, стараясь опредѣлить—что̀ это такое?

— Н...ну, Иванъ Ивановичъ, — смущенно говорилъ онъ, глядя на своего паціента,—извлекъ я изъ васъ что-то... но что̀? Н-не знаю... Этакія сокровища скопили вы въ сердцѣ своемъ за тридцать-то лѣтъ жизни! Тутъ, я думаю, ни одинъ химикъ ничего не разберетъ... Но полагаю, что теперь, освободившись отъ всей этой... дряни, вы будете чисты, какъ ангелъ... Экій я ловкій ассенизаторъ, а? И не подозрѣвалъ въ себѣ такого искусства... Ну, что̀ же теперь? Поздравляю васъ, Иванъ Ивановичъ, съ очищеніемъ души... съ достиженіемъ совершенства или — какъ тамъ? Надѣюсь, теперь вы уже совершенно совершенны?

Тутъ чортъ бросилъ на полъ содержаніе сердца своего паціента, взглянулъ на Ивана Ивановича и—обомлѣлъ.

Иванъ Ивановичъ весь какъ-то обвисъ, ослабъ, изломался, точно изъ него вынули всѣ кости. Онъ сидѣлъ на креслѣ съ раскрытымъ ртомъ, и на лицѣ его сіяло то неизъяснимое словами блаженство, которое всего болѣе свойственно прирожденнымъ идіотамъ.

— Иванъ Ивановичъ!—крикнулъ чортъ, тронувъ его за рукавъ.

— А...

— Что̀ съ вами?

— О...

— Вы что-нибудь чувствуете?

— У...

— Вамъ дурно?

— Э...

— Вотъ такъ святочное происшествіе!—воскликнулъ растерянно чортъ.—Неужели я это изъ него всю суть извлекъ? Иванъ Ивановичъ!

— А...

— Такъ и есть! Одни междометія остались въ человѣкѣ,

да и то безъ всякаго содержанія... Что̀ мнѣ съ нимъ дѣлать?

Чортъ постукалъ Ивана Ивановича въ грудь,—она издала звукъ пустого боченка; онъ постучалъ пальцемъ въ его голову,—она тоже была пуста.

— Вотъ те и совершенный человѣкъ! Ахъ, ты, бѣднята! Опустошилъ я тебя... Но развѣ жъ я зналъ, что ты былъ такъ скверно наполненъ? Но что̀ же однако дальше?

И чортъ задумался, глядя на неподвижное, блаженное лицо человѣка, достигшаго цѣли своей.

— Ба!—воскликнулъ онъ, щелкнувъ пальцами.—Вотъ идея! И сатана будетъ очень доволенъ... я славно придумалъ! Сначала я немножко просушу сіе совершенство, а потомъ насыплю въ него гороху... И изъ него выйдетъ преоригинальная погремушка для забавы Сатаны...

Чортъ поднялъ Ивана Ивановича съ кресла, свернулъ его въ комокъ и, взявъ подъ мышку, исчезъ изъ комнаты...

Туманъ уже разсѣялся, и въ окна блѣдными очами смотрѣло печальное зимнее утро... Съ улицы въ пустую комнату доносился торжественно-тихій звукъ благовѣста—и вздыхалъ и таялъ въ ней...

1899.

ВАСЬКА КРАСНЫЙ.

Недавно въ публичномъ домѣ одного изъ поволжскихъ городовъ служилъ человѣкъ лѣтъ сорока, по имени Васька, по прозвищу Красный. Прозвище было дано ему за его яркорыжіе волосы и толстое лицо цвѣта сырого мяса.

Толстогубый, съ большими ушами, которыя торчали на его черепѣ, какъ ручки на рукомойникѣ, онъ поражалъ людей жестокимъ выраженіемъ своихъ маленькихъ, безцвѣтныхъ глазъ; они заплыли у него жиромъ, блестѣли, какъ льдины, и, несмотря на его сытую, мясистую фигуру, всегда взглядъ его имѣлъ такое выраженіе, какъ будто этотъ человѣкъ былъ смертельно голоденъ. Невысокій и коренастый, онъ носилъ синій казакинъ, широкія суконныя шаровары и ярко вычищенные сапоги съ мелкимъ наборомъ. Рыжіе волосы его вились кудрями, и, когда онъ надѣвалъ на голову свой щегольской картузъ, они, выбиваясь изъ-подъ картуза кверху, ложились на околышъ картуза,—тогда казалось, что на головѣ у Васьки надѣтъ красный вѣнокъ.

Краснымъ его звали товарищи, а дѣвицы прозвали его Палачомъ, потому что онъ любилъ истязать ихъ.

Въ городѣ было нѣсколько высшихъ учебныхъ заведеній, много молодежи, поэтому дома терпимости составляли въ немъ цѣлый кварталъ: длинную улицу и нѣсколько переулковъ. Васька былъ извѣстенъ во всѣхъ домахъ этого квартала, его имя наводило страхъ на дѣвицъ, и когда онѣ почему-нибудь ссорились и вздорили съ хозяйкой—хозяйка грозила имъ:

— Смотрите вы!.. Не выводите меня изъ терпѣнія... а то какъ позову я Ваську Краснаго!..

Иногда достаточно было одной этой угрозы, чтобъ дѣвицы усмирились и отказались отъ своихъ требованій, порой вполнѣ законныхъ и справедливыхъ, какъ, напримѣръ, требованіе улучшенія пищи или права уходить изъ дома на прогулку.

А если одной угрозы оказывалось недостаточно для усмиренія дѣвицъ,—хозяйка звала Ваську.

Онъ приходилъ медленной походкой человѣка, которому некуда было торопиться, запирался съ хозяйкой въ ея комнатѣ, и тамъ хозяйка указывала ему подлежащихъ наказанію дѣвицъ.

Молча выслушавъ ея жалобу, онъ кратко говорилъ ей:

— Ладно...

И шелъ къ дѣвицамъ. Онѣ блѣднѣли и дрожали при немъ; онъ это видѣлъ и наслаждался ихъ страхомъ. Если сцена разыгрывалась въ кухнѣ, гдѣ дѣвицы обѣдали и пили чай,— онъ долго стоялъ у дверей, глядя на нихъ, молчаливый и неподвижный, какъ статуя, и моменты его неподвижности были не менѣе мучительны для дѣвицъ, какъ и тѣ истязанія, которымъ онъ подвергалъ ихъ.

Посмотрѣвъ на нихъ, онъ говорилъ равнодушнымъ и сиплымъ голосомъ:

— Машка! Иди сюда...

— Василій Миронычъ!—умоляюще и рѣшительно говорила иногда дѣвушка,—ты меня не тронь! Не тронь... Тронешь— удавлюсь я...

— Иди, дура, веревку дамъ...—равнодушно, безъ усмѣшки говорилъ Васька.

Онъ всегда добивался, чтобъ виновныя сами шли къ нему.

— Караулъ кричать буду... Стёкла выбью...—задыхаясь отъ страха, перечисляла дѣвица все, что она можетъ сдѣлать.

— Бей стёкла... а я тебя заставлю жрать ихъ...—говоритъ Васька.

И упрямая дѣвица въ большинствѣ случаевъ сдавалась, подходила къ Палачу; если же она не хотѣла сдѣлать этого, Васька самъ шелъ къ ней, бралъ ее за волосы и бросалъ на полъ. Ея же подруги,—а зачастую и единомышленницы,— связывали ей руки и ноги, завязывали ротъ, и тутъ же, на полу кухни и на глазахъ у нихъ, виновную пороли. Если это была бойкая дѣвица, которая могла и пожаловаться, ее пороли толстымъ ремнемъ, чтобы не разсѣчь ея кожу, и сквозь простыню, смоченную водой, чтобъ на тѣлѣ не оставалось кровоподтековъ. Употребляли также длинные и тонкіе мѣшечки, набитые пескомъ и дресвой,—ударъ такимъ мѣшкомъ по ягодицамъ причинялъ человѣку тупую боль, и боль эта не проходила долго...

Впрочемъ, жестокость наказанія зависѣла не столько отъ характера виновной, сколько отъ степени ея вины и симпатіи Васьки. Иногда онъ и смѣлыхъ дѣвицъ поролъ безъ ве-

кихъ предосторожностей и пощады; у него въ карманѣ шароваръ всегда лежала плетка о трехъ концахъ на короткой дубовой рукояткѣ, отполированной частымъ употребленіемъ. Въ ремни этой плетки была искусно вдѣлана проволока, изъ которой на концахъ ремней образовывалась кисть. Первый же ударъ плетки просѣкалъ кожу до костей, и часто, для того, чтобы усилить боль, на изсѣченную спину прикленвали горчичникъ или же клали тряпки, смоченныя круто-соленой водой.

Наказывая дѣвицъ, Васька никогда не злился, онъ былъ всегда одинаково молчаливъ, равнодушенъ, и глаза его никогда не теряли выраженія ненасытнаго голода, лишь порой онъ прищуривалъ ихъ, отчего они становились острѣе...

Пріемы наказаній не ограничивались только этими, нѣтъ: Васька былъ неисчерпаемо разнообразенъ, и его изощренность въ дѣлѣ истязанія дѣвицъ возвышалась до творчества.

Напримѣръ: въ одномъ изъ заведеній дѣвица Вѣра Коптева была заподозрѣна гостемъ въ кражѣ у него пяти тысячъ рублей. Гость этотъ, сибирскій купецъ, заявилъ полиціи, что онъ былъ въ комнатѣ Вѣры съ нею и ея подругой Сарой Шерманъ; послѣдняя, посидѣвъ съ нимъ около часа, ушла, а съ Вѣрой онъ оставался всю ночь и ушелъ отъ нея пьяный.

Дѣлу данъ былъ законный ходъ; долго тянулось слѣдствіе; обѣ обвиняемыя были подвергнуты предварительному заключенію, судились и, по недостатку уликъ, были оправданы.

Возвратясь послѣ суда къ своей хозяйкѣ, подруги снова попали подъ слѣдствіе; хозяйка была увѣрена, что кража— дѣло ихъ рукъ, и желала получить отъ нихъ свою долю.

Сарѣ удалось доказать, что она ни при чемъ въ этой кражѣ; тогда хозяйка ревностно принялась за Вѣру Коптеву. Она заперла ее въ баню и тамъ кормила соленой икрой, но, несмотря на это и многое другое, дѣвица не сознавалась, гдѣ спрятала деньги. Пришлось прибѣгнуть къ помощи Васьки.

Ему было обѣщано сто рублей, если онъ допытается, гдѣ деньги.

И вотъ, однажды ночью, въ баню, гдѣ сидѣла Вѣра, мучимая жаждой, страхомъ и тьмой, явился дьяволъ

Онъ былъ въ черной лохматой шерсти, а отъ шерсти его исходилъ запахъ фосфора и голубоватый свѣтящійся дымъ. Двѣ огненныя искры сверкали у него вмѣсто глазъ. Онъ сталъ передъ дѣвушкой и страшнымъ голосомъ спросилъ ее:

— Гдѣ деньги?..

Она сошла съ ума отъ ужаса.

Это было зимой. Поутру другого дня ее, босую и въ одной рубашкѣ, вели изъ бани въ домъ по глубокому снѣгу, она же тихонько смѣялась и говорила счастливымъ голосомъ:

— Завтра я съ мамой опять пойду къ обѣднѣ... опять пойду... опять пойду къ обѣднѣ...

Когда Сара Шерманъ увидала ее такой, она тихо и растерянно объявила при всѣхъ:

— А вѣдь деньги-то украла я...

Трудно сказать, чего больше было у дѣвицъ въ отношеніи къ Васькѣ: страха передъ нимъ или ненависти къ нему.

Всѣ онѣ заигрывали съ нимъ и заискивали у него, каждая изъ нихъ усердно добивалась чести быть его любовницей, и въ то же время всѣ онѣ подговаривали своихъ „кредитныхъ“ друзей сердца, гостей и знакомыхъ „вышибалъ“ избить Ваську. Но онъ обладалъ страшной силой и доньяна никогда не напивался,—трудно было сладить съ нимъ. Не разъ ему подсыпали мышьякъ въ пищу, чай и пиво, и однажды довольно удачно, но онъ выздоровѣлъ. Онъ какъ-то узнавалъ обо всемъ, что̀ предпринималось противъ него; но незамѣтно было, чтобъ знаніе того, чѣмъ онъ рискуетъ, живя среди безчисленныхъ враговъ, понижало или повышало его холодную жестокость къ дѣвицамъ. Равнодушно, какъ всегда, онъ говорилъ:

— Знаю я, что вы меня зубами бы загрызли, кабы случай вышелъ вамъ... Ну, только напрасно вы яритесь... ничего со мной не будетъ.

И, оттопыривъ свои толстыя губы, онъ фыркалъ въ лица имъ,—должно-быть, смѣялся надъ ними.

Онъ водилъ компанію съ полицейскими, съ такими же, какъ самъ онъ, „вышибалами“ и съ сыщиками, которыхъ всегда много бываетъ въ публичныхъ домахъ. Но среди нихъ у него не было друзей, ни одного изъ своихъ знакомыхъ онъ не желалъ видѣть чаще другихъ, ко всѣмъ относился одинаково ровно и совершенно безучастно.

Съ ними онъ пилъ пиво и говорилъ о скандалахъ, каждую ночь случавшихся въ околоткѣ. Самъ онъ никуда не ходилъ изъ своего дома, если его не звали „по дѣлу“, т.-е. за тѣмъ, чтобъ выпороть или—какъ тамъ говорилось—„постращать“ чью-нибудь дѣвицу.

Домъ, въ которомъ онъ служилъ, принадлежалъ къ числу заведеній средней руки, за входъ въ него съ гостей брали по три рубля, за ночь—по пяти. Хозяйка дома, Ѳекла Ермолаевна, сырая, дородная женщина лѣтъ подъ пятьдесятъ, была глупа, зла, побаивалась Васьки, очень цѣнила его и

платила ему по пятнадцати рублей въ мѣсяцъ при ея столѣ и квартирѣ,—маленькой, гробообразной комнатѣ на чердакѣ. Въ ея заведеніи, благодаря Васькѣ, среди дѣвицъ царилъ самый образцовый порядокъ; ихъ было одиннадцать, и всѣ онѣ были смирны, какъ овцы.

Находясь въ добродушномъ настроеніи и разговаривая со знакомымъ гостемъ, Ѳекла Ермолаевна часто хвасталась своими дѣвицами, какъ хвастаются свиньями или коровами.

— У меня товарецъ первый сортъ,—говорила она, улыбаясь довольно и гордо.—Дѣвочки всѣ свѣжія, ядреныя,—самая старшая имѣетъ двадцать шесть лѣтъ. Она, положимъ, дѣвица въ разговорѣ не интересная, такъ зато въ какомъ тѣлѣ! Вы посмотрите, батюшка—дивное диво, а не дѣвица. Ксюшка! Поди сюда...

Ксюшка подходила, уточкой переваливаясь съ бока на бокъ, гость „смотрѣлъ“ ее болѣе или менѣе тщательно и всегда оставался доволенъ ея тѣломъ.

Это была дѣвушка средняго роста, толстая и такая плотная—точно ее молотками выковали. Грудь у нея могучая, высокая, лицо круглое, ротъ маленькій съ толстыми, ярко-красными губами. Безотвѣтные и ничего не выражавшіе глаза напоминали о двухъ бусахъ на лицѣ куклы, а курносый носъ и кудерки надъ бровями, довершая ея сходство съ куклой, даже у самыхъ невзыскательныхъ гостей отбивали всякую охоту говорить съ нею о чемъ-либо. Обыкновенно ей просто говорили:

— Пойдемъ!..

И она шла своей тяжелой, качающейся походкой, безсмысленно улыбаясь и поводя глазами справа налѣво, чему ее научила хозяйка и что называлось „завлекать гостя“. Ея глаза такъ привыкли къ этому движенію, что она начинала „завлекать гостя“ прямо съ того момента, когда, пышно разодѣтая, выходила вечеромъ въ залу, еще пустую, и такъ ея глаза двигались изъ стороны въ сторону все время, пока она была въ залѣ: одна съ подругами или гостемъ—все равно.

У нея была еще одна странность: обвивъ свою длинную косу, цвѣта новаго мочала, вокругъ шеи, она опускала конецъ ея на грудь и все время держалась за нее лѣвой рукой,—точно петлю носила на шеѣ своей...

Она могла сообщить о себѣ, что зовутъ ее Аксинья Калугина, а родомъ она изъ Рязанской губерніи, что она дѣвица, „согрѣшила“ однажды съ „Ѳедькой“, родила и пріѣхала въ этотъ городъ съ семействомъ „акцизнаго“, была у него кормилицей, а потомъ, когда ребенокъ умеръ, ей отказали отъ

мѣста и „наняли“ сюда. Вотъ уже четыре года она живетъ здѣсь...

— Нравится?—спрашивали ее.

— Ничего. Сыта, обута, одѣта... Только безпокойно вотъ... И Васька тоже... дерется все, чортъ...

— Зато весело!?

— Гдѣ?—спрашивала она, „завлекая гостя“.

— Здѣсь-то... развѣ не весело?

— Ничего!..—отвѣчала она и, поворачивая головой, осматривала залу, точно желая увидѣть, гдѣ оно тутъ это веселье?

Вокругъ нея все было пьяно и шумно и все—отъ хозяйки и подругъ до формы трещинъ на потолкѣ—было знакомо ей. Говорила она густымъ, басовымъ голосомъ, а смѣялась лишь тогда, когда ее щекотали, смѣялась громко, какъ здоровый мужикъ, и вся тряслась отъ смѣха. Самая глупая и здоровая среди своихъ подругъ, она была менѣе несчастна, чѣмъ онѣ, ибо ближе ихъ стояла къ животному.

Разумѣется, больше всего скопилось страха предъ Васькой и ненависти къ нему у дѣвицъ того дома, гдѣ онъ былъ „вышибалой“. Въ пьяномъ видѣ дѣвицы не скрывали этихъ чувствъ и громко жаловались гостямъ на Ваську; но, такъ какъ гости приходили къ нимъ не затѣмъ, чтобъ защищать ихъ, жалобы не имѣли смысла и послѣдствій. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда онѣ возвышались до истерическаго крика и рыданій, и Васька слышалъ ихъ,—его огненная голова показывалась въ дверяхъ залы, и равнодушный, деревянный голосъ говорилъ:

— Эй, ты, не дури...

— Палачъ! Извергъ!—кричала дѣвица.—Какъ ты смѣешь уродовать меня? Посмотрите, господинъ, какъ онъ меня расписалъ плетью...—и дѣвица дѣлала попытку сорвать съ себя лифъ...

Тогда Васька подходилъ къ ней, бралъ ее за руку и, не измѣняя голоса,—что было особенно страшно,—уговаривалъ ее:

— Не шуми... угомонись. Что орешь безъ толку? Пьяная ты... смотри!

Почти всегда этого было достаточно, и очень рѣдко Васькѣ приходилось уводить дѣвицу изъ залы.

Никогда никто изъ дѣвицъ не слыхалъ отъ Васьки ни одного ласковаго слова, хотя многія изъ нихъ были его наложницами. Онъ бралъ ихъ себѣ просто: нравилась ему почему-либо та или эта, и онъ говорилъ ей:

— Я къ тебѣ сегодня ночевать приду...

Затѣмъ онъ ходилъ къ ней нѣкоторое время и переставалъ ходить, не говоря ей ни слова.

— Ну и чертъ!—отзывались о немъ дѣвицы.—Совсѣмъ деревянный какой-то...

Въ своемъ заведеніи онъ жилъ по очереди почти со всѣми дѣвицами, жилъ и съ Аксиньей. И именно во время своей связи съ ней онъ ее однажды жестоко выпоролъ.

Здоровая и лѣнивая, она очень любила спать и часто засыпала въ залѣ, несмотря на шумъ, наполнявшій ее. Сидя гдѣ-нибудь въ углу, она вдругъ переставала „завлекать гостя“ своими глупыми глазами, они неподвижно останавливались на какомъ-нибудь предметѣ, потомъ вѣки медленно опускались и закрывали ихъ, и нижняя губа ея отвисала, обнажая крупные, бѣлые зубы. Раздавался сладкій храпъ, вызывая громкій смѣхъ подругъ и гостей, но смѣхъ не будилъ Аксинью.

Съ ней часто случалось это; хозяйка крѣпко ругала ее, била по щекамъ, но побои не спугивали сна: поплачетъ послѣ нихъ Аксинья и снова спитъ.

И вотъ за дѣло взялся Васька.

Однажды, когда дѣвица заснула, сидя на диванѣ рядомъ съ пьянымъ гостемъ, тоже дремавшимъ, Васька подошелъ къ ней и, молча взявъ за руку, повелъ ее за собой.

— Неужто бить будешь?—спросила его Аксинья.

— Надо...—сказалъ Васька.

Когда они пришли въ кухню, онъ велѣлъ ей раздѣться.

— Ты хоть не больно ужъ...—попросила его Аксинья.

— Ну, ну.

Она осталась въ одной рубашкѣ.

— Снимай!—скомандовалъ Васька.

— Экій ты озорникъ!—вздохнула дѣвушка и спустила съ себя рубашку.

Васька хлестнулъ ее ремнемъ по плечамъ.

— Иди на дворъ!

— Что ты? Чай, теперь зима... холодно мнѣ будетъ...

— Ладно! Развѣ ты можешь чувствовать?..

Онъ вытолкнулъ ее въ дверь кухни, провелъ, подхлестывая ремнемъ, по сѣнямъ и на дворѣ приказалъ ей лечь на бугоръ снѣга.

— Вася... что ты?

— Ну, ну!

И, толкнувъ ее лицомъ въ снѣгъ, онъ втиснулъ въ него ея голову для того, чтобы не было слышно ея криковъ, и долго плесталъ ее ремнемъ, приговаривая:

— Не дрыхни, не дрыхни, не дрыхни...

Когда же онъ отпустилъ ее, она, дрожащая отъ холода и боли, сквозь слезы и рыданія сказала ему:

— Погоди, Васька! Придетъ твое время... и ты заплачешь! Есть Богъ, Васька!

— Поговори!—спокойно сказалъ онъ.—Засни-ка въ залѣ еще разъ! Я тебя тогда выведу на дворъ, выпорю и водой обливать буду...

У жизни есть своя мудрость, ей имя—случай; она иногда награждаетъ насъ, но чаще мститъ, и, какъ солнце каждому предмету даетъ тѣнь, такъ мудрость жизни каждому поступку людей готовитъ возмездіе. Это вѣрно, это неизбѣжно, и всѣмъ намъ надо знать и помнить это...

Наступилъ и для Васьки день возмездія.

Однажды вечеромъ, когда полуодѣтыя дѣвицы ужинали, передъ тѣмъ какъ итти въ залу, одна изъ нихъ, Лида Черногорова, бойкая и злая шатенка, взглянувъ въ окно, объявила:

— Васька пріѣхалъ.

Раздалось нѣсколько тоскливыхъ ругательствъ.

— Смотрите-ка! — вскричала Лида. — Онъ... пьяный! Съ полицейскимъ... смотрите-ка!

Всѣ бросились къ окну.

— Снимаютъ его... не идетъ самъ... Дѣвушки!—радостно вскричала Лида.—Да вѣдь онъ разбился, видно!

Въ кухнѣ раздался гулъ ругательствъ и злого смѣха—радостнаго смѣха отомщенныхъ. Дѣвицы, толкая другъ друга, бросились въ сѣни навстрѣчу немощному врагу.

Тамъ онѣ увидали, что полицейскій и извозчикъ ведутъ Ваську подъ руки, а лицо у Васки сѣрое, на лбу у него выступилъ крупный потъ, и лѣвая нога его волочится за нимъ.

— Василій Миронычъ! Что это?—вскричала хозяйка.

Васька безсильно мотнулъ головой и хрипло отвѣтилъ:

— Упалъ...

— Съ конки упалъ...—объяснилъ полицейскій.—Упалъ и—значитъ, нога у него подъ колесо! Хрясть... ну, и готово!

Дѣвицы молчали, но глаза у нихъ горѣли, какъ угли.

Ваську внесли наверхъ въ его комнату, положили на постель и послали за докторомъ. Дѣвицы, стоя передъ постелью, переглядывались другъ съ другомъ, но не говорили ни слова.

— Пошли вонъ!—сказалъ имъ Васька.

Ни одна изъ нихъ не тронулась съ мѣста.

— А! Радуетесь!..

— Не заплачемъ...—отвѣтила Лида, усмѣхаясь.

— Хозяйка! Гони ихъ прочь... Что онѣ... пришли!

— Боишься?—спросила Лида, наклоняясь къ нему.

— Идите, дѣвки, идите внизъ...— приказывала хозяйка

Онѣ пошли. Но, уходя, каждая изъ нихъ зловѣще взглядывала на него, а Лида тихо сказала:

— Мы придемъ!

Аксинья же, погрозивъ ему кулакомъ, закричала:

— У, дьяволъ! Что—изломался? Такъ тебѣ и надо...

Очень изумила дѣвицъ такая ея храбрость.

А внизу ихъ охватилъ восторгъ злорадства, мстительный восторгъ, острую сладость котораго онѣ не испытывали еще до сей поры. Бѣснуясь отъ радости, онѣ издѣвались надъ Васькой, пугая хозяйку своимъ буйнымъ настроеніемъ и немножко заражая ее имъ.

И она тоже рада была видѣть Ваську наказаннымъ судьбой; онъ и ей солонъ былъ, обращаясь съ нею не какъ служащій, а скорѣе какъ начальникъ съ подчиненной. Но она знала, что безъ него не удержать ей дѣвицъ въ повиновеніи, и проявляла свои чувства къ Васькѣ осторожно.

Пріѣхалъ докторъ, наложилъ повязки, прописалъ рецепты и уѣхалъ, сказавъ хозяйкѣ, что лучше бы отправить Ваську въ больницу.

— Дѣвицы! Что же, навѣстимъ, что ли, больного-то душеньку нашего!?—ухарски вскричала Лида.

И всѣ онѣ бросились наверхъ со смѣхомъ и криками.

Васька лежалъ, закрывъ глаза, и, не открывая ихъ, сказалъ:

— Опять вы пришли...

— Чай, намъ жаль тебя, Василь Миронычъ.

— Развѣ мы тебя не любимъ?

— Вспомни, какъ ты меня...

Онѣ говорили не громко, но внушительно и, окруживъ его постель, смотрѣли въ его сѣрое лицо злыми и радостными глазами. Онъ тоже смотрѣлъ на нихъ, и никогда раньше въ его глазахъ не выражалось такъ много неудовлетвореннаго, ненасытнаго голода,—того непонятнаго голода, который всегда блестѣлъ въ нихъ.

— Дѣвки... смотрите! Встану я...

— А можетъ, Богъ дастъ, не встанешь...—перебила его Лида.

Васька плотно сжалъ губы и замолчалъ.

— Которая ножка-то болитъ?—ласково спросила одна изъ

дѣвицъ, наклонясь къ нему,—лицо у ней было блѣдное и зубы оскалены.—Эта, что ли?

И, схвативъ Ваську за больную ногу, она съ силой дернула ее къ себѣ.

Васька щелкнулъ зубами и зарычалъ. Лѣвая рука у него тоже была разбита, онъ взмахнулъ правой и, желая ударить дѣвицу, ударилъ себя по животу.

Взрывъ смѣха раздался вокругъ него.

— Дѣвки! — ревѣлъ онъ, страшно вращая глазами. — Берегись!.. убивать буду!..

Но онѣ прыгали вокругъ его кровати и щипали, рвали его за волосы, плевали въ лицо ему, дергали за больную ногу. Ихъ глаза горѣли, онѣ смѣялись, ругались, рычали, какъ собаки; ихъ издѣвательства надъ нимъ принимали невыразимо-гадкій и циничный характеръ. Онѣ впали въ упоеніе местью, дошли въ ней до бѣшенства. Всѣ въ бѣломъ, полуодѣтыя, разгоряченныя толкотней, онѣ были чудовищно страшны.

Васька рычалъ, размахивая правой рукой; хозяйка, стоя у дверей, выла дикимъ голосомъ:

— Будетъ! Бросьте... полицію позову! Убьете вы.. батюшки! ба-атюшки!

Но онѣ не слышали ея. Онъ истязалъ ихъ года,—онѣ возмещали ему минутами и торопились...

Вдругъ среди шума и воя этой оргіи раздался густой умоляющій голосъ:

— Дѣвушки! Будетъ уже... Дѣвушки, пожалѣйте... Вѣдь онъ тоже... тоже вѣдь... больно ему! Милыя! Христа ради... Милыя...

На дѣвицъ этотъ голосъ подѣйствовалъ, какъ струя холодной воды: онѣ испуганно и быстро отошли отъ Васьки.

Говорила Аксинья; она стояла у окна и вся дрожала и въ поясъ кланялась имъ, то прижимая руки къ животу, то нелѣпо простирая ихъ впередъ.

Васька лежалъ неподвижно; рубашка на его груди была разорвана, и эта широкая грудь, поросшая густой рыжей шерстью, вся трепетала, точно въ ней билось что-то, билось, бѣшено стремясь вырваться изъ нея. Онъ хрипѣлъ, и глаза его были закрыты.

Столпившись въ кучу, какъ бы слѣпленныя въ одно большое тѣло, дѣвицы стояли у дверей и молчали, слушая, какъ Аксинья глухо бормочетъ что-то и какъ хрипитъ Васька. Лида, стоя впереди всѣхъ, быстро очищала свою правую руку отъ рыжихъ волосъ, запутавшихся между ея пальцами.

— А.. какъ умретъ?—раздался чей-то шопотъ. И снова стало тихо...

Одна за другой, стараясь не шумѣть, дѣвицы осторожно выходили изъ Васькиной комнаты, и когда онѣ всѣ ушли, на полу комнаты оказалось много какихъ-то клочьевъ, лоскутковъ...

Въ комнатѣ осталась Аксинья.

Тяжело вздыхая, она подошла къ Васькѣ и обычнымъ своимъ басовымъ голосомъ спросила его:

— Что тебѣ сдѣлать теперь?

Онъ открылъ глаза, посмотрѣлъ на нее и не отвѣтилъ ничего.

— Ну, говори ужъ... Выпить... прибрать... такъ вотъ я прибрала бы... А то, можетъ, воды выпить хочешь? И воды дамъ...

Васька молча тряхнулъ головой, и губы у него зашевелились. Но онъ не сказалъ ни слова.

— Вонъ какъ — и говорить-то не можешь! — молвила Аксинья, обертывая косу вокругъ шеи.—До чего замучили мы тебя... Больно, Вася? а?.. Ну, ужъ потерпи... вѣдь это пройдетъ... это сперва только больно... я знаю.

На лицѣ Васьки что-то дрогнуло, онъ хрипло сказалъ:

— Дай... водицы...

И выраженіе неудовлетвореннаго голода исчезло изъ его глазъ.

Аксинья такъ и осталась наверху у Васьки, спускаясь внизъ лишь затѣмъ, чтобъ поѣсть, попить чаю и взять чего-нибудь для больного. Подруги не разговаривали съ ней, ни о чемъ не спрашивали ея, хозяйка тоже не мѣшала ей ухаживать за больнымъ и вечерами не вызывала ее къ гостямъ. Обыкновенно Аксинья сидѣла въ Васькиной комнатѣ у окна и смотрѣла въ него на крыши, покрытыя снѣгомъ, на деревья, бѣлыя отъ инея, на дымъ, опаловыми облаками поднимавшійся къ небу. Когда ей надоѣдало смотрѣть, она засыпала тутъ же на стулѣ, облокотясь о столъ. Ночью она спала на полу около Васькиной кровати.

Они почти не разговаривали; попроситъ Васька воды или еще чего-нибудь,—Аксинья принесетъ ему, посмотритъ на него, вздохнетъ и отойдетъ къ окну.

Такъ прошло дня четыре. Хозяйка усердно хлопотала о помѣщеніи Васьки въ больницу, но мѣста тамъ пока не было.

И вотъ однажды вечеромъ, когда Васькина комната уже наполнилась сумеркомъ, онъ, приподнявъ голову, спросилъ:

— Аксинья, ты тутъ, что ли?

Она дремала, но его вопросъ разбудилъ ее.

— А гдѣ же?—отозвалась она.

— Поди-ка сюда...

Она подошла къ кровати и остановилась у нея, по обыкновенію обвивъ косу вокругъ шеи и держась рукой за конецъ ея.

— Чего тебѣ?

— Возьми стулъ, сядь сюда...

Вздохнувъ, она пошла къ окну за стуломъ, принесла его къ постели и сѣла.

— Ну?

— Ничего я... посиди, молъ, тутъ...

На стѣнѣ, надъ постелью Васьки висѣли его большіе серебряные часы и торопливо тикали. По улицѣ быстро пролетѣлъ извозчикъ, слышно было, какъ взвизгнули полозья. Внизу смѣялись дѣвицы, а одна изъ нихъ высокимъ голосомъ пѣла:

„Па-алюбила студента га-алодна-ва...“

— Аксинья!—сказалъ Васька.

— А?

— Ты вотъ что̀... давай со мной жить.

— Живемъ вѣдь и такъ...—лѣниво отвѣтила дѣвушка.

— Нѣтъ, ты погоди... давай, какъ слѣдуетъ...

— Давай...—согласилась она.

— Ну, вотъ...

Онъ опять замолчалъ и долго лежалъ съ закрытыми глазами.

— Вотъ... Уйдемъ отсюда и заживемъ.

— Куда уйдемъ?—спросила Аксинья.

— Куда-нибудь... Я буду съ конки за увѣчье искать... Заплатятъ, по закону должны заплатить. Потомъ, у меня свои деньги есть, рублей шестьсотъ.

— Сколько?—спросила Аксинья.

— Рублей шестьсотъ.

— Ишь ты!—сказала дѣвушка и зѣвнула.

— Да... на однѣ эти деньги можно свое заведеніе открыть... да ежели еще съ конки сорвать... Поѣдемъ въ Симбирскъ, а то въ Самару... и тамъ откроемъ... Первый домъ въ городѣ будетъ... Дѣвокъ наберемъ самыхъ лучшихъ... По пяти рублей за входъ брать будемъ.

— Говори!—усмѣхнулась Аксинья.

— Чего тамъ? Такъ и будетъ...

— Какъ же!..

— Такъ, говорю, и будетъ... ежели ты хочешь—обвѣнчаемся.

— Чего-о?!—воскликнула Аксинья, глупо хлопая глазами.

— Обвѣнчаемся...—съ какимъ-то безпокойствомъ повторилъ Васька.

— Мы съ тобой?

— Ну да...

Аксинья громко засмѣялась. Качаясь на стулѣ, она взялась за бока и то смѣялась густо, басовыми нотами, то взвизгивала, что̀ было совершенно несстественно для нея.

— Чего ты?—спросилъ Васька, и опять что-то голодное явилось въ его глазахъ. А она все хохотала.—Чего ты?—спрашивалъ онъ ее.

Наконецъ кое-какъ, сквозь смѣхъ и визгъ, она высказалась:

— Насчетъ вѣнчанья... Развѣ это можно? Да я и въ церкви-то три года не была... а можетъ-быть, и больше... Чудакъ! Ишь, нашелъ жену! Дѣтей не ждешь ли отъ меня? ха, ха, ха!

Мысль о дѣтяхъ вызвала у нея новый взрывъ искренняго хохота. Васька смотрѣлъ на нее и молчалъ...

— Да и развѣ я поѣду съ тобой куда-нибудь? Ишь ты... тоже. Ты завезешь меня да и убьешь гдѣ-нибудь... Вѣдь ты мучитель извѣстный.

— Ну, молчи ужъ!—тихо сказалъ Васька.

Но она стала говорить ему о его жестокости, вспоминая разныя случаи.

— Молчи!—просилъ онъ ее, а когда она не послушалась, онъ хрипло крикнулъ:—Молчи, говорю!

Въ этотъ вечеръ они не говорили больше. Ночью у Васьки былъ бредъ; изъ широкой груди его вырывался хрипъ, вой. Васька скрежеталъ зубами и размахивалъ въ воздухѣ правой рукой, иногда ударяя ею себя въ грудь.

Аксинья проснулась, встала на ноги у постели и долго со страхомъ смотрѣла въ его лицо. Потомъ разбудила его.

— Что̀ ты это? Домовой тебя душилъ, что ли?

— Такъ, привидѣлось...—слабо сказалъ Васька.—Дай-ка водицы.

Выпивъ воды, онъ помоталъ головою и объявилъ.

— Нѣтъ, не открою я заведенія... лучше торговлей займусь... лучше! А заведенія не надо...

— Торговля...—задумчиво сказала Аксинья.—Н-да... лавочку открыть—это хорошо.

— Пойдешь со мной, что ли?—убѣдительно и тихо спросилъ Васька.

— Да ты никакъ въ сурьезъ спрашиваешь?—воскликнула Аксинья, отодвигаясь отъ кровати...

— Аксинья Семеновна! — звенящимъ голосомъ сказалъ Васька, приподнявъ голову съ подушки.—Вотъ тебѣ...

И замолчалъ, взмахнувъ рукой въ воздухѣ.

— Никуда я съ тобой не пойду... — рѣшительно мотая головой, заговорила Аксинья, не дождавшись отъ него словъ.— Никуда!

— Захочу—пойдешь...—тихо сказалъ Васька.

— Ни-икуда не пойду!

— Только не хочу я такъ... А ежели захотѣлъ бы... пойдешь!..

— Нѣтъ ужъ...

— Да, чортъ!—раздраженно крикнулъ Васька:—вѣдь вотъ ты со мной канителишься... шевыряешься тутъ... чего же?

— Это другое дѣло... — резонно сказала Аксинья. — А чтобы съ тобой жить — нѣтъ! боюсь я тебя... очень ужъ ты злодѣй!

— Эхма! Что̀ ты понимаешь!?—зло воскликнулъ Васька.— Злодѣй! Дура ты... Думаешь — злодѣй, такъ и все тутъ? Думаешь—легко, если злодѣй?

Голосъ у него оборвался, и Васька помолчалъ немного, растирая грудь здоровой рукой. Потомъ тихо, съ тоской въ голосѣ и страхомъ въ глазахъ, снова заговорилъ:

— Что̀ ужъ вы... очень? Ну, злодѣй... такъ развѣ весь человѣкъ въ этомъ? Эхъ!.. Чего у меня спрашивали?.. Пойдемъ, Аксинья Семеновна!

— И не говори про это! Не пойду...—упорно стояла на своемъ Аксинья и подозрительно отодвигалась отъ него,

Опять оборвался ихъ разговоръ. Въ комнату смотрѣла луна, и отъ свѣта Васькино лицо казалось сѣрымъ. Онъ долго лежалъ молча, то открывая, то закрывая глаза. Внизу— танцовали, пѣли, хохотали.

Раздался сочный храпъ Аксиньи; Васька глубоко вздохнулъ.

Прошло еще дня два, и хозяйка устроила Васькѣ мѣсто въ больницѣ.

Пріѣхалъ за нимъ больничный фургонъ съ фельдшеромъ и служащимъ. Ваську осторожно свели съ верху въ кухню, и тамъ онъ увидѣлъ всѣхъ дѣвицъ, столпившихся у двери въ комнату.

Лицо его перекосилось, однако онъ ничего не сказалъ имъ. Онѣ смотрѣли на него сурово и серьезно, но по ихъ глазамъ нельзя было бы опредѣлить, что̀ онѣ думаютъ при видѣ Васьки. Аксинья съ хозяйкой надѣвали на него пальто, и всѣ въ кухнѣ тяжело и хмуро молчали.

— Прощайте!—вдругъ сказалъ, Васька, наклонивъ голову и не глядя на дѣвицъ.—Про...прощайте!

Нѣкоторыя изъ нихъ молча поклонились ему, но онъ не видѣлъ этого; а Лида спокойно сказала:

— Прощай, Василій Миронычъ...

— Прощайте... да...

Фельдшеръ и больничный служитель взяли его подъ мышки и, поднявъ съ лавки, повели къ двери. Но онъ опять поворотился къ дѣвицамъ:

— Прощайте... былъ я... точно что...

Еще два или три голоса сказали ему:

— Прощай, Василій...

— Ничего не подѣлаешь.—тряхнулъ онъ головой, и на лицѣ его явилось что-то удивительно не подходившее къ нему.—Прощайте! Христа ради... которыя... которымъ...

— Увозятъ! Уве-зутъ его, маво милаго...—вдругъ дико завыла Аксинья, грохнувшись на лавку.

Васька дрогнулъ и поднялъ голову кверху. Глаза у него страшно блестѣли: онъ стоялъ, внимательно вслушиваясь въ этотъ вой, и дрожащими губами тихо говорилъ:

— Вотъ... дура! Вотъ такъ ду-ура!

— Идите, идите!—торопился фельдшеръ, хмуря брови.

— Прощай, Аксинья! Приходи въ больницу-то...—громко сказалъ Васька.

А Аксинья все выла..

— И на-кого-и-ты-это-меня по-оки-инуль?..

Дѣвицы окружили ее и смотрѣли тупыми глазами на ея лицо и на слезы, лившіяся изъ глазъ ея.

А Лида, наклонясь надъ ней, сурово утѣшала ее:

— Ну, чего ты, Ксюша, ревешь-то! Вѣдь не умеръ онъ... ну, пойдешь къ нему... ну, вотъ завтра возьми да и пойди!..

1899.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ И ОДНА.

Поэма.

Насъ было двадцать шесть человѣкъ—двадцать шесть живыхъ машинъ, запертыхъ въ сыромъ подвалѣ, гдѣ мы ст утра до вечера мѣсили тѣсто, дѣлая крендели и сушки. Окна нашего подвала упирались въ яму, вырытую предъ ними и выложенную кирпичомъ, зеленымъ отъ сырости; рамы были заграждены снаружи частой желѣзной сѣткой, и свѣтъ солнца не могъ пробиться къ намъ сквозь стекла, покрытыя мучной пылью. Нашъ хозяинъ забилъ окна желѣзомъ для того, чтобъ мы не могли дать кусокъ его хлѣба нищимъ и тѣмъ изъ нашихъ товарищей, которые, живя безъ работы, голодали; нашъ хозяинъ называлъ насъ жуликами и давалъ намъ на обѣдъ вмѣсто мяса—тухлую требушину...

Намъ было душно и тѣсно жить въ каменной коробкѣ подъ низкимъ и тяжелымъ потолкомъ, покрытымъ копотью и паутиной. Намъ было тяжело и тошно въ толстыхъ стѣнахъ, разрисованныхъ пятнами грязи и плѣсени... Мы вставали въ пять часовъ утра, не успѣвъ выспаться, и—тупые, равнодушные—въ шесть уже садились за столъ дѣлать крендели изъ тѣста, приготовленнаго для насъ товарищами въ то время, когда мы еще спали. И цѣлый день съ утра до десяти часовъ вечера одни изъ насъ сидѣли за столомъ, разсучивая руками упругое тѣсто и покачиваясь, чтобъ не одеревянѣть, а другіе въ это время мѣсили муку съ водой. И цѣлый день задумчиво и грустно мурлыкала кипящая вода въ котлѣ, гдѣ крендели варились, лопата пекаря зло и быстро шаркала о подъ печи, сбрасывая скользкіе вареные куски тѣста на горячій кирпичъ. Съ утра до вечера въ одной сторонѣ печи горѣли дрова, и красный отблескъ пламени трепеталъ на стѣнѣ мастерской, какъ будто безмолвно смѣялся надъ нами. Огромная печь была похожа на уродливую голову сказочнаго

чудовища,—она какъ бы высунулась изъ-подъ пола, открыла широкую пасть, полную яркаго огня, и дышала на насъ жаромъ и смотрѣла на нашу безконечную работу двумя черными впадинами отдушинъ надъ челомъ. Эти двѣ глубокія впадины были, какъ глаза—безжалостныя и безстрастныя очи чудовища: они смотрѣли на насъ всегда одинаково темнымъ взглядомъ, какъ будто устали смотрѣть на рабовъ и, не ожидая отъ нихъ ничего человѣческаго, презирали ихъ холоднымъ презрѣніемъ мудрости.

Изо дня въ день въ мучной пыли, въ грязи, натасканной нашими ногами со двора, въ густой пахучей духотѣ мы разсучивали тѣсто и дѣлали крендели, смачивая ихъ нашимъ пòтомъ, и мы ненавидѣли нашу работу острой ненавистью, мы никогда не ѣли того, чтò выходило изъ-подъ нашихъ рукъ, предпочитая кренделямъ черный хлѣбъ. Сидя за длиннымъ столомъ другъ противъ друга,—девять противъ девяти,—мы въ продолженіе длинныхъ часовъ механически двигали руками и пальцами, и такъ привыкли къ своей работѣ, что никогда уже и не слѣдили за движеніями своими. И мы до того присмотрѣлись другъ къ другу, что каждый изъ насъ зналъ всѣ морщины на лицахъ товарищей. Намъ не о чемъ было говорить, мы къ этому привыкли и все время молчали, если не ругались—ибо всегда есть за что обругать человѣка, а особенно товарища. Но и ругались мы рѣдко—въ чемъ можетъ быть виновенъ человѣкъ, если онъ полумертвъ, если онъ—какъ истуканъ, если всѣ чувства его подавлены тяжестью труда? Но молчаніе страшно и мучительно лишь для тѣхъ, которые все уже сказали и нечего имъ больше говорить; для людей же, которые не начинали своихъ рѣчей,—для нихъ молчанье просто и легко... Но иногда мы пѣли, и пѣсня наша начиналась такъ: среди работы вдругъ кто-нибудь вздыхалъ тяжелымъ вздохомъ усталой лошади и запѣвалъ тихонько одну изъ тѣхъ протяжныхъ пѣсенъ, жалобно-ласковый мотивъ которыхъ всегда облегчаетъ тяжесть на душѣ поющаго. Поетъ одинъ изъ насъ, а мы сначала молча слушаемъ его одинокую пѣсню, и она гаснетъ и глохнетъ подъ тяжелымъ потолкомъ подвала, какъ маленькій огонь костра въ степи сырой осенней ночью, когда сѣрое небо виситъ надъ землей, какъ свинцовая крыша. Потомъ къ пѣвцу пристаетъ другой, и—вотъ уже два голоса тихо и тоскливо плаваютъ въ духотѣ нашей тѣсной ямы. И вдругъ сразу нѣсколько голосовъ подхватятъ пѣсню,—она вскипаетъ, какъ волна, становится сильнѣе, громче и точно раздвигаетъ сырыя, тяжелыя стѣны нашей каменной тюрьмы...

Поютъ всѣ двадцать шесть; громкіе, давно спѣвшіеся голоса наполняютъ мастерскую; пѣснѣ тѣсно въ ней: она бьется о камень стѣнъ, стонетъ, плачетъ и оживляетъ сердце тихой щекочущей болью, бередитъ въ немъ старыя раны и будитъ тоску... Пѣвцы глубоко и тяжко вздыхаютъ; иной неожиданно оборветъ пѣсню и долго слушаетъ, какъ поютъ товарищи, и снова вливаетъ свой голосъ въ общую волну. Иной, тоскливо крикнувъ: эхъ!—поетъ, закрывъ глаза, и, можетъ-быть, густая, широкая волна звуковъ представляется ему дорогой куда-то вдаль, освѣщенной яркимъ солнцемъ, широкой дорогой, и онъ видитъ себя идущимъ по ней...

Пламя въ печи все трепещетъ, все шаркаетъ по кирпичу лопата пекаря, мурлыкаетъ вода въ котлѣ, и отблескъ огня на стѣнѣ все такъ же дрожитъ, безмолвно смѣясь... А мы выпѣваемъ чужими словами свое тупое горе, тяжелую тоску живыхъ людей, лишенныхъ солнца, тоску рабовъ. Такъ-то жили мы, двадцать шесть, въ подвалѣ большого каменнаго дома, и намъ было до того тяжело жить, точно всѣ три этажа этого дома были построены прямо на плечахъ нашихъ...

Но, кромѣ пѣсенъ, у насъ было еще нѣчто хорошее, нѣчто любимое нами и, можетъ-быть, замѣнявшее намъ солнце. Во второмъ этажѣ нашего дома помѣщалась золотошвейня, и въ ней, среди многихъ дѣвушекъ-мастерицъ, жила шестнадцатилѣтняя горничная Таня. Каждое утро къ стеклу окошечка, прорѣзаннаго въ двери изъ сѣней къ намъ въ мастерскую, прислонялось маленькое, розовое личико съ голубыми, веселыми глазами, и звонкій, ласковый голосъ кричалъ намъ:

— Арестантики! дайте кренделечковъ!

Мы всѣ поворачивались на этотъ знакомый намъ ясный звукъ и радостно, добродушно смотрѣли на чистое дѣвичье лицо, славно улыбавшееся намъ. Намъ было привычно и пріятно видѣть приплюснутый къ стеклу носъ и мелкіе, бѣлые зубы, блестѣвшіе изъ-подъ розовыхъ губъ, открытыхъ улыбкой. Мы бросались открыть ей дверь, толкая другъ друга, и—вотъ она, веселая такая, милая, входитъ къ намъ, подставляя свой передникъ, стоитъ предъ нами, склонивъ немного на бокъ свою головку, стоитъ и все улыбается. Длинная и толстая коса каштановыхъ волосъ, спускаясь черезъ плечо, лежитъ на груди ея. Мы, грязные, темные, уродливые люди, смотримъ на нее снизу вверхъ,—порогъ двери выше пола на четыре ступеньки,—мы смотримъ на нее, поднявъ головы кверху, и поздравляемъ ее съ добрымъ утромъ, говоримъ ей какія-то особыя слова,—они находятся у насъ

только для нея. У насъ въ разговорѣ съ ней и голоса мягч и шутки легче. У насъ для нея—все особое. Пекарь вынимаетъ изъ печи лопату кренделей самыхъ поджаристых и румяныхъ и ловко сбрасываетъ ихъ въ передник Тани.

— Смотри, хозяину не попадись!—всегда предупреждаем мы ее. Она плутовато смѣется, весело кричитъ намъ:

— Прощайте, арестантики!—и исчезаетъ быстро, как мышенокъ.

Только... Но долго послѣ ея ухода мы пріятно говорим о ней другъ съ другомъ—все то же самое говоримъ, чт говорили вчера и раньше, потому что и она, и мы, и вс вокругъ насъ такое же, какимъ оно было и вчера и раньше. Это очень тяжело и мучительно, когда человѣкъ живетъ, вокругъ него ничто не измѣняется, и если это не убьет на смерть души его, то, чѣмъ дольше онъ живетъ, тѣмъ мучительнѣе ему неподвижность окружающаго... Мы всегда говорили о женщинахъ такъ, что порой намъ самимъ противно было слушать наши грубо-безстыдныя рѣчи, и это понятно ибо тѣ женщины, которыхъ мы знали, можетъ-быть, и не стоили иныхъ рѣчей. Но о Танѣ мы никогда не говорили худо; никогда и никто изъ насъ не позволялъ себѣ не только дотронуться рукою до нея, но даже вольной шутки не слыхала она отъ насъ никогда. Быть-можетъ, это потому такъ было, что она не оставалась подолгу съ нами: мелькнетъ у насъ въ глазахъ, какъ звѣзда, падающая съ неба, и исчезнетъ, а можетъ-быть, потому, что она была маленькая и очень красивая, а все красивое возбуждаетъ уваженіе къ себѣ даже и у грубыхъ людей. И еще—хотя каторжный нашъ трудъ и дѣлалъ насъ тупыми волами, мы все-таки оставались людьми и, какъ всѣ люди, не могли жить безъ того, чтобы не поклоняться чему бы то ни было. Лучше ея—никого не было у насъ, и никто, кромѣ нея, не обращалъ вниманія на насъ, жившихъ въ подвалѣ,—никто, хотя въ домѣ обитали десятки людей. И наконецъ—навѣрно, это главное—всѣ мы считали ее чѣмъ-то своимъ, чѣмъ-то такимъ, что существуетъ какъ бы только благодаря нашимъ кренделямъ, мы вмѣнили себѣ въ обязанность давать ей горячіе крендели, и это стало для насъ ежедневной жертвой идолу, это стало почти священнымъ обрядомъ и съ каждымъ днемъ все болѣе прикрѣпляло насъ къ ней. Кромѣ кренделей, мы давали Танѣ много совѣтовъ—теплѣе одѣваться, не бѣгать быстро по лѣстницѣ, не носить тяжелыхъ вязанокъ дровъ. Она слушала наши совѣты съ улыбкой, отвѣчала на нихъ смѣхомъ и никогда

не слушалась насъ, но мы не обижались на это: намъ нужно было только показать, что мы заботимся о ней.

Часто она обращалась къ намъ съ разными просьбами, просила, напримѣръ, открыть тяжелую дверь въ погребъ, наколоть дровъ,—мы съ радостью и даже съ гордостью какой-то дѣлали ей это и все другое, чего она хотѣла.

Но когда одинъ изъ насъ попросилъ ее починить ему его единственную рубаху, она, презрительно фыркнувъ, сказала:

— Вотъ еще! Стану я, какъ же!..

Мы очень посмѣялись надъ чудакомъ и—никогда ни о чемъ больше не просили ея. Мы ее любили,—этимъ все сказано. Человѣкъ всегда хочетъ возложить свою любовь на кого-нибудь, хотя иногда онъ ею давитъ, иногда пачкаетъ, онъ можетъ отравить жизнь ближняго своей любовью, потому что, люби, не уважаетъ любимаго. Мы должны были любить Таню, ибо больше было некого намъ любить.

Порой кто-нибудь изъ насъ вдругъ почему-то начиналъ разсуждать такъ:

— И что это мы балуемъ дѣвчонку? Что въ ней такого? а? Очень мы съ ней что-то возимся!

Человѣка, который рѣшался говорить такія рѣчи, мы скоро и грубо укрощали—намъ нужно было что-нибудь любить: мы нашли себѣ это и любили, а то, что любимъ мы, двадцать шесть, должно быть незыблемо для каждаго, какъ наша святыня, и всякій, кто идетъ противъ насъ въ этомъ,—врагъ нашъ. Мы любимъ, можетъ-быть, и не то, что дѣйствительно хорошо, но вѣдь насъ—двадцать шесть, и поэтому мы всегда хотимъ дорогое намъ видѣть священнымъ для другихъ.

Любовь наша не менѣе тяжела, чѣмъ ненависть... и, можетъ-быть, именно поэтому нѣкоторые гордецы утверждаютъ, что наша ненависть болѣе лестна, чѣмъ любовь... Но почему же они не бѣгутъ отъ насъ, если это такъ?

Кромѣ крендельной, у нашего хозяина была еще и булочная; она помѣщалась въ томъ же домѣ, отдѣленная отъ нашей ямы только стѣной; но булочники—ихъ было четверо—держались въ сторонѣ отъ насъ, считая свою работу чище нашей, и поэтому, считая себя лучше насъ, они не ходили къ намъ въ мастерскую, пренебрежительно подсмѣивались надъ нами, когда встрѣчали насъ во дворѣ, мы тоже не ходили къ нимъ: намъ запрещалъ это хозяинъ изъ боязни, что мы станемъ красть сдобныя булки. Мы не любили булочниковъ, потому что завидовали имъ: ихъ работа была легче нашей, они получали больше насъ, ихъ кормили лучше,

у нихъ была просторная, свѣтлая мастерская, и всѣ они были такіе чистые, здоровые—противные намъ. Мы же всѣ—какіе-то желтые и сѣрые; трое изъ насъ болѣли сифилисомъ, нѣкоторые—чесоткой, одинъ былъ совершенно искривленъ ревматизмомъ. Они по праздникамъ и въ свободное отъ работы время одѣвались въ пиджаки и сапоги со скрипомъ, двое изъ нихъ имѣли гармоники, и всѣ они ходили гулять въ городской садъ,—мы же носили какіе-то грязные лохмотья и опорки или лапти на ногахъ, насъ не пускала въ городской садъ полиція—могли ли мы любить булочниковъ?

И вотъ однажды мы узнали, что у нихъ запилъ пекарь, хозяинъ разсчиталъ его и уже нанялъ другого, и что этотъ другой—солдатъ, ходитъ въ атласной жилеткѣ при часахъ съ золотой цѣпочкой. Намъ было любопытно посмотрѣть на такого щеголя, и, въ надеждѣ увидѣть его, мы, одинъ за другимъ, то и дѣло стали выбѣгать на дворъ.

Но онъ самъ явился въ нашу мастерскую. Пинкомъ ноги ударивъ въ дверь, онъ отворилъ ее и, оставивъ открытой, сталъ на порогѣ, улыбаясь, и сказалъ намъ:

— Богъ на помощь! Здорово, ребята!

Морозный воздухъ, врываясь въ дверь густымъ дымчатымъ облакомъ, крутился у его ногъ, онъ же стоялъ на порогѣ, смотрѣлъ на насъ сверху внизъ, и изъ-подъ его бѣлокурыхъ, ловко закрученныхъ усовъ блестѣли крупные, желтые зубы. Жилетка на немъ была дѣйствительно какая-то особенная—синяя, расшитая цвѣтами, она вся какъ-то сіяла, а пуговицы на ней были изъ какихъ-то красныхъ камешковъ. И цѣпочка была...

Красивъ онъ былъ, этотъ солдатъ, высокій такой, здоровый, съ румяными щеками, и большіе, свѣтлые глаза его смотрѣли хорошо—ласково и ясно. На головѣ у него былъ надѣтъ бѣлый, туго накрахмаленный колпакъ, а изъ-подъ чистаго, безъ единаго пятнышка, передника выглядывали острые носки модныхъ, ярко вычищенныхъ сапогъ.

Нашъ пекарь почтительно попросилъ его затворить дверь; онъ, не торопясь, сдѣлалъ это и началъ разспрашивать насъ о хозяинѣ. Мы наперебой другъ передъ другомъ сказали ему, что хозяинъ нашъ выжига, жуликъ, злодѣй и мучитель,—все, что можно и нужно было сказать о хозяинѣ, но нельзя написать здѣсь. Солдатъ слушалъ, шевелилъ усами и разсматривалъ насъ мягкимъ, свѣтлымъ взглядомъ.

— А у васъ тутъ дѣвчонокъ много...—вдругъ сказалъ онъ.

Нѣкоторые изъ насъ почтительно засмѣялись, иные скорчили сладкія рожи, кто-то пояснилъ солдату, что-де тутъ дѣвчонокъ—девять штукъ.

— Пользуетесь?—спросилъ солдатъ, подмигивая глазомъ.

Опять мы засмѣялись, но очень громко и сконфуженнымъ смѣхомъ... Многимъ бы изъ насъ хотѣлось показаться солдату такими же удалыми молодцами, какъ и онъ, но никто не умѣлъ сдѣлать этого, ни одинъ не могъ. Кто-то сознался въ этомъ, тихо сказавъ:

— Гдѣ ужъ намъ...

— Н-да, вамъ это трудно!—увѣренно молвилъ солдатъ, пристально разсматривая насъ.—Вы чего-то... не того... Выдержки у васъ нѣтъ... порядочнаго образа... вида, значитъ! А женщина—она любитъ видъ въ человѣкѣ! Ей чтобы корпусъ былъ настоящій... чтобы все—аккуратно! И притомъ она уважаетъ силу... Рука чтобы—во!

Солдатъ выдернулъ изъ кармана правую руку съ засученнымъ рукавомъ рубахи, по локоть голую, и показалъ ее намъ... Рука была бѣлая, сильная, поросшая блестящей, золотистой шерстью.

— Нога, грудь—во всемъ нужна твердость... И опять же—чтобы одѣтъ былъ человѣкъ по формѣ... какъ того требуетъ красота вещей... Меня вотъ—бабы любятъ. Я ихъ не зову, не маню,—сами по пяти сразу на шею лѣзутъ...

Онъ присѣлъ на мѣшокъ съ мукой и долго разсказывалъ о томъ, какъ любятъ его бабы и какъ онъ храбро обращается съ ними. Потомъ онъ ушелъ, и, когда дверь, взвизгнувъ, затворилась за нимъ, мы долго молчали, думая о немъ и о его разсказахъ. А потомъ какъ-то вдругъ всѣ заговорили, и сразу выяснилось, что онъ всѣмъ намъ понравился. Такой простой и славный—пришелъ, посидѣлъ, поговорилъ. Къ намъ никто не ходилъ, никто не разговаривалъ съ нами такъ, дружески... И мы все говорили о немъ и о будущихъ его успѣхахъ у золотошвеекъ, которыя, встрѣчаясь съ нами на дворѣ, или, обидно поджимая губы, обходили насъ сторонкой, или шли прямо на насъ, какъ будто насъ и не было на ихъ дорогѣ. А мы всегда только любовались ими и на дворѣ, и когда онѣ проходили мимо нашихъ оконъ—зимой одѣтыя въ какія-то особыя шапочки и шубки, а лѣтомъ—въ шляпкахъ съ цвѣтами и съ разноцвѣтными зонтиками въ рукахъ. Зато между собою мы говорили объ этихъ дѣвушкахъ такъ, что если бъ онѣ слышали насъ, то всѣ взбѣсились бы отъ стыда и обиды.

— Однако какъ бы онъ и Танюшку... не испортилъ!—вдругъ озабоченно сказалъ пекарь.

Мы всѣ замолчали, пораженные этими словами. Мы какъ-то забыли о Танѣ: солдатъ какъ бы загородилъ ее отъ насъ

своей крупной, красивой фигурой. Потомъ начался шумный споръ: одни говорили, что Таня не допуститъ себя до этого, другіе утверждали, что ей противъ солдата не устоять, третьи наконецъ предлагали, въ случаѣ, если солдатъ станетъ привязываться къ Танѣ,—переломать ему рёбра. И наконецъ всѣ рѣшили наблюдать за солдатомъ и Таней, предупредить дѣвочку, чтобы она опасалась его... Это прекратило споры.

Прошло съ мѣсяцъ времени; солдатъ пекъ булки, гулялъ съ золотошвейками, часто заходилъ къ намъ въ мастерскую, но о побѣдахъ надъ дѣвицами не разсказывалъ, а все только усы крутилъ да смачно облизывался.

Таня каждое утро приходила къ намъ за „крендeлечками" и, какъ всегда, была веселая, милая, ласковая съ нами. Мы пробовали заговаривать съ нею о солдатѣ,—она называла его „пучеглазымъ теленкомъ" и другими смѣшными прозвищами, и это успокоило насъ. Мы гордились нашей дѣвочкой, видя, какъ золотошвейки льнутъ къ солдату; отношеніе Тани къ нему какъ-то поднимало всѣхъ насъ, и мы, какъ бы руководствуясь ея отношеніемъ, сами начинали относиться къ солдату пренебрежительно. А ее еще больше полюбили, еще болѣе радостно и добродушно встрѣчали ее по утрамъ.

Но однажды солдатъ пришелъ къ намъ немного выпивши, усѣлся и началъ смѣяться, а когда мы спросили его, надъ чѣмъ это онъ смѣется? — онъ объяснилъ:

— Двѣ подрались изъ-за меня... Лидька съ Грушкой... Ка-акъ онѣ себя изуродовали, а? Ха-ха! За волосы одна другую, да на полъ ее въ сѣняхъ, да верхомъ на нее... ха-ха-ха! Рожи поцарапали... порвались... умора! И почему это бабы не могутъ честно биться? Почему онѣ царапаются? а?

Онъ сидѣлъ на лавкѣ, здоровый, чистый такой, радостный, сидѣлъ и все хохоталъ. Мы молчали. Намъ онъ почему-то былъ непріятенъ въ этотъ разъ.

— Н-нѣтъ, какъ мнѣ везетъ на бабу? а? Умора! Мигнешь и — готова! Ч-чортъ!

Его бѣлыя руки, покрытыя блестящей шерстью, поднялись и вновь упали на колѣни, громко шлепнувъ по нимъ. И онъ смотрѣлъ на насъ такимъ пріятно-удивленнымъ взглядомъ, точно и самъ искренно недоумѣвалъ, почему онъ такъ счастливъ въ дѣлахъ съ женщинами. Его толстая, румяная рожа самодовольно и счастливо лоснилась, и онъ все смачно облизывалъ губы.

Нашъ пекарь сильно и сердито шаркнулъ лопатой о шестокъ печати и вдругъ насмѣшливо сказалъ:

— Не великой силой валятъ елочки, а ты сосну повали...
— То-есть — это ты мнѣ говоришь? — спросилъ солдатъ.
— А тебѣ...
— Что̀ такое?
— Ничего... проѣхало!
— Нѣтъ, ты погоди! Въ чемъ дѣло? Какая сосна?
Нашъ пекарь не отвѣчалъ, быстро работая лопатой въ печи: бросить въ нее сваренные крендели, поддѣнетъ готовые и съ шумомъ швыряетъ на полъ, къ мальчишкамъ, нанизывающимъ ихъ на мочалки. Онъ какъ бы позабылъ о солдатѣ и разговорѣ съ нимъ. Но солдатъ вдругъ впалъ въ какое-то безпокойство. Онъ поднялся на ноги и пошелъ къ печи, рискуя наткнуться грудью на черенокъ лопаты, судорожно шелькавшій въ воздухѣ.
— Нѣтъ, ты скажи — кто такая? Ты меня обидѣлъ... Я? Отъ меня не отобьется ни одна, — нѣ-етъ! А ты мнѣ говоришь такія обидныя слова...
Онъ дѣйствительно казался искренно обиженнымъ. Ему, должно-быть, не за что было уважать себя, кромѣ какъ за свое умѣнье совращать женщинъ; быть-можетъ, кромѣ этой способности въ немъ не было ничего живого, и только она позволяла ему чувствовать себя живымъ человѣкомъ.
Есть же люди, для которыхъ самымъ цѣннымъ и лучшимъ въ жизни является какая-нибудь болѣзнь ихъ души или тѣла. Они носятся съ ней все время жизни и лишь ею живы, страдая отъ нея, они питаютъ себя ею, они на нее жалуются другимъ и этимъ обращаютъ на себя вниманіе ближнихъ. За это взимаютъ съ людей сочувствіе себѣ, и кромѣ этого — у нихъ нѣтъ ничего. Отнимите у нихъ эту болѣзнь, вылѣчите ихъ, и они будутъ несчастны, потому что лишатся единственнаго средства къ жизни, — они станутъ пусты тогда. Иногда жизнь человѣка бываетъ до того бѣдна, что онъ невольно принужденъ цѣнить свой порокъ и имъ жить; и можно сказать, что часто люди бываютъ порочны отъ скуки.
Солдатъ обидѣлся, лѣзъ на нашего пекаря и вылъ:
— Нѣтъ, ты скажи — кто?
— Сказать? — вдругъ повернулся къ нему пекарь.
— Ну?
— Таню знаешь?
— Ну?
— Ну и вотъ! Попробуй...
— Я?
— Ты!
— Ее? Это мнѣ — тьфу!

— Погляднмъ!

— Увидишь! Х-ха!

— Она тебя...

— Мѣсяцъ сроку!

— Экій ты хвальбишка, солдатъ!

— Двѣ недѣли! Я покажу! Кто такая? Танька! Тьфу!..

— Ну, пошелъ прочь... мѣшаешь!

— Двѣ недѣли—и готово! Ахъ, ты...

— Пошелъ, говорю!

Нашъ пекарь вдругъ освирѣпѣлъ и замахнулся лопатой. Солдатъ удивленно попятился отъ него, посмотрѣлъ на насъ помолчалъ и, тихо, зловѣще сказавъ: „Хорошо же!“ — ушелъ отъ насъ.

Во время спора мы всѣ молчали, заинтересованные имъ. Но, когда солдатъ ушелъ, среди насъ поднялся оживленный громкій говоръ и шумъ.

Кто-то крикнулъ пекарю:

— Не дѣло ты затѣялъ, Павелъ!

— Работай, знай! — свирѣпо отвѣтилъ пекарь.

Мы чувствовали, что солдатъ задѣтъ за живое, и что Танѣ грозитъ опасность. Мы чувствовали это, и въ то же время всѣхъ насъ охватило жгучее, пріятное намъ любопытство — что будетъ? Устоитъ ли Таня противъ солдата? И почти всѣ увѣренно кричали:

— Танька? Она устоитъ! Ея голыми руками не возьмешь!

Намъ страшно хотѣлось испробовать крѣпость нашего божка; мы напряженно доказывали другъ другу, что нашъ божокъ — крѣпкій божокъ и выйдетъ побѣдителемъ изъ этого столкновенія. Намъ наконецъ стало казаться, что мы мало раззадорили солдата, что онъ забудетъ о спорѣ, и что намъ нужно хорошенько разбередить его самолюбіе. Мы съ этого дня начали жить какой-то особенной, напряженно-нервной жизнью, — такъ еще не жили мы. Мы цѣлые дни спорили другъ съ другомъ, какъ-то поумнѣли всѣ, стали больше и лучше говорить. Намъ казалось, что мы играемъ въ какую-то игру съ чортомъ, и ставка съ нашей стороны — Таня. И когда мы узнали отъ булочниковъ, что солдатъ началъ „пріударять за нашей Танькой“, намъ сдѣлалось жутко-хорошо и до того любопытно жить, что мы даже не замѣтили, какъ хозяинъ, пользуясь нашимъ возбужденіемъ, набавилъ намъ работы на четырнадцать пудовъ тѣста въ сутки. Мы какъ будто даже и не уставали отъ работы. Имя Тани цѣлый день не сходило у насъ съ языка. И каждое утро мы ждали ее съ какимъ-то особеннымъ нетерпѣніемъ. Иногда намъ представлялось, что она

войдетъ къ намъ, — и уже это будетъ не та, прежняя Таня, а какая-то другая.

Мы, однако, ничего не говорили ей о происшедшемъ спорѣ. Ни о чемъ не спрашивали ее и попрежнему относились къ ней любовно и хорошо. Но уже въ это отношеніе вкралось что-то новое и чуждое прежнимъ нашимъ чувствамъ къ Танѣ — и это новое было острымъ любопытствомъ, острымъ и холоднымъ, какъ стальной ножъ...

— Братцы! Сегодня срокъ! — сказалъ однажды утромъ пекарь, становясь къ работѣ.

Мы хорошо знали это и безъ его напоминанія, но все-таки встрепенулись.

— Глядите на нее... сейчасъ придетъ! — предложилъ пекарь. Кто-то съ сожалѣніемъ воскликнулъ:

— Да вѣдь развѣ глазами что̀ увидишь!

И снова между нами разгорѣлся живой, шумный споръ. Сегодня мы узнаемъ наконецъ, насколько чистъ и недоступенъ для грязи тотъ сосудъ, въ который мы вложили наше лучшее. Въ это утро мы какъ-то сразу и впервые почувствовали, что дѣйствительно играемъ большую игру, что эта проба чистоты нашего божка можетъ уничтожить его для насъ. Мы всѣ эти дни слышали, что солдатъ упорно и неотвязно преслѣдуетъ Таню, но почему-то никто изъ насъ не спросилъ ее, какъ она относится къ нему? А она продолжала аккуратно каждое утро являться къ намъ за крендельками и была все такая же, какъ всегда.

И въ этотъ день мы скоро услыхали ея голосъ:

— Арестантики! Я пришла...

Мы поторопились впустить ее, и когда она вошла, то противъ обыкновенія встрѣтили ее молчаніемъ. Глядя на нее во всѣ глаза, мы не знали, о чемъ намъ говорить съ ней, о чемъ спросить ее. И стояли мы предъ нею темной, молчаливой толпой. Она, видимо, удивилась непривычной для нея встрѣчѣ, — и вдругъ мы увидѣли, что она поблѣднѣла, забезпокоилась, какъ-то завозилась на мѣстѣ и сдавленнымъ голосомъ спросила:

— Что̀ это вы... какіе?

— А ты? — угрюмо бросилъ ей пекарь, не сводя съ нея глазъ.

— Что̀ — я?

— Н-ничего...

— Ну, давайте скорѣе крендельки...

Никогда раньше она не торопила насъ...

— Поспѣешь! сказалъ пекарь, не двигаясь и не отрывая глазъ отъ ея лица.

Тогда она вдругъ повернулась и исчезла въ двери.

Пекарь взялся за лопату и спокойно молвилъ, отворотясь къ печкѣ:

— Значитъ—готово!.. Ай-да солдатъ!.. подлецъ!.. мерзавецъ!..

Мы, какъ стадо барановъ, толкая другъ друга, пошли къ столу, молча усѣлись и вяло начали работать. Вскорѣ кто-то сказалъ:

— А можетъ, еще...

— Ну-ну! Разговаривай! — закричалъ пекарь.

Мы всѣ знали, что онъ человѣкъ умный, умнѣе насъ. И окрикъ его мы поняли, какъ увѣренность въ побѣдѣ солдата... Намъ было грустно и неспокойно...

Въ 12 часовъ, — во время обѣда, — пришелъ солдатъ. Онъ былъ, какъ всегда, чистый и щеголеватый и — какъ всегда — смотрѣлъ прямо въ глаза. А намъ неловко было смотрѣть на него.

— Ну-съ, господа честные, хотите, я вамъ покажу солдатскую удаль? — сказалъ онъ, гордо усмѣхаясь. — Такъ вы выходите въ сѣни и смотрите въ щели... поняли?

Мы вышли и, навалившись другъ на друга, прильнули къ щелямъ въ дощатой стѣнѣ сѣней, выходившей на дворъ. Мы не долго ждали... Скоро спѣшной походкой, съ озабоченнымъ лицомъ, по двору прошла Таня, перепрыгивая черезъ лужи талаго снѣга и грязи. Она скрылась за дверью въ погребъ. Потомъ, не торопясь и посвистывая, туда прошелъ солдатъ. Руки у него были засунуты въ карманы, а усы шевелились...

Шелъ дождь, и мы видѣли, какъ его капли падали въ лужи, и лужи морщились подъ ихъ ударами. День былъ сырой, сѣрый — очень скучный день. На крышахъ еще лежалъ снѣгъ, а на землѣ уже появились темныя пятна грязи. И снѣгъ на крышахъ тоже былъ покрытъ бурымъ, грязноватымъ налетомъ. Дождь шелъ медленно, звучалъ онъ уныло. Намъ было холодно и непріятно ждать...

Первымъ вышелъ съ погреба солдатъ; онъ пошелъ по двору медленно, шевеля усами, засунувъ руки въ карманы — такой же, какъ всегда.

Потомъ — вышла и Таня. Глаза у нея... глаза у нея сіяли радостью и счастьемъ, а губы — улыбались. И шла она, какъ во снѣ, пошатываясь, невѣрными шагами...

Мы не могли перенести этого спокойно. Всѣ сразу мы бросились къ двери, выскочили на дворъ и засвистали, заорали на нее злобно, громко, дико.

Она вздрогнула, увидавъ насъ, и стала, какъ вкопанная въ грязь подъ ея ногами. Мы окружили ее и злорадно, безъ

удержу, ругали ее похабными словами, говорили ей безстыдныя вещи.

Мы дѣлали это не громко, не торопясь, видя, что ей некуда итти, что она окружена нами и мы можемъ издѣваться надъ ней, сколько хотимъ. Не знаю почему, но мы не били ея. Она стояла среди насъ и вертѣла головой то туда, то сюда, слушая наши оскорбленія. А мы — все больше, все сильнѣе бросали въ нее грязью и ядомъ нашихъ словъ.

Краска сошла съ ея лица. Ея голубые глаза, за минуту предъ этимъ счастливые, широко раскрылись, грудь дышала тяжело, и губы вздрагивали.

А мы, окруживъ ее, мстили ей, ибо она ограбила насъ. Она принадлежала намъ, мы на нее расходовали наше лучшее, и хотя это лучшее — крохи нищихъ, но насъ — двадцать шесть, она — одна, и поэтому нѣтъ ей муки отъ насъ, достойной вины ея! Какъ мы ее оскорбляли!.. Она все молчала, все смотрѣла на насъ дикими глазами, и всю ее била дрожь.

Мы смѣялись, ревѣли, рычали... Къ намъ откуда-то подбѣгали еще люди... Кто-то изъ насъ дернулъ Таню за рукавъ кофты...

Вдругъ глаза ея сверкнули; она, не торопясь, подняла руки къ головѣ и, поправляя волосы, громко, но спокойно сказала прямо въ лицо намъ:

— Ахъ, вы, арестанты несчастные!..

И она пошла прямо на насъ, такъ просто пошла, какъ будто насъ и не было предъ ней, точно мы не преграждали ей дороги. Поэтому никого изъ насъ дѣйствительно не оказалось на ея пути.

А выйдя изъ нашего круга, она, не оборачиваясь къ намъ, такъ же громко, гордо и презрительно еще сказала:

— Ахъ, вы, сво-олочь... га-ады...

И — ушла, прямая, красивая, гордая.

Мы же остались среди двора, въ грязи, подъ дождемъ и сѣрымъ небомъ безъ солнца...

Потомъ и мы молча ушли въ свою сырую каменную яму. Какъ раньше, солнце никогда не заглядывало къ намъ въ окна, и Таня не приходила больше никогда!..

1899.

ТРОЕ.

I.

Среди лѣсовъ Керженца разсѣяно много одинокихъ могилъ; въ нихъ тлѣютъ кости старцевъ, люди древняго благочестія, и объ одномъ изъ такихъ старцевъ, — Антипѣ, — въ деревняхъ на Керженцѣ разсказываютъ.

Суровый характеромъ, богатый мужикъ Антипа Луневъ, доживъ во грѣхѣ мірскомъ до пятидесяти лѣтъ, задумался крѣпко, затосковалъ душой и, бросивъ семью, ушелъ въ лѣса. Тамъ, на краю крутого оврага, онъ срубилъ себѣ келью и жилъ въ ней восемь лѣтъ кряду и зиму и лѣто, не допуская къ себѣ никого: ни знакомыхъ ни родныхъ своихъ. Порою люди, заблудясь въ лѣсу, случайно выходили къ его кельѣ и видѣли Антипу: онъ молился, стоя на колѣняхъ у порога ея. Былъ онъ страшный: изсохъ въ постѣ и молитвѣ и весь, какъ звѣрь, обросъ волосами. Завидѣвъ человѣка, онъ поднимался на ноги и, молча, кланялся ему до земли. Если его спрашивали, какъ выйти изъ лѣса, онъ безъ словъ указывалъ рукою дорогу, еще кланялся человѣку до земли и, уходя въ свою келью, запирался въ ней. За восемь лѣтъ его видѣли часто, но никто никогда не слыхалъ его голоса. Жена и дѣти приходили къ нему; онъ принималъ отъ нихъ пищу и одежду и, какъ всѣмъ людямъ, кланялся имъ земно, но, какъ всѣмъ людямъ, и имъ во время подвижничества своего ни слова не сказалъ.

Умеръ онъ въ годъ, когда разоряли скиты, и смерть его была такова:

Пріѣхалъ въ лѣсъ исправникъ съ командой, и увидали они, что стоитъ Антипа среди кельи на колѣняхъ и безмолвно молится.

— Ты! — крикнулъ ему исправникъ. — Уходи! Ломать будемъ твое логовище!.. — Но Антипа не слышалъ его голоса. И сколько ни кричалъ исправникъ — ни слова не отвѣтилъ

ему старецъ. Тогда исправникъ приказалъ вытащить Антипу изъ кельи. Но люди, видя старца, который, не замѣчая ихъ, все молился истово и неустанно, смутились предъ твердостью его души и не послушали исправника. Тогда исправникъ приказалъ имъ ломать келью, и осторожно, боясь ударить молящагося, они молча стали разбирать крышу.

Стучали надъ головой Антипы топоры, трещали доски и падали на землю, гулкое эхо ударовъ понеслось по лѣсу, заметались вокругъ кельи птицы, встревоженныя шумомъ, задрожала листва на деревьяхъ. А старецъ все молился, какъ бы не видя и не слыша ничего... Начали раскатывать вѣнцы кельи, а хозяинъ ея все стоялъ неподвижно на колѣнихъ. И лишь когда откатили въ сторону послѣднія бревна и самъ исправникъ, подойдя къ старцу, взялъ его за волосы, Антипа, вскинувъ очи въ небо, тихо сказалъ Богу:

— Господи милостивый... Прости имъ.

И, упавъ навзничь, умеръ.

Когда это случилось, старшему сыну Антипы, Якову, было двадцать три года, а младшему, Терентію — восемнадцать лѣтъ. Красавецъ и силачъ Яковъ, еще будучи подросткомъ, пріобрѣлъ въ селѣ прозвище Безшабашнаго, а ко времени смерти отца онъ былъ уже первый кутила и буянъ во всей округѣ. На него всѣ жаловались, — мать, староста, сосѣди; его сажали въ холодную, пороли розгами, били и просто такъ, безъ суда, но все это не укрощало широкой натуры Якова, и все тѣснѣе становилось ему жить въ деревнѣ, среди раскольниковъ, людей хозяйственныхъ, какъ кроты, суровыхъ ко всякимъ новшествамъ и упорно охранявшихъ завѣты древняго благочестія. Яковъ курилъ табакъ, пилъ водку, одѣвался въ нѣмецкое платье, на молитвы и радѣнія не ходилъ, а когда степенные люди увѣщевали его, напоминая ему объ отцѣ, онъ насмѣшливо отзывался:

— Погодите, старички почтенные,— всему мѣра есть. Нагрѣшу вдоволь —покаюсь и я. А теперь—рано еще. Батюшкой меня не корите,—онъ пять десятковъ лѣтъ грѣшилъ, а каялся всего восемь... На мнѣ грѣхъ — какъ на птенцѣ пухъ, а вотъ вырастетъ грѣха, какъ на воронѣ пера, тогда, значитъ, молодцу пришла каяться пора...

— Еретикъ! — говорили про Якова Лунева въ селѣ и ненавидѣли и боялись его. Года черезъ два послѣ смерти отца Яковъ женился. Онъ подъ корень подорвалъ разгульной жизнью крѣпкое, тридцатилѣтнимъ трудомъ сколоченное хозяйство отца, и уже никто въ родномъ селѣ не хотѣлъ выдать ему дѣвушку въ жены. Гдѣ-то въ далекой деревнѣ онъ

взялъ красавицу-сироту, а для того, чтобъ сыграть свадьбу, продалъ отцовъ пчельникъ и пару лошадей. Его братъ Терентій, робкій и молчаливый горбунъ съ длинными руками, не мѣшалъ ему жить; мать хворая лежала на печи и оттуда говорила ему зловѣщимъ, хриплымъ голосомъ:

— Окаянный!.. Пожалѣй свою душеньку!.. Опомнись!..

— Не безпокойтесь, маменька!—отвѣчалъ Яковъ. — Отецъ за меня передъ Богомъ заступится...

Сначала, почти цѣлый годъ, Яковъ жилъ съ женою мирно и тихо, даже началъ-было работать, а потомъ опять закутилъ и, на цѣлые мѣсяца исчезая изъ дома, возвращался къ женѣ избитый, оборванный, голодный... Умерла мать Якова: на поминкахъ по ней пьяный Яковъ изувѣчилъ старосту, давняго своего врага, и за это былъ посаженъ въ арестантскія роты. Отсидѣвъ срокъ, онъ снова явился въ деревню, бритоголовый, угрюмый и злой. Деревня все болѣе ненавидѣла его, перенося свою ненависть и на семью Якова, а особенно на безобиднаго горбуна Терентія, съ малыхъ лѣтъ служившаго посмѣшищемъ для дѣвокъ и парней. Якова звали арестантомъ и разбойникомъ, а Терентія—уродомъ и колдуномъ. Терентій молчалъ въ отвѣтъ на ругань и насмѣшки, Яковъ же открыто грозилъ всѣмъ:

— Ладно! Погодите!.. Я вамъ покажу!

Ему было около сорока лѣтъ, когда въ деревнѣ случился пожаръ: онъ былъ обвиненъ въ поджогѣ и сосланъ въ Сибирь.

На рукахъ Терентія осталась жена Якова, помѣшавшаяся въ умѣ во время пожара, и сынъ его Илья, десятилѣтній мальчикъ, крѣпкій, черноглазый и не по лѣтамъ серьезный. Когда этотъ мальчикъ появлялся на улицѣ, ребятишки гонялись за нимъ и бросали въ него камнями, а большіе, видя его, говорили:

— У, деймоненокъ! Каторжное сѣмя!.. Чтобъ те сдохнуть!..

Неспособный къ работѣ, Терентій до пожара торговалъ дегтемъ, нитками, иглами и всякой мелочью, но огонь, истребившій половину деревни, уничтожилъ и избу Луневыхъ и весь товаръ Терентія, такъ что послѣ пожара у Луневыхъ осталась только лошадь да сорокъ три рубля денегъ — и больше ничего. Видя, что въ деревнѣ нельзя и нечѣмъ жить, Терентій сдалъ жену брата на попеченіе бобылкѣ за полтинникъ въ мѣсяцъ, купилъ старенькую телѣгу, посадилъ въ нее племянника и рѣшилъ ѣхать въ губернскій городъ, надѣясь, что тамъ ему поможетъ жить дальній родственникъ Луневыхъ Петръ Филимоновъ, служившій буфетчикомъ въ трактирѣ.

Выѣхалъ Терентій изъ родного пепелища ночью, тихо, какъ воръ. Молча правилъ онъ лошадью и все оглядывался назадъ своими большущими черными глазами. Лошадь шла шагомъ, телѣгу славно потряхивало, и скоро Илья, зарывшись въ сѣно, уснулъ крѣпкимъ сномъ ребенка...

Проснулся онъ среди ночи отъ какого-то жуткаго и страннаго звука, похожаго на волчій вой. Ночь была свѣтлая, телѣга стояла у опушки лѣса, около нея ходила лошадь и, фыркая, щипала траву, покрытую росой. Большая сосна съ опаленной вершиной выдвинулась далеко въ поле и стояла одинокая, точно ее выгнали изъ лѣса. Зоркіе глаза мальчика безпокойно искали дядю, а въ тишинѣ ночи отчетливо звучали глухіе и рѣдкіе удары копытъ лошади по землѣ, тяжелыми вздохами разносилось ея фырканье, и уныло плавалъ непонятный дрожащій звукъ, пугая Илью.

— Дя-дя!—тихо позвалъ онъ.

— Ась? — торопливо отозвался Терентій, и вой вдругъ замеръ.

— Ты гдѣ?

— Тутъ... спи, знай...

Тогда Илья увидалъ, что дядя, черный и похожій на пень, вывороченный изъ земли, сидитъ у опушки лѣса на холмѣ.

— Я боюсь,—сказалъ мальчикъ.

— Ну, чего тамъ? Чего бояться?.. Одни мы...

— Кто-то воетъ...

— Приснилось тебѣ...—тихо сказалъ горбунъ.

— Ей-Богу, воетъ...

— Ну... волкъ это... Онъ—далеко... Ты спи...

Но Ильѣ уже не спалось. Было жутко отъ тишины, а въ ушахъ у него все дрожалъ этотъ жалобный звукъ. Онъ пристально оглядѣлъ мѣстность и увидалъ, что дядя смотритъ туда, гдѣ надъ горой, далеко среди лѣса, стоитъ пятиглавая бѣлая церковь, а надъ нею ярко сіяетъ большая, круглая луна. Илья узналъ, что это ромодановская церковь, и что въ двухъ верстахъ отъ нея, ближе сюда, къ нему и дядѣ, среди лѣса, надъ оврагомъ, стоитъ ихъ деревня—Китежная.

— Не далеко мы уѣхали,—сказалъ онъ задумчиво.

— Что?—спросилъ дядя.

— Дальше бы уѣхать, говорю... Еще придетъ кто-нибудь оттуда...

Илья непріязненно кивнулъ головой по направленію къ своей деревнѣ.

— Уѣдемъ... погоди...—молвилъ дядя.

И снова стало тихо. Илья свернулся въ комокъ, облоко-

тясь на передокъ телѣги, и тоже сталъ смотрѣть туда, куда дядя смотрѣлъ. Деревню было не видно въ густой, черной тьмѣ лѣса, но ему казалось, что онъ видитъ ее, со всѣми избами и людьми и со старой ветлой у колодца среди улицы. У корней ветлы лежитъ отецъ его, связанный веревкой, въ изорванной рубахѣ: руки у него прикручены за спину, голая грудь выпятилась впередъ, а голова какъ будто приросла къ стволу ветлы. Лежитъ онъ неподвижно, какъ убитый, и страшными глазами смотритъ на мужиковъ, стоящихъ у старостиной избы. Ихъ много, всѣ они злые, кричатъ, ругаются. Отъ этого воспоминанія мальчику сдѣлалось скучно, и у него начало щипать въ горлѣ. Онъ почувствовалъ, что заплачетъ сейчасъ отъ скуки и ночной свѣжести, но ему не хотѣлось тревожить дядю, и онъ сдерживался, все плотнѣе сжимая свое маленькое тѣльце...

Вдругъ снова въ воздухѣ раздался тихій вой. Сначала кто-то тяжко вздохнулъ, всхлипнулъ и потомъ нестерпимо-жалобно заныл:

— О-о-у-о-о!..

Мальчикъ вздрогнулъ отъ страха и замеръ. А звукъ все дрожалъ и росъ въ своей силѣ.

— Дядя! Это ты воешь?..—крикнулъ Илья.

Терентій не отвѣтилъ и не пошевелился. Тогда мальчикъ спрыгнулъ съ телѣги, подбѣжалъ къ дядѣ, упалъ ему на ноги, вцѣпился въ нихъ и тоже зарыдалъ. Сквозь рыданія онъ слышалъ голосъ дяди:

— Выжили... насъ... Го-спо-ди! Куда пойдемъ... а?

А мальчикъ, захлебываясь слезами, говорилъ:

— Погоди... я вотъ вырасту большой... я имъ задамъ!.. да...

Наплакавшись, онъ сталъ дремать. Тогда дядя взялъ его на руки, снесъ въ телѣгу, а самъ опять ушелъ прочь и снова завылъ протяжно, жалобно...

Помнилъ Илья, какъ онъ пріѣхалъ въ городъ. Проснулся онъ однажды рано утромъ и увидалъ передъ собою рѣку, широкую, мутную, а за нею, на высокой горѣ, кучу домовъ съ красными и зелеными крышами и высокія, густыя деревья между домами. Дома поднимались по горѣ густою, красивой толпой все выше, а на самомъ гребнѣ горы они вытянулись въ ровную линію и гордо смотрѣли оттуда черезъ рѣку. Золотые кресты и главы церквей поднимались надъ ихъ крышами, уходя глубоко въ небо. Только-что взошло солнце; косые его лучи отражались въ окнахъ домовъ, и весь городъ горѣлъ яркими красками, сіялъ золотомъ.

— Вотъ такъ а-яй! —тихо воскликнулъ мальчикъ, широко раскрытыми глазами глядя на чудесную картину, и надолго замеръ въ молчаливомъ восхищеніи передъ нею. Потомъ въ душѣ его родилась безпокойная мысль, гдѣ будетъ жить онъ, маленькій, черноволосый и вихрастый мальчикъ въ худыхъ пестрядиныхъ штанишкахъ, и его горбатый, неуклюжій дядя? Пустятъ ли ихъ туда, въ этотъ чистый, богатый, блестящій золотомъ, огромный городъ? Ему подумалось, что ихъ телѣга именно потому и стоитъ здѣсь, на берегу рѣки, что въ городъ не пускаютъ людей бѣдныхъ, оборванныхъ и некрасивыхъ. И, должно-быть, дядя пошелъ просить, чтобы пустили.

Илья съ тревогой въ сердцѣ сталъ искать глазами дядю. И впереди и сзади ихъ телѣги стояло еще много возовъ; на однихъ торчали деревянныя стойки съ молокомъ, на другихъ корзины съ птицей, огурцы, лукъ, лукошки съ ягодами, мѣшки съ картофелемъ. На возахъ и около нихъ сидѣли и стояли мужики и бабы, и это были совсѣмъ особенные люди. Говорили они громко, отчетливо, а одѣты были не въ синюю пестрядину, а все въ пестрые ситцы и ярко-красный кумачь. Почти у всѣхъ на ногахъ были сапоги, и хотя около нихъ расхаживалъ кто-то съ саблей на боку,—урядникъ или становой,—но они не только не боялись его, а даже и не кланялись ему. И это очень нравилось Ильѣ. Сидя на телѣгѣ, онъ осматривалъ ярко освѣщенную солнцемъ живую картину и мечталъ о времени, когда и онъ тоже надѣнетъ сапоги и кумачную рубаху. Вдали, среди мужиковъ, появился дядя Терентій. Онъ шелъ, крѣпко упираясь ногами въ глубокій песокъ, высоко поднявъ голову; лицо у него было веселое, и еще издали онъ улыбался Ильѣ, протянувъ къ нему руку и что-то показывая.

— Господь за насъ, Илюха! Значитъ—не горюй! Дядю-то Петруху сразу нашелъ я... На-ка вотъ, погрызи пока что!..

И онъ далъ Ильѣ баранку.

Мальчикъ почти съ благоговѣніемъ взялъ ее, сунулъ за пазуху и безпокойно спросилъ:

— Не пускаютъ въ городъ-то?

— Сейчасъ пустятъ... Вотъ придетъ паромъ и поѣдемъ.

— И мы?

— А какъ же? И мы поѣдемъ... Тутъ намъ не жить...

— Ухъ! А я думалъ—насъ не пустятъ... А тамъ гдѣ мы будемъ жить-то?

— Это ужъ неизвѣстно... Господь укажетъ...

— Вонъ бы въ томъ большомъ-то, красномъ...

— Чудашка! Это казарма!.. Тамъ солдаты живутъ...

— Ну инъ вонъ въ томъ... в-вонъ въ этомъ!

— Ишь ты! Высоко намъ до него!..

— Ничего!—увѣренно сказалъ Илья.—Долѣземъ!..

— Э-эхъ, ты! — вздохнулъ дядя Терентій и снова куда-то ушелъ.

Жить имъ пришлось на краю города, около базарной площади, въ огромномъ сѣромъ домѣ. Со всѣхъ сторонъ къ его стѣнамъ прилипли разныя пристройки, однѣ поновѣе, другія такія же сѣро-грязныя и старыя, какъ самъ онъ. Окна и двери въ этомъ домѣ были кривыя, и все въ немъ скрипѣло. Пристройки, заборъ, ворота — все наваливалось другъ на друга, объединяясь въ большую кучу полугнилого дерева, поросшаго зеленоватымъ мохомъ. Стекла въ окнахъ были тусклы отъ старости, нѣсколько бревенъ въ фасадѣ выпятились впередъ, и отъ этого домъ былъ похожъ на своего хозяина, который держалъ въ немъ трактиръ. Хозяинъ тоже былъ старый и сѣрый; глаза на его дряхломъ лицѣ были похожи на стекла въ окнахъ дома; онъ ходилъ, тяжело опираясь на толстую палку; ему, должно-быть, тяжело было носить свой огромный животъ, и онъ тоже всегда скрипѣлъ.

Первое время, прожитое въ этомъ домѣ, всюду Илья лазилъ и все осматривалъ въ немъ. Домъ понравился ему и поразилъ его своей емкостью. Онъ былъ до того тѣсно набитъ людьми, что Ильѣ казалось — людей въ этомъ домѣ больше, чѣмъ во всей деревнѣ Китежной. И шумно въ немъ, какъ на базарѣ. Въ обоихъ этажахъ помѣщался трактиръ, всегда полный народа, на чердакахъ жили какія-то пьяныя бабы, и одна изъ нихъ, по прозвищу Матица, черная, огромная, басовитая, пугала мальчика своими сердитыми и темными глазами. Въ подвалѣ жилъ сапожникъ Перфишка съ больной, безногою женой и дочкой лѣтъ семи, тряпичникъ дѣдушка Еремѣй, нищая старуха, худая и крикливая, за что на дворѣ ее звали Полоротой, и извозчикъ Макаръ Степанычъ, человѣкъ уже пожилой, смирный и молчаливый. Въ углу двора помѣщалась кузница; въ ней съ утра до вечера горѣлъ огонь, наваривали шины, ковали лошадей, стучали молоты, и высокій, жилистый кузнецъ Савелъ густымъ и угрюмымъ голосомъ пѣлъ безконечныя длинныя пѣсни. Иногда въ кузницѣ являлась Савелова жена, небольшая, полная женщина, русоволосая, съ голубыми глазами. Она всегда накрывала голову бѣлымъ платкомъ, и было странно видѣть эту бѣлую голову въ черной дырѣ кузницы. Она почти всегда смѣялась серебристымъ смѣхомъ, а Савелъ вторилъ ей громко, точно молотомъ билъ. Но чаще онъ въ отвѣтъ на

я смѣхъ рычалъ. Говорили, что онъ очень любитъ жену, а на гуляетъ...

Въ каждой щели дома сидѣлъ человѣкъ, и съ утра до оздней ночи домъ сотрясался отъ крика и шума, точно въ емъ, какъ въ старомъ ржавомъ котлѣ, что-то кипѣло и ва-илось. Вечерами всѣ люди выползали изъ своихъ щелей на воръ и на лавочку къ воротамъ дома; сапожникъ Перфишка гралъ на гармоникѣ, Савелъ мычалъ пѣсни, а Матица, если на была выпивши, пѣла что-то особенное, очень грустное, икому непонятными словами, пѣла и всегда о чемъ-то орько плакала.

Гдѣ-нибудь въ углу на дворѣ около дѣдушки Еремѣя соби-ались всѣ жившіе въ домѣ ребятишки и, усѣвшись въ кру-окъ, просили его:

— Дѣ-ѣдушка! разскажи сказочку!..

Дѣдушка смотрѣлъ на нихъ болящими красными гла-ами, изъ которыхъ, не изсякая, текли по морщинамъ его ица мутныя слезы, и, крѣпко нахлобучивъ на голову старую, ыжую шапку, заводилъ нараспѣвъ дрожащимъ тонкимъ го-осомъ:

„А и въ нѣкоторыемъ царствіи, вотъ и въ нѣкоторыемъ осударствіи уродился фармазонъ-еретикъ отъ невѣдомыхъ одителей, за грѣхи сыномъ наказанныхъ Богомъ Господомъ севидящимъ...“

Длинная, сѣдая борода дѣдушки Еремѣя вздрагивала и яслась, когда онъ открывалъ свой черный, беззубый ротъ, яслась и голова, а по морщинамъ щекъ одна за другой все атились слезы

„А и дерзокъ былъ сей сынъ-еретикъ: въ Христа-Бога не ѣровалъ, не любилъ Матери Божіей, мимо церкви шелъ — е кланялся, отца, матери не слушался...“

Ребятишки слушали тонкій, дрожащій голосъ старика и олча смотрѣли въ его лицо.

Всѣхъ внимательнѣе слушалъ и смотрѣлъ русый Яшка, инъ буфетчика Петрухи. Это былъ мальчикъ тощій, остро-осый, съ большой головой на тонкой шеѣ. Когда онъ бѣ-алъ, его голова такъ болталась отъ плеча къ плечу, точно това была оторваться. Глаза у него были тоже большіе и кіе-то безпокойные. Они всегда пугливо скользили по всѣмъ редметамъ, точно боясь остановиться на чемъ-либо, а оста-вившись, странно выкатывались, таращились и придавали цу Якова какое-то овечье выраженіе. Онъ выдѣлялся изъ ей кучи ребятъ своимъ тонкимъ, безкровнымъ лицомъ и стой, крѣпкой одеждой. Илья сразу подружился съ нимъ,

и въ первый же день знакомства Яковъ таинственнымъ голосомъ спросилъ новаго товарища:

— У васъ въ деревнѣ колдуновъ много?

— Есть, — отвѣтилъ Илья. — И колдуньи тоже есть... У насъ шаберъ колдунъ былъ.

— Рыжій?—шопотомъ освѣдомился Яковъ.

— Сѣдой... они всѣ сѣдые...

— Сѣдые, такъ ничего... Сѣдые добрые... А вотъ которые рыжіе—ухъ, ты! Тѣ кровь пьютъ...

Они сидѣли въ лучшемъ, самомъ уютномъ углу двора, за кучей мусора подъ бузиной и липой. Сюда можно было попасть черезъ узкую щель между сараемъ и домомъ; здѣсь всегда было тихо и, кромѣ неба надъ головой да стѣны дома съ тремя окнами, изъ которыхъ два были заколочены, изъ этого уголка не видно было ничего. Онъ сталъ любимымъ мѣстомъ товарищей. На вѣткахъ липы чирикали воробьи, а на землѣ, у корней ея, сидѣли мальчики и тихо бесѣдовали обо всемъ, что занимало ихъ.

Цѣлые дни передъ глазами Ильи вертѣлось съ крикомъ и шумомъ что-то большущее, пестрое и ослѣпляло, оглушало его. Сначала онъ растерялся и какъ-то поглупѣлъ въ кипучей сутолокѣ этой жизни. Стоя въ трактирѣ около стола, на которомъ дядя Терентій, потный и мокрый, мылъ посуду, Илья смотрѣлъ, какъ люди приходятъ, пьютъ, ѣдятъ, кричатъ, цѣлуются, дерутся, поютъ пѣсни. Потные они, усталые, грязные, тучи табачнаго дыма плаваютъ вокругъ нихъ, и въ этомъ дыму они возятся, какъ полоумные...

— Эй-эй!—говорилъ ему дядя, потряхивая горбомъ и непрестанно звеня стаканами.—Ты чего тутъ? Иди-ка на дворъ! А то хозяинъ увидитъ—заругаетъ!..

— Вотъ такъ а-яй! — мысленно произносилъ Илья свое любимое восклицаніе и, ошеломленный шумомъ трактирной жизни, уходилъ на дворъ. А на дворѣ Савелъ стучалъ молотомъ и ругался съ подмастерьемъ, изъ подвала на волю рвалась веселая пѣсня сапожника Перфишки, сверху сыпались ругань и крики пьяныхъ бабъ. Пашка Зубастый, Савеловъ сынъ, скакалъ верхомъ на палкѣ и кричалъ сердитымъ голосомъ:

— Тпру, дьяволъ!

Его круглая, задорная рожица вся испачкана грязью и сажей; на лбу у него шишка; рубаха рваная, и сквозь ея безчисленныя дыры просвѣчиваетъ крѣпкое тѣло. Это былъ первый озорникъ и драчунъ на дворѣ; онъ уже успѣлъ дважды и очень больно поколотить неловкаго Илью, а когда

Илья, заплакавъ, пожаловался дядѣ, тотъ только руками развелъ да сказалъ:

— Ну ужъ!.. что̀ сдѣлаешь? Потерпи!.. пройдетъ!

— Я вотъ пойду, да такъ его вздую! — сквозь слезы пообѣщалъ Илья.

— Не моги!—строго молвилъ дядя.—Никакъ этого нельзя!..

— А онъ что̀?

— То онъ!.. Онъ, видишь ты... тутошній... свой... А ты—чужой...

Илья продолжалъ угрожать Пашкѣ, но дядя вдругъ разсердился и закричалъ на него, что̀ съ нимъ бывало рѣдко. Тогда Илья смутно почувствовалъ, что ему нельзя ровняться съ „тутошними“ ребятишками, и, затаивъ въ себѣ непріязнь къ Пашкѣ, еще больше сдружился съ Яковомъ.

Яковъ велъ себя степенно: онъ никогда ни съ кѣмъ не дрался, даже кричалъ рѣдко. И онъ почти не игралъ, но всегда любилъ говорить о томъ, въ какія игры играютъ дѣти во дворахъ у богатыхъ людей и въ городскомъ саду. Изъ всѣхъ дѣтей на дворѣ, кромѣ Ильи, Яковъ дружился только съ семилѣтней Машкой, дочерью сапожника Перфишки. Это была чумазая дѣвчоночка, тоненькая и хрупкая; ея маленькая головка, осыпанная черными кудрями, съ утра до вечера торчала на дворѣ. Ея мать тоже всегда сидѣла у двери въ подвалъ. Высокая, съ большой косой на спинѣ, она постоянно шила, низко согнувшись надъ работой, а когда поднимала голову, чтобы посмотрѣть на дочь, Илья видѣлъ ея лицо. Оно было толстое, синее, неподвижное, какъ у покойника. И черные, добрые глаза на этомъ лицѣ тоже были неподвижны. Она никогда ни съ кѣмъ не разговаривала и даже дочь свою подзывала къ себѣ знаками, лишь иногда, очень рѣдко, вскрикивая хриплымъ, задушеннымъ голосомъ:

— Маша!

Сначала Ильѣ что-то нравилось въ этой женщинѣ, но когда онъ узналъ, что она уже третій годъ не владѣетъ ногами и скоро помретъ, онъ сталъ бояться ея.

Однажды, когда Илья проходилъ вблизи нея, она протянула руку, схватила его за рубаху и привлекла испуганнаго мальчика къ себѣ.

— Попрошу я тебя... — сказала она, — не обижай Машу!.. не обижай!..

Ей трудно было говорить: она задыхалась отчего-то.

— Не обижай... милый!..

И, взглянувъ въ лицо Ильи жалобными глазами, она отпустила его отъ себя. Съ этой поры Илья вмѣстѣ съ Яковомъ

сталъ внимательно ухаживать за дочерью сапожника, стараясь оберечь ее отъ разныхъ непріятностей жизни. Онъ не могъ не оцѣнить просьбы со стороны большого человѣка, потому что всѣ другіе большіе люди только приказывали. Потомъ, они всегда били маленькихъ. Извозчикъ Макаръ лягался ногами и шлепалъ ребятишекъ по лицу мокрой тряпкой, если они подходили близко къ нему въ то время, когда онъ мылъ пролетку. Савелъ сердился на всѣхъ, кто заглядывалъ въ его кузницу не по дѣлу, а изъ любопытства, и бросалъ въ дѣтей угольными мѣшками. Перфишка шпырялъ, чѣмъ попало, во всякаго, кто останавливался предъ его окномъ и закрывалъ ему свѣтъ... Иногда били и просто такъ, отъ скуки или изъ желанія пошутить съ дѣтьми. Только дѣдушка Еремѣй не дрался.

Вскорѣ Ильѣ стало казаться, что въ деревнѣ гораздо лучше жить, чѣмъ въ городѣ. Въ деревнѣ можно гулять, гдѣ хочешь, а здѣсь дядя запретилъ уходить со двора; въ деревнѣ можно поѣсть огурцовъ, гороху и всякой всячины, а здѣсь огородовъ нѣтъ, и все нужно купить за деньги. Тамъ и просторнѣе и тише, тамъ всѣ люди дѣлаютъ одно и то же дѣло,— здѣсь всѣ бранятся, толкаются, каждый дѣлаетъ, что хочетъ, и всѣ — бѣдные, всѣ живутъ чужимъ хлѣбомъ, впроголодь. Илья болтался по двору изо дня въ день, и ему становилось скучно жить около этого сѣраго, тяжелаго дома съ тусклыми окнами.

Однажды за обѣдомъ дядя Терентій сказалъ племяннику, тяжело вздыхая:

— Осень идетъ, Илюха... Н-да! Подвернетъ она намъ съ тобой гайки-то!.. тугонько подвернетъ!.. О, Господи!..

Онъ задумался и долго молчалъ, уныло глядя въ чашку со щами. Задумался и мальчикъ. Обѣдали они на томъ же столѣ, на которомъ горбунъ мылъ посуду. Въ трактирѣ гудѣлъ страшный шумъ.

— Петруха, вонъ, говоритъ, чтобы тебя вмѣстѣ съ его Яшуткой въ училище отдать. Эхе-хе! Надо, я понимаю... Безъ грамоты здѣсь, какъ безъ глазъ!.. пропадешь! Да вѣдь одѣть обуть надо тебя для училища!.. А отъ пяти рублей въ мѣсяцъ на одежу не разгонишься!.. О, Господи! На Тебя надежда!..

Отъ вздоховъ дяди и отъ грустнаго его лица у Ильи защемило сердце, и онъ тихо предложилъ:

— Давай, уйдемъ отсюда!..

— Ку-уда-а?—протяжно и уныло спросилъ горбунъ.—Куда мы уйти можемъ?..

— А въ лѣсъ!?—сказалъ Илья и вдругъ воодушевился.— Дѣдушка, ты говорилъ, сколько годовъ въ лѣсу жилъ одинъ! А насъ—двое! Лыки бы драли!.. Лисъ, бѣлокъ били бы... какъ Корнѣй Кривой... Ты бы ружье завелъ... а я—силки... Птицу буду ловить разную... Ей-Богу! Ягоды тамъ, грибы... Уйдемъ?..

Дядя поглядѣлъ на него ласковыми глазами и съ улыбкой спросилъ:

— А волки? А медвѣди?

— Съ ружьемъ-то ежели?—горячо воскликнулъ Илья.—Да я, когда большой вырасту, я звѣрей не побоюся!.. Я ихъ руками душить стану!.. Я и теперь ужъ никого не боюсь! А здѣсь—тоже!—житье-то тугое! Я хоть и маленькій, да вижу вѣдь... Здѣсь, вонъ, больнѣе дерутся, чѣмъ въ деревнѣ, да... Я вѣдь чувствую, не деревянный я!.. Кузнецъ какъ треснетъ по башкѣ, такъ тамъ ажъ гудитъ весь день послѣ того!.. И люди-то здѣсь все... драные, даромъ, что форсятъ...

— Эхъ, ты, сирота Божія! — сказалъ Терентій и, бросивъ ложку, поспѣшно ушелъ куда-то.

Вечеромъ этого дня Илья, уставши бродить по двору, гдѣ уже все было извѣстно ему, сидѣлъ на полу около стола дяди и сквозь дрему слушалъ разговоръ Терентія съ дѣдушкой Еремѣемъ, который пришелъ въ трактиръ попить чайку. Тряпичникъ очень подружился съ горбуномъ и, возвращаясь съ работы, всегда усаживался пить чай рядомъ со столомъ Терентія.

— Ничего-о!—слышалъ Илья скрипучій голосъ Еремѣя.— Ты, знай себѣ, на Бога уповай!.. Ты только одно мысли про себя—Богъ! Онъ! Ты въ родѣ крѣпостного у Него... потому сказано въ Писаніи—рабъ! Такъ и знай—рабъ ты Божій. И все твое — Богово!.. И доброе и худое — все Ему! Онъ разберетъ, Онъ твою жизнь видитъ, Онъ, Батюшка, все-е видитъ!.. И придетъ такой свѣтлый день твой, скажетъ Онъ ангелу: слуга Мой небесный! иди облегчи житье Терентію, мирному рабу Моему... И дойдетъ въ тѣ поры до тебя твое счастье... до-ой-де-етъ!

— Я, дѣдушка, уповаю на Господа,—что̀ больше могу я?— тихо говорилъ Терентій.—Вѣрую—Онъ поможетъ!

— Онъ-то? Онъ никогда, я тебѣ скажу, человѣка не покинетъ зря на землѣ. Земля дана Богомъ для испытанія нашего... для исполненія нами заповѣди Его.. Онъ взираетъ съ высотъ Своихъ и слѣдитъ: како любите другъ друга, людіе? Тако ли, како Азъ заповѣдалъ вамъ?.. И коли видитъ Онъ— трудно Терентію, то и пошлетъ благую вѣсть Еремѣю-старцу: эй, Ерема, помоги-ка рабу Моему!

И вдругъ другимъ голосомъ, похожимъ на голосъ буфетчика Петрухи, когда онъ сердился,—дѣдъ сказалъ Терентію:

— На снаряженье Илюшки въ училище я тебѣ дамъ!.. рублей съ пять... Пескребусь и наберу... Взаймы дамъ... Богатъ будешь — отдашь...

— Дѣдушка!—тихо воскликнулъ Терентій.

— Стой, молчи! А покамѣстъ ты его, мальчишку-то, дай-ка мнѣ,—нечего тутъ ему дѣлать!.. А мнѣ замѣсто процента онъ и послужитъ... Тряпку подниметъ, кость подастъ... Все мнѣ, старику, спины не гнуть...

— Ахъ, ты!.. Господь тебѣ!.. — вскричалъ горбунъ звенящимъ голосомъ.

— Господь—мнѣ, я—тебѣ, ты—ему, а онъ—опять Господу, такъ оно у насъ колесомъ и завертится... И никто никому не долженъ будетъ... Хе-хе-хе-хе! Ми-ила-ай! Э-эхъ, братъ ты мой! Жилъ я, жилъ, глядѣлъ, глядѣлъ—ничего, окромя Бога, не вижу. Все Его, все Ему, все отъ Него, все для Него!..

Илья заснулъ подъ эти тихія рѣчи. А на другой день рано утромъ дѣдъ Еремѣй разбудилъ его и весело сказалъ:

— Айда гулять, Илюшка! Ну-ка живенько! Протирай глядѣлки-то!

Хорошо зажилъ Илья подъ ласковой рукой дѣдушки Еремѣя. Каждый день рано утромъ дѣдъ будилъ мальчика, и оба они вплоть до поздняго вечера ходили по городу, собирая тряпки, кости, рваную бумагу, обломки желѣза, куски кожи. Великъ былъ этотъ городъ, и много любопытнаго было въ немъ, такъ что первое время Илья плохо помогалъ дѣду, а все только разглядывалъ людей и домà, удивлялся всему и обо всемъ разспрашивалъ старика... Еремѣй былъ словоохотливъ. Низко наклонивъ голову и глядя въ землю, онъ ходилъ со двора на дворъ и, постукивая палкой съ желѣзнымъ концомъ, утиралъ слезы съ лица рукавомъ своихъ лохмотьевъ или концомъ грязнаго мѣшка и, не умолкая, пѣвуче, однотонно разсказывалъ своему помощнику:

— А этотъ домъ Пчелина купца, Саввы Петровича. Богатый человѣкъ купецъ Пчелинъ!.. Въ серебрѣ живетъ да въ хрустали...

— Дѣдушка, — спрашивалъ Илья, — а какъ это богатыми дѣлаются?

— А трудятся для этого, работаютъ, значитъ... И день работаютъ и ночь, и все деньги копятъ да копятъ. А какъ накопятъ много — выстроятъ себѣ домъ, заведутъ лошадей, посуду разную и всякое такое... этакое разное. Новое все! И

наймутъ, значитъ, приказчиковъ, дворниковъ и разныхъ тамъ людей, чтобы они ужъ работали, а сами отдыхаютъ—жив тъ. Ну, тогда говорится: разжился человѣкъ честнымъ трудомъ... н-да!.. А то есть, которые отъ грѣха богатѣютъ. Про Пчелина купца говорятъ люди, будто онъ душу погубилъ, когда молодой еще былъ. Можетъ, это отъ зависти сказано, а можетъ, и правда. Злой онъ, Пчелинъ-то, и глазъ у него такой пугливый... Все бѣгаетъ глазъ, все прячется... Но, можетъ, и врутъ про Пчелина... Бываетъ, что человѣкъ богатѣетъ сразу... Просто такъ... Удача ему... Удача на него взглянула... Эхъ— одинъ Богъ въ правдѣ живетъ, а мы всѣ ничего не знаемъ!.. Люди мы! А люди — сѣмена Божіи... сѣмена, душа, люди-то! Посѣялъ насъ Господь на землѣ — растите! а Я погляжу, какой хлѣбъ насущный будетъ изъ васъ... Такъ-то! А вотъ это вотъ — Сабанѣевъ домъ, Митрія Павлыча... Онъ еще Пчелина богаче. И ужъ онъ настоящій злодѣй—я знаю... не сужу, — Богу судить, — а знаю вѣрно... Въ нашей деревнѣ бурмистромъ онъ былъ и всѣхъ насъ продалъ, всѣхъ ограбилъ!.. Долго ему Богъ терпѣлъ это, да и началъ съ нимъ считаться. Перво-на перво—оглохъ Митрій Павловъ, потомъ сына у него лошади убили... А недавно вотъ дочь, слышь, сбѣжала изъ дома...

Старикъ зналъ все и всѣхъ въ городѣ и обо всемъ говорилъ беззлобно, просто. Все, что онъ разсказывалъ, выходило у него какимъ-то чистымъ, точно каждую исторію онъ омывалъ неизсякаемыми слезами своими.

Мальчикъ внимательно слушалъ его, поглядывая на огромные дома, и порой говорилъ:

— Хоть бы глазомъ однимъ въ нутро-то взглянуть!..

— Увидишь! Погоди! Знай, учись да трудись: вырастешь— все увидишь! Можетъ, и самъ разбогатѣешь... Живи, знай... Охо-хо-о! Вотъ я жилъ-жилъ, глядѣлъ-глядѣлъ... глаза-то себѣ и испортилъ... Вотъ онѣ, слезы-то, текутъ да текутъ у меня... и оттого сталъ я тощой да хилый... Истекъ, значитъ, слезой-то, и кровь моя высохла...

Пріятно было Ильѣ слушать увѣренныя и любовныя рѣчи старика о Богѣ, а подъ ихъ ласковые звуки въ сердцѣ мальчика рождалось бодрое и крѣпкое чувство надежды на что-то хорошее, радостное, что ожидало его впереди. Онъ повеселѣлъ и сталъ больше ребенкомъ, чѣмъ былъ первое время жизни въ городѣ.

Онъ съ увлеченіемъ началъ помогать старику рыться въ мусорѣ. Было очень интересно раскапывать палкой кучи разнаго хлама, а особенно пріятно было Ильѣ видѣть радость

старика, когда въ мусорѣ находилось что-нибудь особенное. Однажды Илья отрылъ въ помойной ямѣ большую серебряную ложку, и дѣдъ купилъ ему за это полфунта мятныхъ пряниковъ. Потомъ онъ откопалъ маленькій, покрытый зеленой плѣсенью кошелекъ, а въ немъ оказалось больше рубля денегъ. Порой попадались ножи, вилки, гайки, изломанныя мѣдныя вещи, хорошія жестянки изъ-подъ ваксы и маринованной рыбы, а какъ-то разъ въ оврагѣ, гдѣ сваливался мусоръ со всего города, Илья отрылъ совершенно цѣлый, тяжелый мѣдный подсвѣчникъ. За каждую изъ такихъ цѣнныхъ находокъ дѣдъ покупалъ Ильѣ гостинцевъ.

Находя какую-нибудь диковинку, Илья радостно кричалъ:

— Дѣдушка, гляди-ка, гляди! Вотъ такъ а-яй!

А дѣдъ, суетливо и безпокойно оглядываясь, увѣщевалъ его:

— Да ты не кричи! Не кричи ты!.. ахъ, Господи!..

Онъ всегда пугался, когда находили необыкновенныя вещи, и, быстро выхватывая ихъ изъ рукъ мальчика, пряталъ въ свой огромный мѣшокъ.

— Вотъ такъ поймалъ я рыбину! — хвалился Илья, оживленный удачей.

— Молчи, знай, помалкивай!.. Младенецъ ты милый, — ласково говорилъ старикъ, а слезы все текли и текли изъ его болящихъ, красныхъ глазъ.

— Гляди, дѣдушка, костища-то какая—во!—снова кричалъ Илья.

Кости и тряпки не безпокоили дѣда; онъ бралъ ихъ изъ рукъ мальчика, очищалъ щепочкой грязь съ нихъ и совалъ въ мѣшокъ спокойно. Дѣдъ сшилъ Ильѣ небольшой мѣшокъ, далъ палку съ желѣзнымъ концомъ, и мальчикъ гордился этими вещами. Въ свой мѣшокъ онъ собиралъ разныя коробочки, поломанныя игрушки, красивые черепки, и ему нравилось чувствовать всѣ эти вещи у себя за спиной и слышать, какъ онѣ постукиваютъ тамъ. Собирать все это научилъ его дѣдъ Еремѣй.

— А ты собирай эти штучки и тащи ихъ домой. Принесешь, ребятишекъ обдѣлишь, радость имъ дашь. А хорошо это—радость людямъ дать, любитъ это Господь... Эхъ, сынъ ты мой милый!.. Всѣ-то люди радости хотятъ, а радости на свѣтѣ ма-ало-мало! Такъ-то ли мало, что иной человѣкъ живетъ-живетъ и никогда ея не встрѣтитъ, никогда!..

Городскія свалки нравились Ильѣ больше, чѣмъ хожденіе по дворамъ. На свалкахъ не было никого, кромѣ двухъ-трехъ стариковъ, такихъ же, какъ Еремѣй, и такъ же рывшихся въ мусорѣ, и здѣсь не нужно было оглядываться по сторонамъ,

ожидая дворника съ метлой въ рукахъ, который придетъ и начнетъ браниться нехорошими словами, прогонитъ, да еще иной разъ и ударитъ.

Каждый день Еремѣй, порывшись въ свалкахъ часа два, говорилъ мальчику:

— Будетъ, Илюша, будетъ, милый!.. посидимъ-ка, отдохнемъ давай, поѣдимъ малость!..

Онъ вынималъ изъ-за пазухи ломоть хлѣба, крестясь, разламывалъ его, и они ѣли, а поѣвши, отдыхали съ полчаса, лежа на краю оврага. Оврагъ выходилъ устьемъ на рѣку, и ее видно было имъ. Широкая, серебристо-синяя, она тихо катила мимо оврага свои волны, и, глядя на нее, Ильѣ хотѣлось куда-то плыть по ней. За рѣкою развертывались пустынные зеленые луга, стоги сѣна стояли на нихъ сѣрыми башнями, и далеко на краю земли въ синее небо упиралась темная, зубчатая стѣна лѣса. Было въ лугахъ тихо, ласково, и чувствовалось, что воздухъ тамъ чистый, прозрачный и сладко-пахучій... А здѣсь было душно отъ запаха прѣющаго мусора; запахъ этотъ давилъ грудь, щипалъ въ носу, и отъ этого у Ильи, какъ у дѣда, тоже слезы изъ глазъ потекли...

Лежа на спинѣ, мальчикъ смотрѣлъ въ небо и не видѣлъ конца высотѣ его. Грусть и дрема овладѣвали имъ, какіе-то неясные, огромные образы зарождались въ его воображеніи. Казалось ему, что въ небѣ, неуловимо глазу, плаваетъ кто-то огромный, прозрачно-свѣтлый, ласково-грѣющій, добрый и строгій, и что онъ, мальчикъ, вмѣстѣ съ дѣдомъ и всею землей, поднимается къ нему туда, въ бездонную высь, въ ея голубое сіянье, въ чистоту и свѣтъ ея... И сердце его сладко замирало въ чувствѣ тихой, покойной радости.

Вечеромъ, возвращаясь домой, Илья входилъ на дворъ съ важнымъ и недоступнымъ видомъ человѣка, который хорошо поработалъ, желаетъ отдохнуть и совсѣмъ не имѣетъ времени заниматься пустяками, какъ всѣ другіе мальчишки и дѣвчонки. Всѣмъ дѣтямъ на дворѣ онъ внушалъ почтеніе къ себѣ своей солидной осанкой и мѣшкомъ за плечами, въ которомъ всегда ужъ лежали разныя интересныя штуки...

Дѣдъ, улыбаясь ребятишкамъ, говорилъ имъ какую-нибудь шутку.

— Вотъ и пришли Лазари, весь городъ облазили, вездѣ напроказили!.. Илька! Иди, помой рожу да приходи въ трактиръ чай пить!..

Илья вразвалку шелъ къ себѣ въ подвалъ, а ребятишки гурьбой слѣдовали за нимъ, осторожно ощупывая содержимое его мѣшка. Только Пашка дерзко, загораживая дорогу Ильѣ, говорилъ:

— Эй, встошникъ! Ну-ка, кажи, что̀ принесъ...

— Погодишь! — говорилъ Илья сурово. — Напьюсь чаю, покажу...

Въ трактирѣ его встрѣчалъ дядя, ласково улыбаясь.

— Пришелъ, работничекъ? Ахъ, ты, сердяга!.. усталъ?

Ильѣ было пріятно слышать, что его называютъ работникомъ, а слышалъ это онъ не отъ дяди только. Однажды Пашка что-то созорничалъ; Савелъ поймалъ его, ущемилъ въ колѣни Пашкину голову и, нахлестывая его веревкой, приговаривалъ:

— Не озоруй, шельма, не озоруй! На̀ вотъ тебѣ, на̀! на̀! Другіе ребята въ твои годы сами себѣ хлѣбъ добываютъ, а ты только жрешь да одежу дерешь!..

Пашка визжалъ на весь дворъ и дрыгалъ ногами, а веревка все шлепалась объ его спину. Илья со страннымъ удовольствіемъ слушалъ болѣзненные и злые крики своего врага, но слова кузнеца наполнили его сознаніемъ своего превосходства надъ Пашкой, и тогда ему стало жаль мальчика.

— Дядя Савелъ, брось! — вдругъ закричалъ онъ. — Дядя Савелъ!

Кузнецъ ударилъ сына еще разъ и, взглянувъ на Илью, сказалъ сердито:

— А ты—цыцъ! Заступникъ!.. Вотъ я те дамъ!..—Потомъ онъ отшвырнулъ сына въ сторону и ушелъ въ кузницу. Пашка всталъ на ноги и, спотыкаясь, какъ слѣпой, пошелъ въ темный уголъ двора. Илья отправился за нимъ, полный жалости къ нему. Придя въ уголъ, Пашка сталъ на колѣни, упершся лбомъ въ заборъ и, гладя руками поясницу, началъ выть еще громче. Ильѣ захотѣлось сказать что-нибудь ласковое избитому врагу, но онъ только спросилъ Пашку:

— Больно?

— У-уйди!—крикнулъ тотъ.

Этотъ злой крикъ обидѣлъ Илью, и онъ поучительно заговорилъ:

— Вотъ ты самъ всѣхъ колотишь, вотъ и...

Но раньше, чѣмъ договорилъ онъ, Пашка бросился на него и сшибъ его съ ногъ. Илья тоже освирѣпѣлъ, вцѣпился въ него, и оба они комомъ покатились по землѣ. Пашка кусался и царапался, а Илья, схвативъ его за волосы, колотилъ о землю его голову до поры, пока Пашка не закричалъ:

— Пусти-и!

— То-то!—сказалъ Илья, вставая на ноги, гордый своей побѣдой.—Видалъ? Я сильнѣе-то! Значитъ, ты меня не задирай теперь, а то я и еще побью тебя!..

Онъ отошелъ прочь, отирая рукавомъ рубахи въ кровь расцарапанное лицо. Среди двора стоялъ кузнецъ, мрачно нахмуривъ брови. Илья, увидѣвъ его, вздрогнулъ отъ страха и остановился, увѣренный, что сейчасъ кузнецъ изобьетъ его за сына. Но тотъ повелъ плечами и сказалъ:

— Ну, чего уставилъ буркалы на меня? Не видалъ раньше? Иди, куда идешь!..

А вечеромъ, поймавъ Илью за воротами, Савелъ легонько щелкнулъ его пальцемъ въ темя и, сумрачно улыбнувшись, спросилъ:

— Какъ дѣлишки, мусорщикъ? а?

Илья радостно хихикнулъ,—онъ былъ счастливъ. Сердитый кузнецъ, самый сильный мужикъ на дворѣ, котораго всѣ боялись и уважали, шутитъ съ нимъ. Кузнецъ схватилъ его желѣзными пальцами за плечо и добавилъ ему еще радости.

— Ого-о!—сказалъ онъ.—Да ты—крѣпкій мальчишка! Не скоро износишься, нѣтъ, парень!.. Ну, расти!.. Вырастешь—я тебя въ кузню возьму!..

Илья охватилъ у колѣна огромную ногу кузнеца и крѣпко прижался къ ней грудью. Должно-быть, Савелъ ощутилъ трепетъ маленькаго сердца, задыхавшагося отъ его грубой ласки: онъ положилъ на голову Ильи свою тяжелую руку, помолчалъ немножко и густо молвилъ:

— Э-э-хъ, сирота!.. ну-ка, пусти-ка!..

Сіяющій и веселый принялся Илья въ этотъ вечеръ за обычное свое занятіе—раздачу собранныхъ за день диковинокъ. Дѣти уже давно ждали его. Они усѣлись вокругъ Ильи на землю и жадными глазами глядѣли на грязный мѣшокъ. Илья доставалъ изъ мѣшка лоскутки ситца, деревяннаго солдатика, полинявшаго отъ невзгодъ, коробку изъ-подъ ваксы, помадную банку, чайную чашку безъ ручки и съ выбитымъ краемъ.

— Это мнѣ, мнѣ, мнѣ!—раздавались завистливые крики, и маленькія, грязныя ручонки тянулись со всѣхъ сторонъ къ рѣдкостнымъ вещамъ.

— Погоди! Не хватай!—командовалъ Илья.—Развѣ игра будетъ, коли вы все сразу растащите? Ну, открываю лавочку! Продаю кусокъ ситцу... Самый лучшій ситецъ! Цѣна—полтина!.. Машка, покупай!

— Купила,—отвѣчалъ Яковъ за сапожникову дочь и, доставая изъ кармана заранѣе приготовленный черепокъ, совалъ его въ руку торговцу. Но Илья не бралъ.

— Ну, какая это игра? А ты торгуйся, чо-ортъ! Никогда ты не торгуешься!.. Развѣ такъ бываетъ?

— Я забылъ!—оправдывался Яковъ. И начинался упорный торгъ; продавецъ и покупатели увлекались имъ, а въ это время Пашка ловко похищалъ изъ кучи то, что̀ ему нравилось, убѣгалъ прочь и, приплясывая, дразнилъ ихъ:

— А я укралъ! А я укралъ! Розини вы! Дураки, черти!

Сначала онъ такими поступками приводилъ всѣхъ въ изступленіе: маленькіе кричали и плакали, а Яковъ и Илья бѣгали по двору за воромъ и почти никогда не могли схватить его. Потомъ къ его выходкамъ привыкли, уже не ждали отъ него ничего хорошаго, единодушно не взлюбили его и не играли съ нимъ. Пашка жилъ въ сторонѣ и усердно старался дѣлать всѣмъ что-нибудь непріятное. А большеголовый Яковъ возился, какъ няпька, съ курчавой дочерью сапожника. Она принимала его заботы о ней, какъ должное и хотя звала его Яшечка, но частенько царапала и била. Дружба съ Ильей крѣпла у него, и онъ постоянно разсказывалъ товарищу какіе-то странные сны.

— Будто у меня множество денегъ и все рубли, агромадный мѣшокъ. И вотъ я тащу его по лѣсу. Вдругъ—разбойники идутъ. Съ ножами, страшные! Я—бѣжать! И вдругъ, будто, въ мѣшкѣ-то затрепыхалось что-то... Какъ я его брошу! А изъ него птицы разныя ф-р-р!.. Чижи, синицы, щеглята—видимо-невидимо! Подхватили онѣ меня и понесли, понесли высоко-высоко!

Онъ прерывалъ разсказъ, глаза его выкатывались, лицо принимало овечье выраженіе...

— Ну? — поощрялъ его Илья, нетерпѣливо ожидая конца.

— Такъ я совсѣмъ и улетѣлъ!..—задумчиво доканчивалъ Яковъ.

— Куда?

— А... такъ ужъ... совсѣмъ!

— Эхъ, ты!—разочарованно и пренебрежительно говорилъ Илья.—Ничего не помнишь!..

Изъ трактира выходилъ дѣдъ Еремѣй и, приставивъ ладонь ко лбу, кричалъ:

— Илюшка! Ты гдѣ? Иди-ка спать, пора!.

Илья послушно шелъ за старикомъ и укладывался на свое ложе—большой куль, набитый сѣномъ. Сладко спалось ему на этомъ кулѣ, хорошо жилъ онъ съ тряпичникомъ, но скоро промелькнула эта пріятная и легкая жизнь.

Дѣдушка Еремѣй сдержалъ свое обѣщаніе: онъ купилъ Ильѣ сапоги, большое тяжелое пальто, шапку, и вотъ маль-

чика отдали въ школу. Онъ пошелъ туда съ любопытствомъ и страхомъ, а воротился обиженный, унылый, со слезами на глазахъ: мальчики узнали въ немъ спутника дѣдушки Еремѣя и хоромъ начали дразнить:

— Тряпичникъ! Вонючій! Вонючій! Тряпичникъ!

Иные щипали его, другіе показывали языки, а одинъ подошелъ къ нему, потянулъ воздухъ носомъ и съ гримасой отскочилъ, громко крикнувъ:

— Вотъ такъ вонько̀ пахнетъ!

— Что̀ они дразнятся?—съ недоумѣніемъ и обидой спрашивалъ онъ дядю.—Али это зазорно, тряпки-то собирать?

— Ничего-о!—гладя мальчика по головѣ, говорилъ Терентій, скрывая свое лицо отъ вопрошающихъ и пытливыхъ глазъ племянника.—Это они такъ... просто озоруютъ... Ничего! Ты потерпи!.. Они привыкнутъ... И ты привыкнешь...

— И надъ сапогами смѣются и надъ пальтомъ!.. Чужое, говорятъ, изъ помойной ямы вытащено!..

Дѣдъ Еремѣй, весело подмигивая глазомъ, тоже утѣшалъ его:

— Терпи, знай! Онъ зачтетъ!.. Онъ-то? Милый? Кромѣ Его—никого!

Старикъ говорилъ о Богѣ съ такой радостью, съ такой вѣрой въ Его справедливость, точно зналъ всѣ мысли Бога и проникъ во всѣ Его намѣренія. И слова Еремѣя на время гасили обиду въ сердцѣ мальчика, но на другой же день она вспыхивала еще сильнѣе. Илья уже привыкъ считать себя величиной, работникомъ: съ нимъ даже кузнецъ Савелъ говорилъ благосклонно, а школьники смѣялись надъ нимъ и дразнили его. Онъ не могъ помириться съ этимъ: обидныя и горькія впечатлѣнія школы съ каждымъ днемъ все увеличивались, все глубже врѣзывались въ память его сердца. Посѣщеніе школы стало для него тяжелой и непріятной обязанностью. Держался онъ въ ней одиноко, нелюдимо. Онъ сразу обратилъ на себя вниманіе учителя своей понятливостью; учитель сталъ ставить его въ примѣръ другимъ, а это еще болѣе обостряло отношеніе мальчиковъ къ нему. Сидя на первой партѣ, онъ всегда чувствовалъ у себя за спиной враговъ, а они, постоянно имѣя его передъ своими глазами, тонко и ловко подмѣчали въ немъ все, надъ чѣмъ можно было посмѣяться, и смѣялись. Яковъ учился въ этой же школѣ и тоже былъ на худомъ счету у товарищей; они прозвали его „Бараномъ“. Разсѣянный и неспособный, онъ постоянно подвергался наказаніямъ, но относился къ нимъ равнодушно. Казалось, онъ вообще плохо замѣчалъ то, что̀

творилось вокругъ него, живя какой-то особенной жизнью и въ школѣ и дома. У него были свои думы, и онъ почти каждый день вызывалъ у Ильи удивленіе непонятными вопросами. То онъ сосредоточенно, прищуривая глаза, спрашивалъ:

— Илька! Это отчего бываетъ,—глаза у людей маленькіе, а видятъ все!.. Цѣлый городъ видятъ. Вотъ—всю улицу... Какъ она убирается большая такая?

Сначала Илья задумывался надъ этими странными рѣчами, но потомъ онѣ стали мѣшать ему, отводя мысли куда-то въ сторону отъ тѣхъ событій, которыя задѣвали его. А такихъ событій было много, и мальчикъ уже научился тонко подмѣчать ихъ.

Однажды онъ пришелъ изъ школы домой и, нехорошо оскаливъ зубы, сказалъ дѣду Еремѣю:

— Учитель-то?! Гы-ы!.. Тоже понятливый!.. Вчера лавочника Малафѣева сынъ стекло разбилъ въ окошкѣ, такъ онъ его только пожурилъ легонько, а стекло-то сегодня на свои деньги вставилъ...

— Видишь, какой добрый человѣкъ!—съ умиленіемъ сказалъ Еремѣй.

— Добрый, да-а! А какъ Ванька Ключаревъ разбилъ стекло, такъ онъ его безъ обѣда оставилъ, да потомъ Ванькина отца позвалъ и говоритъ: подай на стекло сорокъ копеекъ!.. А отецъ Ваньку выпоролъ!.. Ишь какіе!

— А ты этого не замѣчай себѣ, Илюша!—посовѣтовалъ ему дѣдъ, безпокойно мигая глазами.—Ты такъ гляди, будто не твое дѣло. Неправду разбирать—Богу принадлежитъ, а не намъ! Мы не можемъ. Мы неправду всегда видимъ, а правды найти не умѣемъ. А Онъ ужъ все свѣситъ!.. Онъ всему мѣру и вѣсъ знаетъ!.. Я вотъ, видишь, жилъ-жилъ, глядѣлъ-глядѣлъ,—столько неправды видѣлъ—сосчитать невозможно! А правды не видалъ!.. Восьмой десятокъ мнѣ пошелъ, однако... И не можетъ того быть, чтобы за такое большое время не было правды около меня на землѣ-то... А я не видалъ... не знаю ея...

— Ну-у!—недовѣрчиво сказалъ Илья.—Тутъ чего знать-то? Коли съ одного сорокъ, такъ и съ другого сорокъ: вотъ и правда!..

Старикъ не согласился съ этимъ. Онъ еще много говорилъ о слѣпотѣ людей и о томъ, что не могутъ они правильно судить другъ друга, а только Божій судъ справедливъ. Илья слушалъ его внимательно, но все угрюмѣе становилось его лицо, и глаза все темнѣли...

— Когда Богъ судить-то будетъ?—вдругъ спросилъ онъ дѣда.

— Невѣдомо это!.. Ударитъ часъ, снизойдетъ Онъ со облакъ судити живыхъ и мертвыхъ... а когда? — невѣдомо... Ты вотъ что, пойдемъ-ка со мной ко всенощной въ субботу...

— Пойдемъ!..

— Ну, вотъ!..

И въ субботу Илья стоялъ со старикомъ на церковной паперти, рядомъ съ нищими, между двухъ дверей. Когда отворялась наружная дверь, Илью обдавало морознымъ воздухомъ съ улицы, у него зябли ноги, и онъ тихонько топалъ ими по каменному полу. А сквозь стекла двери въ церковь онъ видѣлъ, какъ огни свѣчей, сливаясь въ красивые узоры изъ трепетно-живыхъ точекъ золота, освѣщали сверкающій металлъ ризъ, черныя головы людей, лики иконъ, красивую рѣзьбу иконостаса.

Люди въ церкви казались болѣе добрыми и смирными, чѣмъ они были на улицѣ. Они были и красивѣе въ золотомъ блескѣ, освѣщавшемъ ихъ темныя, молчаливо и смирно стоящія фигуры. Когда дверь изъ церкви растворялась, на паперть вылетала душистая отъ ладана, теплая, звучная волна пѣнія; она ласково обливала мальчика, и онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ ее въ себя. Ему было хорошо стоять тутъ, около дѣдушки Еремѣя, шептавшаго молитвы. Онъ слушалъ, какъ по храму носились красивые звуки, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда отворится дверь и они хлынутъ на него, громкіе, радостные, и пахнутъ въ лицо его душистымъ теплом. Онъ зналъ, что на клиросѣ поетъ Гришка Бубновъ, одинъ изъ самыхъ злыхъ насмѣшниковъ въ школѣ, и Ѳедька Долгановъ, силачъ и драчунъ. Но теперь онъ не чувствовалъ ни обиды на нихъ ни злобы къ нимъ, а только немножко завидовалъ. Ему самому хотѣлось бы пѣть на клиросѣ и смотрѣть оттуда на лица людей. Должно-быть, это очень хорошо—пѣть, стоя у золотыхъ царскихъ вратъ, выше всѣхъ людей, и видѣть ихъ спокойныя, мирныя лица. Онъ вышелъ изъ церкви, чувствуя себя добрымъ и готовый помириться и съ Бубновымъ, и съ Долгановымъ, и со всѣми учениками. Но въ понедѣльникъ онъ пришелъ изъ школы такой же, какимъ и прежде приходилъ,—угрюмый и обиженный.

Во всякой толпѣ есть человѣкъ, которому тяжело въ ней, и не всегда для этого нужно быть лучше или хуже ея. Можно возбудить въ ней злое вниманіе къ себѣ, и не обладая выдающимся умомъ или смѣшнымъ носомъ: она выбираетъ себѣ

человѣка для забавы, руководствуясь только желаніемъ за бавляться. Въ данномъ случаѣ выборъ палъ на Илью Лу нева. Онъ навѣрное со временемъ примирился бы съ нею а она съ нимъ, но какъ разъ въ этотъ моментъ въ жизн Ильи произошли событія, которыя подавили его тяжелым впечатлѣніями, сдѣлали школу окончательно неинтересно для него, въ то же время приподняли его надъ ея мелочам и затушевали его воспоминанія о ней.

Началось съ того, что однажды, подходя къ дому вмѣст съ Яковомъ, Илья увидалъ какую-то суету у воротъ.

— Гляди!—сказалъ онъ товарищу,—опять, видно, дерутся? Бѣжимъ!

Они стремглавъ бросились впередъ и, прибѣжавъ, уви дали, что по двору испуганно мечутся какіе-то чужіе люд и кричатъ:

— Полицію зовите! Связать его надо!

Около кузницы люди собрались въ большую, плотную куч и стояли молча, неподвижно. Ребятишки пролѣзли въ центр толпы и попятились назадъ. У ногъ ихъ, на снѣгу, лежал внизъ лицомъ женщина; затылокъ у нея былъ въ крови какомъ-то тѣстѣ, а снѣгъ вокругъ головы былъ густо красен отъ крови. Около нея валялся смятый бѣлый платокъ большія кузнечныя клещи. Въ дверяхъ кузни, скорчившись сидѣлъ Савелъ и смотрѣлъ на руки женщины. Онѣ был вытянуты впередъ, кисти ихъ глубоко вцѣпились въ снѣгъ и голова лежала между ними такъ, точно женщина эта хо тѣла уползти, спрятаться. Брови у кузнеца были сурово на хмурены, лицо осунулось; было видно, что онъ сжалъ зубы скулы торчали двумя большими шишками. Правой рукой он упирался въ косякъ двери; черные пальцы его шевелились какъ когти у кошки, и, кромѣ пальцевъ, все въ кузницѣ был неподвижно.

Люди молча смотрѣли на него; лица у всѣхъ были важ ныя, строгія, и, хотя на дворѣ было шумно и суетно, здѣсь около кузницы,—ни шума ни движенія... Вотъ изъ толпы тяжело вылѣзъ дѣдушка Еремѣй, растрепанный, потный онъ дрожащей рукой протянулъ кузнецу ковшъ воды и сказалъ

— На-ка... испей-ка...

— Не воды ему, разбойнику, а петлю на шею,—сказал кто-то вполголоса

Савелъ взялъ ковшъ лѣвой рукою и пилъ долго-долго. А когда выпилъ всю воду, то посмотрѣлъ въ пустой ковшъ и заговорилъ глухимъ своимъ голосомъ:

— Я се упреждалъ... Перестань, стерва! Говорилъ—гляди

убью! Прощалъ ей... сколько разовъ прощалъ... Не вникла... Ну, и вотъ!.. Пашка-то... Сирота теперь... Дѣдушка... Погляди за нимъ... Тебя вотъ Богъ любитъ... Погляди...

— И-и-эхъ-ты-ы!—печально сказалъ дѣдъ и потрогалъ кузнеца за плечо дрожащей рукой своей, а кто-то изъ толпы опять замѣтилъ:

— Ишь, злодѣй!.. Про Бога говоритъ тоже!..

Тогда кузнецъ вскинулъ на людей страшными глазами и вдругъ звѣремъ заревѣлъ:

— Чего надо? Прочь всѣ!

Крикъ его, какъ плетью, ударилъ толпу. Она глухо заворчала и отхлынула прочь. Кузнецъ поднялся на ноги, шагнулъ къ мертвой женщинѣ, но тотчасъ же повернулся назадъ и—огромный, прямой—ушелъ въ кузню. Всѣ видѣли, что, войдя туда, онъ сѣлъ на наковальню, схватилъ руками голову, точно она вдругъ нестерпимо заболѣла у него, и началъ качаться впередъ и назадъ. Ильѣ стало жалко кузнеца; онъ ушелъ прочь отъ кузницы и какъ во снѣ сталъ ходить по двору отъ одной кучки людей къ другой, слушая разговоры, но ничего не понимая

Явилась полиція и начала гонять людей по двору, а потомъ кузнеца забрали и повели.

— Прощайте... прощай, дѣдушка!—крикнулъ Савелъ, выходя изъ воротъ.

— Прощай, Савелъ Иванычъ, прощай, милый!—торопливо и тонко крикнулъ Еремѣй, порываясь за нимъ.

И, кромѣ старика, никто не простился съ кузнецомъ...

Стоя на дворѣ маленькими кучками, люди разговаривали, сумрачно поглядывая туда, гдѣ лежало тѣло убитой, покрытое рогожей. Въ дверяхъ кузни, на мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ Савелій, теперь помѣстился будочникъ съ трубкой въ зубахъ. Онъ курилъ, сплевывалъ слюну и, мутными глазами глядя на дѣда Еремѣя, слушалъ его рѣчь.

— Развѣ онъ убилъ?—таинственно и тихо говорилъ старикъ.—Черная сила это, она это! Человѣкъ человѣка не можетъ убить... Человѣкъ—добро, онъ Богоносецъ... Не онъ убиваетъ, неправда это, люди добрые!

Еремѣй прикладывалъ руки къ своей груди, отмахивая ими что-то отъ себя, кашлялъ и продолжалъ объяснять людямъ тайну событія.

— Давно ему черный нашептывалъ въ мысли-то: убей, дескать!

— Давно, говоришь?—важно освѣдомился полицейскій.

— Давно-о! Твоя, дескать, она. А это неправда... Лошадь—

моя... Собака моя... а жена—Богова!.. Она—человѣкъ!.. Она всѣ труды-тягости отъ Господа приняла въ раю и несетъ купно съ нами, мужиками... А черный-то все и гвоздитъ: убей, твоя!.. Ему надо, чтобы человѣкъ противъ Бога шелъ... Онъ самъ противъ Бога идетъ и въ человѣкѣ помощника ищетъ...

— Однако клещами-то се не чортъ двинулъ, а кузнецъ,— сказалъ полицейскій и сплюнулъ.

— А кто ему внушилъ?—вскричалъ дѣдъ.—Ты разгляди, кто внушилъ?

— Погоди!—сказалъ полицейскій.—Онъ кто тебѣ, кузнецъ этотъ? Сынъ?

— Нѣтъ, гдѣ тамъ!..

— Погоди! Родня онъ тебѣ?

— Нѣ-ѣтъ. Нѣтъ у меня родни...

— Постой! Такъ чего же ты безпокоишься?

— Я-то? А, Господи...

— Я тебѣ вотъ что̀ скажу,—строго молвилъ полицейскій,— все это ты отъ старости лопочешь... И—пошелъ прочь!

Будочникъ выпустилъ изъ угла губъ густую струю дыма и отвернулся отъ старика. Но Еремѣй взмахнулъ руками и вновь заговорилъ быстро, визгливо.

Илья, блѣдный, съ расширенными глазами, отошелъ отъ кузницы и остановился у группы людей, въ которой стояли извозчикъ Макаръ, Перфишка, Матица и другія женщины съ чердака.

— Она, милые, еще до свадьбы погуливала! — говорила одна изъ женщинъ. — Я это знаю! Еще, можетъ, Пашка-то не кузнеца сынъ, а учителя изъ гимназіи, что̀ у лавочника Малафѣева жилъ... пилъ-то все...

— Это что̀ застрѣлился который?—спросилъ Перфишка.

— Вотъ, вотъ!.. Она съ нимъ и начала...

— Однако за все за это не того...—степенно говорилъ Макаръ. — Этакъ-то больно ужъ просто...—Онъ свою бабу пристукнетъ, я свою.

— Подбирать не успѣютъ!—сказалъ веселый сапожникъ Перфишка.—У меня вонъ тоже жена ни къ чему не служитъ, однако я терплю...

— Терпишь ты, чортъ!—угрюмо сказала Матица.

А безногая жена Перфишки тоже вылѣзла на дворъ и, вся закутавшись въ какіе-то лохмотья, сидѣла на своемъ мѣстѣ у входа въ подвалъ. Руки ея неподвижно лежали на колѣняхъ; она подняла голову и смотрѣла черными глазами на небо. Губы ея были плотно сжаты, концы ихъ спустились

книзу. Илья тоже сталъ смотрѣть то въ глаза женщины, то въ глубину неба, и ему подумалось, что, можетъ-быть, Перфишкина жена видитъ Бога и молча проситъ Его о чемъ-то.

Вскорѣ всѣ ребятишки тоже собрались въ тѣсную кучку у входа въ подвалъ. Зябко кутаясь въ свои одежки, они сидѣли на ступеняхъ лѣстницы и, подавленные жуткимъ любопытствомъ, слушали разсказъ Савелова сына. Лицо у Пашки осунулось, а его лукавые глаза глядѣли на всѣхъ безпокойно и растерянно. Но онъ чувствовалъ себя героемъ: никогда еще люди не обращали на него столько вниманія, какъ сегодня. Разсказывая въ десятый разъ одно и то же, онъ говорилъ какъ бы нехотя, равнодушно:

— Какъ ушла она третьяго-дня, такъ еще тогда отецъ зубами заскрипѣлъ и съ той поры такъ и былъ злющій, рычитъ. Меня то и дѣло за волосья деретъ... Я ужъ вижу—ого! И вотъ она пришла. А квартира-то заперта была — мы въ кузнѣ были. Я стоялъ у мѣховъ. Вотъ, вижу, она подошла, стала въ двери и говоритъ: дай-ка ключъ! А отецъ-то взялъ клещи и пошелъ на нее... Идетъ это онъ тихо такъ, будто крадется... Я даже глаза зажмурилъ — страшно! Хотѣлъ ей крикнуть: бѣги, мамка! Не крикнулъ... Открылъ глаза, а онъ все идетъ еще! Глазищи горятъ! Тутъ она пятиться начала... А потомъ обернулась задомъ къ нему, видно, бѣжать хотѣла...

Лицо у Пашки дрогнуло, все его худое, угловатое тѣло задергалось. Глубокимъ вздохомъ онъ глотнулъ много воздуха и выдохнулъ его протяжно, сказавъ:

— Тутъ онъ ее клещами ка-акъ брякнетъ!

Неподвижно сидѣвшія дѣти зашевелились.

— Она взмахнула руками и упала... какъ въ воду мырнула...

Онъ замолчалъ, взялъ въ руки какую-то щепочку, внимательно осмотрѣлъ ее и бросилъ ее куда-то черезъ головы дѣтей. Они всѣ тоже сидѣли молча и неподвижно, какъ будто ждали отъ него чего-то еще. Но онъ молчалъ, низко наклонивъ голову.

— Совсѣмъ убилъ?—спросила Маша тонкимъ, дрожащимъ голосомъ.

— Дура!—не поднявъ головы, сказалъ Пашка.

Яковъ обнялъ дѣвочку и подвинулъ ее ближе къ себѣ, а Илья подвинулся къ Пашкѣ, тихо спросивъ его:

— Тебѣ ее жалко?

— А что тебѣ за дѣло? — сердито отозвался Пашка. Всѣ сразу и молча взглянули на него.

— Вотъ она все гуляла,—раздался звонкій голосъ Маши, но Яковъ торопливо и безпокойно перебилъ ея рѣчь:

— Загуляешь! Вонъ онъ какой былъ, кузнецъ-то!.. Черный всегда, страшный, урчитъ!.. А она веселая была, какъ Перфишка... И было ей скучно... съ кузнецомъ...

Пашка взглянулъ на него и заговорилъ угрюмо, солидно, какъ большой:

— Я ей говорилъ: смотри, мамка! Онъ тебя убьетъ!.. Не слушала... Бывало, только проситъ, чтобъ ему не сказывалъ ничего... Гостинцы за это покупала. А фетьфебель все пятаки мнѣ дарилъ. Я ему принесу записку, а онъ мнѣ сейчасъ пятакъ дастъ... Онъ — добрый!.. Силачъ такой... Усищи у него...

— А сабля есть? — спросила Маша.

— Еще какая! — отвѣтилъ Пашка и съ гордостью прибавилъ:—Я ее разъ вынималъ изъ ножень,—чижолая, дьяволъ!

Яковъ задумчиво сказалъ:

— Вотъ и ты теперь сирота... какъ Илюшка...

— Какъ бы не такъ,—недовольно отозвался сирота. — Ты думаешь, я тоже въ тряпичники пойду? Наплевалъ я!

— Я не про то...

— Я теперь, что̀ хочу, то и дѣлаю!.. — поднявъ голову и сердито сверкая глазами, говорилъ Пашка гордымъ голосомъ. — Я не сирота... а просто... одинъ буду жить. Вотъ отецъ-то не хотѣлъ меня въ училище отдать, а теперь его въ острогъ посадятъ... А я пойду въ училище, да и выучусь... еще получше вашего!

— А гдѣ одежу возьмешь? — спросилъ его Илья, усмѣхаясь съ торжествомъ. — Въ училище дранаго-то не больно еще примутъ!.. Что̀?

— Одежу? А я... кузницу продамъ!

Всѣ взглянули на Пашку съ уваженіемъ, а Илья почувствовалъ себя побѣжденнымъ. Пашка замѣтилъ впечатлѣніе и понесся еще выше.

— Я еще лошадь себѣ куплю... живую, всамдѣлишную лошадь! И буду ѣздить въ училище верхомъ!..

Ему такъ понравилась эта мысль, что онъ даже улыбнулся, хотя улыбка была какая-то пугливая,—мелькнувъ на губахъ, она тотчасъ же исчезла.

— Бить тебя ужъ никто теперь не будетъ, — вдругъ сказала Маша Пашкѣ, глядя на него съ завистью.

— Найдутся охотники!—увѣренно возразилъ Илья.

Пашка взглянулъ на него и, ухарски сплюнувъ въ сторону, спросилъ:

— Ты, что ли? Суньcя-ка!

Снова вмѣшался Яковъ.

— А какъ чудно, братцы!.. былъ человѣкъ и ходилъ, го-
оорилъ и все... какъ всѣ,—живой былъ, а ударили клещами
о головѣ—его и нѣтъ!..

Ребятишки, всѣ трое, внимательно посмотрѣли на Якова,
у него глаза полѣзли на лобъ и остановились, смѣшно вы-
ученные.

— Да-а! — сказалъ Илья. — Я тоже думаю про это...

— Говорятъ — умеръ, — тихо и таинственно продолжалъ
Іковъ, — а что такое умеръ?

— Душа улетѣла,—сумрачно пояснилъ Пашка.

— На небо, — добавила Маша и, прижавшись къ Якову,
зглянула на небо. Тамъ уже загорались звѣзды; одна изъ
ихъ,—большая, яркая и не мерцающая,—была ближе всѣхъ
ѣ землѣ и смотрѣла на нее холоднымъ, неподвижнымъ окомъ.
а Машей подняли головы кверху и трое мальчиковъ. Пашка
зглянулъ и тотчасъ же убѣжалъ куда-то. Илья смотрѣлъ
олго, пристально, со страхомъ въ глазахъ и въ одну точку,
большіе глаза Якова блуждали въ синевѣ небесъ такъ,
очно онъ искалъ тамъ чего-то.

— Яшка!—окликнулъ его товарищъ, опуская голову.

— А?

— Я вотъ все думаю...—голосъ Ильи оборвался.

— Про что?—тоже тихонько спросилъ Яковъ.

— Про всѣхъ...

— Ну?

— Какъ они... Неладно какъ-то... Убили человѣка... всѣ
уетятся, бѣгаютъ... говорятъ разное... А никто не заплакалъ...
никто не пожалѣлъ...

— Да-а... Еремѣй плакалъ...

— Онъ всегда ужъ... А Пашка-то какой? Ровно сказку
азсказывалъ...

— Онъ форситъ... Ему жаль, да онъ насъ стыдится пла-
ать-то... А вотъ теперь побѣжалъ и, чай, такъ-то ли реветъ...
ержись только!

Они посидѣли нѣсколько минутъ молча, плотно прижавшись
ругъ къ другу.

Маша уснула на колѣняхъ Якова, а лицо ея такъ и оста-
ось обращеннымъ къ небу.

— А страшно тебѣ?—уже шопотомъ спросилъ Яковъ.

— Страшно,—такъ же отвѣтилъ Илья.

— Теперь душа ея ходить будетъ тутъ...

— Да-а... Машка-то спитъ...

— Надо стащить ее домой... А и шевелиться-то боязно...

— Идемъ вмѣстѣ.

Яковъ положилъ голову спящей дѣвочки на плечо соб
охватилъ руками ея тонкое тѣльце и съ усиліемъ подняло
на ноги, шопотомъ говоря:

— Погоди, Илья, я впередъ пойду...

Онъ пошелъ, покачиваясь подъ тяжестью ноши, а Иль
шелъ сзади, почти упираясь носомъ въ затылокъ товарищ
И ему чудилось, что кто-то невидимый идетъ за нимъ, ды
шитъ холодомъ въ его шею и вотъ-вотъ схватитъ его. Он
толкнулъ товарища въ спину и чуть слышно шепнулъ ем

— Иди скорѣе!..

Вслѣдъ за этимъ событіемъ началъ прихварывать дѣдушк
Еремѣй. Онъ все рѣже выходилъ собирать тряпки, а оста
вался дома и скучно бродилъ по двору или лежалъ у себ
въ своей темной конурѣ. Приближалась весна, и во дн
когда на ясномъ небѣ ласково сіяло теплое солнце, старик
сидѣлъ гдѣ-нибудь на припекѣ, озабоченно высчитывая что-т
на пальцахъ и беззвучно шевеля губами. Сказки дѣтямъ он
сталъ разсказывать рѣже и хуже. Заговоритъ и вдругъ за
кашляется. Въ груди у него что-то хрипѣло, точно просилос
на волю.

— Будетъ ужъ тебѣ! — увѣщевала его Маша, любивша
сказки больше всѣхъ.

— Но...г-годи!.. — задыхаясь, говорилъ старикъ. — Погоди
сейчасъ... отступитъ...

Но кашель не отступалъ, а еще сильнѣе трясъ изсохше
тѣло старика. Иногда ребятишки такъ и расходились, не до
ждавшись конца сказки, и когда они уходили, дѣдъ смотрѣл
на нихъ какъ-то особенно жалобно.

Илья замѣтилъ, что болѣзнь дѣда очень безпокоитъ буфет
чика Петруху и дядю Терентія. Петруха по нѣскольку раз
въ день появлялся на черномъ крыльцѣ трактира, и, отыскав
веселыми, сѣрыми глазами старика, спрашивалъ его:

— Какъ дѣлишки, дѣдка? Полегче, что ли?

Коренастый, въ розовой ситцевой рубахѣ, онъ ходилъ, за
сунувъ руки въ карманы широкихъ суконныхъ штановъ, за
правленныхъ въ блестящіе сапоги съ мелкимъ наборомъ. В
карманахъ у него всегда побрякивали деньги. Его кругла
голова уже начинала лысѣть со лба, но на ней еще мног
было кудрявыхъ русыхъ волосъ, и онъ всегда молодецк
встряхивалъ ими. Илья не любилъ его и раньше, но тепер
это чувство все росло у мальчика. Онъ зналъ, что Петрух
не любитъ дѣда Еремѣя. Однажды онъ слышалъ, какъ буфет
чикъ училъ дядю Терентія:

— Ты, Тереха, надзирай за нимъ! Онъ—скаредъ!.. У него, ай, въ подушкѣ-то, поди, накоплено немало. Не зѣвай! Ему, старому кроту, вѣку немного осталось; ты съ нимъ въ ружбѣ, а у него—ни души родной!.. Сообрази, красавецъ!..

Вечера дѣдушка Еремѣй попрежнему проводилъ въ трактирѣ коло Терентія, разговаривая съ горбуномъ о Богѣ, правдѣ дѣлахъ человѣческихъ. Горбунъ, живя въ городѣ, сталъ ще уродливѣе. Онъ какъ бы вымокъ въ своей работѣ; глаза него стали тусклые, пугливые, тѣло точно растаяло въ рактирной жарѣ. Грязная рубашка постоянно вползала на орбъ, обнажая поясницу. Разговаривая съ кѣмъ-нибудь, Тентій все время держалъ руки за спиной и оправлялъ рушку быстрымъ движеніемъ рукъ, — казалось, что онъ пряетъ что-то въ свой огромный горбъ.

Когда дѣдушка Еремѣй сидѣлъ на дворѣ, Терентій тоже ыходилъ на крыльцо и смотрѣлъ на него, прищуривая глаза прислоняя ладонь ко лбу. Желтая бороденка на его остромъ ицѣ вздрагивала, когда онъ спрашивалъ слабымъ и виноатымъ голосомъ:

— Дѣдушка Ерема! Не надо ли чего?

— Спасибо!.. Не надо... ничего ужъ не надо... — отвѣчалъ тарикъ.

Горбунъ медленно повертывался на тонкихъ ногахъ и ухоилъ. А старику съ каждымъ днемъ становилось все хуже.

— Видно, ужъ не оправиться мнѣ,—сказалъ онъ однажды Ильѣ, сидѣвшему рядомъ съ нимъ. — Видно, время ужъ поирать! Только...

Еремѣй подозрительно оглянулся вокругъ и шопотомъ проолжалъ:

— Рано, Илюша! Дѣла я моего не сдѣлалъ!.. Не успѣлъ! Деньги-то... копилъ я деньги, семнадцать годовъ копилъ... На церковь накопить думалъ... Думалъ въ деревнѣ своей храмъ Божій построить... Нужно это... охъ, нужно людямъ Божіи храмы имѣть. Одно убѣжище намъ — у Бога... Мало накопилъ я... не хватитъ... И тѣ, что есть, куда дѣвать — не знаю... Господи, научи!.. А ужъ воронье летаетъ, каркаетъ, чуетъ кусъ!.. Илюша, ты знай: деньги у меня есть... Не говори никому, а знай!..

Илья выслушалъ рѣчь старика, почувствовалъ себя носителемъ большой и важной тайны и понялъ, кто это воронье, о которомъ со страхомъ и скорбью говорилъ старикъ.

А черезъ нѣсколько дней, придя изъ школы и раздѣваясь въ своемъ углу, Илья услыхалъ въ конуркѣ дѣдушки Еремѣя странные звуки. Кто-то бормоталъ, всхлипывалъ и кряхтѣлъ,

точно его душили. Порой раздавалось ясно выдѣлявшееся шипѣніе:

— Кш... кшш... про-очь!..

Мальчикъ боязливо толкнулся въ дверь къ дѣду,—она была заперта. Тогда онъ дрожащимъ голосомъ крикнулъ:

— Дѣдушка!

А изъ-за двери раздавался въ отвѣтъ ему торопливый, задыхающійся шопотъ:

— Кшш!.. Господи... помилуй... помилуй... помилуй... — И вдругъ стало тихо. Илья отскочилъ отъ двери, не зная, что дѣлать, но тотчасъ же прислонилъ лицо къ щели въ переборкѣ и замеръ на мѣстѣ, весь вздрагивая. Въ крошечной комнатѣ старика стояла мутная мгла. Свѣтъ едва проникалъ туда сквозь грязное, маленькое окно. Было слышно, какъ въ стекла бьютъ брызги весенней капели и въ яму предъ окномъ течетъ со двора вода. Илья присмотрѣлся и увидалъ, что старикъ лежитъ на своей постели вверхъ грудью и молча размахиваетъ руками.

— Дѣдушка!—тоскливо окрикнулъ мальчикъ.

Старикъ вздрогнулъ, приподнялъ голову и громко забормоталъ:

— Кш... Петруха... гляди, Бо-огъ! Это Ему! это на храмъ Ему... Кш... Вòронъ ты... Господи... Твое... Тво-ое!.. Сохрани... спаси... помилуй... помилуй, помилуй...

Илья дрожалъ отъ ужаса, но не могъ уйти. И онъ видѣлъ, какъ безсильно мотавшаяся въ воздухѣ, черная и сухая рука Еремѣя грозила кому-то невидимому крючковатымъ пальцемъ.

— Гляди... Богово!.. не моги!..

А потомъ дѣдъ весь подобрался, съежился и—вдругъ сѣлъ на своемъ ложѣ. Бѣлая борода его трепетала, какъ крыло летящаго голубя. Онъ протянулъ руки впередъ и, сильно толкнувъ ими кого-то, свалился на полъ.

Илья взвизгнулъ и бросился вонъ. А въ ушахъ у него шипѣло, преслѣдуя его:

— Кш... кш...

Мальчикъ вбѣжалъ въ трактиръ и, задыхаясь, крикнулъ:

— Дядя! померъ...

Терентій охнулъ, затопалъ ногами на одномъ мѣстѣ и сталъ судорожно оправлять рубаху, глядя на Петруху, стоявшаго за буфетомъ.

— Дядя, иди скорѣе!..

— Ну, что̀ жъ ты?—строго сказалъ Петруха.—Иди! Царство небесное! Хорошій былъ старичокъ, между прочимъ... Пойду и я... погляжу... Илья, ты побудь здѣсь... понадобится что̀,

прибѣги за мной, — слышишь? Яковъ, постой за буфетомъ... Я скоро приду...

Петруха пошелъ вонъ изъ трактира, не торопясь, громко стукая каблуками, и оба мальчика слышали, какъ за дверями онъ снова сказалъ горбуну:

— Иди, иди... дурья голова...

Илья былъ сильно испуганъ всѣмъ, что̀ онъ видѣлъ и слышалъ, но этотъ испугъ не мѣшалъ ему замѣчать все, что̀ творилось вокругъ.

— Ты видѣлъ, какъ онъ помиралъ?—спросилъ Яковъ изъ-за стойки.

Илья посмотрѣлъ на него и отвѣтилъ вопросомъ же:

— А зачѣмъ они пошли туда?..

— Смотрѣть!.. ты же ихъ позвалъ!..

Илья промолчалъ. Потомъ онъ крѣпко закрылъ глаза и заговорилъ:

— Ну, и страшно!.. Какъ онъ его толкалъ!..

— Кого?—любопытно вытянувъ голову, спросилъ Яковъ.

— Чорта!—отвѣтилъ Илья, подумавъ.

— Ты видѣлъ?

— А?

— Ты чорта видѣлъ? — подбѣгая къ нему, тихо крикнулъ Яковъ. Но товарищъ его опять закрылъ глаза и не отвѣчалъ.

— Испугался?—дергая его за рукавъ, спрашивалъ Яковъ.

— Погоди!—вдругъ таинственно сказалъ Илья. — Я... выбѣгу я... на минуту... ладно? А ты отцу не говори,—ладно?

— Ладно! А потомъ бѣги сюда...

Подгоняемый своей догадкой, Илья бѣгомъ бросился изъ трактира и черезъ нѣсколько секундъ былъ уже въ подвалѣ. Осторожно, безшумно, какъ мышенокъ, онъ подкрался къ щели въ перегородкѣ и вновь прильнулъ къ ней. Дѣдъ былъ еще живъ,—онъ хрипѣлъ... Но Илья не видѣлъ его: тѣло умирающаго старика валялось на полу у ногъ двухъ живыхъ черныхъ фигуръ.

Во мглѣ онѣ обѣ сливались въ одну большую, уродливую. Потомъ Илья разглядѣлъ, что его дядя, стоя на колѣняхъ у ложа старика, держитъ подушку и торопливо зашиваетъ ее. Былъ ясно слышенъ шорохъ нитки, продергиваемой сквозь матерію. Петруха стоялъ сзади Терентія, наклонясь надъ нимъ. Вотъ онъ встряхнулъ волосами и укоризненно зашепталъ:

— Скорѣе... уродъ... Говорилъ я тебѣ — держи наготовѣ иглу съ ниткой... Такъ нѣтъ... вдѣвать пришлось... Эхъ, ты, тюря! Хорошенько-то не умѣлъ поглядѣть... Но, между прочимъ, Богъ съ нимъ! Будетъ и того!.. Слышишь? Да ты приди въ себя, чучело!

Спокойный шопотъ Петрухи, клокочущіе вздохи умирающаго, шорохъ нитки и жалобный звукъ воды, стекавшей въ яму предъ окномъ,—всѣ эти звуки сливались въ глухой шумъ, отъ котораго въ сознаніи мальчика все помутилось. Онъ тихо откачнулся отъ стѣны и пошелъ вонъ изъ подвала. Большое черное пятно вертѣлось, какъ колесо, передъ его глазами и шипѣло, отъ этого у Ильи кружилась голова и было ему тошно. Идя по лѣстницѣ въ трактиръ, онъ крѣпко цѣплялся руками за перила и съ усиліемъ поднималъ ноги, а дойдя до двери, онъ сталъ въ ней и тихо заплакалъ. Предъ нимъ вертѣлся Яковъ и что-то говорилъ ему. Потомъ его толкнули въ спину, и раздался голосъ Перфишки:

— Кто — кого? Чѣмъ — по чему? Н-по? Померъ? Ахъ... ч-чортъ!..—И, вновь сильно толкнувъ Илью, сапожникъ бросился внизъ по лѣстницѣ такъ, что она затрещала подъ ударами его ногъ. Но внизу лѣстницы онъ громко и жалобно вскричалъ:

— Э-эхма-а!

Илья слышалъ, что вверхъ по лѣстницѣ идетъ дядя съ Петрухой, и ему не хотѣлось плакать при нихъ, но онъ не могъ сдержать своихъ слезъ.

— Яковъ! — крикнулъ Петруха, — сбѣгай-ка за Михеемъ булочникомъ!.. Скажи: ветошникъ, молъ, представился ко Господу... живо!

— Ахъ, ты!..—воскликнулъ Перфишка.—Такъ вы были ужъ тамъ? Мм...

Терентій прошелъ мимо племянника, не взглянувъ на него. А Петруха положилъ руку на плечо Ильи и сказалъ:

— Плачешь? Плачь,—это хорошо... Значитъ, ты паренекъ благородный и содѣянное тебѣ добро можешь понимать. Старикъ былъ тебѣ ба-альшимъ благодѣтелемъ!..

Онъ помолчалъ и потомъ, легонько отведя Илью въ сторону, добавилъ:

— Но, между прочимъ, въ дверяхъ ты не стой...

Илья вытеръ лицо рукавомъ рубахи и посмотрѣлъ на всѣхъ. Петруха уже стоялъ за буфетомъ и встряхивалъ кудрями. Предъ нимъ стоялъ Перфишка и, глядя на него, лукаво ухмылялся. Но лицо у него, несмотря на улыбку, было такое, какъ будто онъ только-что проигралъ въ орлянку послѣдній свой пятакъ.

— Ну-съ, чего тебѣ, Перфилъ? — поводя бровями, строго спросилъ Петруха.

— Мнѣ?.. Мм... могарыча не будетъ? — вдругъ сказалъ Перфишка.

— По какому такому случаю? — медленно спросилъ буфетчикъ.

— Эхъ-ма! — вскричалъ сапожникъ, притопнувъ ногой по полу.—И ротъ широкъ, да не мнѣ пирогъ! Такъ тому и быть! Одно слово—желаю здравствовать вамъ, Петръ Якимычъ!

— Что̀ такое? Что̀ ты мелешь? — уже съ миролюбивой улыбкой спросилъ Петруха.

— Такъ это я... отъ простоты ума и сердца!

— Стало-быть, поднести тебѣ стаканчикъ, — къ этому ты клонилъ? Хе-хе-хе!

— Ха, ха, ха! — раскатился по трактиру веселый смѣхъ сапожника.

Илья качнулъ головой, какъ бы стряхивая съ нея что-то, и вышелъ вонъ.

Въ эту ночь онъ легъ спать поздно и не у себя въ каморкѣ, а въ трактирѣ подъ столомъ, на которомъ Терентій мылъ посуду. Горбунъ уложилъ племянника, а самъ началъ вытирать столы. На стойкѣ горѣла лампа, освѣщая бока пузатыхъ чайниковъ и бутылки въ шкапу. А въ трактирѣ было темно, въ окна смотрѣла черная ночь, стучалъ мелкій дождь, тихо шуршалъ вѣтеръ... Терентій, похожій на огромнаго ежа, двигалъ столами и все вздыхалъ. Когда онъ подходилъ близко къ лампѣ, отъ него на полъ ложилась густая тѣнь, — Ильѣ казалось, что это ползетъ душа дѣдушки Еремѣя и хрипитъ на дядю.

— Кш... кшш...

Мальчику было холодно и страшно. Его душила сырость,— была суббота, полъ только-что вымыли, отъ него пахло гнилью, Ему хотѣлось попросить, чтобы дядя скорѣе легъ подъ столъ. рядомъ съ нимъ, но тяжелое, нехорошее чувство мѣшало ему говорить съ дядей. Воображеніе рисовало сутулую фигуру дѣда Еремѣя съ его бѣлой бородой, и въ памяти звучалъ ласковый, скрипучій голосъ:

— Сынокъ, сынокъ! Господь мѣру знаетъ... Ничего-о!..

— Ложился бы ты ужъ!.. — не вытерпѣвъ, сказалъ Илья жалобнымъ голосомъ.

Горбунъ вздрогнулъ и замеръ. Потомъ тихо, робко спросилъ:

— А? Кто это?

— Я; ложился бы, говорю...

— Сейчасъ! сейчасъ! сейчасъ!.. — торопливо заговорилъ горбунъ и завертѣлся около столовъ быстро, какъ волчокъ. Илья понялъ, что дядѣ тоже страшно, и съ чувствомъ удовольствія подумалъ про себя:

„Такъ тебѣ и надо!..“

Дробно стучалъ дождь, гдѣ-то раздавались глухіе удары. Огонь въ лампѣ вздрагивалъ, а чайники и бутылки молча ухмылялись. Илья закрылся съ головой дядинымъ полушубкомъ и лежалъ, затаивъ дыханіе. Но вотъ около него что-то завозилось. Онъ весь похолодѣлъ, высунулъ голову и увидалъ, что Терентій стоитъ на колѣняхъ, наклонивъ голову, такъ что подбородокъ его упирался въ грудь, и шепчетъ:

— Господи, батюшка... Господи!

Этотъ шопотъ былъ похожъ на хрипъ дѣда Еремѣя. Тьма въ комнатѣ какъ бы двигалась, и полъ качался вмѣстѣ съ ней, а въ трубахъ выдъ вѣтеръ.

— У-у-у!..

— Не молись,—звонко крикнулъ Илья.

— Охъ, что̀ ты это?—вполголоса сказалъ горбунъ.—Спи, Христа ради!

— Не молись!—настойчиво повторилъ мальчикъ.

— Н-ну... не буду...

Темнота и сырость все тяжелѣе давили Илью, ему трудно было дышать, а внутри его клокоталъ страхъ, жалость къ дѣду, злое чувство къ дядѣ. Онъ завозился на полу, сѣлъ и застоналъ.

— Что̀ ты? Что̀?..—испуганно шепталъ дядя, хватая его руками. А Илья отталкивалъ его и со слезами въ голосѣ, съ тоской и ужасомъ говорилъ:

— Господи! Хоть бы спрятаться куда-нибудь... отъ всего... Господи!

Слезы перехватили ему голосъ. Онъ съ усиліемъ глотнулъ гнилого воздуха и зарыдалъ, ткнувшись лицомъ въ полъ...

Сильно измѣнился характеръ Ильи послѣ этихъ событій. Раньше онъ держался въ сторонѣ только отъ учениковъ своей школы, не умѣя примириться съ ихъ отношеніемъ къ нему, не находя въ себѣ желанія уступать имъ и сближаться съ ними. Но дома онъ былъ общителенъ и довѣрчивъ со всѣми, вниманіе взрослыхъ доставляло ему удовольствіе. А теперь онъ сталъ держаться одиноко и не по лѣтамъ серьезно. Выраженіе его лица стало сухимъ, губы плотно сжались, онъ зорко присматривался ко взрослымъ и съ подстрекающимъ выраженіемъ въ глазахъ вслушивался въ ихъ рѣчи. Его тяготило воспоминаніе о томъ, что̀ онъ видѣлъ въ день смерти дѣда Еремѣя, ему казалось, что и онъ вмѣстѣ съ Петрухой и дядей тоже виноватъ предъ старикомъ. Можетъ-быть, дѣдъ, умирая и видя, какъ его грабятъ, подумалъ, что это онъ, Илья, сказалъ Петрухѣ про деньги. Эта мысль родилась въ Ильѣ

къ-то вдругъ, незамѣтно для него, и наполнила душу маль-
ка смятеніемъ, скорбной тяжестью. Онъ носилъ ее въ себѣ,
она еще болѣе возбуждала въ немъ подозрительное чувство
всѣмъ людямъ. И когда онъ замѣчалъ за ними что-нибудь
хорошее, ему становилось легче отъ этого, какъ будто вина
предъ дѣдомъ уменьшалась. А нехорошаго въ людяхъ онъ
дѣлъ много. Всѣ во дворѣ называли буфетчика Петруху
іемщикомъ краденаго, мошенникомъ, но въ глаза всѣ ла-
лись къ нему, уважительно раскланивались и называли
тромъ Якимычемъ. Бабу Матицу всѣ звали браннымъ сло-
мъ; когда она напивалась пьяная, ее толкали, били; однажды
а, выпивши, сѣла подъ окно кухни, а поваръ облилъ ее
моями... И всѣ постоянно пользовались ея услугами, никогда
чѣмъ не вознаграждая ее, кромѣ ругани и побоевъ. Пер-
шка приглашалъ ее мыть свою больную жену, Петруха
ставлялъ безплатно убирать трактиръ передъ праздниками,
рентію она шила рубахи. Она ко всѣмъ шла, все дѣлала
зропотно и хорошо, она любила ухаживать за больными,
била водиться съ дѣтьми...

Илья видѣлъ, что самый работящій человѣкъ во дворѣ —
пожникъ Перфишка — живетъ у всѣхъ на смѣху, и что всѣ
мѣчаютъ его лишь тогда, когда онъ пьяный, съ гармоникой
рукахъ, сидитъ въ трактирѣ или шляется по двору, на-
рывая и распѣвая веселыя, смѣшныя пѣсенки. Но никто
хотѣлъ видѣть, какъ осторожно этотъ Перфишка вытаски-
лъ на крыльцо свою безногую жену, какъ онъ укладывалъ
ать свою дочку, осыпая ее поцѣлуями и строя для ея по-
хи смѣшныя рожи. И никто не смотрѣлъ на сапожника,
гда онъ, смѣясь и шутя, училъ Машу варить обѣдъ и уби-
ть комнату, а потомъ садился работать и шилъ до поздней
чи, согнувшись въ три погибели надъ худымъ и грязнымъ
погомъ.

Когда кузнеца увели въ острогъ, никто не позаботился объ
сынѣ, кромѣ сапожника. Онъ тотчасъ же взялъ Пашку
себѣ, и уже Пашка давно сучилъ ему дратву, мелъ ком-
ту, бѣгалъ за водой и въ лавочку за хлѣбомъ, квасомъ,
комъ. Всѣ видѣли сапожника пьянымъ въ праздники, но
кто не слыхалъ, какъ на другой день, трезвый, онъ разго-
ривалъ съ женой:

— Ты меня, Дуня, прости! Вѣдь я пью не потому, что
терянный пьяница, а съ устатку. Цѣлую недѣлю работаешь...
у, и хватишь!..

— Да развѣ я виню? О, Господи! Жалѣю я тебя!..—хрип-
мъ голосомъ говорила жена, и въ горлѣ у нея что-то пере-

ливалось.—Развѣ, думаешь, я твоихъ трудовъ не вижу? Ка
немъ Господь положилъ меня на шею тебѣ. Умереть бы!
Освободить бы мнѣ тебя!..

— Не моги такъ говорить! Я не люблю этихъ твоихъ р
чей. Я тебя обижаю, не ты меня!.. Но я это не потому, ч
злой, а потому, что ослабъ. Вотъ, однажды, переѣдемъ в
другую улицу, и начнется все другое... окна, двери... вс
Окна на улицу будутъ. Вырѣжемъ изъ бумаги сапогъ и в
стекла наклеимъ. Вывѣска! И повалитъ къ намъ нар-род
За-акипитъ дѣло!.. э-эхъ-ты! Дуй, бей, давай углей! Шиб
живемъ, деньги куемъ!

Илья зналъ до мелочей жизнь Перфишки, видѣлъ, что он
бьется, какъ рыба объ ледъ, и уважалъ его за то, что он
всегда со всѣми шутилъ, всегда смѣялся и великолѣпно игра
на гармоніи.

А Петруха сидѣлъ за буфетомъ, игралъ въ шашки со зн
комыми, да съ утра до вечера пилъ чай и ругалъ половых
Вскорѣ послѣ смерти Еремѣя онъ сталъ пріучать Терент
къ торговлѣ за буфетомъ, а самъ все только разхаживалъ
двору да посвистывалъ, разглядывая домъ со всѣхъ сторон
и даже стукая въ стѣны кулаками.

И много другого замѣчалъ Илья, но все это было нехороше
скучное, все толкало его въ сторону отъ людей. Иногда впе
чатлѣнія и мысли, скопляясь въ немъ, вызывали настойчив
желаніе поговорить съ кѣмъ-нибудь. Но говорить съ дяде
не хотѣлось: послѣ смерти Еремѣя между Ильей и дядей вы
росло что-то невидимое, но плотное, и мѣшало мальчику по
ходить къ горбуну такъ свободно и близко, какъ раньше.
Яковъ ничего не могъ объяснить ему, живя тоже какъ-то в
сторонѣ отъ всего, но на свой особый ладъ.

Его опечалила смерть стараго тряпичника. Онъ часто с
жалобой въ голосѣ и на лицѣ вспоминалъ о немъ.

— Скушно стало!.. Кабы живъ былъ дѣдушка Ерема-
сказки бы разсказывалъ намъ; ничего нѣтъ лучше сказок
Хорошія сказки онъ зналъ!..

— Онъ все зналъ,—сумрачно говорилъ Илья.

Однажды Яковъ таинственно сказалъ товарищу:

— Хочешь—я покажу тебѣ одну штуку?

— Хочу!..

— Только сперва побожись, что никому не скажешь!..

— Ей-Богу, не скажу!

— Будь я анаѳема, проклятъ, скажи!..

Илья повторилъ клятву, и тогда Яковъ отвелъ его въ угол
двора, къ старой липѣ. Тамъ онъ снялъ со ствола искусн

прикрѣпленный къ нему кусокъ коры, и подъ нею въ деревѣ открылось большое отверстіе. Это было дупло, расширенное ножомъ и красиво убранное внутри разноцвѣтными тряпочками и бумажками, свинцомъ отъ чая, кусочками фольги. Въ глубинѣ этой дыры стоялъ маленькій, литой изъ мѣди образокъ, а предъ нимъ былъ укрѣпленъ огарокъ восковой свѣчи.

— Видалъ? — спросилъ Яковъ, снова прилаживая кусокъ коры.

— Видалъ... А это зачѣмъ?

— Часовня это!—объяснилъ Яковъ.—Вотъ я буду по ночамъ тихонечко уходить сюда изъ горницы и зажигать свѣчку да молиться... Ладно?

Ильѣ понравилась мысль товарища, но онъ тотчасъ же сообразилъ опасность затѣи.

— А какъ увидятъ огонь-то? Выпоретъ тогда отецъ тебя!..

— Ночью — кто увидитъ? Ночью всѣ спятъ; на землѣ совсѣмъ тихо... Я—маленькій: днемъ мою молитву Богу не слышно... А ночью-то ужъ будетъ слышно!.. Будетъ?

— Не знаю!.. Можетъ, услышитъ!..—задумчиво сказалъ Илья, глядя на большеглазое, блѣдное лицо товарища.

— А ты со мной будешь молиться?—спросилъ Яковъ.

— А ты о чемъ хочешь молиться?—въ то же время спросилъ Илья. И оба они улыбнулись другъ другу.

— Я о томъ,—сказалъ Илья,—чтобы умнымъ быть мнѣ... и еще, чтобы у меня все было, чего захочу!.. А ты?

— И я тоже...

Но, подумавъ, Яковъ объяснилъ.

— Я просто такъ хотѣлъ... безо всего... Просто бы молился и все тутъ!.. А ужъ Онъ какъ хочетъ!.. что̀ дастъ... Но коли ты такъ хочешь, и я тоже такъ буду!..

— Ладно,—сказалъ Илья.

Они тутъ же уговорились начать молиться въ эту же ночь и оба легли спать съ твердымъ намѣреніемъ проснуться среди ночи. Но не проснулись ни въ эту ни въ слѣдующую и проспали много ночей. А потомъ у Ильи явились новыя впечатлѣнія и совершенно уже заслонили собою часовню.

На той же липѣ, въ которой Яковъ устроилъ часовню,— Пашка вѣшалъ западни на чижей и синицъ. Ему жилось тяжело, онъ похудѣлъ, осунулся, и глаза его бѣгали по сторонамъ, какъ у хищнаго звѣрька. Бѣгать по двору ему было тоже некогда: онъ цѣлые дни работалъ у Перфишки, и только по праздникамъ, когда сапожникъ былъ пьянъ, товарищи видѣли его. Пашка спрашивалъ ихъ о томъ, что̀ они учатъ

въ школѣ, и завистливо хмурился, слушая ихъ разсказы, полные сознаніемъ превосходства надъ нимъ.

— Не больно зазнавайтесь,—выучусь и я!..

— Перфишка-то не пуститъ!..

— А я убѣгу,—рѣшительно говорилъ Пашка.

И, дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого разговора сапожникъ ходилъ по двору и разсказывалъ, посмѣиваясь:

— Подмастерье-то мой! Сбѣжалъ, дьяволенокъ!.. Не понравилась ему кожаная наука!..

День былъ дождливый. Илья поглядѣлъ на растрепаннаго Перфишку, на сѣрое, угрюмое небо, и ему стало жалко озорника-товарища. Они оба стояли подъ навѣсомъ сарая, прижавшись къ стѣнѣ, и смотрѣли на домъ. Ильѣ казалось, что домъ становится все ниже, точно уходитъ въ землю подъ тяжестью времени. Старыя ребра выпячивались все болѣе, какъ будто грязь, накопленная въ его внутренностяхъ за десятки лѣтъ, распирала домъ, и онъ уже не могъ сдерживать ее. Насквозь пропитанный несчастьями, всю жизнь свою всасывая пьяные крики, пьяныя, горькія пѣсни, расшатанный, избитый ударами ногъ по доскамъ его пола,—домъ не могъ больше жить и медленно разваливался, печально глядя на свѣтъ Божій тусклыми стеклами оконъ.

— Эх-ма!—сказалъ сапожникъ.—Скоро лопнетъ лукошко, и разсыплются грибы по сырой землѣ. Пополземъ мы, жители, кто куда... Будемъ искать себѣ щелочекъ по другимъ мѣстамъ!.. Найдемъ и жить по-другому будемъ... Все другое заведется: и окна, и двери, и даже клопы другіе будутъ насъ кусать!.. Скорѣе бы! А то ужъ надоѣлъ мнѣ этотъ свиной дворецъ... хоть и привыкъ я къ нему, чтобъ его разорвало!

Но сапожникъ напрасно мечталъ: домъ не разорвало, а его купилъ буфетчикъ Петруха. Купивъ, онъ дня два кряду озабоченно щупалъ и ковырялъ эту кучу стараго дерева. Потомъ привезли кирпича, досокъ, обставили домъ лѣсами, и мѣсяца три кряду онъ стоналъ и вздрагивалъ подъ ударами топоровъ. Его пилили, рубили, вколачивали въ него гвозди, съ трескомъ и пылью выламывали изъ него гнилыя ребра, вставляли новыя и наконецъ, увеличивъ его въ ширину пристройкой, обшили весь тесомъ. Приземистый, широкій онъ теперь стоялъ на землѣ прямо и прочно, точно пустилъ глубоко въ нее новые корни. На его фасадѣ, подъ самой крышей, Петруха повѣсилъ большую вывѣску, и на ней золотомъ по синему полю было написано:

„Веселое убѣжище друзей П. Я. Филимонова“.

— А внутри онъ все-таки гнилой!—сказалъ Перфишка нажды.

Илья слышалъ это и сочувственно улыбнулся. И ему пере-роенный домъ казался обманомъ. Онъ вспомнилъ о Пашкѣ, торый жилъ гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ и видѣлъ все другое. лья, какъ и сапожникъ, тоже мечталъ о другихъ окнахъ, еряхъ, людяхъ... Теперь въ домѣ стало еще хуже, чѣмъ ло раньше. Старую липу срубили, укромный уголокъ около я исчезъ, занятый постройкой. Исчезли и другія любимыя ста, гдѣ, бывало, бесѣдовали ребятишки. Только на мѣстѣ зницы, за огромной кучей щепъ и гнилушекъ, образовался тный уголъ, но было страшно сидѣть,—все чудилось, о подъ этой кучей лежитъ Савелова жена съ разбитой довой.

Петруха отвелъ дядѣ Терентію новое помѣщеніе—маленькую мнатку, рядомъ съ трактирной залой. Въ эту комнатку возь дощатую тонкую переборку, заклеенную зелеными оями, проникали всѣ звуки изъ трактира и запахъ водки, табачный дымъ. Въ ней было чисто, сухо, но хуже, чѣмъ подвалѣ. Окно ея упиралось въ сѣрую стѣну сарая; она тораживала небо, и солнце, и звѣзды, а изъ окошка под-ла все это можно было видѣть, вставши предъ нимъ на лѣни...

Дядя Терентій одѣлся въ сиреневую рубаху, надѣлъ сверхъ я пиджакъ, который висѣлъ на немъ, какъ на ящикѣ, и съ ра до вечера торчалъ за буфетомъ. Теперь онъ сталъ ворить съ людьми на „ры“, отрывисто, сухимъ голосомъ, чно лаялъ, и смотрѣлъ на нихъ изъ-за стойки глазами рной собаки, охраняющей хозяйское добро. Ильѣ онъ пилъ сѣрую суконную курточку, сапоги, пальто и картузъ, когда мальчикъ надѣлъ эти вещи, ему вспомнился старый ничникъ. Онъ почти не разговаривалъ съ дядей, жизнь о тянулась однообразно, медленно. Все чаще онъ вспоми-лъ о деревнѣ; теперь ему особенно ясно казалось, что мъ лучше жить; тамъ тише, понятнѣе, проще. Вспоми-лись густые лѣса Керженца, разсказы дяди Терентія объ шельникѣ Антипѣ, а мысль объ Антипѣ рождала другую— Пашкѣ. Гдѣ онъ? Можетъ-быть, тоже убѣжалъ въ лѣсъ, рылъ тамъ пещеру и живетъ въ ней. Гудитъ въ лѣсу юга, воютъ волки. Это страшно, но сладко слышать. А мой, въ хорошую погоду, тамъ все блеститъ серебромъ, и ваетъ тихо, такъ тихо, что ничего не слыхать, кромѣ того, къ снѣгъ хруститъ подъ ногой, и если стоять неподвижно, гда услышишь только одно свое сердце.

А вотъ въ городѣ всегда шумно и безтолково, даже ноч полна звуковъ. Поютъ пѣсни, кричатъ караулъ, стонутъ ѣздятъ извозчики, и отъ стука ихъ пролетокъ и телѣг вздрагиваютъ стекла въ окнахъ. Кричатъ и озорничают мальчишки въ школѣ, большіе орутъ, ругаются, дерутся пьянствуютъ. И все это не только безпокойно, а даже страшн иногда. Люди всѣ какіе-то взбалмошные—то жулики, как Петруха, то злые, какъ Савелъ, или никчёмные, въ родѣ Пер фишки, дяди Терентія, Матицы... Сапожникъ всѣхъ больш поражалъ Илью своихъ несуразнымъ и дряннымъ поведеніемъ

Однажды утромъ, когда Илья собрался въ школу, Пер фишка пришелъ въ трактиръ растрепанный, не выспавшійс и молча сталъ у буфета, глядя на Терентія. Лѣвый глаз у него все вздрагивалъ и прищуривался, а нижняя губ смѣшно отвисла. Дядя Терентій взглянулъ на него, улыбнулс и налилъ сапожнику стаканчикъ за три копейки, обычну Перфишкину порцію утромъ. Перфишка взялъ стаканъ дрожа щей рукой, опрокинулъ его въ ротъ, но не крякнулъ, не вы ругался и даже не закусилъ. Онъ снова уставился на буфе чика странно вздрагивающимъ лѣвымъ глазомъ, а правы былъ тусклъ, неподвиженъ и какъ будто не видалъ ничего

— Что это у васъ съ глазомъ-то?—спросилъ Терентій.

Перфишка потеръ глаза рукой, поглядѣлъ на руку и вдруг громко и внятно объяснилъ:

— Супруга наша Авдотья Петровна скончалась...

— Н-ну-у? — протянулъ дядя Терентій и, взглянувъ в образъ, перекрестился.

— Царствіе ей небесное!

— А? — спросилъ Перфишка, упорно разглядывая лиц Терентія.

— Говорю: царствіе ей небесное!

— Да-съ... Померли!..—сказалъ сапожникъ. Потомъ он круто повернулся и ушелъ.

— Чудакъ!—сокрушенно качая головой, проговорилъ Т рентій. И Ильѣ сапожникъ тоже показался чудакомъ... И, въ школу, онъ на минутку зашелъ въ подвалъ посмотрѣ на покойницу. Тамъ было темно и тѣсно. Пришли баб сверху и, собравшись кучей въ углу, гдѣ стояла постел вполголоса разговаривали. Матица примѣривала Машѣ како то платьишко и спрашивала:

— Подъ мышками рѣжетъ?

А Маша растопырила руки и тянула капризнымъ голосом

— Да-а-а!..

Сапожникъ, согнувшись, сидѣлъ на столѣ, смотрѣлъ і

очь, и глазъ у него все мигалъ. Илья взглянулъ на бѣлое, ухлое лицо усопшей, вспомнилъ ея темные глаза, теперь авсегда закрывшіеся, и ушелъ, унося съ собой тяжелое и уткое чувство.

А когда онъ воротился изъ школы и вошелъ въ трактиръ, о услыхалъ, что Перфишка играетъ на гармоніи и удалымъ олосомъ поетъ:

„Эхъ, ты, моя милая,
Мое сердце вынула
Зачѣмъ сердце вынула,
Д'куда его кинула?"

— Ихъ-ты!.. Выгнали меня бабы! Пошелъ, кричатъ, вонъ, звергъ неестественный! Морда, говорятъ, пьяная... Я не ержусь... я терпѣливый... Ругай меня, бей!. только дай мнѣ ожить немножко!.. дай, пожалуйста! Эхма! Братья! Всѣмъ ожить хочется,—вотъ въ чемъ штука! У всѣхъ душа одиакова, что у Васьки, что у Якова!..

„Кто тамъ рыдаетъ?
Чего ожидаетъ?
Молчи, не тужи,
Сухи корочки гложи!"

Рожа у Перфишки была отчаянно веселая: Илья смотрѣлъ а него съ отвращеніемъ и страхомъ. Ему подумалось, что ог жестоко накажетъ сапожника за такое поведеніе въ нь смерти жены. Но Перфишка былъ пьянъ и на другой нь, за гробомъ жены онъ шелъ, спотыкаясь, мигалъ глазомъ даже улыбался. Всѣ его ругали, кто-то даже ударилъ по еѣ...

— Вотъ такъ а-яй!..—сказалъ Илья товарищу вечеромъ слѣ похоронъ.—Перфишка-то? Настоящій еретикъ!

— Песъ съ нимъ!—равнодушно отозвался Яковъ.

Илья и раньше уже замѣчалъ, что съ нѣкотораго времени ковъ очень измѣнился. Онъ почти не выходилъ гулять на оръ, а все сидѣлъ дома и даже какъ бы нарочно избѣгалъ трѣчи съ Ильей. Сначала Илья подумалъ, что Яковъ началъ видовать его успѣхамъ въ школѣ и, сидя дома, учитъ уроки. о оказалось, что и учиться-то онъ сталъ хуже; учитель стоянно ругалъ его за разсѣянность и непониманіе самыхъ остыхъ вещей. Отношеніе Якова къ Перфишкѣ не удивило ью: Яковъ всегда почти не обращалъ вниманія на жизнь домѣ, но Ильѣ захотѣлось узнать, что такое творится съ варищемъ, и онъ спросилъ его:

— Ты что какой сталъ? Не хочешь, что ли, дружиться мной?

— Слушай, ты... иди домой... Иди, я сейчасъ тоже приду
Что я тебѣ покажу!

Онъ сорвался съ мѣста и убѣжалъ, а Илья, заинтересов
ный, пошелъ въ свою комнату. Яковъ скоро прибѣжалъ. О
заперъ за собой дверь и, подойдя къ окну, вынулъ изъ
пазухи какую-то красную книжку.

— Иди сюда!—тихо и важно сказалъ онъ, усѣвшись
постель дяди Терентія и указывая Ильѣ мѣсто рядомъ
собою. Потомъ онъ развернулъ книжку, положилъ ее
колѣни, согнулся надъ нею и, водя пальцемъ по сѣрой ст
ницѣ, началъ читать:

„И вотъ... вдали храбрый рыцаръ увидалъ гору... высот
до небесъ, а въ серединѣ ея желѣзную дверь. Огнемъ отва
запылало... его мужественное сердце, онъ наклонилъ копье
съ громкимъ крикомъ помчался впередъ, приш...поривъ ко
и со всей своей могучей силой ударилъ въ ворота. Тот
раздался страшный громъ... желѣзо воротъ разлетѣлось
куски... и въ то же время изъ горы хлынуло пламя и дым
и раздался громовой голосъ... отъ котораго сотряслась зем
и съ горы посыпались камни къ ногамъ рыцарева ко
„Ага! ты явился... дерзкій безумецъ!.. Я и смерть да
ждали тебя!..“ Ослѣпленный дымомъ рыцарь...“

— Кто это?—спросилъ Илья удивленно, вслушиваясь
дрожащій отъ волненія голосъ товарища.

— А?—откликнулся Яковъ, поднявъ отъ книги блѣд
лицо.

— Кто это—рыцарь?

— Это такой... верхомъ на конѣ... съ копьемъ... Ра
Безстрашный... у него драконъ невѣсту утащилъ... Прекр
вая Луиза... да—ты слушай, чортъ...—нетерпѣливо крикну
Яковъ.

— Валяй, валяй!.. Погоди,—а драконъ кто?

— Змѣя съ крыльями... и съ ногами... когтищи у
желѣзные... Три головы... и всѣ дышатъ огнемъ—понимае

— Здо-орово! — сказалъ Илья, широко открывъ глаза.
Этакъ-то онъ этому... за-адастъ...

— Да ну тебя!..

Плотно прижавшись другъ къ другу, мальчики съ трепет
любопытства и странной, согрѣвающей душу радостью в
дили въ новый, волшебный міръ, гдѣ огромныя, злыя чу
вища погибали подъ могучими ударами храбрыхъ рыцар
гдѣ все было величественно-красиво и чудесно, и не б
ничего похожаго на эту сѣрую, скучную жизнь. Не б
пьяныхъ маленькихъ людей, одѣтыхъ во рваную одежду

вмѣсто полугнилыхъ деревянныхъ домовъ стояли дворцы, сверкая золотомъ, и неприступные замки изъ желѣза возвышались до небесъ. Они входили въ роскошную страну чудесныхъ вымысловъ, а за спинами у нихъ играла гармоника и разудалый сапожникъ Перфишка отчетливо выговаривалъ частушку:

„Меня послѣ смерти
Не утащатъ черти.
Я живой того добьюсь,
Какъ до чортиковъ напьюсь!“

— Такъ ли, братья! Наяривай! зажаривай! Богъ веселыхъ любитъ!

Гармоника захлебывалась звуками, торопясь догнать звонкій голосъ сапожника, а онъ вперегонку съ ней отчеканивалъ плясовой мотивъ:

„И не пищи, что смолоду
Н-натерпѣлся холоду,
Сдохнешь—въ адъ попадешь,
А тамъ будетъ жарко!“

Каждый куплетъ пѣсни вызывалъ ревъ одобреній и взрывы хохота. Звуки гармоники сливались со звономъ посуды, глухіе удары ногъ по полу, трескъ отодвигаемыхъ стульевъ,—всѣ звуки переплетались въ одинъ, подобный вою зимней вьюги въ лѣсу.

А въ маленькой конурѣ, отдѣленной отъ этой бури звуковъ тонкими досками, два мальчика согнулись надъ книгой, и одинъ изъ нихъ тихо шепталъ:

„Тогда рыцарь стиснулъ чудовище въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ, и оно громоподобно заревѣло отъ боли и ужаса...“

Послѣ книги о рыцарѣ и драконѣ явился „Гуакъ или непреоборимая вѣрность“, „Исторія о храбромъ принцѣ Францылѣ Венеціанѣ и прекрасной королевнѣ Ренцивенѣ“, и впечатлѣнія дѣйствительности уступили въ душѣ Ильи мѣсто рыцарямъ и дамамъ. Товарищи по очереди крали изъ выручки двугривенные, и недостатка въ книгахъ у нихъ не было. Они ознакомились съ похожденіями „Яшки Смертенскаго“, восхищались „Янанчой, татарскимъ наѣздникомъ“ и все дальше уходили отъ суровой и неприглядной жизни въ область, гдѣ люди всегда разрушали злые ковы судьбы и всегда достигали счастья. Долго жили они такъ, и за все это время память Ильи отмѣтила лишь одно событіе.

Однажды Перфишку вызвали зачѣмъ-то въ полицію. Онъ пошелъ встревоженный, а воротился веселый и привелъ съ

собой Пашку Грачева, крѣпко держа его за руку. Пашка былъ такой же остроглазый, только страшно похудѣлъ, пожелтѣлъ, да лицо у него стало менѣе задорнымъ. Сапожникъ притащилъ его въ трактиръ и тамъ разсказывалъ, судорожно подмигивая глазомъ:

— А вотъ вамъ, люди добрые, самъ Павлуха Грачевъ. Только-что прибылъ изъ города Пензы по этапу... Вотъ какой народъ нарождается,—не сидя на печи, счастья дожидается, а какъ только на заднія лапы встаетъ—самъ искать счастья идетъ!

Пашка стоялъ рядомъ съ нимъ, засунувъ одну руку въ карманъ драныхъ штановъ, а другую все пытался выдернуть изъ рукъ сапожника, искоса, угрюмо поглядывая на него. Кто-то посовѣтовалъ сапожнику выпороть Пашку, но Перфишка серьезно возразилъ:

— Зачѣмъ? Пускай его ходитъ, авось счастье найдетъ.

— А вѣдь онъ, поди-ка, голодный! -догадался Терентій и, протянувъ мальчику кусокъ хлѣба, сказалъ ему:

— Пашка, на!

Мальчикъ, не торопясь, взялъ хлѣбъ и пошелъ вонъ изъ трактира.

— Фі-ю-ю! — свистнулъ сапожникъ вслѣдъ ему. — Опять пошелъ! До свиданія, нѣжное созданіе.

Илья, наблюдавшій эту сцену изъ двери своей комнаты, поманилъ Пашку къ себѣ, но прежде, чѣмъ войти къ нему, Пашка на секунду остановился, а войдя, подозрительно оглядѣлъ комнату и кратко, сурово спросилъ:

— Что̀ надо?

— Здравствуй!..

— Ну, здравствуй!..

— Садись!..

— А зачѣмъ?

— Такъ!.. поговоримъ!.

Илью смущали отрывчатые, сердитые вопросы Грачева и его сиповатый, грубый голосъ. Ему хотѣлось разспросить Пашку, гдѣ онъ былъ все лѣто, что̀ видѣлъ. Но Пашка усѣлся на стулъ и съ рѣшительнымъ видомъ, кусая хлѣбъ, самъ началъ разспрашивать:

— Кончилъ учиться-то?

— Весной кончу!

— А я ужъ выучился!..

— Н-ну?—недовѣрчиво воскликнулъ Илья.

— А что̀? У меня живо!

— А гдѣ ты учился?

— Въ острогѣ, у арестантовъ!.

Илья подошелъ ближе къ нему и, съ уваженіемъ глядя на го худое лицо, спросилъ:

— Долго ты сидѣлъ? Страшно томъ?

— Ничего не страшно!.. А сидѣлъ... мѣсяца четыре... Я ѣдь во многихъ острогахъ былъ въ разныхъ городахъ... Я, ратъ, къ господамъ прилипъ тамъ... И барыни были тоже... настоящіе господа! На разныхъ языкахъ говорятъ и все наютъ... Я имъ камеру убиралъ! Веселые, черти, даромъ, то арестанты!..

— Разбойники?

— Самые настоящіе воры, — съ гордостью выговорилъ Пашка. Илья мигнулъ глазами и почувствовалъ еще больше важенія къ Пашкѣ.

— Русскіе они?—спросилъ онъ.

— Нѣкоторые жиды... Первый сортъ народъ!.. Они, братъ, го-го, какіе! Грабили всѣхъ, какъ слѣдуетъ!.. Ну, ихъ поймали а въ Сибирь!

— Какъ же ты выучился?

— А такъ... Говорю: выучите меня,—они и выучили...

— И читать и писать?

— Писать плохо!.. А читать—сколько хочешь, могу! Я жъ много книжекъ читалъ...

Рѣчь о книжкахъ оживила Илью.

— И мы съ Яковомъ читаемъ. Да какія!

Тогда оба они наперебой другъ передъ другомъ стали азывать прочитанныя книжки. Вскорѣ Павелъ со вздохомъ казалъ:

— Да-а, вы, черти, больше прочитали! И книжки у васъ учше. А я все стихи... Тамъ у нихъ много было всякихъ, о хорошія-то только въ стихахъ!

Пришелъ Яковъ, удивленно выкатилъ глаза и засмѣялся.

— Овца!—встрѣтилъ его Пашка.—Чего хохочешь?

— Такъ!.. Ты гдѣ былъ?

— Тебѣ туда не дойти!..

— Знаешь,—сказалъ Илья товарищу,—и онъ тоже книжки италъ...

— О?—воскликнулъ Яковъ и тотчасъ же заговорилъ съ ашкой болѣе дружески. Три мальчика усѣлись рядомъ, и ежду ними загорѣлся безсвязный, быстрый и удивительно нтересный разговоръ.

— Я такія штуки видалъ—разсказать нельзя!—съ гордостью и воодушевленно говорилъ Пашка.—Одинъ разъ не кралъ двое сутокъ... совсѣмъ ничего! Въ лѣсу ночевалъ... одинъ.

— Болзно?—спросилъ Яковъ.

— Поди, ночуй, — узнаешь! А то собаки меня загрызли было... Былъ въ городѣ Казани... Тамъ есть памятникъ одному... за то, что стихи сочинялъ, поставили... Огромный былъ мужикъ!.. ножищи у него во какія! А кулакъ съ твою голову, Яшка! Я, братцы, тоже стихи сочинять буду, я ужъ научился немножко!..

Онъ вдругъ съежился, подобралъ подъ себя ноги и, пристально глядя въ одну точку,—нахмуренный, важный,—скороговоркой сказалъ:

„По улицѣ люди идутъ,
Всѣ они одѣты и сыты,
А попроси у нихъ поѣсть,
Такъ они скажутъ—поди ты
Прочь!..“

Онъ кончилъ, взглянулъ на мальчиковъ и тихо опустилъ голову. Съ минуту длилось неловкое молчаніе. Потомъ Илья осторожно спросилъ:

— Это развѣ стихи?

— А ты не слышишь?—сердито крикнулъ Пашка. — Сказано: сыты—поди ты,—значитъ, стихи...

— Конечно, стихи! — торопливо воскликнулъ Яковъ. — Ты придираешься, Илья!

— Я и еще сочинилъ, — оживленно обратился Пашка къ Якову и тотчасъ же быстро выпалилъ:

„Тучи—сѣры, а земля—сыра,
Вотъ приходитъ осенняя пора,
А у меня ни кола ни двора,
И вся одежа—на дырѣ дыра!“

— О-г-го-о!—протянулъ Яковъ, широко раскрывъ глаза.

— Вотъ это ужъ прямо стихи!—въ тонъ ему подтвердилъ Илья.

Лицо Пашки вспыхнуло слабымъ румянцемъ, и глаза его такъ сощурились, точно въ нихъ откуда-то дымъ попалъ.

— Я и длинные стихи буду сочинять!—похвалялся онъ.— Это вѣдь не больно трудно! Идешь и видишь — лѣсъ—лѣса, небо—небеса!.. А то поле — воля!.. Само собой выходитъ въ стихи!..

— А теперь-то что̀ ты будешь дѣлать? — спросилъ его Илья.

Пашка мигнулъ глазами, оглянулся вокругъ, помолчалъ и наконецъ негромко и неувѣренно сказалъ:

— Что-нибудь!..

Но тотчасъ же снова рѣшительнымъ голосомъ объявилъ:

— А потомъ—опять убѣгу!..

Но пока онъ сталъ жить у сапожника, и каждый вечеръ
ятишки собирались къ нему. Въ подвалѣ было тише и
ше, чѣмъ въ каморкѣ Терентія. Перфишка рѣдко бывалъ
а — онъ пропилъ все, что̀ можно было пропить, и теперь
илъ работать поденно по чужимъ мастерскимъ, а если ра-
ы не было—сидѣлъ въ трактирѣ. Онъ ходилъ полуголый,
ый, и всегда подъ-мышкой у него торчала любимая старень-
гармонія. Она какъ бы срослась съ его тѣломъ, а онъ
жилъ въ нее частицу своей веселой души, и они стали по-
ки другъ на друга — оба оборванные, угловатые, полные
орныхъ пѣсенъ и трелей. Вся мастеровщина въ городѣ
ла Перфишку, какъ неистощимаго творца разудалыхъ и
ышныхъ „частушекъ"—плясовыхъ пѣсенъ и приговоровъ,—
апожникъ былъ желаннымъ гостемъ въ каждой мастерской.
всѣ любили его за то, что тяжелую, скучную жизнь рабо-
о люда онъ скрашивалъ своими пѣснями и складными, шут-
ыми разсказами о разныхъ разностяхъ.

Когда ему удавалось заработать нѣсколько копеекъ, онъ
овину отдавалъ своей дочери — этимъ и ограничивались
заботы о ней. Она была полной хозяйкой своей судьбы.
а очень выросла, ея черные кудри спустились до плечъ,
ные глаза стали серьезнѣе и больше, и — тоненькая, гиб-
—она хорошо играла роль хозяйки въ своей маленькой норѣ.
а собирала щепы на постройкахъ, пробовала варить какія-
похлебки и до полудня ходила съ подоткнутымъ подоломъ,
испачканная сажей, мокрая, озабоченная. А состряпавъ
ѣ обѣдъ, убирала комнату, мылась, одѣвала чистое платье
адилась за столъ къ окну чинить что-нибудь изъ своей одежи.
Къ ней часто приходила Матица, принося съ собой булку,
й, сахаръ, а однажды она даже подарила Машѣ голубое
атье. Маша вела себя съ этой женщиной, какъ взрослый
овѣкъ и хозяйка дома; она ставила маленькій жестяной
моваръ, угощала Матицу чаемъ, и, попивая горячій, вкус-
й чай, онѣ говорили о разныхъ дѣлахъ и ругали Перфишку.
атица ругалась съ увлеченіемъ, Маша вторила ей тонкимъ
осомъ, но безъ злобы, а какъ бы только изъ вѣжливости
по долгу хозяйки. Во всемъ, что̀ она говорила про отца,
егда звучало снисхожденіе къ нему.

— А чтобъ въ него печенки зсохлись! — гудѣла Матица,
рѣпо поводя бровями. — Что жъ? Забылъ онъ, пьянчуга,
о въ него дитя малое осталось? Гадка̀ его морда, чтобъ
охъ, якъ песъ!

— Онъ вѣдь знаетъ, что я ужъ большая и все сама могу...—
ворила Маша.

— Боже мой, Боже мой!—тяжело вздыхала Матица.—Ч же это творится на свѣтѣ бѣлымъ? Что будетъ съ дѣвочко Вотъ и у меня была дѣвочка, какъ ты!.. Осталась она там дома... у городѣ Хороли... И это такъ далеко—городъ Хорол что если бъ меня и пустили туда, такъ не нашла бы я него дороги... Вотъ такъ-то бываетъ съ человѣкомъ!.. живе онъ, живетъ на землѣ и забываетъ, гдѣ его родина...

Машѣ нравилось слушать густой голосъ этой женщины большимъ лицомъ и глазами, какъ у коровы. И хотя отъ М тицы всегда пахло водкой—это не мѣшало Машѣ влѣзать колѣни къ бабѣ, крѣпко прижимаясь къ ея большой, бугро выступавшей впередъ груди, и цѣловать ее въ толстыя гу красиво очерченнаго рта. Матица приходила по утрамъ, а в черомъ у Маши собирались ребятишки. Они играли въ карты, въ дураки, въ мельники, въ свои козыри,—по чаще сидѣли книжкой. Маша тоже съ большимъ интересомъ слушала чтеніе, въ особенно страшныхъ мѣстахъ даже вскрикивала тихоньк

Яковъ относился къ дѣвочкѣ еще болѣе заботливо, чѣм прежде. Онъ постоянно таскалъ ей изъ дома куски хлѣба мяса, чай, сахаръ, керосинъ въ бутылкахъ изъ-подъ пив иногда давалъ деньги, оставшіяся отъ покупки книгъ. Он привыкъ дѣлать все это, и все выходило у него какъ-то н замѣтно, а Маша относилась къ его заботамъ, какъ къ чем то вполнѣ естественному, и тоже не замѣчала ихъ.

— Яша!—говорила она,—углей нѣтъ!

— Ладно!

И черезъ нѣкоторое время онъ или приносилъ ей угли, и давалъ ей семишникъ, говоря:

— Ступай, купи!.. Украсть нельзя было!

Илья тоже привыкъ къ этимъ отношеніямъ, да и всѣ в дворѣ какъ-то не замѣчали ихъ. Порой Илья и самъ, по п рученію товарища, кралъ что-нибудь изъ кухни или буфет и тащилъ въ подвалъ къ сапожнику. Ему нравилась смугла и тонкая дѣвочка, такая же сирота, какъ самъ онъ, а ос бенно нравилось то, что она умѣетъ жить одна и все дѣлает какъ большая. Онъ любилъ видѣть, какъ она смѣется, и по стоянно старался смѣшить Машу. А когда это не удавало му,—Илья сердился и дразнилъ дѣвочку:

— Черномазая чумичка!

Она прищуривала глаза и говорила:

— Скуластый чортъ!..

Слово за слово, и они ссорились серьезно: Маша быстр свирѣпѣла и бросалась на Илью съ намѣреніемъ поцарапа его, но онъ со смѣхомъ удовольствія убѣгалъ отъ нея.

Однажды, за картами, онъ уличилъ Машу въ плутовствѣ и ъ ярости крикнулъ ей:

— Яшкина любовница!

А затѣмъ прибавилъ еще одно грязное слово, значеніе кораго уже было извѣстно ему. Яковъ былъ тутъ же. Сначала онъ засмѣялся, но, увидавъ, что лицо его подруги искалось отъ обиды, а на глазахъ ея блестятъ слезы, онъ заолчалъ и поблѣднѣлъ. И вдругъ вскочилъ со стула, бросился а Илью, ударилъ его въ носъ и, схвативъ его за волосы, овалилъ на полъ. Все это произошло такъ быстро, что Илья аже защищаться не успѣлъ. А когда онъ, ослѣпленный олью и обидой, всталъ съ пола и, наклонивъ голову, быкомъ ошелъ на Якова, говоря ему:—„Н-ну, держись! Я тебя...“— нъ увидалъ, что Яковъ жалобно плачетъ, облокотясь на толъ, а Маша стоитъ около него и говоритъ тоже со слезами ъ голосѣ:

— Не дружись съ нимъ. Онъ поганый... Онъ злющій!)ни всѣ злые... у него отецъ въ каторгѣ... а дядя горбатый!.. у него тоже горбъ вырастетъ! Пакостникъ ты!—смѣло наступая на Илью, кричала она. — Дрянь паршивая!.. тряпичная воя душа! Ну-ка, иди? Иди-ка? Какъ я тебѣ рожу-то расцарапаю! Ну-ка, сунься!?

Илья не сунулся. Ему стало нехорошо при видѣ плачущаго Якова, котораго онъ не хотѣлъ обижать, и было стыдно раться съ дѣвчонкой. А она стала бы драться, ужъ это онъ идѣлъ. Онъ ушелъ изъ подвала, не сказавъ ни слова, и олго ходилъ по двору, нося въ себѣ тяжелое, нехорошее увство. Потомъ, подойдя къ окну Перфишкиной квартиры, нъ осторожно заглянулъ въ нее сверху внизъ. Яковъ съ одругой уже снова играли въ карты. Маша, закрывъ полоину лица вѣеромъ картъ, должно-быть, смѣялась, а Яковъ мотрѣлъ въ свои карты и нерѣшительно трогалъ то одну, то ругую. Ильѣ стало грустно. Онъ походилъ по двору еще неного и смѣло пошелъ въ подвалъ.

— Примите меня!—сказалъ онъ, подходя къ столу.

Сердце у него билось, а лицо горѣло и глаза были опущены. Яковъ и Маша молчали.

— Я не буду этакъ ругаться!.. ей-Богу, не буду!—сказалъ Илья, взглянувъ на нихъ.

— Ну, ужъ садись... эхъ, ты!—сказала Маша.

А Яковъ строго добавилъ.

— Дурачина! Не маленькій ужъ... Понимай, что говоришь...

— А какъ ты меня? — съ упрекомъ сказалъ Илья Якову.

— За дѣло! Не лайся... — резоннымъ тономъ сказала ем Маша.

— Ну, ладно! Я вѣдь не сержусь... я виноватъ-то... — с знался Илья и смущенно улыбнулся Якову.—И ты не сердись- ладно?

— Ладно! Держи карты..

— Дикій чортъ!—сказала Маша, и этимъ все закончилос

Черезъ минуту Илья, нахмуривъ брови, погрузился въ игр Онъ всегда садился такъ, чтобы ему можно было ходить къ Маш ему страшно нравилось, когда она проигрывала, и во все врем игры Илья упорно заботился объ этомъ. Но дѣвочка играл ловко, и чаще всего проигрывалъ Яковъ.

— Эхъ, ты, лупоглазый!—съ сожалѣніемъ говорила Маша,- опять дуракъ.

— Ну ихъ къ лѣшему, карты эти! Надоѣло! Давайте спо „Камчадалку“ читать!

Они доставали растрепанную и испачканную книжку и ч тали о страданіяхъ влюбленной и несчастной „Камчадалки

Когда Пашка Грачевъ присмотрѣлся къ этой жизни, он сказалъ тономъ бывалаго человѣка:

— А вы, черти, здорово живете!

Потомъ онъ поглядѣлъ на Якова и Машу и съ усмѣшкой по серьезно добавилъ:

— Такъ и живите! А потомъ ты, Яковъ, возьми замуж Машку-то... вотъ!

— Дуракъ!..—смѣясь, сказала Маша, и всѣ четверо зах хотали.

Когда прочитывали книжку или уставали читать, Паш разсказывалъ о своихъ приключеніяхъ, и его разсказы был интересны не менѣе книгъ.

— Какъ уразумѣлъ я, братцы, что нѣтъ мнѣ ходу без пачпорта,—началъ я хитрить. Увижу будочника—иду скор будто кто послалъ меня куда, а то такъ держусь около к кого-нибудь мужика, будто онъ хозяинъ мой или тамъ отец или кто... Въ деревняхъ хорошо, тамъ будочниковъ совсѣм нѣтъ: одни старики да старухи и ребятишки, а мужики в полѣ. Спросятъ—кто такой? Нищій... Чей? Безъ роду... О куда? Изъ города. Вотъ и все! Поятъ, кормятъ хорошо. Идеш это... идешь, какъ хочется: хоть бѣгомъ лупи, хоть на брюх ползи... Поле вездѣ, лѣсъ... жаворонки поютъ... такъ бы к нимъ и полетѣлъ! Коли сытъ — ничего не хочется, такъ б все и шелъ до самаго до края свѣта. Все равно, какъ буд кто тащитъ тебя впередъ... какъ малаго ребенка мать несет А то и голодалъ я—фью-ю! Бывало, кишки трещали — вот

до чего брюхо высыхало! Хоть землю жри! Въ башкѣ мутилось... Зато какъ добьешься хлѣбца да воткнешь въ него зубы-то —ы-ыхъ! День и ночь ѣлъ бы. Хорошо было! А все-таки какъ въ тюрьму попалъ — обрадовался... Сначала испугался, а ужъ потомъ радостно стало! Очень я будочниковъ боялся. Думаю, схватятъ меня да ка-акъ начнутъ пороть—и запорютъ! А онъ меня легонько... подошелъ сзади да за шиворотъ—цапъ! Я у магазина часы смотрѣлъ... Множество часовъ — золотые и разные. Цапъ! Я какъ зареву! А онъ меня ласково: кто ты, да откуда? Ну, я и сказалъ,—все равно они узнали бы: они все знаютъ... Ну, онъ меня въ полицію... Тамъ разные господа... Куда идешь? Странствую... Хохочутъ... Потомъ въ тюрьму... Тамъ тоже всѣ хохочутъ. А потомъ господа эти меня къ себѣ приспособили... Вотъ черти были! Ого-го!

О господахъ онъ говорилъ междометіями, — очевидно, они очень поразили его воображеніе, но ихъ фигуры какъ-то расплывались въ памяти и смѣшались въ одно большое, мутное пятно. Проживъ у сапожника около мѣсяца, Пашка снова исчезъ куда-то. Потомъ Перфишка узналъ, что онъ поступилъ въ типографію и живетъ гдѣ-то далеко въ городѣ. Услышавъ объ этомъ, Илья съ завистью вздохнулъ и сказалъ Якову:

— А мы съ тобой, видно, такъ тутъ и прокиснемъ...

Первое время послѣ исчезновенія Пашки Ильѣ чего-то не хватало, но вскорѣ онъ снова попалъ въ колею чудеснаго и чуждаго жизни. Снова началось чтеніе книжекъ, и душа Ильи погрузилась въ сладкое состояніе полудремоты.

Пробужденіе было грубо и неожиданно — однажды утромъ дядя разбудилъ его, говоря:

— Умойся почище, да скорѣе...

— Куда?—сонно спросилъ Илья.

— На мѣсто! Слава Богу! Нашлось!.. Въ рыбной лавкѣ будешь служить.

У Ильи сжалось сердце отъ какого-то непріятнаго предчувствія. Желаніе уйти изъ этого дома, гдѣ онъ все зналъ и ко всему привыкъ, вдругъ исчезло, а эта комната, которую онъ не любилъ, теперь показалась ему такой чистой, свѣтлой. Сидя на кровати, онъ посмотрѣлъ на полъ, и ему не хотѣлось одѣваться... Пришелъ Яковъ, хмурый и нечесаный, склонивъ голову къ лѣвому плечу, и, вскользь взглянувъ на товарища, сказалъ:

— Иди скорѣе, отецъ ждетъ... Ты приходить сюда будешь?

— Буду...

— То-то... Къ Манькѣ зайди проститься.

— Чай, я не навсегда ухожу,—сердито молвилъ Илья.

Но Манька сама пришла. Она стала у дверей и, поглядѣвъ на Илью, грустно сказала:

— Вотъ тебѣ и прощай!

Илья съ сердцемъ рванулъ курточку, которую надѣвалъ, и выругался. Манька и Яковъ, оба вразъ, глубоко вздохнули.

— Такъ приходи же!—сказалъ Яковъ.

— Да ла-адно!—сурово отвѣтилъ Илья.

— Ишь зафорсилъ, приказчикъ!...—замѣтила Маша.

— Эхъ, ты... ду-ура! — тихо и съ укоромъ отвѣтилъ ей Илья.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ шелъ по улицѣ съ Петрухой, парадно одѣтымъ въ длинный сюртукъ и скрипучіе сапоги, и буфетчикъ внушительно говорилъ ему:

— Веду я тебя служить человѣку почтенному, всему городу извѣстному, Кириллу Иванычу Строганому... Онъ за доброту свою и благодѣянія медали получалъ — не токмо что! И состоитъ онъ гласнымъ въ думѣ, а можетъ, будетъ избранъ даже въ градскіе головы. Служи ему вѣрой и правдой, а онъ тебя, между прочимъ, въ люди произведетъ... Ты парнишка сурьезный, не балованикъ... А для него оказать человѣку благодѣяніе—все равно, что плюнуть...

Илья слушалъ и пытался представить себѣ купца Строганаго. Ему почему-то стало казаться, что купецъ этотъ долженъ быть похожъ на дѣдушку Еремѣя, — такой же тощій, добрый и пріятный. Но, когда онъ пришелъ въ лавку, тамъ за конторкой стоялъ высокій мужикъ съ огромнымъ животомъ. На головѣ у него не было ни волоса, но лицо отъ глазъ до шеи заросло густой рыжей бородой. Брови тоже были густыя и рыжія, а подъ ними сердито бѣгали маленькіе, зеленоватые глазки.

— Кланяйся!—шепнулъ Петруха Ильѣ, указывая глазами на рыжаго мужика. Илья разочарованно опустилъ голову.

— Какъ зовутъ?—загудѣлъ въ лавкѣ густой басъ.

— Ильей,—отвѣтилъ Петруха.

— Ну, Илья, гляди у меня въ оба, а зри — въ три! Теперь у тебя, кромѣ хозяина, никого нѣтъ! Ни родныхъ ни знакомыхъ — понялъ? Я тебѣ мать и отецъ, — а больше отъ меня никакихъ рѣчей не будетъ...

Илья исподлобья осматривалъ лавку. Въ корзинахъ со льдомъ лежали огромные сомы и осетры, на полкахъ полѣнницами были сложены судаки, сазаны, и всюду блестѣли жестяныя коробки. Густой запахъ тузлука стоялъ въ воздухѣ, и въ лавкѣ было душно, тѣсно. На полу въ большихъ чанахъ тихо

и безшумно плавала живая рыба—стерляди, налимы, окуни, язи. Но одна небольшая щука дерзко металась въ водѣ, толкала другихъ рыбъ и сильными ударами хвоста разбрызгивала воду на полъ. Ильѣ стало жалко ея.

Одинъ изъ приказчиковъ—маленькій, толстый, съ круглыми глазами и крючковатымъ носомъ очень похожій на филина—заставилъ Илью выбирать изъ чана уснувшую рыбу. Мальчикъ засучилъ рукава и началъ хватать рыбъ, какъ попало.

— За башки бери, дубина!—вполголоса сказалъ приказчикъ.

Иногда Илья по ошибкѣ хваталъ живую, неподвижно стоявшую рыбу: она выскальзывала изъ его пальцевъ и, судорожно извиваясь, тыкалась головой въ стѣны чана.

— Возись живѣе!—командовалъ приказчикъ.

Но Илья укололъ себѣ палецъ костью плавника и, сунувъ его въ ротъ, сталъ сосать.

— Вынь палецъ!—басомъ крикнулъ хозяинъ.

Потомъ мальчику дали большой, тяжелый топоръ, велѣли слѣзть въ подвалъ и разбивать тамъ ледъ такъ, чтобы онъ улегся ровно. Осколки льда прыгали ему въ лицо, попадали за воротъ, въ подвалѣ было холодно и темно, топоръ при неосторожномъ размахѣ задѣвалъ за потолокъ. Черезъ нѣсколько минутъ Илья, весь мокрый, вылѣзъ изъ подвала и заявилъ хозяину:

— Я разбилъ тамъ какую-то банку...

Хозяинъ внимательно поглядѣлъ на него и молвилъ:

— На первый разъ прощаю. За то прощаю, что самъ сказалъ... За второй разъ нарву уши...

И завертѣлся Илья незамѣтно и однообразно, какъ винтикъ въ большой и шумной машинѣ. Онъ вставалъ въ пять часовъ утра, чистилъ обувь хозяина, его семьи и приказчиковъ, потомъ шелъ въ лавку, мелъ ее, мылъ столы и вѣсы. Являлись покупатели,—онъ подавалъ товаръ, выносилъ покупки, потомъ шелъ домой за обѣдомъ. Послѣ обѣда дѣлать было нечего, и, если его не посылали куда-нибудь, онъ стоялъ у дверей лавки, смотрѣлъ на суету базара и думалъ о томъ, какъ много на свѣтѣ людей и какъ много ѣдятъ они рыбы, мяса, овощей. Однажды онъ спросилъ приказчика, похожаго на филина:

— Михаилъ Игнатьичъ!

— Ну-съ?

— А что будутъ люди ѣсть, когда выловятъ всю рыбу и изрѣжутъ весь скотъ?

— Дуракъ!—отвѣтилъ ему приказчикъ.

Другой разъ онъ взялъ газету съ прилавка и, стоя у двери, сталъ читать ее. Но приказчикъ вырвалъ газету изъ его рукъ, щелкнулъ его пальцемъ по носу и угрожающе спросилъ:

— Кто тебѣ позволилъ, а? Оселъ...

Этотъ приказчикъ не понравился Ильѣ. Говоря съ хозяиномъ, онъ почти ко всякому слову прибавлялъ почтительный свистящій звукъ, а за глаза называлъ купца Строганаго мошенникомъ, ханжой и рыжимъ чортомъ. По субботамъ и передъ праздниками хозяинъ уѣзжалъ изъ лавки ко всенощной, а къ приказчику приходила его жена или сестра, и онъ отправлялъ съ ними домой кулекъ рыбы, икры, консервовъ. Любилъ приказчикъ издѣваться надъ нищими, среди которыхъ было много стариковъ, напоминавшихъ Ильѣ о дѣдушкѣ Еремѣѣ. Когда къ дверямъ лавки подходилъ какой-нибудь старикъ и, кланяясь, тихо просилъ милостыню, приказчикъ бралъ за голову маленькую рыбку и совалъ ее въ руку нищаго хвостомъ—такъ, чтобъ кости плавниковъ вонзились въ мякоть ладони просящаго. И когда нищій, вздрагивая отъ боли, отдергивалъ руку, приказчикъ насмѣшливо и сердито кричалъ:

— Не хочешь? Мало? Пшелъ прочь...

А однажды старуха-нищая взяла тихонько сушенаго судака и спрятала его въ своихъ лохмотьяхъ, а приказчикъ видѣлъ это; и вотъ онъ схватилъ старуху за воротъ, отнялъ украденную рыбу, а потомъ нагнулъ голову старухи и правой рукой, снизу вверхъ, ударилъ ее по лицу. Она не охнула и не сказала ни слова, а, наклонивъ голову, молча пошла прочь, и Илья видѣлъ, какъ изъ ея разбитаго носа, въ два ручья, текла темная кровь.

— Получила?—крикнулъ приказчикъ вслѣдъ ей.

И, обращаясь къ другому приказчику, Карпу, сказалъ:

— Ненавижу я нищихъ!.. Дармоѣды! Ходятъ, просятъ и— сыты! И хорошо живутъ... Братія Христова, говорятъ про нихъ. А я кто Христу? Чужой? Я всю жизнь верчусь, какъ червь на солнцѣ, а нѣтъ мнѣ ни покоя ни уваженія...

Другой приказчикъ, Карпъ, былъ человѣкъ богомольный, разговаривалъ онъ только о храмахъ, пѣвчихъ, архіерейской службѣ, и каждую субботу онъ безпокоился, что опоздаетъ ко всенощной. Еще его интересовали фокусы, и каждый разъ, когда въ городѣ появлялся какой-нибудь „магъ и чародѣй“, Карпъ непремѣнно шелъ смотрѣть на него... Былъ онъ высокъ, худъ и очень ловокъ; когда въ лавкѣ скоплялось много покупателей, онъ извивался среди нихъ, какъ змѣя,

всѣмъ улыбаясь, со всѣми разговаривая, и все поглядывалъ на большую фигуру хозяина, точно хвастаясь предъ нимъ своимъ умѣньемъ дѣлать дѣло. Къ Ильѣ онъ относился пренебрежительно и насмѣшливо, и мальчикъ тоже не взлюбилъ его. Но хозяинъ нравился Ильѣ. Съ утра до вечера купецъ стоялъ за конторкой, открывалъ ящикъ и швырялъ въ него деньги. Илья видѣлъ, что онъ дѣлалъ это равнодушно, безъ жадности, и мальчику почему-то было пріятно видѣть это. Пріятно было и то, что хозяинъ разговаривалъ съ нимъ чаще и ласковѣе, чѣмъ съ приказчиками. Въ тихое время, когда покупателей не было, купецъ иногда обращался къ Ильѣ, понуро стоявшему у двери:

— Эй, Илья, дремлешь?

— Нѣтъ...

— То-то... А чего ты сурьезный всегда?

— Не знаю...

— Скушно, что ли?

— Да-а...

— Ну, ладно, поскучай! И я скучалъ, было время... Съ девяти до тридцати двухъ лѣтъ скучалъ я по чужимъ людямъ... А теперь—двадцать третій годъ гляжу, какъ другіе скучаютъ...

И онъ покачивалъ головой, какъ бы договаривая:

— Ничего не подѣлаешь больше-то!

Послѣ двухъ-трехъ такихъ разговоровъ Илью сталъ занимать вопросъ: зачѣмъ этотъ богатый, почетный человѣкъ торчитъ цѣлый день въ грязной лавкѣ и дышитъ кислымъ, ѣдкимъ запахомъ соленой рыбы, когда у него есть такой большой, чистый домъ? Это былъ странный домъ: въ немъ все было строго и тихо, все совершалось въ незыблемомъ порядкѣ. И было въ немъ тѣсно, хотя въ обоихъ этажахъ, кромѣ хозяина, хозяйки и трехъ дочерей, жили только кухарка, она же и горничная, и дворникъ, онъ же и кучеръ. Всѣ въ домѣ говорили неполнымъ голосомъ, а проходя по огромному, чистому двору, жались къ сторонкѣ, точно боясь выйти на широкое, открытое пространство. Сравнивая этотъ спокойный, солидный домъ съ домомъ Петрухи, Илья неожиданно пришелъ къ мысли, что въ домѣ Петрухи лучше жить, хотя тамъ и бѣдно, и шумно, и грязно. И мальчику страшно захотѣлось спросить купца: зачѣмъ онъ безпокоитъ себя, живя весь день на базарѣ, въ шумѣ и суетѣ, а не дома, гдѣ тихо и смирно?

Однажды, когда Карпъ ушелъ куда-то, а Михаилъ отбиралъ въ подвалѣ попорченную рыбу для богадѣльни, хозяинъ

заговорилъ съ Ильей, а мальчикъ вдругъ и торопливо сказалъ ему:

— Вамъ бы, Кириллъ Ивановичъ, пора ужъ бросить торговлю-то... Вы уже вѣдь богатый... Дома у васъ хорошо, а здѣсь вонь... и скука..

Строганый, облокотясь о конторку, зорко смотрѣлъ на него, рыжія брови у купца вздрагивали.

— Ну?—спросилъ онъ, когда Илья замолчалъ.—Все сказалъ?

— Все...—смущенно, съ испугомъ въ сердцѣ, отозвался Илья.

— Подь-ка сюда!

Илья подошелъ. Тогда купецъ взялъ его за подбородокъ, поднялъ его голову кверху и, прищуренными глазами глядя въ лицо ему, спросилъ:

— Это тебя научили говорить такъ, или ты самъ выдумалъ?

— Ей-Богу, самъ.

— Н-да... Коли самъ, такъ... ладно... Ну, скажу я тебѣ вотъ что̀... больше ты со мной, хозяиномъ твоимъ — понимаешь?—хозяиномъ!—говорить такъ не смѣй! Запомни! Пошелъ на свое мѣсто...

А когда пришелъ Карпъ, хозяинъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, заговорилъ, обращаясь къ приказчику, но искоса и замѣтно для Ильи поглядывая на него:

— Человѣкъ всю жизнь долженъ какое-нибудь дѣло дѣлать—всю жизнь!.. Дуракъ тотъ, кто этого не понимаетъ. Какъ можно зря жить, ничего не дѣлая? Никакого смыслу нѣтъ въ человѣкѣ, который къ дѣлу своему не приверженъ...

— Совершенно справедливо, Кириллъ Ивановичъ! — отозвался приказчикъ и внимательно повелъ глазами по лавкѣ, какъ бы отыскивая въ ней какое-нибудь дѣло для себя.

Илья взглянулъ на хозяина и задумался. Все скучнѣе жилось ему среди этихъ людей. Дни тянулись одинъ за другимъ, какъ длинныя сѣрыя нити, разматываясь съ какого-то невидимаго огромнаго клубка, и мальчику стало казаться, что ужъ конца не будетъ этимъ днямъ, всю жизнь свою онъ простоитъ у дверей, слушая базарный шумъ. Но его мысль, возбужденная ранѣе пережитыми впечатлѣніями и прочитанными книжками, не поддавалась умиротворяющему вліянію однообразія этой жизни и тихо, но неустанно работала. Душа мальчика воспринимала впечатлѣнія, они тлѣли въ ней, и отъ этого тлѣнія голова его постепенно отягощалась туманомъ сужденій о всемъ, что̀ происходило предъ его глазами. Порой ему—мол-

чаливому и серьезному—становилось такъ скучно смотрѣть на людей, что хотѣлось закрыть глаза и уйти куда-нибудь далеко—дальше, чѣмъ Пашка Грачевъ ходилъ,—уйти и ужъ не возвращаться сюда, въ эту сѣрую скуку и непонятную людскую суету.

Въ праздники его посылали въ церковь. И онъ возвращался оттуда всегда съ такимъ чувствомъ, какъ будто сердце его омыли въ храмѣ душистою, теплою влагой. Къ дядѣ за полгода службы его отпускали два раза. Тамъ все шло попрежнему. Горбунъ худѣлъ, а Петруха посвистывалъ все громче, и лицо у него изъ розоваго становилось краснымъ. Яковъ жаловался, что отецъ притѣсняетъ его.

— Все журитъ: дѣло, говоритъ, дѣлай... Я, говоритъ, книжника не хочу... Но ежели мнѣ противно за стойкой торчать? Шумъ, гамъ, вой, ревъ... самого себя не слышно!.. Я говорю: отдай меня въ приказчики, въ лавку, гдѣ иконами торгуютъ... Покупателя тамъ бываетъ мало, а иконы я люблю...

Глаза у Якова грустно мигали, кожа на лбу отчего-то пожелтѣла и свѣтилась, какъ лысина на головѣ его отца.

— Книжки-то читаете?—спросилъ Илья.

— А какъ же? Только и радости вижу... Пока читаешь, словно въ другомъ городѣ живешь... а кончишь — какъ съ колокольни упалъ...

Илья посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Какой ты старый сталъ... А Машутка гдѣ?

— Въ богадѣльню пошла за милостыней. Теперь я ей не много помогаю: отецъ-то слѣдитъ... А Перфишка все хвораетъ... Такъ Манька-то начала въ богадѣльню ходить... щей тамъ даютъ ей и всего... Матица помогаетъ еще... Сильно бьется Маша...

— Тоже и у васъ скушно,—задумчиво сказалъ Илья.

— А тебѣ очень скушно?

— Смерть!.. У васъ хоть книжки... а у насъ во всемъ домѣ одинъ „Новѣйшій фокусникъ и чародѣй“ у приказчика въ сундукѣ лежитъ, да и того я не добьюсь почитать... не даетъ, жуликъ.

— Плохо, видно, зажили мы, Илья...

— Плохо, братъ...

Они поговорили еще немного и простились, оба грустные и задумчивые.

Прошло еще нѣсколько недѣль такой жизни, и вдругъ судьба сурово, но все же милостиво улыбнулась Ильѣ. Однажды утромъ, во время оживленной торговли, хозяинъ, стоя за конторкой, вдругъ быстро началъ перебирать все на ней.

Лобъ его покраснѣлъ, густо налившись кровью, и на шеѣ туго вздулись жилы.

— Илья!—крикнулъ онъ. — Погляди-ка на полу... не лежитъ ли гдѣ десятирублевка...

Илья взглянулъ на купца, потомъ быстрымъ взглядомъ окинулъ полъ и спокойно сказалъ:

— Нѣтъ...

— Я те говорю—погляди, какъ слѣдуетъ...—рявкнулъ хозяинъ густымъ басомъ.

— Да я глядѣлъ...

— Мм... хорошо же, упрямая шельма!—пригрозилъ ему хозяинъ.

А когда покупатели ушли, онъ позвалъ Илью, схватилъ крѣпкими и толстыми пальцами его ухо и началъ рвать изъ стороны въ сторону, приговаривая рычащимъ голосомъ:

— Велятъ глядѣть—гляди, велятъ глядѣть—гляди...

Илья уперся обѣими руками въ брюхо хозяина, сильно оттолкнулся, вырвалъ ухо изъ его пальцевъ и злымъ голосомъ, съ дрожью обиды во всемъ тѣлѣ, громко закричалъ:

— Что̀ вы деретесь? Деньги Михаилъ Игнатьичъ утащилъ... да! Онѣ у него въ лѣвомъ карманѣ, въ жилеткѣ...

Совиное лицо приказчика изумленно вытянулось, дрогнуло, и вдругъ, размахнувшись правой рукой, онъ ударилъ Илью по головѣ. Мальчикъ упалъ со стономъ и, заливаясь слезами, поползъ по полу въ уголъ лавки. Какъ сквозь сонъ онъ слышалъ звѣриный ревъ хозяина:

— Стой! Куда? Подай деньги...

— Онъ вретъ-съ...—раздавался тонкій голосъ приказчика.

— Поди сюда...

— Ей-Богу-съ...

— Гирей кину въ башку!

— Кириллъ Иванычъ... Мои это-съ... Р-разрази меня...

— Молчать!..

И стало тихо. Хозяинъ ушелъ въ свою комнату, оттуда донеслось громкое щелканье косточекъ на счетахъ. Илья, держась за голову руками, сидѣлъ на полу и съ ненавистью смотрѣлъ на приказчика, который стоялъ въ другомъ углу лавки и тоже смотрѣлъ на мальчика нехорошими глазами.

— Что̀, сволочь, здо̀рово я тебя двинулъ?—тихо спросилъ онъ, оскаливъ зубы.

Илья дернулъ плечами и промолчалъ.

— А сейчасъ я тебѣ еще дамъ... памятку!

Приказчикъ, не торопясь, пошелъ на мальчика, уставивъ въ лицо его свои круглые, злые глаза. Но Илья всталъ на

ноги, твердымъ движеніемъ взялъ съ прилавка длинный и тонкій ножъ и сказалъ:

— Иди!

Тогда приказчикъ остановился, неподвижными глазами измѣряя коренастую крѣпкую фигурку съ ножомъ въ рукѣ, остановился и презрительно протянулъ:

— А, ка-аторжное отродье...

— Ну, иди, иди! —повторилъ мальчикъ, шагнувъ навстрѣчу ему. Предъ глазами Ильи все вздрагивало и кружилось, а въ груди своей онъ ощущалъ большую силу, смѣло толкавшую его впередъ.

— Брось ножъ!—раздался голосъ хозяина.

Илья вздрогнулъ, взглянувъ на рыжую бороду и налитое кровью лицо, но не тронулся съ мѣста.

— Положи, говорю, ножъ!—тише сказалъ хозяинъ.

Илья, плавая въ какомъ-то мутномъ туманѣ, положилъ ножъ на прилавокъ, громко всхлипнулъ и снова сѣлъ на полъ. Голова у него кружилась и болѣла, ухо саднило, онъ задыхался отъ огромной тяжести, выросшей въ его груди. Она затрудняла біеніе сердца, медленно поднималась къ горлу и мѣшала ему говорить. Голосъ хозяина донесся до него откуда-то издали:

— Получи расчетъ, Мишка...

— Позвольте-съ...

— Вонъ! А то полицію позову...

— Хорошо-съ! Я—уйду... Но и за этимъ мальчикомъ вы поглядывайте... Онъ съ ножичкомъ... хе-хе! У него папенька-то въ каторгѣ-съ... хе-хе!

— Вонъ!

И снова въ лавкѣ стало тихо. Илья оглянулся отъ непріятнаго ощущенія: ему показалось, что по лицу его что-то ползаетъ. Онъ провелъ рукой по щекѣ, отеръ слезы и увидалъ, что изъ-за конторки на него смотритъ хозяинъ острымъ, царапающимъ взглядомъ. Тогда онъ всталъ и пошелъ нетвердымъ шагомъ къ двери, на свое мѣсто.

— Стой, погоди!—сказалъ хозяинъ.—Могъ ты ударить его ножомъ?

— Ударилъ бы!—тихо, но твердо отвѣтилъ мальчикъ.

— Та-акъ... У тебя отецъ за что въ каторгу ушелъ — убилъ?

— Поджегъ...

— И то хорошо...

Пришелъ Карпъ, смиренно сѣлъ у двери на табуретку и сталъ смотрѣть на улицу.

— Карпушка!—съ усмѣшкой глядя на него, сказалъ хозяинъ.—Михаила-то я прогналъ...

— Воля ваша, Кириллъ Ивановичъ!

— Воровать сталъ, а?

— А-я-яй!—тихонько и съ испугомъ воскликнулъ Карпъ.—Да неужто? А-а?

Рыжая борода хозяина вздрогнула отъ усмѣшки, и онъ расхохотался, покачиваясь за конторкой.

— Хо-хо-хо! Ахъ, Карпушка... фокусникъ ты у меня... смиренная душа...

Потомъ онъ вдругъ пересталъ смѣяться, глубоко вздохнулъ и задумчиво, сурово сказалъ:

— Эхъ, люди, люди! Человѣки... Всѣ-то вы жить хотите, всѣмъ-то жрать надо, да чтобы каждому получше, повкуснѣе...

Онъ кивнулъ головой и замолчалъ.

— Н-ну, Илья,—послѣ долгаго и внушительнаго молчанія заговорилъ купецъ,—давай побесѣдуемъ... Перво-наперво скажи-ка мнѣ—замѣчалъ ты раньше, что Михайла воруетъ?

— Замѣчалъ...

— А что же ты мнѣ не сказалъ про это?

— Такъ...—подумавъ, отвѣтилъ Илья.

— Боялся его, что ли?

— Нѣтъ, не боялся...

— Та-акъ. Что же ты мнѣ не сказалъ: хозяинъ, молъ, грабятъ тебя...

— Не знаю... не хотѣлось...

— М-м... Значитъ, теперь ты мнѣ со зла сказалъ...

— Да,—твердо отвѣтилъ Илья.

— Ишь ты... какой!—воскликнулъ хозяинъ. Потомъ онъ долго гладилъ свою рыжую бороду, не говоря ни слова и серьезно разглядывая Илью.

— Ну, а самъ ты, Илья, воровалъ?

— Нѣтъ...

— Вѣрю... Ты—не воровалъ... Ну-съ, а Карпъ, вотъ этотъ самый Карпъ, онъ какъ,—воруетъ?

— Воруетъ!—какъ эхо, повторилъ мальчикъ.

Карпъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, мигнулъ глазами и спокойно отворотился въ сторону. Хозяинъ угрюмо сдвинулъ брови и снова началъ гладить бороду. Илья чувствовалъ, что происходитъ что-то странное, и напряженно ждалъ конца. Въ пахучемъ воздухѣ лавки жужжали мухи, былъ слышенъ тихій плескъ воды въ чанѣ съ живой рыбой.

— Карпушка!—окрикнулъ купецъ приказчика, неподвижно и со вниманіемъ смотрѣвшаго на улицу.

— Чего изволите?—откликнулся Карпъ, быстро подходя къ хозяину и глядя въ лицо ему своими вѣжливо-ласковыми глазами.

— Слышалъ ты, что̀ про тебя сказано?—съ усмѣшкой спросилъ Строганый.

— Слышалъ...

— Ну, и что̀ же?

— Ничего...—пожавъ плечами, сказалъ Карпъ.

— Т.-е. какъ же—ничего?

— Очень просто, Кириллъ Иванычъ. Я, Кириллъ Иванычъ, имѣю свое достоинство, будучи человѣкомъ уважающимъ себя, и потому на мальчика мнѣ не подобаетъ обижаться. Какъ сами изволите видѣть, мальчикъ откровенно глупъ, не имѣетъ никакихъ понятій... и я могу его дерзость совершенно простить...

— Погоди! Ты мнѣ зубовъ не заговаривай! Ты скажи—правду онъ говорилъ?

— Что̀ такое правда, Кириллъ Иванычъ?—тихо воскликнулъ Карпъ, снова пожимая плечами, и склонилъ голову на̀бокъ.—Всякъ по-своему ее разумѣетъ... И, конечно, ежели вамъ угодно—то вы его слова примете за правду... воля ваша...

Карпъ вздохнулъ и обиженно развелъ руками.

— Н-да, на все здѣсь воля моя...—согласился хозяинъ.—Такъ по-твоему мальчонка-то глупъ?

— Совершенно глупъ,—съ глубокой увѣренностью сказалъ Карпъ.

— Ну, это ты, пожалуй, и врешь...—неопредѣленно сказалъ Строганый и вдругъ захохоталъ.

— Нѣтъ, какъ это онъ лягнулъ прямо въ зѣнки тебѣ... хо-хо! Воруетъ Карпъ? Воруетъ! Хо-хо-хо!

Илья отошелъ къ двери и сталъ тамъ, слушая этотъ разговоръ, а когда хозяинъ засмѣялся, онъ почувствовалъ, что въ сердцѣ его вспыхнула мстительная радость, съ торжествомъ на лицѣ взглянулъ на Карпа и съ благодарностью—на хозяина. Карпъ прислушался къ хозяйскому смѣху и тоже выпустилъ изъ горла сухонькій и осторожный смѣшокъ:

— Хе-хе-хе!..

Но Строганый, услыхавъ эти жиденькіе звуки, сурово скомандовалъ:

— Запирай лавку!..

Когда Илья шелъ домой, Карпъ, потрясая головою, говорилъ ему:

— Дуракъ ты, дуракъ. Ну, сообрази, зачѣмъ затѣялъ ты канитель эту? Развѣ такъ предъ хозяевами выслуживаются

на первое мѣсто? Дубина! Ты думаешь, онъ не зналъ, что мы съ Мишкой воровали? Да онъ самъ съ того жизнь начиналъ... хе-хе! Что онъ Мишку прогналъ—за это я обязанъ по всей моей совѣсти сказать тебѣ спасибо! А что ты про меня сказалъ—это тебѣ не простится никогда, заранѣе говорю! Это называется — глупая дерзость! При мнѣ и про меня—этакое слово сказать. Нѣ-ѣтъ! Я тебѣ его припомню... Оно указываетъ, что ты меня не уважаешь...

Илья молча слушалъ эту рѣчь, но плохо понималъ ее. По его разумѣнію, Карпъ долженъ былъ сердиться на него не такъ: онъ былъ увѣренъ, что приказчикъ дорогой поколотитъ его, и даже боялся итти домой... Но вмѣсто злобы въ словахъ Карпа звучала только насмѣшка, и даже угрозы его не пугали Илью. Вечеромъ хозяинъ позвалъ Илью къ себѣ, наверхъ.

— Ага! Ну-ка, поди-ка!—проводилъ его Карпъ зловѣщимъ восклицаніемъ.

Войдя наверхъ, Илья остановился у двери большой комнаты, среди которой, подъ тяжелой лампой, опускавшейся съ потолка, стоялъ круглый столъ съ огромнымъ самоваромъ на немъ. Вокругъ стола сидѣлъ хозяинъ съ женой и дочерьми—всѣ три дѣвочки были какъ разъ на голову ниже одна другой, волосы у всѣхъ были рыжіе, и бѣлая кожа на ихъ длинныхъ лицахъ была густо усѣяна веснушками. Когда Илья вошелъ, онѣ плотно придвинулись одна къ другой и со страхомъ уставились на него тремя парами голубыхъ глазъ.

— Вотъ онъ!—сказалъ хозяинъ.

— Скажите, пожалуйста, какой! — опасливо воскликнула хозяйка и такъ посмотрѣла на Илью, точно раньше она никогда не видала его. Строганый усмѣхнулся, погладилъ бороду, постучалъ пальцами по столу и внушительно заговорилъ:

— Позвалъ я тебя, Илья, затѣмъ, чтобы сказать тебѣ—ты мнѣ больше не нуженъ, стало-быть, собирай свою хурдумурду и уходи...

Илья вздрогнулъ, удивленно раскрылъ ротъ и, повернувшись, пошелъ вонъ изъ комнаты.

— Стой!—сказалъ купецъ, протянувъ къ нему руку, и, стукнувъ по столу ладонью, повторилъ тономъ ниже:

— Стой!

Затѣмъ онъ поднялъ палецъ кверху и солидно, медленно заговорилъ снова:

— Позвалъ я тебя не за однимъ этимъ... Нѣтъ... Поучить тебя надо... Надо объяснить тебѣ, почему ты сталъ мнѣ вреденъ. Никакого худа ты мнѣ не сдѣлалъ... паренекъ ты гра-

мотный... и не лѣнивый... честный и здоровый... н-да! Все это твои козыри. Но и съ этими козырями ты мнѣ не нуженъ... такъ сказать, не ко двору... Почему,—вопросъ?.. н-да...

Илья понималъ, что его хвалятъ и гонятъ вонъ. Это не объединялось въ его головѣ, вызывало въ немъ двойственное чувство удовольствія и обиды, ему казалось, что хозяинъ самъ не понимаетъ того, что̀ онъ дѣлаетъ... А лицо Строганаго, словно подтверждая догадку мальчика, было напряжено какой-то мыслью, которую купцу, должно-быть, не удавалось поймать и заключить въ слова. Тогда мальчикъ шагнулъ впередъ и смирно, съ почтеніемъ въ голосѣ, спросилъ:

— Это вы меня за то прогоняете, что я—съ ножомъ давеча?..

— А, батюшки!—испуганно воскликнула хозяйка.—Какой дерзкій! Ахъ, Господи!..

— Вотъ! — сказалъ хозяинъ съ удовольствіемъ, улыбаясь Ильѣ и тыкая пальцемъ по направленію къ нему.—Ты—дерзокъ! Именно такъ! Ты—дерзокъ... А служащій мальчикъ долженъ быть смиренъ... смиренномудръ, какъ сказано въ Писаніи... Онъ живетъ на всемъ хозяйскомъ... У него пища хозяйская, и умъ хозяйскій, и честность тоже... А у тебя свое... И оттого ты дерзокъ... Ты, напримѣръ, въ глаза человѣку лѣпишь—воръ! Это нехорошо, это дерзко... Ты, ежели честный, мнѣ скажи объ этомъ человѣкѣ, но—тихонько скажи... Я ужъ самъ опредѣлю все... я—хозяинъ!.. А ты вслухъ—воръ... Нѣтъ, ты погоди... Коли изъ троихъ одинъ честенъ—это для меня ничего не значитъ... Тутъ особый счетъ надобенъ... Если же одинъ честенъ, а девять подлецы, никто не выигрываетъ... Но человѣкъ пропадаетъ. А ежели семеро честныхъ на трехъ подлецовъ—твоя взяла... Понялъ? Которыхъ больше, тѣ и правы... А ежели одинъ—что̀ въ немъ? Вотъ какъ о честности разсуждать надо...

Строганый отеръ ладонью потъ со лба и продолжалъ:

— Опять же—хватаешь ты ножикъ...

— О, Господи Исусе!—съ ужасомъ воскликнула хозяйка, а дѣвочки еще плотнѣе прислонились одна къ другой.

— Сказано—взявши ножъ, отъ него и погибнешь... Н-да... Вотъ почему ты мнѣ совсѣмъ лишній... Такъ-то... На̀ вотъ тебѣ полтинку и—иди... Уходи... Помни—ты мнѣ ничего худого, я тебѣ тоже... Даже—вотъ, на̀! Дарю полтинникъ... И разговоръ велъ я съ тобой, мальчишкой, серьезный, какъ надо быть, и... все такое... Можетъ, мнѣ даже жалко тебя... но неподходящій ты! Коли чека не по оси,—такъ ее до ѣзды надо бросить... Ну, иди...

— Прощайте! — сказалъ Илья. Рѣчь хозяина онъ выслушалъ внимательно и понялъ ее просто—купецъ прогонялъ его потому, что не могъ прогнать Карпа, боясь остаться безъ приказчика. Отъ этого Ильѣ стало легко и радостно. И хозяинъ показался ему особеннымъ какимъ-то—простымъ, милымъ.

— Держи деньги!

— Прощайте!—повторилъ Илья, крѣпко сжавъ въ рукѣ серебряныя монетки.—Покорно благодарю!

— Не на чемъ! — отвѣтилъ Строганый, кивнувъ ему головой.

— А-я-яй! Ни слезинки не выронилъ...—донесся вслѣдъ Ильѣ укоризненный возгласъ хозяйки.

Когда Илья, съ узломъ на спинѣ, вышелъ изъ крѣпкихъ воротъ купеческаго дома, ему показалось, что онъ идетъ издалека, изъ сѣрой и пустой страны, о которой онъ читалъ въ одной книжкѣ и гдѣ не было ничего, ни людей ни деревьевъ, только одни камни, а среди нихъ жилъ старый, добрый волшебникъ, ласково указывавшій дорогу всѣмъ, кто попадалъ въ эту страну.

Былъ вечеръ яснаго дня весны. Заходило солнце, на стеклахъ оконъ пылалъ красный огонь. Это напомнило мальчику тотъ день, когда онъ впервые увидалъ городъ съ берега рѣки. Тяжесть узла съ пожитками давила ему спину,—онъ замедлилъ шаги. По тротуару шли люди, задѣвая его ношу, съ трескомъ и грохотомъ ѣхали экипажи; въ косыхъ лучахъ солнца носилась пыль, было шумно, суетливо, весело. Въ памяти мальчика вставало все то, что онъ пережилъ въ городѣ за эти годы. Онъ чувствовалъ себя взрослымъ человѣкомъ, сердце его билось гордо и смѣло, и въ ушахъ его звучали слова купца:

— Ты мальчикъ грамотный, не глупый, здоровый, не лѣнивый... Это твои козыри...

Илья снова ускорилъ шаги, чувствуя въ себѣ крѣпкую, ясную радость и улыбаясь при мысли, что завтра ужъ не надо итти въ рыбную лавку...

Возвращаясь въ домъ Петрухи Филимонова, Илья съ гордостью убѣдился, что онъ дѣйствительно очень выросъ за время службы въ рыбной лавкѣ. Всѣ въ домѣ относились къ нему со вниманіемъ и лестнымъ любопытствомъ. Перфишка подалъ ему руку.

— Приказчику—почтеніе! Что, братъ, отслужилъ? Слышалъ я о твоихъ подвигахъ—ха-ха! Они, братъ, любятъ, когда языкъ имъ пятки лижетъ, а не когда онъ правду рѣжетъ...

Маша, увидавъ его, радостно вскричала:

— О-го-о! Какой ты большой сталъ!

Яковъ тоже обрадовался.

— Ну вотъ, и опять вмѣстѣ будемъ жить... А у меня книжка есть „Альбигойцы"—ну, исторія, я тебѣ скажу. Есть тамъ одинъ—Симонъ Монфоръ... вотъ такъ чудище!—И Яковъ торопливо, сбивчиво началъ разсказывать содержаніе книжки. А Илья, глядя на него, съ удовольствіемъ подумалъ, что его большеголовый товарищъ остался такимъ же, каковъ былъ. Въ поведеніи Ильи у Строганаго Яковъ не увидалъ ничего особеннаго. Онъ выслушалъ разсказъ товарища и просто сказалъ ему:

— Такъ и надо было...

И такое отношеніе Якова показалось Ильѣ немножко обиднымъ.

Самъ Петруха, выслушавъ разсказъ Ильи о происшествіи въ лавкѣ, видимо былъ удивленъ поведеніемъ Ильи и не скрылъ этого, одобрительно сказавъ:

— Ловко ты ихъ поддѣлъ, ловко, братъ! Ну, а Кириллъ Иванычу, конечно, нельзя мѣнять Карпа на тебя. Карпъ дѣло знаетъ, цѣна ему высокая. А тебѣ съ нимъ послѣ такого случая нельзя было бы жить... Ты по правдѣ хочешь, въ открытую пошелъ... Потому онъ тебя и перевѣсилъ...

Но, однако, на другой день дядя Терентій тихонько сказалъ племяннику:

— Ты съ Петрухой-то не тово... не очень разговаривай... Осторожненько... Онъ тебя не взлюбилъ... ругаетъ... Ишь, говоритъ, какой правдолюбъ! А отчего правдолюбъ? Оттого, что еще глупъ! Н-да... вонъ онъ какъ...

Илья выслушалъ слова дяди и засмѣялся.

— А вчера онъ меня восхваливалъ,—ловко, говорилъ. Вотъ и всѣ люди такъ: въ глаза хвалятъ, а за глаза хаютъ...

Но отношеніе Петрухи не умѣрило въ Ильѣ его повышенной самооцѣнки. Онъ ясно чувствовалъ себя героемъ, онъ понималъ, что велъ себя у купца хорошо, лучше, чѣмъ велъ бы себя другой въ такихъ обстоятельствахъ.

Мѣсяца черезъ два, послѣ тщетныхъ поисковъ новаго мѣста, у Ильи съ дядей завязался такой разговоръ:

— Да-а... — уныло тянулъ горбунъ. — Нѣту мѣстовъ для тебя... Вездѣ говорятъ—великъ... Какъ же будемъ жить, милачокъ? а? Какъ же?

А Илья солидно и убѣдительно говорилъ:

— Мнѣ пятнадцать лѣтъ... я парень грамотный, не глупый... А ежели я дерзкій, такъ меня и съ другого мѣста прогонятъ... все равно! Кому нужно дерзкаго-то?

— Что̀ же дѣлать будемъ? а?—опасливо спрашивалъ Терентій, сидя на своей постели и крѣпко упираясь въ нее руками.

— Вотъ что̀: закажи ты мнѣ ящикъ и купи товару. Мыловъ, духовъ, иголокъ, книжекъ... всякой всячины... И буду я ходить да торговать отъ себя...

— Что-то я не понимаю этого, Илюша,—у меня трактиръ въ головѣ... шумитъ!.. Тукъ, тукъ, тукъ... Всегда... Что-то мнѣ слабо думаться стало... И въ глазахъ и въ душѣ все одно... все это самое...

Въ глазахъ горбуна дѣйствительно застыло какое-то напряженное выраженіе, точно онъ всегда что-то считалъ и не могъ сосчитать.

— Да ты попробуй! Ты пусти меня...—спрашивалъ его Илья, увлеченный своею мыслью, сулившей ему свободу.

— Ну, Господь съ тобой! Попробуемъ инъ...

— Вотъ! Увидишь, что̀ будетъ,—радостно вскричалъ Илья.

— Эхъ!—глубоко вздохнулъ Терентій и съ тоской заговорилъ:

— Росъ бы ты поскорѣе! Будь-ка ты побольше—охо-хо! Ушелъ бы я... А то какъ якорь ты мнѣ... изъ-за тебя стою я въ гниломъ озерѣ этомъ... и пропадаю! Ушелъ бы я ко святымъ угодникамъ... Сказалъ бы имъ: Угодники Божіи! Милостивцы и заступники! Согрѣшилъ я, окаянный! Тяжело мнѣ... избавьте! Заступитесь предъ Отцомъ моимъ!

И горбунъ вдругъ беззвучно заплакалъ. Илья понялъ, о какомъ грѣхѣ говоритъ дядя, и самъ вспомнилъ этотъ грѣхъ. Сердце у него вздрогнуло. Ему было жалко дядю, и, видя, что все обильнѣе льются слезы изъ робкихъ глазъ горбуна, онъ проговорилъ:

— Ну, не плачь ужъ... Погоди, вотъ я расторгуюсь, и пойдешь...—Онъ замолчалъ, подумалъ и утѣшительно добавилъ:

— Ничего, простятъ...

— Простятъ ли?—тихо спросилъ Терентій. А мальчикъ снова, и уже съ увѣренностью, повторилъ:

— Простятъ!.. Не то прощаютъ... я вѣдь знаю!..

И вотъ Илья началъ торговать. Съ утра до вечера онъ ходилъ по улицамъ города съ ящикомъ на груди, прищуривая черные глаза, и, поднявъ носъ кверху, съ достоинствомъ поглядывалъ на людей. Нахлобучивъ картузъ глубоко на голову, онъ выгибалъ кадыкъ и кричалъ молодымъ, ломкимъ голосомъ:

— Мыло! Вакса! Помада! Шпильки, булавки! Нитки, иголки!

Пестрой и шумной волной лилась жизнь вокругъ него, онъ

плылъ въ этой волнѣ свободно и легко, чувствуя себя такимъ же человѣкомъ, какъ и всѣ. Онъ толкался на базарахъ, заходилъ въ трактиры, важно спрашивалъ себѣ пару чая и пилъ его съ бѣлымъ хлѣбомъ долго, солидно, какъ человѣкъ, знающій себѣ цѣну. Жизнь казалась ему простой, легкой, пріятной. Его мечты принимали тоже простыя и ясныя формы: онъ представлялъ себя чрезъ нѣсколько лѣтъ хозяиномъ маленькой, чистенькой лавочки, гдѣ-нибудь на хорошей, не очень шумной улицѣ города, а въ лавкѣ у него—легкій и чистый галантерейный товаръ, который не пачкаетъ и не портитъ одежи. И самъ онъ тоже чистый, здоровый, красивый. Всѣ въ улицѣ уважаютъ его, а дѣвушки смотрятъ ласковыми глазами. Вечеромъ, закрывъ лавку, онъ сидитъ въ чистой и свѣтлой комнатѣ рядомъ съ ней, пьетъ чай и читаетъ книжку. Чистота во всемъ казалась ему необходимымъ, главнымъ условіемъ порядочной жизни. Такъ мечталось ему, когда торговля шла успѣшно и никто не обижалъ его грубымъ обращеніемъ, ибо съ той поры, какъ онъ понялъ себя самостоятельнымъ человѣкомъ, онъ сталъ очень чутокъ и обидчивъ.

Но когда ему не удавалось ничего продать, и онъ, усталый, сидѣлъ въ трактирѣ или гдѣ-нибудь на улицѣ, ему вспоминались грубые окрики и толчки полицейскихъ, подозрительное и обидное отношеніе покупателей, ругательство и насмѣшки конкурентовъ, такихъ же разносчиковъ, какъ онъ,—тогда въ немъ смутно шевелилось большое, безпокойное чувство. Его глаза раскрывались шире, смотрѣли глубже въ жизнь, а память, богатая впечатлѣніями, подкладывала ихъ одно за другимъ въ механизмъ его разсудка. Онъ ясно видѣлъ, что всѣ люди идутъ къ одной съ нимъ цѣли, ищутъ той же спокойной, сытой и чистой жизни, какой хочется и ему. И никто изъ людей не стѣсняется оттолкнуть со своей дороги другого, если онъ мѣшаетъ ему; всѣ жадны, всѣ безжалостны и даже часто обижаютъ другъ друга, не имѣя въ этомъ надобности и безъ всякой пользы для себя, а какъ бы только ради одного удовольствія обидѣть человѣка. Иногда оскорбляютъ со смѣхомъ, и рѣдко кто жалѣетъ обиженнаго...

Отъ этихъ думъ торговля казалась ему скучнымъ дѣломъ, мечта о чистой, маленькой лавочкѣ какъ будто таяла въ немъ, онъ чувствовалъ въ груди своей пустоту, а въ тѣлѣ вялость и лѣнь. Ему казалось, что онъ никогда не выторгуетъ столько денегъ, сколько нужно для того, чтобъ открыть лавочку, и до старости будетъ шляться по пыльнымъ и жаркимъ улицамъ съ ящикомъ на груди, съ болью въ плечахъ и спинѣ отъ ремня. Но удача въ торговлѣ вновь возбуждала его бодрость

и оживляла мечту. Какъ-то разъ на одной изъ бойкихъ улицъ города Илья увидалъ Пашку Грачева. Сынъ кузнеца шелъ по тротуару безпечной походкой гуляющаго человѣка, руки его были засунуты въ карманы дырявыхъ штановъ, на плечахъ болталась не по росту длинная и широкая синяя блуза, тоже рваная и грязная, и большія опорки при каждомъ его шагѣ звучно щелкали каблуками по камню панели. Картузъ со сломаннымъ козырькомъ былъ молодецки сдвинутъ на лѣвое ухо, половину головы свободно пекло солнце, а рожу и шею Пашки покрывалъ густой налетъ какой-то маслянистой грязи. Онъ еще издали узналъ Илью, весело кивнулъ ему головой, но не ускорилъ шага навстрѣчу ему.

— Здравствуй!—сказалъ Илья.—Какимъ ты фертомъ...

Пашка крѣпко стиснулъ его руку и, не выпуская ея, засмѣялся. Его зубы и глаза блестѣли подъ маской грязи ясно и весело.

— Какъ живешь?

— Живемъ, какъ можемъ, есть пища—гложемъ, нѣтъ—попищимъ, да такъ и ляжемъ... ха, ха! А я вѣдь радъ, что тебя встрѣтилъ, чортъ те дери!

— Ты что никогда не придешь?—спросилъ Илья, улыбаясь. Ему тоже было пріятно видѣть стараго товарища такимъ веселымъ и чумазымъ. Онъ поглядѣлъ на Пашкины опорки, потомъ на свои новые сапоги, цѣною въ девять рублей, и самодовольно улыбнулся.

— А я почемъ знаю, гдѣ ты живешь...—сказалъ Грачевъ.

— Все тамъ, у Филимонова...

— Ну-у? А Яшка говорилъ, что ты гдѣ-то рыбой торгуешь...

Тогда Илья съ гордостью разсказалъ Пашкѣ о своей службѣ у Строгапаго и о томъ, какъ онъ живетъ теперь.

— Ай-да паши — чуваши! — одобрительно воскликнулъ Грачевъ.—А я тоже... изъ типографіи прогнали за озорство, такъ я къ живописцу поступилъ краски тереть и всякое тамъ... Да, чортъ ее, на сырую вывѣску и сѣлъ однажды... ну, начали они меня пороть! Вотъ пороли, черти! И хозяинъ, и хозяйка, и мастеръ... прямо того и жди, что помрутъ съ устатка... Потомъ прогнали... Теперь я у водопроводчика живу... Шесть цѣлковыхъ въ мѣсяцъ... Ходилъ вотъ обѣдать, а теперь опять на работу иду...

— Не торопишься.

— А песъ съ ней! Развѣ всю ее когда передѣлаешь? Надо будетъ зайти къ вамъ...

— Приходи!—дружески сказалъ Илья.

— Книжки-то читаете?

— Какъ же! А ты?

— И я клюю помалу...

— А стихи сочиняешь?..

— И стихи...

Пашка снова весело захохоталъ.

— Приходи, а? Стихи тащи...

— Право, приду... Водочки принесу...

— Пьешь развѣ?

— Хлещемъ... Однако, прощай...

— Прощай!—сказалъ Илья.

Онъ пошелъ своей дорогой, думая о Пашкѣ. Ему казалось страннымъ, что этотъ оборванный паренекъ не выказалъ никакой зависти къ его крѣпкимъ сапогамъ, чистой одеждѣ и даже какъ бы не замѣтилъ этого. А когда Илья разсказалъ о своей самостоятельной жизни, Пашка только обрадовался. И Илья съ непонятной ему тревогой въ душѣ подумалъ: „Неужели Грачевъ не хочетъ того, чего всѣ хотятъ? Чего можно хотѣть еще, кромѣ чистой, спокойной, независимой жизни?“

Особенно ясно чувствовалъ въ себѣ Илья грусть и тревогу послѣ посѣщенія церкви. Онъ рѣдко пропускалъ церковныя службы, съ удовольствіемъ посѣщая и обѣдни и всенощныя. Онъ не молился, а просто стоялъ гдѣ-нибудь въ углу и, ни о чемъ не думая, смотрѣлъ на людей, слушалъ пѣніе. Люди стояли неподвижно, молча, и было въ ихъ молчаніи что-то единодушное, какъ будто каждый человѣкъ упорно думалъ о томъ же, о чемъ думали и всѣ другіе. Волны пѣнія носились по храму вмѣстѣ съ облаками ладана, и порой Ильѣ казалось, что и онъ вмѣстѣ со звуками поднимается вверхъ, плаваетъ съ ними въ теплой и ласковой пустотѣ и теряетъ себя въ ней. Въ торжественномъ и важномъ настроеніи, которое, наполняя храмъ, миротворно вѣяло на душу, было что-то совершенно чуждое суетѣ жизни, непримиримое съ ея стремленіями. Сначала въ душѣ Ильи это впечатлѣніе укладывалось отдѣльно отъ другихъ обычныхъ впечатлѣній его дня, не смѣшивалось съ ними и не безпокоило его. Но потомъ онъ замѣтилъ, что въ сердцѣ его живетъ нѣчто, всегда наблюдающее за нимъ. Оно пугливо скрывается гдѣ-то въ немъ и безмолвно въ суетѣ жизни, но, когда онъ приходитъ въ церковь, оно тихо растетъ въ груди его и вызываетъ въ ней что-то особенное, тревожное, противорѣчивое его мечтамъ о чистой жизни. Въ эти моменты ему всегда вспоминались

разсказы объ отшельникѣ Антипѣ и любовныя рѣчи трянчника о Богѣ.

„Господь все видитъ, всему мѣру знаетъ! Кромѣ Его—никого!“

Илья приходилъ домой полный смутнаго безпокойства, чувствуя, что его мечта о будущемъ выцвѣла и слиняла, и что въ немъ же самомъ есть кто-то, не желающій открыть галантерейную лавочку. Но жизнь брала свое, и скоро этотъ кто-то опять скрывался въ глубь души...

Разговаривая съ Яковомъ обо всемъ, Илья однако не говорилъ ему о своемъ раздвоеніи. Онъ и самъ думалъ о немъ только по необходимости, никогда своей волей не останавливая мысли на этомъ непонятномъ ему чувствѣ.

Вечера онъ проводилъ очень пріятно. Возвращаясь изъ города, онъ шелъ въ подвалъ къ Машѣ и хозяйскимъ тономъ спрашивалъ:

— Машутка! какъ у насъ насчетъ самоварчика?

А самоварчикъ уже былъ готовъ и стоялъ на столѣ, курлыкая и посвистывая. Илья всегда приносилъ съ собой чего-нибудь вкуснаго: баранокъ, мятныхъ пряниковъ, медовой коврижки, а иногда и варенья паточнаго,—и Маша любила поить его чаемъ. Дѣвочка тоже начала зарабатывать деньги: Матица научила ее дѣлать изъ бумаги цвѣты, и Машѣ нравилось составлять изъ тонкихъ, весело шуршавшихъ бумажекъ яркія розы. Иногда она зарабатывала до гривенника въ день. Ея отецъ заболѣлъ тифомъ, съ лишкомъ два мѣсяца пролежалъ въ больницѣ и пришелъ оттуда сухой, тонкій, съ прекрасными, тонкими кудрями на головѣ. Онъ сбрилъ свою растрепанную, безшабашную бороденку и, несмотря на желтыя, ввалившіяся щеки, казался помолодѣвшимъ лѣтъ на пять. Попрежнему онъ работалъ у чужихъ людей и даже ночевать являлся домой рѣдко, предоставивъ квартиру въ полное распоряженіе дочери. Она чинила ему одежду и тоже стала звать отца, какъ всѣ,—Перфишкой. Сапожникъ забавлялся ея отношеніемъ къ нему и даже какъ бы чувствовалъ уваженіе къ своей кудрявой дѣвочкѣ, умѣвшей хохотать такъ же великолѣпно и весело, какъ самъ онъ.

Вечернее чаепитіе у Маши вошло въ привычку Ильи и Якова. Ребята усаживались за столъ и пили долго, много, обливаясь потомъ и разговаривая обо всемъ, что задѣвало ихъ. Илья разсказывалъ о томъ, что видѣлъ въ городѣ, Яковъ, читавшій цѣлыми днями —о книгахъ, о скандалахъ въ трактирѣ, жаловался на отца, а иногда—и все чаще—начиналъ плести языкомъ что-то такое, что и Ильѣ и Машѣ

казалось и несуразнымъ и непонятнымъ. Маша, съ утра до вечера сидѣвшая въ своей комнатѣ, работая и распѣвая пѣсни, слушала разговоръ парней, сама говорила мало и смѣялась, когда было надъ чѣмъ. Чай былъ необыкновенно вкусенъ, а самоваръ, весь покрытый окисями, имѣлъ славную старческую рожу, ласково-хитрую. Почти всегда, когда ребята только-что входили во вкусъ чаепитія, самоваръ съ добродушнымъ ехидствомъ начиналъ гудѣть, ворчать, и въ немъ не оказывалось воды. Маша хватала его и тащила доливать; каждый вечеръ ей приходилось дѣлать это по нѣскольку разъ.

Если всходила луна, то и ея лучъ попадалъ въ компанію дѣтей—сегодня такой же, какъ и вчера,—всегда пятномъ одной и той же формы.

Въ этой маленькой ямкѣ, стиснутой полугнилыми стѣнами и накрытой тяжелымъ, низкимъ потолкомъ, всегда чувствовался недостатокъ воздуха, свѣта, воды, хлѣба, сахару и многаго другого, но въ ней было весело, и каждый вечеръ рождалось много хорошихъ чувствъ и наивныхъ, юныхъ мыслей.

Иногда при чаепитіи присутствовалъ Перфишка. Обыкновенно онъ помѣщался въ темномъ углу комнаты на подмосткахъ около коренастой, осѣвшей въ землю печи или влѣзалъ на печь, свѣшивалъ оттуда голову, и въ сумракѣ блестѣли его бѣлые, мелкіе зубы. Дочь подавала ему большую кружку чаю, кусокъ сахару и хлѣба; онъ принималъ и, посмѣиваясь, говорилъ:

— Покорнѣйше благодарю, Марья Перфильевна. Чувствительно растрясенъ вашей добротой...

Иногда онъ со вздохомъ зависти восклицалъ:

— А хорошо вы живете, ребята, чтобъ васъ дождемъ размочило! Пріятно! Совсѣмъ, какъ люди.

И потомъ, улыбаясь и вздыхая, разсказывалъ:

— Житье-то? Все улучшается! Все пріятнѣе жить человѣку годъ отъ года. Я въ ваши года, бывало, только со шпандыремъ бесѣды велъ. Начнетъ это онъ меня по спинѣ гладить, а я отъ удовольствія вою что есть мочи. Перестанетъ онъ—спина обидится, надуется и ноетъ, по миломъ другѣ тоскуетъ. Ну, онъ долго себя ждать не заставлялъ,—чувствительный былъ шпандырь! Да! Только всего и удовольствія видѣлъ я, ей-Богу! Вотъ вы теперь вырастете большіе и будете все это вспоминать... разговоры, случаи разные и всю вашу пріятную жизнь. А я вотъ выросъ,—тридцать шестой годъ мнѣ,—а вспомнить нечего! Ни одной искры! Со-

всѣмъ нечего вспомнить. Вродѣ какъ бы слѣпъ и глухъ былъ я въ ваши годы. Только и помню, что во рту у меня всегда зубы щелкали съ голоду да холоду, на рожѣ синяки росли... а ужъ какъ у меня кости, уши, волосы цѣлы остались—этого я не могу понять. Не били меня, милаго, только печкой, а объ печку—сдѣлайте ваше одолженіе!—сколько угодно! Н-да, старались, учили, какъ веревочку сучили... А хоть меня и били, и кожу съ меня лупили, и кровь сосали, и на полъ бросали, русскій человѣкъ живучъ! Хоть толки его въ ступѣ—онъ все на свое мѣсто вступитъ! Ха-арошій, крѣпкій человѣкъ... Вотъ я: меня и мололи и въ щепы кололи, а я живу себѣ кукушкой, порхаю по трактирамъ, доволенъ всѣмъ міромъ! Богъ меня любитъ... Разъ взглянулъ на меня, засмѣялся, ахъ, говоритъ,—такой-сякой! И махнулъ на меня рукой...

Молодежь слушала складныя рѣчи сапожника и смѣялась. И Илья смѣялся, но въ то же время звуки пѣвучаго голоса Перфишки будили въ немъ всегда одну и ту же навязчивую и неотступную мысль. Однажды онъ попытался выяснить ее себѣ и съ недовѣрчивой усмѣшкой спросилъ сапожника:

— Такъ, Перфиша, будто ты ничего и не хочешь?

— Кто говоритъ? Мнѣ, примѣрно, всегда выпить хочется...

— Нѣтъ, ты правду скажи; вѣдь хочется чего-нибудь?—настойчиво спросилъ Илья.

— Вправду? Н-ну, тогда... тогда гармонію бы... Ха-арошую бы гармонію желалъ я имѣть... Цѣлковыхъ, этакъ, въ двадцать... пять! С-с-с! Тогда бы я сыгралъ вамъ!..

Онъ замолчалъ и тихо, съ удовольствіемъ засмѣялся, но тотчасъ же умолкъ, что-то сообразилъ и уже съ полнымъ убѣжденіемъ сказалъ Ильѣ:

— Н-нѣтъ, братъ, и гармонія тоже ни къ чему мнѣ... Во-первыхъ—дорогую я обязательно пропью,—р-разъ! Во-вторыхъ—а вдругъ она объявитъ себя хуже моей?—Два! Вѣдь теперь у меня какая гармонія? Ей нѣтъ цѣны! Въ ней—душа моя квартируетъ! Она меня понимаетъ: я только подумаю палецъ на ладъ поставить, а она ужъ поетъ! У меня, дядя, гармонія рѣдкостная,—она, можетъ, всего одна такая-то и живетъ на свѣтѣ... Гармонія—какъ жена... У меня вотъ жена тоже была—ангелъ, а не человѣкъ! И ежели мнѣ теперь жениться,—какъ можно? Другую такую, какъ была,—не найдешь... Къ новой-то женѣ—обязательно старую мѣрку прикинешь, а она окажется уже... и будетъ отъ того и мнѣ и ей хуже! Вотъ оно какъ... Эхъ, братъ, не то вѣдь хорошо, что хорошо, а то, что любо!

Съ похвалами сапожника своей гармоніи Илья соглашался. Перфишкинъ инструментъ своей чуткостью и звучностью у всѣхъ вызывалъ единодушное удивленіе. Но Илья не могъ повѣрить тому, что у сапожника нѣтъ никакихъ желаній. Предъ Луневымъ вставалъ ясный и опредѣленный вопросъ: неужели можно всю жизнь жить въ грязи, ходить въ отрепьяхъ, пить водку и, умѣя играть на гармоніи, не желать уже ничего иного, лучшаго? Эта мысль позволяла ему относиться къ Перфишкѣ, какъ къ блаженненькому, но въ то же время онъ всегда съ интересомъ и недовѣріемъ присматривался къ безпечному человѣку и чувствовалъ, что сапожникъ по душѣ своей лучше всѣхъ людей въ этомъ домѣ, хоть онъ и пьяница и никчёмный...

Иногда молодежь подходила къ тѣмъ огромнымъ и глубокимъ вопросамъ, которые, раскрываясь предъ человѣкомъ, какъ бездонныя пропасти, властно влекутъ его пытливый умъ и сердце въ свою таинственную тьму. Эти вопросы возбуждалъ Яковъ. У него образовалась странная привычка: онъ сталъ ко всему прижиматься, точно чувствовалъ себя нетвердымъ на ногахъ. Сидя, онъ или опирался плечомъ на ближайшій предметъ, или крѣпко кладъ на него руку. Идя по улицѣ быстрымъ, но неровнымъ шагомъ, онъ зачѣмъ-то дотрогивался рукою до тумбъ, точно считалъ ихъ, или тыкалъ ею въ заборы, какъ бы пробуя ихъ устойчивость. За чаемъ у Маши онъ сидѣлъ подъ окномъ, прижимаясь спиною къ стѣнѣ, и длинные пальцы его рукъ всегда цѣплялись за стулъ или за край стола. Склонивъ на бокъ свою большую голову, покрытую гладкими и мягкими волосами цвѣта сырого мочала, онъ поглядывалъ на собесѣдниковъ, и голубые глаза на его блѣдномъ лицѣ все время то прищуривались, то широко открывались. Попрежнему онъ любилъ разсказывать свои сны и никогда не могъ изложить содержаніе прочитанной имъ книжки, не прибавивъ отъ себя чего-то страннаго и непонятнаго. Илья уличалъ его въ этомъ, но Яковъ не смущался и просто говорилъ:

— Такъ, какъ я разсказывалъ,—лучше. Вѣдь это только Священное Писаніе нельзя толковать, какъ хочется, а простыя книжки можно. Людьми писано, и я—человѣкъ. Я могу поправить, если не нравится мнѣ... Нѣтъ, ты мнѣ вотъ что скажи: когда ты спишь, гдѣ душа?

— А я почему знаю?—отвѣчалъ Илья, не любившій такихъ вопросовъ, ибо они вызывали въ немъ какую-то непріятную смуту.

— Я думаю, это вѣрно, что она улетаетъ,—объявилъ Яковъ.

— Конечно, улетаетъ, —съ увѣренностью говорила Маша.

— А ты почему знаешь? строго спрашивалъ Илья.

— Такъ... думаю...

— Улетаетъ,—задумчиво улыбаясь, говорилъ Яковъ.— Ей тоже отдохнуть надо... Оттого и сны...

Илья не зналъ, что сказать на это безобидное замѣчаніе и молчалъ, хотя всегда чувствовалъ въ себѣ сильное желаніе возражать товарищу. И всѣ молчали нѣкоторое время, иногда нѣсколько минутъ. Въ темной ямѣ становилось какъ будто еще темнѣе. Коптила лампа, пахло углями изъ самовара, долеталъ глухой, странный шумъ: гудѣлъ и вылъ трактиръ тамъ, наверху. И снова раздавался тихій голосъ Якова:

— Шумятъ люди... работаютъ и все такое. Говорится— живутъ. Потомъ—хлопъ! Человѣкъ умеръ... Что это значитъ? Ты, Илья, какъ думаешь, а?

— Ничего не значитъ... Пришла старость, надо умирать...

— Нѣтъ... Умираютъ и молодые и дѣти... Умираютъ здоровые.

— Значитъ, не здоровы, коли умираютъ...

— А зачѣмъ живутъ всѣ?

— Повезъ! — насмѣшливо восклицалъ Илья, чувствуя въ себѣ силу отвѣтить на такой вопросъ.—Затѣмъ и живутъ, чтобы жить. Работаютъ, добиваются удачи. Всякій хочетъ хорошо жить, ищетъ случая въ люди выйти. Всѣ ищутъ случаевъ такихъ, чтобы разбогатѣть да жить чисто...

— Такъ это—бѣдные. А богатые? У нихъ все есть... Имъ чего искать?

— Ну, голова! Богатые! Коли ихъ не будетъ—на кого бѣднымъ работать?

Яковъ подумалъ и спросилъ:

— Значитъ, всѣ для работы живутъ, по-твоему?

— Ну да... то-есть не совсѣмъ всѣ... Одни—работаютъ, а другіе просто такъ... Они ужъ наработали, накопили денегъ... и живутъ.

— А зачѣмъ?

— Да чортъ! Хочется имъ, или нѣтъ? Вѣдь тебѣ жить хочется?—кричалъ Илья, сердясь на товарища. Но ему было бы трудно отвѣтить, за что онъ сердится: за то ли, что Яковъ спрашиваетъ о такихъ вещахъ, или за то, что онъ плохо спрашиваетъ? Онъ ощущалъ, что вопросы Якова что-то задѣваютъ въ немъ, но не могутъ поднять, а только будятъ досадное чувство.

— Вѣдь ты самъ-то—ты зачѣмъ живешь, ну?—кричалъ онъ товарищу.

— Вотъ я и не знаю!—покорно говорилъ Яковъ.—Я бы и умеръ... Страшно... а все-таки—любопытно...

И вдругъ онъ начиналъ говорить голосомъ ласковымъ и упрекающимъ:

— Ты вотъ сердишься, а напрасно. Ты подумай: люди живутъ для работы, а работа для нихъ... а они? Выходитъ колесо... вертится, вертится, а все на одномъ мѣстѣ. И непонятно, зачѣмъ? И гдѣ Богъ? Вѣдь вотъ она ось-то гдѣ—Богъ! Сказано Имъ Адаму и Евѣ: плодитесь, множитесь и населяйте землю—а зачѣмъ?

И, наклоняясь къ товарищу, Яковъ тихимъ, таинственнымъ шопотомъ, съ испугомъ въ голубыхъ глазахъ, сказалъ:

— Знаешь что̀? Было и это сказано, сказано было—зачѣмъ? А кто-нибудь ограбилъ Бога... укралъ и спряталъ объясненіе-то... И это сатана! Кто другой?—сатана! Оттого никто и не знаетъ—зачѣмъ?

Илья слушалъ безсвязную рѣчь товарища, чувствовалъ, какъ она захватываетъ его душу, и молчалъ.

А Яковъ говорилъ все торопливѣе и все тише, глаза у него выкатывались, на блѣдномъ лицѣ дрожалъ ужасъ, и рѣшительно ничего нельзя было понять въ его словахъ.

— Чего Богъ отъ тебя хочетъ—ты знаешь? Ага?!—вдругъ выдѣлялось изъ потока произносимыхъ имъ словъ торжествующее восклицаніе. И опять изъ его устъ сыпались тихія, безсвязныя слова. Маша смотрѣла на своего друга и покровителя, удивленно раскрывъ ротъ. Илья сердито хмурилъ брови. Ему было обидно не понимать. Онъ считалъ себя умнѣе Якова, но Яковъ всегда поражалъ его своей удивительной памятью и умѣньемъ говорить о разныхъ премудростяхъ. Уставши слушать и молчать, чувствуя, что у него въ головѣ выросъ тяжелый туманъ, онъ наконецъ сердито прерывалъ оратора:

— Ну те къ чорту! Что̀ ты мелешь? Зачитался ты, вотъ что̀... и самъ ничего не понимаешь...

— Да я же про то и говорю, что ничего не понимаю!—съ удивленіемъ и досадой восклицалъ Яковъ.

— Такъ прямо и говори: не понимаю! А то завелъ волынку и лопочешь, какъ сумасшедшій... А я его слушай!

— Нѣтъ, ты погоди!—не отставалъ Яковъ.—Вѣдь ничег и нельзя понять... Примѣрно.... вотъ тебѣ лампа. Огонь. Откуда онъ? Вдругъ есть, вдругъ нѣтъ! Чиркнулъ спичку—горитъ... Стало-быть—онъ всегда есть... Въ воздухѣ, что ли, летаетъ онъ невидимо?

Илью снова захватилъ этотъ вопросъ. Пренебрежительное

выраженіе сползло съ его лица, онъ посмотрѣлъ на лампу и сказалъ:

— Кабы въ воздухѣ онъ былъ—тепло всегда было бы, а спичку и на морозѣ зажжешь... Значитъ, не въ воздухѣ...

— А гдѣ?—съ надеждой глядя на товарища, спросилъ Яковъ.

— Въ спичкѣ,—подала голосъ Маша. Но въ разговорахъ товарищей о премудростяхъ бытія голосъ дѣвочки всегда пропадалъ безъ отвѣта. Она уже привыкла къ этому и не обижалась.

— Гдѣ?—вновь съ раздраженіемъ кричалъ Илья.—А я не знаю. И знать не хочу! Знаю, что руку въ него нельзя совать, а грѣться около него можно. Вотъ и все.

— Ишь ты какой!—воодушевленно и негодуя говорилъ Яковъ.—Знать не хочу! Этакъ-то и я скажу и всякій дуракъ... Нѣтъ, ты объясни—откуда огонь? О хлѣбѣ я не спрошу, тутъ все видно: изъ зерна—зерно, изъ зерна—мука, изъ муки—тѣсто и—готово! А какъ человѣкъ родится?

Илья съ удивленіемъ и завистью смотрѣлъ на большую голову товарища. Иногда, чувствуя себя забитымъ его вопросами, онъ вскакивалъ съ мѣста и произносилъ суровыя, карающія рѣчи. Плотный и широкій, онъ почему-то всегда въ этихъ случаяхъ отходилъ къ печкѣ, опирался на нее плечами и, взмахивая курчавой головой, говорилъ, твердо отчеканивая слова:

— Мутишь ты меня! Несуразный ты человѣкъ, вотъ что! И все это у тебя отъ бездѣлья въ голову лѣзетъ. Что твое житье? Стоять за буфетомъ—не велика важность. Ты и простоишь всю жизнь столбомъ. А вотъ походилъ бы по городу, какъ я, съ утра до вечера, каждый день, да поискалъ бы самъ себѣ удачи, тогда о пустякахъ не думалъ бы... а думалъ бы о томъ, какъ въ люди выйти, какъ случай свой поймать. Оттого у тебя и голова большая, что все пустяки въ ней топорщатся. Дѣльныя-то мысли, онѣ—маленькія, отъ нихъ голова не вспухнетъ...

Яковъ слушалъ его и молчалъ, согнувшись на стулѣ и крѣпко держась за что-нибудь руками. Иногда его губы беззвучно шевелились, глаза учащенно мигали.

А когда Илья, кончивъ говорить, вновь садился за столъ, Яковъ опять начиналъ философствовать:

— Говорятъ, есть книга,—наука,—черная магія, и въ ней все объяснено... какъ, и почему, и зачѣмъ... Вотъ бы найти книгу такую да прочитать... Ты бы сталъ читать такую? Навѣрно, страшно это?

Маша во время ихъ разговора пересаживалась отъ стола на свою постель и оттуда смотрѣла черными глазами то на одного, то на другого. Потомъ она начинала позѣвывать, покачиваться, пока наконецъ не сваливалась на подушку.

— Ну, спать пора,—говорилъ Илья.

— Айда! Погоди только... вотъ я Машутку укрою да огонь погашу.

Но, видя, что Илья уже протянулъ руку и хочетъ отворять дверь, Яковъ торопливо и жалобно попросилъ:

— Да погоди-и! Я боюсь одинъ... темно...

— Эхма!—презрительно воскликнулъ Луневъ.—Шестнадцать лѣтъ тебѣ, парень, а все ты еще младенчикъ. Какъ это я ничего не боюсь, а? Хоть чорта встрѣчу—не охну! А ты...

И онъ махалъ рукой на Якова. Яковъ молча суетился около Маши, потомъ торопливо дулъ на огонь въ лампѣ. Огонь вздрагивалъ, исчезалъ, и въ комнату отовсюду безшумно вторгалась тьма. Иногда, впрочемъ, черезъ окно на полъ ласково опускался голубой лучъ луны.

Однажды въ праздникъ Луневъ пришелъ домой блѣдный, съ стиснутыми зубами и, не раздѣваясь, свалился на постель. Въ груди у него неподвижнымъ и холоднымъ комомъ лежала злоба, тупая боль въ шеѣ не позволяла двигать головой, и казалось ему, что все его тѣло поетъ отъ нанесенной обиды.

Утромъ этого дня полицейскій, за кусокъ яичнаго мыла и дюжину крючковъ, разрѣшилъ ему стоять съ товаромъ около цирка, въ которомъ давалось дневное представленіе, и Илья свободно расположился у входа въ циркъ. Но пришелъ помощникъ частнаго пристава, ударилъ его по шеѣ, пнулъ ногой козлы, на которыхъ стоялъ ящикъ,—товаръ разсыпался по землѣ, нѣсколько вещей попортилось, упавъ въ грязь, иныя пропали. Подбирая съ земли товаръ, Илья сказалъ помощнику:

— Это незаконно, ваше благородіе...

— Ка-акъ?..—расправивъ рыжіе усы, спросилъ обидчикъ.

— Драться нельзя...

— Да? Мигуновъ! Отведи его въ часть!—спокойно приказалъ помощникъ.

И тотъ же полицейскій, который позволилъ Ильѣ стоять у цирка, отвелъ его въ часть, гдѣ Луневъ и просидѣлъ до вечера.

Столкновенія съ полиціей бывали у Лунева и раньше, но въ части онъ сидѣлъ еще впервые, и первый разъ онъ ощущалъ въ себѣ такъ много обиды и злобы.

Лежа на кровати въ своей комнатѣ, онъ закрылъ глаза и весь сосредоточился на ощущеніи мучительно-тоскливой тяжести въ груди. За стѣной въ трактирѣ колыхался шумъ и гулъ, точно быстрые и мутные ручьи текли съ горы въ туманный день осени. Гремѣло желѣзо подносовъ, дребезжала посуда, отдѣльные голоса громко требовали водки, чаю, пива... Половые кричали:

— Сичасъ! Подаю...

И, прорѣзывая шумъ дрожащей стальной нитью, высокій горловой голосъ грустно пѣлъ:

„Я-а не ча-ялъ... тебя измыкати...“

Другой голосъ, басовой и звучный, утопая въ хаосѣ звуковъ, подпѣвалъ первому негромко и красиво:

„А-ахъ измыкалъ я-а... сво-ою мо-лодо-ость“.

Потомъ оба голоса слились въ одну чистую струю грустно-красиваго звука и на нѣсколько секундъ покрыли весь шумъ своей жалобой:

„Не-е въ житъ-ѣ-бытьѣ-ѣ богачествѣ
Да во прокля-атомъ одино-очествѣ“.

Кто-то закричалъ такъ, точно горло у него было деревянное, высохшее, съ трещинами:

— Вр-решь! Сказано: „яко соблюлъ еси слово терпѣнія моего, и азъ тя соблюду въ годину искушенія“...

— Самъ врешь,—отчетливо и горячо возражалъ другой,— потому тамъ же сказано: „понеже теплъ еси, а не студенъ еси, ниже горящъ—имамъ тя изблевати изъ устъ моихъ“... вотъ! Что взялъ?..

Раздался громкій хохотъ, и за нимъ посыпалась визгливая дробь:

— А я ее—по личику, а я ее—по нѣжному! да въ ухо ей, да въ зубы ей! разъ, разъ, разъ!

— А, дьяволъ! Ха, ха, ха! Н-ну?

Визгливый голосъ, захлебываясь, продолжалъ громко и рѣзко:

— Она—хлясь о земь! А я ее опять въ рожицу, опять въ милую! Н-на! Я первый цѣловалъ, я и изуродую...

— На-ачетчикъ!—насмѣшливо воскликнулъ кто-то.

— Нѣтъ, я буду горячиться! Это подобаетъ человѣку, подобаетъ!

— „Азъ люблю, обличаю и наказую“... забылъ?.. И еще: „не суди, да не судимъ будеши“... Опять же—Давида-царя слова—забылъ?

Илья долго слушалъ споръ, пѣсню, хохотъ, но все это на-

дало куда-то мимо него и не будило въ немъ мысли. Предъ нимъ во тьмѣ плавало худое, горбоносое лицо помощника частнаго пристава, на лицѣ этомъ блестѣли зеленоватые, злые глаза и двигались рыжіе усы. Онъ смотрѣлъ на это лицо и все крѣпче стискивалъ зубы. Но пѣсня за стѣной росла, пѣвцы воодушевлялись, ихъ голоса звучали все смѣлѣе и громче, теплые, жалобные звуки нашли дорогу въ грудь Ильи и коснулись тамъ ледяного кома злобы и обиды.

„Изоше-олъ я, добрый молодецъ"...—

пѣлъ высокій голосъ.

„Эхъ со устья до-о вершинушки..."

вторилъ ему товарищъ. И опять оба голоса слились въ одну жалобу:

„Всю сиби-рскую сто-оронушку,
Да, все искалъ домой до-оро-женьку..."

Илья вздохнулъ и сталъ прислушиваться къ этимъ грустнымъ словамъ. Въ густомъ шумѣ трактира они блестѣли, какъ маленькія звѣзды въ небѣ среди облаковъ. Облака плывутъ быстро, и звѣзды то вспыхиваютъ, то исчезаютъ...

„Ой, изжевалъ языкъ я съ го-олоду,
Да изболѣли ко-ости съ хо-олоду..."

выразительно говорила пѣсня.

— Валяй, соловушки!—ласково крикнулъ кто-то...

Илья подумалъ, что вотъ поютъ эти люди, хорошо поютъ, такъ что пѣсня за душу беретъ. А потомъ они напьются водки и, можетъ-быть, станутъ драться... Не надолго хватаетъ въ человѣкѣ хорошаго...

„Эхъ! ты судьба ли мо-ая че-орная..." —

жаловался высокій голосъ.

Басъ сильно и густо запѣлъ:

„Ты какъ ноша мнѣ чу-гун-на-ая..."

Память Ильи зачѣмъ-то вызвала изъ прошлаго образъ дѣда Еремѣя. Старикъ говорилъ, потрясая головой и со слезами на щекахъ:

— Глядѣлъ я, глядѣлъ, а правды не видалъ...

Илья подумалъ, что вотъ дѣдушка-то Еремѣй Бога любилъ, а самъ потихоньку копилъ деньги. А дядя Терентій Бога боится, но деньги укралъ. И всѣ люди всегда какъ-то двоятся сами въ себѣ. Въ грудяхъ у нихъ какъ бы вѣсы, и сердце ихъ, какъ стрѣла вѣсовъ, наклоняется то въ одну, то въ другую сторону, взвѣшивая тяжести хорошаго и плохого.

— Ага-а!—рявкнулъ кто-то въ трактирѣ. И вслѣдъ за

тѣмъ что-то упало, съ такой силой ударившись о полъ, что даже кровать подъ Ильей вздрогнула.

— Стой!.. Ба-атюшки...

— Держи его... а-а!

— Кра-у-улъ...

Шумъ сразу усилился, закипѣлъ, родилась масса новыхъ звуковъ, всѣ они завертѣлись, завыли, затрепетали въ воздухѣ, сцѣпившись другъ съ другомъ, какъ стая злыхъ и голодныхъ собакъ. Отдѣльные голоса потонули въ хаосѣ возни и криковъ.

Илья съ удовольствіемъ вслушивался въ этотъ шумъ: ему было пріятно, что случилось именно то, чего онъ ожидалъ, и какъ бы подтверждаетъ его мысли о людяхъ. Онъ повернулся на постели, закинулъ руки подъ голову и вновь отдалъ себя во власть думамъ.

„...А должно-быть, великъ грѣхъ совершилъ дѣдъ Антипа, если восемь лѣтъ кряду молча отмаливалъ его... И люди все простили ему, говорили о немъ съ уваженіемъ, называли праведнымъ... Но дѣтей его погубили. Одного загнали въ Сибирь, другого выжили изъ деревни...“

„Тутъ особый счетъ надобенъ!—вспомнились Ильѣ внушительныя слова купца Строганаго.—Ежели одинъ честенъ, а девять—подлецы, никто не выигрываетъ, а человѣкъ пропадетъ... Которыхъ больше, тѣ и правы...“

Илья усмѣхнулся. Въ груди его холодно и змѣей зашевелилось злое чувство къ людямъ. А память все выдвигала предъ нимъ знакомые образы. Большая, неуклюжая Матица валялась въ грязи среди двора и стонала:

— Ма-атинко!.. Ма-атинко ридна! Коли бъ ты мини ба-ачила!

Пьяненькій Перфишка стоялъ около нея, покачиваясь на ногахъ, и укоризненно говорилъ:

— Пажрамась! С-свинья...

А съ крыльца смотрѣлъ на нихъ Петруха, здоровый, румяный, презрительно улыбавшійся...

Илья разсматривалъ все это, и сердце его сжималось, становилось все черствѣе, тверже...

Скандалъ въ трактирѣ кончился. Три голоса—два женскихъ и мужской—пытались запѣть пѣсню,—она не удалась имъ. Кто-то принесъ гармонію, поигралъ на ней немного и нехорошо, потомъ замолкъ. Около стѣны, у которой стояла кровать Ильи, двое людей говорили вполголоса и часто раздавались тяжелые вздохи. Илья прислушался къ нимъ съ какимъ-то враждебнымъ чувствомъ.

— Живешь этакъ-то вотъ... работаешь... тянешь всѣ свои жилы... а толку ни зерна... Всѣ люди, какъ люди, а мы— какъ мыслете... не стоимъ твердо, а только корячимся...

— Да-а...

— И ничего въ волнахъ не видно... Одно чуешь горбомъ, что отъ трудовъ-то праведныхъ не токмо не выстроишь домовъ каменныхъ... а того гляди, переломишься да и сдохнешь...

— Эхе-хе! Что̀ и говорить...

— А на неправедный трудъ нѣтъ у тебя ни смѣлости ни ловкости. Такъ что—и скусенъ жабѣ орѣхъ, да зубовъ у жабы нѣтъ...

— О, Господи, Батюшка...

Илья тоже невольно вздохнулъ. Раздался звонкій голосъ Перфишки, покрывая весь шумъ въ трактирѣ. Сапожникъ пѣвучей скороговоркой кричалъ:

„И-эхъ лей, кубышка, поливай, кубышка, не жалѣй, кубышка, хозяйскаго добришка! Будемъ пить, будемъ бабъ любить, будемъ по міру ходить! Съ міру по ниткѣ—бѣдному петля! А отъ той петли избавишься—на своихъ жилахъ удавишься...“

Раздался веселый хохотъ и крики одобренія... Потомъ, у стѣны, снова загудѣлъ тихій голосъ:

— Я вотъ съ малыхъ лѣтъ работаю... скоро мнѣ сорокъ стукнетъ. А и хлѣба не всегда вдоволь. Всякъ день съ клещами, да не всякъ со щами. Дома-то тоска! Дѣти воютъ, жена ноетъ... не глядѣлъ бы! Ну, иной разъ не стерпишь, развинтишь всѣ свои гайки, загуляешь. Очухаешься—глядь, за время, пока ты пилъ да гулялъ, нужда-то еще вострѣе зубы наточила.

— Ужъ это такъ...

— Взмолишься Господу: Батюшка! Милосердный! За што такая мука?.. Не слышитъ, видно...

— Н-да-а... видно, не слышитъ...

Ильѣ стало тошно отъ безнадежнаго жужжанія глухого голоса и отъ однотонныхъ поддакиваній другого, еще болѣе безнадежныхъ, чѣмъ слова перваго. Онъ завозился на кровати и нарочно съ силой стукнулъ локтемъ въ стѣну. Тогда голоса умолкли.

Но Илья уже не могъ лежать, охваченный тоскливымъ безпокойствомъ. Онъ всталъ, вышелъ на дворъ и остановился на крыльцѣ, полный желанія уйти куда-нибудь и не зная, куда итти? Было уже поздно; Маша спала; Яковъ угорѣлъ и лежалъ у себя дома, куда Илья не любилъ ходить, потому

что Петруха всегда при видѣ его непріятно двигалъ бровями. Дулъ холодный вѣтеръ осени. Густая, почти черная тьма наполняла дворъ, и неба не было видно. Всѣ постройки на дворѣ казались большими кусками сгущенной вѣтромъ тьмы. Въ сыромъ воздухѣ носились какіе-то звуки, что-то хлопало, шелестѣло, былъ слышенъ тихій, странный шопотъ, напоминавшій людскія жалобы на жизнь. Вѣтеръ бросался на грудь Ильи, крѣпко дулъ ему въ лицо, дышалъ сырымъ холодомъ за воротъ... Илья вздрагивалъ, но не уходилъ, думая о томъ, что такъ жить совсѣмъ нельзя, нельзя! Надо уйти куда-нибудь отъ всей этой грязной суеты и склоки, надо жить одному, чисто, тихо...

— Это кто стоитъ?—вдругъ раздался глухой голосъ.

— Я... А кто говоритъ?

— Я... Матица...

— А ты гдѣ тутъ?

— На дровахъ сижу...

— Чего?

— Такъ...

И оба замолчали...

— А сегодня мати моей година,—сообщила Матица изъ тьмы.

— Давно померла? — спросилъ Илья, чтобы сказать что-нибудь.

— Давно-о... лѣтъ съ пятнадцать... А то больше... А твоя мати жива?

— Нѣтъ... тоже померла... Тебѣ который же годъ?

Матица помолчала и отвѣтила со свистомъ:

— С-с-тридцать ужъ... Стара... Болитъ у меня нога вотъ... Вспухла, какъ дыня, и болитъ... Я жъ ее терла, терла всякимъ—не помогаетъ.

— А ты въ больницу...

— Далеко... Не дойду...

— На извозчикѣ...

— Грошей нема...

Кто-то отворилъ дверь трактира; оттуда на дворъ вырвалась стая громкихъ звуковъ. Вѣтеръ подхватилъ ихъ и разсѣялъ во вьмѣ.

— Ты чего тутъ стоишь?—спросила Матица.

— Такъ... скушно стало...

— Какъ я... Тамъ у меня, какъ въ гробу...

Илья услыхалъ тяжелый вздохъ. Потомъ Матица сказала ему:

— Пойдемъ ко мнѣ?

Илья взглянулъ по направленію голоса женщины и равнодушно отвѣтилъ:

— Пойдемъ...

По лѣстницѣ на чердакъ Матица шла впереди Ильи. Она становила на ступеньки сначала правую ногу и потомъ, густо вздыхая, медленно поднимала кверху лѣвую. Илья шелъ за нею безъ мысли и тоже медленно, точно тяжелая скука мѣшала ему подниматься вверхъ такъ же, какъ боль Матицѣ.

Комната женщины была узкая и длинная, а потолокъ ея дѣйствительно имѣлъ форму крышки гроба. Около двери помѣщалась печка-голландка, у стѣны, упираясь въ печку спинкой, стояла широкая кровать, противъ кровати—столъ и два стула по бокамъ его. Еще одинъ стулъ стоялъ у окна, которое казалось просто темнымъ пятномъ на сѣрой стѣнѣ. Здѣсь, на высотѣ, шумъ и вой вѣтра были слышнѣе. Илья сѣлъ на стулъ у окна, оглядѣлъ стѣны и, замѣтивъ маленькій образокъ въ углу, спросилъ:

— Это какой образъ?

— Святая Анна...—почтительно и тихо сказала Матица.

— А тебя какъ зовутъ?

— Тоже Анна... не зналъ?

— Нѣтъ...

— Никто не знаетъ,—сказала Матица, тяжело усаживаясь на кровать. Илья смотрѣлъ на нее, но не чувствовалъ желанія говорить. Женщина тоже молчала. Такъ, молча, они сидѣли долго, минуты три, и каждый изъ нихъ точно не замѣчалъ присутствія другого. Наконецъ женщина спросила:

— Ну, что же мы будемъ дѣлать?

— А я не знаю....—отвѣтилъ Илья съ недоумѣніемъ.

— Ну, еще бы!—недовѣрчиво усмѣхаясь, воскликнула женщина.

— Такъ что жъ?

— А ты угости меня. Купи пару пива... Нѣтъ, вотъ что—купи ты мнѣ ѣсть!.. Ничего не надо, а только ѣсть...

Голосъ у нея перехватило, она кашлянула и виновато продолжала:

— Видишь ли... Какъ заболѣла нога, то не стало у меня дохода... Не выхожу, потому что... А все ужъ прожила... Еще бы—пятый день сижу вотъ такъ... Вчера ужъ и не ѣла почти... а сегодня такъ просто совсѣмъ не ѣла... ей-Богу, правда!

Тутъ только Илья вспомнилъ, что вѣдь Матица—гулящая. Онъ пристально взглянулъ въ ея большое лицо и увидалъ, что черные глаза ея немножко улыбаются, а губы такъ шевелятся, точно она сосетъ что-то невидимое... Въ немъ вспых-

нуло ощущеніе какой-то неловкости предъ нею и особенна смутнаго интереса къ ней.

— Сейчасъ я тебѣ принесу... и пива принесу...

Онъ быстро всталъ, торопливо сбѣжалъ по лѣстницѣ сѣни трактира и остановился предъ дверью въ кухню. Ем вдругъ не захотѣлось возвращаться на чердакъ. Но это не желаніе блеснуло въ скучной тьмѣ его души, какъ искра, тотчасъ же угасло. Онъ вошелъ въ кухню, купилъ у повар па гривенникъ обрѣзковъ варенаго мяса, кусковъ хлѣба еще остатковъ чего-то съѣдобнаго. Поваръ сложилъ все э въ засаленное рѣшето. Илья взялъ его въ обѣ руки, как блюдо, и, выйдя въ сѣни, снова остановился, озабоченны мыслью о томъ, какъ достать пива. Самому купить въ буфет нельзя—Терентій спросилъ бы, зачѣмъ это ему надо. Тогд онъ вызвалъ изъ кухни посудника и попросилъ его купит Посудникъ сбѣгалъ въ буфетъ, пришелъ, молча ткнулъ ем бутылки и схватился за ручку двери въ кухню.

— Постой!—сказалъ Илья.—Это не мнѣ... Это—товарищ пришелъ... такъ ему.

— Что?—спросилъ посудникъ.

— Товарища я угощаю...

— Ага... ну, такъ что?

Илья почувствовалъ, что лгать было не нужно, и ему стал неловко. Наверхъ онъ шелъ не торопясь, чутко прислуш ваясь ко всему, точно ожидая, что кто-то позоветъ его, оста новитъ. Но, кромѣ шума вѣтра, ничего не было слышно, никт не остановилъ юношу, и онъ внесъ на чердакъ къ женщин вполнѣ ясное ему, похотливое, хотя еще робкое чувство.

Матица, поставивъ рѣшето себѣ на колѣни, молча выта скивала изъ него большими пальцами сѣрые куски пищ клала ихъ въ широко открытый ротъ и громко чавкала. Зуб у нея были крупные, острые. И передъ тѣмъ, какъ дать им кусокъ, она внимательно оглядывала его со всѣхъ сторон точно искала въ немъ наиболѣе вкусныя мѣстечки.

Илья упорно смотрѣлъ на женщину и думалъ о томъ, как онъ обниметъ ее, станетъ цѣловать, и боялся, что онъ н сумѣетъ сдѣлать этого, а она насмѣется надъ нимъ. От этой мысли его бросало въ жаръ и холодъ.

На крышѣ шуршалъ вѣтеръ. Залетая черезъ слуховы окна на чердакъ, онъ торкался въ дверь комнаты, и кажды разъ, когда дверь сотрясалась, Илья вздрагивалъ, ожидая что вотъ сейчасъ войдетъ кто-то и застанетъ его тутъ...

— Я запру дверь?—сказалъ онъ.

Матица молча кивнула головой. Потомъ она составил

рѣшето на лежанку, перекрестилась на образъ святой Анны и сказала:

— Слава Тебѣ, Святый,—вотъ и сытая стала баба! Ой, немного же надо человѣку!

Илья промолчалъ. Женщина поглядѣла на него, вздохнула и сказала еще:

— А кто много хочетъ, съ того много и спросятъ...

— Кто спроситъ?—отозвался Илья.

— А Богъ? Развѣ жъ ты того не знаешь?

Илья снова не отвѣтилъ ей. Имя Божіе въ ея устахъ породило въ немъ острое, но неясное, неуловимое словомъ чувство, и оно противорѣчило его желанію обнять эту женщину. Матица уперлась руками въ постель, приподняла свое большое тѣло и подвинула его къ стѣнѣ. Потомъ она заговорила равнодушно, какимъ-то деревяннымъ голосомъ:

— Ѣла я и все думала про Перфишкину дочку... Давно я о ней думаю... Живетъ она съ вами—тобой да Яковомъ... не будетъ ей отъ того добра, думаю я... Испортите вы дѣвчонку раньше время, и пойдетъ она тогда моей дорогой... А моя дорога, она—поганая и проклятая... и не ходятъ по ней бабы и дѣвки, а какъ черви ползутъ...

Она помолчала и заговорила снова, разглядывая свои руки, лежавшія на колѣняхъ у нея:

— Скоро уже дѣвочка взрастетъ. Я спрашивала которыхъ знакомыхъ кухарокъ и другихъ бабъ—нѣтъ ли мѣста гдѣ для дѣвочки? Нѣтъ ей мѣста, говорятъ... Говорятъ—продай ее... Такъ ей будетъ лучше... дадутъ ей денегъ и одѣнутъ... дадутъ и квартиру... Это бываетъ, бываетъ... Иной богатый, когда онъ уже станетъ хилымъ на тѣло да поганенькимъ, и уже не любятъ его бабы такъ, даромъ... то вотъ такой мерзюга покупаетъ себѣ дѣвочку... и портитъ ее... Можетъ, это и хорошо ей... а все же противно, должно-быть, сначала... и лучше бы ужъ безъ этого... Лучше ужъ жить ей голодной да чистой, чѣмъ...

Она закашлялась, точно поперхнувшись какимъ-то словомъ, и съ усиліемъ на лицѣ, но тѣмъ же равнодушнымъ голосомъ докончила:

— Чѣмъ и поганой и голодной... вотъ какъ я.

Вѣтеръ все леталъ по чердаку и дерзко торкался въ дверь. По желѣзу крыши стучалъ мелкій дождь, и на волѣ, во тьмѣ за окномъ носился тихій звукъ:

— И-и-и...

Равнодушный голосъ женщины и ея тяжелая, неподвижная фигура не позволяли чувству Ильи развиться и внушить

юношѣ храбрость, необходимую для выраженія его желанія. Матица какъ бы отталкивала его все дальше, онъ замѣчал это и раздражался противъ нея...

— Боже, Боже мой!—тихонько вздохнувъ, сказала женщина.—Святая Мати!..

Илья сердито двинулся на стулѣ и угрюмымъ голосомъ заговорилъ:

— Называешь себя поганой, а сама все — Богъ, Богъ. Думаешь, Ему это... нужно отъ тебя?

Матица взглянула на него, помолчала и качнула головой.

— Не понимаю твоей рѣчи...

— Понимать тутъ нечего!—продолжалъ Илья, вставъ со стула.—Всѣ вы такъ! Блудите, блудите—а потомъ Богъ! А коли Богъ—такъ не блуди...

— Ой!—безпокойно воскликнула женщина.—Что̀ это? Кто же будетъ о Богѣ помнить, какъ не грѣшные? Кто иной?

— Ужъ я тамъ не знаю,—молвилъ Илья, чувствуя въ себѣ приливъ неукротимаго желанія обидѣть эту женщину и всѣхъ другихъ людей.—Знаю, что не вамъ о Немъ говорить, да! Не вамъ! Вы Имъ только другъ отъ друга прикрываетесь... я вѣдь вижу. Не маленькій... вижу я. Всѣ поютъ, всѣ жалуются... а зачѣмъ пакостничаютъ? А зачѣмъ другъ друга обманываютъ, грабятъ... и жадничаютъ о кускѣ? Ага? Согрѣшитъ, да и за уголъ! Господи, помилуй!.. Понимаю я... обманщики, черти! И сами себя и Бога обманываете, а тоже...

Матица смотрѣла на него молча, открывъ ротъ и вытянувъ шею, а въ глазахъ ея было тупое удивленіе. Илья подошелъ къ двери, рѣзкимъ движеніемъ сорвалъ крючокъ и вышелъ вонъ, сильно хлопнувъ дверью. Онъ чувствовалъ, что жестоко обидѣлъ Матицу, и это было пріятно ему, отъ этого и на сердцѣ стало легче и въ головѣ яснѣй. Спускаясь съ лѣстницы твердыми шагами, онъ свисталъ сквозь зубы, а злоба все подсказывала ему обидныя и крѣпкія, камнямъ подобныя слова. Казалось ему, что всѣ эти слова раскалены огнемъ, освѣщаютъ тьму внутри его и въ то же время показываютъ ему дорогу въ сторону отъ людей. И уже онъ говорилъ свои слова не одной Матицѣ, а и дядѣ Терентію, Петрухѣ, купцу Строганому—всѣмъ людямъ.

„Такъ-то вотъ!—выйдя на дворъ, думалъ онъ.—Нечего съ вами церемониться... сволочь!..“

По двору леталъ вѣтеръ и вылъ и гудѣлъ. Что-то хлопало, наполняя воздухъ дробными звуками, похожими на холодный, жесткій смѣхъ...

Вскорѣ послѣ посѣщенія Матицы Илья началъ ходить къ женщинамъ. Первый разъ это случилось такъ: однажды вечеромъ онъ шелъ домой, а какая-то женщина и сказала ему:

— Пойдемъ ко мнѣ?..

Онъ взглянулъ на нее, и молча пошелъ рядомъ съ нею. Но, идя, онъ наклонилъ голову и все оглядывался кругомъ, боясь встрѣтить знакомаго. Черезъ нѣсколько шаговъ женщина еще сказала предупреждающимъ голосомъ:

— Смотри—цѣлковый.

— Ладно!—сказалъ Илья.—Идемъ скорѣе...

И вплоть до квартиры женщины оба они шли молча. Вотъ и все...

Но знакомство съ женщинами сразу повело къ большимъ расходамъ, и все чаще Илья думалъ о томъ, что его торговля—пустая трата времени и силъ, и что не дастъ она ему возможности устроить чистую жизнь. Одно время онъ хотѣлъ, по примѣру другихъ разносчиковъ, заняться лотереей и обманывать публику, какъ всѣ разносчики. Но, подумавъ, онъ нашелъ эту затѣю мелкой и хлопотливой. Пришлось бы прятаться отъ городовыхъ или заискивать у нихъ и платить имъ, а это было противно Ильѣ. Онъ любилъ смотрѣть всѣмъ въ глаза прямо и смѣло и чувствовалъ острое удовольствіе отъ того, что всегда былъ одѣтъ чище и опрятнѣе другихъ разносчиковъ, не пилъ водки и не жульничалъ, какъ всѣ. Ходилъ онъ по улицамъ не торопясь, степенно, его скуластое лицо было сухо и серьезно; разговаривая, онъ прищуривалъ свои темные глаза, говорилъ не много и обдуманно. Часто онъ мечталъ о томъ, какъ хорошо было бы найти денегъ рублей тысячу или больше. Разсказы о кражахъ возбуждали въ немъ жгучій интересъ: онъ покупалъ газету, внимательно читалъ о подробностяхъ кражи и долго потомъ слѣдилъ,—нашли воровъ или нѣтъ? А когда ихъ находили, Илья сердился и осуждалъ ихъ, говоря Якову:

— Попались, болваны!.. Ужъ не брались бы, коли не умѣютъ... черти!

Какъ-то разъ, сидя съ Яковомъ у себя въ комнаткѣ, онъ сказалъ:

— А все-таки жулику на свѣтѣ лучше, чѣмъ честному человѣку...

Лицо Якова напряглось, глаза прищурились, и онъ сказалъ тѣмъ пониженнымъ и таинственнымъ голосомъ, которымъ всегда говорилъ о мудрыхъ вопросахъ:

— Позапрошлый разъ въ трактирѣ дядя твой чай пилъ съ какимъ-то старичкомъ... начетчикомъ, должно-быть. И тотъ

старичокъ говорилъ, будто въ Библіи сказано: „покойны дома у грабителей и безопасны у раздражающихъ Бога, которые какъ бы Бога носятъ на рукахъ своихъ...“

— А не врешь ты?—спросилъ Илья, внимательно прослушавъ товарища.

— Не мои это слова...—разводя руками и какъ бы нащупывая что-то въ воздухѣ, продолжалъ Яковъ.—Не вѣрю и я, что это въ Библіи сказано... можетъ, онъ самъ выдумалъ старичишка-то... Переспросилъ я его и разъ и два... повторяетъ вѣрно... въ одно слово... А слова-то, пожалуй, правильныя... Поглядѣть надо въ Библію...

И, наклоняясь къ Ильѣ, Яковъ тихо сказалъ:

— Взять, къ примѣру, отца моего... Покоенъ! А Бога раздражаетъ...

— Еще какъ!—воскликнулъ Илья.

— Въ гласные его выбрали, отца-то...

Яковъ опустилъ голову, тяжело вздохнулъ и добавилъ:

— Надо бы, чтобы каждое человѣческое дѣло передъ совѣстью кругло было, какъ яичко, а тутъ... эхъ! Тошно мнѣ... Ничего не понимаю... Сноровки къ жизни у меня нѣту, приверженности къ трактиру я не чувствую... А отецъ — все долбитъ... Будетъ, говоритъ, тебѣ шематонить, возьмись, дескать, за умъ... дѣло дѣлай... Какое? Торгую я за буфетомъ когда Терентія нѣтъ... и хоть противно мнѣ, но я вѣдь терплю... А отъ себя что-нибудь дѣлать—не могу...

— Надо учиться!—солидно сказалъ Илья.

— Трудно жить...—тихо молвилъ Яковъ.

— Трудно? Тебѣ? Врешь ты!—вскричалъ Илья, вскочивъ съ кровати и подходя къ товарищу, сидѣвшему подъ окномъ.— Мнѣ трудно, да! Ты—что̀? Отецъ состарится—хозяинъ будешь... потомъ онъ умретъ... А я? Иду по улицѣ, въ магазинахъ вижу брюки, жилетки... часы и все такое... Вижу— думаю: мнѣ такихъ брюкъ не носить... мнѣ такихъ часовъ не имѣть... понялъ? А мнѣ—хочется... И прежде всего я хочу, чтобы меня уважали... Чѣмъ я хуже другихъ? Я— лучше! Жуликъ я? А жулики предо мной кичатся... ихъ вонъ, въ гласные выбираютъ! Они дома имѣютъ... трактиры... Почему жулику счастье, а мнѣ нѣтъ его? Я тоже хочу... хорошаго... настоящаго!

Яковъ поглядѣлъ на товарища и вдругъ тихо, но внятно сказалъ:

— Не дай Богъ тебѣ удачи!

— Что̀? Почему?—вскричалъ Илья, остановившись среди комнаты и возбужденно глядя на Якова.

— Жаденъ ты... ничѣмъ тебя не успокоишь,—объяснилъ тотъ.

Илья засмѣялся сухо и со злобой.

— Не успокоишь? Ты скажи-ка отцу своему, чтобъ онъ далъ мнѣ хоть половину тѣхъ денегъ, что у дѣдушки Еремѣя вмѣстѣ съ моимъ дядей они выкрали,—я и успокоюсь... да! Жаденъ я! А отецъ твой...

Но тутъ Яковъ всталъ со стула и, опустивъ голову, тихо пошелъ къ двери. Илья видѣлъ, что плечи у него вздрагиваютъ и шея такъ согнута, точно Якова больно ударили по ней.

— Погоди!—смущенно сказалъ Илья, взявъ товарища за руку.—Куда ты?

— Пусти, братъ,—почти шопотомъ молвилъ Яковъ, но остановился и взглянулъ на Илью. Лицо у него было блѣдное, губы плотно сжаты, и весь онъ какъ-то размякъ, точно его раздавила нѣкая тяжесть...

— Ну... ничего, погоди,—виноватымъ голосомъ говорилъ Илья, осторожно отводя его отъ двери и снова усаживая на стулъ.—Ты не сердись на меня... что тамъ? Правда вѣдь...

— Я знаю,—сказалъ Яковъ.

— Знаешь?

— Да...

— Кто сказалъ?

— Всѣ говорятъ...

— Н-да-а... Но вѣдь и говорятъ—тоже жулики!

Яковъ взглянулъ на него жалобными глазами и вздохнулъ.

— Не вѣрилъ я... думалъ, со зла говорятъ, изъ зависти. Потомъ—сталъ вѣрить... А коли и ты теперь сказалъ—значитъ...

Онъ махнулъ рукой, отвернулся отъ товарища и замеръ неподвижно, крѣпко упираясь руками въ сидѣнье стула и опустивъ голову на грудь. Илья отошелъ отъ него, сѣлъ на кровать въ такой же позѣ, какъ и Яковъ, и молчалъ, не зная, что сказать въ утѣшеніе другу.

За стѣной кричали, ревѣли, звенѣла посуда, и пьяный женскій голосъ тонко выходилъ:

„Ми-ине-е не спи-ится и не лежится-а,
И со-онъ ми-ня-а не бере-етъ...“

— Вотъ тутъ и живи,—вполголоса сказалъ Яковъ.

— Да-а,—отозвался Илья въ тонъ ему.—Я, братъ, понимаю... нехорошо тебѣ. Одно утѣшенье—всѣ таковы, какъ поглядишь... Всѣмъ одна цѣна...

— Ты ужъ вѣрно про то знаешь?—робко спросилъ Яковъ, не глядя на товарища.

— Я? Видѣлъ... Помнишь, убѣжалъ я? Видѣлъ въ щель, какъ они подушку зашивали... а старикъ хрипѣлъ еще...

Яковъ повелъ плечами и не сказалъ ни слова. Они долго сидѣли молча, оба въ одинаковыхъ позахъ, одинъ на постели, другой на стулѣ. Потомъ Яковъ всталъ и пошелъ къ двери, сказавъ Ильѣ:

— Прощай...

— Прощай, братъ... Ты не того... не очень грусти... что подѣлаешь?

— Я ничего... —отозвался Яковъ, отворяя дверь.

Илья проводилъ его глазами и тяжело свалился на постель. Ему было жалко Якова, и въ немъ снова вскипѣла злоба на дядю и Петруху, на всѣхъ людей. Онъ видѣлъ, что среди нихъ нельзя жить такому слабому человѣку, какъ Яковъ, а Яковъ былъ хорошій человѣкъ, добрый, тихій, чистый. Илья думалъ о людяхъ, а память его подсказывала ему разные случаи, рисовавшіе людей злыми, жестокими, лживыми. Онъ много зналъ такихъ случаевъ, и ему легко было забрызгивать людей желчью и грязью своихъ воспоминаній. И чѣмъ чернѣе становились они предъ нимъ, тѣмъ тяжелѣе было ему дышать отъ страннаго чувства, въ которомъ была и тоска о чемъ-то, и злорадство, и страхъ отъ сознанія своего одиночества въ этой черной, печальной жизни, что крутилась вокругъ него бѣшенымъ вихремъ...

Когда наконецъ у него не стало больше терпѣнія лежать одиноко въ маленькой комнаткѣ, сквозь доски стѣнъ которой просачивались мутные и пахучіе звуки изъ трактира, онъ всталъ и пошелъ гулять. Долго въ эту ночь онъ ходилъ одинъ по улицамъ города, нося съ собой неотвязную и несложную, тяжелую думу свою. Ходилъ онъ одинъ во тьмѣ и думалъ, что за нимъ точно слѣдитъ кто-то, врагъ ему, и неощутимо толкаетъ его все туда, гдѣ хуже, гдѣ скучнѣе, показываетъ ему только такое, отъ чего душа болитъ тоской и въ сердцѣ зарождается злоба. Вѣдь есть же на свѣтѣ хорошее,—хорошіе люди, и случаи, и веселье? Почему онъ не видитъ ихъ, а всюду сталкивается только съ дурнымъ и скучнымъ? Кто направляетъ его всегда на темное, грязное и злое въ жизни?

Онъ шелъ во власти этихъ думъ полемъ около каменной ограды загороднаго монастыря и смотрѣлъ впередъ себя. Навстрѣчу ему изъ темной дали тяжело и медленно двигались тучи. Кое-гдѣ во тьмѣ надъ его головой, среди тучъ, проблескивали голубыя пятна небесъ, и на нихъ тихо сверкали маленькія звѣзды. Въ тишину ночи изрѣдка вливался пѣвучій

мѣдный звукъ сторожевого колокола монастырской церкви, и это было единственное движеніе въ мертвой тишинѣ, обнимавшей землю. Даже изъ темной массы городскихъ зданій, сзади Ильи, не долетало до поля шума жизни, хоть еще было не поздно. Ночь была морозная; Илья шелъ и спотыкался о мерзлую грязь. Жуткое ощущеніе одиночества и боязнь, рожденная думами, остановили его. Онъ прислонился спиной къ холодному камню монастырской ограды, упорно думая, кто водитъ его по жизни, кто это толкаетъ на него все дурное ея, все тяжкое?

— Ты это, Господи?—вспыхнулъ въ душѣ Ильи яркій вопросъ.

Холодный ужасъ дрожью пробѣжалъ по тѣлу его, и, охваченный предчувствіемъ чего-то страшнаго, онъ оторвался отъ стѣны и торопливыми шагами, все чаще спотыкаясь о грязь, пошелъ въ городъ, боясь оглянуться назадъ, плотно прижимая руки свои къ тѣлу.

. . . . . .

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Илья встрѣтилъ Пашку Грачева. Былъ вечеръ; въ воздухѣ лѣниво кружились мелкія снѣжинки, сверкая въ огняхъ фонарей. Несмотря на холодъ, Павелъ былъ одѣтъ только въ бумазейную рубаху, безъ пояса. Шелъ онъ медленно, опустивъ голову на грудь, засунувъ руки въ карманы, согнувши спину, точно искалъ чего-то на своей дорогѣ. Когда Илья поровнялся съ нимъ и окликнулъ его, онъ поднялъ голову, взглянулъ въ лицо Ильи и равнодушно молвилъ:

— А! Это ты.

— Какъ живешь?—спросилъ Илья, идя рядомъ съ нимъ.

— Надо бы хуже, да нельзя... Ты какъ?

— Н-ничего...

— Тоже, видно, не сладко...

Помолчали, идя рядомъ и касаясь одинъ другого локтями.

— Что къ намъ не придешь? Зову, зову...—сказалъ Илья.

— Все, братъ, некогда... Свободнаго-то время не больно намъ много отпущено, самъ знаешь...

— Нашлось бы, коли захотѣлъ...—съ упрекомъ сказалъ Илья.

— А ты не сердись... Меня зовешь, а самъ ни разу и не спросилъ, гдѣ я живу, не то, чтобы прійти ко мнѣ...

— А вѣдь вѣрно!—воскликнулъ Илья съ улыбкой.—Поди вотъ!

Павелъ взглянулъ на него и заговорилъ болѣе оживленно:

— Я одинъ живу, товарищей нѣтъ,—не встрѣчаются по душѣ. Хворалъ, почти три мѣсяца въ больницѣ валялся... никто не пришелъ за все время...

— Чѣмъ хворалъ?

— Пьяный простудился... Брюшной тифъ былъ... Выздоравливать сталъ—мука! Одинъ лежишь весь день, всю ночь... и кажется тебѣ, что ты и нѣмъ и слѣпъ... заброшенъ въ яму, какъ кутенокъ. Спасибо доктору... книжки все давалъ мнѣ... а то съ тоски издохъ бы я...

— Книжки-то хорошія?—спросилъ Луневъ.

— Да-а, братъ, хороши! Все стихи читалъ я,—Лермонтова, Некрасова, Пушкина... Бывало, читаю, какъ молоко пью. Есть, братъ, стихи такіе—читаешь—словно тебя милая цѣлуетъ. А иной разъ стихъ хлыстнетъ тебя по сердцу, какъ искру высѣчетъ: вспыхнешь весь...

— А я отвыкать сталъ отъ книгъ,—вздохнувъ, сказалъ Илья.

— Ну?

— Да. Что тамъ? Читаешь—одно, глядишь—другое...

— То и хорошо... Зайдемъ въ трактиръ? Посидимъ, потолкуемъ... Мнѣ надо въ одно мѣсто, да еще рано... А можетъ, и туда вмѣстѣ пойдемъ...

— Въ трактиръ? Пойдемъ!—согласился Илья и дружески взялъ Павла за руку. Тотъ опять взглянулъ въ лицо ему, улыбнулся и сказалъ:

— Никогда у насъ съ тобой особой дружбы не было, а встрѣчать тебя мнѣ пріятно...

— Ну, не знаю, пріятно ли тебѣ... А вотъ я...

— Эхъ, братъ!—прервалъ Павелъ его рѣчь.—Догналъ ты меня, когда я о такихъ дѣлахъ думалъ... лучше не вспоминать!—Махнувъ рукой, онъ замолчалъ и пошелъ медленнѣе.

Они зашли въ первый попавшійся на пути трактиръ, сѣли тамъ въ уголокъ и спросили себѣ пива. При свѣтѣ лампъ Илья увидалъ, что лицо Павла похудѣло и осунулось, глаза у него стали безпокойные, а губы, раньше насмѣшливо полуоткрытыя, теперь плотно сомкнулись.

— Ты гдѣ работаешь?—спросилъ онъ Грачева.

— Опять въ типографіи,—невесело сказалъ Павелъ.

— Трудно?

— Н-нѣтъ... Не работа ѣстъ, а забота.

Илья чувствовалъ какое-то смутное удовольствіе, видя веселаго и бойкаго Пашку унылымъ и озабоченнымъ. Ему хотѣлось узнать, что такъ измѣнило Павла, и онъ, усиленно подливая пива въ стаканъ ему, все выспрашивалъ:

— Ну, а со стихами какъ?

— Теперь бросилъ... а раньше много сочинялъ. Показывалъ доктору—хвалитъ. Одни онъ даже въ газетѣ напечаталъ... Тридцать девять копеекъ дали мнѣ за нихъ.

— Ого!—воскликнулъ Илья.—Здорово! Какіе же это стихи? Ну-ка, скажи!

Горячее любопытство Ильи и нѣсколько стакановъ пива оживили Грачева. Его глаза вспыхнули, и на желтыхъ щекахъ загорѣлся румянецъ.

— Какіе?—переспросилъ онъ, крѣпко потирая лобъ рукой.—Забылъ я. На! Ей-Богу, забылъ! Погоди, можетъ, вспомню. У меня ихъ всегда въ башкѣ, какъ пчелъ въ ульѣ... такъ и жужжатъ! Иной разъ начну сочинять, такъ разгорячусь даже... Кипитъ все въ душѣ, и слезы на глаза выступаютъ...

— Н-ну? Отчего это?—удивленно и недовѣрчиво спросилъ Илья.

— Такъ ужъ... Горитъ въ тебѣ что-то, хочется разсказать про это гладко, а словъ нѣтъ... Ну, и... обидно...—Онъ вздохнулъ и, тряхнувъ головой, добавилъ:

— Въ душѣ-то замѣшано густо, а выложить на бумагу—пусто...

— Ты мнѣ скажи какіе-нибудь!—попросилъ Илья. Чѣмъ больше онъ присматривался къ Павлу, тѣмъ сильнѣе росло его любопытство, и понемножку къ любопытству этому примѣшивалось какое-то хорошее, теплое и грустное чувство.

— Я больше смѣшные сочиняю... про свою жизнь,—сказалъ Грачевъ, смущенно улыбаясь.

— Ну, говори смѣшные!—настаивалъ Илья.

Тогда Грачевъ оглянулся вокругъ, кашлянулъ, потеръ себѣ грудь и вполголоса, торопливо началъ читать, не глядя въ лицо товарища:

„Ночь... Тошно! Сквозь тусклыя стекла окна
Мнѣ въ комнату лучъ свой бросаетъ луна,
И онъ, улыбаясь пріятельски мнѣ,
Рисуетъ какой-то узоръ голубой
На каменной, мокрой, холодной стѣнѣ,
На клочьяхъ оборванныхъ, грязныхъ обой.
Сижу я, смотрю и молчу, все молчу...
И спать я совсѣмъ не хочу...“

Павелъ остановился, глубоко вздохнулъ и продолжалъ медленнѣе и тише:

„Судьба меня душитъ, она меня давитъ...
То сердце царапнетъ, то бьетъ по затылку,
Сударку—и ту для меня не оставитъ.
Одно оставляетъ мнѣ—водки бутылку...

Стоитъ предъ мною бутылка вина...
Блеститъ при лунѣ, какъ смѣется она...
Виномъ я сердечныя раны лѣчу.
Съ вина въ головѣ зародится туманъ.
Я думать не стану и спать захочу...
Не выпить ли лучше еще мнѣ стаканъ?
Я—выпью!.. Пусть тѣ, кому спится, не пьютъ.
Мнѣ думы уснуть не даютъ...“

Кончивъ читать, Грачевъ мелькомъ взглянулъ на Илью и еще ниже опустивъ голову, тихо сказалъ:

— Вотъ... все больше такіе у меня... несуразно выходитъ.

Онъ застучалъ пальцами по краю стола и безпокойно задвигался на стулѣ.

Нѣсколько секундъ Илья пристально смотрѣлъ на Грачева съ недовѣрчивымъ удивленіемъ. Въ его ушахъ звучала горькая и складная рѣчь, и ему было трудно повѣрить, что ее сочинялъ именно этотъ худой, безусый парень съ безпокойными глазами, одѣтый въ старую, толстую рубаху и тяжелые сапоги.

— Ну, братъ, это не очень смѣшно!—медленно и негромко заговорилъ онъ, все присматриваясь къ Павлу.—Это хорошо... Меня, знаешь, за сердце взяло... право! Ну-ка, скажи еще разъ...

Павелъ быстро вскинулъ голову, взглянулъ на своего слушателя веселыми глазами и, подвинувшись къ нему ближе, тихонько спросилъ:

— Нѣтъ, вправду—нравится?

— Ей-Богу же! Чудакъ!.. Стану я врать?

— Ну, я вѣрю... ты прямой... Ты, братъ, славный, право!

— Говори еще!

Павелъ началъ читать тихо, задумчиво, съ остановками, глубоко вздыхая, когда у него не хватало голоса. И когда онъ прочиталъ, сомнѣніе Ильи въ томъ, что Павелъ самъ сочинилъ стихи, возросло.

— А ну-ка другіе?—попросилъ онъ.

— Видишь что̀,—я лучше когда-нибудь къ тебѣ приду съ тетрадкой... А то у меня все длинные... и пора мнѣ итти! Потомъ—плохо я помню... Все концы да начала вертятся на языкѣ... Вотъ одинъ конецъ есть такіе стихи,—будто я иду по лѣсу ночью и заплутался, усталъ... ну, и страшно... тихо все, одинъ я... ну, вотъ я ищу выхода и жалуюсь будто:

„Изныли ноги,
Устало сердце—
Все нѣтъ пути!
Земля родная!
Хоть ты скажи мнѣ—
Куда итти?

Прилегъ къ землѣ я—
Къ ея родимой
Сырой груди—
И слышалъ сердцемъ
Глубокій шопотъ:
—Сюда иди!"

Вѣдь это вѣрно: живешь, какъ цѣлиной по лѣсу идешь, видишь гдѣ-то свѣтъ, а дороги къ нему нѣтъ!.. Слушай, Илья, пойдемъ со мной, а? Пойдемъ? Не хочется мнѣ съ тобой прощаться...

Грачевъ всталъ со стула, суетился, дергалъ Илью за рукавъ и заглядывалъ въ лицо ему ласковыми глазами.

— Иду!—сказалъ Илья.—Мнѣ тоже хочется съ тобой побыть... По правдѣ скажу—и вѣрю я тебѣ и нѣтъ... Ужъ больно ты любопытенъ! Потомъ—ловко вѣдь у тебя стихи-то выходятъ...

— Не вѣришь, что мои? Ничего! Увидишь—повѣришь...—говорилъ Павелъ, выходя изъ трактира на улицу.

— Коли твои — молодчина ты! — искренно воскликнулъ Илья.—Валяй! Разсказывай, какъ настоящіе люди живутъ...

— Я, братъ, подучусь, такъ буду писать—держись только!

— Чеши! Пусть понимаютъ...

— Я иногда думаю: ахъ, вы!.. Вы сыты, обуты, одѣты—а я?

— Вотъ!

— Я не человѣкъ?

— Всѣ одинаковы!

— На комъ бархатъ да кумачъ—тому и колачъ, а у кого грудь голая—тому и брюхо полое? Нѣтъ, врешь!

— Вру-утъ! Всѣ одинаковы!

— Эхъ, Илья! Кабы мнѣ ума...

Они быстро шагали по улицѣ и, налету схватывая слова другъ друга, горячо и торопливо перекидывались ими, все болѣе возбуждаясь, все ближе становясь другъ къ другу. Оба они ощущали радость, видя, что каждый думаетъ такъ же, какъ и другой, и эта радость еще болѣе поднимала ихъ. Снѣгъ, падавшій густыми хлопьями, таялъ на лицахъ у нихъ, осѣдалъ на одеждѣ, приставалъ къ сапогамъ, и они шли въ мутной кашицѣ, безшумно кипѣвшей вокругъ нихъ.

— Я все понимаю!—увѣренно вскрикивалъ Павелъ.

— Такъ жить нельзя!—вторилъ ему Лупевъ.

— Ты учился въ гимназіи—значитъ, ты баринъ, хотя отецъ твой водовозъ?!

— Во-отъ! А я чѣмъ виноватъ, что въ гимназіи не былъ, а?

— Тебѣ наука, а мнѣ вотъ эта штука?—показывая кукишъ Ильѣ, говорилъ Грачевъ,—нѣтъ, погоди!

—О , дьяволъ!—выругался Илья, ос ушившись въ какую-то яму, полную грязи и снѣга.

— Держи лѣвѣе...

— Да куда мы идемъ, чортъ ее!..

— Къ Сидорихѣ...

— Куда?

— Къ Сидорихѣ... не знаешь?

— Н-не бывалъ...—помолчавъ, отвѣтилъ Илья и, шагнувъ раза два впередъ, сказалъ, смѣясь:—коротки, братъ, дорожки наши...

— Эхъ!—тихо сказалъ Павелъ,—я это понимаю... Да надо мнѣ туда: дѣло у меня...

— Я—ничего вѣдь... я пойду, все равно!

— Скажу я тебѣ... Илья! Горько мнѣ говорить про это...

Павелъ шумно плюнулъ и замолчалъ.

— Что̀ такое?—насторожившись, спросилъ Луневъ.

— Видишь,—не сразу сталъ разсказывать Павелъ,—дѣвушка тамъ есть одна... Поглядишь, какая... Всю душу спалить можетъ... Была она горничной у того доктора, что̀ лѣчилъ меня. Ходилъ я къ нему за книжками... потомъ, когда выздоровѣлъ... Ну, придешь, сидишь, бывало, ожидаешь его въ кухнѣ... А она—тутъ... Бѣлочкой прыгаетъ, смѣется... Мнѣ около нея—какъ щепѣ у костра... Я—къ ней... Она сразу сдалась, безо всякихъ словъ... Началось у насъ—такое! Небо вспыхнуло... Лечу къ ней—какъ перо въ огонь... Нацѣлуемся—губы вспухнутъ, кости ноютъ—эхъ! Чистенькая она, маленькая, какъ игрушечка... обнимешь — и нѣтъ ея! Будто птичкой въ сердце мнѣ влетѣла и поетъ тамъ пѣсню... и поетъ...

Онъ замолчалъ и какъ-то странно всхлипнулъ жаднымъ звукомъ.

— Ну?—спросилъ Илья, увлеченный его разсказомъ.

— Застала насъ жена докторова... чортъ бы ее взялъ. И барыня хорошая вѣдь, дура дьяволова! Бывало, тоже говорила со мной... славно такъ... Красивая... вѣдьма!..

— Ну?—повторилъ Илья.

— Ну—шумъ поднялся... Прогнали Вѣрку... и меня тоже. Изругали ее... и меня... Она, Вѣрка-то, ко мнѣ... А я въ ту пору безъ мѣста былъ... Голодали... Проѣли все до ниточки... Ну, а она—характерная... Убѣжала... Пропала недѣли на двѣ... Потомъ явилась... одѣтая по-модному и все... браслетъ... деньги...

Пашка скрипнулъ зубами и глухо сказалъ:

— Прибилъ я ее... больно...

— Ушла?—спросилъ Илья.

— Нѣ-ѣтъ... кабы ушла, я бы въ омутъ головой...

— Осталась?

— Говоритъ—или убей, или не тронь... Я, говоритъ, тебѣ тяжела... Души, говоритъ, никому не дамъ...

— А ты что̀?

— Я—все дѣлалъ: и билъ ее и... плакалъ... А что̀ я могу еще? Кормить мнѣ ее нечѣмъ...

— А на мѣсто она—не хочетъ?

— Чортъ ее уломаетъ! Говоритъ—хорошо! Но дѣти у насъ пойдутъ—куда ихъ? А такъ, дескать, все цѣло, все—твое, и дѣтей не будетъ...

Илья Луневъ подумалъ и сказалъ:

— Умная она...

Пашка промолчалъ, быстро шагая въ снѣжной мглѣ.

Онъ опередилъ товарища шага на три, потомъ обернулся къ нему, остановился и глухо, шипящимъ голосомъ, произнесъ:

— Какъ подумаю я, что другіе цѣлуютъ ее... словно свинецъ мнѣ въ грудь нальется...

— Бросить ея не можешь?

— Ее?—съ удивленіемъ крикнулъ Павелъ.

Илья понялъ его удивленіе, когда увидалъ дѣвушку.

Они пришли на окраину города, къ одноэтажному дому. Его шесть оконъ были наглухо закрыты ставнями, и это дѣлало домъ похожимъ на длинный, старый сарай. Мокрый снѣгъ густо облѣпилъ стѣны и крышу, точно хотѣлъ спрятать или раздавить этотъ домъ.

Пашка постучалъ въ ворота и сказалъ:

— Тутъ—особенное заведеніе. Сидориха даетъ дѣвушкамъ квартиру, кормитъ и беретъ за это пятьдесятъ цѣлковыхъ съ каждой... Дѣвушекъ всего четыре только... Ну, конечно, вино держитъ Сидориха, пиво и все нужное... конфеты... тамъ... Но дѣвушекъ не стѣсняетъ ничѣмъ: хочешь—гуляй иди, хочешь—дома сиди... только полсотни въ мѣсяцъ дай ей... Дѣвушки все дорогія... имъ эти деньги легко достать... Тутъ одна есть—Олимпіада—меньше четвертной не ходитъ...

— А твоя—почемъ?—спросилъ Илья, стряхивая снѣгъ съ одежды.

— Н-не знаю... тоже дорого...—помолчавъ, тихимъ голосомъ отвѣтилъ Грачевъ.

За дверью раздался шумъ, золотая нитка свѣта задрожала въ воздухѣ...

— Кто тамъ?

— Я это, Васса Сидоровна... Грачевъ...

— А!—Дверь отворилась, и маленькая, сухая старушка, с огромнымъ носомъ на дрябломъ лицѣ, освѣщая Павла огнемъ свѣчи, ласково сказала:

— Здравствуй, Паша... А Вѣрунька-то давно мечется, ждетъ тебя. Это кто съ тобой?

— Товарищъ...

— Кто пришелъ?—спросили откуда-то изъ темнаго, длиннаго коридора звучнымъ голосомъ.

— Къ Вѣрѣ это, Липочка...—сказала старуха.

— Вѣрка, пришелъ твой!—крикнулъ тотъ же звучный голосъ, гулко разносясь по коридору.

Тогда въ глубинѣ коридора быстро распахнулась дверь, и въ широкомъ пятнѣ свѣта встала маленькая фигурка дѣвушки, одѣтой во все бѣлое, осыпанной густыми прядями золотистыхъ волосъ.

— До-олго ты!—низкимъ груднымъ звукомъ капризно протянула она. Потомъ приподнялась на носки, положила руки свои на плечи Павла и изъ-за него взглянула на Илью карими ласковыми глазами.

— Это—товарищъ мой... Луневъ Илья... встрѣтился съ нимъ... и опоздалъ...—сказалъ Павелъ.

— Здравствуйте!

Дѣвушка протянула Ильѣ руку, и широкій рукавъ ея бѣлой кофточки поднялся почти до плеча. Илья пожалъ сухую и горячую ручку почтительно, бережливо и молча. Онъ смотрѣлъ на подругу Павла съ той милой радостью, съ какой въ густомъ лѣсу, средь бурелома и болотныхъ кочекъ, встрѣчаешь душистую, стройную березку. И когда она посторонилась, чтобы пропустить его въ дверь, онъ тоже отступилъ въ сторону и, уважительно поклонившись ей, сказалъ:

— Вы—первая!

— Ка-акой кавалеръ!—засмѣялась она. И смѣхъ у нея былъ хорошій,—веселый, ясный. Павелъ тоже смѣялся, говоря:

— Ошарашила ты, Вѣрка, парня... смотри-ка, какъ медвѣдь передъ медомъ, стоитъ онъ передъ тобой...

— Да развѣ?—весело спросила дѣвушка Илью.

— Вѣрно!—съ улыбкой согласился тотъ.—Землю вы изъ-подъ ногъ у меня вышибли красотой вашей...

— Влюбись-ка! Зарѣжу...—пригрозилъ Павелъ, радостно улыбаясь. Ему было пріятно видѣть, какое впечатлѣніе произвела красота его милой на Илью, и онъ съ гордостью поблескивалъ глазами, глядя на нее. И она тоже съ наивнымъ безстыдствомъ хвасталась собою, сознавая свою женскую силу.

На ней была одѣта только широкая кофта поверхъ рубашки и юбка, бѣлая, какъ снѣгъ. Незастегнутая кофточка распахивалась, обнажая крѣпкое, ядреное, какъ молодая рѣпа, тѣло. Малиновыя губы ея маленькаго рта вздрагивали отъ дѣтски-самодовольной улыбки; казалось, что она сама любуется собой, какъ дитя игрушкой, которая ему еще не надоѣла. Илья, не открывая глазъ, смотрѣлъ, какъ ловко она ходитъ по комнатѣ, вздернувъ носикъ, ласково поглядывая на Павла, смѣясь и разговаривая, и ему стало грустно при мысли, что у него вотъ нѣтъ такой подруги. Онъ сидѣлъ и молчалъ, осматриваясь.

Среди маленькой, свѣтлой, чисто убранной комнаты стоялъ столъ, покрытый бѣлой скатертью; на столѣ шумно кипѣлъ самоваръ, и все вокругъ было свѣжо и молодо. Чашки, бутылка вина, тарелки съ колбасой и хлѣбомъ—все было новое, чистое и нравилось Ильѣ, возбуждая въ немъ зависть къ Павлу. А Павелъ сидѣлъ радостный и говорилъ складной рѣчью:

— Какъ увижу тебя—словно въ солнышкѣ грѣюсь... и про все позабуду и на счастье надѣюсь... Хорошо жить, такую красотку любя, хорошо, когда видишь тебя...

— Милый ты, Пашка! Словно какъ!..—съ восхищеніемъ вскричала Вѣра.

— Горячіе! Сейчасъ испекъ... Эй, Илья! будетъ тебѣ!.. Али все не насмотришься? Свою заведи...

— Да хорошую!—страннымъ, какимъ-то новымъ голосомъ сказала дѣвушка, взглянувъ въ глаза Ильѣ.

— Лучше васъ—Богъ не дастъ!—вздохнувъ и улыбаясь, сказалъ Илья.

— Ну... не говорите, про что не знаете...—тихонько молвила Вѣра.

— Онъ знаетъ...—молвилъ Пашка, нахмурился и продолжалъ, обращаясь къ Ильѣ.—Понимаешь—все хорошо, радостно... и вдругъ это вспомнишь... такъ и рѣзнетъ по сердцу!..

— А ты не вспоминай,—сказала Вѣра, наклонивъ голову надъ столомъ. Илья взглянулъ на нее и увидалъ, что уши у нея красныя.

— Ты думай такъ,—тихо, но твердо продолжала дѣвушка,—хоть день, да мой!... Мнѣ вѣдь тоже не легко... но я горе съ радостью мѣшать не согласна... Я—какъ въ пѣснѣ поется—горе—одна изонью, мою радость—съ тобой раздѣлю...

Павелъ слушалъ ея рѣчь и все хмурился... Илья почувствовалъ въ себѣ желаніе сказать что-нибудь хорошее, ободряющее этимъ людямъ и, подумавъ, сказалъ:

— Что же дѣлать, коли узла не развяжешь? А я... такъ вамъ обоимъ скажу: будь у меня денегъ тысяча, десять тысячъ—я бы вамъ! На-те! Примите, сдѣлайте милость, ради вашей любви... Потому—вижу я и чувствую—дѣло ваше съ душой, дѣло чистое, съ совѣстью... а на все прочее—плевать!

Въ немъ что-то вспыхнуло и горячей волной охватило его. Онъ даже всталъ со стула, видя, какъ дѣвушка, поднявъ голову, смотритъ на него благодарными глазами, а Павелъ улыбается ему и какъ бы ждетъ еще чего-то отъ него.

— Я первый разъ въ жизни вижу такую красоту, какъ ваша... и первый разъ вижу, какъ люди любятъ другъ друга... И тебя, Павелъ, сегодня впервые оцѣнилъ по душѣ... какъ слѣдуетъ... Сижу здѣсь... и прямо говорю—завидую... мнѣ и грустно и весело... Дай Богъ, чтобы все обошлось у васъ по-хорошему. А насчетъ.. всего прочаго... я вотъ что скажу: не люблю я чувашъ и мордву, противны они мнѣ! Глаза у нихъ въ гною, тѣло—пакостное... Но я въ одной рѣкѣ съ ними купаюсь... и ту же самую воду пью, что и они. Неужто изъ-за ихъ поганства отказаться мнѣ отъ рѣки? Зачѣмъ? Я вѣрю—Богъ ее очищаетъ...

— Вѣрно, Илья! Молодчина!—горячо крикнулъ Павелъ.

— А вы пейте изъ ручья,—тихо прозвучалъ голосъ Вѣры.

— А гдѣ его найдешь?—спросилъ Илья.—Нѣтъ, ужъ лучше вы мнѣ, Вѣра, чайку налейте!

— Голубчикъ мой!—воскликнула дѣвушка.—Какой вы хорошій!

— Покорно благодарю!—серьезно сказалъ Илья и, поклонившись ей, сѣлъ.

На Павла его рѣчь и вся эта маленькая сцена подѣйствовала, какъ вино. Его живое лицо разрумянилось, глаза воодушевленно засверкали, онъ вскочилъ со стула и заметался по комнатѣ.

— Эхъ, чортъ меня съѣшь! Хорошо жить на свѣтѣ, когда люди—какъ дѣти! Ловко я угодилъ душѣ своей, что привелъ тебя сюда, Илья... Выпьемъ, братъ! Наливай, Вѣрунька...

— Разыгрался!—сказала дѣвушка, съ ласковой улыбкой взглянувъ на него, и обратилась къ Ильѣ:—Вотъ онъ всегда таковъ—то вспыхнетъ радугой, то станетъ сѣренькій, скучный да злой...

— Это нехорошо!—солидно сказалъ Луневъ. И всѣ трое заговорили бойко и весело, пересыпая рѣчи беззаботным смѣхомъ.

Въ двери постучались, и кто-то спросилъ:

— Вѣра! можно мнѣ войти?..

— Иди, иди! Вотъ, Илья Яковлевичъ,—это Липа, подруга моя...

Илья поднялся со стула и обернулся къ двери: предъ нимъ стояла высокая, стройная женщина и смотрѣла въ лицо ему спокойными голубыми глазами. Запахъ духовъ струился отъ ея платья, щеки у нея были свѣжія, румяныя, а на головѣ возвышалась, увеличивая ея ростъ, прическа изъ темныхъ волосъ, похожая на корону.

— А я сижу одна,—скучно мнѣ... слышу, у тебя смѣются, говорятъ—и пошла сюда... Ничего? Вотъ кавалеръ одинъ, безъ дамы... я его занимать буду,—хотите?

Она плавнымъ движеніемъ подвинула стулъ къ Ильѣ, сѣла на него и спросила:

— Вамъ скучно съ ними, скажите? Они тутъ любезничаютъ, а вамъ завидно, да?

— Съ ними не скучно,—смущаясь отъ ея близости, сказалъ Илья.

—Жаль!—спокойно кинула женщина, отвернулась отъ Ильи и заговорила, обращаясь къ Вѣрѣ:

— Знаешь—была я вчера у всенощной въ Дѣвичьемъ монастырѣ и такую тамъ клирошанку видѣла—ахъ! Чудная дѣвочка... Стояла я и все смотрѣла на нее, и думала: отчего она ушла въ монастырь? Жалко было мнѣ ее...

— А я бы не пожалѣла,—сказала Вѣра.

— Ну, какъ же! Повѣрю я тебѣ...

Илья вдыхалъ сладкій запахъ духовъ, разливавшійся въ воздухѣ вокругъ этой женщины, смотрѣлъ на нее сбоку и вслушивался въ ея голосъ. Говорила она удивительно спокойно и ровно, въ ея голосѣ было что-то усыпляющее, и казалось, что слова ея рѣчи тоже имѣютъ запахъ пріятный и густой...

— А знаешь, Вѣра, я все думаю—итти мнѣ къ Полуэктову или нѣтъ?

— Я не знаю...

— Можетъ-быть, я пойду... Онъ старый—это разъ, богатый—это два... Но жадный... Я прошу, чтобъ онъ положилъ въ банкъ пять тысячъ и платилъ мнѣ полтораста въ мѣсяцъ, а онъ даетъ три и сто...

— Липочка! Не говори про это,—попросила ее Вѣра.

— Хорошо, не буду,—спокойно согласилась Липа и снова обернулась къ Ильѣ.—Ну-съ, молодой человѣкъ, давайте разговаривать... Вы мнѣ нравитесь... у васъ красивое лицо и серьезные глаза... Что вы на это скажете?

— Ничего не могу,—смущенно улыбаясь, отвѣтилъ Илья, чувствуя, что эта женщина окутываетъ его, какъ облако.

— Ничего? Да вы скучный... Вы кто?

— Разносчикъ...

— Да-а? А я думала, вы служите въ банкѣ... или приказчикомъ въ хорошемъ магазинѣ. Вы очень приличный...

— Я чистоту люблю,—сказалъ Илья. Ему стало томительно жарко. и отъ духовъ у него кружилась голова.

— Любите чистоту? Это хорошо... А вы—догадливый?

— Т.-е. какъ это?

— Вы уже догадались, что мѣшаете вашему товарищу, или нѣтъ еще?—плавно спросила его голубоглазая женщина.

— Да? Ну, я сейчасъ уйду!..—сконфузившись, сказалъ Илья.

— Подождите! Вѣра, можно мнѣ утащить этого юношу?..

— Тащи, коли пойдетъ!—сказала Вѣра и засмѣялась.

— Куда?—спросилъ Илья, волнуясь.

— А ты иди, дурашка,—крикнулъ Павелъ.

Илья, отуманенный, стоялъ и растерянно улыбался, но женщина взяла его за руку и повела за собой, спокойно говоря:

— Вы—дикій, а я капризная и упрямая. Если я захочу погасить солнце, такъ влѣзу на крышу и буду дуть на него, пока не испущу послѣдняго дыханія... видите, какая я?

Илья шелъ рука объ руку съ ней, не понималъ, почти не слушалъ ея словъ и чувствовалъ только, что она теплая, мягкая, душистая...

Эта связь, неожиданная и капризная, первое время захватила Илью цѣликомъ, вызвала въ немъ гордое, самодовольное чувство и какъ бы излѣчила царапины, нанесенныя жизнью сердцу его. Мысль, что женщина, красивая, чисто одѣтая, свободно, по своей охотѣ, даетъ ему свои дорогіе поцѣлуи и ничего не проситъ взамѣнъ ихъ, еще болѣе поднимала его въ своихъ глазахъ. И онъ зажилъ, точно поплылъ куда-то по широкой рѣкѣ, вмѣстѣ со спокойной волной, нѣжно ласкавшей его тѣло, вливая въ него бодрость и силу.

— Мой милый капризъ!—говорила ему Олимпіада, играя его курчавыми волосами или проводя пальцемъ по темному пуху на его верхней губѣ.—Ты мнѣ нравишься все больше... У тебя надежное, твердое сердце, и я вижу, что, если ты чего захочешь,—добьешься... Это хорошо... Вотъ и я такая же... И будь я моложе—вышла бы за тебя замужъ... Тогда вдвоемъ съ тобой мы разыграли бы всю жизнь, какъ по нотамъ...

Илья относился къ ней почтительно: она казалась ему умной и, несмотря на зазорную жизнь, уважающей себя. Тѣло

у нея было такое же гибкое и крѣпкое, какъ ея сильный грудной голосъ, и такое же стройное, какъ характеръ ея. Ему нравилась въ ней бережливость, любовь къ чистотѣ и порядку, умѣнье говорить обо всемъ и держаться со всѣми независимо, даже гордо. Но иногда онъ, приходя къ ней, заставалъ ее въ постели, лежащую съ блѣднымъ, измятымъ лицомъ, съ растрепанными волосами,—тогда въ груди его зарождалось острое чувство брезгливости къ этой женщинѣ, онъ смотрѣлъ въ ея мутные, какъ бы слинявшіе глаза сурово и молча, не находя въ себѣ даже желанія сказать ей: здравствуй!

Она, должно-быть, понимала его чувство и, закутываясь въ одѣяло, говорила ему:

— Уходи отсюда! Ступай къ Вѣрѣ... Скажи старухѣ, чтобъ принесла воды со снѣгомъ...

Онъ уходилъ въ чистенькую комнату подруги Павла, и Вѣра, видя его нахмуренное и недовольное лицо, виновато улыбалась. Однажды она спросила его:

— Что, Илья Яковлевичъ, щиплется наша сестра?

— Эхъ, Вѣрочка!—отвѣтилъ онъ.—На васъ и грѣхъ—какъ снѣгъ... Улыбнетесь вы—онъ и растаетъ...

— Бѣдненькіе вы съ Павломъ,—пожалѣла его дѣвушка.

Вѣру онъ любилъ, жалѣлъ ее, какъ ребенка, искренно безпокоился, когда она ссорилась съ Павломъ, и всегда мирилъ ихъ. Ему нравилось сидѣть у нея и смотрѣть, какъ она чесала свои золотистые волосы или шила себѣ что-нибудь, тихонько напѣвая. Въ такія минуты она нравилась ему еще больше, онъ еще острѣе чувствовалъ несчастіе дѣвушки и, какъ могъ, утѣшалъ ее. А она говорила:

— Нельзя такъ жить, нельзя, Илья Яковлевичъ. Подумайте!.. ну я, ужъ все равно... такъ пачкольей и буду... а Павелъ-то за что около меня?

Ихъ бесѣды нарушала Олимпіада, являясь предъ ними безшумно, какъ холодный лучъ луны, одѣтая въ широкій, глубокій капотъ.

— Идемъ чай пить, мой капризъ!.. Потомъ и ты приходи, Вѣрочка...

Розовая отъ холодной воды, чистая, крѣпкая и спокойная, она властно уводила за собой Илью, а онъ шелъ за нею, и ему думалось; ее ли это, часъ тому назадъ, онъ видѣлъ измятой и захватанной грязными руками?

За чаемъ она говорила:

— Жаль, что ты крестьянинъ и мало учился... Трудно жить. Но все-таки торговлю надо бросить, надо попробовать

что-нибудь другое. Погоди, я найду тебѣ мѣстечко... нужно устроить тебя... Вотъ, когда я поступлю къ Полуэктову, мнѣ можно будетъ сдѣлать это...

— Что, онъ даетъ пять-то тысячъ?—спросилъ Илья.

— Дастъ,—увѣренно отвѣтила женщина.

— Ну, ежели я его когда-нибудь встрѣчу у тебя—оторву башку...—съ ненавистью говорилъ Илья.

— Зачѣмъ же? Онъ тебѣ не мѣшаетъ...

— Стало-быть, мѣшаетъ...

— Полно! Онъ старенькій, гаденькій...—съ усмѣшкой сказала Олимпіада.

— Шути! Я рукъ не пожалѣю... а грѣхъ не великъ—поскудника раздавить...

— Погоди хоть, когда онъ дастъ мнѣ деньги,—смѣялась женщина.

Купецъ далъ ей все, чего она желала. Вскорѣ Илья сидѣлъ въ новой квартирѣ Олимпіады, разглядывая толстые ковры на полу, тяжелую мебель, обитую темнымъ плюшемъ, и слушалъ спокойную рѣчь своей любовницы. Онъ не замѣчалъ въ ней особеннаго удовольствія отъ перемѣны обстановки: она была такъ же спокойна и ровна, какъ всегда; казалось, что она одѣлась въ другое платье и—только.

— Мнѣ двадцать семь лѣтъ, къ тридцати у меня будетъ тысячъ десять. Тогда я дамъ старику по шапкѣ и—буду свободна... Учись у меня жить, мой серьезный капризъ...

Илья учился у нея этой неуклонной твердости въ достиженіи ею цѣли своей. Но порой, при мысли, что она даетъ ласки свои другому, онъ чувствовалъ обиду, тяжелую, унижавшую его. И тогда предъ нимъ съ особенною яркостью вспыхивала мечта о лавочкѣ, о чистой комнатѣ, въ которой онъ сталъ бы принимать эту женщину. Онъ не былъ увѣренъ, что любитъ ее, но она казалась ему необходимой для него, какъ умный, хорошій товарищъ... Такъ прошло мѣсяца два, три.

Однажды, придя домой послѣ торговли, Илья вошелъ въ подвалъ къ сапожнику и съ удивленіемъ увидалъ, что за столомъ, передъ бутылкой водки, сидитъ Перфишка, счастливо улыбаясь, а противъ него—Яковъ. Навалившись на столъ грудью, Яковъ качалъ головой и нетвердо говорилъ:

— Х-рошо! Если Богъ все видитъ... и все-е знаетъ—Онъ видитъ и меня... Всѣ меня бросили, братъ... и я одинъ! Отецъ меня не любитъ... онъ—жу-уликъ! Онъ—грабитель и мерзавецъ,—вѣрно?

— Вѣрно, Яша! Нехорошо, а вѣрно! — сказалъ сапожникъ.

— Вотъ!.. Какъ жить? Во что вѣрить?..—встряхивая растрепанными волосами, спрашивалъ Яковъ, тяжело ворочая языкомъ—Гдѣ люди? Перфишка! Нѣтъ никого на свѣтѣ...

Илья стоялъ у двери, слушалъ рѣчь товарища, и сердце его сжалось отъ непріятнаго чувства. Онъ видѣлъ, какъ вяло и безсильно качается на тонкой шеѣ большая голова Якова, видѣлъ желтое, сухое лицо Перфишки, освѣщенное блаженной улыбкою, и ему какъ-то не вѣрилось, что онъ дѣйствительно Якова видитъ, кроткаго и тихаго Якова. Онъ подошелъ къ нему и съ укоромъ спросилъ:

— Это ты что̀ же дѣлаешь?

Яковъ вздрогнулъ, взглянулъ въ лицо его испуганными глазами и, криво улыбаясь, воскликнулъ:

— А, Илья... это ничего! Я думалъ—отецъ...

— Что̀ ты дѣлаешь, а?—переспросилъ Илья.

— Ты, Илья Яковличъ, оставь его,—заговорилъ Перфишка, вставъ со стула и покачиваясь на ногахъ.—Онъ въ своемъ правѣ... Еще слава Тебѣ, Господи, что пьетъ...

— Илья! — истерически-громко крикнулъ Яковъ. — Отецъ меня... избилъ!

— Совершенно правильно,—я тому дѣлу свидѣтель!—заявилъ Перфишка, ударивъ себя въ грудь.—Я все видѣлъ... хоть подъ присягой скажу! И зубы разбилъ и носъ...

Лицо у Якова дѣйствительно распухло, и верхняя губа вздулась. Онъ стоялъ предъ товарищемъ и жалко улыбался, говоря ему:

— Развѣ можно меня бить? Мнѣ девятнадцать лѣтъ... я ни въ чемъ не виноватъ.

Илья чувствовалъ, что не можетъ ни утѣшать товарища ни осуждать его.

— За что онъ тебя прибилъ?..

Яковъ шевельнулъ губами, желая что-то сказать, но не сказалъ. Лицо его вздрогнуло, перекосилось, онъ свалился на стулъ и, схвативъ голову руками, завылъ, качаясь всѣмъ тѣломъ. Перфишка, поддержавъ его, когда онъ падалъ, тотчасъ же отошелъ отъ него и, наливая себѣ водки, сказалъ:

— Пускай поплачетъ... хорошо, когда человѣкъ плакать умѣетъ... Машутка тоже... Заливается во всю мочь... Кричитъ — зѣнки выцарапаю! Хе, хе! Я ужъ ее къ Матицѣ отправилъ...

— Что̀ у него вышло съ отцомъ?—спросилъ Илья.

— Это я могу разсказать... Вышло даже очень дико... Те-

рентій, дядя твой, началъ музыку... Вдругъ говоритъ Петрухѣ: „отпусти, говоритъ, меня въ Кіевъ, къ угодникамъ...“ Петруха очень былъ доволенъ: давно ужъ ему горбъ глаза колетъ, и,—надо говорить всю правду, — радъ онъ, что Терентій уходитъ... Не во всякомъ дѣлѣ товарищъ пріятенъ, хе, хе! Н-ну, и того, иди, дескать, да и за меня словечко угодникамъ замолви... Вдругъ—Яковъ: „отпусти, говоритъ, и меня...“

Перфишка вытаращилъ глаза, скорчилъ свирѣпую рожу и глухимъ голосомъ протянулъ:

— „Что-о?..“—„И меня—къ угодникамъ...“—„Т.-е.—какъ такъ?“—„Хочу, говоритъ Яковъ-то, помолиться за тебя...“ Петруха какъ рявкнетъ: я те помолюсь! А Яковъ свое: пусти! Кэ-екъ Петруха-то хряснетъ его въ морду! Да еще, да...

— Я не могу съ нимъ жить!—закричалъ Яковъ.—Я уйду! Удавлюсь! За что онъ меня прибилъ? А? За что? Я отъ сердца сказалъ...

Ильѣ стало тяжко отъ его криковъ, и онъ ушелъ изъ подвала, безсильно пожавши плечами. Вѣсть о томъ, что дядя уходитъ на богомолье, была ему пріятна: уйдетъ дядя, и онъ наконецъ уйдетъ изъ этого дома, сниметъ себѣ отдѣльную квартиру—маленькую комнатку—и заживетъ одинъ...

Когда онъ вошелъ къ себѣ, вслѣдъ за нимъ явился Терентій. Лицо у него было радостное, глаза оживились; онъ, встряхивая горбомъ, подошелъ къ Ильѣ и сказалъ:

— Ну, ухожу я! Господи! Какъ радъ... какъ изъ темницы, какъ изъ ямы на свѣтъ Божій лѣзу... Стало-быть, не отвергнетъ Онъ молитвы моей, коли позволилъ отсюда вырваться...

— А ты знаешь—Яковъ-то?—сухо сказалъ Илья.

— Что̀?

— Пьянъ напился...

— А-а-а! Нехорошо-о. На̀-ка, маленькій мальчишка!.. А еще со мной просился у отца...

— Отецъ-то его при тебѣ вѣдь ударилъ?

— При мнѣ... А что̀?

— Что̀ жъ, ты не можешь понять, что онъ съ этого и напился?—сурово спросилъ Илья.

— Развѣ съ этого? Скажи, пожалуй, а?

Илья ясно видѣлъ, что дядю нимало не занимаетъ судьба Якова, и это увеличивало его непріязнь къ горбуну. Онъ никогда не видалъ Терентія такимъ радостнымъ, и эта радость, явившаяся передъ нимъ тотчасъ же вслѣдъ за слезами Якова, возбуждала въ немъ непонятное ему мутное чувство. Онъ сѣлъ подъ окномъ и сказалъ дядѣ:

— Иди въ трактиръ-то...

— Тамъ хозяинъ... Мнѣ поговорить съ тобой надо...

— Ну... о чемъ?

Горбунъ подошелъ къ нему и таинственно заговорилъ:

— Я скоро соберусь. Ты останешься тутъ одинъ и... стало-быть... значитъ...

— Да ну, говори сразу,—сказалъ Илья.

— Сразу. Радъ бы я... — часто мигая глазами, воскликнулъ Терентій вполголоса.—Тутъ тоже не легко...

— Насчетъ меня, что ли, говорить хочешь?

— И... насчетъ тебя!.. Но первое... накопилъ я тутъ денегъ немного...

Илья взглянулъ на него и нехорошо засмѣялся.

— Ты что̀?—вздрогнувъ, спросилъ его дядя.

— Знаю я... Ну, скажемъ, накопилъ ты денегъ...

И онъ особенно отчетливо выговорилъ слово „накопилъ".

— Да, такъ вотъ... — не глядя на него, заговорилъ Терентій.—Ну, значитъ... два ста рѣшился я въ монастырь дать.

— Такъ...

— Сто—тебѣ...

— Сто?—быстро спросилъ Илья. И тутъ онъ открылъ, что уже давно въ глубинѣ его души жила надежда получить съ дяди не сто рублей, а много больше. Ему стало обидно и на себя и на свою надежду,—нехорошую надежду, онъ зналъ это,—и на дядю за то, что онъ такъ мало даетъ ему. Онъ всталъ со стула, выпрямился и твердо, со злобой сказалъ дядѣ:

— Не возьму я твоихъ краденыхъ денегъ... понялъ?

Горбунъ попятился отъ него, сѣлъ на свою кровать, — жалкій, блѣдный. Весь съежившись и открывъ ротъ, онъ смотрѣлъ на Илью съ тупымъ страхомъ въ глазахъ и молчалъ.

— Ну, что̀ смотришь? Не надо мнѣ...

— Господи Исусе!—хрипло выговорилъ Терентій.—Погоди, милый! Какъ же?

— Чего?—спросилъ Илья, видя, что Терентій не можетъ выговорить какого-то слова.

— Илюша... ты мнѣ какъ сынъ былъ...—тяжело вздыхая, почти шопотомъ началъ Терентій.—Вѣдь я... для тебя... для твоей судьбы на грѣхъ рѣшился.. Ты возьми деньги!.. возьми!.. А то не проститъ мнѣ Господь...

— Та-акъ!—насмѣшливо воскликнулъ Илья.—Со счетами въ рукахъ къ Богу-то идешь?.. Эхъ, вы! И просилъ я тебя дѣдушкины деньги воровать? Какого человѣка вы ограбили!..

— Илюша! И родить тебя не просилъ ты...—смѣшно протянувъ руку къ Ильѣ, сказалъ ему дядя.—Нѣтъ, ты деньги возьми... Христа ради! Ради души моей спасенья... Я ворочусь — всѣ тебѣ отдамъ... А покамѣстъ — эти... Родной мой! Господь грѣха мнѣ не развяжетъ, коли не возьмешь...

Онъ умолялъ, а губы у него дрожали, а въ глазахъ сверкалъ испугъ. Илья смотрѣлъ на него и не могъ понять — жалко ему дядю или нѣтъ?

— Ну ладно! Я возьму...—сказалъ онъ наконецъ и тотчасъ же вышелъ вонъ изъ комнаты. Его рѣшеніе взять у дяди деньги было непріятно ему; оно унижало его въ своихъ глазахъ. Да и зачѣмъ ему сто рублей? Что̀ можно сдѣлать съ ними? И онъ подумалъ, что если бъ дядя предложилъ ему не сто, а хоть тысячу рублей — онъ сразу перестроилъ бы свою безпокойную, темную жизнь на жизнь чистую, которая текла бы вдали отъ людей, въ покойномъ одиночествѣ... А что̀, если спросить у дяди, сколько досталось на его долю денегъ стараго тряпичника? Но эта мысль тотчасъ же показалась ему противной...

Съ того дня, какъ Илья познакомился съ Олимпіадой, ему казалось, что домъ Филимонова сталъ еще грязнѣе и тѣснѣй. Эта тѣснота и грязь вызывали у него чувство физическаго отвращенія, какъ будто тѣла его касались какія-то холодныя, скользкія руки. Сегодня это чувство особенно угнетало его, онъ не могъ найти себѣ мѣста въ домѣ и шелъ къ Матицѣ, не имѣя въ этомъ надобности. И, поднимаясь по лѣстницѣ кверху, онъ со страннымъ, жуткимъ предчувствіемъ въ сердцѣ подумалъ, что этотъ домъ когда-нибудь толкнетъ его къ чему-то неожиданному и страшному.

Съ такими думами онъ вошелъ къ Матицѣ и увидалъ бабу сидящей у своей широкой постели на стулѣ. Она взглянула на него и, грозя пальцемъ, громко прошептала, точно вѣтеръ подулъ:

— Тихо! Спитъ!..

На постели ея, свернувшись клубкомъ, спала Маша.

— Каково это? — шептала Матица, свирѣпо вытаращивъ свои большіе глаза. — Избивать дѣтей начали, якъ Ироды проклятые! Избиваютъ младенцевъ! Чтобъ земля провалилась подъ ними...

Илья слушалъ ея шопотъ, стоя у печки, и, разсматривая окутанную чѣмъ-то сѣрымъ фигурку Маши, думалъ: а что̀ будетъ съ этой дѣвочкой?..

— Знаешь ты, что онъ Марильку выдралъ за косу, этотъ чортовъ воръ, кабацкая душа? Избилъ сына и ее избилъ, и

грозитъ выгнать ихъ со двора, а? Знаешь ты? Куда она пойдетъ, ну?

— Я, можетъ, достану ей мѣсто... — задумчиво сказалъ Илья, вспомнивъ, что Олимпіада ищетъ горничную.

— Ты!—укоризненно шептала Матица.—Ты ходишь тутъ, какъ важный баринъ... растешь себѣ, какъ молодой дубокъ... ни тѣни отъ тебя ни желудя... Ты давно бы могъ ужъ... Развѣ тебѣ не жалко ребенка?

— Погоди ты, не шипи!—съ раздраженіемъ сказалъ Илья, видя, что у него есть хорошій предлогъ пойти сейчасъ къ Олимпіадѣ.

— Сколько лѣтъ Машуткѣ?—спросилъ онъ.

— Пятнадцать... а сколько жъ? И что съ того, что пятнадцать? Да ей и двѣнадцати много... она хрупкая, она тоненькая... э, она еще совсѣмъ ребенокъ! Никуда, никуда не годится дѣтина эта! И зачѣмъ жить ей? Спала бы вотъ и не просыпалась ужъ до Христа...

Илья ушелъ съ тяжелымъ туманомъ въ головѣ.

А черезъ часъ онъ стоялъ у двери въ квартиру Олимпіады и ждалъ, когда ему отворятъ. Не отворяли долго, потомъ за дверью раздался чей-то тонкій, кислый голосъ:

— Кто тамъ?

— Я...—отвѣтилъ Лупевъ, недоумѣвая, кто это спрашиваетъ его. Прислуга Олимпіады—рябая, угловатая баба—говорила голосомъ грубымъ и рѣзкимъ и отворяла дверь, не спрашивая.

— Кого надо?—повторили за дверью.

— Олимпіада Даниловна дома?

Дверь вдругъ распахнулась, въ лицо Ильи хлынулъ свѣтъ,—юноша отступилъ на шагъ, щуря глаза и не вѣря имъ.

Передъ нимъ стоялъ съ лампой въ рукѣ маленькій старичокъ, одѣтый въ тяжелый, широкій, малиноваго цвѣта халатъ. Черепъ у него былъ почти голый, только маленькій вѣнчикъ сѣдыхъ волосъ окружалъ его отъ уха до уха, да на подбородкѣ безпокойно тряслась коротенькая, жидкая и тоже сѣрая бородка. Онъ смотрѣлъ въ лицо Ильи, и его острые, свѣтлые глазки ехидно сверкали, а верхняя губа, съ жесткими волосами на ней, шевелилась. И лампа тряслась въ сухой, темной рукѣ его.

— Кто таковъ? Ну, входи... входи... ну?—говорилъ онъ.—Кто таковъ?

Илья понялъ, кто стоитъ передъ нимъ. Онъ почувствовалъ, что кровь бросилась въ лицо ему, и въ груди его закипѣла гадкая, зазорная муть. Такъ вотъ кто дѣлитъ съ нимъ ласки этой чистой, крѣпкой женщины.

— Я — разносчикъ... — глухо сказалъ онъ, перешагнувъ черезъ порогъ.

Старикъ мигнулъ ему лѣвымъ глазомъ и усмѣхнулся. Вѣки у него были красныя, безъ рѣсницъ, а во рту торчали какія-то желтыя, острыя косточки.

— Разносчикъ-молодчикъ? Хе, хе! Какой разносчикъ, а? Какой? — хитро посмѣиваясь, спрашивалъ старикъ, приближая лампу къ его лицу.

— Мелочной разносчикъ... торгую духами... лентами... всякой мелочью...—говорилъ Илья, опустивъ голову и чувствуя, что она у него кружится и красныя пятна плаваютъ предъ его глазами.

— Такъ, такъ, такъ... ленты-позументы... Да, да, да... Ленточки, душки... милые дружки... Что̀ же тебѣ надо, разносчикъ, а?

— Мнѣ Олимпіаду Даниловну...

— А-а-а? Ее? Ну, ну... А зачѣмъ тебѣ ее, а?

— Мнѣ... деньги получить за товаръ... — съ усиліемъ выговорилъ Илья.

Онъ чувствовалъ непонятный страхъ передъ этимъ скверным старикомъ и ненавидѣлъ его. Въ тихомъ, тонкомъ голосѣ старика, какъ и въ его ехидныхъ глазахъ, было что-то сверлившее сердце Ильи, оскорбительное, унижающее.

— Денежки? Должокъ? Хо-орошо-о...

Старикъ вдругъ отвелъ лампу въ сторону отъ лица Ильи, привсталъ на носки, приблизилъ къ Ильѣ свое дряблое, желтое лицо и тихо, съ ядовитой усмѣшкой, спросилъ его:

— А записочка гдѣ? Давай записочку!

— Какую?—со страхомъ отступая, спросилъ Илья.

— А отъ барина твоего? Записочку къ Олимпіадѣ Даниловнѣ? Вѣдь ты имѣешь? Ну? Давай! Я отнесу ей... ну, ну! скорѣе!—Старикъ лѣзъ на Илью, а тотъ все къ двери, и у него высохло во рту отъ страха.

— У меня нѣтъ никакой записочки!—громко и съ отчаяніемъ сказалъ онъ, чувствуя, что вотъ, сейчасъ, произойдетъ что-то невѣроятное.

Но въ эту минуту сзади явилась высокая, стройная фигура Олимпіады. Она спокойно, не мигнувъ, взглянула на Илью черезъ голову старика и ровнымъ голосомъ спросила:

— Что̀ у васъ тутъ, Василій Гавриловичъ?

— Разносчикъ-съ... вотъ-съ! Должокъ имѣетъ за вами-съ. Вы ленточки у него брали? А денежки не платили, а? Хе, хе! Вотъ онъ и пришелъ-съ... и явился...

Старикъ вертѣлся передъ женщиной, щупая своими гла-

зами то ея лицо, то лицо Ильи. Она отстранила его отъ себя властнымъ движеніемъ правой руки, сунула эту руку въ карманъ своего капота и сказала Ильѣ строгимъ голосомъ:

— Что̀ ты не могъ прійти въ другое время?

— Да-съ! — визгливо крикнулъ старикъ. — Дуракъ этакій, а? Ходишь, когда не нужно, а? Оселъ!

Илья стоялъ, какъ каменный.

— Не кричите, Василій Гавриловичъ! Нехорошо,—сказала Олимпіада и обратилась къ Ильѣ: — Сколько тебѣ слѣдуетъ, три рубля сорокъ? Получи...

— И—ступай вонъ!—снова крикнулъ старикъ. — Позвольте-съ, я запру... я самъ, самъ!

Онъ запахнулъ свой халатъ и, отворивъ дверь, крикнулъ Ильѣ:

— Иди!..

Илья стоялъ на морозѣ у запертой двери и тупо смотрѣлъ на нее, не понимая, дурной ли сонъ ему снится, или все это онъ видѣлъ наяву? Онъ держалъ въ одной рукѣ шапку, а въ другой крѣпко стиснулъ деньги, данныя Олимпіадой. Онъ стоялъ такъ до поры, пока не почувствовалъ, что морозъ сжимаетъ ему черепъ ледянымъ обручемъ, положилъ деньги въ карманъ, сунулъ руки въ рукава пальто, сжался, наклонилъ голову и медленно пошелъ вдоль по улицѣ, неся въ груди своей оледянѣвшее сердце и чувствуя, что въ головѣ его катаются какіе-то шары и стучатъ въ виски ему... Предъ нимъ плыла по воздуху темная фигура старика съ желтымъ черепомъ, освѣщенная холоднымъ огнемъ...

И лицо старика улыбалось побѣдоносно, ехидно, лукаво...

На другой день послѣ встрѣчи со старикомъ Илья медленно и молча расхаживалъ по главной улицѣ города. Онъ не выкрикивалъ названія своихъ товаровъ, а только смотрѣлъ тупыми глазами въ ящикъ, и въ сердцѣ его неподвижно лежало тяжелое, темное чувство. Ему все представлялся ехидный взглядъ старика, спокойныя голубыя очи Олимпіады и то движеніе ея рукъ, которымъ она подала ему деньги вчера. Въ сухомъ морозномъ воздухѣ летали острыя снѣжинки, покалывая лицо Ильи...

Онъ только-что прошелъ мимо маленькой лавочки, укромно спрятанной во впадинѣ между часовней и огромнымъ домомъ купца Лукина. Надъ входомъ въ лавочку висѣла старая проржавѣвшая вывѣска:

„Размѣнъ денегъ В. Г. Полуэктова. Покупка въ ломъ серебра, золота, ризы иконъ, драгоцѣнныя вещи и старинную монету“.

Ильѣ показалось, что, когда онъ взглянулъ на дверь лавки, за стекломъ ея стоялъ старикъ и, насмѣшливо улыбаясь, кивалъ ему своей маленькой головкой. Луневъ чувствовалъ непобѣдимое желаніе войти въ магазинъ, посмотрѣть на старика вблизи. Предлогъ у него тотчасъ же нашелся, — какъ всѣ мелочные торговцы, онъ копилъ попадавшуюся ему въ руки старинную монету, а накопивъ, продавалъ ее мѣнялам по рублю двадцать копеекъ за рубль. Въ кошелькѣ у него и теперь лежало нѣсколько такихъ монетъ.

Онъ воротился назадъ, смѣло отворилъ дверь лавки, пролѣзъ въ нее со своимъ ящикомъ и, снявъ шапку, поздоровался:

— Добраго здоровья...

Старикъ, сидя за узкимъ прилавкомъ, снималъ съ иконы ризу, выковыривая гвоздики маленькой стамеской. Мелькомъ взглянувъ на вошедшаго парня, онъ тотчасъ же опустилъ голову къ работѣ, сухо сказавъ:

— Спасибо... Что̀ надо?..

— Узнали меня?—зачѣмъ-то спросилъ Илья.

Старикъ снова взглянулъ на него.

— Можетъ, и узналъ... Что̀ надо-то?

— Монету купите?

— Покажи...

Илья передвинулъ свой ящикъ за спину и полѣзъ въ карманъ за кошелькомъ. Но рука у него почему-то не находила кармана и дрожала такъ же, какъ дрожало его сердце отъ ненависти къ старику, отъ страха предъ нимъ и отъ желанія скорѣе сдѣлать что-то. Шаря рукою подъ полой своего пальто, онъ упорно смотрѣлъ на маленькую лысую голову, и по спинѣ у него пробѣгалъ холодъ...

— Ну, скоро ты? — вдругъ спросилъ старикъ сердитымъ голосомъ.

— Сейчасъ!..—тихо, съ усиліемъ отвѣтилъ Илья.

Наконецъ ему удалось вынуть кошелекъ; онъ подошелъ вплоть къ прилавку и высыпалъ на него свои монеты. Старикъ окинулъ ихъ взглядомъ.

— Только-то? Мм...

И, хватая серебро тонкими, желтыми пальцами, онъ сталъ разсматривать деньги, говоря подъ носъ себѣ:

— Екатерининскій... Анны... Екатерининскій... Павла... тоже... крестовикъ... тридцать второго... мм... песъ его знаетъ, какой! На̀—этотъ не возьму, стертый весь...

— Да вѣдь видно по величинѣ-то, что четвертакъ, — сурово сказалъ Илья.

— За пятіалтынный—приму...

Старикъ отшвырнулъ отъ себя монету и, быстрымъ движеніемъ руки выдвинувъ ящикъ конторки, сталъ рыться въ немъ.

Злоба, жгучая, какъ промерзлое желѣзо, охватила Илью,— онъ взмахнулъ рукой, и крѣпкій кулакъ его ударилъ по виску старика. Мѣняла отлетѣлъ къ стѣнѣ, сильно стукнулся объ нее головой, но тотчасъ же бросился грудью на конторку и, схватившись за нее руками, вытянулъ тонкую шею къ Ильѣ. Луневъ видѣлъ, какъ на маленькомъ, темномъ лицѣ сверкали глаза, шевелились губы, слышалъ громкій, хриплый шопотъ:

— Голубчикъ... Голубчикъ мой...

— А, сволочь! — сказалъ Илья и съ отвращеніемъ стиснулъ шею старика. Стиснулъ и сталъ трясти ее, а старикъ уперся руками въ грудь ему и хрипѣлъ. Глаза у него стали красные, большіе, изъ нихъ лились слезы, языкъ высунулся изъ его темнаго рта и шевелился, точно дразнилъ убійцу. Теплая слюна брызгала на руки Ильѣ, а въ горлѣ старика что-то хрипѣло и свистѣло. Холодные крючковатые пальцы касались шеи Лунева, — онъ, стиснувъ зубы, отгибалъ свою голову назадъ и все сильнѣе встряхивалъ легкое тѣло старика, держа его на вѣсу. И если бъ Илью въ это время били сзади, онъ все равно не выпустилъ бы изъ своихъ рукъ хрустѣвшее подъ его пальцами горло старика. Съ горячей ненавистью и съ ужасомъ въ сердцѣ онъ смотрѣлъ, какъ мутные глаза Полуэктова становятся все болѣе огромными, но все сильнѣе давилъ ему горло, и по мѣрѣ того, какъ тѣло старика становилось все тяжелѣе, тяжесть въ сердцѣ Ильи точно таяла. Наконецъ онъ оттолкнулъ отъ себя мѣнялу, и тотъ мягко свалился на прилавокъ.

Тогда Луневъ оглянулся: въ лавкѣ было тихо и пусто, а за дверью, на улицѣ, валилъ густой снѣгъ. На полу, у ногъ Ильи, лежали два куска мыла, кошелекъ и мотокъ тесемки. Онъ понялъ, что эти вещи упали изъ его ящика, поднялъ ихъ и положилъ на мѣсто. Затѣмъ, перегнувшись черезъ прилавокъ, онъ взглянулъ на старика: тотъ сидѣлъ на корточкахъ въ узкой щели между прилавкомъ и стѣной, голова его низко свѣсилась на грудь, былъ виденъ только желтый затылокъ. Тутъ Луневъ увидалъ открытый ящикъ конторки — сверкнули золотыя и серебряныя монеты, бросились въ глаза пачки бумажекъ... Вздрогнувъ отъ радости, онъ торопливо схватилъ одну пачку, другую, еще, сунулъ ихъ за пазуху и со страхомъ вновь оглянулся...

На улицу онъ вышелъ не торопясь, шагахъ въ трехъ отъ лавки остановился, тщательно прикрылъ свой товаръ клеенкой и снова пошелъ въ густой массѣ снѣга, падавшаго съ невидимой высоты. И вокругъ него и въ немъ безшумно колебалась холодная, мутная мгла. Илья съ напряженіемъ всматривался въ нее; вдругъ онъ ощутилъ тупую боль въ глазахъ, дотронулся до нихъ пальцами правой руки и въ ужасѣ остановился, точно ноги его вдругъ примерзли къ землѣ. Ему показалось, что глаза его выкатились, вылѣзли на лобъ, какъ у старика Полуэктова, и что они останутся навсегда такъ, болѣзненно вытаращенными, никогда уже не закроются, и каждый человѣкъ можетъ увидать въ нихъ преступленіе. Они какъ будто умерли. Щупая пальцами зрачки, онъ чувствовалъ въ нихъ боль, но не могъ опустить вѣки, и дыханіе въ его груди спиралось отъ страха. Наконецъ ему удалось закрыть глаза: онъ съ радостью наслаждался тьмою, вдругъ охватившей его, и такъ, ничего не видя, неподвижно стоялъ на мѣстѣ, глубоко вдыхая воздухъ... Кто-то толкнулъ его. Онъ быстро оглянулся, — мимо него прошелъ высокій человѣкъ въ полушубкѣ. Илья смотрѣлъ вслѣдъ ему, пока тотъ не исчезъ въ густомъ роѣ бѣлыхъ хлопьевъ снѣга. Тогда, поправивъ шапку рукой, Луневъ зашагалъ по тротуару, чувствуя боль въ глазахъ и тяжесть въ головѣ. Плечи у него вздрагивали, пальцы рукъ невольно сжимались, а въ сердцѣ зарождалось что-то упрямое, дерзкое и вытѣсняло изъ него страхъ.

Дойдя до перекрестка, онъ увидѣлъ сѣрую фигуру полицейскаго и безотчетно, тихо, очень тихо пошелъ прямо на него. Шелъ онъ, и сердце его замирало...

— Снѣжище-то какой! — сказалъ Илья, подойдя вплоть къ полицейскому и въ упоръ глядя на него.

— Да-а, повалилъ! Теперь, слава Те, Господи, потеплѣетъ! — съ удовольствіемъ отвѣтилъ полицейскій. Лицо у него было большое, красное, бородатое.

— А сколько сейчасъ время? — спросилъ Илья.

— Поглядимъ! — Полицейскій стряхнулъ снѣгъ съ рукава и сунулъ руку за пазуху. Луневу было и жутко и любо стоять противъ этого человѣка. Онъ вдругъ разсмѣялся сухимъ, какъ бы вынужденнымъ смѣхомъ.

— Ты что̀ хохочешь? — спросилъ полицейскій, отковыривая ногтемъ крышку часовъ.

— Экъ тебя засыпало снѣгомъ-то! — воскликнулъ Илья.

— Засыплетъ такая сила! Половина второго теперь... безъ пяти минутъ половина. Засыплетъ, братъ... Ты вотъ теперь въ трактиръ пойдешь, въ тепло, а я тутъ до шести часовъ

торчать долженъ... Гляди, сколько тебѣ навалило на ящикъ-то...

Полицейскій вздохнулъ и щелкнулъ крышкой часовъ.

— Да, я пойду въ трактиръ, — сказалъ Илья и, улыбнувшись кривой улыбкой, зачѣмъ-то добавилъ:

— Вотъ въ этотъ самый...

— Ужъ не дразни...

Въ трактирѣ Илья сѣлъ подъ окномъ. Изъ этого окна, — онъ зналъ, — было видно часовню, рядомъ съ которой помѣщалась лавка Полуэктова. Но теперь все за окномъ скрывала бѣлая муть снѣга. Онъ пристально смотрѣлъ, какъ хлопья тихо пролетаютъ мимо окна и ложатся на землю, покрывая пышной тканью слѣды людей. Сердце его билось торопливо, сильно, но легко. Онъ сидѣлъ и безъ думъ ждалъ, что̀ будетъ дальше, а время тянулось медленно.

Когда половой принесъ ему чай, онъ не утерпѣлъ и спросилъ:

— Что̀ на улицѣ... ничего?

— Теплѣе стало... гораздо теплѣе! — торопливо отвѣтилъ половой и убѣжалъ, а Илья снова сталъ ждать, чувствуя, что онъ усталъ и погружается въ полудремотное состояніе. Онъ налилъ себѣ стаканъ чаю, но не пилъ, не двигался и ни о чемъ не думалъ. Потомъ ему вдругъ стало жарко, — онъ началъ разстегивать воротъ пальто и, коснувшись руками подбородка, вздрогнулъ. Ему показалось, что это не его руки, а чьи-то чужія, холодныя, враждебныя ему. Поднявъ ихъ къ лицу, онъ тщательно осмотрѣлъ пальцы, — руки были чистыя, но Луневъ подумалъ, что все-таки надо вымыть ихъ съ мыломъ...

— Полуэктова убили! — вдругъ крикнулъ кто-то.

Илья вскочилъ со стула, какъ будто этимъ крикомъ позвали его. Но въ трактирѣ всѣ засуетились и пошли къ дверямъ, на ходу надѣвая шапки. Онъ бросилъ на подносъ гривенникъ, надѣлъ на плечо ремень своего ящика и пошелъ за людьми, такъ же быстро, какъ и всѣ они.

У лавки мѣнялы уже собралась большая толпа, въ ней сновали полицейскіе, озабоченно покрикивая, тутъ же былъ и тотъ, бородатый, съ которымъ разговаривалъ Илья. Онъ стоялъ у двери, не пуская людей въ лавку, смотрѣлъ на всѣхъ испуганными глазами и все гладилъ рукой свою лѣвую щеку, теперь еще болѣе красную, чѣмъ правая. Илья всталъ на виду у него и прислушивался къ говору толпы. Рядомъ съ нимъ стоялъ высокій чернобородый купецъ со строгимъ лицомъ и, нахмуривъ брови, слушалъ оживленный разсказъ сѣденькаго старичка въ лисьей шубѣ.

— Мальчишка-то, значитъ, думалъ, что онъ сомлѣлъ, и бѣжитъ къ Петру Степановичу — пожалуйте, дескать, къ намъ, хозяинъ захворалъ. Ну, тотъ сейчасъ — маршъ сюда, анъ глядь — онъ мертвый! Вотъ те и разъ! Нѣтъ, ты подумай, — дерзновеніе-то какое? Среди бѣла дня, на этакой людной улицѣ... на-ка вотъ!

Чернобородый купецъ громко кашлянулъ и густымъ, суровымъ голосомъ сказалъ:

— Тутъ — перстъ Божій. Стало-быть, не захотѣлъ Господь принять отъ него покаянія...

Луневъ подвинулся впередъ, желая еще разъ взглянуть въ лицо купца, и задѣлъ его ящикомъ.

— Ты! — крикнулъ купецъ, отстраняя его движеніемъ локтя и строго взглянувъ въ лицо Ильи. — Куда лѣзешь?

И снова обратился къ своему собесѣднику:

— Сказано: и волосъ съ головы человѣка не упадетъ безъ воли на то Божіей...

— Что̀ и говорить! — кивнувъ головой, согласился старикъ, а потомъ вполголоса добавилъ, подмигивая: — Извѣстно — Богъ шельму мѣтитъ... Господи, прости! Грѣшно говорить, а и молчать трудно... да!

— И вотъ — помяни ты мое слово, — продолжалъ строгій купецъ, — виноватаго въ этомъ грѣхѣ не найдутъ... Увидишь...

Луневъ усмѣхнулся. Онъ, слушая этотъ разговоръ, чувствовалъ въ груди приливъ какой-то силы и жуткой, пріятной храбрости. И если бы кто-нибудь спросилъ его въ эту минуту:

— Ты удушилъ?

Ему казалось, что онъ безбоязненно и твердо отвѣтилъ бы:

— Я...

Съ тѣмъ же чувствомъ въ груди онъ протискался сквозь толпу и всталъ рядомъ съ полицейскимъ. Тотъ взглянулъ на него, сердито толкнулъ его въ плечо и закричалъ:

— Куда? Какое тутъ твое дѣло, а? Пшолъ!

Илья пошатнулся и навалился на кого-то. Его еще толкнули, крикнувъ:

— Дайте ему по шеѣ!

Тогда Луневъ выбрался изъ толпы и сѣлъ на ступени часовни, внутренно посмѣиваясь надо всѣми этими людьми. Сквозь шорохъ снѣга подъ ногами и тихій говоръ до него долетали отдѣльные возгласы:

— И надо же было ему, разбойнику, въ мое дежурство напакостить...

— По дисконту первый въ городѣ былъ...

— Жо-охъ...

— Снѣгъ валитъ... лавка въ углубленіи... ничего мнѣ не видно...

— Шкуры дралъ безо всякой жалости...

— А все человѣкъ былъ, — жалко...

— Извѣстно... Пожалѣть и его можно...

— Всѣ алчны, всѣ жадны...

— Гляди — жена пріѣхала...

— А-а...

— Э-эхъ, несчастная! — громко вздохнулъ какой-то оборванный мужикъ.

Луневъ поднялся на ноги и увидалъ, что изъ широкихъ саней съ медвѣжьей полостью тяжело вылѣзаетъ пожилая толстая женщина въ салопѣ и черномъ платкѣ. Ее поддерживали подъ руку околоточный и еще какой-то человѣкъ съ рыжими усами.

— Охъ, батюшки... ба-тюшки! — прозвучалъ въ воздухѣ ея дрожащій, испуганный голосъ. И всѣ притихли. Илья смотрѣлъ на старуху и вспоминалъ Олимпіаду...

— А сына — нѣту? — тихо спросилъ кто-то.

— Въ Москвѣ, говорятъ...

— Онъ, чай, только того и ждалъ...

— Еще-е бы!

Луневъ слушалъ говоръ, и сердце у него вздрагивало. Ему было пріятно слышать, что никто не жалѣетъ Полуэктова, но въ то же время всѣ люди, кромѣ чернобородаго купца, казались ему глупыми и даже противными. Въ купцѣ было что-то строгое и вѣрное, а всѣ остальные стоятъ, какъ пни въ лѣсу, и, толкая его, Илью, болтаютъ гнусными языками злорадныя слова.

Онъ дождался, когда маленькое тѣло мѣнялы вынесли изъ лавки, и пошелъ домой, иззябшій, усталый, но спокойный. Дома, запершись у себя въ комнатѣ, онъ сосчиталъ деньги: въ двухъ толстыхъ пачкахъ мелкихъ бумажекъ оказалось по пятисотъ рублей, въ третьей — восемьсотъ пятьдесятъ. Была еще небольшая пачка купоновъ, но онъ ихъ не сталъ считать, а, завернувъ всѣ деньги въ бумагу, задумался, облокотясь на столъ, куда ихъ спрятать? Думая объ этомъ, онъ почувствовалъ, что голова у него страшно тяжелая и ему хочется спать. Онъ рѣшилъ спрятать деньги на чердакѣ и тотчасъ же пошелъ туда, держа пакетъ въ рукахъ, на виду. Въ сѣняхъ онъ наткнулся на Якова.

— А, ты пришелъ ужъ! — сказалъ Яковъ.

— Пришелъ...

— Блѣдный какой... Нездоровится?

— Н-нездоровится...

— Что это ты несешь?

— Это? — переспросилъ Илья, глядя на деньги. И вдругъ вздрогнувъ отъ страха проговориться, онъ торопливо сказалъ, помахивая въ воздухѣ пакетомъ:

— Это... тесемка... такъ себѣ... пустяки...

— Чай пить придешь? — спросилъ Яковъ.

— Я? Сейчасъ приду, сейчасъ...

И онъ быстро пошелъ по сѣнямъ, а ноги его ступали не твердо, и голова была мутная, тяжелая, какъ у пьянаго. Идя по лѣстницѣ на чердакъ, онъ уже шагалъ осторожно, боясь нашумѣть, боясь встрѣтить кого-нибудь. А когда онъ зарывалъ деньги, — въ землю около трубы, — ему вдругъ показалось, что въ углу у чердака, во тьмѣ, кто-то притаился и слѣдитъ за нимъ. Онъ ощутилъ въ себѣ желаніе бросить туда кирпичомъ, но во-время опомнился и тихо сошелъ внизъ. Въ немъ не было больше страха, — онъ какъ бы спряталъ его на чердакѣ вмѣстѣ съ деньгами, — но въ сердцѣ его возникло тяжелое недоумѣніе.

„Зачѣмъ я его удушилъ?“ — спрашивалъ онъ себя.

Когда онъ вошелъ въ подвалъ, Маша, возившаяся у печки надъ самоваромъ, встрѣтила его радостнымъ восклицаніемъ:

— А, какъ ты рано сегодня!

— Снѣгъ, — сказалъ онъ. И тотчасъ же раздраженно закричалъ:

— Что за рано? Пришелъ, какъ всегда... въ свою пору... Вотъ дуреха! Видишь — темно.

— Здѣсь и въ полдень темно... чего ты орешь?

— А того и ору, что всѣ вы, какъ сыщики, — рано пришелъ, куда идешь, чего несешь... да вамъ какое дѣло?

Маша пристально посмотрѣла на него и съ упрекомъ сказала:

— А-яй, Илья, какъ ты сталъ зазнаваться.

— А ну васъ къ чорту, — выругался Луневъ и сѣлъ къ столу.

Маша обиженно фыркнула, отвернулась отъ него и стала дуть въ трубу самовара. Тонкая, маленькая, она то и дѣло встряхивала черными кудрями, кашляла и жмурилась отъ дыма. Лицо у нея было худое, темныя пятна вокругъ глазъ увеличивали ихъ блескъ, и было въ ней что-то похожее на одинъ изъ тѣхъ цвѣтковъ, что растутъ въ глухихъ углахъ садовъ среди бурьяна. Илья смотрѣлъ на нее и думалъ, что вотъ эта дѣвочка живетъ одна, въ ямѣ, работаетъ, какъ большая, не имѣетъ никакой радости, и едва ли найдется

когда-либо радость въ жизни, а такъ вотъ и будетъ жить въ тѣснотѣ, въ грязи. Онъ же теперь будетъ жить такъ, какъ давно желалъ, — въ покоѣ, въ чистотѣ. Ему стало пріятно отъ этой мысли, и въ то же время онъ почувствовалъ себя виноватымъ передъ Машей. Ласково и тихо онъ окликнулъ ее:

— Маша!

— Ну что̀... злющій? — отозвалась она.

— Знаешь... я — поганый человѣкъ, — сказалъ Луневъ, и голосъ у него дрогнулъ, а въ сердцѣ птицей забился вопросъ: сказать ей, или не говорить? Она выпрямилась и съ улыбкой взглянула на него.

— Колотить тебя некому, вотъ что̀! Чучело ты...

— Нѣтъ, погоди! — воскликнулъ Илья.

— Нечего годить-то, — сказала Маша и, быстро подойдя къ нему, просительно и торопливо заговорила:

— Слушай, Илюша, — голубчикъ, — вотъ что̀: попроси дядю, чтобъ онъ меня съ собой взялъ, а? Попроси! Въ ножки поклонюсь, право, поклонюсь!

— Куда? — устало спросилъ Луневъ, занятый своими мыслями и плохо понимая ея слова.

— Съ собой, родненькій! Попроси!

Она сложила руки ладошками вмѣстѣ и стояла предъ нимъ, какъ передъ образомъ, а на глазахъ у нея появились слезы.

— Какъ бы хорошо-то, — вздыхая, говорила дѣвочка. — Весной бы... по полямъ-то бы, по лѣсамъ, — шла бы я и шла! Всѣ дни я про это думаю, даже во снѣ снится, будто иду, иду... Голубчикъ! Хорошо-то какъ бы мнѣ... Онъ тебя послушаетъ — скажи, чтобы взялъ! Я его хлѣба не буду ѣсть... я милостинку просить буду! Мнѣ дадутъ — я маленькая... Илюша? Хочешь — руку поцѣлую?

И вдругъ она схватила его руку и наклонилась надъ нею. Илья оттолкнулъ дѣвочку, быстро вскочивъ со стула.

— Дура, — крикнулъ онъ, — развѣ это можно... Я — человѣка задушилъ...

Онъ испугался своихъ словъ и тотчасъ же добавилъ:

— Можетъ-быть... я, можетъ, такое сдѣлалъ рукой, что... а ты цѣловать хочешь?

— Ничего-о! — говорила Маша, подойдя вплоть къ нему. — И поцѣловала бы — велика важность! Петруха хуже тебя, а я у него за каждый кусокъ цѣлую... Мнѣ и противно, а онъ мнѣ велитъ — цѣлуй! Да еще щупаетъ меня и щиплетъ... срамникъ!

Оттого ли, что Илья сказалъ страшныя слова, или оттого, что онъ не договорилъ ихъ, но ему вдругъ стало легко и

весело. Улыбаясь, онъ тихо и съ лаской въ голосѣ сказалъ дѣвочкѣ:

— Ладно, я это устрою! Ей-Богу, устрою! Пойдешь ты на богомолье... И даже — денегъ дамъ на дорогу... и дядѣ скажу — дай...

— Голубчикъ! — крикнула Маша и, подпрыгнувъ, обняла его за шею.

— Отстань! Погоди! — серьезно сказалъ Луневъ. — Сказано — пойдешь. За меня помолись, Машутка...

— За тебя-то? Господи!..

Въ двери появился Яковъ и удивленно спросилъ Машу:

— Ты чего визжишь? Даже на дворѣ слышно...

— Яша!—радостно крикнула дѣвочка и, захлебываясь словами, стала разсказывать Якову:

— Иду я, ухожу, прощай! Вотъ — онъ обѣщалъ упросить горбатаго... онъ упроситъ!

И Маша засмѣялась.

— Упросишь? — задумчиво освѣдомился Яковъ у товарища.

— А что же? Она ему не помѣшаетъ... А ей это хорошо. Гляди, какая она — плѣсень, а не человѣкъ...

— Та-акъ! — сказалъ Яковъ и, помолчавъ немного, тихонько свистнулъ.

— Ты что? — спросилъ Илья.

— Про-опала моя голова! Заживу теперь я совсѣмъ... одинъ, какъ мѣсяцъ на небѣ...

— Няньку найми! — усмѣхнувшись, посовѣтовалъ Илья.

— Водку пить буду, — качнувъ головой, сказалъ Яковъ.

Маша взглянула на него и, опустивъ голову, отошла къ двери. Оттуда раздался ея укоризненный и печальный голосъ:

— Экій ты, Яковъ, какой... слабый!

— А вы—крѣпкіе! Бросаете человѣка... Черти! Ежели мнѣ безъ васъ скучно?

Онъ угрюмо сѣлъ къ столу противъ Ильи и сказалъ:

— Развѣ и мнѣ уйти тихонько съ Терентіемъ? А?

— Иди... Я бы ушелъ...

— Ты бы! А на меня отецъ полицію науськаетъ...

Всѣ замолчали. Потомъ Яковъ съ напускной веселостью заговорилъ:

— А хорошо, братцы, пьяному быть! Ничего не понимаешь... ни о чемъ не думаешь... И весело...

Маша поставила на столъ самоваръ и сказала, качая головой:

— Эхъ, ты, безстыдникъ!

— Ну, ты молчи! — сердито крикнулъ Яковъ. — У тебя отца-то все равно, что нѣтъ... развѣ онъ тебѣ мѣшаетъ жить?

— Хорошо мнѣ жить!—возразила Маша.—Бѣжала бы да и не оглянулась отъ такой жизни...

— Всѣмъ плохо! — негромко сказалъ Илья и снова задумался.

Потомъ опять заговорилъ Яковъ, мечтательно глядя въ окно:

— А славно бы уйти куда-нибудь ото всего! Сѣсть бы гдѣ-нибудь у лѣсочка, надъ рѣкой, и подумать обо всемъ...

— Экая дурацкая манера отъ жизни уходить!—съ досадой сказалъ Илья.

Яковъ пристально взглянулъ въ лицо ему и съ нѣкоторымъ страхомъ сказалъ:

— Знаешь—нашелъ-таки я одну книгу...

— Какую?

— Старинная... Переплетена въ кожу, видомъ—какъ псалтирь и... должно-быть, еретицкая. У татарина за семь гривенъ купилъ...

— Какъ заглавіе? — равнодушно спросилъ Илья. Ему совсѣмъ не хотѣлось говорить, но онъ чувствовалъ, что молчать неловко, опасно, и принуждалъ себя задавать товарищу вопросы.

— Заглавіе у нея оторвано, — понизивъ голосъ, разсказывалъ Яковъ,—но говорится въ ней о началѣ вещей. Трудно читать... и страшно... Написано тамъ, что о началѣ вещей Ѳалесъ милесійскій первый спрашивалъ: „Той бо воду нарече, отъ нея же вся произведена суть и производится, Бога же Ѳалесъ нарече мыслію, яже изъ воды вся производитъ“. И былъ еще Діагоръ безбожный, онъ — „ни единаго бога быти разумѣша“,—стало-быть, не вѣрилъ въ Бога-то. И Эпикуръ еще... тотъ—„Бога во правду глаголаша быти, но ничто же никому подающа, ничто же добро дѣюща, ни о чемъ же попеченія имуща“... Значитъ—Богъ-то хоть и есть, но до людей Ему нѣтъ дѣла... такъ я понимаю. Какъ хошь, стало-быть, такъ и живи. Нѣтъ попеченія о тебѣ...

Илья приподнялся со стула и, сурово нахмуривъ брови, сказалъ, прерывая медленную рѣчь товарища:

— Взялъ бы эту книгу да по башкѣ тебя ей!

— За что? — удивленно и съ обидой воскликнулъ Яковъ.

— А за то, чтобы ты въ нее не заглядывалъ! Дуракъ! А книгу писалъ—другой дуракъ!

Луневъ обошелъ столъ, наклонился къ сидящему товарищу и со злобной страстностью заговорилъ, какъ молоткомъ стукая по большой головѣ Якова:

— Богъ—есть! Онъ все видитъ! Все знаетъ! Кромѣ Его—никого! Жизнь дана для испытанья... грѣхъ—для пробы тебѣ. Удержишься или нѣтъ? Не удержался—постигнетъ наказаніе—жди! Не отъ людей жди,—отъ Него... понялъ? Жди!

— Стой!—крикнулъ Яковъ.—Да развѣ я это говорю?

— Все равно! Жди! Какой ты мнѣ судья, а? — кричалъ Луневъ, блѣдный отъ возбужденія и непонятной ему злости, вдругъ охватившей его.—Волосъ съ головы твоей не упадетъ безъ воли Его! Слыхалъ? И ежели я во грѣхъ впалъ—Его на то воля! Дуракъ!

— Да ты съ ума сошелъ, что ли?—прижавшись къ стѣнѣ, съ испугомъ закричалъ Яковъ.—Въ какой ты грѣхъ впалъ?

Луневъ сквозь шумъ въ ушахъ услышалъ этотъ вопросъ, и на него точно холодомъ пахнуло. Онъ подозрительно оглядѣлъ Якова и Машу, тоже испуганную его возбужденіемъ и криками.

— Для примѣра говорю, — глухо сказалъ онъ и сѣлъ на свое мѣсто.

— Нездоровый ты какой-то,—робко сказала Маша.

— И глаза у тебя мутные,—добавилъ Яковъ, всматриваясь въ его лицо.

Илья невольно провелъ рукой по глазамъ и тихо отвѣтилъ:

— Это ничего... пройдетъ...

Черезъ нѣсколько минутъ онъ почувствовалъ, что ему тяжело, неловко съ людьми, и, отказавшись отъ чая, ушелъ къ себѣ.

Но только-что онъ легъ на постель, какъ явился Терентій. Съ той поры, когда горбунъ рѣшилъ итти замаливать свой грѣхъ, въ глазахъ у него явилось что-то свѣтлое и блаженное, точно онъ уже и теперь предвкушалъ радость освобожденія отъ грѣха. Тихо, съ улыбкой на губахъ, онъ подошелъ къ постели племянника и, пощипывая свою бороденку, заговорилъ ласковымъ голосомъ:

— Вижу я—прошелъ ты домой... дай, думаю, пойду, побалакаю съ нимъ. Не долго ужъ намъ вмѣстѣ-то жить.

— Идешь?—сухо спросилъ Илья.

— Какъ только потеплѣе станетъ, я и двинусь... Къ страстной недѣлѣ хочется мнѣ попасть въ Кіевъ-отъ...

— Вотъ что̀,—возьми-ка ты съ собой Машутку...

— Ку-уда!—воскликнулъ горбунъ, отмахнувшись рукой.

— А ты слушай,—твердо сказалъ Илья.—Дѣлать ей тутъ нечего... а она въ такомъ возрастѣ... Яковъ, Петруха... и все такое... понялъ? Домъ этотъ для всѣхъ въ родѣ западни... проклятый домъ! Пусть она уйдетъ... можетъ, и не воротится.

— Да куда же мнѣ ее...—жалобно заговорилъ Терентій.

— Возьми, возьми!—настойчиво твердилъ Илья.—И сотню ою возьми на нее... Мнѣ не надо твоего... А она за тебя э помолится... Ея молитва много значитъ.

Горбунъ задумался и повторилъ:

— Много значитъ... н-да-а! Это ты... тово... правильно го-ришь... Денегъ я не могу взять отъ тебя... это оставимъ, къ рѣшили... А насчетъ Машки—подумать надо...

Тутъ глаза Терентія вдругъ радостно блеснули, и, накло-ись къ Ильѣ, онъ шопотомъ, съ увлеченіемъ заговорилъ:

— Н-ну, братъ, ка-акого я человѣка видѣлъ вчера! Зна-енитаго человѣка — Петра Васильича... про начетчика Си-ва слыхалъ ты? Неизреченной мудрости человѣкъ! И не аче, какъ Самъ Господь наслалъ его на меня... для облег-нія души моей отъ лукаваго сомнѣнія въ милости Господней мнѣ, грѣшному...

Илья лежалъ молча. Ему хотѣлось, чтобъ дядя ушелъ по-орѣе. Полузакрытыми глазами онъ смотрѣлъ въ окно и идѣлъ предъ собой высокую, темную стѣну пристройки.

— Говорили мы съ нимъ о грѣхахъ и о спасеніи души,— одушевленно шепталъ Терентій. — Говоритъ онъ мнѣ: какъ олоту камень нуженъ, чтобы тупость обточить, такъ и чело-ѣку грѣхъ надобенъ, чтобъ растравить душу свою и бросить во прахъ подъ нози Господа Всемилостиваго...

Илья взглянулъ на дядю и со злою улыбкою спросилъ:

— А что̀ онъ, начетчикъ этотъ, на дьявола похожъ?

— Ра-азвѣ можно такъ говорить?—откачнувшись отъ него, оскликнулъ Терентій.—Онъ—благочестивый человѣкъ. О немъ лава и теперь шире идетъ, чѣмъ о дѣдушкѣ твоемъ... а-ахъ, ратъ!

И, укоризненно покачивая головой, горбунъ зачмокалъ губами.

— Ну ладно!—сказалъ Илья грубо и непріязненно.—Что̀ нъ еще говорилъ?

И вдругъ онъ засмѣялся сухо, непріятнымъ смѣхомъ. Дядя ъ удивленіемъ на лицѣ отодвинулся отъ него и спро-илъ:

— Что̀ ты?

— Ничего. Онъ ловко сказалъ, начетчикъ-то... Какъ разъ пору мнѣ... Я и самъ такъ же думаю... точь-въ-точь такъ!

Онъ замолчалъ, пристально взглянулъ въ лицо дяди и от-ернулся къ стѣнѣ.

— Еще онъ сказалъ,—снова началъ Терентій осторожнымъ олосомъ, — грѣхъ, говоритъ, окрыляетъ душу покаяніемъ и возноситъ ее ко престолу Всевышняго...

— А вѣдь ты тоже на чорта похожъ! — неожиданно пре рвалъ его Илья и вновь тихонько засмѣялся.

Горбунъ взмахнулъ руками, какъ большая птица крыльями и замеръ, испуганный и обиженный. А Луневъ сѣлъ на по стели толкнулъ дядю въ бокъ рукой и сурово сказалъ:

— Пусти-ка!

Терентій быстро вскочилъ на ноги и сталъ среди комнаты встряхнувъ горбомъ. Онъ тупо смотрѣлъ на племянника, си дѣвшаго на кровати, упираясь въ нее руками, на его при поднятыя плечи и голову, низко опущенную на грудь.

— Но ежели я каяться не хочу?—твердо спросилъ Илья.— Ежели я думаю такъ: грѣшить я не хотѣлъ... само собой вс вышло... на все воля Божія.. чего же мнѣ безпокоиться? Он все знаетъ, всѣмъ руководитъ... Коли Ему этого не нужн было—удержалъ бы меня. А Онъ—не удержалъ... стало-быт я правъ въ моемъ дѣлѣ. Люди всѣ неправдой живутъ, а кт кается? Ну, что̀ скажешь?

— Не понимаю я твоихъ словъ, Христосъ съ тобой! — уныло сказалъ Терентій и вздохнулъ.

Илья усмѣхнулся.

— Не понимаешь и—не говори со мной... да...

Онъ снова легъ на постель, сказавъ дядѣ:

— Нездоровится мнѣ...

— То-то, я гляжу...

— Уснуть мнѣ надо... ты иди себѣ... а я усну...

Когда Илья остался одинъ, онъ почувствовилъ, что в головѣ у него точно вихрь крутится. Все пережитое имъ в эти нѣсколько часовъ странно спуталось, слилось въ какой-т тяжелый горячій паръ и жгло ему мозгъ. И ему казалось что онъ давно уже чувствуетъ себя такъ плохо, что онъ н сегодня задушилъ старика, а давно когда-то.

Онъ закрылъ глаза и лежалъ неподвижно, а въ ушахъ ег звучалъ дряблый голосъ старика:

— Ну что̀ же, скоро ты?

И раздавался хрипъ:

— Го-олубчикъ... голубчикъ мой..

Суровый голосъ чернобородаго купца мѣшается съ просьбо Маши, древнія слова изъ еретической книги Якова впуты ваются въ рѣчь начетчика. Ему казалось, что все подъ ним качается, колеблется неправильными движеніями, и что ег тянетъ куда-то книзу. Страха не было въ немъ, но был желаніе покоя, хотѣлось уснуть скорѣе, забыть все это. И онъ уснулъ...

А когда проснулся поутру, то по освѣщенной стѣнѣ про-

ивъ окна понялъ, что день ясный и морозный. Въ головѣ го было мутно, но въ сердцѣ покойно. Онъ вспомнилъ весь черашній день, прислушался къ себѣ и смутно почувство- алъ, что онъ уже знаетъ, какъ надо ему держаться теперь. Черезъ полчаса онъ шелъ съ ящикомъ на груди по ярко свѣщенной улицѣ и, прищуривая глаза отъ блеска снѣга, покойно разглядывалъ встрѣчныхъ людей. Проходя мимо еркви, онъ по привычкѣ снималъ шапку и крестился. Пе- екрестился и у часовни рядомъ съ запертой лавкой По- уэктова и пошелъ дальше, не ощущая ни страха ни жалости, ичего безпокойнаго. Въ обѣденное время, сидя въ трактирѣ, нъ прочиталъ въ газетѣ замѣтку о дерзкомъ убійствѣ мѣ- ілы. Дойдя до словъ: „полиціей приняты энергичныя мѣры ъ розыску преступника“, — онъ съ улыбкой отрицательно окачалъ головой, ибо—былъ твердо увѣренъ, что преступника не айдутъ никогда, если онъ самъ не захочетъ, чтобъ его нашли...

Вечеромъ этого дня пришла прислуга отъ Олимпіады и ринесла Ильѣ записку, въ которой было сказано:

„Въ девять часовъ выходи на уголъ Кузнецкой улицы, къ анямъ“.

Прочитавъ, онъ почувствовалъ, что все внутри его дро- житъ и сжимается, точно отъ холода. Передъ нимъ встало ренебрежительное лицо любовницы, и въ ушахъ его зазву- али ея рѣзкія, обидныя слова:

— Не могъ прійти въ другое время?

Онъ смотрѣлъ на записку и не понималъ — зачѣмъ зоветъ го Олимпіада? А потомъ ему стало боязно понять это, и ердце его забилось тревожно. Въ девять часовъ онъ явился а мѣсто свиданія, и когда, среди многихъ женщинъ, гуля- вшихъ около бань парами и въ одиночку, увидалъ высокую игуру Олимпіады, тревога еще сильнѣе охватила его. Олим- піада была одѣта въ какую-то старенькую шубку, а голова у нея была закутана платкомъ такъ, что Илья видѣлъ только ея глаза. Онъ молча сталъ передъ нею...

— Идемъ!—сказала она. И тотчасъ же тихо добавила: — Закрой рожу воротникомъ...

Они прошли по коридору бань, скрывая свои лица, какъ будто отъ стыда, и быстро скрылись въ отдѣльномъ номерѣ. Олимпіада тотчасъ же сбросила платокъ съ головы, и при видѣ ея спокойнаго, разгорѣвшагося на морозѣ лица Илья сразу ободрился, но въ то же время почувствовалъ, что ему непріятно видѣть ее спокойной. А женщина сѣла на диванъ рядомъ съ нимъ и, ласково заглянувъ въ лицо ему, сказала:

— Ну, мой капризъ, скоро насъ съ тобою потащатъ слѣдователю...

— Зачѣмъ?—спросилъ Илья, вытирая ладонью растаявш иней на усахъ.

— Какой онъ у меня глупенькій... будто бы!—насмѣшли и тихо воскликнула женщина.

Потомъ брови ея нахмурились, и она уже серьезно, шоп томъ сообщила Ильѣ:

— Знаешь—у меня сегодня сыщикъ былъ. Каково?

Илья взглянулъ на нее и сухо сказалъ:

— Ты, вотъ что... мнѣ до сыщиковъ и всѣхъ твоихъ п ступковъ никакого дѣла нѣтъ. Говори прямо — зачѣмъ меня сюда позвала да еще съ такими... осторожностями?

Олимпіада взглянула въ его лицо и пренебрежитель улыбнулась, говоря:

— А-а! Вонъ что... обидѣлся ты... такъ! Ну, мнѣ не того теперь... Вотъ что: вызоветъ тебя слѣдователь, стане разспрашивать, когда ты со мной познакомился, часто бывалъ,—говори все, какъ было, по правдѣ... все подробно, слышишь?

— Слышу...—сказалъ Илья и усмѣхнулся.

— Погоди! Спроситъ о старикѣ — ты его не видалъ. Н когда. Не знаешь о немъ. Не слыхалъ, что я на содержан у кого-то жила... понимаешь?

Женщина смотрѣла на Илью внушительно и сердито. онъ чувствовалъ, что въ немъ играетъ что-то жгучее пріятное. Ему казалось, что Олимпіада боится его; ему зах тѣлось помучить ее, и, глядя въ лицо ей прищуренны глазами, онъ сталъ тихонько посмѣиваться, не говоря слова. Тогда лицо Олимпіады дрогнуло, поблѣднѣло, и о отшатнулась отъ него, шопотомъ спрашивая:

— Что ты? Что ты такъ смотришь? Илья? Илья?

— Скажи ты мнѣ,—спросилъ онъ, оскаливъ зубы,—зачѣм я врать буду? Я старика у тебя видѣлъ.

И, облокотясь о мраморную доску стола, онъ съ тоской злобой, внезапно охватившими его, продолжалъ медленно тихо:

— Смотрѣлъ я на него тогда и думалъ: вотъ кто стои на моей дорогѣ, вотъ кто жизнь мою перешибъ. И ежели его тогда не задушилъ...

— Вр-решь!—громко сказала Олимпіада, ударивъ ладон по столу.—Врешь ты! Онъ на твоей дорогѣ не стоялъ...

— Это какъ же?—сурово спросилъ Илья.

— Не стоялъ. Захотѣлъ бы ты... его не было бы... Не н

мекала я тебѣ, не говорила развѣ, что могу всегда прогнать его? Ты молчалъ да посмѣивался... ты вѣдь никогда по-человѣчески не любилъ меня... Ты самъ, по своей волѣ, дѣлилъ меня съ нимъ пополамъ... безстыдникъ!

— Стой! Молчи!—сказалъ Илья. Онъ поднялся съ дивана на ноги и—снова сѣлъ, чувствуя, что женщина словно ушибла его своимъ упрекомъ.

— Я не хочу молчать!—громко говорила она.—Молоденькій такой... здоровый, любимый мною... что̀ ты мнѣ сдѣлалъ? Сказалъ ты мнѣ—ну, выбирай, Олимпіада: я или онъ? Сказалъ ты это? Нѣтъ, ты—котъ, какъ всѣ коты...

Илья вздрогнулъ отъ обиды, въ глазахъ его потемнѣло, онъ сжалъ кулаки и вновь поднялся на ноги.

— Погоди. Какъ ты можешь...

— А? Бить хочешь? Бей! — сверкнувъ глазами, зловѣще проговорила женщина и тоже оскалила зубы.—Ну... ударь! А я отворю дверь и крикну, что ты убилъ, ты по моему уговору... ну, бей!

Илья сначала испугался. Но испугъ кольнулъ его въ сердце и исчезъ.

Онъ снова сѣлъ на диванъ и, помолчавъ, засмѣялся подавленнымъ смѣхомъ. Онъ видѣлъ, что Олимпіада кусаетъ губы и какъ бы ищетъ чего-то глазами въ грязной комнатѣ, полной теплаго запаха пареныхъ вѣниковъ и мыла. Вотъ она сѣла на диванъ около двери въ баню и опустила голову, сказавъ:

— Смѣйся, смѣйся... дьяволъ!

— И буду...

— Я какъ увидѣла тебя, подумала... вотъ онъ. Онъ мнѣ поможетъ...

— Липа!—тихо сказалъ Илья.

Она не отвѣчала, сидя неподвижно.

— Липа!—повторилъ Луневъ и, чувствуя себя такъ, точно полетѣлъ куда-то внизъ, медленно выговорилъ:

— А вѣдь старика-то я задушилъ... ей-Богу!

Она вздрогнула и, поднявъ голову, уставилась на него широко открытыми глазами. Потомъ губы у нея задрожали, и, точно задыхаясь, она съ трудомъ выговорила:

— Ду-уракъ... испугался...

Илья понялъ, что она сама испугалась его словъ, но не вѣритъ въ ихъ правду. Онъ всталъ, подошелъ къ ней и сѣлъ рядомъ, растерянно улыбаясь. А она вдругъ охватила его голову, прижала къ своей груди и, цѣлуя волосы, заговорила густымъ, грубымъ шопотомъ:

— Илюша, Илюша! Зачѣмъ обижаешь меня?.. Я обрадовалась, что его задавили...

— Это я сдѣлалъ,—кивнувъ головой, сказалъ Илья.

— Молчи!—безпокойно воскликнула женщина.—Я рада, что его задавили,—всѣхъ бы ихъ такъ! Всѣхъ, кто меня касался! Только ты одинъ — живой человѣкъ, за всю жизнь мою перваго встрѣтила, голубчикъ ты мой!

Ея слова все ближе притягивали Илью; онъ крѣпко прижался лицомъ къ груди женщины, и, хотя ему трудно было дышать, онъ не могъ оторваться отъ нея, чувствуя, что она— единственный близкій ему человѣкъ и нужна для него теперь больше, чѣмъ когда-либо.

— Когда ты смотришь на меня сердито... чистенькій мой... чувствую я поскудную жизнь свою и за то люблю тебя... за гордость чистую люблю...

На голову Лунева падали тяжелыя слезы, и, ощущая ихъ прикосновеніе къ себѣ, онъ самъ заплакалъ свободно и легко.

Она же оторвала голову его отъ груди своей и, говорила, цѣлуя мокрые глаза его, и щеки, и губы:

— Знаю вѣдь я—красотой моей ты не гнушаешься, а сердцемъ меня не любишь и осуждаешь меня... Не можешь жизнь мою простить мнѣ... и старика...

— Не говори про него,—сказалъ Илья. Онъ вытеръ лицо платкомъ съ ея головы и всталъ на ноги спокойный.

— Что̀ будетъ, то будетъ!—тихо и твердо сказалъ онъ.— Захочетъ Богъ наказать человѣка, — Онъ его вездѣ настигнетъ. За слова твои — спасибо, Липа... это ты вѣрно говоришь—я виноватъ и предъ тобой... Я думалъ, ты... не такая. А ты... ну, хорошо. Я виноватъ...

Голосъ у него прерывался, губы вздрагивали и глаза налились кровью. Медленно, дрожащей рукой онъ пригладилъ растрепанные волосы и вдругъ, взмахнувъ руками, глухо завылъ:

— Я—во всемъ виноватъ. Передъ всѣми... За что̀?

Олимпіада схватила его за руку; онъ опустился на диванъ рядомъ съ ней и, не слушая ея, сказалъ:

— Ты понимаешь—я его удушилъ, я. Ну, — вѣришь? Я...

— Тише!—со страхомъ, вполголоса крикнула Олимпіада.— Что̀ ты?

И она крѣпко обняла его, заглядывая въ лицо ему помутнѣвшими отъ страха глазами.

— Погоди. Вышло это... нечаянно. Богъ знаетъ все... я— не хотѣлъ. Я хотѣлъ взглянуть еще разъ на его пакостную рожу... вошелъ въ лавку. Ничего въ мысляхъ не было. А по-

томъ—вдругъ. Дьяволъ толкнулъ, Богъ не заступился... Вотъ деньги я напрасно взялъ... не надо бы... эхъ!

Онъ глубоко вздохнулъ, чувствуя, что съ его сердца какъ будто какая-то кора отвалилась. Женщина была поражена его разсказомъ; вздрагивая, она все крѣпче прижимала его къ себѣ и говорила что-то отрывистымъ, безсвязнымъ шопотомъ. Но все-таки она сказала:

— Что денегъ взялъ—это хорошо. Это значитъ—грабежъ... а безъ этого подумали бы, что—ревность... тогда ужъ...

— Каяться я не буду, — говорилъ Илья задумчиво. — Не хочу. Пусть Богъ накажетъ... Люди — не судьи. Какіе они судьи?.. Безгрѣшныхъ людей я не знаю... ни одного не видалъ...

— Господи!—вздохнувъ, сказала Олимпіада.—Что̀ это? Что̀ будетъ?.. Голубчикъ... Я ничего не могу... ни говорить ни думать, и надо намъ отсюда уходить... пора!

Она встала и пошатнулась, какъ пьяная. Но, закутавъ голову платкомъ, она вдругъ заговорила спокойно:

— Какъ же теперь, Ильюша? Неужто пропадать?

Илья отрицательно качнулъ головою.

— Такъ ты... у слѣдователя-то говори все, какъ было... то-есть не все, а...

— Такъ и скажу... Ты думаешь, я за себя постоять не сумѣю? Думаешь, я изъ-за этого старика да изъ-за его двухъ тысячъ—въ каторгу пойду? Ну нѣтъ, я въ этомъ дѣлѣ не весь! Не весь,—поняла?

Онъ покраснѣлъ отъ возбужденія, и глаза его сверкали. А женщина наклонилась къ нему, шопотомъ спрашивая:

— Денегъ-то только двѣ тысячи?

— Двѣ... съ чѣмъ-то... чортъ ихъ...

— Бѣдненькій ты... и это даже не удалось!—грустно сказала женщина, и на глазахъ ея сверкнули слезы.

Илья взглянулъ ей въ лицо, усмѣхнулся и съ горечью проговорилъ:

— Эхъ... Развѣ я для денегъ? Ты пойми... Погоди, я первый выйду отсюда... Мужчина всегда первый выходитъ...

— Ты скорѣе приходи ко мнѣ... Скрываться не надо намъ... Скорѣе!—тревожно говорила ему Олимпіада.

Они поцѣловались долгимъ, крѣпкимъ поцѣлуемъ, и Луневъ ушелъ. Выйдя на улицу, онъ нанялъ извозчика, и когда ѣхалъ, то все оглядывался назадъ—не ѣдетъ ли за нимъ кто-нибудь? Разговоръ съ Олимпіадой облегчилъ его и вызвалъ въ немъ хорошее чувство къ этой женщинѣ. Ни словомъ ни взглядомъ она не задѣла его сердца, когда онъ сознался ей въ убійствѣ,

и не оттолкнула отъ себя, а какъ бы приняла часть грѣха его на себя. Она же за минуту передъ тѣмъ, ничего еще не зная, хотѣла погубить его и погубила бы,—онъ видѣлъ это по ея лицу... И, думая о ней, онъ ласково улыбался. А на слѣдующій день Луневъ почувствовалъ себя звѣремъ, котораго выслѣживаютъ охотники.

Утромъ его встрѣтилъ въ трактирѣ Петруха, на поклонъ Ильи чуть кивнулъ ему головой и при этомъ посмотрѣлъ на него какъ-то особенно пристально. Терентій тоже все присматривался къ нему и вздыхалъ, не говоря ни слова. Но Яковъ заманилъ его въ конурку къ Машѣ и тамъ съ испугомъ на лицѣ спрашивалъ:

— Вчера вечеромъ околоточный приходилъ и все про тебя у отца разспрашивалъ... къ чему это, а?

— Да про что разспрашивалъ-то? — спокойно освѣдомился Илья.

— Разное... Какъ ты живешь... пьешь ли водку... насчетъ женщинъ тоже... Называлъ какую-то Олимпіаду,—не знаете ли?—говоритъ. Что̀ такое?

— А чортъ ихъ знаетъ!—сказалъ Илья и ушелъ.

Вечеромъ этого дня онъ опять получилъ записку отъ Олимпіады. Она писала:

„Меня допрашивали о тебѣ,—сказала я все подробно. Это совсѣмъ не страшно и очень просто. Не бойся. Цѣлую тебя, милый“.

Онъ бросилъ записку въ огонь. Въ домѣ у Филимонова и въ трактирѣ всѣ говорили объ убійствѣ купца. Илья слушалъ эти разсказы, и они доставляли ему какое-то особенное удовольствіе. Нравилось ему ходить среди этихъ людей, заинтересованныхъ его поступкомъ, разспрашивать ихъ о подробностяхъ случая, ими же сочиненныхъ, и чувствовать въ себѣ силу удивить всѣхъ ихъ, сказавъ:

— А вѣдь это я сдѣлалъ...

Нѣкоторые изъ нихъ хвалили его ловкость и храбрость, иные сожалѣли о томъ, что онъ не успѣлъ взять всѣхъ денегъ, другіе опасались, какъ бы онъ не попался, и никто не жалѣлъ купца, никто не сказалъ о немъ ни одного добраго слова. И то, что Илья не видѣлъ въ людяхъ жалости къ убитому, вызывало въ немъ злорадное чувство противъ нихъ, хотя самъ онъ тоже не жалѣлъ купца. Онъ и не думалъ о Полуэктовѣ, а лишь о томъ, что совершилъ тяжкій грѣхъ и впереди его ждетъ возмездіе. Эта мысль не тревожила его: она остановилась въ немъ неподвижно и стала какъ бы частью его души. Она была, какъ опухоль отъ удара,—не болѣла,

сли онъ не дотрагивался до нея. Онъ глубоко вѣрилъ, что астанетъ часъ и—явится наказаніе отъ Бога, Который все наетъ и законопреступника не проститъ. И эта спокойная, вердая готовность принять возмездіе во всякій день и часъ озволяла Ильѣ чувствовать себя почти такъ же, какъ и до бійства. Онъ только насторожился противъ людей и болѣе ридирчиво сталъ отмѣчать въ нихъ все дурное. Это доставляло ему удовольствіе, хотя онъ сознательно не искалъ оправданія себѣ.

Онъ сталъ угрюмѣе, сосредоточеннѣе, но такъ же, какъ и аньше, съ утра до вечера ходилъ по городу съ товаромъ, идѣлъ въ трактирахъ, присматривался къ людямъ, чутко лушалъ ихъ рѣчи. Какъ-то разъ онъ вспомнилъ о деньгахъ, арытыхъ на чердакѣ, и подумалъ, что надо ихъ куда-нибудь еренрятать, но вслѣдъ затѣмъ сказалъ самъ себѣ:

— Не надо. Пускай лежатъ тамъ... Будетъ обыскъ и найутъ ихъ,—сознаюсь...

Но обыска не было, и къ слѣдователю его все еще не тревали. Позвали только на шестой день. Передъ тѣмъ, какъ сти въ камеру, онъ надѣлъ чистое бѣлье, лучшій свой пидакъ, ярко начистилъ сапоги и нанялъ извозчика. Сани подкакивали въ ухабахъ, а онъ старался держаться прямо и еподвижно, потому что внутри у него все было туго натяуто, и ему казалось — если онъ неосторожно двинется, съимъ можетъ случиться что-то нехорошее. И на лѣстницу въамеру онъ вошелъ не торопясь, осторожно, какъ будто былъцѣтъ въ стекло.

Слѣдователь былъ молодой человѣкъ съ курчавыми волоами и горбатымъ носомъ, въ золотыхъ очкахъ. Когда онъ видалъ Илью, то сначала крѣпко потеръ свои худыя, бѣлыя уки, а потомъ снялъ съ носа очки и сталъ вытирать ихъ платкомъ, всматриваясь въ лицо Ильи большими, темными лазами. Илья молча поклонился ему.

— Здравствуйте! Садитесь... сюда вотъ...

И онъ движеніемъ руки показалъ ему на стулъ у большого стола, покрытаго малиновымъ сукномъ. Илья сѣлъ и осторожно локтемъ отодвинулъ какія-то бумаги, лежавшія на краю стола. Слѣдователь замѣтилъ это и вѣжливо убралъ бумаги, потомъ сѣлъ за столъ противъ Ильи и молча началъ перелистывать какую-то книгу, исподлобья поглядывая на Гунева. Это молчаніе не понравилось Ильѣ, и онъ, отвернувшись отъ слѣдователя, сталъ осматривать комнату, первый разъ видя такое хорошее убранство и чистоту. Всюду на стѣнахъ висѣли портреты въ рамахъ, картины. На одной изъ

нихъ былъ изображенъ Христосъ. Онъ шелъ задумчиво, накл
нивъ голову, печальный и одинокій, среди какихъ-то разв
линъ, всюду у ногъ Его валялись трупы людей, оружіе, а
заднемъ планѣ картины поднимался черный дымъ, — что-
горѣло. Илья долго смотрѣлъ на эту картину, желая понят
что̀ это значитъ, и ему даже захотѣлось спросить объ этом
но какъ разъ въ ту минуту слѣдователь шумно захлопнул
книгу. Илья вздрогнулъ и взглянулъ на него. Лицо слѣдов
теля стало сухимъ и скучнымъ, а губы у него смѣшно отт
пырились, точно онъ обидѣлся на что-то.

— Ну-съ,—сказалъ онъ, постукивая пальцами по столу,-
Илья Яковлевичъ Луневъ,—такъ?

— Да...

— Вы догадываетесь, зачѣмъ я васъ позвалъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Илья и снова мелькомъ взглянулъ
картину. Въ комнатѣ было тихо, чисто, красиво, — никог
еще Луневъ не видалъ такой чистоты и такъ много красивы
вещей. Отъ слѣдователя пахло чѣмъ-то пріятнымъ. И все э
развлекало Лунева, успокаивало его и вызывало въ нем
завистливыя думы:

„Ишь какъ люди живутъ... Должно-быть, выгодно воро
и убіецъ ловить... Сколько ему жалованья платятъ?“

— Нѣтъ? — повторилъ слѣдователь, какъ бы удивленн
чѣмъ-то.—А развѣ Олимпіада Петровна вамъ ничего не с
общала?

— Нѣтъ... я ея давно уже не видалъ...

Слѣдователь откачнулся на спинку кресла и опять смѣш
вытянулъ губы.

— А какъ давно?

— Н-не знаю... Дёнъ... восемь, девять, пожалуй...

— Ага! Такъ-съ... А что̀, скажите, часто вы у нея встр
чали старика Полуэктова?

— Это убитаго-то?..—спросилъ Илья, взглянувъ въ гла
слѣдователя.

— Вотъ, вотъ! Его...

— Не встрѣчалъ никогда...

— Никогда?! Мм...

— Никогда...

Слѣдователь кидалъ вопросы быстро, съ какой-то небрежность
а когда Илья, отвѣчавшій не торопясь, особенно замедля
отвѣтомъ, чиновникъ нетерпѣливо стучалъ пальцами по стол

— Вамъ было извѣстно, что Олимпіада Петровна жила
содержаніи Полуэктова? — неожиданно спросилъ онъ, гляд
черезъ очки въ глаза Ильѣ.

Луневъ покраснѣлъ подъ этимъ взглядомъ, — ему стало бидно.

— Нѣтъ,—глухо отвѣтилъ онъ.

— Да-съ, она жила у него на содержаніи, — повторилъ слѣдователь раздражающимъ голосомъ.—По-моему, это нехорошо, — добавилъ онъ, видя, что Илья не собирается отвѣтить ему.

— Чего ужъ хорошаго!—негромко сказалъ Илья.

— Не правда ли?

Но Илья снова не отвѣтилъ.

— А вы давно... знакомы съ ней?

— Больше года...

— Значитъ, познакомились еще до ея знакомства съ Полуктовымъ?

„Умная ты собака!“—подумалъ Илья и спокойно отвѣтилъ:

— Какъ я могу это знать, ежели того, что она... съ покойникомъ жила, не зналъ?

Слѣдователь сложилъ губы трубочкой, посвисталъ и началъ просматривать какую-то бумагу. А Луневъ вновь уставился на картину, чувствуя, что интересъ къ ней помогаетъ ему быть спокойнымъ. Откуда-то донесся веселый, звонкій смѣхъ ребенка. Потомъ женскій голосъ, радостный и ласковый, протяжно запѣлъ:

„Зои-нька, ма-ти-нька, ду-си-нька, лю-би-нька!..“

— Васъ, кажется, очень занимаетъ эта гравюра?—раздался голосъ слѣдователя.

— Куда это Христосъ идетъ?—тихо спросилъ Илья.

Слѣдователь посмотрѣлъ въ лицо ему скучными, разочарованными глазами и, помолчавъ, сказалъ:

— А видите, — сошелъ на землю и смотритъ, какъ люди исполнили Его благіе завѣты. Идетъ Онъ полемъ битвы, вокругъ видитъ убитыхъ людей, развалины домовъ, пожаръ, грабежи...

— А съ неба-то Онъ этого развѣ не видитъ? — спросилъ Илья.

— Мм... Это написано для вящшей наглядности... э-э... для того, чтобы показать несоотвѣтствіе между жизнью дѣйствительной и ученіемъ Христа о ней... Ну однако мнѣ надо васъ спросить еще кое о чемъ.

Илья отвернулся отъ картины и сталъ смотрѣть въ лицо слѣдователя. Снова посыпались какіе-то маленькіе, незначительные вопросы, надоѣдавшіе Луневу, какъ осеннія мухи. Онъ уставалъ отъ нихъ, чувствовалъ, что они притупляютъ его вниманіе, что его осторожность усыпляется ихъ пустой.

однообразной трескотней. Онъ злился на слѣдователя, понимая что тотъ нарочно утомляетъ его.

— Вы не можете сказать,—небрежно, быстро спрашивал слѣдователь,—гдѣ вы были въ четвергъ между двумя и тремя часами?

— Въ трактирѣ чай пилъ,—сказалъ Илья.

— А! Въ какомъ? Гдѣ?

— Въ Плевнѣ...

— Почему вы съ такой точностью говорите, что именно въ это время вы были въ трактирѣ?

Лицо у слѣдователя дрогнуло, онъ навалился грудью на столъ, и его вспыхнувшіе глаза какъ бы вцѣпились въ глаза Лунева. Илья помолчалъ нѣсколько секундъ, потомъ вздохнул и, не торопясь, сказалъ:

— А передъ тѣмъ, какъ въ трактиръ итти, я спрашивал время у полицейскаго.

Слѣдователь вновь откинулся на спинку кресла и, взяв карандашъ, застучалъ имъ по своимъ ногтямъ.

— Полицейскій сказалъ мнѣ, что былъ второй часъ... двадцать минутъ, что ли...—медленно говорилъ Илья.

— Онъ васъ знаетъ?

— Да...

— У васъ своихъ часовъ нѣтъ?

— Нѣтъ...

— Вы и раньше спрашивали у него о времени?

— Случалось...

— Дума тутъ недалеко, на думѣ вѣдь есть часы?

— Забываешь взглянуть...

— Долго сидѣли въ Плевнѣ?

— Пока не закричали про убійство...

— А потомъ куда пошли?

— Смотрѣть на убитаго.

— Видѣлъ васъ кто-нибудь на мѣстѣ... у лавочки?

— Тотъ же полицейскій видѣлъ... онъ даже прогонялъ меня оттуда... толкалъ...

— Это прекрасно!—съ одобреніемъ воскликнулъ слѣдователь и небрежно, не глядя на Лунева, спросилъ:

— Вы о времени у полицейскаго спрашивали до убійства, или уже послѣ?

Илья понялъ вопросъ. Онъ круто повернулся на стулѣ отъ злобы къ этому человѣку въ ослѣпительно-бѣлой рубашкѣ, къ его тонкимъ пальцамъ съ чистыми ногтями, къ золоту его очковъ и этимъ острымъ, темнымъ глазамъ. Онъ отвѣтилъ ему вопросомъ:

— А какъ я могу про это знать?

Слѣдователь сухо кашлянулъ и потеръ руки такъ, что у его хрустѣли пальцы.

— Чудесно!—недовольнымъ голосомъ сказалъ онъ.—Ве-ли-ко-лѣ-пно... Да-съ.

И онъ устало потянулся въ креслѣ.

— Хорошо-съ... Еще нѣсколько вопросовъ, и я васъ отпущу...

Теперь слѣдователь спрашивалъ уже скучнымъ голосомъ, не торопясь и, видимо, не ожидая услыхать что-либо интересное; а Илья отвѣчалъ и все ждалъ вопроса, подобнаго вопросу о времени. Каждое слово, произносимое имъ, звучало въ груди его, какъ въ пустотѣ, и какъ будто задѣвало тамъ чуго натянутую струну. Но слѣдователь уже не задавалъ ему товарныхъ вопросовъ.

— Когда вы проходили въ этотъ день по улицѣ, не помните ли, не встрѣтился ли вамъ человѣкъ высокаго роста, въ полушубкѣ и черной барашковой шапкѣ?

— Нѣтъ...—сурово сказалъ Луневъ.

— Ну-съ, послушайте ваше показаніе, а потомъ подпишите его...—И, закрывъ лицо листомъ исписанной бумаги, онъ быстро и однотонно началъ читать, а прочитавъ, сунулъ въ руку Лунева перо. Илья наклонился надъ столомъ, подписалъ, медленно поднялся со стула и, поглядѣвъ на слѣдователя глухо и твердо выговорилъ:

— Прощайте!

Тотъ отвѣтилъ ему небрежнымъ, барскимъ кивкомъ головы и, наклоняясь надъ столомъ, началъ писать. Илья стоялъ. Ему хотѣлось сказать что-нибудь этому человѣку, такъ долго мучившему его. Въ тишинѣ былъ слышенъ скрипъ пера, изъ внутреннихъ комнатъ доносилось пѣніе:

„Потанцуйте, потанцуйте, маленькія куколки...“

— Вы что?—спросилъ слѣдователь, вдругъ поднявъ голову.

— Ничего...—угрюмо отвѣтилъ Луневъ.

— Я вамъ сказалъ—можете итти...

— Ухожу...

— Ну вотъ...

Они смотрѣли другъ на друга въ упоръ, и Луневъ почувствовалъ, что въ груди у него что-то растетъ — тяжелое, страшное. Быстро повернувшись къ двери, онъ вышелъ вонъ на улицѣ, охваченный холоднымъ вѣтромъ, почувствовалъ, что тѣло его все мокро отъ пота. Черезъ полчаса онъ былъ у Олимпіады. Она сама отперла ему дверь, увидавъ изъ окна, что онъ подъѣхалъ къ дому, и встрѣтила его съ радостью

матери. Лицо у нея было блѣдное, а глаза увеличились
смотрѣли безпокойно.

— Умница ты! — воскликнула она, когда Илья сказал
что пріѣхалъ прямо отъ слѣдователя. — Такъ и надо, так
Ну, что онъ?

— Жуликъ! — злобно сказалъ Илья. — Ловушки ставилъ.

— Ему безъ этого нельзя,—резонно замѣтила женщина,—
Богъ съ нимъ. Такая ужъ поганая должность...

— Говори прямо—такъ, молъ, и такъ: думаютъ на васъ.

— Да вѣдь и ты не прямо! — съ улыбкою сказала Олим
піада.

— Я?—съ удивленіемъ спросилъ Луневъ.—Да-а... въ самом
дѣлѣ! Ахъ, чортъ!.. — Его очень поразило что-то, и онъ, по
молчавъ, сказалъ:

— А сидя передъ нимъ, я... ей-Богу, правымъ себя чу
ствовалъ. И... вообще...

— Ну, слава Богу!—радостно вскричала Олимпіада.—Вс
хорошо обошлось...

Илья съ улыбкой взглянулъ на нее и медленно заговорил

— А вѣдь мнѣ врать-то совсѣмъ не много пришлось... Ве
зетъ мнѣ, Липа!..

И онъ странно засмѣялся.

— А за мной сыщики сильно поглядываютъ, — вполголос
сообщила Олимпіада. — Да и за тобой, навѣрно...

— Ка-акъ же! — со злобой и насмѣшкой воскликнулъ Лу
невъ.—Нюхаютъ, обломить хотятъ, какъ волка въ лѣсу. Ни
чего не будетъ... не ихъ дѣло! И не волкъ я, а несчастны
человѣкъ.. Я никого не хотѣлъ душить, меня самого судьб
душитъ... какъ у Пашки въ стихѣ сказано... И Пашку ду
шитъ и Якова... и всѣхъ.

— Ничего, Илюша, — сказала женщина, заваривая чай.—
Все обойдется по-хорошему...

Луневъ всталъ съ дивана, подошелъ къ окну и, глядя н
улицу, угрюмо, со злымъ недоумѣніемъ въ голосѣ продолжал

— Всю жизнь я въ мерзость носомъ тычусь... что н
люблю, что ненавижу — къ тому меня и толкаетъ. Никогд
не видалъ я такого человѣка, чтобы съ радостью на нег
поглядѣть можно было... Неужто никакой чистоты въ жизн
нѣтъ? Вотъ задавилъ я этого... твоего... зачѣмъ мнѣ? Толь
испачкался, душу себѣ надорвалъ... Деньги взялъ... не брат
бы надо.

— Не горюй! — утѣшала его Олимпіада. — Жалѣть его —
сердца нѣтъ.

— Я — не жалѣю... Я... оправдаться хочу. Всякъ себ

оправдываетъ, потому — жить надо!.. Вонъ слѣдователь — живетъ, какъ конфетка въ коробочкѣ... Онъ никого не удушитъ. Онъ можетъ праведно жить... чистота вокругъ...

— Погоди, уѣдемъ мы съ тобой изъ этого города...

— Нѣ-ѣтъ, я никуда не уѣду! — твердо сказалъ Луневъ, оборачиваясь къ женщинѣ. И, грозя кому-то, онъ добавилъ:

— Нѣтъ, погоди! Я подожду, погляжу, что̀ дальше будетъ...

Олимпіада на минутку задумалась. Она сидѣла у стола, предъ самоваромъ, пышная и красивая, въ бѣломъ широкомъ капотѣ.

— Я еще поспорю, — значительно кивая головой, говорилъ Луневъ, расхаживая по комнатѣ.

— А! — обиженно воскликнула женщина, — ты это потому не хочешь ѣхать, что боишься меня? Думаешь, я теперь навсегда тебя въ руки заберу, думаешь, коли я про тебя... это знаю — пользоваться буду? Ошибся, милый, да! Насильно я тебя за собой не потащу...

Она говорила спокойно, но губы у нея вздрагивали, какъ отъ боли.

— Что̀ ты говоришь? — удивленно вслушиваясь въ ея слова, спросилъ Луневъ.

— Неволить я тебя не ставу, не бойся. Ты иди, куда хочешь,—пожалуйста!

— Погоди!—сказалъ Илья, садясь рядомъ съ нею и взявъ ее за руку. — Не понимаю я, съ чего ты этакъ заговорила?

— Притворяйся!—тоскливо крикнула Олимпіада, выдернувъ свою руку изъ его руки.— Знаю я — ты гордый, ты жесткій! Старика ты мнѣ простить не можешь, и противна тебѣ жизнь моя... думаешь ты теперь, что изъ-за меня все это вышло.. ненавидишь меня...

— Врешь!—гордо сказалъ Илья.—Врешь ты,—ни въ чемъ я не виню тебя. Я знаю — для нашего брата чистыхъ да безгрѣшныхъ женщинъ не приготовлено... намъ онѣ дороги. Какъ же? На нихъ вѣдь жениться надо: онѣ дѣтей родятъ... Чистое — все для богатыхъ... а намъ — огрызочки, намъ — ососочки, намъ—заплеванное да захватанное.

— И оставь меня, захватанную! — вскрикнула Олимпіада, вскочивъ со стула. — Уходи!—Но тутъ на глазахъ ея сверкнули слезы, и она осыпала Илью горячими, какъ угли, словами:

— Я сама, своей волей залѣзла въ эту яму... потому что въ ней денегъ много... Я по нимъ, какъ по лѣстницѣ, назадъ поднимусь... и опять буду хорошо жить... и ты мнѣ въ этомъ помогъ. Знаю... И люблю тебя — хоть десятерыхъ за-

души. Я въ тебѣ не добродѣтель люблю, — гордость люблю.. молодость твою, голову твою кудрявую, руки сильныя, глаз твои строгіе... укоры твои—какъ ножи въ сердце мнѣ... зат я тебѣ буду... по гробъ благодарна... ноги поцѣлую, — на!

Она свалилась въ ноги къ нему и цѣловала его колѣни вскрикивая:

— Богъ—видитъ! Я для своего спасенія согрѣшила, вѣд Ему же лучше, ежели я не всю жизнь въ грязи проживу.. а пройду скрозь ее и снова буду чистая, — тогда вымол прощеніе Его... Не хочу я всю жизнь маяться! Меня вс испачкали... всю испоганили... мнѣ всѣхъ слезъ моихъ н хватитъ, чтобы вымыться...

Илья сначала отталкивалъ ее отъ себя, пытаясь поднят съ пола, обнялъ и положилъ ея голову на плечо себѣ. Горя чая щека женщины плотно коснулась его щеки, и, стоя н колѣняхъ предъ нимъ, охваченная его сильной рукой, он все говорила, опуская голосъ до шопота:

— Развѣ кому лучше, коли человѣкъ, разъ согрѣшивъ, н всю жизнь останется въ униженіи?.. Дѣвчонкой, когда вот чимъ ко мнѣ съ пакостью приставалъ, я его тяпкой ударила.. я не хотѣла. Потомъ — одолѣли меня... дѣвочку пьяной на поили... дѣвочка была... чистенькая... какъ яблочко, был твердая вся, вся румяная... Плакала надъ собой... жаль был себя... красоты своей... Не хотѣла я, не хотѣла... А потомъ— вижу... все равно. Нѣтъ поворота... Дай, думаю, хошь дорож пойду. Возненавидѣла всѣхъ, воровала деньги, пьянствовала.. До тебя съ душой не цѣловала никого...

Она окончила свои слова тихимъ шопотомъ и вдругъ рва нулась изъ объятій Ильи:

— Пусти!

Онъ еще крѣпче стиснулъ ее руками и началъ цѣловат ея лицо со страстью, съ отчаяніемъ.

— На слова твои мнѣ сказать нечего...—горячо заговорил Луневъ. — Одно скажу — насъ не жаль никому... ну, и нам жалѣть некого... Хорошо говорила ты... Хорошая ты моя.. люблю тебя... ну, не знаю какъ! Не словами это можн сказать...

Ея рѣчи, ея жалобы въ самомъ дѣлѣ возбудили въ нем горячее, свѣтлое чувство къ этой женщинѣ. Ея горе какъ бы слилось съ его несчастіемъ въ одно цѣлое и породнило ихъ Крѣпко обнявъ другъ друга, они долго тихими голосами раз сказывали одинъ другому про свои обиды.

— Не будетъ намъ съ тобой счастья,—сказала женщина качая головой безнадежно.

— Ну, несчастье попразднуемъ... Въ каторгу понадобится итти—вмѣстѣ айда? Слышишь? А пока—будемъ горе съ любовью изживать... Теперь мнѣ—хошь жги меня огнемъ... На душѣ—легко... Не хочу ни въ чемъ каяться!

Взволнованные разговоромъ, возбужденные ласками, они смотрѣли другъ на друга, какъ сквозь туманъ. Имъ было жарко отъ объятій и тѣсно въ одеждахъ...

За окнами небо было сѣрое, скучное. Холодная мгла одѣвала землю, осѣдая на деревьяхъ бѣлымъ инеемъ. Въ палисадникѣ предъ окнами тихо покачивались тонкія вѣтви молодой березы, стряхивая снѣжинки. Зимій вечеръ наступалъ...

Черезъ нѣсколько дней Луневъ узналъ, что по дѣлу объ убійствѣ купца Полуэктова полиція ищетъ какого-то высокаго человѣка въ барашковой шапкѣ. При осмотрѣ вещей въ лавкѣ убитаго были найдены двѣ серебряныя ризы съ иконъ, и оказалось, что онѣ краденыя. Мальчикъ, служившій въ лавкѣ, показалъ, что эти ризы были куплены дня за три до убійства у человѣка высокаго роста, въ полушубкѣ, по имени Андрея, что человѣкъ этотъ не однажды продавалъ Полуэктову разныя серебряныя и золотыя вещи, и что Полуэктовъ давалъ ему деньги въ долгъ. Потомъ стало извѣстно, что наканунѣ и въ самый день убійства человѣкъ, подходящій подъ описаніе мальчика, кутилъ въ публичныхъ домахъ.

Каждый день Илья слышалъ что-нибудь новое по этому дѣлу: весь городъ былъ заинтересованъ дерзкимъ убійствомъ, о немъ говорили всюду, — въ трактирахъ, на улицахъ. Но Лунева почти не интересовали эти разговоры: мысль объ опасности отвалилась отъ его сердца, какъ корка отъ язвы, и на мѣстѣ ея онъ ощущалъ только какую-то неловкость. Онъ думалъ лишь объ одномъ: какъ теперь будетъ онъ жить? Что̀ ждетъ его впереди?

И чувствовалъ себя, какъ рекрутъ предъ наборомъ, какъ человѣкъ, собравшійся въ далекій, неизвѣстный путь. За послѣднее время къ нему усиленно приставалъ Яковъ. Растрепанный, одѣтый кое-какъ, онъ совался по трактиру и по двору безцѣльно, смотрѣлъ на все разсѣянно, блуждавшими глазами, и имѣлъ видъ человѣка, занятаго какими-то особенными соображеніями. Встрѣчаясь съ Ильей, онъ таинственно и торопливо, вполголоса или шопотомъ спрашивалъ его:

— У тебя нѣтъ время потолковать со мной?

— Погоди, некогда...

— Ахъ, ты!.. а дѣло важное.

— Что̀ такое? — спросилъ Илья.

— Книга-то! Объяснять себя такъ, братъ, что ой-ой! — пугливо сказалъ Яковъ.

— А ну тебя съ книгами! Ты вотъ что скажи: съ чег это отецъ твой на меня звѣремъ смотритъ?

Но то, что совершалось въ дѣйствительности, не задѣвал вниманія Якова. Въ отвѣтъ на вопросъ товарища онъ с недоумѣніемъ вытаращилъ глаза и освѣдомился:

— А что? Я ничего не знаю. Т.-е... слышалъ я тутъ разъ.. дядѣ твоему онъ говорилъ... что-то въ родѣ того, будто ты фальшивыми деньгами торгуешь... да вѣдь это такъ онъ, зря..

— А ты почему знаешь, что зря?—съ улыбкой спросилъ Ильл

— Ну что тамъ? Какія деньги? Ерунда все!..—И, махнувъ рукой, Яковъ задумался.

— Поговорить-то нѣтъ у тебя время? — спросилъ онъ че рез минуту, оглядывая товарища блуждающими глазами.

— Про книгу?

— Да-а... Тутъ одно мѣсто понялъ я,—фу, фу, фу-у, братъ ты мой...

И философъ сдѣлалъ такую гримасу, точно обжегся чѣмъ-то горячимъ. Луневъ смотрѣлъ на товарища, какъ на чудака, какъ на юродиваго. Порою Яковъ казался ему слѣпымъ и всегда — несчастнымъ, негоднымъ для жизни. Въ домѣ говорили, — и вся улица знала это, — что Петруха Филимоновъ хочетъ вѣнчаться со своей любовницей, содержавшей въ городѣ одинъ изъ дорогихъ домовъ терпимости, но Яковъ относился къ этому съ полнымъ равнодушіемъ. И когда Луневъ спросилъ его, скоро ли свадьба, Яковъ тоже спросилъ:

— Чья?

— Отца твоего...

— А! Кто его знаетъ.. Вотъ безстыдникъ! Нашелъ жену — тьфу!

— А ты знаешь, что у нея сынъ есть — большой ужъ, въ гимназіи учится?

— Нѣтъ, не зналъ... а что?

— Такъ... наслѣдникъ будетъ твоему отцу...

— Ага!—равнодушно сказалъ Яковъ. И вдругъ оживился:

— Сынъ, — говоришь?

— Ну да..

— Сынъ... Это на пользу мнѣ, пожалуй, а? Вотъ бы отецъ-то мой этого бы самаго сына-то да за буфетъ и опредѣлилъ бы? А меня бы—куда хочу... Вотъ бы...

И, предвкушая свободу, Яковъ смачно щелкнулъ языкомъ. Луневъ посмотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ и сказалъ съ усмѣшкой:

— Вѣрно говорится, что глупому чаду—морковку надо, а дай хлѣба ему—не подставитъ суму. Эхъ, ты! Не придумаю я, какъ жить будешь?

Яковъ насторожился, выкатилъ глаза и быстрымъ шопотомъ повѣдалъ:

— Я думалъ про это, знаю ужъ. Прежде всего надо устроить порядокъ въ душѣ... Надо понять, чего отъ тебя Богъ хочетъ? Теперь я вижу одно: спутались всѣ люди, какъ нитки, тянетъ ихъ въ разныя стороны, а кому куда надо вытянуться, кто къ чему долженъ крѣпче себя привязать — неизвѣстно. Родился человѣкъ—невѣдомо зачѣмъ; живетъ—не знаю для чего, смерть придетъ—все порветъ... Стало-быть, прежде всего надо узнать, къ чему я опредѣленъ... Во-отъ!..

— Экъ ты въѣлся въ эти разсужденія твои,—напряженно сказалъ Луневъ.—И какой въ нихъ толкъ?

Онъ чувствовалъ, что теперь темныя рѣчи Якова задѣваютъ его сильнѣе, чѣмъ прежде, бывало, задѣвали, и что эти слова будятъ въ немъ какія-то особыя думы. Ему казалось, что кто-то черный въ немъ, тотъ, который всегда противорѣчилъ всѣмъ его простымъ и яснымъ мечтамъ о чистой жизни, теперь съ особенной жадностью вслушивается въ рѣчи Якова и ворочается въ душѣ его, какъ ребенокъ въ утробѣ матери. Это было непріятно Ильѣ, смущало его, казалось ему ненужнымъ, и онъ избѣгалъ разговоровъ съ Яковомъ.

Но отвязаться отъ товарища было не легко.

— Какой толкъ? Самый простой. Безъ этого — какъ безъ огня. Куда идешь? Ага! Всегда надо знать, куда идешь и зачѣмъ, и вѣрно ли...

— Ты, Яковъ, въ родѣ старика... скушно съ тобой. Поэтому—и свинья ищетъ удачи, а человѣкъ—тѣмъ паче,—какъ говорится. Ну, прощай.

Но теперь, послѣ этихъ разговоровъ, онъ чувствовалъ себя такъ, точно много соленаго поѣлъ: какая-то тяжкая жажда охватывала его, хотѣлось чего-то особеннаго. Къ его тяжелымъ, мглистымъ думамъ о Богѣ примѣшивалось теперь что-то ожесточенное, требовательное.

— „Все видитъ, а допускаетъ...“—думалъ онъ, хмуря брови, и чувствовалъ, что душа его заплуталась въ черномъ, неразрѣшимомъ для него противорѣчіи. Тогда онъ шелъ къ Олимпіадѣ и въ ея объятіяхъ прятался отъ всѣхъ своихъ думъ и безпокойствъ.

Изрѣдка посѣщалъ онъ и Вѣру. Веселая жизнь постепенно засасывала эту дѣвушку въ свой глубокій, грязный омутъ. Она съ восторгомъ разсказывала Ильѣ о кутежахъ съ бога-

тыми купчиками, съ чиновниками и офицерами, о тройкахъ, ресторанахъ. Она показывала ему подарки отъ поклонниковъ: новыя платья, кофточки. Полненькая, стройная, крѣпкая, она съ гордостью хвасталась тѣмъ, какъ ея поклонники спорятъ и ссорятся за обладаніе ею. Луневъ любовался ея здоровьемъ, красотой и весельемъ, но не разъ осторожно замѣчалъ ей:

— Завертитесь вы, Вѣрочка, въ этой игрѣ...

— А, такъ что̀? Туда мнѣ и дорога... По крайней мѣрѣ, съ шикомъ. Взяла, сколько умѣла, и—кончено.

— Ну, а Павелъ?..

При имени возлюбленнаго ея брови вздрагивали и веселье исчезало.

— Отошелъ бы онъ отъ меня... — говорила она. — Трудно ему со мной... и напрасно онъ мучается... Бралъ бы, сколько есть... Но онъ все хочетъ... А я ужъ не остановлюсь... попала муха въ патоку...

— Не любите его?—спросилъ Илья.

— Его нельзя не любить,—совершенно серьезно возразила она.—Онъ... удивительный.

— Такъ что̀ же? Жили бы съ нимъ...

— Съ ни-имъ? Это чтобы на шеѣ у него сидѣть? Вѣдь онъ едва для себя хлѣба добивается, какъ же ему содержать меня? Нѣтъ, мнѣ его жалко...

— Смотрите, худа не было бы...—предупредилъ ее Луневъ однажды.

— Ахъ, Господи!—воскликнула Вѣра съ досадой.—Ну какъ же быть? Неужели я для одного человѣка родилась? Вѣдь всякому хочется жить весело... И всякій для себя живетъ... какъ ему нравится... И онъ, и вы, и я.

— Н-ну, это не такъ!—угрюмо и вдумчиво сказалъ Илья.— Живемъ мы всѣ... но только—не для себя...

— А для кого же?

— Вы вотъ — для купцовъ... для кутилъ разныхъ...

— Я сама кутила,—сказала Вѣра и весело расхохоталась.

Луневъ уходилъ отъ нея съ грустью. Павла онъ встрѣчалъ за это время раза два, но мелькомъ. Заставая товарища у Вѣры, Павелъ хмурился и злился. Онъ сидѣлъ при Луневѣ молча, стиснувъ зубы, и на его худыхъ щекахъ загорались красныя пятна. Илья понималъ, что товарищъ ревнуетъ его и ему это было пріятно. Но въ то же время онъ ясно видѣлъ, что Грачевъ влѣзъ въ петлю, изъ которой врядъ ли вывернется безъ большого ущерба для себя. И, жалѣючи Павла, а еще больше Вѣру, онъ пересталъ ходить къ ней. Съ Олимпіадой онъ вновь переживалъ медовый мѣсяцъ. Но и сюда

врывался холодокъ, отъ котораго у Ильи щемило сердце. Иногда среди разговора онъ вдругъ угрюмо задумывался. Тогда Олимпіада говорила ему ласковымъ шопотомъ:

— Милый! А ты не думай... Мало на свѣтѣ людей, у которыхъ руки-то чистенькія...

— Вотъ что,—сухо и серьезно отвѣчалъ ей Луневъ,— прошу я тебя, не заводи ты со мной разговора объ этомъ. Не о рукахъ, а о душѣ я думаю... Ты хоть и умная, а моей мысли понять не можешь... Ты вотъ скажи: какъ быть, какъ поступать надо, чтобы жить честно и чисто, спокойно и безобидно для людей? Н-да... А про старика молчи...

Но она не умѣла молчать про старика и все уговаривала Илью забыть о немъ. Лупевъ сердился и уходилъ отъ нея. А когда онъ являлся снова, она бѣшено кричала ему, что онъ ее изъ боязни любитъ да изъ милости, что она этого не хочетъ и броситъ его, уѣдетъ изъ города. И она плакала, щипала Илью, кусала ему плечи, цѣловала ноги, а потомъ, въ изступленіи, сбрасывала съ себя одежду и, нагая стоя передъ нимъ, говорила:

— Али я не хороша? Али тѣло у меня не красивое?.. Каждой жилочкой люблю тебя, всей моей кровью люблю... рѣжь меня—смѣяться буду...

Голубые глаза ея темнѣли, губы жадно вздрагивали, и грудь, высоко поднимаясь, какъ бы рвалась навстрѣчу Ильѣ. Онъ обнималъ ее, цѣловалъ, сколько силы хватало, а потомъ, идя домой, думалъ: какъ же она, такая живая и горячая, какъ она могла выносить поганыя ласки старика?—и Олимпіада казалась ему противной, жалкой, онъ съ отвращеніемъ плевалъ, вспоминая ея поцѣлуи. Однажды, послѣ взрыва ея страсти, онъ, пресыщенный ласками, сказалъ ей:

— А вѣдь съ той поры, какъ я стараго чорта удушилъ, ты меня крѣпче любить стала...

— Ну да... а что?

— Та-акъ. Смѣшно мнѣ подумать... есть этакіе люди... имъ тухлое яйцо — слаще свѣжаго кажется, а иные любятъ съѣсть яблоко, когда оно загнило... чудно!..

Олимпіада взглянула на него мутными глазами, лѣниво улыбнулась и не отвѣтила.

Какъ-то разъ, когда Илья, придя изъ города, раздѣвался, въ комнату тихо вошелъ Терентій. Онъ плотно притворилъ за собою дверь, но стоялъ около нея нѣсколько секундъ, какъ бы что-то подслушивая, и, тряхнувъ горбомъ, заперъ дверь на крюкъ. Илья, замѣтивъ все это, съ усмѣшкой поглядѣлъ на его лицо.

— Илюша! — вполголоса сказалъ Терентій, садясь на стулъ.

— Ну?

— Развелись тутъ про тебя разные слухи... Нехорошо говорятъ...

И горбунъ тяжело вздохнулъ, опустивъ глаза.

— А какъ, примѣрно?—спросилъ Илья, снимая сапоги.

— Да... кто что̀... Одни—будто ты къ дѣлу этому коснулся... Купца-то задавили... Другіе—будто фальшивой монетой промышляешь ты...

— Завидуютъ, что ли?—спросилъ Илья.

— Ходили сюда разные... люди, подобные тайной полиціи... т.-е. въ родѣ какъ бы сыщиковъ... И все Петруху разспрашивали про тебя...

— Ну и пусть ихъ стараются,—равнодушно сказалъ Илья.

— Это конечно. Что̀ намъ до нихъ, коли мы за собой никакого грѣха не знаемъ?

Илья засмѣялся и легъ на постель.

— Теперь они уже перестали... не являются. Но только... самъ Петруха началъ...—смущенно, робкимъ голосомъ говорилъ Терентій.—Шипитъ онъ все, Петруха-то... Ты бы, Илюша, на квартирку куда-нибудь съѣхалъ... нашелъ бы себѣ комнатенку и жилъ... да! А то Петруха говоритъ: я, говоритъ, темныхъ людей въ своемъ домѣ не могу терпѣть, я, говоритъ, гласный человѣкъ...

— Илья повернулъ къ дядѣ лицо, потемнѣвшее отъ злости, и громко сказалъ:

— Вотъ что̀... Ежели его лаковая рожа мила ему,— молчалъ бы. Такъ и скажи... Услышу я его неуважительное слово обо мнѣ—башку въ дресву разобью. Кто я тамъ ни есть, не ему, жулику, меня судить. А отсюда я съѣду... когда захочу. Покамѣстъ—не уйду. Хочу еще пожить съ людьми свѣтлыми да праведными...

Горбунъ испугался гнѣва Ильи. Онъ съ минуту молчалъ, сидя на стулѣ, и, тихонько почесывая горбъ, глядѣлъ на племянника большими глазами, со страхомъ и ожиданіемъ. Илья, плотно сжавъ губы, широко раскрытыми глазами смотрѣлъ въ потолокъ. Терентій тщательно ощупалъ взглядомъ его кудрявую голову, красивое, серьезное лицо съ маленькими усиками и крутымъ подбородкомъ, поглядѣлъ на его широкую грудь, измѣрилъ все крѣпкое и стройное тѣло и со вздохомъ, тихо заговорилъ:

— Молодецъ какой сталъ ты!.. Въ деревнѣ бы дѣвки за тобой стадами бѣгали... Въ деревню бы...

Илья молчалъ.

— Н-да... Зажилъ бы ты тамъ хорошо-о! Я бы деньжонокъ тебѣ добылъ... и открыть бы тебѣ лавочку да на богатой и жениться!.. хе, хе! И полетитъ твоя жизнь, какъ санки подъ гору.

— А можетъ, я хочу на гору?—сумрачно сказалъ Илья.

— А конечно, на гору!—быстро подхватилъ Терентій.— Вѣдь это я такъ сказалъ — легкая, молъ, жизнь-то будетъ. Ну, а пойдетъ она въ гору.

— А съ горы куда?—спросилъ Илья.

Горбунъ взглянулъ на него и засмѣялся дребезжащимъ смѣхомъ. Потомъ онъ снова началъ что-то говорить, но Илья уже не слушалъ его. Онъ вспоминалъ пережитое и думалъ, какъ все это ловко и незамѣтно подбирается въ жизни одно къ другому, точно нитки въ сѣти. Окружаютъ человѣка случаи и ведутъ его, куда хотятъ, какъ полиція жулика. Вотъ, думалъ онъ уйти изъ этого дома, чтобы жить одному, — и сейчасъ же находится удобный случай. Онъ съ испугомъ и пристально взглянулъ на дядю, но въ это время раздался стукъ въ дверь, и Терентій испуганно вскочилъ съ мѣста.

— Да ну, отпирай,—сердито и громко сказалъ Илья.

Когда горбунъ снялъ крючокъ, на порогѣ явился Яковъ съ большой рыжей книгой въ рукахъ.

— Илья, ты... этого... вотъ что: идемъ къ Машуткѣ,— оживленно сказалъ онъ, подходя къ постели.

— Что съ ней такое?—быстро спросилъ Илья.

— Съ ней? Не знаю... Ея дома нѣтъ...

— Куда это она по вечерамъ шляться стала?—спросилъ горбунъ нехорошимъ голосомъ.

— Она съ Матицей ходитъ,—сказалъ Яковъ.

— Ну, хорошаго съ ней не выходитъ,—медленно проговорилъ Терентій.

— Ничего!.. Идемъ, Илья!

Яковъ схватилъ Лунева за рукавъ и дергалъ его.

— Погоди! — сказалъ Луневъ. — Ты что — съ цѣпи сорвался?

— Знаешь, а вѣдь она и есть—черная магія, не иначе!— вполголоса говорилъ Яковъ.

— Кто?—надѣвая валенки, спросилъ Илья.

— Эта самая книга... ей-Богу! Вотъ увидишь... идемъ! Прямо говорю—чудеса!—продолжалъ Яковъ, ведя за собой товарища по темнымъ сѣнямъ.—Даже страшно читать... ну, только тянетъ она къ себѣ, какъ въ омутъ...

Илья чувствовалъ волненіе товарища, слышалъ, какъ

вздрагиваетъ его голосъ, а когда они вошли въ комнат сапожника и зажгли въ ней огонь, онъ увидалъ, что лицо Якова блѣдное, а глаза мутные и довольные, какъ у пь наго.

— Ты выпилъ, что ли?—спросилъ онъ, подозрительно пр глядываясь къ Якову.

— Я? Нѣтъ, сегодня ни капли... Я вѣдь теперь не пью такъ развѣ, для храбрости, когда отецъ дома, рюмки двѣ-тр хвачу, а больше ни-ни! Боюсь отца... Пью только такое, к торое не пахнетъ водкой... Ну, бросимъ это,—слушай!

Онъ съ трескомъ усѣлся на стулъ, раскрылъ книгу, низ наклонился надъ ней и, водя пальцемъ по желтой отъ ст рости, толстой бумагѣ, глухо, вздрагивающимъ голосомъ пр читалъ:

— „Глава третія. О первобытіи человѣковъ"—слушай!

Вздохнувъ, онъ поднялъ кверху лѣвую руку, а палец правой передвигая по страницѣ, громко началъ читать:

„Повѣствуютъ, что первое человѣковъ бытіе — якоже св дѣтельствуетъ Діодоръ — у добродѣтельныхъ мужей", — сл шишь?—у добродѣтельныхъ мужей!—„иже о естествѣ веще написаша—сугубое бѣ. Нѣцыи бо мняху яко не созданъ мір и нетлѣненъ и родъ человѣческій безъ всякаго бѣ начал предъ вѣки..."

Яковъ поднялъ голову отъ книги и, потрясая рукою в воздухѣ, шопотомъ сказалъ:

— Слышишь? Безъ на-ча-ла!..

— Читай дальше! — сказалъ Илья, подозрительно разгл дывая старую, переплетенную въ кожу книгу. Тогда вно раздался тихій и восторженный голосъ Якова:

— „Сего мудрствованія — свидѣтельствующу Пицерону — быша Пиѳагоръ Самійскій, Архита Терентинъ, Платонъ Аѳин скій, Ксенократъ, Аристотель Стагиритскій и мнози иніи пер патетики тоежде мудрствовали глаголюще: что вся еже в вѣчнемъ семъ мірѣ суть и имуть быти—начала никакого и имяху",—видишь? опять безъ начала! „Но кругъ нѣкій быт рождающихъ и рожденныхъ, въ немъ же коегождо рожде наго начало купно и конецъ быти познавается..."

Илья протянулъ руку и, захлопнувъ книгу, съ усмѣшко сказалъ:

— Брось! Ну ее къ чорту... Какіе-то нѣмцы мудрил тутъ—познавается! Ничего невозможно понять...

— Погоди! — боязливо оглянувшись вокругъ, воскликнул Яковъ и, вытаращивъ глаза въ лицо товарища, тихо спро силъ:

— Ты свое начало знаешь?

— Какое?—сердито крикнулъ Илья.

— Не кричи... Возьмемъ душу. Съ душой человѣкъ рождается, а?

— Ну?

— Стало-быть, долженъ онъ знать—откуда явился и какъ? Душа, сказано, безсмертна... она всегда была... ага? Погоди, погоди! Не то надо знать, какъ ты родился, а какъ жилъ... Когда ты жилъ? Когда ты понялъ, что живешь? Родился ты живой,—ну, а когда ты живъ сталъ? Въ утробѣ матерней? Хорошо! А почему ты не помнишь не только того, какъ до родовъ жилъ, а и опосля лѣтъ до пяти ничего не знаешь? Ну-ка? И если душа,—то гдѣ она въ тебя входитъ? Ну-ка?

Глаза Якова горѣли торжествомъ, его лицо освѣщала улыбка удовольствія, и съ радостью, странной для Ильи, онъ вскричалъ:

— Вотъ-те и душа!

— Дуракъ! — строго взглянувъ на него, сказалъ Илья.— Чему радуешься?

— Да... я не радуюсь, а просто такъ...

— То-то, просто! Не въ томъ дѣло, отчего я живъ, а какъ мнѣ жить? Какъ жить, чтобы все было чисто, пріятно, чтобы меня никто не задѣвалъ и самъ я никого не трогалъ? Вотъ найди мнѣ книгу, гдѣ бы это объяснялось...

Яковъ сидѣлъ, понуря голову, задумчиво и молча. Его радостное возбужденіе погасло, не найдя отклика. И, помолчавъ, онъ сказалъ въ отвѣтъ товарищу:

— Смотрю я на тебя... и чего-то не того... не нравится мнѣ... Мыслей я твоихъ не понимаю... но вижу... началъ ты съ нѣкоторой поры гордиться чѣмь-то, что ли... Ставить себя такъ, ровно ты праведникъ какой...

Илья засмѣялся.

— Чего смѣешься? Вѣрно. Судишь всѣхъ строго... Никого не любишь, будто...

— И не люблю,—сказалъ Илья твердо.—Кого любить? за что? Какіе мнѣ дары людьми подарены?.. Каждый за своимъ кускомъ хлѣба хочетъ на чужой шеѣ доѣхать, а туда же говорятъ: люби меня, уважай меня! Нашли дурака! Уважь меня—я тебя тоже уважу. Подай мнѣ мою долю... я, можетъ, тебя полюблю тогда. Всѣ одинаково жрать хотятъ...

— Ну, чай, не одного жранья люди ищутъ,—непріязненно и недовольно возразилъ Яковъ.

— Знаю я! Всякъ себя чѣмъ-нибудь украшаетъ, но это— маска! Вижу я — дядюшка мой съ Богомъ торговаться хо-

четъ, какъ приказчикъ на отчетѣ съ хозяиномъ. Твой и наша хоругви въ церковь пожертвовалъ, — заключаю я из этого, что онъ или объегорилъ кого-нибудь, или собирает объегорить... И всѣ такъ, куда ни взгляни... На тебѣ грош а ты мнѣ пятакъ положь... Такъ и всѣ морочатъ глаза дру другу да оправданья себѣ другъ у друга ищутъ. А н моему — согрѣшилъ вольно или невольно, ну и подставл шею...

— Это ты вѣрно,—задумчиво сказалъ Яковъ,—и про от вѣрно и про горбатаго... Эхъ, не къ мѣсту мы съ тобой р дились! Ты вотъ хоть злой; тѣмъ утѣшаешь себя, что всѣх судишь... и все строже судишь... А я и того не могу... Эх уйти бы куда-нибудь!—съ тоской вскричалъ Яковъ.

— Куда уйдешь?—спросилъ Илья, тонко усмѣхаясь.

— Н-да...

И оба они замолчали, уныло сидя другъ противъ друга стола. А на столѣ лежала большая, рыжая книга въ кож номъ переплетѣ съ желѣзными застежками...

Въ сѣняхъ кто-то завозился, послышались глухіе голос потомъ чья-то рука долго скребла по двери, ища скобу. Т варищи безмолвно ждали. Дверь отворилась медленно, вдругъ, и въ подвалъ ввалился Перфишка. Онъ задѣлъ ног за порогъ, покачнулся и упалъ на колѣни, поднявъ квер правую руку съ гармоникой въ ней.

— Тпру! — сказалъ онъ и засмѣялся пьянымъ смѣхом Вслѣдъ за нимъ влѣзла Матица. Она тотчасъ же наклон лась къ сапожнику, взяла его подъ мышки и стала подн мать, говоря тяжелымъ языкомъ:

— Ось, якъ нализався... э, пьяница!

— Сваха! не тронь... я самъ встану... са-амъ...

Онъ закачался, съ усиліемъ всталъ на ноги и подошел къ товарищамъ, протягивая имъ лѣвую руку:

— Здрас-сте! Наше вамъ, ваше намъ...

Матица густо и безсмысленно захохотала.

— Откуда это вы?—спросилъ Илья.

А Яковъ смотрѣлъ на пьяныхъ съ улыбкой и молчалъ.

— Откуда? М-альчики! Милые... эхъ-ма! — Перфишка з топалъ ногами по полу и запѣлъ:

„Косточки, н-недоросточки!
Ко-огда кости подрастутъ,
Ихъ въ лавочку пр-родад-дутъ!“

Сваха! А то лучше споемъ ту, которой ты меня научила. Н-ну...

Онъ прислонился спиной къ печи рядомъ съ Матицей

толкая бабу локтемъ въ бокъ, нащупывалъ пальцами клавиши гармоніи.

— Гдѣ Машутка?—сурово спросилъ Илья.

— Эй, вы!—крикнулъ Яковъ, вскакивая со стула. — Гдѣ Марья-то, въ самомъ дѣлѣ?

Но пьяные не обратили вниманія на окрики. Матица склонила голову на бокъ и запѣла:

„Ой, ку-уме, ку-уме, добра горилка...“

А Перфишка взмахнулъ гармоникой и подхватилъ пѣсню высокимъ голосомъ:

„Выпьемъ, ку-уме, для понедилка-а...“

Илья всталъ и, взявъ его за плечо, тряхнулъ такъ, что Перфишка стукнулся затылкомъ о печку.

— Дочь гдѣ?

— „Пр-ропад-дала его д-дочь, да и во самую во полночь“, — безсмысленно пробормоталъ Перфишка, хватаясь рукой за голову.

Яковъ допрашивалъ Матицу, но она, ухмыляясь, говорила:

— А не скажу! Н-не скажу и не скажу...

— Они ее, пожалуй, продали, дьяволы,—сурово усмѣхаясь, сказалъ Илья товарищу.

Яковъ испуганно взглянулъ на него и жалкимъ голосомъ спросилъ сапожника:

— Перфилій, слушай! Гдѣ Машутка?..

— Ма-ашу-тка!—насмѣшливо протянула Матица. — Ага-а! Хвати-ился...

— Илья! Какъ же? Что̀ же дѣлать?—съ тревогой спрашивалъ Яковъ.

— Полиціи надо заявить, — сказалъ Илья, мрачно глядя на пьяныхъ.

— Сваха-а! — крикнулъ Перфишка, вдругъ весь просіявшій.—Слышь? Полиціи... х-хотятъ, ха, ха, ха!

— По-оли-иціи?—зловѣще тянула Матица, переводя свои огромные глаза съ Ильи на Якова, и вдругъ, нелѣпо взмахнувъ руками, заорала во всю силу груди:

— А не хочете вы сами у ту полицу? не хочете? И-идить вонъ зъ моіи хаты! Бо це моя хата! Бо мы тожь повѣнчаемось...

— Ха, ха, ха! — схватившись за животъ, хохоталъ сапожникъ.

— Уйдемъ, Яковъ, — сказалъ Илья. — Чортъ ихъ разберетъ... Идемъ!

— Погоди! — растерянно и пугливо говорилъ Яковъ. —

Перфишка... Ну, скажи—въ самомъ дѣлѣ вы ее... ну, скажи—гдѣ Маша?

— Матица! Супруга моя, бери ихъ! Усь-усь... Лай на нихъ, грызи... ха, ха! Гдѣ Маша?

Перфишка сложилъ губы трубой и хотѣлъ свистнуть, но не могъ, а вмѣсто того высунулъ языкъ Якову и снова захохоталъ. Матица лѣзла грудью на Илью и неистово орала:

— А ты хто? Хиба я того не знаю?

Илья оттолкнулъ ее отъ себя и ушелъ изъ подвала. Въ сѣняхъ его догналъ Яковъ, схватилъ за плечо и, остановивъ въ темнотѣ, заговорилъ:

— Развѣ это можно? Развѣ дозволено? Она — маленькая, Илья! Неужто они ее выдали замужъ?

— Ну, не скули! — рѣзко остановилъ его Илья. — Не къ чему. Раньше бы присматривалъ за ними... Ты начала искалъ, а они, гляди,—кончили...

Яковъ умолкъ, но черезъ минуту, идя по двору сзади Лунева, онъ вновь заговорилъ;

— Я не виноватъ... Я зналъ, что она на поденщину ходитъ... комнаты убирать куда-то.

— А мнѣ чортъ съ тобой, виноватъ ты или нѣтъ!..—грубо сказалъ Илья, останавливаясь среди двора. — Бѣжать надо изъ этого дома... Поджечь его надо... Да...

— О, Господи... Господи! — тихо сказалъ Яковъ, стоя за спиной Лунева.

Илья обернулся къ нему,—онъ стоялъ, безсильно опустивъ руки вдоль тѣла, и такъ наклонилъ голову, точно ждалъ удара.

— Заплачь!—насмѣшливо сказалъ Илья и ушелъ, оставивъ товарища въ темнотѣ среди двора.

Утромъ на другой день онъ узналъ отъ Перфишки, что Машутку дѣйствительно выдали замужъ за лавочника Хрѣнова, вдовца лѣтъ пятидесяти, недавно потерявшаго жену.

Потряхивая болѣвшей съ похмелья головой, Перфишка лежалъ на печи и спутанно разсказывалъ:

— Онъ мнѣ, значитъ, и говоритъ: у меня, говоритъ, двое дѣтей... У него два мальчика—одному пять лѣтъ, другому три года. Н-ну, и того... Дескать—надо имъ няньку, а нянька есть чужой человѣкъ... воровать будетъ и все такое... Такъ ты-де уговори-ка дочь... Ну, я и уговорилъ... и Матица уговорила... Маша—умница, она поняла сразу все... Ей податься некуда... хуже бы вышло, лучше — никогда!.. Все равно, говоритъ, я пойду... И пошла. Въ три дня все окрутили... Намъ съ Матицей дано по трешней... но только мы

ихъ сразу обѣ пропили вчера!.. Ну и пьетъ эта Матица... лошадь столько не можетъ выпить!..

Илья слушалъ и молчалъ. Онъ понималъ, что Маша пристроилась лучше, чѣмъ можно было ожидать. Но все ему было жалко дѣвочку. Послѣднее время онъ почти не видалъ ея и не думалъ о ней, а теперь ему вдругъ показалось, что безъ нея домъ этотъ сталъ хуже, грязнѣе.

Желтая, опухшая рожа сапожника смотрѣла съ печи на Илью, хриплый голосъ Перфишки скрипѣлъ, какъ надломленный сучокъ осенью на деревѣ.

— Поставилъ мнѣ Хрѣновъ задачу, чтобы я къ нему—ни ногой! Въ лавку, говоритъ, изрѣдка заходи, на шкаликъ дамъ... но въ домъ, какъ въ рай,—и не надѣйся!.. Илья Яковлевичъ! Не будетъ ли отъ тебя пятачка, чтобы мнѣ опохмелиться? Дай, сдѣлай милость...

— Погоди, дамъ!—сказалъ Луневъ.—Ну, а ты теперь... какъ же?

Сапожникъ сплюнулъ на полъ и отвѣтилъ:

— Я теперь—окончательно сопьюсь... Когда Маша была не пристроена, я хоть стѣснялся... иной разъ и поработаю... въ родѣ совѣсти у меня къ ней было... Ну, а теперь я знаю, что она сыта, обута, одѣта и какъ... въ сундукъ заперта!.. Значитъ, свободно займусь повсемѣстнымъ пьянствомъ...

— Ужъ не можешь бросить водку?

— Никакъ! — отрицательно мотая всклоченной башкой, отвѣтилъ сапожникъ.—И зачѣмъ?

— Ничего не хочешь въ жизни?

— Пятакъ дашь? Вотъ и все.

— Этого я не понимаю,—сказалъ Илья, передернувъ плечами.—Не могу понять, какъ можетъ человѣкъ жить и ничего не хотѣть въ жизни?

— То—человѣкъ, а то—я,—философски-спокойно молвилъ Перфишка.—Чего человѣкъ хочетъ, о томъ судьба хлопочетъ,—вотъ оно что̀! А коли человѣкъ такой пустой, что въ него и не вложишь ничего,—какое судьбѣ дѣло до него? Я тебѣ вотъ что̀ скажу: хотѣлъ я сдѣлать одно дѣльце... въ ту пору, когда еще покойница-жена жива была... Хотѣлъ я тогда урвать кусокъ у дѣдушки Еремѣя... Думалъ такъ: не я—другой, все равно, старика ограбитъ... Но, слава Богу, упредили меня въ этомъ дѣлѣ... Не жалѣю... Но тогда я понялъ, что и хотѣть надо умѣючи...

Сапожникъ засмѣялся и сталъ слѣзать съ печи, говор

— Ну, давай пятакъ... нутро горитъ до смерти...

— На̀, хвати стаканчикъ,—сказалъ Илья.

И, съ улыбкой посмотрѣвъ на Перфишку, онъ спросилъ его:

— Знаешь что?

— А что?

— И шарлатанъ ты, и никуда негодный человѣкъ, и пьяница несчастный... все это вѣрно...

— Вѣрно!—подтвердилъ сапожникъ, стоя предъ Ильей съ пятакомъ въ рукѣ.

— Но иной разъ мнѣ кажется,—продолжалъ Илья серьезно и задумчиво,—что лучше тебя я не знаю человѣка,—ей-Богу!

Перфишка, недовѣрчиво улыбаясь, взглянулъ на серьезное, но ласковое лицо Луневa.

— Шутишь, что ли, Илья Яковлевичъ?

— Хошь—вѣрь, хошь—не вѣрь... Я не въ похвалу тебѣ сказалъ... а такъ... въ осужденіе людямъ...

— Мудрено!.. Нѣтъ, видно, не моимъ лбомъ сахаръ колоть... не понимаю тебя! Пойду выпью, авось, поумнѣю...

— Погоди!—остановилъ его Луневъ, схвативъ за рукавъ рубахи.—Хочу я тебя спросить: ты Бога боишься?

Перфишка неторопливо переступилъ съ ноги на ногу и почти съ обидой сказалъ:

— Мнѣ Бога бояться нечего... Я людей не обижаю... никогда не обижалъ...

— А молишься ты? — допрашивалъ Илья, понижая голосъ.

— Н-ну... молюсь, извѣстно... рѣдко...

Илья видѣлъ, что сапожникъ не хочетъ говорить, всей силой души стремясь въ кабакъ.

— На тебѣ, Перфилъ, еще гривенникъ.

— Во-отъ это... разговоръ!—вскричалъ тотъ и весь просіялъ отъ радости.

— Но ты скажи мнѣ, какъ ты молишься?—снова началъ допрашивать Луневъ.

— Я? Я—очень просто! Молитвовъ я не знаю... „Богородицу Дѣву“ зналъ... да забылъ давно ужъ... нищенскую, кажись, знаю... „Господи Исусе“... и все прочее, до конца... Эта мнѣ, можетъ, понадобится на старости лѣтъ. А молюсь я такъ себѣ... Господи, молъ, помилуй!

Перфишка посмотрѣлъ въ потолокъ и, съ увѣренностью кивнувъ головой, добавилъ:

— Ужъ Онъ—понимаетъ... Можно мнѣ итти? Больно выпить хочется!

— Иди, иди,—задумчиво разглядывая Перфишку, сказалъ

Илья.—Но вотъ что: придетъ день—умрешь ты... Тогда Богъ спроситъ: какъ жилъ ты, человѣкъ?

— А я скажу: Господи! Родился—малъ, померъ—пьянъ, ничего не помню! Онъ посмѣется, да проститъ меня...

Сапожникъ счастливо улыбнулся и ушелъ.

А Луневъ остался одинъ въ подвалѣ... Ему было странно думать, что въ этой тѣсной, грязной ямѣ никогда уже не появится Маша, да и Перфишку скоро прогонятъ отсюда.

Въ окно смотрѣло апрѣльское солнце, освѣщая давно не метенный полъ. Все въ подвалѣ было не прибрано, нехорошо и тоскливо, точно послѣ покойника!

Сидя на стулѣ прямо, Илья смотрѣлъ на облѣзлую, коренастую печь предъ нимъ, тяжелыя думы наваливались на него одна за другой.

— Пойти развѣ, покаяться?—вдругъ мелькнула въ его головѣ ясная мысль.

Но онъ тотчасъ же со злостью оттолкнулъ ее отъ себя...

Въ тотъ же день вечеромъ Илья принужденъ былъ уйти изъ дома Петрухи Филимонова. Случилось это такъ: когда онъ возвратился изъ города, на дворѣ его встрѣтилъ испуганный дядя, отвелъ въ уголъ за полѣнницу дровъ и тамъ сказалъ:

— Ну, Илюша, уходить тебѣ надо... Что у насъ тутъ было-о! и-и-и!

Горбунъ въ страхѣ закрылъ глаза и, взмахнувъ руками, ударилъ себя по бедрамъ

— Яшка-то напился вдрызгъ, да отцу и бухнулъ прямо въ глаза—воръ! И всякія другія колючія слова: безстыжій развратникъ, безжалостный... ну, прямо—безъ ума оралъ!.. А Петруха-то его ка-акъ тяпнетъ по зубамъ! Да за волосья, да ногами топтать и всяко,—избилъ въ кровь! Теперь Яшка-то лежитъ, стонетъ... реветъ!.. Потомъ Петруха на меня,—какъ зыкнетъ! Ты, говоритъ... Гони, говоритъ, вонъ Ильку... Это-де ты Яшку-то настроилъ супротивъ его... И оралъ онъ—до ужасти!.. Такъ ты гляди...

Илья снялъ съ плеча ремень и, подавая ящикъ дядѣ, сказалъ:

— Держи!..

— Погоди! Куда-а? Онъ тебѣ...

Руки у Ильи тряслись отъ жалости къ Якову и злобы къ его отцу.

— Держи, говорю,—сквозь зубы сказалъ онъ и пошелъ въ трактиръ. Онъ стиснулъ зубы такъ крѣпко, что скуламъ

и челюстямъ стало больно, а въ головѣ вдругъ зашумѣло. Сквозь этотъ шумъ онъ слышалъ, что дядя кричитъ ему что-то о полиціи, погибели, острогѣ, и шелъ какъ подъ гору.

Въ трактирѣ у буфета стоялъ Петруха и, разговаривая съ какимъ-то оборванцемъ, улыбался. На его лысину падалъ свѣтъ лампы, и казалось, что вся голова его блеститъ довольной улыбкой.

— А, купецъ!—насмѣшливо вскричалъ онъ, увидя Илью, и брови его сердито задвигались,—тебя-то мнѣ и надо...

Онъ стоялъ у двери въ свои комнаты, заслоняя ее своей фигурой.

Илья подошелъ вплоть къ нему, твердый, суровый и громко сказалъ:

— Отойди прочь!..

— Что-о?—протянулъ Петруха.

— Пусти меня... къ Якову...

— Я те дамъ Якова...

Но тутъ Илья, неожиданно для себя, размахнулся и молча, во всю свою силу, ударилъ Петруху по щекѣ. Буфетчикъ застоналъ и свалился на полъ. Изо всѣхъ угловъ къ нему бросились половые; кто-то закричалъ:

— Держи его! Бей!

Публика засуетилась, точно ее обдали кипяткомъ, но Илья перепрыгнулъ черезъ Петруху, вошелъ въ дверь и заперъ ее за собою на задвижку.

Въ маленькой комнатѣ, тѣсно заставленной ящиками съ виномъ и какими-то сундуками, горѣла, вздрагивая, жестяная лампа. Стекло ея было закопчено. Въ полутьмѣ и тѣснотѣ Луневъ не сразу увидалъ товарища. Яковъ лежалъ на полу, голова его была въ тѣни, и лицо казалось чернымъ, страшнымъ. Илья взялъ лампу въ руки и присѣлъ на корточки, освѣщая избитаго. Синяки и ссадины покрывали лицо Якова безобразной темной маской, глаза его затекли въ опухоляхъ, онъ дышалъ тяжело, хрипѣлъ и, должно-быть, ничего не видѣлъ, ибо спросилъ со стономъ:

— Кто тутъ?

— Я...—тихо сказалъ Луневъ, вставая на ноги.

— Дай испить...

Илья оглянулся. Въ дверь ломились. Кто-то командовалъ:

— Съ задняго крыльца заходи...

— Полицію... Бѣги за будошникомъ...

Тонкій, воющій голосъ Петрухи прорывался сквозь шумъ:

— Всѣ видѣли... я его не трогалъ...

Илья злорадно усмѣхнулся. Ему нравилось, что Петрухѣ больно. И, подойдя къ двери, онъ спокойно вступилъ въ переговоры съ осаждающими:

— Эй, вы! погодите орать... Если я ему разъ въ морду далъ, отъ этого онъ не издохнетъ, а меня за то судить будутъ. Значитъ, вамъ нечего лѣзть не въ свое дѣло... Не напирайте на дверь, я отопру сейчасъ...

Онъ отперъ дверь и всталъ въ ней, какъ въ рамѣ, туго сжавъ кулаки на всякій случай. Публика отступила предъ его крѣпкой фигурой и готовностью драться, ясно выражавшейся на его лицѣ. Но Петруха сталъ расталкивать всѣхъ, завывая:

— Ага-а, раз-бойникъ!.. я тебя...

— Уберите его прочь и глядите сюда—пожалуйте!—отступивъ отъ двери въ сторону, приглашалъ Илья публику.—Полюбуйтесь, какъ онъ человѣка изуродовалъ...

Нѣсколько гостей, косясь на Илью, вошли въ комнату и наклонились надъ Яковомъ. Одинъ съ изумленіемъ и со страхомъ проговорилъ:

— Ра-азутю-ужи-илъ!..

— Это называется—подъ орѣхъ раздѣлано...—добавилъ другой.

— Принесите воды. Да полицію позвать надо...—говорилъ Илья.

Публика была на его сторонѣ; онъ и видѣлъ и чувствовалъ это, и рѣзко, громко заговорилъ:

— Вы всѣ знаете Петрушку Филимонова, всѣ знаете, что это первый мошенникъ въ улицѣ... А кто скажетъ худо про его сына? Ну, и вотъ вамъ сынъ: онъ—избитый лежитъ, можетъ, на всю жизнь изувѣченный, а отцу его за это ничего не будетъ. Я же одинъ разъ ударилъ Петрушку—и меня осудятъ... Хорошо это? По правдѣ это будетъ? И такъ во всемъ—одному дана полная воля, а другой не посмѣй бровью шевелить...

Нѣсколько человѣкъ сочувственно вздохнули, а иные молча ушли. Илья хотѣлъ еще сказать что-то, но тутъ въ комнату ворвался Петруха и, визгливо вскрикивая, началъ всѣхъ выгонять.

— Идите! Идите! Это мое дѣло... это сынъ мой! Я отецъ! Ступайте... Я полиціи не боюсь... И суда мнѣ не надо... не надо-съ. Я тебя, другъ, и такъ, безъ суда доѣду... Иди вонъ!

Илья, стоя на колѣняхъ, поилъ Якова водой, съ тяжелой жалостью въ сердцѣ глядя на разбитыя, распухшія губы

товарища и его изуродованное лицо. Яковъ глоталъ воду и шопотомъ говорилъ:

— Зубы выбилъ мнѣ... дышать больно... уведи меня... Илюша... голубчикъ! Уведи!..

Изъ опухолей, около его глазъ, сочились слезы...

— Его въ больницу надо отвезти...—угрюмо сказалъ Илья, оборачиваясь къ Петрухѣ.

Буфетчикъ смотрѣлъ на сына и что-то пробормоталъ торопливо и невнятно. Одинъ глазъ у него былъ широко раскрытъ, а другой, какъ у Якова, тоже почти затекъ отъ удара Ильи.

— Слышишь ты?—крикнулъ Илья.

— Не кричи!—неожиданно тихо и миролюбиво сказалъ Петруха.—Въ больницу—нельзя... огласка... И то ужъ ты натворилъ тутъ... А я гласный... мнѣ это не фасонъ...

— Подлецъ ты!—сказалъ Илья и съ презрѣніемъ плюнулъ въ ноги Филимонова.—Я тебѣ говорю—отправляй въ больницу! Не отправишь,—скандалъ подниму хуже еще...

— Ну-ну-ну! Не тово... не сердись... Онъ, поди, притворяется...

Илья вскочилъ на ноги. Но тогда Филимоновъ отпрыгнулъ къ двери и крикнулъ:

— Иванъ! Позови извозчика—въ больницу, пятіалтынный... Яковъ, одѣвайся! Нечего притворяться-то... не чужой человѣкъ билъ, а родной отецъ... да! Меня не такъ еще мяли... меня—о-го-го какъ!..

Онъ забѣгалъ по комнатѣ, снимая со стѣнъ одежду, и бросалъ ее Ильѣ, быстро и тревожно продолжая говорить о томъ, какъ его били въ молодости...

— Спасибо-о!—чуть слышно хрипѣлъ Яковъ Ильѣ, а слезы все сочились изъ опухолей и текли по вздутымъ, окровавленнымъ щекамъ.

За буфетомъ стоялъ Терентій. Въ уши Ильѣ лѣзъ его вѣжливый, робкій голосъ.

— Вамъ за три или за пять копеекъ?.. Извольте—за пять... Икорки? Икорка вся вышла... Селедочкой закусите...

На другой день Илья нашелъ себѣ квартиру—маленькую комнату рядомъ съ кухней. Ее сдавала какая-то барышня въ красной кофточкѣ; лицо у нея было розовое, съ остренькимъ птичьимъ носикомъ, ротикъ крошечный, надъ узкимъ лбомъ красиво вились черные волосы, и она часто взбивала ихъ быстрымъ жестомъ маленькой и тонкой руки.

— Пять рублей за такую миленькую комнатку— это не дорого!—бойко говорила она и улыбалась, видя, что ея тем-

ные, живые глазки смущаютъ молодого, широкоплечаго парня.—Вы видите — обои совершенно новые... окно выходитъ въ садъ — чего вамъ? Утромъ я вамъ поставлю самоваръ... а внесете вы его къ себѣ сами...

— Вы горничная?—съ любопытствомъ спросилъ Илья.

Барышня перестала улыбаться, у нея дрогнули брови—она выпрямилась и съ важностью сказала:

— Я не горничная, а хозяйка этой квартиры. и мужъ мой...

— Да развѣ вы замужемъ?—съ удивленіемъ воскликнулъ Илья и недовѣрчиво оглянулъ сухонькую, стройную фигурку хозяйки. На этотъ разъ она не разсердилась, а засмѣялась звонко и весело.

— Какой вы смѣшной! То горничной называетъ, то не вѣритъ, что замужемъ я...

— Да какъ же вѣрить, ежели вы совсѣмъ дѣвочка!—тоже съ усмѣшкой сказалъ Луневъ.

— А я вамъ говорю, что я уже третій годъ замужемъ, и мужъ мой околоточный надзиратель...

Илья взглянулъ ей въ лицо и тоже тихонько засмѣялся, самъ не зная чему.

— Вотъ чудакъ!—передернувъ плечиками, воскликнула женщина, съ любопытствомъ разглядывая его.—Ну что же,—снимаете комнату?

— Рѣшенное дѣло! Прикажете дать задатокъ?

— Конечно!

— Я часика черезъ два-три и переѣду...

— Пожалуйте. Я рада такому постояльцу,—вы, кажется, веселый...

— Не очень...—усмѣхаясь, сказалъ Луневъ.

Онъ вышелъ на улицу, улыбаясь, съ пріятнымъ чувствомъ въ груди. Ему нравилась и комната, оклеенная голубыми обоями, и эта маленькая, бойкая женщина. Но почему-то особенно пріятнымъ казалось ему именно то, что онъ будетъ жить на квартирѣ околоточнаго. Въ этомъ онъ чувствовалъ что-то смѣшное, задорное и, пожалуй, опасное для него. Ему нужно было навѣстить Якова: онъ нанялъ извозчика до больницы, усѣлся въ пролетку и, внутренно посмѣиваясь, сталъ думать о томъ, какъ ему поступить съ деньгами, куда теперь спрятать ихъ?..

Когда Луневъ пріѣхалъ въ больницу, оказалось, что Якова только-что купали въ ваннѣ и теперь онъ крѣпко спитъ. Илья остановился въ коридорѣ у окна, не зная, что ему дѣлать,—уйти или подождать, когда товарищъ проснется? Мимо

него, тихо шлепая туфлями, проходили одинъ за другимъ больные въ желтыхъ халатахъ, поглядывая на него скучающими глазами. Они вполголоса разговаривали, со звуками ихъ тихаго говора сливались чьи-то стоны, долетавшіе издали... Гулкое эхо, увеличивая каждый звукъ, разносило его по длинной трубѣ коридора. Казалось, что въ пахучемъ воздухѣ больницы невидимо и тихо летаетъ кто-то грустный и жалобно вздыхаетъ и тоскуетъ... Ильѣ захотѣлось уйти изъ этихъ желтыхъ стѣнъ... Но вдругъ одинъ изъ больныхъ шагнулъ къ Ильѣ и, протягивая руку, сказалъ негромко:

— Здравствуй!..

Луневъ поднялъ глаза на него и отшатнулся, изумленный...

— Павелъ!.. Господи Іисусе! И ты здѣсь?

— А кто еще?—быстро спросилъ Павелъ.

Лицо у него было какое-то сѣрое, глаза смущенно и тревожно мигали...

— Яковъ... его отецъ избилъ... а ты какъ? Давно ты.

И съ жалостью въ голосѣ Илья тихо воскликнулъ:

— Э-эхъ, братъ! Какъ тебя перевернуло!

Павелъ вздохнулъ; губы у него вздрогнули, а глаза стали какіе-то тусклые. Онъ, какъ виноватый въ чемъ-то, низко опустилъ голову и хриплымъ шопотомъ повторилъ:

— Перевернуло... да-а!..

— Что̀ у тебя? — безпокойно и участливо спросилъ Луневъ.

— Ну... что̀? Будто не знаешь...

Павелъ мелькомъ взглянулъ въ лицо Ильи и снова опустилъ голову.

— Заразился?—шопотомъ спросилъ Луневъ.

— Ну, конечно...

— Неужто отъ Вѣры?

— Отъ кого же еще?..—угрюмо отвѣтилъ Павелъ.

Илья тряхнулъ головой, помолчалъ и со злой увѣренностью сказалъ:

— Вотъ и я когда-нибудь тоже влечу... Ужъ это какъ разъ.

Павелъ болѣзненно засмѣялся, сталъ рядомъ съ Ильей и, довѣрчиво глядя въ глаза ему, сказалъ:

— Я думалъ,—ты побрезгуешь теперь мной... Шатаюсь тутъ, вдругъ вижу—ты... стыдно стало... отвернулся и прошелъ мимо...

— Уменъ!—съ укоромъ сказалъ Илья.

— Кто тебя знаетъ, какъ взглянешь? Надо говорить правду—болѣзнь поганая... Эхъ, братъ! Вторую недѣлю я здѣсь торчу... Такая тоска мнѣ, такая мука!.. Ходишь, ле-

жишь и все думаешь... Особенно ночью—словно на углахъ жаришься... Время тянется, какъ волосъ по молоку... И чувствуешь, какъ будто въ трясину тебя засасываетъ, а ты одинъ и некого крикнуть на помочь...

Павелъ говорилъ почти шопотомъ, а лицо у него все вздрагивало и руки судорожно мяли полы халата. Покачивая головой, онъ проговорилъ вполголоса:

— Ужъ какъ не взлюбитъ судьба молодца, да надъ нимъ издѣваться начнетъ—точно молотомъ по сердцу бьетъ...

— А Вѣра гдѣ?—задумчиво спросилъ Илья.

— Чортъ ее знаетъ,—съ горькой усмѣшкой сказалъ Грачевъ.

— Не ходитъ?

— Приходила разъ—я выгналъ... Видѣть я ее, подлячку, не могу!—злобно прошепталъ Павелъ.

Илья укоризненно взглянулъ на искаженное лицо и сказалъ:

— Ну, это ты... ерунду порешь... Коли хочешь справедливости, такъ и самъ будь справедливъ. Чѣмъ она виновата? Подумай-ка толкомъ-то...

— А кого мнѣ винить?—вполголоса, но горячо воскликнулъ Павелъ.—Кого, скажи? Я ночи напролетъ думаю—отчего вся моя жизнь скомкалась? Оттого, что я Вѣру полюбилъ, да?.. Она мнѣ все собой замѣняла—мать, сестру, жену, товарища... про мою къ ней любовь не только словомъ не скажешь—въ небѣ звѣздами не напишешь!..

Глаза у Павла покраснѣли, а потомъ изъ нихъ тяжело выкатились двѣ большія слезы. Онъ смахнулъ ихъ со щекъ рукавомъ халата и продолжалъ тише:

— Легла она на моей дорогѣ камнемъ, и запнулся я за нее...

— Все это ты напрасно,—сказалъ Луневъ, чувствуя, что ему Вѣру жалко больше, чѣмъ Павла.—Все это пустыя слова... Ты медъ пилъ—хвалилъ: силенъ!—напился—ругаешь: хмеленъ!.. А каково ей? Вѣдь и ее заразили?

— И ее, да, и ее!—сказалъ Павелъ и неожиданно дрогнувшимъ голосомъ спросилъ:

— А ты думаешь, не жалко мнѣ ее?

— Ага! То-то вотъ...

— Я злюсь на нее... на кого еще могу? Я ее выгналъ... И какъ пошла она... и какъ заплакала... такъ она тихо заплакала, такъ горько—сердце у меня кровью облилось... Самъ бы заплакалъ, да вмѣсто слезъ кирпичи у меня тогда въ душѣ были... И задумался я тогда надо всѣмъ этимъ... Эхъ, Илья! Нѣтъ мнѣ жизни...

— Да-а!—протянулъ Луневъ, странно улыбаясь.—Творится

что-то... мудреное. Давитъ всѣхъ и давитъ. Якову отецъ житья не дастъ, Машутку замужъ за стараго чорта сунули ты вотъ...

Онъ вдругъ тихонько засмѣялся и сказалъ, понизивъ голосъ:

— Одному мнѣ за всѣхъ везетъ! Право! Какъ о чемъ подумаю—пожалуйте, готово!

— Н-ну?—съ любопытствомъ и недовѣріемъ спросилъ Павелъ.

— Повѣрь слову! Везетъ. да... Манитъ и манитъ все дальше да дальше...

— Нехорошо ты говоришь,—пытливо глядя на него, сказалъ Павелъ,—смѣешься надъ собой, что ли.

— Нѣтъ, кто-то другой смѣется!—сказалъ Илья, угрюмо нахмуривъ брови.—Надо всѣми нами смѣется кто-то... Знаешь, многое я могу тебѣ сказать... Гляжу я въ жизнь и вижу—нѣтъ въ ней справедливости...

— Я тоже вижу это!—тихо, но какъ-то всей грудью воскликнулъ Павелъ.—Ну-ка, пойдемъ въ уголъ, вонъ туда...

И они пошли вдоль по коридору, рядомъ другъ съ другомъ и глядя въ глаза одинъ другому. На лицѣ Павла вспыхнули красныя пятна, а глаза его засверкали живо и бойко, какъ, бывало, у здороваго.

— И я вижу—нашъ братъ до тла ограбленъ...—говорилъ онъ на ухо Ильѣ.—Чего ни коснись—все не про насъ...

— Вотъ!

— Все—не намъ! Возьму примѣрно—дѣвушка у меня. Она мнѣ за жену, хоть и не вѣнчаны мы. Она мнѣ... вся нужна! Всякому человѣку женщина вся нужна! Но мнѣ—нельзя имѣть ее для себя одного... и ей меня—тоже. А я ей тоже весь нуженъ... Какъ такъ?.. А! Я—бѣдный? Хорошо! Но я работаю, или нѣтъ? Я всю жизнь мою, съ десяти лѣтъ, работаю тяжелую работу! Позвольте мнѣ за это жить!.

— А Петрушка Филимоновъ безъ работы живетъ легко и можетъ имѣть все, что̀ желаетъ, и дѣлать все, что̀ хочетъ,—почему?—дополняя мысль товарища, сказалъ Илья, ехидно оскаливъ зубы.

— Докторъ на меня, какъ на арестанта кричитъ... за что?—продолжалъ Грачевъ.—Онъ ученый, онъ долженъ благородно обращаться съ людьми. Человѣкъ я, или нѣтъ? Вотъ въ чемъ дѣло... Я Вѣрку прогналъ... но я—не дуракъ, я знаю—не ея вина..

— Не палка бьетъ, а тотъ, кто ея владѣетъ...

Они остановились въ полутемномъ углу коридора, у окна,

стекла котораго были закрашены желтой краской, и здѣсь, плотно прижавшись къ стѣнѣ, горячо говорили, налету ловя мысли другъ друга. Откуда-то издали доносился до нихъ протяжный стонъ. Однообразный звукъ стона былъ похожъ на гудѣніе низкой струны, которую кто-то задѣваетъ черезъ равные промежутки времени, а она устало вздрагиваетъ и звучитъ безнадежно, точно зная, что нигдѣ нѣтъ живого сердца, способнаго понять и успокоить ея болѣзненную дрожь и жалобу... Павелъ весь горѣлъ отъ сознанія обиды, нанесенной ему тяжелой рукой жизни: онъ тоже, какъ струна, вздрагивалъ отъ возбужденія и торопливо, безсвязно шепталъ товарищу свои жалобы и догадки. А Илья чувствовалъ, что слова Павла точно искры высѣкаютъ изъ его сердца, что они зажгли въ его груди то темное и противорѣчивое, что̀ всегда безпокоило его, и вотъ оно горитъ, чтобы исчезнуть. Онъ чувствовалъ, что на мѣстѣ его тяжелаго и злого недоумѣнія предъ жизнью вспыхнуло что-то иное, что оно вотъ-вотъ освѣтитъ мракъ его души и облегчитъ и успокоитъ ее навсегда.

— Почему, ежели ты сытъ—ты святъ, ежели ты ученъ—ты правъ?—шепталъ Павелъ, стоя противъ Ильи, сердце къ сердцу. И онъ оглядывался по сторонамъ, точно чувствуя близость неизвѣстнаго ему врага, который скомкалъ жизнь его.—Ну хорошо, я голоденъ—я и глупъ... но вѣдь есть у меня душа? Или нѣтъ души у голоднаго? Я вижу, жизни мнѣ нѣтъ настоящей... окорнали мою жизнь, обрѣзали мнѣ всѣ мои желанья, и на всѣхъ моихъ путяхъ стѣны стоятъ... За что?

— Никто не скажетъ!—сурово воскликнулъ Илья.—И спросить не у кого. Кто слова наши пойметъ? Всѣмъ мы чужіе...

— Да. Вѣрно... Съ кѣмъ говорить?

И, махнувъ рукой, Павелъ замолчалъ. Луневъ задумчиво посмотрѣлъ въ глубь коридора и тяжело вздохнулъ. Теперь, когда они замолчали, стонъ раздался слышнѣе. Должно-быть, чья-то большая и сильная грудь стонала, и велика была ея боль...

— Ты все съ Олимпіадой?—спросилъ Павелъ у Лунева.

— Да... живу,—усмѣхаясь, отвѣтилъ Илья.—Знаешь,—странно усмѣхаясь, продолжалъ онъ, сильно понизивъ голосъ,—Яковъ дочитался до того, что въ Богѣ сомнѣвается...

Павелъ взглянулъ на него и неопредѣленнымъ тономъ спросилъ:

— Ну?

— Да... Нашелъ такую книгу... А ты какъ насчетъ этого?

— Я, видишь ли...—задумчиво и тихо сказалъ Павелъ,— я какъ-то такъ... не думалъ про это... въ церковь не хожу...

— А я—думаю... Много думаю... И не могу я понять, какъ Богъ терпитъ?

И снова между ними завязался отрывистый и быстрый разговоръ... Увлеченные имъ, они проговорили до поры, пока къ нимъ подошелъ служитель и строго спросилъ Лунева:

— Ты что̀ тутъ прячешься, а?

— Я не прячусь...—сказалъ Илья...

— А ты не видишь, что всѣ посѣтители ушли?

— Стало-быть, не видалъ... Прощай, Павелъ. Къ Якову-то зайди...

— Но-но—пошелъ!—крикнулъ служитель.

— Приходи скорѣе... Христа ради!—попросилъ Грачевъ.

На улицѣ Луневъ задумался о судьбѣ своихъ товарищей. Павелъ съ малыхъ лѣтъ бродяжилъ, сидѣлъ въ тюрьмѣ, работалъ разныя тяжелыя работы... Сколько голода, холода, побоевъ вынесъ онъ. Маша едва ли узнаетъ когда-либо хорошую жизнь. И Яковъ тоже... Какъ можетъ Яковъ постоять за себя?..

Илья видѣлъ, что дѣйствительно изъ четверыхъ ему лучше всѣхъ живется. Но это сознаніе не вызвало въ немъ пріятнаго чувства. Онъ только усмѣхнулся и подозрительно посмотрѣлъ вокругъ...

На новой квартирѣ онъ зажилъ спокойно, и его очень заинтересовали хозяева. Хозяйку звали Татьяна Власьевна. Веселая, какъ птичка, и разговорчивая, она черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ Луневъ поселился въ голубой комнаткѣ, подробно разсказала ему весь строй своей жизни.

Утромъ, когда Илья пилъ чай въ своей комнатѣ, она въ передникѣ, съ засученными по локоть рукавами, порхала по кухнѣ и, весело заглядывая въ дверь къ нему, оживленно говорила:

— Мы съ мужемъ люди небогатые, но образованные и интеллигентные... Я училась въ прогимназіи, а онъ въ кадетскомъ корпусѣ, хотя и не кончилъ... Но мы хотимъ быть богатыми и будемъ... Дѣтей у насъ нѣтъ, а дѣти—это самый главный расходъ. Я сама стряпаю, сама хожу на базаръ, а для черной работы нанимаю дѣвочку за полтора рубля въ мѣсяцъ, и чтобы она жила дома. Вы знаете, сколько я дѣлаю экономіи?—Она становилась въ дверяхъ и, встряхивая кудерьками, по пальцамъ высчитывала:

— Кухарка — жалованья три рубля, да прокормить ее

надо—семь... десять!.. Украдетъ она въ мѣсяцъ на три рубля—тринадцать! Комнату ея сдаю вамъ—восемнадцать! Вотъ сколько стоитъ кухарка... Затѣмъ: я все покупаю массами: масла—полпуда, муки—мѣшокъ, сахару—голову, и такъ далѣе... На всемъ этомъ я выигрываю рублей двѣнадцать... Тридцать рублей! Если бы я служила гдѣ-нибудь,—въ полиціи, на телеграфѣ,—я работала бы на кухарку... А теперь я ничего не стою для мужа и этимъ горжусь! Вотъ какъ надо жить, молодой человѣкъ, видите? Учитесь...

Она плутовато смотрѣла въ лицо Ильи своими бойкими глазами, а онъ смущенно улыбался ей. Она нравилась ему и возбуждала въ немъ чувство уваженія. Утромъ, когда онъ просыпался, она уже сновала по кухнѣ, вмѣстѣ съ рябой и молчаливой дѣвочкой-подросткомъ, смотрѣвшей на нее и на все другое пугливыми, безцвѣтными глазами. Вечеромъ, когда онъ приходилъ домой, она, тоненькая и чистенькая, съ улыбкой отпирала ему дверь, и отъ нея пахло чѣмъ-то пріятнымъ. Если мужъ ея былъ дома, онъ игралъ на гитарѣ, а она подпѣвала ему звонкимъ голосомъ, или они садились играть въ карты, — въ дурачки на поцѣлуи. Ильѣ въ его комнатѣ было слышно все: и говоръ струнъ, то веселый, то чувствительный, и шлепанье картъ, и чмоканье губъ. Квартира состояла изъ двухъ комнатъ — спальни и еще одной, смежной съ комнатой Ильи: она служила супругамъ и столовой и гостиной, и въ ней они проводили свои вечера... По утрамъ въ этой комнатѣ раздавались звонкіе птичьи голоса: тенькала синица; вперебой другъ передъ другомъ, точно споря, пѣли чижъ и щегленокъ, старчески важно бормоталъ и скрипѣлъ снѣгирь, а порой въ эти громкіе голоса вливалась задумчивая и тихая пѣсенка коноплянки.

Мужъ Татьяны Власьевны, Кирикъ Никодимовичъ Автономовъ, былъ человѣкъ лѣтъ двадцати шести, высокій, полный, съ большимъ носомъ и черными зубами. Его добродушное лицо было густо усѣяно угрями, а безцвѣтные глаза смотрѣли на все съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Коротко остриженные свѣтлые волосы стояли на его головѣ щеткой, и во всей, немножко грузной фигурѣ Кирика Автономова было что-то неуклюжее и смѣшное. Двигался онъ тяжело и съ первой же встрѣчи почему-то спросилъ Илью:

— Ты птицъ пѣвчихъ любишь?

— Люблю...

— Ловишь?

— Нѣтъ... — удивленно глядя на околоточнаго, отвѣтилъ Илья. Тотъ наморщилъ носъ, подумалъ и спросилъ еще:

— А ловилъ?

— И не ловилъ.

— Никогда?

— Никогда...

Тутъ Кирикъ Автономовъ снисходительно улыбнулся и сказалъ:

— Значитъ, ты ихъ не любишь, если не ловилъ никогда... А я вотъ люблю и ловилъ, даже за это изъ корпуса былъ исключенъ... И теперь сталъ бы ловить, но не хочу компрометироваться въ глазахъ начальства. Потому что хотя любовь къ пѣвчимъ птицамъ—и благородная страсть, но ловля ихъ—забава, недостойная солиднаго человѣка... Будучи на твоемъ мѣстѣ, я бы ловилъ чижиковъ—непремѣнно! Веселая птичка... Это именно про чижа сказано: птичка Божія...

Автономовъ говорилъ и мечтательными глазами смотрѣлъ въ лицо Ильи, а Луневъ, слушая его, почувствовалъ себя неловко. Ему показалось, что околоточный говоритъ о ловлѣ птицъ иносказательно, что онъ намекаетъ на что-то. Тогда у Ильи дрогнуло сердце, и онъ насторожился. Но водянистые глаза Автономова успокоили его; онъ тутъ же рѣшилъ, что околоточный—человѣкъ совсѣмъ не хитрый, простакъ-человѣкъ. Онъ вѣжливо улыбнулся и промолчалъ въ отвѣтъ на слова Кирика. Тому, очевидно, понравилось скромное молчаніе и серьезное лицо постояльца, онъ улыбнулся и заговорилъ снова:

— Когда-нибудь вечеромъ приходи къ намъ чай пить... Мы—люди простые, приходи безъ всякаго стѣсненія... въ карты поиграемъ, въ дурачки... Гости къ намъ ходятъ рѣдко. Принимать гостей—пріятно, но ихъ надо угощать, а это—непріятно, потому что дорого.

Чѣмъ болѣе присматривался Илья къ благополучной жизни своихъ хозяевъ, тѣмъ болѣе нравились они ему. Все у нихъ было чисто и какъ-то крѣпко, все дѣлалось тихо, спокойно, и они, видимо, любили другъ друга. Маленькая, бойкая женщина была похожа на веселую синицу, ея мужъ—на неповоротливаго снѣгиря, и въ квартирѣ у нихъ было уютно, какъ въ птичьемъ гнѣздѣ. По вечерамъ, сидя у себя, Луневъ прислушивался къ разговору хозяевъ и думалъ:

— Вотъ какъ надо жить...

И, вздыхая отъ зависти, онъ все сильнѣе мечталъ о времени, когда откроетъ свою лавочку, у него будетъ маленькая, чистая комната, онъ заведетъ себѣ птицъ и будетъ жить одинъ, тихо, ровно, спокойно, какъ во снѣ... За стѣной Татьяна Власьевна разсказывала мужу о томъ, что она ку-

пила на базарѣ, сколько истратила и сколько сберегла, а ея мужъ глухо посмѣивался и хвалилъ ее:

— Ахъ, ты, умница! Милая моя пичужечка... Ну, дай поцѣлую...

Потомъ онъ начиналъ разсказывать женѣ о происшествіяхъ въ городѣ, о протоколахъ, составленныхъ имъ, о томъ, что̀ сказалъ ему полицеймейстеръ или другой начальникъ... Говорили о близкой возможности повышенія по службѣ и обсуждали вопросъ, понадобится ли вмѣс тѣсъ повышеніемъ перемѣнить квартиру.

Илья лежалъ, слушалъ, и вдругъ его охватывала непонятная ему, тяжелая скука. Ему становилось душно, тѣсно въ маленькой голубой комнатѣ, онъ безпокойно осматривалъ ее, какъ бы отыскивая причину своей скуки, и, чувствуя, что не можетъ больше выносить этой тяжести въ груди, уходилъ къ Олимпіадѣ или долго гулялъ по улицамъ.

Олимпіада относилась къ нему все болѣе требовательно и ревниво, и все чаще онъ ссорился съ ней. Во время ссоръ она никогда не вспоминала объ убійствѣ Полуэктова, но въ хорошія минуты попрежнему уговаривала Илью забыть про это. Луневъ удивлялся ея сдержанности и какъ-то разъ послѣ ссоры спросилъ ее:

— Липа! Почему ты, когда ругаешься, про старика ни словомъ не помянешь?

Она отвѣтила, не задумываясь:

— А потому, что это дѣло не мое, да и не твое. Коли тебя не нашли,—значитъ, такъ ему и надо было. Душить его тебѣ надобности не было,—ты самъ говоришь. Значитъ, онъ черезъ тебя наказанъ...

Илья недовѣрчиво засмѣялся.

— Что̀ ты?—спросила женщина.

— Та-акъ... Я подумалъ, что коли человѣкъ не глупъ—онъ обязательно жуликъ... ха, ха, ха! Все можетъ оправдать... лишь бы ему надобно это было... И обвинить все можетъ...

— Не пойму тебя,—сказала Олимпіада, качая головой.

— Чего не понимать?—спросилъ Илья, вздохнувъ и пожимая плечами.—Просто. Я говорю вотъ что̀: поставь ты мнѣ въ жизни такое, что̀ бы всегда незыблемо стояло; найди такое, что̀ бы ни одинъ самоумнѣйшій человѣкъ, со всей его хитростью, ни обвинить ни оправдать не могъ... Что̀ бы твердо стояло... Найди такое! Не найдешь... Нѣтъ такого предмета въ жизни... Все пестрое... И душа человѣческая есть пестрая... да!

— Не понимаю,—помолчавъ, сказала женщина.

— А я—понимаю такъ, что въ этомъ и есть узелъ... это насъ давитъ...

Какъ-то разъ, послѣ одной изъ ссоръ съ Олимпіадой, Илья, дня четыре не ходившій къ ней, получилъ отъ нея письмо... Она писала:

„Ну и прощай, милый Ильюша, навсегда, не увидимся мы съ тобой больше. Не ищи меня,—не найдешь. А съ первымъ пароходомъ уѣду я изъ окаяннаго этого города: въ немъ я душу свою размозжила на всю жизнь. Уѣду я далеко и никогда не ворочусь,—не думай и не жди. За хорошее твое—спасибо тебѣ отъ всего сердца, а дурное я помнить не буду. Еще должна сказать тебѣ по правдѣ, что ухожу я не куда-нибудь, а просто сошлась съ молодымъ Ананьинымъ, который давно ко мнѣ приставалъ и жаловался, что я его погублю, коли не соглашусь жить съ нимъ. Вотъ я согласилась: все равно. Мы уѣдемъ къ морю, въ село, гдѣ у Ананьиныхъ рыбныя ватаги. Онъ очень простой и даже предлагаетъ обвѣнчаться, дурачокъ. Прощай! Какъ будто во снѣ видѣла я тебя, я проснулась—и нѣтъ ничего. Прости и меня.... Какъ у меня сердце ноетъ, если бы ты зналъ! Цѣлую тебя, единственный человѣкъ. Не гордись передъ людьми: мы всѣ несчастные. Смиряя стала я, твоя Липа, и какъ подъ обухъ иду, до того болитъ моя душа растерзанная. Олимпіада Шлыкова. Но почтѣ послала посылку тебѣ—кольцо на память. Носи, пожалуйста. Ол. Ш.“.

Илья прочиталъ письмо и до боли крѣпко закусилъ губы. Потомъ прочиталъ еще и еще. Съ каждымъ разомъ письмо все больше нравилось ему,—было и больно и лестно читать простыя слова, написанныя неровными, крупными буквами. Раньше Илья не думалъ о томъ, насколько серьезно любитъ его эта женщина, а теперь ему казалось, что она любила сильно, крѣпко, и, читая ея письмо, онъ чувствовалъ гордое удовольствіе въ сердцѣ. Но это удовольствіе понемногу уступало мѣсто сознанію утраты близкаго человѣка, и вотъ Илья грустно задумался: куда теперь, къ кому пойдетъ онъ въ часъ скуки? Образъ женщины стоялъ предъ его глазами, онъ вспоминалъ ея бѣшеныя ласки, ея умные разговоры, шутки, и все глубже въ грудь ему впивалось острое чувство сожалѣнія. Стоя предъ окномъ, онъ, нахмуривъ брови, смотрѣлъ въ садъ, а тамъ, въ сумракѣ, тихо шевелились кусты бузины, и тонкія, какъ бечевки, вѣтви березы качались въ воздухѣ. За стѣной грустно звенѣли струны гитары, Татьяна Власьевна высокимъ голосомъ пѣла:

„Пуска-ай кто хо-четь и-и-ищетъ
Б-бога-атыхъ ян-гар-рей...“

Илья держалъ письмо въ рукѣ и чувствовалъ себя виноватымъ предъ Олимпіадой, грусть и жалость сжимали ему грудь и давили горло.

„А м-нѣ мо-е ко-ле-е-ечко
До-оста-ань со дна мо р-рей“—

раздавалось за стѣной. Потомъ околоточный густо захохоталъ, а пѣвица выбѣжала въ кухню, тоже звонко смѣясь. Но въ кухнѣ она сразу замолчала. Илья чувствовалъ присутствіе хозяйки гдѣ-то близко къ нему, но не хотѣлъ обернуться посмотрѣть на нее, хотя зналъ, что дверь въ его комнату отворена. Онъ прислушивался къ своимъ думамъ и стоялъ неподвижно, ощущая, какъ одиночество охватываетъ его. Деревья за окномъ все покачивались, а Луневу казалось, что онъ оторвался отъ земли и плыветъ куда-то въ холодномъ сумракѣ...

— Илья Яковлевичъ! Чай пить будете?—окрикнула его хозяйка.

— Нѣтъ...

За окномъ раздался могучій ударъ колокола: густой звукъ мягко, но сильно коснулся стеколъ окна, и они чуть слышно дрогнули... Илья перекрестился, вспомнилъ, что давно уже не бывалъ въ церкви, и обрадовался возможности уйти изъ дома...

— Я ко всенощной пойду,—сказалъ онъ, обернувшись къ двери. Хозяйка стояла какъ разъ въ двери, держась руками за косяки, и смотрѣла на него съ явнымъ любопытствомъ на лицѣ. Илью смутилъ ея пристальный взглядъ, и, какъ бы извиняясь предъ нею, онъ проговорилъ:

— Давно въ церкви не былъ...

— А! хорошо! я приготовлю самоваръ къ девяти часамъ.

Идя въ церковь, Луневъ думалъ о молодомъ Ананьинѣ. Онъ зналъ его: это былъ богатый купчикъ, младшій членъ рыбопромышленной фирмы „Братья Ананьины“, бѣлокурый, худенькій парненокъ съ блѣднымъ лицомъ и голубыми глазами. Онъ недавно появился въ городѣ и сразу началъ сильно кутить.

„Вотъ какъ живутъ люди, какъ ястреба,—размышлялъ Илья съ горечью.—Только оперился и сейчасъ же цапъ себѣ голубку...“

Онъ вошелъ въ церковь разстроенный, обозленный своими думами, сталъ тамъ въ темный уголъ, гдѣ стояла лѣстница для зажиганія паникадила.

„Господи, помилу-уй“,—пѣли на лѣвомъ клиросѣ. Какой-то мальчишка подпѣвалъ противнымъ, рѣзавшимъ уши крикомъ,

не умѣя подладаться къ хриплому и глухому голосу дьяч
Это нескладное пѣніе еще болѣе сердило Илью, питая
немъ желаніе надрать мальчишкѣ уши. Въ углу было жар
отъ натопленной печи, пахло горѣлой тряпкой. Какая-то ст
рушка въ салопѣ подошла къ Ильѣ, взглянула въ лицо е
и брюзгливо сказала:

— Не на свое мѣсто стали, сударь мой...

Илья посмотрѣлъ на воротникъ ея богатаго салопа, укр
шенный хвостами куницы, и молча отодвинулся, подумавъ

„У купцовъ и въ церкви свои мѣста...“

Послѣ убійства Полуэктова онъ первый разъ пришелъ
церковь и теперь, вспомнивъ объ этомъ, вздрогнулъ. П
мысли о своемъ грѣхѣ онъ забылъ обо всемъ, но ему
стало страшно отъ этой мысли, а только грустно и т
жело...

— Господи! Помилуй...—прошепталъ онъ, крестясь.

Стройно и громогласно запѣли пѣвчіе. Голоса дисканто
отчетливо выговаривая слова пѣснопѣнія, звенѣли подъ
поломъ чистымъ и сладостнымъ звономъ маленькихъ тонки
колокольчиковъ, альты дрожали, какъ звучная, туго натян
тая струна, и на фонѣ ихъ непрерывнаго звука, котор
лился подобно ручью, дисканты вздрагивали, какъ отблес
солнца въ прозрачной струѣ воды. Густыя, темныя ноты
совой партіи торжественно колыхались въ воздухѣ, подде
живая собою пѣніе дѣтей, порою выдѣлялись красивые
сильные возгласы тенора, и снова ярко блистали голоса д
тей, возносясь въ сумракъ купола, откуда, величественно п
стирая руки надъ молящимися, задумчиво и грустно смотрѣ
Вседержитель въ бѣлыхъ одеждахъ. Вотъ пѣніе хора слило
въ одну яркую массу звуковъ и стало похоже на облако
часъ заката, когда оно, розовое, алое и пурпурное, горитъ
лучахъ солнца великолѣпіемъ своихъ красокъ и таетъ въ
слажденіи своей красотой...

Когда замерло пѣніе, Илья вздохнулъ глубокимъ, легки
вздохомъ. Ему было хорошо: онъ не чувствовалъ ни стра
ни раскаянія, ни даже того раздраженія, съ которымъ п
шелъ сюда, и какъ-то не могъ остановить мысли на грѣ
своемъ. Пѣніе какъ бы облегчило его душу и очистило е

И вдругъ его, какъ иглой, кольнула острая мысль:

„Что, если хозяйка войдетъ изъ любопытства въ его ко
нату, начнетъ рыться тамъ и найдетъ деньги?“

Илья быстро сорвался съ мѣста, вышелъ изъ церкви
крикнувъ извозчика, поѣхалъ домой. Дорогой его мысль
отвязно развивалась, возбуждая его.

„Найдутъ... ну что же? Они не донесутъ, они просто укра-
утъ сами...“

Но мысль, что они не донесутъ, а именно украдутъ деньги,
ще болѣе возбудила его. Онъ чувствовалъ, что если это слу-
лось, то сейчасъ же, на этомъ же извозчикѣ, онъ поѣдетъ
ъ полицію и скажетъ, что это онъ убилъ Полуэктова. Нѣтъ,
ъ не хочетъ больше маяться и жить въ грязи, въ безпо-
йствѣ, тогда какъ другіе на деньги, за которыя онъ запла-
лъ великимъ грѣхомъ, будутъ жить спокойно, уютно, чисто.
та мысль родила въ немъ холодное бѣшенство. Подъѣхавъ
ъ дому, онъ сильно дернулъ звонокъ и, стиснувъ зубы,
калъ кулаки, ожидая, когда ему отворятъ дверь.

Дверь отворила ему Татьяна Власьевна.

— Ухъ, какъ вы громко звоните!.. Что вы? Что съ вами?—
спуганно вскричала она, взглянувъ на него.

Онъ молча оттолкнулъ ее, прошелъ въ свою комнату и съ
ерваго же взгляда понялъ, что всѣ его страхи напрасны.
еньги лежали у него за верхнимъ наличникомъ окна, а на
аличникъ онъ чуть-чуть приклеилъ маленькую пушинку, такъ
го, если бы кто коснулся денегъ, пушинка непремѣнно
олжна была слетѣть. Но вотъ онъ ясно видѣлъ на коричне-
омъ наличникѣ—ея бѣлое пятнышко.

— Вы больны?—тревожно спрашивала хозяйка, являясь
ъ двери.

— Да... нездоровится... вы извините, я толкнулъ васъ...

— Это пустяки... Подождите... сколько нужно дать извоз-
нику?

— Сколько-нибудь... Сдѣлайте милость, отдайте...

Она убѣжала, а Илья тотчасъ же вскочилъ на стулъ, вы-
ватилъ изъ-за наличника деньги, на ощупь узналъ, что онѣ
ѣлы, и, сунувъ ихъ въ карманъ, облегченно вздохнулъ... Ему
тало стыдно своей тревоги. Пушинка показалась ему глупой,
мѣшной, какъ и все это...

— „Навожденіе...“—подумалъ онъ, внутренно усмѣхаясь. Въ
вери снова явилась Татьяна Власьевна.

— Извозчику—двадцать,—торопливо заговорила она.—У
асъ что—закружилась голова?

— Да... знаете, стою въ церкви... вдругъ это...

— Вы прилягте,—сказала женщина, входя въ комнату.—
Приляжте, не стѣсняясь... А я посижу съ вами... Я одна,—
ужъ отправился въ нарядъ, въ клубъ...

Илья сѣлъ на постель, а она на стулъ, единственный въ
омнатѣ.

— Обезпокоилъ я васъ,—смущенно улыбаясь, сказалъ Илья.

— Ничего,— отвѣтила Татьяна Власьевна, пытливо и бесцеремонно разглядывая его лицо. Помолчали. Илья не зналъ о чемъ говорить съ этой женщиной, а она, все разглядывая его, вдругъ стала странно улыбаться.

— Что вы?— спросилъ Луневъ, опуская глаза.

— Сказать?—плутовато спросила она.

— Скажите...

— Не умѣете вы притворяться — вотъ что!

Илья вздрогнулъ и тревожно взглянулъ на женщину.

— Да, не умѣете. Какой вы больной? Вовсе не больной, а просто получили вы одно непріятное письмо... я видѣла, видѣла.

— Да, получилъ...— тихо и осторожно сказалъ Илья.

За окномъ раздался шелестъ вѣтокъ. Женщина зорко посмотрѣла сквозь стекла и снова повернулась къ Ильѣ.

— Это—вѣтеръ или птица. Вотъ что, мой хорошій постоялецъ, хотите вы меня послушать? Я хоть и молоденькая женщина, но не глупая...

— Сдѣлайте милость, говорите,—попросилъ Луневъ, съ любопытствомъ глядя на нее.

— Вотъ что,—солидно заговорила хозяйка,—вы это письмо разорвите и бросьте. Если она вамъ отказала, она поступила какъ наивнька-дѣвочка, да. Жениться вамъ рано, вы необезпеченный человѣкъ, а необезпеченные люди не должны жениться. Вы здоровый юноша, можете много работать, и вы красивый,—васъ всегда полюбятъ... А сами вы пока влюблятесь, погодите. Работайте, торгуйте, копите деньги, добивайтесь, чтобы завести какое-нибудь дѣло побольше, старайтесь открыть лавочку и тогда, когда у васъ будетъ что-нибудь солидное, женитесь. Вамъ все это удастся: вы не пьете, вы—скромный, одинокій...

Илья слушалъ, опустивъ голову, и внутренно улыбался. Ему хотѣлось засмѣяться вслухъ, громко, весело.

— Нечего вѣшать голову,—тономъ опытнаго человѣка продолжала Татьяна Власьевна.—Пройдетъ! Любовь—болѣзнь легко излѣчимая. Я сама до замужества три раза такъ влюблялась, что хоть топиться въ пору, и однако—прошло! А какъ увидала, что мнѣ ужъ серьезно пора замужъ выходить,—безо всякой любви вышла... Потомъ полюбила... мужа... Женщина иногда можетъ и въ своего мужа влюбиться...

— Т.-е. это какъ?—широко раскрывъ глаза, спросилъ Илья. Татьяна Власьевна засмѣялась веселымъ смѣхомъ.

— Это я пошутила... Но и серьезно скажу: можно выйти замужъ не любя, а потомъ полюбить...

И она снова защебетала, играя своими глазками. Илья слушалъ внимательно, съ большимъ интересомъ и съ уваженіемъ разглядывая ея маленькую, стройную фигурку, и удивлялся. Такая она маленькая, и такая гибкая, надежная, умная...

„Вотъ съ такой женой не пропадешь",—думалъ онъ. Ему было пріятно видѣть то: сидитъ съ нимъ женщина образованная, мужняя жена, а не содержанка, чистая, тонкая, настоящая барыня, и не кичится ничѣмъ передъ нимъ, простымъ человѣкомъ, а даже говоритъ на „вы". Эта мысль вызвала въ немъ чувство благодарности къ хозяйкѣ, и, когда она встала, чтобъ уйти, онъ тоже вскочилъ на ноги, поклонился ей и сказалъ:

— Покорно благодарю, что не погнушались... бесѣдой вашей утѣшили меня...

— Утѣшила? Вотъ видите!—Она тихонько засмѣялась, на щекахъ у нея вспыхнули красныя пятна, и глаза нѣсколько секундъ неподвижно смотрѣли въ лицо Ильи.

— Ну, до свиданья... пока!—какъ-то особенно сказала она и ушла легкой походкой дѣвушки...

Съ каждымъ днемъ супруги Автономовы все больше нравились ему, и зависть къ ихъ спокойной жизни росла въ душѣ Ильи. Онъ не любилъ полицейскихъ, ибо видѣлъ много зла отъ нихъ, но Кирикъ казался ему простымъ рабочимъ человѣкомъ, добрымъ, недалекимъ. Онъ былъ тѣломъ, его жена—душой; онъ рѣдко бывалъ въ домѣ и мало значилъ въ немъ. Татьяна Власьевна еще проще относилась къ Ильѣ. Она стала просить его наколоть дровъ, принести воды, выплеснуть помои. Онъ охотно исполнялъ ея просьбы, и незамѣтно эти маленькія услуги стали его обязанностями. Тогда хозяйка разсчитала рябую дѣвочку, сказавъ ей, чтобъ она приходила только по субботамъ.

Иногда къ Автономовымъ приходили гости,—помощникъ частнаго пристава Корсаковъ, тощій человѣкъ съ длинными усами. Онъ носилъ темные очки, курилъ толстыя папиросы, терпѣть не могъ извозчиковъ и всегда говорилъ о нихъ съ раздраженіемъ.

— Никто не нарушаетъ такъ порядка и благообразія, какъ извозчикъ,—разсуждалъ онъ.—Это такіе нахальные скоты! Пѣшеходу всегда можно внушить уваженіе къ порядку на улицѣ, стоитъ только полицеймейстеру напечатать правило: „идущіе внизъ по улицѣ должны держаться правой стороны, идущіе вверхъ—лѣвой", и тотчасъ же движенію по улицамъ будетъ придана дисциплина. Но извозчика не проймешь ни-

какими правилами, извозчикъ—это... это черъ знаетъ что такое!

Объ извозчикахъ онъ могъ говорить цѣлый вечеръ, и Луневъ никогда не слыхалъ отъ него другихъ рѣчей. Приходилъ еще смотритель пріюта для дѣтей Грызловъ, молчаливый человѣкъ съ черной бородой. Онъ любилъ пѣть басомъ „Какъ по морю, морю синему", а жена его, высокая и полная женщина съ большими зубами, каждый разъ съѣдала всѣ конфеты у Татьяны Власьевны, за что послѣ ея ухода Автономова ругала ее.

— Это Фелицата Егоровна на зло мнѣ дѣлаетъ! Непремѣнно сожретъ все, что̀ есть сладкаго на столѣ...

Потомъ являлась Александра Викторовна Травкина съ мужемъ. Она была высокая, тонкая, съ большимъ носомъ и короткими рыжими волосами. Глазастая и визгливая, она часто сморкалась съ такимъ страннымъ звукомъ, точно коленкоръ рвали. А мужъ ея говорилъ шопотомъ,—у него болѣло горло,—но говорилъ онъ неустанно, цѣлыми часами, и во рту у него точно сухая солома шуршала. Былъ онъ человѣкъ очень зажиточный, служилъ по акцизу, состоялъ членомъ правленія въ какомъ-то благотворительномъ обществѣ, и оба они съ женой постоянно говорили о благотворительности, ругали бѣдныхъ, обвиняли ихъ во лжи, въ жадности, въ непочтительности къ людямъ, которые желаютъ имъ добра.

Луневъ, сидя въ своей комнатѣ, внимательно вслушивался въ разговоръ, желая понять, что̀ и какъ они говорятъ о жизни? И то, что̀ онъ слышалъ, было непонятно ему. Казалось, что эти люди давно уже обо всемъ переговорили другъ съ другомъ, все рѣшили, все знаютъ и строго осудили всѣхъ другихъ людей, которые живутъ иначе, чѣмъ они. Они говорили чаще всего о скандалахъ въ разныхъ семьяхъ, объ архіерейской службѣ, о дурномъ поведеніи знакомыхъ женщинъ и мужчинъ. Ильѣ было скучно слушать ихъ.

Иногда вечеромъ хозяева приглашали постояльца пить чай. За чаемъ Татьяна Власьевна весело шутила, а ея мужъ мечталъ о томъ, какъ бы хорошо не служить, а разбогатѣть сразу и—купить домъ.

— Развелъ бы я куръ...—сладко прищуривая глаза, говорилъ онъ. — Всѣхъ породъ: брамапутръ, кохинхинъ, цыцарокъ, индюшекъ... и павлина! Да! Хорошо, чортъ возьми, сидѣть у окна въ халатѣ, курить душистую папиросу и смотрѣть, какъ по двору, распустя хвостъ зонтомъ, твой собственный павлинъ ходитъ! Ходитъ этакимъ полицеймейстеромъ и ворчитъ: брлю, брлю, брлю!

Татьяна Власьевна смѣялась тихимъ, вкуснымъ смѣшкомъ и, поглядывая на Илью, тоже мечтала:

— А я бы тогда лѣтомъ ѣздила путешествовать въ Крымъ, на Кавказъ, а зимой засѣдала бы въ обществѣ попеченія о бѣдныхъ. Сшила бы себѣ черное суконное платье, самое скромное, и никакихъ украшеній, кромѣ брошки съ рубиномъ и сережекъ изъ жемчуга. Я читала въ „Нивѣ“ стихи, въ которыхъ было сказано, что кровь и слезы бѣдныхъ обратятся на томъ свѣтѣ въ жемчугъ и рубины. — И, тихонько вздохнувъ, она заключала:

— Губины удивительно идутъ къ брюнеткамъ...

Илья молчалъ и улыбался. Въ комнатѣ было тепло, чисто, пахло вкуснымъ чаемъ и еще чѣмъ-то, тоже вкуснымъ. Въ клѣткахъ, свернувшись въ пушистые комки, спали птички, на стѣнахъ висѣли яркія картинки. Маленькая этажерка, въ простѣнкѣ между оконъ, была уставлена красивыми коробочками изъ-подъ лѣкарствъ, курочками изъ фарфора, разноцвѣтными пасхальными яйцами изъ сахара и стекла. Все это нравилось Ильѣ и навѣвало на него какую-то тихую, пріятную грусть.

Но порой, — особенно во дни неудачъ,—эта грусть перерождалась у Ильи въ какое-то досадное, безпокойное чувство. Курочки, коробочки и яички раздражали его, хотѣлось подойти къ нимъ, швырнуть ихъ на полъ и растоптать. Это настроеніе и удивляло и пугало Илью: онъ не понималъ его, оно казалось ему чужимъ. Когда оно охватывало его, онъ упорно молчалъ, глядя въ одну точку и боясь говорить, чтобъ не обидѣть чѣмъ-нибудь этихъ милыхъ людей. Но какъ-то разъ, играя въ карты съ хозяевами, онъ не сдержался и, въ упоръ глядя въ лицо Кирика Автономова, спросилъ его сухимъ голосомъ:

— А что̀, Кирикъ Никодимовичъ, такъ вы и не нашли того, который купца на Дворянской задушилъ?..

Спросилъ и почувствовалъ въ груди какое-то особенно пріятное, жгучее щекотаніе.

— Т.-е. Полуэктова?—разсматривая свои карты, задумчиво сказалъ околоточный. И тотчасъ же повторилъ:—т.-е. Полуэктова? ввв-ва-ва... Нѣтъ, я не нашелъ Полуэктова — ввв-ва-ва... не нашелъ, другъ мой... т.-е. не Полуэктова, а того, котораго... Я и не искалъ... и не нашелъ... и мнѣ его не надо... а надо мнѣ знать—у кого дама пикъ? Пикъ-пикъ-пикъ! Ты, Таня, ходила ко мнѣ тройкой, — дама трефъ, дама бубенъ и—что̀ еще?

— Семерка бубенъ... думай скорѣе...

— Такъ и пропалъ человѣкъ!—сказалъ Илья, дерзко усмѣхаясь.

Но околоточный не обращалъ на него вниманія, углубленный въ обдумываніе хода.

— Такъ и пропалъ, — повторилъ онъ.—Такъ и укокошили Полуэктова—ввв-ва-ва...

— Киря, оставь вавкать, — сказала его жена. — Ходи скорѣе...

— Погоди, погоди, погоди!

— Ловкій, должно-быть, человѣкъ убилъ! — не отставалъ Илья. Невниманіе къ его словамъ еще болѣе разжигало его охоту говорить объ убійствѣ.

— Ло-овкій?—протянулъ околоточный.—Нѣтъ, это я вотъ—ловкій! Р-разъ!

И, громко шлепнувъ картами по столу, онъ пошелъ къ Ильѣ пяткомъ. Илья не могъ раскрыть и остался въ дуракахъ. Супруги смѣялись надъ нимъ, а его еще болѣе раздражало это. И, сдавая карты, онъ упрямо говорилъ:

— Среди бѣлаго дня, на главной улицѣ города убить человѣка—для этого надо имѣть храбрость...

— Счастье, а не храбрость, — поправила его Татьяна Власьевна.

Илья посмотрѣлъ на нее, на ея мужа, негромко засмѣялся и спросилъ:

— Убить—счастье?

— Ну да! Т.-е. убить и не попасть въ тюрьму.

— Опять мнѣ бубноваго туза влѣпили! — сказалъ околоточный.

— Его мнѣ бы надо!—сказалъ Илья серьезно.

— Убейте купца, и дадутъ! — пообѣщала ему Татьяна Власьевна, думая надъ картами.

— Во-отъ! Убей и получишь туза суконнаго, а пока получи картоннаго!—бросивъ Ильѣ двѣ девятки и туза, сказалъ Кирикъ и громко захохоталъ.

Луневъ снова посмотрѣлъ на ихъ довольныя, веселыя лица, и у него пропала охота говорить объ убійствѣ.

Бокъ о бокъ съ этими людьми, отдѣленный отъ чистой и спокойной жизни тонкой стѣной, онъ все чаще испытывалъ приступы тяжелой скуки. Она вливалась въ грудь ему густой, холодной влагой, и онъ не могъ понять, откуда она?

Съ нею вмѣстѣ являлись думы о противорѣчіяхъ жизни, о Богѣ, Который все знаетъ, но не наказываетъ, терпѣливо ожидая... Чего Онъ ждетъ?

Отъ скуки Луневъ снова началъ читать: у хозяйки было

нѣсколько томовъ „Нивы“ и „Живописнаго Обозрѣнія“ и еще какія-то растрепанныя книжонки.

И такъ же, какъ въ дѣтствѣ, ему нравились только тѣ разсказы и романы, въ которыхъ описывалась жизнь чужая, неизвѣстная ему, а не та, настоящая, несправедливая жизнь, въ которой онъ жилъ. Когда же ему попадались разсказы о дѣйствительной жизни, о бытѣ простонародья, онъ находилъ ихъ скучными и невѣрными. Порою они смѣшили его, а порой ему думалось, что эти разсказы пишутся какими-то хитрыми людьми, которые хотятъ пригладить эту темную, тяжелую жизнь. Онъ зналъ ее и узнавалъ все болѣе. Расхаживая по улицамъ, онъ каждый день видѣлъ что-нибудь такое, что настраивало его на критическій ладъ. И, приходя въ больницу, Луневъ говорилъ Павлу, насмѣшливо улыбаясь:

— Порядки! Видѣлъ я давеча — идутъ тротуаромъ плотники и штукатуры. Вдругъ — полицейскій: ахъ, вы, черти! И прогналъ ихъ съ тротуара. Дескать, ходи тамъ, гдѣ лошади ходятъ, а то господъ испачкаешь грязной твоей одежей... Строй мнѣ домъ, а самъ жмись въ комъ... ха!

Павелъ тоже вспыхивалъ и еще больше подкладывалъ сучьевъ въ огонь. Онъ томился въ больницѣ, какъ въ тюрьмѣ, думы не давали ему покоя, глаза у него горѣли тоскливо и злобно. Мысль о томъ, гдѣ и какъ живетъ Вѣра, приводила его въ какое-то оцѣпенѣніе, и онъ худѣлъ, какъ таялъ. Яковъ Филимоновъ не нравился ему, и, несмотря на скуку, онъ не могъ сойтись съ нимъ.

— Ну его! Какой-то онъ полоумный... что ли, — отвѣтилъ онъ Ильѣ на вопросъ о Яковѣ.

А Яковъ, у котораго оказались сломанными два ребра, лежа въ больницѣ, блаженствовалъ. Онъ свелъ дружбу съ сосѣдомъ по койкѣ, церковнымъ сторожемъ, которому недавно отрѣзали ногу, пораженную саркомой. Это былъ человѣкъ толстый, коротенькій, съ огромной лысой головой и черной бородою во всю грудь. Брови у него были большія, какъ усы, онъ постоянно шевелилъ ими, а голосъ его былъ глухъ, точно выходилъ изъ живота. Каждый разъ, когда Луневъ являлся въ больницу, онъ заставалъ Якова сидящимъ на койкѣ сторожа. Сторожъ лежалъ и молча шевелилъ бровями, а Яковъ читалъ вполголоса библію, такую же коротенькую и толстую, какъ сторожъ.

„Такъ! ночью будетъ разоренъ Аръ-Моавъ и уничтоженъ; такъ! ночью будетъ разоренъ Киръ-Моавъ и уничтоженъ!“

Голосъ у Якова сталъ слабый и звучалъ, какъ скрипъ пилы, рѣжущей дерево. Читая, онъ поднималъ лѣвую руку

кверху, какъ бы пытаемая слушать знаменія пророчества Исаіи всѣхъ больныхъ въ палатѣ. Съ лица у него еще не сошли синія пятна отъ побоевъ, и мечтательные глаза среди нихъ придавали лицу что-то страшное. Увидавъ Илью, онъ бросалъ книгу и съ безпокойствомъ спрашивалъ товарища всегда объ одномъ:

— Машутку не видалъ?

Илья не видалъ ея.

— Господи!—печально говорилъ Яковъ. — Какъ все это... словно въ сказкѣ! Была — и вдругъ колдунъ похитилъ, и нѣтъ ея больше...

— Отецъ былъ?—спрашивалъ Илья.

— Былъ... Опять былъ...

Лицо у Якова вздрагивало, и глаза пугливо двигались.

— Принесъ фунтъ кренделей, чаю, сахару... Будетъ, говоритъ, валяться-то, выписывайся! Я умолилъ доктора, чтобы меня не отпускали отсюда... Хорошо здѣсь... тихо, скромно... Вотъ — Никита Егоровичъ, читаемъ мы съ нимъ, — Библію онъ имѣетъ. Семь лѣтъ читалъ ее, все въ ней наизусть знаетъ и можетъ объяснить пророчества... Выздоровлю я — буду жить съ Никитой Егорычемъ, уйду отъ отца! Буду помогать въ церкви Никитѣ Егорычу и пѣть на лѣвомъ клиросѣ...

Сторожъ медленно поднималъ брови; подъ ними въ глубокихъ орбитахъ тяжело ворочались огромные, темные глаза. Они смотрѣли въ лицо Ильи спокойно и безъ блеска, неподвижнымъ матовымъ взглядомъ, и Луневу хотѣлось отворотиться отъ нихъ.

— Какая это книга хорошая—Библія! —захлебываясь отъ удовольствія, вскрикивалъ Яковъ, забывая Машу, отца, свои мечты.—Что въ ней сказано, братъ! Какія слова!

Его широко открытые глаза прыгали со страницъ книги на лицо Ильи и обратно, и весь онъ трепеталъ въ оживленіи.

— И это есть,—помнишь, начетчикъ въ трактирѣ говорилъ: „Покойны шатры у грабителей“? Есть, я нашелъ! И хуже есть!

Закрывъ глаза, съ поднятой кверху рукою, онъ наизусть возглашалъ торжественнымъ голосомъ:

„Часто ли угасаетъ свѣтильникъ у беззаконныхъ, и находитъ на нихъ бѣда, и Онъ дастъ имъ въ удѣлъ страданія во гнѣвѣ Своемъ?“ — Слышишь? „Скажешь: Богъ бережетъ для дѣтей его несчастіе его. Пусть воздастъ Онъ ему самому, чтобъ онъ зналъ“...

— Неужто такъ и сказано? — съ недовѣріемъ спросилъ Илья.

— Слово въ слово!..

— По-моему, это... нехорошо... грѣхъ!—сказалъ Илья.

Сторожъ двинулъ бровями, и онѣ закрыли ему глаза. Борода его зашевелилась, и внятно, глухимъ, страннымъ голосомъ онъ сказалъ:

— Дерзновеніе человѣка правды ищущаго не есть грѣхъ, ибо творится по внушенію свыше...

Илья вздрогнулъ. А сторожъ глубоко вздохнулъ и сказалъ еще такъ же медленно и внятно:

— Правда сама внушаетъ человѣку — ищи меня! Ибо правда—есть Богъ... А сказано: „великая слава — слѣдовать Господу...“

Лицо сторожа, сплошь заросшее густыми волосами, внушало Ильѣ уваженіе и робость: было въ этомъ лицѣ что-то важное, суровое.

Вотъ брови сторожа поднялись, онъ уставился глазами въ потолокъ, и вновь волосы на его лицѣ зашевелились.

— Прочитай ему, Яша, отъ Іова начало десятой главы...

Яковъ молча, поспѣшно перебросилъ нѣсколько страницъ книги и прочелъ тихо, вздрагивающими звуками:

„Опротивѣла душѣ моей жизнь моя, предамся печали моей, буду говорить въ горести души моей. Скажу Богу: не обвиняй меня, скажи мнѣ, за что Ты со мной борешься? Хорошо ли для Тебя, что Ты угнетаешь, что Ты презираешь дѣло рукъ Твоихъ...“

Илья вытянулъ шею и заглянулъ въ книгу, мигая глазами.

— Не вѣришь?—воскликнулъ Яковъ.—Вотъ чудакъ!

— Не чудакъ, а трусъ,—спокойно сказалъ сторожъ,—ибо не можетъ смотрѣть въ лицо Бога...

Онъ тяжело перевелъ свой матовый взглядъ съ потолка на лицо Ильи и сурово, точно хотѣлъ словами раздавить его, продолжалъ:

— Есть рѣчи и еще тяжелѣе читаннаго. Стихъ третій, двадцать второй главы, говоритъ тебѣ прямо: „Что за удовольствіе Вседержителю, что ты праведенъ? И будетъ ли Ему выгода отъ того, что ты держишь пути твои въ непорочности?“... И нужно долго понимать, чтобы не ошибиться въ этихъ рѣчахъ...

— А вы... понимаете?—тихо спросилъ Луневъ.

— Онъ? — воскликнулъ Яковъ. — Никита Егоровичъ все понимаетъ!

Но сторожъ сказалъ, еще понизивъ свой голосъ:

— Мнѣ—поздно... Мнѣ ужъ надо смерть понимать... Отрѣзали мнѣ ногу, а она вотъ выше пухнетъ... и другая пухнетъ... а также и грудь... и я умру скоро отъ этого...

Глаза его давили лицо Ильи, и медленно, спокойно онъ говорилъ:

— А умирать мнѣ не хочется... потому что жилъ я плохо, въ обидахъ и огорченіяхъ, радостей же — не было въ жизни моей. Смолоду — работалъ все и, какъ Яша, жилъ подъ отцомъ. Былъ онъ пьяница и звѣрь... Трижды голову мнѣ проламывалъ и разъ кипяткомъ ноги сварилъ. Матери не было: родивъ меня, померла. Женился. Насильно пошла за меня жена,—не любила... На третьи сутки послѣ свадьбы повѣсилась. Да... Зять былъ. Ограбилъ меня; сестра же сказала мнѣ, что это я жену въ петлю вогналъ. И всѣ такъ говорили, хотя знали — не тронулъ я ее, и какъ она была дѣвкой, такъ и... издохла... Жилъ я послѣ того еще девять лѣтъ. Одинъ. Страшно жить одному!.. Все ждалъ, когда радости будутъ. И—вотъ помираю. Только и всего. — Онъ закрылъ глаза, помолчалъ и вновь, уже не глядя, спросилъ:

— Зачѣмъ жилъ? Отгадай...

Илья слушалъ его тяжелую рѣчь, блѣдный, со страхомъ въ сердцѣ. Лицо Якова побурѣло, на глазахъ у него сверкали слезы.

— Зачѣмъ жилъ, спрашиваю?.. Обиженъ я Господомъ... Не прошу Его продлить жизнь... Нѣтъ словъ. Лежу вотъ и думаю—зачѣмъ жилъ?

Голосъ сторожа изсякъ. Онъ порвался сразу, какъ будто по землѣ текъ мутный ручей и вдругъ скрылся подъ землю.

— „Кто находится между живыми, тому еще есть надежда, такъ какъ и псу живому лучше, чѣмъ мертвому льву“, — заговорилъ сторожъ, не побѣдивъ молчанія. Опять его брови шевельнулись, открывъ глаза. И борода зашевелилась снова.

— Тамъ же, въ Екклезіастѣ, сказано: „Во дни благополучія пользуйся благомъ, а во дни несчастія — размышляй: то и другое содѣялъ Богъ для того, чтобъ человѣкъ не могъ ничего сказать противъ Него...“ А-а-а?

Больше Илья не могъ слушать. Онъ тихо всталъ и, пожавъ руку Якова, поклонился сторожу тѣмъ низкимъ поклономъ, которымъ прощаются съ мертвыми. Это вышло у него случайно.

Въ этотъ разъ онъ вынесъ изъ больницы какую-то неловкость въ сердцѣ, что-то новое, тяжелое. Разговоръ со сторожемъ не поселилъ въ его головѣ ни одной ясной мысли, но

мрачный образъ этого человѣка глубоко врѣзался въ его память. Увеличилось еще однимъ количество людей, обиженныхъ жизнью и знакомыхъ ему. Онъ хорошо запомнилъ слова сторожа и долго переворачивалъ ихъ на всѣ лады, стараясь понять ихъ сокровенный смыслъ. Они мѣшали ему, возмущая что-то въ самой глубинѣ его души, именно тамъ, гдѣ хранилъ онъ свою вѣру въ справедливость Бога. И эти слова, оставаясь непонятными имъ, будили въ немъ тѣ ѣдкія думы, которыя всегда заставляли его перебирать и пересматривать все, что онъ видѣлъ и испыталъ въ жизни.

И ему казалось теперь, что когда-то, незамѣтно для него, его вѣра въ справедливость Бога пошатнулась, что она не такъ уже крѣпка, какой была прежде: что-то разъѣло ее, какъ ржавчина желѣзо. Онъ ясно чувствовалъ, что это случилось въ его душѣ: тяжелая сумятица, поднятая въ немъ жалобами сторожа, убѣждала его въ этомъ. Въ его груди бушевало что-то несоединимое, какъ вода и огонь. И съ новой силой въ немъ возникло озлобленіе противъ своего прошлаго, всѣхъ людей и всѣхъ порядковъ жизни.

Автономовы обращались съ нимъ все ласковѣе. Кирикъ покровительственно хлопалъ его по плечу, шутилъ съ нимъ и осанисто говорилъ:

— Ты пустяками занимаешься, братецъ. Такой скромный серьезный парень долженъ развернуться шире. Потому что, если у человѣка способности частнаго пристава, — не подобаетъ ему служить околоточнымъ...

А Татьяна Власьевна стала внимательно и подробно разспрашивать Илью о томъ, какъ идетъ его торговля и сколько въ мѣсяцъ имѣетъ онъ чистой прибыли. Онъ всегда охотно говорилъ съ ней, и въ немъ все повышалось уваженіе къ этой женщинѣ, умѣвшей изъ пустяковъ устроить такую чистую и милую жизнь...

Однажды вечеромъ, когда онъ, охваченный скукой, сидѣлъ въ своей комнатѣ у открытаго окна и, глядя въ темный садъ, вспоминалъ Олимпіаду, Татьяна Власьевна вышла въ кухню и позвала его пить чай. Онъ пошелъ неохотно: ему жаль было отвлекаться отъ своихъ думъ и не хотѣлось ни о чемъ говорить. Хмуро, молча онъ сѣлъ за чайный столъ и, взглянувъ на хозяевъ, увидалъ, что лица у нихъ торжественны и озабочены чемъ-то. Они тоже молчали. Сладко курлыкалъ самоваръ, какая-то птичка, проснувшись, металась въ клѣткѣ. Пахло печенымъ лукомъ и одеколономъ. Кирикъ повернулся на стулѣ и, забарабанивъ пальцами по краю подноса, запѣлъ:

— Тир-рим, тир-рим, тар-ра-рам! Бум, бум, тру-ту-тру-ту-ту!..

— Илья Яковлевичъ! — внушительно заговорила же[illegible]щина. Мы съ мужемъ обдумали... одно дѣло... и хотим[illegible] поговорить съ вами серьезно...

— Хо, хо, хо! — вдругъ захохоталъ околоточный и ста[illegible] крѣпко потирать свои красныя руки. Илья вздрогнулъ, уд[illegible]вленно взглянувъ на него.

— Погоди же, Кирикъ! Это совсѣмъ неумѣстно—смѣятъся[illegible]

— Мы обдумали! — широко улыбаясь, воскликнулъ окол[illegible]точный и, подмигнувъ Ильѣ на жену, добавилъ:

— Геніальная башка!

— Мы скопили немножко денегъ, Илья Яковлевичъ.

— Мы скопили! Хо, хо, хо! Ми-лая моя!..

— Киря! Перестань! —строго сказала Татьяна Власьевн[illegible] Лицо у нея стало сухое и еще болѣе заострилось.

— Мы скопили рублей... около тысячи,—говорила она впо[illegible] голоса, наклоняясь къ Ильѣ и впиваясь острыми глазка[illegible] въ его глаза. Онъ сидѣлъ спокойно, но чувствовалъ, что [illegible] груди у него что-то играетъ.

— Деньги эти лежатъ въ банкѣ и даютъ намъ четы[illegible] процента...

— А этого мало, чортъ ихъ возьми! — вскричалъ Кирик[illegible] стукнувъ по столу.—Мы хотимъ...

Жена остановила его строгимъ взглядомъ.

— Намъ, конечно, вполнѣ достаточно такого процента. Но мы хотимъ помочь вамъ выйти на дорогу... Вы—такой... [illegible]лидный...

Она сказала нѣсколько комплиментовъ Ильѣ и продолжал[illegible]

— Вы говорили, что галантерейный магазинъ можетъ да[illegible] процентовъ двадцать и даже болѣе, смотря по тому, какъ п[illegible]ставить дѣло. Ну-съ, мы готовы дать вамъ подъ вексель [illegible] срокъ, — до предъявленія, не иначе,—наши деньги съ усл[illegible]віемъ, что вы открываете на нихъ магазинъ. Торговать [illegible] будете подъ моимъ контролемъ, а прибыль мы дѣлимъ пол[illegible]ламъ. Товаръ вы страхуете на мое имя, а кромѣ того [illegible] даете мнѣ на него еще одну бумажку... пустая бумажка! [illegible] она необходима для формы. Вотъ... ну-те-ка, подумайте на[illegible] этимъ и скажите: да или нѣтъ?

Илья слушалъ ея тонкій, сухой голосъ и крѣпко теръ се[illegible] лобъ. Нѣсколько разъ въ теченіе ея рѣчи онъ поглядыва[illegible] въ уголъ, гдѣ блестѣла золоченая риза иконы съ вѣнчал[illegible]ными свѣчами по бокамъ ея. Онъ не удивлялся, но ему бы[illegible] какъ-то неловко, даже боязно. Это предложеніе, сразу осуш[illegible]

гвлявшее его давнюю мечту, ошеломило его и въ то же время бадовало. Растерянно улыбаясь, онъ смотрѣлъ на маленькую женщину и думалъ:

„Вотъ она, судьба...“

А она говорила ему тономъ матери:

— Подумайте объ этомъ хорошенько; разсмотрите дѣло со сѣхъ сторонъ. Можете ли вы взяться за него, хватитъ ли илъ, умѣнья? И потомъ, скажите намъ,—кромѣ труда, что̀ еще ожете вложить вы въ дѣло? Нашихъ денегъ—мало... не такъ ли?

— Я... могу,—медленно заговорилъ Илья,—вложить рублей ятьсотъ. Мнѣ дядя дастъ... дядя у меня... я говорилъ вамъ... онъ дастъ! Можетъ, и больше...

— Ур-ра!—крикнулъ Кирикъ Автономовъ.

— Значитъ—вы согласны?—спросила Татьяна Власьевна.

— Я... согласенъ!—сказалъ Луневъ.

— Ну, еще бы! — закричалъ околоточный и, сунувъ руку въ карманъ, заговорилъ громко и возбужденно. — Ну, а теперь — пьемъ шампанское! Шампанское, чортъ побери мою душу вмѣстѣ съ пятками! Илья, бѣги, братецъ, въ погребокъ... тащи шампань! Дернемъ бутылочку... На̀, мы тебя угощаемъ. Спрашивай донского въ девять гривенъ и скажи, что это мнѣ, Автономову, — тогда за шестьдесятъ пять отдадутъ... Иди, живо-о!

Илья съ улыбкой поглядѣлъ на сіяющія лица супруговъ и ушелъ.

Онъ думалъ, что вотъ судьба ломала, тискала его, сунула въ тяжелый грѣхъ, смутила душу, а теперь какъ будто прощенія у него проситъ, улыбается, угождаетъ ему... Теперь предъ нимъ открыта свободная дорога въ чистый уголъ жизни, гдѣ онъ будетъ жить одинъ спокойно и умиротворитъ свою душу. Видимо, сама судьба помогаетъ ему оправдаться, облегчая достиженіе желанной, чистой жизни. Мысли кружились въ его головѣ веселымъ хороводомъ и вливали въ сердце невѣдомую Ильѣ до этой поры увѣренность.

Онъ принесъ изъ погребка настоящаго шампанскаго, заплативъ за бутылку семь рублей.

— Ого-о!—воскликнулъ Автономовъ.—Это шикозно, братецъ! Въ этомъ есть идея, да-а!

Татьяна Власьевна отнеслась иначе. Она укоризненно покачала головой и, разсмотрѣвъ бутылку, съ укоромъ сказала:

— Рублей пять? Ай-ай-ай, Илья Яковлевичъ, какъ это непрактично, какъ несолидно!

Луневъ, счастливый и умиленный, стоялъ предъ ней и улыбался.

— Настоящее!—сказалъ онъ, полный радости.—Въ первый разъ въ жизни моей настоящаго хлебцу! Какая жизнь была у меня? Вся—фальшивая... грязь, грубость, тѣснота... огорченія, обиды и всякія муки для сердца... Развѣ это настоящее? Развѣ этимъ можно человѣку жить?

Онъ коснулся наболѣвшаго мѣста въ душѣ своей,—въ словах его влилась горечь, глаза потемнѣли; глубоко вздыхая, онъ продолжалъ сильно и твердо:

— Я съ малыхъ лѣтъ настоящаго искалъ, а жилъ... какъ щепа въ ручьѣ... бросало меня изъ стороны въ сторону... и все вокругъ меня было мутное, грязное, безпокойное. Пристати мнѣ было не къ чему... Видѣлъ я вокругъ себя одно горе, несправедливость, грабежъ... и всякую пакость. И вотъ—бросило меня къ вамъ. Вижу въ первый разъ въ жизни: живутъ люди тихо, чисто, въ любви...

Онъ посмотрѣлъ на нихъ съ ясной улыбкой и низко поклонился имъ.

— Спасибо вамъ! У васъ я душу облегчилъ... ей-Богу! Вы мнѣ даете помощь сразу на всю жизнь! Теперь я пойду! Теперь ужъ я знаю, какъ жить! И мнѣ будетъ хорошо и другимъ не плохо... Сколько несчастныхъ людей на землѣ! Сколько ихъ зря гибнетъ... Все это я видѣлъ, все знаю...

Татьяна Власьевна смотрѣла на него взглядомъ кошки на птицу, увлеченную своимъ пѣніемъ. Въ глазахъ у нея сверкалъ зеленый огонекъ, а губы вздрагивали. А Кирикъ возился съ бутылкой, сжимая ее колѣнями и наклоняясь надъ ней. Шея у него налилась кровью, уши двигались...

— Товарищи мои... есть у меня два товарища... дѣвушка...

Пробка хлопнула, ударилась въ потолокъ и упала на столъ. Задребезжалъ стаканъ, задѣтый ею...

Кирикъ, чмокая губами, разлилъ вино въ стаканы и скомандовалъ:

— Берите!

А когда его жена и Луневъ взяли стаканы, онъ поднялъ высоко надъ головой свой стаканъ и крикнулъ:

— За преуспѣяніе фирмы „Татьяна Автономова и Луневъ“—ур-ра-а!

Нѣсколько дней кряду Луневъ обсуждалъ съ Татьяной Власьевной подробности затѣяннаго предпріятія. Она все знала и обо всемъ говорила съ такой увѣренностью, какъ будто всю жизнь вела торговлю галантерейнымъ товаромъ. Илья съ улыбкой слушалъ ее, молчалъ и удивлялся. Ему хотѣлось скорѣе искать помѣщеніе, скорѣе начать дѣло, и онъ соглашался

всѣ предложенія Автономовой, не вникая въ ихъ зна-
ніе.

Наконецъ все было выяснено, — оказалось даже, что Та-
на Власьевна имѣетъ въ виду и помѣщеніе. Оно было какъ
ъ таково, о какомъ мечталъ Илья: на чистой улицѣ, ма-
ькая лавочка съ комнатой для торговца. Илья зналъ эту
очку,—раньше въ ней была молочная, и онъ часто захо-
ъ туда съ товаромъ. Все удавалось, все до мелочей, и Лу-
ъ ликовалъ.

Бодрый и радостный, явился онъ въ больницу къ товарищамъ;
ъ его встрѣтилъ Павелъ, тоже веселый.

— Завтра выписываюсь!—возбужденно объявилъ онъ Ильѣ,
жде чѣмъ поздоровался съ нимъ.—Отъ Вѣрки письмо по-
илъ... Ругается... обидѣлъ, говоритъ. Чертенокъ!

Глаза у него сіяли, на щекахъ горѣлъ румянецъ, онъ не
съ спокойно стоять на мѣстѣ, шаркалъ туфлями по полу,
змахивалъ руками.

— Смотри!—сказалъ ему Илья.—Берегись теперь...

— Я? Кончено! Вопросъ: мамзель Вѣра Капитонова,—же-
ете вы вѣнчаться? Пожалуйте! Нѣтъ? Ножъ въ сердце!

По лицу и тѣлу Павла пробѣжала судорога.

— Ну-ну!..—усмѣхаясь, сказалъ Илья.—Тоже—ножъ!.. го-
чка!

— Нѣтъ ужъ!.. будетъ! Я безъ нея жить не могу... да и
безъ меня дѣлать нечего! Пакостей довольно съ нея... должна
ть сыта... я же—по горло сытъ! Завтра у насъ все и про-
ойдетъ... такъ или этакъ...

Луневъ всмотрѣлся въ лицо товарища, и вдругъ въ головѣ
блеснула простая, ясная мысль. Онъ покраснѣлъ, а по-
мъ улыбнулся.

— Пашутка! Знаешь, я свое счастье нашелъ!

И онъ кратко разсказалъ товарищу, въ чемъ дѣло. Павелъ
слушалъ его, опустилъ голову и вздохнулъ, сказавъ:

— Да-а, везетъ тебѣ...

— Завидуешь?

— Еще бы... чортъ!

— Такъ повезло, что мнѣ предъ тобой теперь даже стыдно...
аво! По совѣсти говорю.

— И на томъ спасибо!—хмуро усмѣхнулся Павелъ.

— Знаешь что? — тихо заговорилъ Илья. — Я вѣдь это
хвастаюсь, а серьезно говорю, что стыдно мнѣ...
-Богу!

Павелъ молча взглянулъ на него и вновь задумчиво опу-
илъ голову.

— И я хочу тебѣ сказать... въ горѣ вмѣстѣ жили, да и радость подѣлимъ.

— Мм...—промычалъ Павелъ. — Я слышалъ, что радо какъ бабу, дѣлить нельзя...

— Можно! Ты разузнай, что̀ надо для водопровод мастерской, какіе инструменты, матеріалъ и все... и скол сто̀итъ... А я тебѣ дамъ денегъ...

— Н-п-пу-у?—протянулъ Павелъ недовѣрчиво. Луневъ рячо и крѣпко схватилъ его руку и сжалъ ее.

— Вотъ... чудакъ! Дамъ!

Но ему еще долго пришлось убѣждать Павла въ серьезности его намѣренія. Тотъ все покачивалъ головой, мычалъ и говори

— Не бываетъ такъ...

Луневъ наконецъ убѣдилъ его. Тогда онъ, въ свою с редь, обнялъ его и сказалъ дрогнувшимъ, глухимъ голосо

— Спасибо, братъ! Изъ ямы тащишь... Только... вотъ мастерскую я не хочу,—ну ихъ къ чорту, мастерскія! З я ихъ... Ты денегъ — дай, а я Вѣрку возьму и уѣду отск Такъ и тебѣ легче,—меньше денегъ возьму,—и мнѣ удоб Уѣду куда-нибудь и поступлю самъ въ мастерскую...

— Это ерунда!—сказалъ Илья.—Лучше хозяиномъ быт

— Какой я хозяинъ?—весело воскликнулъ Павелъ.—Я умѣю съ рабочими обращаться. Нѣтъ, хозяйство и все кое... не по душѣ мнѣ... Я, братъ, знаю, что̀ такое хозяи Не гожусь! Козла свиньей не нарядишь...

Луневъ не совсѣмъ ясно понималъ отношеніе Павла хозяйству, но оно нравилось ему и еще болѣе располаг въ пользу товарища. Онъ ласково и весело смотрѣлъ на н и говорилъ:

— А вѣдь вѣрно,—похожъ ты на козла: такой же сухо рый. Знаешь,—ты на сапожника Перфишку похожъ... пра Ну, такъ ты завтра приходи и возьми денегъ на первое вре пока безъ мѣста будешь... А я—къ Якову схожу теперь...

— Ладно! Спасибо, братъ.

— Ты какъ съ Яковомъ-то?

— Да все... такъ какъ-то... не наладимся... — усмѣхну Грачевъ.

— Несчастный онъ... Тяжко ему жить,—задумчиво сказ Илья.

— Ну, этого всѣмъ намъ съ лишкомъ дадено...—отвѣт Павелъ, пожавъ плечами. — Мнѣ все думается, что онъ въ своемъ умѣ... Такъ, пошехонецъ какой-то...

— Ну, я иду...

— Иди...

І, когда Илья отошелъ отъ него, онъ, стоя среди коридора, е разъ крикнулъ ему:

— Спасибо, братъ!

Илья улыбнулся и съ улыбкой кивнулъ ему головой.

А Якова онъ засталъ грустнымъ и убитымъ. Лежа на койкѣ омъ къ потолку, онъ смотрѣлъ широко открытыми глазами рхъ и не замѣтилъ, какъ подошелъ къ нему Илья.

— Никиту-то Егорыча унесли въ другую палату, — уныло залъ онъ Ильѣ.

— Ну и хорошо!—одобрительно замѣтилъ Луневъ. — А то ьно онъ страшенъ... И рѣчи у него все этакія... Богъ съ мъ!...

Яковъ укоризненно взглянулъ на него и промолчалъ.

— Поправляешься?—спросилъ Илья.

— Да-а...—со вздохомъ отвѣтилъ Яковъ.—И похворать не ется мнѣ, сколько хочется... Вчера опять отецъ былъ. мъ, говоритъ, купилъ. Еще трактиръ хочетъ открыть. И е это на мою голову...

Ильѣ хотѣлось порадовать товарища своей радостью, но о-то мѣшало ему говорить.

Веселое солнце весны ласково смотрѣло въ окна, но желя стѣны больницы казались еще желтѣе. При свѣтѣ солнца штукатуркѣ выступали какія-то пятна, трещины. Двое больхъ, сидя на койкѣ, сосредоточенно играли въ карты, молча епая ими. Высокій и худой мужчина безшумно расхажилъ по палатѣ, низко опустивъ забинтованную голову. Было ко, хотя откуда-то доносился удушливый кашель, а въ кодорѣ шаркали туфли больныхъ. Желтое лицо Якова было жизненно, мутные глаза его смотрѣли тоскливо.

— Эхъ, умереть бы! — говорилъ онъ своимъ сухимъ, скрищимъ голосомъ.—Лежу вотъ и думаю: интересно умереть. лжно-быть, тамъ все иное... особенное этакое, никѣмъ не данное... Шуму нѣтъ... Все понятно, все ясно, свѣтло...— лось у него упалъ, зазвучалъ тише. — Ангелы ласковые... все могутъ отвѣтить тебѣ... все объяснятъ... ангелы... — ъ замолчалъ, мигнувъ глазами, и сталъ слѣдить, какъ потолкѣ играетъ блѣдный солнечный лучъ, отраженный мъ-то.

— А знаешь...—сказалъ Луневъ.

Но Яковъ перебилъ его рѣчь:

— Машутку-то не видалъ?..

— Н-нѣтъ...

— Эхъ, ты... Повидалъ бы!

— Какъ-то все въ умъ не входитъ...

— Надо, чтобы въ сердце вошло...

Луневъ сконфузился и замолчалъ. Изъ коридора вышел костыляхъ низенькій человѣкъ съ закрученными въ стрі усами и шипящимъ голосомъ сказалъ кому-то:

— Шурка опять не пришла, шельма...

Яковъ вздохнулъ и безпокойно заворочалъ головой по подуш

— Вотъ Никита Егорычъ не хочетъ, а умретъ... Мнѣ фел шеръ сказалъ... умретъ! А я хочу — не умирается... Вы ровлю,—опять въ трактиръ... И пропаду... зря... безполезн всему...

Губы его медленно растянулись въ грустную улыбку. (какъ-то особенно поглядѣлъ на товарища и заговорилъ сн

— Чтобы жить въ этой жизни, надо имѣть бока желѣзн сердце желѣзное... а то жить, какъ всѣ... безъ думъ, б совѣсти...

Илья почувствовалъ въ словахъ Якова что то непріязнен сухое, и нахмурился.

— А я—какъ стекло въ камняхъ: повернусь и—трещин

— Любишь ты жаловаться! — неопредѣленно сказалъ невъ.

— А ты?—спросилъ Яковъ.

Илья отвернулся и промолчалъ. Потомъ, чувствуя, Яковъ не собирается говорить, онъ задумчиво молвилъ:

— Всѣмъ тяжко. Взять хотя бы Павла...

— Не люблю я его,—сказалъ Яковъ, сморщивъ лицо.

— За что?

— Такъ... не люблю...

— А я—люблю...

— Ну, и... ладно...

— Эхъ!.. надо мнѣ итти...

Яковъ молча протянулъ ему руку и вдругъ жалобно, го сомъ нищаго, попросилъ:

— Узнай ты про... Машутку, а? Христа ради!..

— Ладно!—сказалъ Илья.

Ему было тяжело и неудобно слушать тоскливыя рі Якова, и, уходя, онъ облегченно вздохнулъ. А просьба Як узнать о Машѣ возбудила въ немъ что-то въ родѣ стыда свое отношеніе къ Перфишкиной дочери, и онъ рѣшилъ с дить къ Матицѣ, которая, навѣрное, знаетъ, какъ устроил Машутка. Ему, какъ и всѣмъ въ улицѣ, было извѣстно, раньше Матица ходила къ лавочнику Хрѣнову по суббота мыть полы, за что онъ платилъ ей по четвертаку, считая этой же суммѣ и ея ласки...

Онъ шелъ по направленію къ трактиру Филимонова, а

душѣ его одна за другой возникали мечты о будущемъ. Оно улыбалось ему, и, охваченный думами о немъ, онъ незамѣтно для себя прошелъ мимо трактира, а когда увидалъ это, то уже не захотѣлъ воротиться назадъ. Онъ вышелъ за городъ: передъ нимъ широко развернулось поле, огражденное вдали темной стѣной лѣса. Заходило солнце, на молодой зелени дерна лежалъ розоватый отблескъ. Илья шелъ, поднявъ голову кверху, и смотрѣлъ въ небо, въ даль, гдѣ красноватыя облака, неподвижно стоя надъ землей, пылали въ солнечныхъ лучахъ. Ему было пріятно итти: каждый шагъ впередъ и каждый глотокъ воздуха родилъ въ душѣ его новую мечту. Онъ представлялъ себя богатымъ, властнымъ и разоряющимъ Петруху Филимонова. Онъ разорилъ уже его, и вотъ Петруха стоитъ и плачется на него, а онъ, Илья Луневъ, говоритъ ему:

— Пожалѣть тебя? А ты — жалѣлъ кого-нибудь? Ты сына мучилъ? Дядю моего въ грѣхъ втянулъ? Надо мной издѣвался? Въ твоемъ проклятомъ домѣ никто счастливъ не былъ, никто радости не видалъ. Гнилой твой домъ—всѣмъ ловушка, тюрьма онъ для людей.

Петруха дрожитъ и стонетъ въ страхѣ передъ нимъ,— жалкій, подобно нищему. А Илья громитъ его:

— Сожгу твой домъ, потому что онъ—бѣда для всѣхъ. А ты—ходи по міру, проси жалости у обиженныхъ тобой; до смерти ходи и сдохни съ голоду, какъ собака!..

Вечерній сумракъ окуталъ поле; лѣсъ вдали сталъ плотно-черенъ, какъ гора. Летучая мышь маленькимъ, темнымъ пятномъ безшумно мелькала въ воздухѣ, и точно это она сѣяла тьму. Далеко на рѣкѣ былъ слышенъ стукъ колесъ парохода по водѣ: казалось, что гдѣ-то далеко летитъ огромная птица, и это ея широкія крылья колеблютъ воздухъ могучими взмахами. Луневъ припомнилъ всѣхъ людей, которые ему мѣшали жить, и всѣхъ ихъ безъ пощады наказалъ. Отъ этого ему стало еще пріятнѣе и легче... И одинъ среди поля, отовсюду стиснутый тьмою, онъ тихо запѣлъ...

Но вотъ въ воздухѣ запахло гнилью, прѣлымъ навозомъ. Илья пересталъ пѣть: этотъ запахъ пробудилъ въ немъ хорошія воспоминанія. Онъ пришелъ къ мѣсту городскихъ свалокъ, къ оврагу, въ которомъ, бывало, рылся съ дѣдушкой Еремѣемъ. Теперь запахъ гніенія показался Луневу болѣе сильнымъ и ѣдкимъ, чѣмъ въ дѣтствѣ. Образъ стараго тряпичника всталъ въ памяти Ильи, и онъ оглянулся вокругъ, стараясь узнать во тьмѣ то мѣсто, гдѣ старикъ любилъ отдыхать съ нимъ. Но этого мѣста не было: должно-быть, его завалили мусоромъ. Илья вздохнулъ, чувствуя, что и въ

его душѣ чего-то нѣтъ уже, тоже что-то завалено мусоромъ...

„Кабы я не удушилъ купца... было бы мнѣ теперь совсѣмъ хорошо жить...“—вдругъ подумалось ему. Но вслѣдъ за этимъ въ его сердцѣ какъ будто откликнулся кто-то другой: „Что купецъ? Онъ—несчастіе мое, а не грѣхъ...“

Раздался шумъ: небольшая собака шмыгнула изъ-подъ ногъ Ильи и съ тихимъ визгомъ скрылась. Онъ вздрогнулъ: предъ нимъ какъ будто ожила часть ночной тьмы и, застонавъ, исчезла.

„Все равно,—думалось ему,—и безъ купца покоя въ сердцѣ не было бы. Сколько обидъ видѣлъ я и себѣ и другимъ. Коли оцарапано сердце, то ужъ всегда будетъ болѣть...“

Онъ медленно шагалъ по краю оврага, ноги его вязли въ сору, подъ ними потрескивали щепки, шуршала бумага. Вотъ передъ нимъ кусокъ незасоренной земли узкимъ мысомъ врѣзался въ оврагъ; онъ пошелъ по этому мысу и, дойдя до остраго конца его, сѣлъ тамъ, свѣсивъ ноги съ обрыва. Воздухъ здѣсь былъ свѣжѣе, и, посмотрѣвъ вдоль оврага, Илья увидалъ вдали стальное пятно рѣки. На водѣ, неподвижной, какъ ледъ, тихо вздрагивали огни невидимыхъ судовъ, и одинъ изъ нихъ двигался въ воздухѣ, точно красная птица. А еще одинъ, зеленый, зловѣщій, горѣлъ неподвижно, безъ лучей... А у ногъ Ильи широкая пасть оврага была наполнена густой тьмой, и оврагъ былъ—какъ рѣка, въ которой безмолвно текли волны чернаго воздуха. Тяжелая грусть окутывала сердце Лунева; онъ смотрѣлъ внизъ и думалъ:

„Было мнѣ хорошо сейчасъ... легко было... улыбнулось и—нѣтъ... Все въ жизни тяжко, несправедливо и непонятно. Можетъ, Яковъ и вѣрно говорилъ: сначала надо понять себя... а можетъ, прежде-то людей понять надо? Какъ они живутъ, по какимъ законамъ?“ Онъ вспомнилъ, какъ непріязненно говорилъ съ нимъ сегодня Яковъ,—ему стало еще грустнѣе отъ этого... Въ оврагѣ что-то зашумѣло: должно-быть, комъ земли оторвался отъ обрыва. Илья вытянулъ шею и посмотрѣлъ внизъ, во тьму... Ночная сырость пахнула въ лицо его... Онъ взглянулъ въ небо. Тамъ несмѣло разгорались звѣзды, а изъ-за лѣса медленно поднимался большой красноватый шаръ луны, точно огромный, безчувственный глазъ. И какъ незадолго передъ тѣмъ летучая мышь носилась въ сумракѣ,—въ душѣ Ильи быстро замелькали темныя мысли и воспоминанія: они являлись и исчезали безъ отвѣта, и все гуще, тяжелѣе становилась тьма въ душѣ.

„Люди грабятъ, мучаютъ, душатъ другъ друга, и никто

никому не помогаетъ жить, а всякій норовитъ, какъ бы отойти въ сторонку, гдѣ спокойнѣе... Вотъ и я тоже въ уголокъ лѣзу... Гдѣ же настоящее, неоспоримое?"

Онъ долго сидѣлъ и думалъ, поглядывая то внизъ, въ оврагъ, то въ небо. Въ полѣ было тихо. Свѣтъ луны, заглянувъ во тьму оврага, обнажилъ на склонѣ его глубокія трещины и кусты. Отъ кустовъ на землю легли уродливыя тѣни. Въ небѣ ничего не было, кромѣ звѣздъ и лупы. Наконецъ Ильѣ стало холодно; онъ всталъ и, вздрагивая отъ ночной свѣжести, медленно пошелъ полемъ на огни города. Думать ему уже не хотѣлось ни о чемъ: грудь его была полна въ этотъ часъ холодной безпечностью и тоскливой пустотой, которую онъ видѣлъ въ небѣ, тамъ, гдѣ раньше чувствовалъ Бога.

Онъ поздно пришелъ домой и, въ раздумьѣ стоя предъ дверью, стѣснялся позвонить. Въ окнахъ не было огня,— значитъ, хозяева спали. Ему было совѣстно безпокоить Татьяну Власьевну: она всегда сама отпирала дверь... Но все же нужно было войти въ домъ. Луневъ тихонько дернулъ ручку звонка. Почти тотчасъ же дверь отворилась, и предъ Ильей встала тоненькая фигурка хозяйки, одѣтая во все бѣлое.

— Затворяйте скорѣе! — сказала она какимъ-то незнакомымъ Ильѣ голосомъ.—Холодно... я раздѣта... мужа нѣтъ...

— Простите,—пробормоталъ Луневъ.

— Какъ вы поздно!.. Откуда это, а?

Илья заперъ дверь, обернулся, чтобы отвѣтить,—встрѣтилъ передъ собой грудь женщины. Она не отступала передъ нимъ, а какъ будто все плотнѣе прижималась къ нему. Онъ тоже не могъ отступить: за спиной его была дверь. А она вдругъ стала смѣяться... тихонько такъ, вздрагивающимъ смѣхомъ. Луневъ поднялъ руки, осторожно положилъ ихъ ладонями на ея плечи, и руки у него дрожали отъ смущенія предъ этой женщиной и желанія обнять ее. Тогда она сама вдругъ какъ-то вытянулась кверху, цѣпко охватила его шею тонкими, горячими руками и сказала звенящимъ голосомъ:

— Ты куда шляешься по ночамъ? Зачѣмъ? а? Это есть для тебя ближе... давно уже... милый!... красавецъ!.. силачъ!..

Илья, какъ во снѣ, ловилъ ея поцѣлуи и пошатывался отъ судорожныхъ движеній ея гибкаго тѣла. А она, вцѣпившись въ грудь ему, какъ кошка, все цѣловала его. Онъ схватилъ ее крѣпкими руками и понесъ къ себѣ въ комнату, и шелъ съ нею легко, какъ по воздуху...

Наутро Илья проснулся со страхомъ въ душѣ.

„Какъ я теперь Кирику-то въ глаза глядѣть буду?“ —подумалъ онъ, едва открывъ глаза. Кромѣ страха предъ околоточнымъ, онъ чувствовалъ и стыдъ предъ нимъ.

„Хоть бы золъ я былъ на этого человѣка или не нравился бы онъ мнѣ... А то такъ просто... ни за что обидѣлъ я его, да еще какъ обидѣлъ... кровно...“—съ тревогой въ сердцѣ подумалъ онъ, и въ душѣ его шевелилось что-то нехорошее къ Татьянѣ Власьевнѣ. Ему казалось, что Кирикъ непремѣнно догадается объ измѣнѣ жены, и онъ не могъ себѣ представить, что̀ тогда будетъ.

„И чего она бросилась на меня, какъ голодная?“—съ тяжелымъ недоумѣніемъ спрашивалъ онъ себя и тутъ же почувствовалъ въ сердцѣ пріятное щекотаніе самолюбія. На него обратила вниманіе настоящая женщина,—чистая, образованная и мужняя жена.

„Значитъ, есть во мнѣ что-то особое,—родилась въ немъ самодовольная мысль.—Стыдно, стыдно... но вѣдь я не каменный... Не гнать же было мнѣ ее...“

Онъ былъ молодъ: ему вспоминались ласки этой женщины, какія-то особенныя, еще незнакомыя ему ласки. И онъ былъ практикъ: ему невольно думалось, что эта связь можетъ дать ему множество различныхъ удобствъ. А вслѣдъ за этими мыслями на него темной тучей надвигались другія:

„Опять я въ уголъ затискался... Хотѣлъ я этого? Уважалъ вѣдь бабенку... никогда дурной мысли о ней не было у меня... анъ вышло вонъ что̀...“

А потомъ всю смуту въ его душѣ, всѣ противорѣчія покрывала собою радостная дума о томъ, что теперь настоящая, чистая жизнь скоро начнется для него. И снова вторгалась острая мысль:

„А все лучше бы безъ этого...“

Онъ нарочно не вставалъ съ постели до поры, пока Автономовъ не ушелъ на службу, и слышалъ, какъ околоточный, вкусно причмокивая губами, говорилъ женѣ:

— Такъ ты на обѣдъ сострой пельмешки, Таня. Побольше свининки положи и, знаешь, поджарь ихъ чуточку. Чтобы онѣ, мамочка, смотрѣли на меня изъ тарелки этакими поросятками розовыми... мм-а! И, голубчикъ, перчику побольше въ мясо подсыпь. А я тебѣ за это мармеладцу куплю, да?

— Ну-ну, иди! Точно я не знаю твоихъ вкусовъ...—ласково говорила ему жена.

— Голубчикъ, Татьянчикъ, позволь поцѣлуйчикъ!

Услыхавъ звукъ поцѣлуя, Луневъ вздрогнулъ. Ему было и непріятно и смѣшно.

— Чикъ! чикъ! чикъ! — проговорилъ Автономовъ, цѣлуя жену. А она смѣялась. Заперевъ дверь за мужемъ, она тотчасъ же вскочила въ комнату Ильи и прыгнула къ нему на кровать, весело крикнувъ:

— Цѣлуй скорѣй,—мнѣ некогда!

Илья угрюмо сказалъ ей:

— Да вѣдь вы сейчасъ мужа цѣловали...

— Что-о? Вы? Да онъ ревнивый!.. — съ удовольствіемъ воскликнула женщина и, со смѣхомъ вскочивъ съ кровати, стала занавѣшивать окно, говоря:

— Ревнивый,—это хорошо! Ревнивые любятъ страстно...

— Я это не отъ ревности сказалъ...

— Молчать!—шаловливо скомандовала она, закрывая ему ротъ рукой...

Потомъ, когда они нацѣловались, Илья, съ улыбкой глядя на нее, не утерпѣвъ, сказалъ:

— Ну, и храбрая ты... настоящая сорви-голова. Подъ носомъ у мужа этакую штуку затѣять!..

Ея зеленоватые глаза задорно блеснули, и она воскликнула:

— Очень даже обыкновенно, и совсѣмъ ничего нѣтъ особеннаго! Ты думаешь—много есть женщинъ, которыя интрижекъ не заводятъ? Только однѣ некрасивыя да больныя... А хорошенькой женщинѣ всегда хочется романъ разыграть...

Цѣлое утро она просвѣщала Илью, весело разсказывая ему разныя исторіи о томъ, какъ женщины обманываютъ мужей. Въ передникѣ и красной кофточкѣ, съ засученными рукавами, ловкая и легонькая, она птичкой порхала по кухнѣ, приготовляя мужу пельмени, и ея звонкій голосъ почти непрерывно лился въ комнату Ильи.

— Ты думаешь—мужъ!—и этого вполнѣ достаточно для женщины? Мужъ иногда можетъ очень не нравиться, если даже и любишь его. И потомъ,—онъ вѣдь тоже никогда не стѣсняется измѣнить женѣ, только бы нашелся подходящій сюжетъ... И женщинѣ тоже скучно всю жизнь помнить одно—мужъ, мужъ, мужъ! Пошалить съ другимъ мужчиной—забавно: хотя узнаешь, какіе мужчины бываютъ и какая между ними разница. Вѣдь и квасъ разный: просто квасъ, баварскій квасъ, можжевеловый, клюковный... И это даже глупо всегда пить просто квасъ...

Илья слушалъ, пилъ чай, и почему-то ему казалось, что чай горьковатъ. Въ рѣчахъ этой женщины было что-то непріятное, взвизгивающее, новое для него. Онъ невольно вспомнилъ Олимпіаду, ея густой голосъ, спокойные жесты, ея горячія слова, въ которыхъ звучала какая-то сила, порою

трогавшая за сердце. Конечно, Олимпіада была женщина необразованная, жена какого-то мелкаго приказчика, простая женщина. Оттого, должно-быть, она и въ безстыдствѣ своемъ была проще... Отвѣчая на слова Татьяны Власьевны негромкимъ смѣхомъ, Илья принуждалъ себя смѣяться. Ему было не весело, и смѣялся онъ лишь потому, что не зналъ, о чемъ говорить съ хозяйкой. Ему даже грустно становилось отъ ея рѣчей, но онъ слушалъ ихъ съ глубокимъ интересомъ и наконецъ задумчиво сказалъ:

— Не ждалъ я, что въ вашей чистой жизни такіе порядки...

— Порядки, милый мой, вездѣ одни. Порядки дѣлаютъ люди, а люди всѣ одного хотятъ—хорошо жить. Человѣкъ хочетъ жить по-человѣчески: спокойно, сытно и удобно, а для этого нужно имѣть деньги. Деньги достаются по наслѣдству, или по счастью, или трудомъ. Кто имѣетъ выигрышные билеты, тотъ можетъ надѣяться на счастье. Красивая женщина имѣетъ выигрышный билетъ отъ природы—свою красоту. Красотой можно много взять—о! А кто не имѣетъ богатыхъ родственниковъ, выигрышныхъ билетовъ и красоты, долженъ трудиться. Трудиться всю жизнь—это обидно... А вотъ я тружусь, хотя у меня есть два билета. Но я рѣшила заложить ихъ для тебя на магазинъ... Два билета—мало! Стряпать пельмени и цѣловать околоточнаго въ угряхъ—скучно!.. Вотъ я и захотѣла цѣловать тебя...

Она взглянула на Илью и шаловливо спросила.

— Тебѣ это не противно?.. Почему ты смотришь на меня такъ сердито?

Илья стоялъ въ двери своей комнаты и смотрѣлъ на нее, сдвинувъ брови. Она подошла къ нему, положила руки на плечи его и съ любопытствомъ заглядывала въ лицо ему.

— Я не сержусь,—сказалъ Илья.

Она расхохоталась, вскрикивая сквозь смѣхъ:

— Да? Ахъ, спасибо тебѣ!.. какой ты добрый!..

— Я вотъ думаю,—медленно выговаривая слова, продолжалъ Илья,—говоришь ты какъ будто и вѣрно... но какъ-то нехорошо...

— Ого-о, какой... ежъ! Что̀ нехорошо? Ну-ка, объясни?

Но онъ ничего не могъ объяснить ей. Онъ самъ не понималъ, чѣмъ недоволенъ онъ въ ея словахъ. Олимпіада говорила гораздо хуже, грубѣе, но она никогда не задѣвала душу такъ непріятно, какъ эта маленькая, чистенькая птичка. Весь этотъ день онъ упорно думалъ о странномъ недовольствѣ, рожденномъ въ его сердцѣ этой новой, лестной ему связью, и не могъ понять, откуда оно?..

А когда онъ воротился домой,—въ кухнѣ его встрѣтилъ Кирикъ и весело объявилъ:

— Ну-ну, Илья, и настряпала сегодня Танюша! Такіе пельмени,—ѣсть жалко! жалко и совѣстно, какъ совѣстно было бы живыхъ соловьевъ ѣсть... Я, братъ, даже тебѣ тарелку оставилъ. Снимай съ шеи свой магазинъ, садись, ѣшь и—знай нашихъ!

Илья виновато посмотрѣлъ на него и тихо засмѣялся, сказавъ:

— Спасибо, Кирикъ Никодимовичъ!

Потомъ, вздохнувъ, добавилъ:

— Хорошій вы человѣкъ... ей-Богу!

— Э, что̀ тамъ?—отмахиваясь отъ него рукой, воскликнулъ Кирикъ.—Тарелка пельменей—пустякъ! Нѣтъ, братецъ, будь я полицеймейстеромъ—гм!—вотъ тогда бы ты могъ сказать мнѣ спасибо... о, да!.. Но полицеймейстеромъ я не буду... и службу въ полиціи брошу... Я, кажется, поступлю довѣреннымъ къ одному купцу... это получше! Довѣренный? Это—шишка! Должность солидная... Занимая ее, я скоро сумѣю капиталишко скопить...

Татьяна Власьевна, тихо напѣвая, хлопотала у печки. Илья посмотрѣлъ на нее и снова почувствовалъ въ груди какую-то неловкость и стѣсненье. Но постепенно это чувство исчезало въ немъ подъ наплывомъ другихъ впечатлѣній и новыхъ заботъ. Думать ему некогда было въ эти дни: приходилось много хлопотать объ устройствѣ магазина, о закупкѣ товара. И день ото дня, между дѣломъ, незамѣтно для себя, онъ привыкалъ къ женщинѣ, какъ пьяница къ водкѣ. Какъ любовница, она все больше нравилась ему, хотя ея ласки часто вызывали въ немъ стыдъ, даже страхъ предъ нею. А вмѣстѣ съ разговорами ея эти ласки потихоньку уничтожали въ немъ уваженіе къ ней—женщинѣ. Каждое утро, проводивъ мужа на службу, или вечеромъ, когда онъ уходилъ въ нарядъ, она звала Илью къ себѣ или приходила въ его комнату и все разсказывала ему разныя житейскія исторіи. И всѣ эти исторіи были какъ-то особенно просты, какъ будто онѣ совершались въ странѣ, населенной жуликами обоего пола, всѣ эти жулики ходили голыми, а любимымъ ихъ удовольствіемъ былъ свальный грѣхъ.

— Неужто все это правда?—угрюмо спрашивалъ Илья. Ему не хотѣлось вѣрить ея словамъ, но онъ чувствовалъ себя безпомощнымъ противъ нихъ, не могъ ихъ опровергнуть. А она хохотала и, цѣлуя его, убѣдительно доказывала:

— Начнемъ сверху: губернаторъ живетъ съ женой упра-

влюющаго казенной палатой, а управляющій—недавно отнялъ жену у одного изъ своихъ чиновниковъ, снялъ ей квартиру въ Собачьемъ переулкѣ и ѣздитъ къ ней два раза въ недѣлю совсѣмъ открыто. Я ее знаю: совсѣмъ дѣвчонка, году нѣтъ, какъ замужъ вышла. А мужа ея въ уѣздъ послали податнымъ инспекторомъ. Я и его знаю,—какой онъ инспекторъ? Недоучка, дурачокъ, лакеишка...

Она разсказывала ему о купцахъ, покупающихъ дѣвочекъ-подростковъ для разврата, о купчихахъ, которыя держатъ любовниковъ, о томъ, какъ барышни изъ свѣтскаго общества, забеременѣвъ, вытравляютъ плодъ.

Илья слушалъ, и жизнь казалась ему чѣмъ-то въ родѣ помойной ямы, въ которой люди возятся, какъ черви.

— Ф-фу!—устало говорилъ онъ.—Да чистое-то, настоящее-то есть гдѣ-нибудь, скажи?

— Какое настоящее? Что̀ такое?—удивленно спрашивала Татьяна Власьевна.

— Ну, настоящее что-нибудь!..—съ досадой воскликнулъ Луневъ.

— Да я же и говорю о настоящемъ... Вотъ чудакъ! Не выдумала же я сама все это!

— Я—не про то! Вѣдь гдѣ-нибудь, что-нибудь настоящее... т.-е. чистое, есть или нѣтъ?

Она не понимала его и смѣялась надъ нимъ. Иногда разговоръ ея принималъ иной характеръ. Заглядывая въ лицо ему сверкающими жуткимъ огнемъ зеленоватыми глазами, она спрашивала:

— Скажи мнѣ, какъ ты въ первый разъ узналъ, что̀ такое женщина?

Этого воспоминанія Илья стыдился, оно было противно ему. Онъ отвертывался въ сторону отъ клейкаго взгляда своей любовницы и глухо, съ упрекомъ говорилъ:

— Экія пакости спрашиваешь ты... чай, постыдилась бы... Объ этомъ и парни другъ другу не разсказываютъ...

Но она, весело смѣясь, снова приставала къ нему, и порою, рядомъ съ ней, Луневъ чувствовалъ себя обмазаннымъ ея зазорными словами, какъ смолой. А когда она видѣла на лицѣ Ильи непріязнь къ ней, недовольство ею, усталость и тоску въ глазахъ его, она смѣло будила въ немъ чувство самца и ласками своими заглаживала въ немъ все враждебное ей...

Какъ-то разъ, придя домой изъ магазина, въ которомъ столяры устраивали полки, Илья съ удивленіемъ увидалъ въ кухнѣ Матицу. Она сидѣла у стола, положивъ на него свои

большія руки, и разговаривала съ хозяйкой, стоявшей у печки.

— Вотъ,—сказала Татьяна Власьевна, съ улыбкой кивая головой на Матицу,—эта дама ждетъ васъ... давно уже...

— Добрый вичеръ!—сказала дама, тяжело поднимаясь со скамьи.

— Ба!—вскричалъ Илья.—Жива еще?

— Гнилу колоду и свинья не зъистъ...—густо отвѣтила Матица.

Илья давно уже не видѣлъ ея и теперь смотрѣлъ на Матицу со смѣсью удовольствія и жалости въ душѣ. Она была одѣта въ дырявое платье изъ бумазеи, ея голову покрывалъ рыжій отъ старости платокъ, а ноги были босы. Едва передвигая ихъ по полу, упираясь руками въ стѣны, она медленно ввалилась въ комнату Ильи и грузно сѣла на стулъ, говоря сиплымъ, деревяннымъ голосомъ:

— Уже скоро и околѣю... Ноги вотъ отнимаются... а отнимутся онѣ, нельзя буде корму искать... тогда мнѣ и смерть...

Лицо у нея страшно распухло, сплошь было покрыто темными пятнами, огромные глаза затекли въ опухоляхъ и стали узенькими.

— Что на рожу мою смотришь?—сказала она Ильѣ.—Думаешь, бита? Ни, то болѣзнь меня ѣстъ...

— Какъ живешь?—спросилъ Илья.

— На папертяхъ церковныхъ живу... грошики собираю...—гудѣла Матица равнодушно, какъ труба.—За дѣломъ къ тебѣ пришла... Узнала отъ Перфишки, что у чиновника живешь ты, и пришла...

— Чаемъ тебя напоить?—предложилъ Лупевъ. Ему непріятно было слушать голосъ Матицы и смотрѣть на ея заживо гніющее, большое, дряблое тѣло.

— Пускай черти хвосты себѣ моютъ тѣмъ твоимъ чаемъ... Ты пятакъ дай мнѣ... вотъ! А пришла я до тебя... зачѣмъ, спроси?

Говорить ей было трудно, дышала она коротко, и отъ нея удушливо пахло.

— Ну, зачѣмъ?—спросилъ Илья, отвернувшись отъ нея въ сторону и вспоминая, какъ онъ обидѣлъ ее однажды...

— Марильку помнишь? А-а! Заѣлъ свою память!.. Богачъ сталъ...

— Помню я, помню!—торопливо сказалъ Илья.—Что она... какъ живетъ?

Матица медленно закачала головой и кратко сказала:

— Еще не задавилась...

— Да ты говори прямо!—сердито крикнулъ Илья.—Чего меня укоряешь? Сама же за трешницу продала ее...

— Я не тебя,—я себя корю...—спокойно возразила женщина и медленно, пространно, задыхаясь отъ усилій, она начала разсказывать о Машѣ.

Старикъ-мужъ ревнуетъ и мучаетъ Машу. Онъ никуда даже въ лавку, не выпускаетъ ея; она сидитъ въ комнатѣ съ дѣтьми и, не спросясь у старика, не можетъ выйти даже и на дворъ. Дѣтей старикъ куда-то сбылъ, кому-то отдалъ и живетъ одинъ съ Машей. Онъ щиплетъ ее, связываетъ ей руки. Такъ издѣвается онъ надъ нею за то, что первая жена обманывала его... и дѣти—оба—не отъ него, отъ старика. Маша уже дважды убѣгала отъ него, но полиція оба раза ловила ее и возвращала къ мужу, а онъ ее щипалъ за это и голодомъ морилъ. Вотъ какая жизнь!

— Да, устроила ты съ Перфишкой дѣльце!—хмуро сказалъ Илья.

— Я думала—такъ лучше,—деревяннымъ своимъ голосомъ проговорила баба. Ея неподвижное, какъ изъ камня, лицо и этотъ мертвый голосъ давили Илью.

— Я думала—такъ чище!.. А надо было сдѣлать, какъ хуже... Надо бы ее тогда, какъ и думала я, богатому продать... Онъ далъ бы ей квартиру и одежу, и все... Она потомъ прогнала бы его и жила... какъ всѣ живутъ. Многія живутъ такъ... отъ старика...

— Ну... а пришла зачѣмъ?—спросилъ Илья

— А живешь ты у полицейскаго... Вотъ они все ловятъ ее... Скажи ему, чтобъ не ловили... Пусть бѣжитъ! Можетъ она и убѣжитъ куда... Развѣ ужъ некуда бѣжать человѣку?

— Ты въ самомъ дѣлѣ за этимъ пришла?

— А какъ же? Пусть не мѣшаютъ,—попроси ихъ...

— Эхъ... народъ!—воскликнулъ Илья и задумался. Что онъ можетъ сдѣлать для Маши?

А Матица поднималась со стула, осторожно двигаясь по полу ногами. Она вздыхала, кряхтѣла, и казалось, что это не человѣкъ идетъ, а падаетъ медленно на землю старое трухлявое дерево.

— Прощай!.. ужъ не увидимся... скоро я и подохну...—бормотала она.—Спасибо тебѣ... чистякъ! богачъ!.. Спасибо спасибо!...

Когда она вывалилась изъ дверей кухни, въ комнату Ильи вбѣжала хозяйка и, обнявъ его, спросила, смѣясь:

— Это она,—твоя первая любовь, да?

— Кто-о?—медленно спросилъ Илья, охваченный воспоминаніями о Машѣ.

— Эта бабища

Илья развелъ руки своей любовницы, крѣпко охватившія его шею, и угрюмо проговорилъ:

— Едва ноги таскаетъ, а тоже... хлопочетъ о томъ, кого любитъ...

— Кого она любитъ?—спрашивала женщина, съ удивленіемъ и любопытствомъ разглядывая озабоченное лицо Ильи.

— Погоди, Татьяна,—сказалъ Илья,—погоди! Не шути...

Онъ кратко разсказалъ ей о Машѣ и спросилъ:

— Что̀ тутъ дѣлать?

— Дѣлать тутъ нечего!—передернувъ плечиками, отвѣтила Татьяна Власьевна.—По закону жена принадлежитъ мужу, и никто не имѣетъ права отнимать ее у него...

И съ важнымъ видомъ человѣка, которому хорошо извѣстны законы и который убѣжденъ въ ихъ незыблемости, Автономова долго говорила Ильѣ о томъ, что Машѣ нужно подчиниться требованіямъ мужа.

— Ей нужно терпѣть пока. Пусть подождетъ. Онъ—старый, скоро умретъ, вотъ тогда она будетъ свободна, все его имущество отойдетъ къ ней... И ты женишься на молодой вдовушкѣ съ состояніемъ... да?

Она засмѣялась и снова серьезно продолжала поучать Илью:

— Но будетъ лучше всего, если ты прекратишь сношенія съ твоимъ старыми знакомыми. Теперь они уже не пара тебѣ... и даже могутъ сконфузить тебя. Всѣ они—грязные, грубые... напримѣръ, этотъ, который занималъ деньги у тебя? Худой такой?.. Злые глаза?..

— Грачевъ...

— Ну да... Какія у простолюдиновъ смѣшныя птичьи фамиліи: Грачевъ, Луневъ, Пѣтуховъ, Скворцовъ. Въ нашемъ кругу и фамиліи лучше, красивѣе: Автономовъ! Корсаковъ! Мой отецъ—Флоріановъ! А когда я была дѣвушкой, за мной ухаживалъ кандидатъ на судебныя должности Глоріантовъ... Однажды, на каткѣ, онъ снялъ съ ноги у меня подвязку и пригрозилъ, что устроитъ мнѣ скандалъ, если я сама не приду къ нему за ней...

Илья слушалъ ея разсказы и тоже вспоминалъ о своемъ прошломъ, ощущая въ душѣ своей какъ бы невидимыя нити, крѣпко связывавшія ее съ домомъ Петрухи Филимонова. И ему казалось, что этотъ домъ всегда будетъ мѣшать ему жить спокойно...

Вотъ наконецъ мечта Ильи Лунева осуществилась.

Полный спокойной радости, онъ стоялъ съ утра до вечера за прилавкомъ своего магазина и любовался имъ. Вокругъ него на полкахъ красовались аккуратно разставленные коробки и картоны; въ окнѣ онъ устроилъ выставку, разложивъ на немъ блестящія пряжки къ поясамъ, кошельки, мыла, пуговицы, развѣсивъ яркія ленты, кружева и тесьму. Все это было чистое, легкое и играло на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги. Солидный и красивый, онъ встрѣчалъ покупателя вѣжливымъ поклономъ и ловко разбрасывалъ предъ ними по прилавку образцы товара. Въ шелестѣ кружевъ и лентъ онъ слышалъ пріятную музыку, и всѣ дѣвушки-швейки, прибѣгавшія купить у него на нѣсколько копеекъ, казались ему красивыми и милыми. Жизнь сразу стала пріятной, легкой, въ ней явился какой-то простой, ясный смыслъ, а прошлое какъ бы туманъ задернулъ. И ни о чемъ не думалось, кромѣ торговли, товара, покупателей... Илья взялъ для услугъ себѣ мальчика, одѣлъ его въ сѣрую курточку и внимательно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы мальчикъ умывался тщательно, какъ можно чище.

— Мы съ тобой, Гаврикъ, торгуемъ товаромъ нѣжнымъ,— говорилъ онъ ему,—и должны быть чистыми...

Гаврикъ былъ человѣкъ лѣтъ двѣнадцати отъ роду, полный немножко, рябой, курносый, съ маленькими сѣрыми глазами и подвижнымъ личикомъ. Онъ только-что кончилъ учиться въ городской школѣ и считалъ себя человѣкомъ взрослымъ, серьезнымъ. Его тоже занимала служба въ маленькомъ, чистомъ магазинѣ; онъ съ удовольствіемъ возился съ коробками и картонками и старался относиться къ покупателямъ такъ же вѣжливо, какъ хозяинъ.

Илья смотрѣлъ на него и вспоминалъ себя служащимъ въ рыбной лавкѣ купца Строганаго. И, чувствуя къ мальчику какое-то особенное расположеніе, онъ покровительственно и ласково шутилъ и разговаривалъ съ нимъ, когда въ лавкѣ не было покупателей.

— Чтобы тебѣ не скучно было, ты, Гаврикъ, когда свободно, книжки читай,—совѣтовалъ онъ своему сотруднику.—За книжкой время незамѣтно идетъ, а читать пріятно...

Теперь Луневъ ко всѣмъ людямъ сталъ относиться мягко, внимательно и улыбался улыбкой, которая какъ бы говорила:

— Повезло мнѣ, знаете... Но вы потерпите! Навѣрное, и вамъ въ скорости повезетъ...

Открывая свой магазинъ въ семь часовъ утра, онъ запиралъ его въ десять. Покупателей было немного, и Луневъ, сидя

двери на стулѣ, грѣлся въ лучахъ весенняго солнца и отдыхалъ, ни о чемъ не думая, ничего не желая. Гаврикъ сидѣлъ тутъ же въ двери, наблюдалъ за прохожими, передразнивая ихъ, подманивалъ къ себѣ собакъ, лукалъ камнями съ голубей и воробьевъ или, возбужденно шмыгая носомъ, читалъ книжку. Иногда хозяинъ заставлялъ его читать вслухъ, но чтеніе не интересовало его: онъ прислушивался къ тишинѣ и покою въ своей душѣ. Эту тишину онъ слушалъ съ наслажденіемъ, упиваясь ею, она была нова для него и невыразимо пріятна. Но порою сладостная полнота чѣмъ-то нарушалась. Это было странное, едва уловимое ощущеніе, предчувствіе тревоги; это ощущеніе не колебало покоя души, а только касалось его легко, какъ тѣнь.

Тогда Илья начиналъ разговаривать съ мальчикомъ.

— Гаврикъ! У тебя отецъ чѣмъ занимается?

— Почтальонъ... письма носитъ...

— А семья большая у васъ?

— Больша-ая! Насъ множество. Которые — большіе, а которые еще маленькіе.

— Маленькихъ сколько?

— Пять. Да большихъ — трое... Большіе уже всѣ на мѣстахъ: я — у васъ, Василій — въ Сибири, на телеграфѣ служитъ, а Сонька — уроки даетъ. Она—здорово! Рублей по двѣнадцати въ мѣсяцъ приноситъ. А то есть еще Мишка... Онъ старше меня... но тоже учится въ гимназіи...

— Стало-быть, большихъ-то не трое, а четверо...

— Ну какъ же? — воскликнулъ Гаврикъ и поучительно добавилъ:—Мишка только учится еще... А большой—который ужъ работаетъ.

— Бѣдно живете?

— А конечно!—спокойно отвѣтилъ Гаврикъ и громко втянулъ носомъ воздухъ. Потомъ онъ начиналъ разсказывать Ильѣ о своихъ планахъ въ будущемъ.

— Вырасту, — въ солдаты пойду. Тогда будетъ война... Сотъ я на войну и закачу. Я—храбрый... Сейчасъ, это, впереди всѣхъ на непріятеля брошусь и отниму знамя... Дядя мой отнялъ этакъ-то,—такъ ему генералъ Гурко крестъ далъ и пять цѣлковыхъ...

Илья слушалъ мечты Гаврика и улыбался, глядя на его рябое лицо и широкій, постоянно вздрагивающій носъ. Вечеромъ, закрывъ магазинъ, Илья уходилъ въ маленькую комнатку за прилавкомъ. Тамъ на столѣ уже кипѣлъ самоваръ, приготовленный мальчикомъ, лежалъ хлѣбъ, колбаса. Гаврикъ выпивалъ стаканъ чаю съ хлѣбомъ и уходилъ въ магазинъ

спать, а Илья сидѣлъ за самоваромъ долго, иногда часа два кряду.

Два стула, столъ, постель и шкапъ съ посудой составляли все убранство новаго жилища Ильи. Комната была узкая, низенькая, съ квадратнымъ окномъ, изъ котораго было видно ноги людей, проходившихъ мимо него, крышу дома на противоположной сторонѣ улицы и небо надъ крышей. На окна онъ повѣсилъ бѣлую занавѣску изъ кисеи. Съ улицы окно заграждала желѣзная рѣшетка, и она очень не нравилась Ильѣ. А надъ постелью онъ повѣсилъ картину „Ступени человѣческаго вѣка". Эта картина нравилась Ильѣ, и онъ давно хотѣлъ купить ее, но почему-то до открытія магазина не покупалъ, хотя она стоила всего гривенникъ.

„Ступени человѣческаго вѣка" были расположены по аркѣ, а подъ нею былъ изображенъ рай. Въ немъ Саваоѳъ, окруженный сіяніемъ и цвѣтами, разговаривалъ съ Адамомъ и Евой. Всѣхъ ступеней было семнадцать. На первой изъ нихъ стоялъ ребенокъ, поддерживаемый матерью, и было подписано красными буквами: „Первые шаги". На второй—ребенокъ, приплясывая, билъ въ барабанъ, а подпись подъ нимъ гласитъ: „5 лѣтъ,—играетъ". Семи лѣтъ его „начали учить", десяти—онъ „ходитъ въ школу", двадцати одного года—онъ стоитъ на ступенькѣ съ ружьемъ въ рукахъ и съ улыбкой на лицѣ,—подписано: „Отбываетъ воинскую повинность". На слѣдующей ступени ему двадцать пять лѣтъ: онъ во фракѣ, со складной шляпой въ рукѣ и съ букетомъ цвѣтовъ въ другой,—„женихъ". Потомъ у него выросла борода, онъ надѣлъ длинный сюртукъ съ розовымъ галстухомъ и, стоя рядомъ съ толстой женщиной въ желтомъ платьѣ, крѣпко жметъ ей руки. Дальше, человѣку исполнилось тридцать пять лѣтъ: въ рубахѣ, съ засученными рукавами, онъ, стоя у наковальни, куетъ желѣзо. На вершинѣ лѣстницы онъ сидитъ въ красномъ креслѣ, читаетъ газету, а четверо дѣтей и жена слушаютъ его. И самъ онъ и его семья одѣты прилично и чисто, лица у всѣхъ здоровыя, довольныя. Въ эту пору человѣку пятьдесятъ лѣтъ. Но вотъ ступеньки опускаются книзу: борода у человѣка уже сѣдая, онъ одѣтъ въ длинный желтый кафтанъ, въ рукахъ у него кулекъ съ рыбой и кувшинъ съ чѣмъ-то. Подъ этой ступенькой подписано: „Домашній трудъ"; на слѣдующей—человѣкъ няньчитъ своего внука; ниже—его „водятъ", ибо ему уже восемьдесятъ лѣтъ, а на послѣдней ступенькѣ,—девяноста пяти лѣтъ отъ роду,—онъ сидитъ въ креслѣ, поставивъ ноги въ гробъ, и за кресломъ его стоитъ смерть съ косой въ рукахъ...

Сидя за самоваромъ, Илья поглядывалъ на картину, и ему было пріятно видѣть жизнь человѣка, размѣренную такъ аккуратно и просто. Отъ картины вѣяло спокойствіемъ, яркія краски ея какъ бы улыбались ему, и онъ былъ увѣренъ, что на картинѣ мудро и понятно написана, для примѣра людямъ, настоящая жизнь, именно такъ написана, какъ она и должна итти. Разсматривая это изображеніе человѣческой жизни, онъ думалъ о томъ, что вотъ достигъ онъ, чего желалъ, и теперь жизнь его должна пойти такъ же аккуратно, какъ на картинѣ. Будетъ она подниматься вверхъ, и на самомъ верху, когда онъ накопитъ достаточно денегъ, онъ женится на скромной, грамотной дѣвушкѣ...

Самоваръ уныло курлыкалъ и посвистывалъ. Сквозь стекло окна и кисею занавѣски въ лицо Ильи тускло смотрѣло небо, и звѣзды на немъ были едва видны. Въ блескѣ звѣздъ небесныхъ всегда есть что-то безпокойное...

Самоваръ свиститъ все тише, но какъ-то пронзительнѣе. Этотъ тонкій звукъ надоѣдливо лѣзетъ въ уши,—онъ похожъ на пискъ комара и безпокоитъ, путаетъ мысли. Но закрыть трубу самовара крышкой Ильѣ не хочется: когда самоваръ перестаетъ свистѣть, въ комнатѣ становится слишкомъ тихо... На новой квартирѣ у Лунева появились новыя, неизвѣданныя до этой поры имъ ощущенія. Раньше онъ жилъ всегда рядомъ съ людьми,—его отдѣляли отъ нихъ тонкія деревянныя переборки,—а теперь онъ отгородился каменными стѣнами и не чувствовалъ за ними людей.

„Зачѣмъ надо умирать?“ — вдругъ спрашиваетъ себя Луневъ, глядя на человѣка, нисходящаго съ вершины благополучія въ могилу... И ему вспоминается Яковъ Филимоновъ, постоянно думающій о смерти, и слова Якова: „Интересно умереть...“

Илья непріязненно отталкиваетъ отъ себя эти воспоминанія, старается отвернуться отъ нихъ куда-нибудь въ сторону.

„Какъ-то поживаетъ Павелъ съ Вѣрой?“ — возникаетъ у него новый, ненужный ему вопросъ.

По улицѣ ѣдетъ извозчикъ. Стекла въ окнахъ вздрагиваютъ отъ шума колесъ о камни мостовой, лампа на стѣнѣ трясется. Потомъ въ магазинѣ раздаются какіе-то странные звуки... Это Гаврикъ бормочетъ во снѣ. Густая тьма въ углу комнаты тоже какъ будто колеблется. Илья сидитъ, облокотясь на столъ, и, сжимая виски ладонями, разглядываетъ картину. Рядомъ съ Господомъ Саваоѳомъ стоитъ благообразный левъ, по землѣ ползетъ черепаха, идетъ барсукъ,

прыгаетъ лягушка, а древо познанія добра и зла украшено огромными цвѣтами, красными, какъ кровь. Старикъ, съ ногами въ гробу, похожъ на купца Полуэктова, — такой же лысый и худенькій, и шея у него такая же тонкая... Глухой звукъ шаговъ раздается на улицѣ: мимо магазина по тротуару кто-то идетъ, не торопясь. Самоваръ погасъ, и теперь въ комнатѣ такъ тихо, что, кажется, и воздухъ въ ней застылъ, сгустился до плотности ея стѣнъ...

Воспоминаніе о купцѣ не тревожило Илью, и вообще думы не безпокоили его,—онѣ мягко, осторожно стѣсняли его душу, окутывая ее, какъ облако луну. Отъ нихъ краски на картинѣ „Ступени человѣческаго вѣка“ немного блекли: на ней какъ бы являлось пятно, и тишина вокругъ Ильи становилась полнѣе... И всегда, вслѣдъ за мыслью объ убійствѣ Полуэктова, Луневъ со спокойной безпечностью думалъ, что вѣдь въ жизни должна быть справедливость,—значитъ, рано или поздно, а человѣкъ будетъ наказанъ за грѣхи свои. Но подумавъ такъ, онъ зорко присматривался въ темный уголъ комнаты, гдѣ было особенно тихо и тьма какъ будто хотѣла принять нѣкую опредѣленную форму... Потомъ Илья раздѣвался, ложился въ постель и гасилъ лампу. Гасилъ онъ ее не сразу, а сначала вертѣлъ вверхъ и внизъ винтикъ, двигавшій фитиль. Огонь въ лампѣ то почти исчезалъ, то появлялся вновь, и тьма прыгала вокругъ кровати, то бросаясь къ ней отовсюду, то снова отскакивая въ углы комнаты. Илья слѣдилъ, какъ неощутимыя черныя волны пытаются залить его, и долго игралъ такъ, широко раскрытыми глазами прощупывая тьму и точно ожидая поймать въ ней взглядомъ что-то... Наконецъ огонь, вздрогнувъ послѣдній разъ, исчезалъ, тьма на моментъ заливала собою всю комнату и какъ будто колебалась, еще не успѣвъ успокоиться отъ борьбы съ свѣтомъ. И вотъ изъ нея выступало предъ глазами Ильи тускло-голубоватое пятно окна. Если ночь была лунная, на столъ и на полъ падали черныя полоски тѣней отъ желѣзной рѣшетки за окномъ. Въ комнатѣ становилось такъ напряженно-тихо, что, казалось, если сильно вздохнуть, все въ ней дрогнетъ. Луневъ плотно закутывался въ одѣяло, особенно тщательно закутывалъ шею и, оставивъ открытымъ лицо, смотрѣлъ въ сумракъ комнаты до поры, пока сонъ не одолѣвалъ его. Поутру онъ просыпался бодрый, спокойный, и ему было почти стыдно при воспоминаніи о вчерашнихъ глупостяхъ. Онъ пилъ съ Гаврикомъ чай на прилавкѣ и осматривалъ свой магазинъ, какъ что-то новое. Иногда къ нему забѣгалъ съ работы Павелъ, весь измазанный грязью, саломъ,

въ прожженной блузѣ, съ чернымъ отъ копоти лицомъ. Онъ снова работалъ у водопроводчика и таскалъ съ собою котелокъ съ оловомъ, свинцовыя трубы, паяльникъ. Онъ всегда торопился домой, а если Илья уговаривалъ его посидѣть, Павелъ со смущенной улыбкой говорилъ:

— Не могу! Я, братъ, такъ себя чувствую, какъ будто у меня дома жаръ-птица.. а клѣтка-то для нея слаба. Цѣлые дни одна она тамъ сидитъ... и кто ее знаетъ, о чемъ думаетъ? Житье ей сѣрое наступило... я это очень хорошо понимаю... Если бъ ребенокъ былъ..

И Грачевъ тяжело вздыхалъ... Однажды онъ сумрачно сказалъ товарищу:

— Отвелъ я всю воду своему огороду, да не потопила бы, боюсь.

Другой разъ на вопросъ Ильи,—пишетъ ли онъ стихи? — Грачевъ, усмѣхаясь, молвилъ:

— Пальцемъ въ небѣ... Э, ну ихъ ко всѣмъ чертямъ! Куда ужъ намъ лаптемъ щи хлѣбать!.. Я, братъ, теперь всѣмъ корпусомъ сѣлъ на мель. Ни искры въ головѣ... ни искорки! Все про нее думаю... Работаю, — паять начну или что̀ другое,—все льются въ голову, подобно олову, мечты о ней... Вотъ тебѣ и стихи... ха, ха!.. Положимъ, — тому и честь, кто во всемъ — весь... Да, видишь, это — я такъ... а она иначе... Н-да, тяжело ей...

— А тебѣ?—спросилъ Илья.

— И мнѣ... оттого тяжело... Кабы ей жилось свѣтлѣе! Къ веселью она привыкла... вотъ что̀! Все о деньгахъ мечтаетъ. Если бъ, говоритъ, денегъ хватить гдѣ-нибудь, — сразу бы все перевернулось... Дура, говоритъ, я: надо бы мнѣ какого-нибудь купчика обворовать... Вообще ерунду говоритъ. Изъ жалости ко мнѣ все... я понимаю... Тяжело ей...

Павелъ вдругъ обезпокоился и убѣжалъ.

Часто заходилъ къ Ильѣ оборванный, полуголый сапожникъ съ неразлучной гармоніей подъ мышкой. Онъ разсказывалъ о событіяхъ въ домѣ Филимонова, о Яковѣ. Тощій, грязный и растрепанный, Перфишка жался въ двери магазина и, улыбаясь всѣмъ лицомъ, сыпалъ свои прибаутки.

— Женился Петруха, жена его — какъ свекла, а пасынокъ—морковь! Цѣлый огородъ, ей-Богу! Жена—толстая, коротенькая, красная, а рожа у нея трехъэтажная. Три подбородка человѣкъ имѣетъ, а ротъ—все-таки одинъ. Глазенки у нея, какъ у благородной свиньи: маленькіе и вверхъ не видятъ. Сынъ у нея—желтый, длинный и въ очкахъ. Листократъ! Зовутъ его Савва, говоритъ онъ гнусаво, при ма-

тери—блаженъ мужъ, а безъ нея—вскую шаташася языцы... Ка-амнапія—мое почтеніе! Яшутка теперь такой видъ имѣетъ, словно въ щель забиться хочетъ, на манеръ испуганнаго таракана. Пьетъ, сердяга, потихоньку да кашляетъ во всю мочь. Видно, папенька печенки-то ему повредилъ, какъ слѣдуетъ! Ѣдятъ его. Парень мягкій,—не подавятся, сожрутъ... Дядя твой письмо прислалъ изъ Кіева... По-моему—напрасно онъ старается; горбатаго въ рай не пустятъ, я думаю!.. А у Матицы ноги совсѣмъ отвалились: въ телѣжкѣ ѣздитъ. Наняла слѣпого изъ половины, впрягла его и правитъ имъ, какъ лошадью, — смѣхота! Кормится все-таки. Хорошая она баба, я скажу! То-есть, ежели бы у меня не такая удивительная жена была, я бы на этой самой Матицѣ необходимо женился! Я прямо скажу: на всей землѣ только и есть двѣ бабы настоящія,—съ сердцемъ, значитъ:—моя жена да Матица... Конечно, она пьянствуетъ, по хорошему человѣку—почему не пить? Хорошій человѣкъ всегда пьяница...

— А Машутка?—напомнилъ ему Илья.

При напоминаніи о дочери прибаутки и улыбки исчезали у сапожника,—точно вѣтеръ осенній сухіе листья съ дерева срывалъ. Губы у Перфишки вздрагивали, желтое лицо вытягивалось, и онъ сконфуженнымъ, тихимъ голосомъ говорилъ:

— Мнѣ про все ничего неизвѣстно... Хрѣновъ прямо сказалъ мнѣ: и мимо не ходи, а то я ее изувѣчу... Пожертвуй, Илья Яковлевичъ, на построеніе косушки или шкалика сооруженіе!..

— Пропадаешь ты, Перфилій, — сказалъ Илья съ сожалѣніемъ.

— Окончательно пропадаю, — спокойно согласился сапожникъ. — Многіе обо мнѣ, когда помру, пожалѣть должны! — увѣренно продолжалъ онъ.—Потому—веселый я человѣкъ и люблю людей смѣшить! Всѣ они: ахъ да охъ, грѣхъ да Богъ... а я имъ пѣсенки пою да посмѣиваюсь. И на грошъ согрѣши—помрешь, и на тысячи—издохнешь, а черти всѣхъ одинаково мучить будутъ... Надо и веселому человѣку жить на землѣ...

Смѣясь и балагуря, задорный, похожій на стараго ощипаннаго чижа, онъ наконецъ исчезалъ, а Илья, проводивъ его, съ улыбкой покачивалъ головой. Чувствуя, что ему жалко Перфишку, онъ понималъ ненужность этой жалости и видѣлъ, что она мѣшаетъ ему. Прошлое было недалеко сзади Лунева, и все, напоминавшее ему о прошломъ, будило въ немъ безпокойное чувство. Теперь онъ былъ похожъ на че-

ловѣка, который усталъ и, отдыхая, сладко дремлетъ, а осенія мухи назойливо гудятъ надъ его ухомъ и мѣшаютъ ему отдохнуть. Разговаривая съ Павломъ или слушая разсказы Перфишки, Илья сочувственно улыбался, покачивалъ головой и ждалъ, когда они уйдутъ. Иногда ему становилось грустно и неловко слушать рѣчи Павла: въ такіе моменты онъ торопливо и упрямо предлагалъ ему денегъ и, разводя руками, говорилъ:

— Чѣмъ инымъ помочь могу?.. Посовѣтовалъ бы: брось Вѣру...

— Бросить ее нельзя,—тихо говорилъ Павелъ.—Бросаютъ то, что̀ не нужно. А она мнѣ нужна... Ее у меня вырываютъ,— вотъ въ чемъ дѣло... И, можетъ, я не душой люблю ее, а злостью, обидой люблю. Она въ моей жизни—самое лучшее,— весь мой кусокъ счастья. Неужто отдать ее? Что̀ же мнѣ-то останется?.. Не уступлю,—врутъ! Убью, а не отдамъ.

Сухое лицо Грачева покрывалось красными пятнами, и онъ крѣпко стискивалъ кулаки.

— Развѣ замѣчаешь, что похаживаютъ около нея? — задумчиво спросилъ Илья.

— Этого не видно...

— Про кого же говоришь: вырываютъ?

— А есть такая сила... которая вырвать ее хочетъ изъ моихъ рукъ... Эхъ, дьяволъ! Отецъ мой изъ-за бабы погибъ и мнѣ, видно, ту же долю оставилъ...

— Никакъ нельзя тебѣ помочь! — сказалъ Луневъ и почувствовалъ при этомъ какое-то удовлетвореніе. Павла ему было жалко еще болѣе, чѣмъ Перфишку, и, когда Грачевъ говорилъ злобно, въ груди Ильи тоже закипала злоба противъ кого-то. Но врага, наносящаго обиду, врага, который комкалъ жизнь Павла, налицо не было,—онъ былъ невидимъ. И Луневъ снова чувствовалъ, что его злоба такъ же не нужна, какъ и жалость, какъ почти всѣ его чувства къ другимъ людямъ. Все это были лишнія, безполезныя чувства, казалось ему. А Павелъ, сурово хмурясь, говорилъ:

— Я знаю... помочь мнѣ нельзя... Чѣмъ поможешь? Кто поможетъ? Мы, братъ, одни въ жизни. Намъ судьбой приказано: работай, терпи, молчи... А потомъ, издыхай — чортъ тебя возьми!

И, пристально глядя въ лицо товарища, онъ съ твердой и зловѣщей увѣренностью продолжалъ:

— Вотъ ты забрался въ уголокъ и—сиди смирно... Но я тебѣ скажу — ужъ кто-нибудь ночей не спитъ, соображаетъ, какъ бы тебя отсюда вонъ швырнуть...

— Ну нѣтъ,—сказалъ Луневъ съ усмѣшкой,—я за себя постою! Меня одолѣть не легко...

— Э, полно-ка! Ты думаешь—такъ всю жизнь и будешь торговать?

— А что же?

— Вышибутъ!.. А то—самъ бросишь...

— Какъ же, брошу, дожидайся!—смѣясь, сказалъ Илья.

Но, Грачевъ стоялъ на своемъ. Онъ, зорко посматривая въ лицо товарища, настойчиво убѣждалъ его:

— А я тебѣ говорю — бросишь. Не такой у тебя характеръ, чтобы всю жизнь смирно въ темной дырѣ просидѣть. И ужъ навѣрно — или запьянствуешь ты, или разоришься... что-нибудь должно произойти съ тобой...

— Да почему?—съ удивленіемъ воскликнулъ Луневъ.

— Такъ ужъ. Нейдетъ тебѣ спокойно жить... Ты парень хорошій, съ душой... Есть такіе люди: всю жизнь живутъ крѣпко, никогда не хворяютъ и вдругъ сразу—хлопъ!

— Что—хлопъ?

— Упалъ да и умеръ...

Илья засмѣялся, потянувшись, расправилъ крѣпкіе мускулы и глубоко, во всю силу груди, вздохнулъ.

— Чепуха все это!—сказалъ онъ.

Но вечеромъ, сидя за самоваромъ, онъ невольно вспомнилъ слова Грачева и задумался о дѣловыхъ отношеніяхъ съ Автономовой. Обрадованный ея предложеніемъ открыть магазинъ, онъ соглашался на все, что ему предлагали. И теперь ему вдругъ стало ясно, что, хотя онъ вложилъ въ дѣло около четырехъ сотъ рублей изъ денегъ Полуэктова, однако онъ скорѣе приказчикъ на отчетѣ у Татьяны Власьевны, чѣмъ компаньонъ ея. Это открытіе и поразило и взбѣсило его.

— Ага! Такъ ты меня затѣмъ крѣпко обнимаешь, чтобы въ карманъ мнѣ незамѣтно залѣзть?—мысленно говорилъ онъ Татьянѣ Власьевнѣ. И онъ тутъ же рѣшилъ, пустивъ въ оборотъ остальныя деньги, выкупить магазинъ у своей сожительницы и порвать связь съ нею. Рѣшить это ему было легко. Татьяна Власьевна и раньше казалась ему лишней въ его жизни, а за послѣднее время она становилась даже тяжела ему. Онъ не могъ привыкнуть къ ея ласкамъ и однажды прямо въ глаза сказалъ ей:

— Экая ты, Танька, безстыдница...

Но она только расхохоталась въ отвѣтъ ему.

Она попрежнему все разсказывала ему о жизни людей ея круга, и однажды Илья съ недоумѣніемъ замѣтилъ:

— Коли все это ты правду говоришь, Татьяна, такъ ваша порядочная жизнь ни къ чорту не годится!

— Почему это? Весело!—сказала Автономова, пожавъ плечиками.

— Велико веселье! Днемъ—одно крохоборство, а ночью—развратъ... Нѣтъ, тутъ что-нибудь не такъ...

— Какой ты наивный! — смѣясь, воскликнула Татьяна Власьевна.—Ну, слушай...

И она вновь начинала расхваливать предъ нимъ эту чистую, мѣщански-приличную, удобную жизнь и, расхваливая, вскрывала ея жестокость и грязь.

— Да развѣ это хорошо?—спрашивалъ Илья.

— Вотъ забавный человѣкъ! Я не говорю, что это хорошо, но, если бы этого не было,—было бы скучно.

Иногда она учила его:

— Тебѣ пора бросить эти ситцевыя рубашки: порядочный человѣкъ долженъ носить полотняное бѣлье... Ты, пожалуйста, слушай, какъ я произношу слова, и учись. Нельзя говорить—тыща, надо — тысяча! И не говори—коли, надо говорить—если. Коли, теперя, сёдни — это все мужицкія выраженія, а ты уже не мужикъ, хотя еще и недостаточно отшлифованъ.

Все чаще она указывала ему разницу между нимъ, мужикомъ, и ею, женщиной образованной, и нерѣдко эти указанія обижали Илью. Живя съ Олимпіадой, онъ иногда чувствовалъ, что эта женщина близка ему, какъ хорошій товарищъ, а иногда ему казалось, что онъ любитъ ее спокойной любовью. Татьяна Власьевна никогда не вызывала въ немъ товарищескаго чувства къ ней; онъ видѣлъ, что она интереснѣе Олимпіады, присматривался къ ней съ любопытствомъ, но совершенно утратилъ уваженіе къ ней. Живя на квартирѣ у Автономовыхъ, онъ иногда слышалъ, какъ Татьяна Власьевна передъ тѣмъ, какъ лечь спать, молилась Богу:

— „Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ... — раздавался за переборкой ея громкій, торопливый шопотъ. — Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь и остави намъ долги наша...“ Киря! встань и притвори дверь въ кухню: мнѣ дуетъ въ ноги...

— Зачѣмъ ты становишься колѣнями на голый полъ? — лѣниво спрашивалъ Кирикъ.

— Оставь, не мѣшай мнѣ!.. — И снова Илья слышалъ быстрый, озабоченный шопотъ:

— Упокой, Господи, раба твоего Власа, Николая, схимонаха Мардарія... рабу твою Евдокію, Марію; помяни, Господи, о здравіи Татіану, Кирика, Серафиму...

Торопливость ея молитвы не нравилась Ильѣ: онъ ясно понималъ, что человѣкъ молится не по желанію, а по привычкѣ.

— Ты, Татьяна, вѣришь въ Бога? — спросилъ онъ ее однажды.

— Вотъ вопросъ! — воскликнула она съ удивленіемъ. — Разумѣется, вѣрю! Почему ты спрашиваешь?

— Такъ... Больно ты всегда торопишься отдѣлаться отъ Него...—сказалъ Илья съ улыбкой.

— Во-первыхъ: не нужно говорить—больно, когда можно сказать — очень! А во-вторыхъ: я такъ устаю за день, что Богъ не можетъ не простить мнѣ моей небрежности...

И, мечтательно поднявъ глаза кверху, она добавила съ увѣренностью:

— Онъ—все проститъ. Онъ—милостивъ...

„Только затѣмъ Онъ вамъ и нуженъ, чтобы было у кого прощенья за пакости ваши просить“,—зло подумалъ Илья и вспомнилъ, что Олимпіада молилась долго и молча. Она вставала предъ образами на колѣни, опускала голову и такъ стояла неподвижно, точно окаменѣвшая... Лицо у нея въ эти минуты было убитое, строгое, на вопросы она ужъ не отвѣчала...

Теперь, когда Луневъ понялъ, что въ дѣлѣ съ магазиномъ Татьяна Власьевна ловко обошла его, онъ почувствовалъ что-то похожее на отвращеніе къ ней.

„Кабы она была мнѣ чужой человѣкъ, — ну, пускай!— думалось ему. — Всѣ стараются другъ друга обманывать... Но вѣдь она—въ родѣ жены мнѣ... цѣлуетъ, ласкаетъ... Кошка поганая! Этакъ-то только гулящія дѣвки дѣлаютъ... да и то не всѣ...“ Онъ сталъ относиться къ ней сухо, подозрительно и началъ подъ разными предлогами отказываться отъ свиданій съ нею. Какъ разъ въ это время предъ нимъ явилась еще одна женщина. Это была сестра Гаврика, иногда забѣгавшая въ лавочку посмотрѣть на брата. Высокая, тонкая и стройная, она была некрасива, и, хотя Гаврикъ сообщилъ, что ей девятнадцать лѣтъ, Ильѣ она казалась гораздо старше. Лицо у нея было длинное и какое-то желтое, истощенное; высокій лобъ прорѣзывали тонкія морщины. Широкія ноздри ея утинаго носа казались гнѣвно раздутыми, тонкія губы маленькаго рта всегда были плотно сложены. Говорила она отчетливо, но какъ будто сквозь зубы, неохотно; походка у нея была быстрая, и ходила она, высоко поднявъ голову, точно хвасталась предъ всѣми своимъ некрасивымъ лицомъ. А можетъ-быть, голову ей оттягивала назадъ толстая и

длинная коса темныхъ волосъ... Большіе черные глаза этой дѣвушки смотрѣли строго и серьезно, и всѣ черты лица, сливаясь вмѣстѣ, придавали ея высокой фигурѣ что-то особенное, прямое и непреклонное. Луневъ чувствовалъ предъ нею робость; она казалась ему гордой и внушала почтеніе къ себѣ. Всякій разъ, когда она являлась въ лавкѣ, онъ вѣжливо подавалъ ей стулъ, приглашая:

— Присядьте, пожалуйста!

— Благодарю!—кратко говорила она и, кивая ему головой, садилась.

Луневъ украдкой разсматривалъ ея лицо, рѣзко-отличное отъ всѣхъ женскихъ лицъ, которыя онъ видѣлъ до сей поры, ея коричневое платье, очень поношенное, ея башмаки съ заплатками и желтую соломенную шляпу. Она сидѣла, разговаривая съ братомъ, и длинные пальцы ея правой руки всегда выбивали на ея колѣнѣ быструю, но неслышную дробь. А лѣвой рукой она раскачивала въ воздухѣ ремни съ книгами. Ильѣ было странно видѣть гордой дѣвушку, такъ плохо одѣтую. Просидѣвъ въ лавкѣ двѣ-три минуты, она говорила брату:

— Ну, прощай! Не очень шали...

И, молча кивнувъ головой хозяину лавки, уходила походкой храбраго солдата, идущаго на приступъ.

— Какая у тебя сестра-то строгая!—сказалъ однажды Луневъ Гаврику.

Гаврикъ наморщилъ носъ, дико вытаращилъ глаза, оттопырилъ губы, и отъ этого лицо его приняло карикатурно-стремительное выраженіе, очень удачно напоминавшее лицо его сестры. Потомъ онъ съ улыбкой объяснилъ Ильѣ:

— Вотъ она какая... Только она это притворяется...

— Зачѣмъ же ей притворяться?

— Такъ ужъ... любитъ! Я тоже—какую захочу скорчить рожицу, такую и скорчу...

Дѣвушка сильно заинтересовала Илью, и, какъ раньше о Татьянѣ Власьевнѣ, онъ думалъ о ней:

„Вотъ на такой бы жениться... Ужъ эта, навѣрное, съ душой...“

Однажды она принесла съ собой толстую книгу и сказала брату:

— На̀, читай... Это очень интересно...

— Что̀ такое, позвольте взглянуть?—вѣжливо спросилъ Илья.

Она взяла книгу изъ рукъ брата и подала Луневу, говоря:

— „Донъ-Кихотъ“... Исторія одного добраго рыцаря...

— А! Про рыцарей я много читалъ,—съ любезной улыбкой

сказалъ Илья, взглянувъ ей въ лицо. У нея дрогнули брови, и она торопливо, сухимъ голосомъ заговорила:

— Вы читали сказки, а это прекрасная, умная книга. Въ ней описанъ человѣкъ, который посвятилъ себя защитѣ несчастныхъ, угнетенныхъ несправедливостью людей... человѣкъ этотъ всегда былъ готовъ пожертвовать своей жизнью ради счастья другихъ,—понимаете? Книга написана въ смѣшномъ духѣ... но этого требовали условія времени, въ которое она писалась... Читать ее нужно серьезно, внимательно...

— Такъ мы и почитаемъ,—сказалъ Илья.

Еще первый разъ дѣвушка говорила съ нимъ; онъ чувствовалъ отъ этого какое-то особенное удовольствіе и улыбался. Но она, взглянувъ на его лицо, сухо проговорила:

— Не думаю, что это понравится вамъ...

И ушла. Ильѣ показалось, что слово „вамъ“ она произнесла какъ-то особенно ясно. Это задѣло его, и онъ сердито сказалъ Гаврику, разглядывавшему картинки въ книгѣ:

— Ну, теперь читать не время...

— Да вѣдь покупателей нѣтъ?—возразилъ Гаврикъ, не закрывая книги. Илья посмотрѣлъ на него и промолчалъ. Въ памяти его звучали слова дѣвушки о книгѣ. А о самой дѣвушкѣ онъ съ неудовольствіемъ въ сердцѣ думалъ:

„Какая... фря!“

Время шло. Илья стоялъ за прилавкомъ и, покручивая усы, торговалъ, но ему стало казаться, что дни идутъ медленно. Иногда у него возникало желаніе запереть лавку и пойти куда-нибудь гулять, но онъ зналъ, что это отразилось бы на торговлѣ, и не ходилъ. Уходить вечеромъ тоже было неудобно: Гаврикъ боялся оставаться одинъ въ магазинѣ, да и опасно было оставлять магазинъ на него: онъ могъ нечаянно поджечь или пустить какого-нибудь жулика. Торговля шла недурно; Илья подумывалъ о томъ, что, пожалуй, придется нанять помощника. Связь съ Автономовой постепенно ослабѣвала сама собой, и Татьяна Власьевна тоже какъ будто не имѣла ничего противъ этого. Она весело посмѣивалась и очень тщательно провѣряла книгу дневного оборота. И когда она, сидя въ комнатѣ Ильи, щелкала косточками счетовъ, онъ чувствовалъ, что эта женщина съ птичьимъ лицомъ противна ему. Но иногда она являлась къ нему веселая, бойкая, шутила и, задорно играя глазами, называла Илью компаньономъ. Онъ увлекался, и возобновлялось то, что онъ называлъ про себя поганой капителью. Заходилъ Кирикъ, разваливался на стулѣ у прилавка и балагурилъ со швейками, если онѣ приходили

при немъ купить что-либо. Онъ уже снялъ съ себя полицейскую форму, носилъ костюмъ изъ чечунчи и хвастался своими успѣхами на службѣ у купца.

— Шестьдесятъ рублей жалованья и, даже при скромныхъ желаніяхъ, столько же наживаю, — недурно, а? Наживаю осторожно, законно... хо-хо! Квартиру мы перемѣнили,—слышалъ? Теперь у насъ миленькая квартирка. Наняли кухарку,—велика-а-лѣпно готовитъ, бестія! Съ осени начнемъ принимать много знакомыхъ, будемъ играть въ карты... пріятно, чортъ возьми! Весело проведешь время, и можно выиграть... насъ двое играютъ, я и жена, кто-нибудь одинъ всегда выигрываетъ! А выигрышъ окупаетъ пріемъ гостей,—хо-хо, душа моя! Вотъ что̀ называется дешевая и пріятная жизнь!..

Онъ расплывался на стулѣ еще больше, закуривалъ папиросу и, попыхивая дымомъ, продолжалъ, понизивъ голосъ:

— Ѣздилъ я, братецъ, въ деревню недавно,—слышалъ? И я тебѣ скажу: дѣвочки тамъ такія — фью! Знаешь,—дочери природы этакія... ядреныя, знаешь, не уколупнешь ее, шельму... И все это дешево, чортъ меня побери! Склянницу наливки, фунтъ пряниковъ, и—твоя.

Луневъ слушалъ эти рѣчи и молчалъ. Онъ почему-то жалѣлъ Кирика, жалѣлъ, не отдавая себѣ отчета, за что именно жаль этого толстаго и недалекаго парня? И въ то же время, почти всегда, ему хотѣлось смѣяться при видѣ Автономова. Онъ не вѣрилъ разсказамъ Кирика объ его деревенскихъ похожденіяхъ: ему казалось, что Кирикъ хвастаетъ, говоритъ съ чужихъ словъ. А находясь въ дурномъ настроеніи, онъ, слушая рѣчи его, думалъ:

„Крохоборъ!“

— Да-а, братецъ, великолѣпно это — заняться амуромъ на лонѣ природы, подъ сѣнью кущъ, какъ выражаются въ книжкахъ.

— А если Татьяна Власьевна узна̀етъ?—спросилъ Илья.

— Она этого не захочетъ узнать, братецъ,—лукаво подмигивая ему, отвѣтилъ Кирикъ.—Она знаетъ, что это ей не нужно знать, хо-хо! Мужчина есть пѣтухъ по природѣ своей... Ну, а ты, братецъ, какъ—имѣешь даму сердца?

— Грѣшенъ!—усмѣхаясь, сказалъ Илья.

— Швеечку? Да? Этакую брюнеточку...

— Нѣтъ, не швейку...

— Кухарку? Кухарка — это тоже хорошо, она теплая, сдобная...

Илья хохоталъ, какъ сумасшедшій, и этотъ смѣхъ убѣждалъ Кирика въ существованіи кухарки.

— Почаще мѣняй ихъ, почаще мѣняй,—тономъ знатока дѣла совѣтовалъ онъ Ильѣ.

— Да почему вы думаете, что кухарка или швейка? Развѣ другой какой-нибудь недостоинъ я?—спросилъ Луневъ сквозь смѣхъ.

— Онѣ тебѣ, братецъ, подходятъ по твоему положенію въ обществѣ больше другихъ... Вѣдь не можешь ты завести романъ съ дамой или дѣвушкой приличнаго общества, согласись?

— Да почему?

— Ахъ, это такъ понятно... Я не хочу тебя обижать, но ты, мой другъ, все-таки, знаешь... простой человѣкъ... мужичокъ, такъ сказать...

— А... а я завелъ съ дамой...—задыхаясь отъ смѣха, сказалъ Илья.

— Шутникъ!—воскликнулъ Кирикъ и тоже захохоталъ.

Но, когда Автономовъ уходилъ, Луневъ, думая надъ его словами, испытывалъ чувство обиды. Ему было ясно, что хотя Кирикъ добрый и смѣшной парень, однако онъ считаетъ себя какимъ-то особеннымъ человѣкомъ, неравнымъ ему, Ильѣ, выше его, лучше. Въ то же время онъ съ женой многимъ пользуется отъ него. Перфишка сообщилъ ему, что Петруха посмѣивается надъ его торговлей и называетъ его жуликомъ... А Яковъ говорилъ сапожнику, что раньше онъ, Илья, былъ лучше, душевнѣе, не зазнавался, какъ теперь. И сестра Гаврика тоже постоянно убѣждала Илью въ томъ, что она не ровня ему. Дочь почтальона, одѣтая едва не въ лохмотья, она смотрѣла на него такъ, точно сердилась на то, что онъ живетъ на одной землѣ съ нею. Самолюбіе Ильи, съ той поры, какъ онъ открылъ магазинъ, выросло и стало еще болѣе чуткимъ, чѣмъ прежде. Его интересъ къ этой некрасивой, но какой-то особенной дѣвушкѣ все развивался; ему хотѣлось понять, откуда въ ней, бѣдной, плохо одѣтой, эта гордость, предъ которой онъ все болѣе робѣлъ. Она никогда не хотѣла заговорить съ нимъ первая, и это больно задѣвало его. Вѣдь ея братъ служитъ у него въ мальчикахъ, и уже поэтому она бы должна смотрѣть на него, хозяина, поласковѣе. Онъ сказалъ ей однажды:

— Читаю вашу книгу о Донъ-Кихотѣ...

— Ну, и что̀ же? Нравится?—спросила она, не взглянувъ на него.

— Очень нравится!.. Смѣшно... чудакъ былъ человѣкъ.

Тутъ она на него посмотрѣла. Ильѣ показалось, что ея черные, гордые глаза воткнулись въ лицо ему съ ненавистью.

— Я такъ и знала, что вы скажете что-нибудь въ этомъ родѣ,—проговорила она медленно и внятно.

Ильѣ почудилось что-то обидное, укоризненное, враждебное ему въ этихъ словахъ.

— Человѣкъ я темный,—сказалъ онъ, пожавъ плечами.

Она промолчала въ отвѣтъ, точно не слышала его голоса.

И вновь въ душу Ильи стало вторгаться давно уже не владѣвшее ею настроеніе,—вновь онъ злился на людей, крѣпко и подолгу думалъ о справедливости, о своемъ грѣхѣ и о томъ, что̀ ждетъ его впереди. Ему нравился магазинъ и нравился почти весь укладъ его жизни въ эти дни. По сравненію съ прежней, эта жизнь была чище, спокойнѣй, свободнѣй. Но неужели онъ всегда будетъ жить вотъ такъ: съ утра до вечера торчать въ магазинѣ, потомъ наединѣ со своими думами сидѣть за самоваромъ и спать потомъ, а проснувшись, вновь итти въ магазинъ. Онъ зналъ, что многіе торговцы, а можетъ-быть, и всѣ живутъ именно такъ. Но они, навѣрное, всѣ женаты, у нихъ есть дѣти, они пьютъ водку, играютъ въ карты, и едва ли среди нихъ есть такіе, какъ онъ... У него и во внѣшней жизни и во внутренней было много причинъ считать себя человѣкомъ особеннымъ, непохожимъ на другихъ. Торговцы не нравились ему: одни были похожи на Кирика, всѣмъ хвастались и кромѣ торговли не говорили ни о чемъ, другіе явно мошенничали. Какъ-то разъ, думая надо всѣмъ этимъ, онъ вспомнилъ слова Якова:

— Не дай Богъ тебѣ удачи... жаденъ ты...

И эти слова казались ему глубоко обидными. Нѣтъ, онъ не жаденъ,—онъ просто хочетъ жить чисто, спокойно, и чтобы люди уважали его, чтобы никто не показывалъ ему на каждомъ шагу:

— Я выше тебя, Илья Луневъ, я тебя лучше...

И снова онъ думалъ, что̀ ждетъ его впереди? Будетъ ему возмездіе за убійство, или нѣтъ? Иногда ему думалось, что, если возмездіе за грѣхъ будетъ ему,—оно будетъ несправедливо. Въ городѣ живетъ много человѣкоубійцъ, развратниковъ, грабителей; всѣ знаютъ, что они по своей волѣ убійцы, развратники и мошенники, а вотъ живутъ они, пользуются благами жизни, и наказанія нѣтъ имъ до сей поры. А по справедливости—всякая обида, человѣку нанесенная, должна быть возмещена обидчику. И въ Библіи сказано: „Пусть Богъ воздастъ ему самому, чтобы онъ зналъ“. Эти мысли бередили всѣ старыя царапины въ его сердцѣ, и сердце вспыхивало буйнымъ чувствомъ жажды отомстить за свою надломленную жизнь. Порой ему приходило на умъ сдѣлать еще что-нибудь

дерзкое: пойти поджечь домъ Петрухи Филимонова, а когда домъ загорится и прибѣгутъ люди, то крикнуть имъ:

— Это я поджегъ! Это я задавилъ купца Полуэктова!

Люди схватятъ его, будутъ судить и сошлютъ въ Сибирь, какъ сослали его отца... Это возмущало его, и онъ суживалъ свою жажду мести до желанія разсказать Кирику о своей связи съ его женой или пойти къ старику Хрѣнову и избить его за то, что онъ мучаетъ Машу...

Иногда, лежа въ темнотѣ на своей кровати, онъ вслушивался въ глубокую тишину, и ему казалось, что вотъ сейчасъ все задрожитъ вокругъ него, повалится, закружится въ дикомъ вихрѣ, съ шумомъ, съ дребезгомъ. Этотъ вихрь завертитъ и его силою своей, какъ сорванный съ дерева листъ, завертитъ и—погубитъ... И Луневъ вздрагивалъ отъ предчувствія чего-то необычайнаго...

Какъ-то вечеромъ, когда Луневъ уже собирался запирать магазинъ, явился Павелъ и, не здороваясь, спокойнымъ голосомъ сказалъ:

— Вѣрка убѣжала...

Онъ сѣлъ на стулъ, облокотился о прилавокъ и тихо засвисталъ, глядя на улицу. Лицо у него было какое-то окаменѣвшее, но маленькіе русые усики шевелились, какъ у кота.

— Одна или съ кѣмъ-нибудь?— спросилъ Илья.

— Не знаю... Третій день нѣтъ ея...

Илья смотрѣлъ на него и молчалъ. Спокойное лицо и голосъ Павла не позволяли ему понять, какъ относится Грачевъ къ бѣгству своей подруги. Но онъ чувствовалъ въ этомъ спокойствіи какое-то безповоротное рѣшеніе...

— Что же ты думаешь дѣлать?—тихо спросилъ онъ, видя, что Павелъ не собирается говорить. Тогда Грачевъ пересталъ свистать и, оборачиваясь къ товарищу, кратко объявилъ:

— Зарѣжу...

— Ну, опять за свое!—воскликнулъ Илья, досадливо махнувъ рукой.

— Я объ нее все сердце обломалъ,—вполголоса заговорилъ Павелъ.—Вотъ ножикъ.

Онъ вынулъ изъ-за пазухи небольшой хлѣбный ножъ и повертѣлъ его предъ своимъ лицомъ.

— Хвачу ее разокъ по горлу...

Но Илья схватилъ его руку, вырвалъ ножъ и бросилъ за прилавокъ, сердито говоря:

— Вооружился быкъ на муху...

Павелъ вскочилъ со стула и повернулся лицомъ къ нему. Глаза у него яростно горѣли, лицо исказилось, онъ весь вздра-

ивалъ. Но тотчасъ же снова опустился на стулъ и презрительно сказалъ:

— Дуракъ ты...

— Ты уменъ!..

— Сила не въ ножѣ, а въ рукѣ...

— Говори!..

— И если бъ руки у меня отвалились,—зубами глотку ей ерерву...

— Ишь какъ страшно!..

— Ты со мной не говори, Илья...—вновь спокойно и неромко сказалъ Павелъ.—Вѣрь, не вѣрь, но меня не дразни... Іеня судьба довольно дразнитъ...

— Да ты, чудакъ, подумай,—убѣдительно и мягко заговорилъ Илья.

— Я думалъ два года съ лишкомъ... Все ужъ передумано... прочемъ, я уйду... Что съ тобой говорить? Ты—сытъ... сталоыть, мнѣ не товарищъ...

— А ты брось безумство-то! — съ укоромъ крикнулъ уневъ.

— Я же—и душой и тѣломъ голоденъ...

— Дивлюсь я, какъ люди разсуждаютъ!—пожавъ плечами, асмѣшливо заговорилъ Илья.—Баба для человѣка въ родѣ кота... въ родѣ лошади! Везешь меня? Ну, старайся, бить не уду. Не хошь везти? Трахъ ее по башкѣ!.. Да, черти, вѣдь баба—человѣкъ, и у нея свой характеръ есть...

Павелъ взглянулъ на него и хрипло засмѣялся.

— А я кто? Не человѣкъ?..

— Да ты долженъ быть справедливымъ или нѣтъ?

— А поди ты ко всѣмъ чертямъ съ этой самой справедливостью!—бѣшено закричалъ Грачевъ, вскакивая со стула.— удь ты справедливъ: сытому это не мѣшаетъ... Слыхалъ? у, и прощай...

Онъ быстро пошелъ вонъ изъ магазина и въ двери зачѣмъ-то нялъ съ головы картузъ. Илья выскочилъ изъ-за прилавка слѣдъ за нимъ, но Грачевъ уже шелъ по улицѣ, держа картузъ въ рукѣ и возбужденно размахивая имъ.

— Павелъ!—крикнулъ Луневъ.—Постой...

Онъ не остановился, даже не оглянулся и, повернувъ въ роулокъ, исчезъ. Илья медленно прошелъ за прилавокъ, увствуя, что отъ словъ товарища его лицо такъ горитъ, акъ будто онъ въ жарко растопленную печь посмотрѣлъ.

— Ка-акой злой!—раздался голосъ Гаврика.

Илья усмѣхнулся.

— Кого это онъ рѣзать собрался? — спросилъ Гаврикъ,

подходя къ прилавку. Руки у него были заложены за спину, голова поднята вверхъ, и шероховатое лицо покраснѣло.

— Жену свою,—сказалъ Илья, глядя на мальчика.

Гаврикъ помолчалъ, потомъ какъ-то припатужился и тихо, вдумчиво сообщилъ хозяину:

— А у насъ сосѣдка на Рождествѣ мужа мышьякомъ отравила... Портного... За то, что онъ все пьянствовалъ.

— Бываетъ... — медленно проговорилъ Луневъ, думая о Павлѣ.

— А этотъ,—онъ вправду зарѣжетъ?

— Отстань, Гаврикъ!..

Мальчикъ повернулся, пошелъ къ двери и по дорогѣ пробормоталъ:

— А женятся, черти!

Уже вечерній сумракъ влился въ улицу, и въ окнахъ дома напротивъ лавочки Лунева зажгли огонь.

— Запирать пора...—тихо сказалъ Гаврикъ.

Илья смотрѣлъ на освѣщенныя окна. Снизу ихъ закрывали цвѣты, сверху бѣлыя шторы. Сквозь листву цвѣтовъ было видно золотую раму на стѣнѣ. Когда окна были открыты, изъ нихъ на улицу вылетали звуки гитары, пѣніе и громкій смѣхъ. Въ этомъ домѣ почти каждый вечеръ пѣли, играли и смѣялись. Луневъ зналъ, что тамъ живетъ членъ окружнаго суда Громовъ, человѣкъ полный, румяный, съ большими черными усами. Жена у него была тоже полная, бѣлокурая, съ ласковыми голубыми глазками; она ходила по улицѣ важно, какъ сказочная королева, а когда разговаривала, то все улыбалась. Еще у Громова была сестра-невѣста, высокая, черноволосая и смуглая дѣвица; около нея увивалось множество молодыхъ чиновниковъ; всѣ они смѣялись, пѣли, собирались у Громова чуть не каждый вечеръ. Кухарка Громовыхъ, покупая у Лунева нитки, жаловалась на хозяевъ, говоря, что они плохо кормятъ прислугу и задерживаютъ жалованье. И Луневъ думалъ:

„Вѣдь вотъ, живутъ люди хорошо ..“

— Право, запирать пора,—настойчиво проговорилъ Гаврикъ.

— Запирай...

Мальчикъ затворилъ дверь, и въ магазинѣ стало темно. Потомъ загремѣло желѣзо замка.

„Какъ въ тюрьмѣ“,—подумалъ Илья.

Обидныя слова товарища о сытости воткнулись ему въ сердце, какъ заноза. Сидя за самоваромъ, онъ думалъ о Павлѣ съ непріязнью, ему не вѣрилось, что Грачевъ можетъ зарѣзать Вѣру

„Напрасно я за нее заступился, все-таки... Песъ съ ними со всѣми... Сами не умѣютъ жить, другимъ мѣшаютъ...“—съ ожесточеніемъ подумалъ онъ.

Гаврикъ громко схлебывалъ чай съ блюдечка и двигалъ подъ столомъ ногами.

— Зарѣзалъ или нѣтъ еще?—вдругъ спросилъ онъ хозяина.

Луневъ сумрачно посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— А ты пей... да спать иди...

Самоваръ шипѣлъ и гудѣлъ такъ, точно готовился спрыгнуть со стола.

Вдругъ предъ окномъ встала темная фигура, и робкій, дрожащій голосъ спросилъ:

— Не здѣсь ли живетъ Илья Яковлевичъ?..

— Здѣсь,—крикнулъ Гаврикъ и, вскочивъ со стула, бросился къ двери на дворъ такъ быстро, что Илья не успѣлъ ничего сказать ему.

Въ двери явилась тонкая фигурка женщины въ ситцевомъ платьѣ и платочкѣ на головѣ. Одной рукой она уперлась въ косякъ, а другой теребила концы платка на шеѣ. Стояла она бокомъ, какъ бы готовясь тотчасъ же уйти.

— Входите,—недовольно сказалъ Луневъ, глядя на нее и не узнавая.

Вздрогнувъ отъ его голоса, она подняла голову, и блѣдное, маленькое лицо ея улыбнулось...

— Маша!—крикнулъ Илья, вскочивъ со стула.

Она тихонько засмѣялась и, заперевъ дверь на крюкъ, шагнула къ нему.

— Не узналъ... не узнали даже...—проговорила она, останавливаясь среди комнаты.

— Господи Боже! Да развѣ узнаешь! Какая ты... какая стала!..

Съ преувеличенной вѣжливостью Илья взялъ ее за руку, велъ къ столу, наклоняясь и заглядывая ей въ лицо и не умѣя сказать, какая она именно стала. А она была невѣроятно худая и шагала такъ, точно ноги у нея подламывались.

— Откуда ты? Устала? Ахъ, ты... какая!—бормоталъ онъ, бережно усаживая ее на стулъ и все заглядывая въ лицо ей.

— Вотъ какъ меня...—сказала она, съ улыбкой взглянувъ въ глаза Ильи.

Теперь, когда она сѣла противъ свѣта лампы, онъ хорошо видѣлъ ея фигуру. Она оперлась на спинку стула, свѣсивъ тонкія руки, и, склонивъ голову на бокъ, учащенно дышала

своей плоской грудью. Была она какая-то безплотная, казалась составленной изъ однѣхъ костей. Ситецъ ея платья обрисовывалъ угловатыя плечи, локти, колѣни, и лицо у нея было страшно отъ худобы. Синеватая кожа туго натянулась на вискахъ, скулахъ и подбородкѣ, отъ этого ротъ ея былъ болѣзненно полуоткрытъ, тонкія губы не скрывали зубовъ и на ея маленькомъ, удлиненномъ лицѣ застыло выраженіе тупой боли, испуга. А глаза смотрѣли тускло и мертво.

— Хворала ты?—тихо спросилъ Илья.

— Нѣ-ѣтъ,—отвѣтила она.—Я совсѣмъ здоровая... это онъ меня отдѣлалъ...

— Мужъ?

— Му-ужъ...

Ея протяжныя, негромкія слова звучали, какъ стоны, оскаленные зубы придавали лицу что-то рыбье и мертвое...

Гаврикъ, стоя около Маши, смотрѣлъ на нее, сжавъ губы съ боязнью въ глазахъ.

— Иди, спи!—сказалъ ему Луневъ.

Мальчикъ ушелъ въ магазинъ, повозился тамъ съ минуту и потомъ изъ-за косяка двери высунулась его голова.

Маша сидѣла неподвижно, только глаза ея, тяжело вращаясь въ орбитахъ, передвигались съ предмета на предметъ. Луневъ наливалъ ей чай, смотрѣлъ на нее и не могъ ни чемъ спросить подругу.

— Да-а... очень онъ мучаетъ меня... — заговорила она. Губы у ней вздрогнули, и глаза закрылись на секунду. А когда она открыла ихъ,—изъ-подъ рѣсницъ выкатились двѣ большія и тяжелыя слезы.

— Не плачь...— сказалъ Илья, отвернувшись отъ нея.— Ты лучше... пей чай, вотъ... и разсказывай мнѣ все... легче будетъ...

— Боюсь — придетъ онъ... — покачавъ головой, сказала Маша.

— Ты ушла отъ него?..

— Да-а... Я ужъ четвертый разъ... Когда не могу больше терпѣть и... убѣгаю... Прошлый разъ я въ колодецъ было хотѣла... а онъ поймалъ... и такъ билъ, такъ мучилъ...

Глаза у нея стали огромные отъ ужаса воспоминаній, нижняя челюсть задрожала; опустивъ голову, она шопотомъ договорила:

— Ноги онъ мнѣ все ломаетъ...

— Эхъ!—воскликнулъ Илья.—Да что же ты? Безъ языка живешь? Въ полицію заяви... истязуетъ, молъ! За это судятъ... въ острогъ сажаютъ

— Н-ну-у, онъ самъ и судья,—безнадежно сказала Маша.

— Хрѣновъ? Какой онъ судья,—что ты?

— Ужъ я знаю! Онъ въ судѣ недавно сидѣлъ двѣ недѣли кряду... все судилъ... Приходилъ оттуда злой, голодный... Взялъ да щипцами самоварными грудь мнѣ ущемилъ и вертитъ, и крутитъ... какъ тряпку... гляди-ка!

Она дрожащими пальцами разстегнула платье и показала Ильѣ маленькія, дряблыя груди, покрытыя темными пятнами, точно изжеванныя.

— Застегнись,—угрюмо сказалъ Илья. Ему было непріятно видѣть это избитое, жалкое тѣло, и даже не вѣрилось, что предъ нимъ сидятъ подруга дѣтскихъ дней, славная дѣвочка Маша. А она, обнаживъ плечо, говорила ровнымъ голосомъ:

— А плечи-то какъ исколотилъ, гляди-ка! И всю какъ есть... животъ ущипалъ весь, волосы подъ мышками выщипалъ...

— Да за что?—спросилъ Луневъ.

— Злой онъ... Говоритъ—ты меня не любишь! И щиплетъ...

— Можетъ, ты... не дѣвушка ужъ была, какъ за него вышла?

— Ну-у, какъ же это? Съ тобой да съ Яшей жила я... никто меня не трогалъ никогда... Да и теперь я... къ тому неспособна... больно мнѣ и противно... тошнитъ всегда...

— Молчи, Маша,—тихонько попросилъ ее Илья.

Она замолчала и снова окаменѣла, сидя на стулѣ съ обнаженной грудью.

Илья взглянулъ изъ-за самовара на ея худое, избитое тѣло и повторилъ:

— Застегнись...

— Мнѣ тебя не стыдно,—беззвучно отвѣтила она, принимаясь застегивать кофту дрожащими пальцами.

Стало тихо. Потомъ изъ магазина донеслись громкія всхлипыванья. Илья всталъ, подошелъ къ двери и притворилъ ее, сказавъ угрюмо:

— Перестань, Гаврюшка... спи, знай!

— Это—мальчикъ?—спросила Маша.

— Онъ...

— Плачетъ?..

— Да...

— Боится?

— Н-нѣтъ... жалѣетъ, должно-быть.

— Кого?

— Тебя...

— Ишь какой,—равнодушно сказала Маша, но ея без жизненное лицо осталось неподвижнымъ. Потомъ она стала пить чай, а руки у нея тряслись и блюдечко стучало о зубы ея. Илья смотрѣлъ на нее изъ-за самовара и не зналъ— жалко ему Машу, или не жалко? Ему было тяжело съ ней и онъ думалъ о ея мужѣ съ ненавистью.

— Что̀ ты будешь дѣлать?—спросилъ онъ послѣ долгаго молчанія.

— Не знаю, — отвѣтила она и вздохнула.—Что̀ мнѣ дѣлать?.. Отдохну... опять поймаютъ...

— Жаловаться надо, — рѣшительно сказалъ Луневъ.—За что онъ тебя мучаетъ? И кто имѣетъ право мучить человѣка?

— Онъ и ту жену тоже такъ...—заговорила Маша.—И за косу къ кровати привязывалъ и щипалъ... все такъ же... И вотъ разъ спала я, и только вдругъ стало больно мнѣ... проснулась и кричу. А это онъ зажегъ спичку да на животъ мнѣ и положилъ...

Луневъ вскочилъ со стула и громко, съ бѣшенствомъ заговорилъ о томъ, что она должна завтра же итти въ полицію показать тамъ всѣ свои синяки и требовать, чтобъ мужа ея судили. Она же, слушая его рѣчь, безпокойно задвигалась на стулѣ и, пугливо озираясь, сказала:

— Ты не кричи... не кричи, пожалуйста! Услышатъ...

Его слова только пугали ее. Онъ скоро понялъ это, и ему стало ясно, что эта дѣвочка замучена и забита до полной утраты человѣческаго облика.

— Ну, ладно,—сказалъ онъ, снова усаживаясь на стулъ,— я самъ возьмусь за это... Я найду пути!.. Ты, Машутка, ночуешь у меня... слышишь?

— Слышу...—тихо отвѣтила она, оглядывая комнату.

— Ляжешь на моей постели... а я въ магазинъ уйду... А завтра я...

— Мнѣ бы теперь вотъ лечь... устала я...

Онъ молча отодвинулъ столъ отъ кровати; Маша свалилась на нее, попробовала завернуться въ одѣяло, но не сумѣла и тихонько улыбнулась, говоря:

— Смѣшная я какая... ровно пьяная...

Илья бросилъ на нее одѣяло, поправилъ подушку подъ головой ея и хотѣлъ уйти въ магазинъ, но она безпокойно заговорила:

— Не уходи... посиди со мной! Я боюсь одна... мерещится мнѣ что-то...

Онъ сѣлъ на стулъ рядомъ съ нею и, взглянувъ на ея блѣдное лицо, осыпанное кудрями, отвернулся. Какъ-то сразу

вдругъ стало совѣстно видѣть ее едва живой. Вспомнилъ онъ просьбы Якова, разсказы Матицы о жизни Маши и низко наклонилъ голову.

— И Яшу тоже, слышь, отецъ бьетъ... Матица говорила... Судьба-то какая...—заговорила она.

— Отцы!—сквозь зубы сказалъ Луневъ, перерывая ея тихую, безжизненную рѣчь.—Такихъ отцовъ въ каторгу надо... и твоего и Петрушку Филимонова...

— Ну, мой отецъ—слабый... онъ ни въ чемъ не виноватъ...

— Не можешь выходить своихъ дѣтей—не роди ихъ...

Въ домѣ напротивъ лавочки пѣли въ два голоса, и слова пѣсни влетали черезъ открытое окно въ комнату Ильи. Крѣпкій, здоровый басъ усердно выговаривалъ:

„Рра-ззо-очарован-ному чу-у-ужды...“

— Вотъ я ужъ и засыпаю,—пробормотала Маша.—Хорошо какъ у тебя... тихо-тихо... поютъ... хорошо они поютъ.

— Н-да, распѣваютъ...—угрюмо усмѣхаясь, сказалъ Луневъ.—Съ однихъ шкуры дерутъ, а другіе поютъ...

„И н-не м-мог-гу пре-да-ть-ся вновь...“

„Р-разъ и-и-и-и...“—Высокая нота красиво зазвенѣла въ тишинѣ ночи, взлетая къ высотѣ легко и свободно...

Луневъ всталъ и съ досадой закрылъ окно: пѣсня казалась ему неумѣстной,—она какъ-то обижала его. Стукъ рамы заставилъ Машу вздрогнуть. Она открыла глаза и, съ испугомъ приподнявъ голову, спросила:

— Кто это?

— Я... окно закрылъ...

— Господи Исусе!.. Ты уходишь?

— Нѣтъ, нѣтъ... не бойся...

Она поворочала головой по подушкѣ и снова задремала. Малѣйшее движеніе Ильи, звукъ шаговъ на улицѣ—все безпокоило ее: она тотчасъ же открывала глаза и сквозь сонъ вскрикивала:

— Сейчасъ... охъ!.. сейчасъ...

Или спрашивала Илью, протягивая къ нему руку:

— Стучатъ?

Стараясь сидѣть неподвижно и глядя въ окно, снова открытое имъ, Луневъ соображалъ, какъ бы помочь Машѣ, и угрюмо рѣшилъ не отпускать ея отъ себя до поры, пока въ дѣло не вмѣшается полиція...

„Нужно черезъ Кирика дѣйствовать...“

— Просимъ, просимъ!—вырвались изъ оконъ квартиры

Громова оживленные крики. Кто-то хлопалъ въ ладоши. Маша застонала, а у Громова опять запѣли:

„Пар-ра гнѣдыхъ, запр-ряженныхъ съ зар-рею..."

Луневъ почти съ отчаяніемъ замоталъ головой... Это пѣніе веселые крики, смѣхъ—мѣшали ему. Облокотясь на подоконникъ, онъ смотрѣлъ на освѣщенныя окна противъ себя со злобой, съ буйнымъ негодованіемъ и думалъ, что хорошо бы выйти на улицу и запустить въ одно изъ оконъ булыжникомъ съ мостовой. Или, имѣя ружье, выстрѣлить туда, в этихъ веселыхъ людей, дробью. Дробь долетитъ. Онъ представилъ себѣ испуганныя, окровавленныя морды, смятеніе визгъ и—улыбнулся со злой радостью въ сердцѣ. Но слова пѣсни невольно лѣзли въ уши, онъ повторялъ ихъ про себя и съ удивленіемъ понялъ, что эти веселые люди распѣваютъ о томъ, какъ хоронили гулящую женщину. Это поразило его Онъ сталъ слушать съ бо́льшимъ вниманіемъ и, слушая думалъ:

„Зачѣмъ это они поютъ? Какое веселье въ этакой пѣснѣ Вотъ выдумали, дураки! Про похороны да еще про чьи... А тутъ, въ пяти саженяхъ отъ нихъ, живой замученный человѣкъ лежитъ... и никому о мукахъ его неизвѣстно... сволочи!"

— Браво! Бра-во-о!—разнеслось по улицѣ.

Луневъ улыбался, поглядывая то на Машу, то на улицу Ему уже казалось смѣшнымъ то, что люди веселятся, распѣвая пѣсню про похороны распутницы.

— Василій... Василичъ...—бормотала Маша...—Не буду... Господи...

Она заметалась на постели, какъ обожженная, сбросила одѣяло на полъ и, широко раскинувъ руки, замерла. Ротъ у нея былъ полуоткрытъ, она хрипѣла. Луневъ быстро наклонился надъ нею, боясь, что она помираетъ; потомъ, успокоенный ея дыханіемъ, онъ покрылъ ее одѣяломъ, влѣзъ на подоконникъ съ ногами и прислонился лицомъ къ желѣзу рѣшетки, разглядывая окна Громова. Тамъ все пѣли—то въ одинъ голосъ, то въ два, пѣли хоромъ. Звучала музыка, раздавался смѣхъ. Въ окнахъ мелькали женщины, одѣтыя в бѣлое, розовое и голубое. Илья прислушивался къ пѣснямъ и съ недоумѣніемъ думалъ, какъ они, эти люди, могутъ пѣть протяжныя, тоскливыя пѣсни про Волгу, про похороны, про нераспаханную полосу и послѣ каждой пѣсни смѣяться, как ни въ чемъ не бывало, точно это и не они пѣли... Неужто они и тоской забавляются?

А каждый разъ, когда Маша напоминала ему о себѣ, онъ тупо смотрѣлъ на нее и думалъ, что̀ будетъ съ нею. Вдругъ зайдетъ Татьяна и увидитъ ее... Что̀ ему дѣлать съ Машей? Онъ чувствовалъ себя такъ, точно угорѣлъ. Ему было тошно отъ пѣсенъ, стоновъ Маши и тяжелыхъ, безсвязныхъ думъ. Когда онъ захотѣлъ спать, то слѣзъ съ подоконника и растянулся на полу, рядомъ съ кроватью, положивъ подъ голову себѣ пальто свое. Во снѣ онъ видѣлъ, что Маша умерла и лежитъ среди большого сарая на землѣ, а вокругъ нея стоятъ бѣлыя, голубыя и розовыя барыни и поютъ надъ ней. И когда онѣ поютъ грустныя пѣсни, то всѣ хохочутъ не въ ладъ пѣнію, а запѣвая веселое, горько плачутъ, грустно кивая головами и вытирая слезы бѣлыми платочками. Въ сараѣ темно, сыро, въ углу его стоитъ кузнецъ Савелъ и куетъ желѣзную рѣшетку, громко ударяя молотомъ по раскаленнымъ прутьямъ. По крышѣ сарая кто-то ходитъ и кричитъ:

— И-лья, И-лья!..

А онъ, Илья, лежитъ тутъ же въ сараѣ, туго связанный чѣмъ-то, ему трудно поворотиться, и онъ не можетъ говорить...

— Илья! Встань, пожалуйста...

Онъ открылъ глаза и узналъ Павла Грачева. Сидя на стулѣ, Павелъ толкалъ ногой его ноги. Яркій лучъ солнца смотрѣлъ въ комнату, освѣщая кипѣвшій на столѣ самоваръ. Луневъ прищурился, ослѣпленный.

— Слушай, Илья!

Голосъ у Павла хрипѣлъ, какъ послѣ долгаго похмелья, лицо было желтое, волосы растрепаны. Луневъ взглянулъ на него и вскочилъ съ пола, крикнувъ вполголоса:

— Что̀?

— Попалась!..—тряхнувъ головой, сказалъ Павелъ.

— Что̀... такое? Гдѣ она?—спросилъ Луневъ, наклоняясь къ нему и схвативъ его за плечо. Грачевъ пошатнулся и растерянно проговорилъ:

— По-осадили въ тюрьму... Вчера, слышь, утромъ отвели въ острогъ...

— За что?—громкимъ шопотомъ спросилъ Илья.

Проснулась Маша и, вздрогнувъ при видѣ Павла, уставилась въ лицо ему испуганными глазами. Изъ двери магазина смотрѣлъ Гаврикъ, неодобрительно скрививъ губы.

— Говорятъ.. будто она у какого-то купца... украла шестьсотъ рублей... бумажникъ цѣлый... векселя, дескать.

Илья толкнулъ товарища въ плечо и молча отошелъ отъ него.

— При обыскѣ нашли у нея...—глухо говорилъ Грачевъ.— Помощника частнаго... по рожѣ, слышь, ударила...

— Н-ну, конечно,—сурово усмѣхнувшись, сказалъ Илья.— Коли ужъ въ острогъ, такъ обѣими ногами...

Поняв, что все это ея не касается, Маша улыбнулась и тихо сказала:

— Меня бы вотъ въ острогъ...

Павелъ взглянулъ на нее, потомъ на Илью.

— Не узнаешь?—спросилъ Илья.—Машу, Перфишки дочь, помнишь?

— А-а,—равнодушно протянулъ Павелъ и отвернулся отъ Маши, хотя она, узнавъ его, улыбалась ему.

— Илья!—угрюмо сказалъ Грачевъ.—А что, если это она для меня постаралась? Говорила вѣдь она про это...

— Ну, я не знаю, для кого она... для тебя, для себя... все равно теперь! Ея пѣсня спѣта...

Луневъ еще не успѣлъ прійти въ себя. Невыспавшійся, немытый и растрепанный, онъ сѣлъ на кровать въ ногахъ Маши и, поглядывая то на нее, то на Павла, чувствовалъ себя ошеломленнымъ...

— Я зналъ,—медленно говорилъ онъ,—что вся эта... исторія добромъ не кончится.

— Не слушала меня,—убитымъ голосомъ сказалъ Павелъ.

— Во-отъ!—насмѣшливо воскликнулъ Луневъ. — Въ томъ все и дѣло, что она тебя не слушалась! А что ты сказать ей могъ?

— Я ее любилъ...

— А на кой чортъ она нужна, твоя любовь?

Луневъ почему-то началъ горячиться. Онъ чувствовалъ, что всѣ исторіи—Павлова, Машина—возбуждаютъ въ немъ злобу, возмущаютъ его. И, не зная, куда направить это чувство, онъ направилъ его на товарища...

— Всякому хочется жить чисто, весело... ей тоже... А ты ей: я тебя люблю, стало-быть, живи со мной и терпи во всемъ недостатокъ... Думаешь, это такъ и слѣдуетъ?

— А какъ бы мнѣ надо поступать? — спросилъ Павелъ кротко и тихо.

Этотъ вопросъ нѣсколько охладилъ Лунева. Онъ невольно задумался.

— Легче было бы для меня убить ее своей рукой,—проговорилъ Павелъ.

Изъ магазина выглянулъ Гаврикъ.

— Илья Яковлевичъ! Отпирать магазинъ?

— Ну его къ чорту!—съ раздраженіемъ крикнулъ Луневъ.— Какая тутъ торговля?

— Мѣшаю я тебѣ?—сказалъ Павелъ.

Онъ сидѣлъ на стулѣ, согнувшись, положивъ локти на колѣни и глядя въ полъ. На вискѣ у него напряженно билась какая-то жилка, туго налившаяся кровью.

— Ты?—воскликнулъ Луневъ, посмотрѣвъ на него.—Ты мнѣ не мѣшаешь... и Маша не мѣшаетъ... тутъ—другое! Тутъ, я тебѣ не разъ это говорилъ,—что-то другое всѣмъ намъ мѣшаетъ... тебѣ, мнѣ, Машѣ... всѣмъ. Глупость наша или что̀—не знаю... но только жить по-человѣчески нѣтъ никакой возможности!

Луневъ оглянулъ свою тѣсную комнату, Машу, лежавшую на кровати неподвижно, съ унынiемъ на лицѣ, заглянулъ въ магазинъ, гдѣ Гаврикъ пилъ чай, посмотрѣлъ въ окно съ рѣшеткой на улицу и съ отчаянiемъ въ душѣ продолжалъ говорить раздраженнымъ и хриплымъ голосомъ:

— Жить нельзя... Тѣсно, глухо и непонятно... Найдетъ человѣкъ себѣ чистый уголъ... и тутъ ему нѣтъ покою. Все какое-то не настоящее... тяжелое, непрiятное... Обидно все... Слышишь—пѣсни люди поютъ, значитъ—весело имъ. Но и пѣсни обидно слушать, когда душа болитъ...

— Про что ты говоришь?—спросилъ Павелъ, не глядя на него.

— Про все!—крикнулъ Луневъ.—Я теперь такъ чувствую, что все ни къ чорту не годится! Я не понимаю ничего... можетъ-быть... Ну, хорошо, не понимаю! Но я понялъ, чего мнѣ надо: мнѣ жить надо по-человѣчески,—чисто, честно, весело! Я не хочу видѣть никакого горя, никакихъ безобразiй... грѣховъ и всякой мерзости... не хочу! А самъ...

Онъ замолчалъ и поблѣднѣлъ.

— Ну?—сказалъ Павелъ.

— Нѣтъ... не въ томъ дѣло!.. я вѣдь не нарочно...—понизивъ голосъ, продолжалъ Луневъ.

— Ты все про себя...—замѣтилъ ему Павелъ.

— А ты про кого?—насмѣшливо спросилъ Илья.—Ты про нее? А она кому—тебѣ нужна, или мнѣ? Всякъ человѣкъ своей язвой язвленъ, своимъ голосомъ и стонетъ... Я не про себя, а про всѣхъ... потому всѣ меня безпокоятъ...

— Уйду,—сказалъ Грачевъ и тяжело поднялся со стула.

— Эхъ!—крикнулъ Илья.—Пойми ты, а не обижайся... Вѣдь и я обиженъ! Обиженнымъ понимать другъ друга надо... тогда и ясно будетъ, кто обидчикъ...

— Меня, братъ, какъ кирпичомъ по головѣ ударило... Вѣрку жаль... вотъ тутъ и весь я... Что̀ дѣлать? Не знаю...

— Ничего не подѣлаешь!—рѣшительно сказалъ Илья.— О ней пиши—пропала! Засудятъ ее... взята съ поличнымъ...

Грачевъ опять сѣлъ на стулъ.

— А ежели я объявляю, что она для меня это?—спросилъ онъ.

— Ты—принцъ? Скажи, тогда и тебя въ тюрьму сунутъ... Вотъ что... надо все-таки привести себя въ порядокъ. Умылся бы ты... И ты, Маша, тоже... мы уйдемъ въ магазинъ, а ты встань, приберись... чаю намъ налей... Дѣйствуй, какъ дома...

Маша вздрогнула и, приподнявъ голову съ подушки, спросила Илью:

— А какъ же... домой итти мнѣ?

— Не надо!.. Домъ у человѣка тамъ... гдѣ его хоть не мучаютъ... Идемъ, Маша!

Когда они вошли въ магазинъ, Павелъ сумрачно спросилъ:

— Зачѣмъ она у тебя? Дохлая какая...

Луневъ кратко разсказалъ ему, въ чемъ дѣло. Къ его удивленію, исторія Маши какъ бы оживила Грачева.

— Ишь, старый чортъ! — обругалъ онъ лавочника и даже улыбнулся.

Илья стоялъ рядомъ съ нимъ и осматривалъ свой магазинъ, говоря:

— Грабежъ, разбой, воровство, пьянство... всякая грязища и безпорядокъ... вотъ и вся жизнь! Иной ничего этого не желаетъ, но—все равно!—по одной со всѣми рѣкѣ плывешь, и тебя та же вода мочитъ... Живи, какъ установлено для всѣхъ. Скрыться некуда. Въ лѣсъ, что ли, бѣжать? Въ монастырь?.. Ты вотъ однажды, недавно еще, сказалъ мнѣ, что меня вся эта музыка не успокоитъ...

Онъ повелъ по магазину широкимъ жестомъ и съ непріятной усмѣшкой кивнулъ головой.

— Вѣрно! Не успокаиваетъ... Какой мнѣ выигрышъ въ томъ, что я, на одномъ мѣстѣ стоя, торгую? Много заботъ, но свободы я лишился. Выйти нельзя. Бывало, ходишь по улицамъ... куда хочешь... Найдешь хорошее, уютное мѣстечко, посидишь, полюбуешься... А теперь торчу здѣсь изо дня въ день и—больше ничего...

— Вотъ бы тебѣ Вѣру въ приказчицы взять, — сказалъ Павелъ.

Илья взглянулъ на него и замолчалъ.

— Идите! — позвала ихъ Маша.

За чаемъ они всѣ трое почти не разговаривали. На улицѣ свѣтило солнце, по тротуару шлепали босыя ноги ребятишекъ, мимо оконъ проходили продавцы овощей.

— Луку зеленаго, луку!—звонко кричала женщина.

Все говорило о веснѣ, о хорошихъ, теплыхъ и ясныхъ днях, а въ тѣсной комнатѣ пахло сыростью, порою раздавалось унылое негромкое слово, самоваръ пищалъ, отражая солнце...

— Сидимъ, какъ на поминкахъ, — сказалъ Илья.

— По Вѣркѣ, — добавилъ Грачевъ.

Онъ такъ и сидѣлъ, какъ ушибленный. Руки у него двигались вяло, лицо было унылое, говорилъ онъ медленно и глухо...

— Ты бы очнулся, — сухо сказалъ ему Илья. — Что ужъ раскисать-то?

— Совѣсть мучитъ...—покачавъ головой, проговорилъ Грачевъ. — Сижу и думаю: а ну, какъ это я ее въ тюрьму вогналъ?

— И даже очень это можетъ быть,—безжалостно подтвердилъ Илья.

Грачевъ поднялъ голову и съ укоромъ посмотрѣлъ на товарища.

— Чего глядишь?

— Злой ты...

— А съ чего это мнѣ быть доброму? И съ какой радости буду я ласковый?—закричалъ Илья.—Кто мнѣ добро дѣлалъ? Кто меня по головкѣ гладилъ?.. Былъ, можетъ-быть, одинъ человѣкъ, который меня любилъ... Да и то была сволочь... распутная баба! А! Насъ всякъ будетъ бить, а мы должны смирненькими быть? Нѣтъ, покорно благодарю!

Отъ прилива жгучаго раздраженія лицо у него покраснѣло, глаза налились кровью; онъ вскочилъ со стула въ порывѣ злобы, охваченный желаніемъ кричать, ругаться, бить кулаками о столъ и стѣны.

Но Маша, испуганная имъ, громко и жалобно заплакала, какъ дитя.

— Я уйду... домой... пустите меня, — говорила она сквозь слезы дрожащимъ голосомъ и болтала головой, точно желая спрятать ее куда-то.

Луневъ замолчалъ. Онъ видѣлъ, что и Павелъ смотрѣлъ на него непріязненно.

— Ну, чего плакать?—сердито сказалъ онъ.—Вѣдь не на тебя я закричалъ... И некуда тебѣ итти... Я вотъ — уйду... мнѣ нужно... А Павелъ посидитъ съ тобой... Гаврила! Если придетъ Татьяна Власьевна... Это кто еще?

Въ дверь со двора постучали. Гаврикъ вопросительно взглянулъ на хозяина.

— Отпирай!—сказалъ Илья.

На порогѣ двери явилась сестра Гаврика. Нѣсколько секундъ она стояла неподвижно, прямая, высоко закинувъ голову и оглядывая всѣхъ прищуренными глазами. Потомъ на ея некрасивомъ, сухомъ лицѣ явилась гримаса отвращенія, и, не отвѣтивъ на поклонъ Ильи, она сказала брату!

— Гаврикъ, выйди на минутку ко мнѣ...

Илья вспыхнулъ. Отъ обиды кровь съ такой силой бросилась ему въ лицо, что глазамъ стало горячо.

— А вы, барышня, кланяйтесь, когда вамъ кланяются, — сдержанно и внушительно сказалъ онъ.

Она еще выше подняла голову, брови у нея сдвинулись. Плотно сжавъ губы, она смѣрила Илью глазами и не сказала ни слова. Гаврикъ тоже сердито взглянулъ на хозяина.

— Вы не къ пьянымъ пришли, не къ жуликамъ, — продолжалъ Луневъ, вздрагивая отъ напряженія, — васъ встрѣчаютъ уважительно... и, какъ барышня образованная, вы должны отвѣтить тѣмъ же...

— Не фордыбачь, Сонька,—вдругъ сказалъ Гаврикъ примиряющимъ голосомъ и, подойдя къ ней, сталъ рядомъ, взявъ ее за руку.

Наступило неловкое молчаніе. Илья и дѣвушка смотрѣли другъ на друга съ вызовомъ и чего-то ждали. Маша тихонько отошла въ уголъ. Павелъ тупо мигалъ глазами.

— Ну, говори, Сонька,—нетерпѣливо сказалъ Гаврикъ. — Ты думаешь, они тебя обидѣть хотятъ? — спросилъ онъ. И, неожиданно улыбнувшись, добавилъ:

— Они — чудаки!

Сестра дернула его за руку и спросила Лунева сухо и рѣзко:

— Что̀ вамъ отъ меня угодно?

— Ничего, только...

Но тутъ въ головѣ его родилась хорошая, свѣтлая мысль. Онъ шагнулъ къ дѣвушкѣ и, какъ могъ, вѣжливо заговорилъ:

— Позвольте вамъ предложить... т.-е., видите ли, насъ здѣсь—трое... люди темные, невѣжи... вы — человѣкъ образованный.

Онъ торопился изложить свою мысль и не могъ. Его смущалъ прямой, строгій взглядъ ея глазъ: они неподвижно остановились на немъ и какъ будто отталкивали его отъ себя. Илья опустилъ глаза и смущенно, съ досадой пробормоталъ:

— Я не умѣю сразу это сказать... если время у васъ есть... пройдите, присядьте...

И отступилъ передъ нею.

— Постой тутъ, Гаврикъ, — сказала дѣвушка и, оставивъ брата у двери, прошла въ комнату. Луневъ толкнулъ къ ней табуретъ. Она сѣла. Павелъ ушелъ въ магазинъ, Маша пугливо жалась въ углу около печи, а Луневъ неподвижно стоялъ въ двухъ шагахъ предъ дѣвушкой и все не могъ начать разговора.

— Ну-съ?—сказала она.

— Вотъ... въ чемъ дѣло, — тяжело вздохнувъ, заговорилъ Илья. — Видите, — дѣвушка, т. е. она — не дѣвушка, а замужняя... за старикомъ... Онъ ее — тиранитъ... вся избитая, исщипанная убѣжала она... пришла ко мнѣ... Вы, можетъ, что̀ худое думаете? Ничего нѣтъ...

Путаясь въ словахъ, онъ сбивчиво говорилъ и двоился между желаніемъ разсказать исторію Маши и выложить предъ дѣвушкой свои мысли по поводу этой исторіи. Ему особенно хотѣлось передать слушательницѣ именно свои мысли. Она смотрѣла на него, и взглядъ ея становился мягче.

— Я понимаю,—остановила она его рѣчь.—Вы не знаете, какъ поступить? Прежде всего надо къ доктору... пусть онъ осмотритъ... У меня есть знакомый докторъ, — хотите, я ее свезу? Гаврикъ, взгляни, сколько время? Одиннадцатый? Хорошо, это часы пріема... Гаврикъ, позови извозчика... А вы— познакомьте меня съ нею...

Но Илья не тронулся съ мѣста. Онъ не ожидалъ, что эта серьезная, строгая дѣвушка умѣетъ говорить такимъ мягкимъ голосомъ. Его изумило и лицо ея: всегда гордое, теперь оно стало только озабоченнымъ, и, хотя ноздри на немъ раздулись еще шире, въ немъ было что-то очень хорошее, простое, сердечное, раньше невиданное Ильей. Онъ разсматривалъ дѣвушку и молча смущенно улыбался.

А она уже отвернулась отъ него, подошла къ Машѣ и тихо говорила съ нею:

— Вы не плачьте, голубчикъ, не бойтесь... Докторъ — славный человѣкъ, онъ васъ осмотритъ и выдастъ бумагу такую... только и всего! Я васъ привезу сюда... Ну, милая, не плачьте же...

Она положила свои руки на плечи Маши и хотѣла привлечь ее къ себѣ.

— Ой... больно,—тихонько застонала Маша.

— Что̀ тутъ у васъ?

Луневъ слушалъ и все улыбался.

— Это... чортъ знаетъ, что̀ такое!—возмущенно вскрикнула дѣвушка, отходя отъ Маши. Лицо у нея поблѣднѣло, въ глазахъ сверкалъ ужасъ, негодованіе.

— Какъ она избита... о!

— Вотъ какъ живемъ! воскликнулъ Луневъ, снова вспыхивая. — Видѣли? А то еще могу другого показать, — вонъ стоитъ! Позвольте познакомить: товарищъ мой Павелъ Савельичъ Грачевъ...

Павелъ медленно вышелъ изъ магазина и протянулъ руку дѣвушкѣ, не глядя на нее.

— Медвѣдева, Софья Никоновна, — сказала она, разглядывая унылое лицо Павла. — А васъ зовутъ — Илья Яковлевичъ?—обратилась она къ Луневу.

— Точно такъ, — оживленно подтвердилъ Илья, крѣпко стиснувъ ея руку, и, не выпуская руки, продолжалъ:

— Вотъ что̀... ужъ коли вы такая... т.-е. если вы взялись за одно,—не побрезгуйте и другимъ. Тутъ тоже петля.

Она внимательно и серьезно смотрѣла на его красивое, взволнованное лицо, потихоньку пытаясь освободить свою руку изъ его. Но онъ разсказывалъ ей о Вѣрѣ, о Павлѣ, разсказывалъ горячо, съ увлеченіемъ, чувствуя, что освобождается отъ тяжести на сердцѣ. Онъ сильно встряхивалъ ея руку и говорилъ:

— Сочинялъ стихи, да какіе еще! Но въ этомъ дѣлѣ — весь сгорѣлъ... И она тоже... вы думаете, если она... такая, то тутъ и все? Нѣтъ, вы не думайте этого! Ни въ добромъ ни въ худомъ никогда человѣкъ не весь!

— Какъ?—переспросила дѣвушка.

— Т.-е., ежели и плохъ человѣкъ—есть въ немъ свое хорошее, ежели и хорошъ — имѣетъ въ себѣ плохое... Души у насъ у всѣхъ одинаково пестрыя... у всѣхъ!

— Это вы хорошо говорите! — одобряла его дѣвушка, съ важнымъ видомъ качнувъ головой.—Но, пожалуйста, пустите мою руку,—больно!

Илья сталъ просить у нея прощенія. А она уже не слушала его, убѣдительно поучая Павла:

— Это же стыдно, Грачевъ, такъ нельзя! Нужно дѣйствовать! Всегда нужно дѣйствовать: защищаться, нападать! Нужно искать ей защитника, адвоката, понимаете? Я вамъ найду, слышите? И ничего ей не будетъ, потому что оправдаютъ... Даю вамъ честное слово,—оправдаютъ!

Лицо ея раскраснѣлось, волосы на вискахъ растрепались, и глаза горѣли какой-то особенной радостью.

Маша стояла рядомъ съ нею и смотрѣла на нее съ довѣрчивымъ любопытствомъ ребенка. А Луневъ поглядывалъ на Машу и Павла побѣдоносно, съ важностью, чувствуя какую-то гордость отъ присутствія этой дѣвушки въ его комнатѣ.

— Если вы въ самомъ дѣлѣ можете помочь,—дрогнувшимъ голосомъ заговорилъ Павелъ,—помогите! Я вамъ этого вовѣки не забуду... Хоть и не вѣрится мнѣ въ хорошій конецъ, а хочется повѣрить!..

— Вы приходите ко мнѣ въ семь часовъ, хорошо? Вотъ Гаврикъ скажетъ, гдѣ...

— Я приду... Словъ у меня для благодарности нѣтъ...

— Зачѣмъ благодарить?

— Но я понимаю...

— Оставимъ это, слушайте! Люди должны помогать другъ другу.

— Помогутъ они!—съ ироніей вскричалъ Илья.

Дѣвушка быстро обернулась къ нему. Но Гаврикъ, чувствовавшій себя въ этой сумятицѣ единственнымъ солиднымъ и здравомыслящимъ человѣкомъ, дернулъ сестру за руку и сказалъ:

— Да уѣзжай ты, говорунья!

— Да! Маша, одѣвайтесь!

— Мнѣ не во что,—робко заявила Маша

— Ахъ... Ну, все равно! Идемте... Вы придете, Грачевъ, да? До свиданія, Илья Яковлевичъ!

Товарищи почтительно и молча пожали ей руку, и она пошла, ведя за руку Машу. Но у двери дѣвушка снова обернулась и, высоко вскинувъ голову, сказала Ильѣ:

— Я забыла... а это важно! Я не поздоровалась съ вами... когда пришла... Это—свинство, я извиняюсь, слышите?

Лицо ея вспыхнуло румянцемъ, глаза конфузливо опустились. Илья смотрѣлъ на нее, и въ сердцѣ у него играла музыка.

— Извиняюсь... очень! Мнѣ показалось, у васъ тутъ... кутежъ... это было глупо, но...

Она остановилась, какъ бы проглотивъ какое-то слово.

— А когда вы... упрекнули меня за то, что я не кланяюсь... я думала—это говоритъ хозяинъ... и—ошиблась! Очень рада! Это было чувство человѣческаго достоинства.

Она вдругъ вся засвѣтилась хорошей, ясной улыбкой и сердечно, съ наслажденіемъ, какъ бы смакуя слова, выговорила:

— Ахъ, какъ это хорошо, когда видишь въ человѣкѣ чувство собственнаго достоинства!.. Я—очень рада, очень... все вышло такъ... ужасно хорошо! Ужасно хорошо!

И исчезла, улыбаясь, точно маленькая сѣрая тучка, освѣщенная лучами утренней зари. Товарищи смотрѣли вслѣдъ ей. Рожи у обоихъ были торжественныя, хотя немножко

смѣшныя. Потомъ Луневъ оглянулъ комнату и сказалъ, толкнувъ Пашку:

— Чисто?

Тотъ тихонько засмѣялся.

— Н-ну... фигура!—легко вздыхая, продолжалъ Луневъ.— Какъ она... а?

— Какъ вѣтромъ все смела!..

— Вотъ—видалъ?—съ торжествомъ говорилъ Илья, взбивая жестомъ руки свои курчавые волосы.—Извинялась какъ, а? Вотъ что значитъ настоящій образованный человѣкъ, который всякаго можетъ уважать... но никому самъ первый не поклонится! Понимаешь?

— Личность хорошая,—улыбаясь, подтвердилъ Грачевъ.— Сколько время пробыла она? Почти часъ... а какъ минута.

— Звѣздой сверкнула, ха, ха!

— Н-да. И сразу все разобрала—кому куда и какъ...

Луневъ возбужденно смѣялся. Онъ былъ радъ, что эта гордая дѣвушка оказалась такой простой, бойкой, и былъ доволенъ собою за то, что сумѣлъ достойно держаться передъ нею.

Гаврикъ вертѣлся около нихъ и скучалъ.

— Ну, Гаврилка!—поймавъ его за плечо, сказалъ Илья.— Сестра у тебя—молодчина!

— Ничего, она добрая!—подтвердилъ мальчикъ снисходительно.—Торговать сегодня будемъ? А то—пусть будетъ въ родѣ праздника... я бы въ поле пошелъ тогда!

— Нѣтъ сегодня торговли! Павелъ, идемъ, братъ, и мы съ тобой гулять!

— Я пойду въ полицію,—сказалъ Грачевъ, снова хмурясь,—можетъ, свиданіе дадутъ...

— А я—гулять!

Бодрый и радостный, онъ не спѣша шелъ по улицѣ, думая о дѣвушкѣ и сравнивая ее съ людьми, которые ему встрѣчались до сей поры. Ему было ясно, что она лучше всѣхъ и всѣхъ лучше отнеслась къ нему. Въ памяти его звучали слова ея извиненія предъ нимъ, онъ представлялъ себѣ ея лицо, выражавшее каждой чертою своей непреклонное стремленіе къ чему-то...

„А какъ она сначала-то обрывала меня?“—съ улыбкой вспомнилъ онъ и крѣпко задумался, почему она, не зная его, ни слова не сказавъ съ нимъ по душѣ, начала относиться къ нему такъ гордо, сердито?

Вокругъ него кипѣла жизнь. Шли гимназисты и смѣялись, ѣхали телѣги съ товарами, катились пролетки, впереди его ковылялъ нищій, громко стукая деревянной ногой по камнямъ

тротуара. Двое арестантовъ въ сопровожденіи конвойнаго несли на рычагѣ ушатъ съ чѣмъ-то. Ѣхалъ грушникъ и звонко кричалъ:

— Са-адова-ай, сла-адка-ай...па-ареныя груш-ши-и!..

А сзади грушника лѣниво шла, высунувъ языкъ, маленькая собака... Грохотъ, трескъ, крики, топотъ ногъ—все сливалось въ живой, возбуждающій гулъ. Въ воздухѣ носилась теплая пыль и щекотала ноздри. Въ небѣ, чистомъ и глубокомъ, ярко горѣло солнце, обливая все на землѣ жаркимъ блескомъ. Луневъ смотрѣлъ на все съ удовольствіемъ, какого не испытывалъ давно уже. Все на улицѣ было какое-то особенное, интересное. Вотъ быстро, чуть не припрыгивая на ходу, идетъ куда-то красивая дѣвушка съ бойкимъ, румянымъ лицомъ и смотритъ на Илью такъ ясно и хорошо, точно хочетъ сказать ему:

— Какой ты славный!..

Луневъ улыбнулся ей.

Извозчикъ, приподнявъ шляпу, изогнулся на козлахъ, оскаливъ зубы, и говоритъ толстой барынѣ, стоящей на тротуарѣ:

— Маловато, сударыня, прибавьте пятачокъ...

И по рожѣ его Илья видитъ, что вретъ онъ, шельма,— барыня настоящую цѣну даетъ ему. Мальчикъ изъ магазина бѣжитъ съ мѣднымъ чайникомъ въ рукахъ, льетъ холодную воду, обрызгивая ею ноги встрѣчныхъ людей, а крышка чайника весело гремитъ. Жарко, душно, шумно на улицѣ, и густая зелень старыхъ лицъ на городскомъ кладбищѣ манитъ къ себѣ, въ тишину и прохладную тѣнь. Окруженная бѣлой каменной оградой, пышная растительность стараго кладбища могучей волной поднимается къ небу, а вершина волны увѣнчана, какъ пѣной, зеленымъ кружевомъ листьевъ. Тамъ, высоко, каждый листъ четко рисуется въ синевѣ небесъ и, тихо вздрагивая, онъ какъ будто таетъ...

Вступивъ въ ограду кладбища, Луневъ медленно пошелъ по широкой аллеѣ, вдыхая глубоко въ грудь душистый запахъ цвѣтущихъ липъ. Между деревьевъ, подъ тѣнью ихъ вѣтвей, стояли памятники изъ мрамора и гранита, неуклюжіе, тяжелые, и плѣсень покрывала ихъ бока. Кое-гдѣ въ таинственномъ полумракѣ тускло блестѣли золоченые кресты, полустертыя временемъ буквы надписей. Кусты жимолости, акаціи, боярышника и бузины росли въ оградахъ, скрывая вѣтвями могилы. Кое-гдѣ въ густыхъ волнахъ зелени мелькалъ сѣрый деревянный крестъ, тонкія вѣтки обнимали его со всѣхъ сторонъ, и онъ тонулъ въ нихъ. Бѣлые стволы мо-

подыхъ березъ просвѣчивали бархатомъ своимъ сквозь сѣть густой листвы; милые и скромные, они какъ будто нарочно прятались въ тѣни, затѣмъ, чтобъ быть виднѣе. За рѣшетками оградъ, на зеленыхъ холмахъ, пестрѣли цвѣты, въ тишинѣ жужжала оса, двѣ бѣлыя бабочки играли въ воздухѣ... безшумно носились какія-то мошки... И всюду изъ земли мощно пробивались къ свѣту травы и кусты, скрывая собою печальныя могилы, и вся зелень кладбища была исполнена напряженнаго стремленія расти, развиваться, поглощать свѣтъ и воздухъ, претворять соки жирной земли въ краски, въ запахи, въ красоту, ласкающую сердце и глаза. Жизнь вездѣ побѣждаетъ, жизнь все побѣдитъ!..

Луневу было пріятно гулять среди тишины, вдыхая полной грудью сладкіе запахи липъ и цвѣтовъ. Въ немъ тоже все было тихо, спокойно,—онъ отдыхалъ душой и ни о чемъ не думалъ, испытывая удовольствіе одиночества, давно уже невѣдомое ему.

Онъ свернулъ съ аллеи влѣво на узкую тропу и пошелъ по ней, читая надписи на крестахъ и памятникахъ. Его тѣсно обступили ограды могилъ, все богатыя, вычурныя ограды, кованыя и литыя.

„Подъ симъ крестомъ покоится прахъ раба Божія Вонифантія",—прочиталъ онъ и улыбнулся: имя показалось ему смѣшнымъ. Надъ прахомъ Вонифантія былъ поставленъ огромный камень изъ сѣраго гранита. А рядомъ съ нимъ въ другой оградѣ покоился Петръ Бабушкинъ, двадцати восьми лѣтъ...

„Молодой",—подумалъ Илья.

На скромномъ бѣломъ мраморѣ, въ видѣ колонны, онъ прочиталъ:

Однимъ цвѣткомъ земля бѣднѣе стала...
Одной звѣздой—богаче небеса!

Луневъ задумался надъ этимъ двустишіемъ, чувствуя въ немъ что-то трогательное. Но вдругъ его какъ будто толкнуло чѣмъ-то прямо въ сердце, и онъ, пошатнувшись, крѣпко закрылъ глаза. Но и закрытыми глазами онъ ясно видѣлъ надпись, поразившую его. Блестящія золотыя буквы съ коричневаго огромнаго камня какъ бы врѣзались въ его мозгъ:

„Здѣсь покоится тѣло второй гильдіи купца Василія Гавриловича Полуэктова"...

Черезъ нѣсколько секундъ онъ уже испугался своего испуга и, быстро открывъ глаза, подозрительно началъ всматриваться въ кусты вокругъ себя... Никого не было видно,

только гдѣ-то далеко служили панихиду. Въ тишинѣ расплывался тенорокъ церковнослужителя, возглашавшій:

— По-омоли-имсі-а-а...

Густой, какъ бы чѣмъ-то недовольный голосъ отвѣчалъ:

— По-ми-луй!

И чуть слышно доносилось звяканье кадила.

Прислонясь спиной къ стволу клена, Луневъ стоялъ, высоко закинувъ голову, и смотрѣлъ на могилу убитаго имъ человѣка. Онъ прижалъ свою фуражку затылкомъ къ дереву, и она поднялась у него со лба. Брови его нахмурились, верхняя губа вздрагивала, обнажая зубы. Руки онъ засунулъ въ карманъ пиджака, а ногами уперся въ землю.

Памятникъ Полуэктова изображалъ гробницу, на крышѣ была высѣчена развернутая книга, черепъ и кости голеней, положенныя крестомъ. Рядомъ, въ этой же оградѣ, помѣщалась другая гробница поменьше; надпись гласила, что подъ нею покоится раба Божія Евпраксія Полуэктова, двадцати двухъ лѣтъ.

„Первая жена",—подумалъ Луневъ. Онъ подумалъ это какой-то маленькой частицей мозга, которая оставалась свободной отъ напряженной работы его памяти. Онъ весь былъ охваченъ воспоминаніями о Полуэктовѣ,—о первой встрѣчѣ съ нимъ, о томъ, какъ онъ душилъ его, и какъ старикъ мочилъ слюной своей его руки. Но, вызывая все это въ памяти, Луневъ не чувствовалъ ни страха ни раскаянія,—онъ смотрѣлъ на гробницу съ ненавистью, съ обидой въ душѣ, съ болью. И безмолвно, съ жаркимъ негодованіемъ въ сердцѣ, съ глубокой увѣренностью въ правдѣ своихъ словъ, онъ говорилъ купцу:

— Изъ-за тебя, проклятый, всю свою жизнь изломалъ я, изъ-за тебя!.. Старый демонъ ты! Какъ буду жить... изъ-за тебя? Навсегда я объ тебя испачкался...

Въ немъ, какъ молотомъ, стучало это „изъ-за тебя!".

Ему хотѣлось громко, во всю силу кричать три слова, чтобы всѣ слышали ихъ, и онъ едва могъ сдерживать въ себѣ это бѣшеное желаніе. Стиснувъ зубы до боли крѣпко, онъ все смотрѣлъ, и мысли о жизни своей охватили его душу подобно огню. Предъ нимъ вставало маленькое, ехидное лицо Полуэктова и почему-то рядомъ съ нимъ сердитая лысая голова Строганаго съ рыжими бровями, самодовольная рожа Петрухи, глупый Кирикъ, сѣдой Хрѣновъ, курносый съ маленькими глазками,—цѣлая вереница знакомыхъ. Въ ушахъ у него шумѣло, и казалось ему, что всѣ эти люди окружаютъ, тѣснятъ его, лѣзутъ на него непоколебимо-прямо.

Онъ оттолкнулся отъ дерева,—фуражка съ головы его упала. Наклоняясь, чтобъ поднять ее, онъ не могъ отвести глазъ съ памятника мѣнялѣ и пріемщику краденаго. Ему было душно, нехорошо, лицо налилось кровью, глаза болѣли отъ напряженія. Съ большимъ усиліемъ онъ оторвалъ ихъ отъ камня, подошелъ къ самой оградѣ, схватился руками за прутья и, вздрогнувъ отъ ненависти, плюнулъ на могилу... Уходя прочь отъ нея, онъ такъ крѣпко ударялъ въ землю ногами, точно хотѣлъ сдѣлать больно ей!..

Домой итти ему не хотѣлось,—на душѣ было тяжко, и какая-то немощная скука давила его. Онъ шелъ медленно, не глядя ни на кого, ничѣмъ не интересуясь и не думая. Прошелъ одну улицу, механически свернулъ за уголъ, прошелъ еще немного, понялъ, что находится неподалеку отъ трактира Петрухи Филимонова, и вспомнилъ о Яковѣ. А когда поровнялся съ воротами дома Петрухи, то ему показалось, что зайти сюда нужно, хотя и нѣтъ желанія заходить. Поднимаясь по лѣстницѣ чернаго крыльца, онъ услыхалъ голосъ Перфишки:

— Эхъ-ма, люди добры, пожалѣйте ваши ручки, не ломайте мои ребры...

Луневъ всталъ въ открытой двери; сквозь тучу пыли и табачнаго дыма онъ видѣлъ Якова за буфетомъ. Гладко причесанный, въ куцомъ сюртукѣ съ короткими рукавами, Яковъ суетился, насыпая въ чайники чай, отсчитывалъ куски сахару, наливалъ водку, шумно двигалъ ящикомъ конторки. Половые подбѣгали къ нему и кричали, бросая на буфетъ марки:

— Полбутылки! Пару пива! Поджарку за гривенникъ!

„Наловчился!“—съ какимъ-то злорадствомъ подумалъ Луневъ, видя, какъ быстро мелькаютъ въ воздухѣ красныя руки товарища.

— Ну, полтину эту я ему попомню!—громко и свирѣпо заоралъ кто-то.

— Эхъ!—съ удовольствіемъ воскликнулъ Яковъ, когда Луневъ подошелъ къ буфету, и тотчасъ безпокойно оглянулся на дверь сзади себя. Лобъ у него былъ мокръ отъ пота, щеки желтыя, съ красными пятнами на нихъ. Онъ схватилъ руку Ильи и трясъ ее, кашляя сухимъ кашлемъ.

— Какъ живешь?—спросилъ Луневъ, заставивъ себя улыбнуться.

— А вотъ... торгую...

— Впрягли?

Что̀ подѣлаешь?

Плечи у Якова опустились, и онъ какъ будто сталъ ниже ростомъ.

— Да-авно мы не видались!—говорилъ онъ, глядя въ лицо Ильи добрыми и грустными глазами.—Поговорить бы... отца, кстати, нѣтъ... Вотъ что̀: ты приходи-ка сюда... а я мачеху попрошу поторговать...

Онъ пріотворилъ дверь въ комнату отца и почтительно крикнулъ:

— Мамаша!.. Пожалуйте на минутку...

Илья прошелъ въ ту комнату, гдѣ когда-то жилъ съ дядей, и пристально осмотрѣлъ ее: въ ней только обои почернѣли, да вмѣсто двухъ кроватей стояла одна, и надъ ней висѣла полка съ книгами. На томъ мѣстѣ, гдѣ спалъ Илья, помѣщался какой-то высокій, неуклюжій ящикъ.

— Ну, вотъ я освободился на часокъ!—радостно объявилъ Яковъ, входя и запирая дверь на крючокъ.—Чаю хочешь? Хорошо... Ива-анъ,—чаю!—Онъ крикнулъ, закашлялся и кашлялъ долго, упираясь рукой въ стѣну, наклонивъ голову и такъ выгибая спину, точно хотѣлъ извергнуть изъ груди своей что-то.

— Здорово ты бухаешь!—сказалъ Луневъ.

— Чахну... Радъ же я, что опять вижу тебя... Вонъ ты сталъ какой... чистый, важный... Ну, каково живешь?

— Я—что̀?—не сразу отвѣтилъ Луневъ.—Живу... ты, вотъ, интересно знать...

Луневъ не чувствовалъ желанія разсказывать о себѣ, да и вообще ему не хотѣлось говорить. Онъ разглядывалъ Якова и, видя его такимъ испитымъ, жалѣлъ товарища. Но это была холодная жалость,—какое-то безсодержательное чувство, пустое.

— Я, братъ... терплю мою жизнь кое-какъ...—вполголоса сказалъ Яковъ.

— Высосалъ изъ тебя отецъ кровь-то...

— Ну и самъ онъ тоже въ такіе тиски попалъ...

— По-дѣломъ!

— Теперь у насъ въ домѣ вся сила—мачеха! Скажетъ слово—законъ!

Н-на что тебѣ рупь?
А ты даромъ приголубь!—

отчеканивалъ за стѣной Перфишка, подыгрывая на гармоніи.

— Что̀ это за ящикъ?—спросилъ Илья.

— Это? Это—фисгармонія. Отецъ купилъ за четвертную, для меня... Вотъ, говоритъ, учись. А потомъ хорошую, рублей въ триста, куплю, говоритъ, поставимъ въ трактирѣ, и

будешь ты для гостей играть... А то-де никакой отъ тебя пользы нѣтъ... Это онъ ловко разсчиталъ—теперь въ каждомъ трактирѣ органъ есть, а у насъ нѣтъ. И мнѣ пріятно играть-то...

— Экій онъ подлецъ!—сказалъ Луневъ, усмѣхаясь.

— Нѣтъ, что̀ же? Пускай его... Вѣдь я и въ самомъ дѣлѣ безполезный для него человѣкъ...

Илья сурово взглянулъ на товарища и сказалъ со злобой:

— Посовѣтуй-ка ты ему: когда, молъ, я, дорогой папаша, помирать буду, такъ ты меня въ трактиръ вытащи и за посмотрѣніе на смерть мою хоть по пятаку съ рыла возьми, ст желающихъ... Вотъ и принесешь ты ему пользу...

Яковъ сконфуженно засмѣялся и снова сталъ кашлять, хватая руками то грудь, то горло.

А Перфишка разсказывалъ про кого то бойкимъ говоркомъ:

Посты строго соблюдалъ,
Каждый день не доѣдалъ.
Въ пустомъ брюхѣ кишки ныли
Зато чистенькія были...

— И-эхъ-ты... Святость!—И его звучная гармонія осыпала веселыя слова пѣсенки отчаянно задорными трелями.

— Какъ ты съ названнымъ братомъ живешь?—спросилъ Илья, когда Яковъ прокашлялся.

Тотъ, задыхаясь, поднялъ свое синее съ натуги лицо и отвѣтилъ:

— Онъ съ нами не живетъ: начальство не велитъ ему... Дескать—трактиръ... Онъ... ничего! Важный только... бариномъ держится... Приходитъ, однако... больше все за деньгами къ матери... очень нуждается въ деньгахъ!

Яковъ понизилъ голосъ и съ грустью продолжалъ:

— Книгу-то эту помнишь? Ту?.. Да-а... отнялъ онъ ее у меня... Говоритъ,—рѣдкая, большихъ, дескать, денегъ стоитъ. Унесъ... Просилъ я его: оставь—нѣтъ! Не согласился...

Илья громко захохоталъ. Потомъ товарищи начали пить чай. Обои въ комнатѣ потрескались, и сквозь щели переборки изъ трактира въ комнату свободно текли и звуки и запахи. Все заглушая, въ трактирѣ раздавался чей-то звонкій, возбужденный голосъ:

— Митрь Николаичъ! Не перетолковай ты мои честныя слова на жульническій манеръ!

— Читаю я теперь, братъ, одну исторію, — говорилъ Яковъ,—называется „Юлія, или подземелье за̀мка Мадзини“... Очень интересно!.. А ты какъ по этой части?

— Наплевать мнѣ въ это подземелье! Самъ не высоко живу надъ землей-то...—угрюмо отвѣтилъ Луневъ.

Яковъ участливо взглянулъ на него и спросилъ:

— Али тоже что-нибудь не ладно?

Луневъ не отвѣтилъ. Онъ думалъ,—разсказать Якову про Машу, или не надо? Но Яковъ самъ заговорилъ кроткимъ голосомъ:

— Ты, вотъ, все того, Илья... ершишься, злобишься... Ну, напрасно это, по-моему. Потому, видишь ли, что люди... никто ни въ чемъ не виноватъ! Такъ ужъ устроено... не они дѣлали... до нихъ еще установилось и стоитъ...

Луневъ пилъ чай и молчалъ.

— И вѣдь „коемуждо воздастся по дѣломъ его“ — это вѣрно! Примѣрно, отецъ мой... Надо прямо говорить—мучитель человѣческій! Но явилась Ѳекла Тимоѳеевна и—хопъ его подъ свою ниту! Теперь ему такъ живется—ой-ой-ой! Даже выпивать съ горя началъ... А давно ли обвѣнчались? И каждаго человѣка за его... нехорошіе поступки какая-нибудь Ѳекла Тимоѳеевна впереди ждетъ...

Ильѣ стало скучно слушать,—онъ нетерпѣливо двинулъ свою чашку по подносу и вдругъ неожиданно для самого себя спросилъ товарища:

— Ты теперь чего ждешь?

— То-есть откуда?—широко раскрывъ глаза, тихимъ голосомъ молвилъ Яковъ.

— Ну, изъ... отъ... впереди—чего ждешь?—рѣзко и строго повторилъ Илья свой вопросъ.

Яковъ молча опустилъ голову и задумался.

— Ну? — вполголоса сказалъ Илья, ощущая въ сердцѣ жгучее безпокойство и желаніе уйти скорѣе изъ трактира.

— Что̀ мнѣ ждать?—тихонько и не глядя на него, заговорилъ Яковъ.—Ждать... ужъ нечего! Помру... вотъ и все. А что я помру скоро... это вѣрно...

Онъ вскинулъ голову и съ тихой, довольной улыбкой на измученномъ лицѣ продолжалъ:

— Голубые сны вижу я... Понимаешь—все будто голубое... Не только небо, а и земля, и деревья, и цвѣты, и травы,—все! Тишина такая... совсѣмъ тихо! Какъ будто и нѣтъ ничего, до того все недвижимо... и все голубое. Легко... идешь будто куда-то, безъ усталости, идешь далеко, безъ конца... И невозможно понять—есть ты тутъ, или нѣтъ? Очень легко... Голубые сны,—это передъ смертью.

— Прощай,—сказалъ Луневъ, вставая со стула.

— Куда ты? Посиди!

— Нѣтъ, прощай!

Яковъ тоже всталъ.

— Ну... иди!..

Лупевъ стиснулъ его горячую руку и молча уставился въ лицо ему, не зная, что̀ сказать товарищу на прощанье. А сказать что-то такое хотѣлось, такъ хотѣлось, что даже сердце щемило отъ этого желанія.

— А Машутка-то? Тоже... слышь, пло-охо живетъ... — грустно сказалъ Яковъ.

— Да...

— Видно, всѣмъ намъ—одна судьба... Тебѣ тоже,—чувствую я,—тяжело, а?

Яковъ говорилъ и улыбался слабой улыбкой. И звукъ его голоса и слова рѣчей—все въ немъ было какое-то безкровное, безцвѣтное... Лупевъ разжалъ свою руку,—рука Якова слабо опустилась.

— Ну, Яша, прости...

— Богъ проститъ! Заходи!

Илья вышелъ, не отвѣтивъ.

На улицѣ ему сразу стало легче и свободнѣе. Онъ ясно понималъ, что скоро Яковъ умретъ, и это возбуждало въ немъ чувство раздраженія противъ кого-то. Якова онъ не жалѣлъ, потому что не могъ представить, какъ сталъ бы жить между людей этотъ прямой, тихій парень? Онъ давно смотрѣлъ на товарища, какъ на обреченнаго къ исчезновенію изъ жизни. Но его возмущала мысль: за что измучили такого безобиднаго человѣка, за что прежде времени согнали его со свѣта? И отъ этой мысли его злоба противъ жизни,—теперь уже основа души,—все росла и крѣпла въ немъ

Ночью ему не спалось. Въ комнатѣ, несмотря на открытое окно, было душно. Онъ вышелъ на дворъ и легъ на землю подъ вязомъ, у забора. Лежа на спинѣ, онъ смотрѣлъ въ ясное небо, и чѣмъ пристальнѣе смотрѣлъ, тѣмъ больше видѣлъ въ немъ звѣздъ. Млечный Путь серебристой тканью разостлался по небу отъ края до края,—смотрѣть на него сквозь вѣтви дерева было пріятно и грустно. Въ небѣ, гдѣ нѣтъ никого, сверкаютъ звѣзды, а земля... чѣмъ украшена? Илья прищуривалъ глаза—тогда казалось, что вѣтви поднимаются выше и выше. На голубомъ, усѣянномъ яркими звѣздами бархатѣ небесъ черные узоры листвы были похожи на чьи-то руки, простертыя къ небу, въ попыткѣ достичь его высотъ. Ильѣ вспоминались голубые сны товарища, и предъ нимъ вставалъ образъ Якова, тоже весь голубой, легкій, прозрачный, съ яркими и добрыми, какъ звѣзды, глазами... Вотъ: жилъ человѣкъ, и его замучили за то, что онъ смирно жилъ... А мучители живутъ, какъ хотятъ...

Но вотъ въ его жизни явилось нѣчто особенное, хотя тоже безпокойное. Сестра Гаврика стала ходить въ лавочку Лунева почти каждый день. Она являлась, постоянно озабоченная чѣмъ-то, здороваясь съ Ильей, крѣпко встряхивала его руку и, перекинувшись съ нимъ нѣсколькими словами, исчезала, всегда оставляя послѣ себя что-то новое въ мысляхъ Ильи. Однажды она спросила его:

— Вамъ нравится торговать?

— Не такъ, чтобы очень,—пожимая плечами, отвѣтилъ Луневъ,—однако надо чѣмъ-нибудь жить...

Она внимательно посмотрѣла въ его лицо серьезными глазами своими, ея лицо какъ-то еще больше выдвинулось впередъ.

— Надо жить...—повторилъ Илья, вздохнувъ.

— А вы не пробовали жить какимъ-нибудь трудомъ?—спросила дѣвушка.

Илья не понялъ ея вопроса.

— Какъ вы сказали?

— Вы работали когда-нибудь?

— Всегда. Всю жизнь. Вотъ—торгую...—съ недоумѣніемъ отвѣтилъ Луневъ.

А она улыбнулась,—и въ улыбкѣ ея было что-то обидное для Ильи.

— Вы думаете—торговля трудъ? Вы думаете—это все равно?—быстро спросила она.

— А какъ же? Вѣдь я устаю?

Глядя на ея лицо, Луневъ чувствовалъ, что она говоритъ серьезно, не шутитъ.

— О, нѣтъ,—снисходительно улыбаясь, продолжала дѣвушка.—Трудъ, это когда человѣкъ создаетъ что-нибудь затратой своей силы... когда онъ дѣлаетъ... тесемки, ленты, стулья, шкапы... понимаете?

Луневъ молча кивнулъ головой и покраснѣлъ: ему было стыдно сказать, что онъ не понимаетъ.

— А торговля—какой же трудъ? Она ничего не даетъ людямъ!—съ убѣжденіемъ сказала дѣвушка, пытливо разглядывая лицо Ильи.

— Конечно,—медленно и осторожно заговорилъ онъ,—это вы вѣрно... Торговать не очень трудно... кто привыкъ... Но только и торговля даетъ... не давала бы барыша, зачѣмъ и торговать?

Она замолчала, отвернулась отъ него и заговорила съ братомъ и скоро ушла, простившись съ Ильей только кивкомъ головы. Лицо у нея было такое, какъ раньше, до исторіи съ

Машей,—сухое, гордое. Илья задумался: не обидѣлъ ли онъ ее неосторожнымъ словомъ? Онъ вспомнилъ все, что̀ сказалъ ей, и не нашелъ ничего обиднаго. Потомъ задумался надъ ся словами, и чѣмъ больше думалъ, тѣмъ болѣе они занимали его. Какую разницу видитъ она между торговлей и трудомъ?

Она все больше интересовала его, но онъ не могъ понять, отчего у нея такое сердитое, задорное лицо, когда она добрая и умѣетъ не только жалѣть людей, но даже помогать имъ. Павелъ ходилъ къ ней въ домъ и съ восторгомъ нахваливалъ ее и всѣ порядки въ ея домѣ.

— Придешь это къ нимъ... сейчасъ: А, здравствуйте! Обѣдаютъ—садись обѣдать, чай пьютъ—пей чай! Простота! Народищу всякаго—уйма! Весело... поютъ, кричатъ, спорятъ про книжки. Книжекъ этихъ вездѣ навалено какъ въ лавкѣ. Тѣсно, толкаются, смѣются. Народъ все образованный—адвокатъ, тамъ, одинъ, другой скоро докторомъ будетъ, гимназисты и всякія этакія фигуры. Совсѣмъ забудешь, кто ты есть, и тоже заодно съ ними и хохочешь, и куришь, и все. Хорошій народъ! Веселый, а сурьезный...

— Меня, вотъ, небось, не позоветъ...—сумрачно сказалъ Луневъ.—Гордячка...

— Она?—воскликнулъ Павелъ.—Я тебѣ говорю—простота! Ты зову не жди, а вали прямо... Придешь и—кончено! У нихъ все равно, какъ въ трактирѣ,—ей-Богу! Свободно... Я тебѣ говорю—что̀ я противъ ихъ? Но съ двухъ разъ—свой человѣкъ... Интересно! Шумъ это, гамъ... словами такъ и брызжутся... Играючи живутъ...

— Ну, а Машутка какъ?—спросилъ Илья.

— Ничего, отдышалась немного... Сидитъ, улыбается. Лѣчатъ ее чѣмъ-то... молокомъ поятъ... Хрѣнову-то попадетъ за нее... Адвокатъ говоритъ—здорово влѣпятъ старому чорту... Возятъ Машку къ слѣдователю... Насчетъ моей тоже хлопочутъ, чтобы скорѣе судъ... Нѣтъ, хорошо у нихъ!.. Квартира маленькая, людей, какъ дровъ въ печи, и всѣ такъ и пылаютъ...

— А она, сама-то?—допрашивалъ Луневъ.

О ней Павелъ разсказывалъ, какъ въ дѣтствѣ объ арестантахъ, научившихъ его грамотѣ. Онъ весь напрягался и внушительно сообщалъ, пересыпая рѣчь междометіями:

— Она, братъ, ого-го! Она всѣмъ командуетъ, а чуть кто не такъ сказалъ, или что̀—она фрр!.. Какъ кошка...

— Это мнѣ извѣстно...—сказалъ Илья и усмѣхнулся.

Онъ завидовалъ Павлу: ему очень хотѣлось побывать у

трогой гимназистки, но самолюбіе не позволяло ему дѣйство-ать прямо.

Стоя за прилавкомъ, онъ упорно думалъ:

„Людей много, и каждый норовитъ пользоваться чѣмъ-нибудь отъ другого. А ей—какая польза брать подъ свою ащиту Машутку, Вѣру?.. Она—бѣдная. Чай, каждый кусокъ ъ домѣ-то на счету... Значитъ, очень ужъ добрая... А со ной говоритъ этакъ... Чѣмъ я хуже Павла?“

Эти думы такъ крѣпко охватили его, что онъ сталъ отно-иться ко всему остальному почти равнодушно. Въ темнотѣ го жизни какъ бы открылась нѣкая щель, и сквозь нее онъ корѣе чувствовалъ, чѣмъ видѣлъ, вдали мерцаніе чего-то акого, съ чѣмъ онъ еще не сталкивался.

— Мой другъ,—суховато и внушительно говорила ему атьяна Власьевна,—тесьмы шерстяной узкой надо бы при-упить. Гипюръ тоже на исходѣ... Мало и нитокъ черныхъ омеръ пятидесятый... Пуговицы перламутровыя предлагаетъ дна фирма,—комиссіонеръ у меня былъ... Я послала сюда. Приходилъ онъ?

— Нѣтъ,—кратко отвѣтилъ Илья. Эта женщина стала для его противной. Онъ подозрѣвалъ, что Татьяна Власьевна зяла къ себѣ въ любовники Корсакова, недавно произведен-аго въ пристава. Ему она назначала свиданія все рѣже, отя относилась такъ же ласково и шутливо, какъ и раньше. Но и отъ этихъ свиданій Луневъ, подъ разными предлогами, тказывался. Видя, что она не сердится на него за это, онъ угалъ ее про себя:

— Блудня... гадина...

Она особено гадка была ему, когда приходила въ магазинъ ровѣрять товаръ. Вертясь по лавочкѣ, какъ волчокъ, она скакивала на прилавокъ, доставала съ верхнихъ полокъ артонки, чихала отъ пыли, встряхивала головой и пилила аврика.

— Мальчикъ при магазинѣ долженъ быть ловокъ и услуж-ивъ. Его не за то кормятъ хлѣбомъ, что онъ сидитъ цѣлый ень у двери и чиститъ себѣ пальцемъ въ носу. А когда го-оритъ хозяйка, онъ долженъ слушать внимательно и не мотрѣть букой...

Но у Гаврика былъ свой характеръ. Слушая щебетанье озяйки, онъ пребывалъ въ полномъ равнодушіи. Разговари-алъ онъ съ нею грубо, безъ признаковъ почтенія къ ея ану—хозяйки. А когда она уходила, онъ замѣчалъ хо-яину:

— Ускакала пигалица...

— Такъ нельзя говорить про хозяйку,—внушалъ ему Илья, стараясь не улыбаться.

— Какая она хозяйка?—протестовалъ Гаврикъ.—Придетъ, натрещитъ и ускачетъ... Хозяинъ—вы.

— И она...—слабо возражалъ Илья, любившій солиднаго и прямодушнаго мальчонку.

— А она—пигалица...—не уступалъ Гаврикъ.

— Вы не учите мальчика,—говорила Автономова Ильѣ,—и вообще... я должна сказать, что за послѣднее время все у насъ идетъ какъ-то... безъ увлеченія, безъ любви къ дѣлу...

Луневъ молчалъ и, ненавидя ее всей душой, думалъ:

„Хоть бы ты, анаѳема, ногу себѣ вывихнула, прыгая тутъ...“

Онъ получилъ письмо отъ дяди и узналъ, что Терентій былъ не только въ Кіевѣ, но и у Сергія, чуть-было не уѣхалъ въ Соловки, но попалъ на Валаамъ и скоро воротится домой.

„Вотъ еще удовольствіе,—съ досадой подумалъ Илья.—Навѣрное, со мной захочетъ жить...“

И онъ крѣпко задумался о томъ, какъ бы устроить, чтобъ дядя жилъ отдѣльно. Но долго думать объ этомъ ему не удалось,—явились покупатели, а когда онъ занимался съ ними, вошла сестра Гаврика. Устало, едва переводя дыханіе, она поздоровалась съ нимъ и спросила, кивая головой на дверь въ комнату:

— Тамъ... вода есть?

— Сейчасъ подамъ!—сказалъ Илья.

— Я сама...

Она прошла въ комнату и осталась тамъ до поры, пока Луневъ, отпустивъ покупателей, не вошелъ къ ней. Онъ засталъ ее стоящей предъ „Ступенями человѣческой жизни“. Повернувъ голову навстрѣчу Ильѣ, дѣвушка указала глазами на картину и проговорила:

— Какая пошлость...

Луневъ почувствовалъ себя сконфуженнымъ ея замѣчаніемъ и улыбнулся, чувствуя себя въ чемъ-то виноватымъ.

— Брр!.. Мѣщанство какое!—съ отвращеніемъ повторила она, и прежде, чѣмъ онъ успѣлъ спросить у нея объясненія, она ушла...

Черезъ нѣсколько дней она брату принесла бѣлье и сдѣлала ему выговоръ за то, что онъ слишкомъ небрежно относится къ одеждѣ,—рветъ, пачкаетъ.

— Ну-ну,—строптиво сказалъ Гаврикъ,—поѣхала. Меня хозяйка всегда кусаетъ, да ты еще будешь теперь!..

— Что̀ онъ,—очень шалитъ?—спросила гимназистка Илью.

— Н-нѣтъ... не больше, сколько умѣетъ...—любезно отвѣтилъ Луневъ.

— Я—совсѣмъ смирный,—отрекомендовался мальчикъ.

— Язычокъ у него длинноватъ,—сказалъ Илья.

— Слышишь? — спросила Гаврика сестра, нахмуривъ брови.

— Ну и слышу,—сердито отозвался тотъ.

— Это ничего...—снисходительно заговорилъ Илья.—Человѣкъ, который хоть огрызнуться умѣетъ, все же въ выигрышѣ противъ другихъ... Другого бьютъ, а онъ молчитъ... и забиваютъ его, безсловеснаго, въ гробъ...

Дѣвушка слушала его слова, а на лицѣ ея явилось что-то въ родѣ удовольствія. Илья замѣтилъ это.

— Что̀ я васъ хочу спроситъ,—сказалъ онъ и немножко смутился.

— Что̀?

Она подошла почти вплоть къ нему, глядя прямо въ его глаза. Взгляда ея онъ не могъ выносить, опустилъ голову и продолжалъ:

— Вы, понялъ я, торговцевъ не любите?

— Да!..

— За что?

— Они живутъ чужимъ трудомъ...—отчетливо объяснила дѣвушка.

Илья высоко вскинулъ голову и поднялъ брови. Эти слова не только удивляли, но уже прямо обижали его. А она сказала ихъ такъ просто, внятно...

— Это... неправда съ,—громко объявилъ Луневъ, помолчавъ.

Теперь ея лицо вздрогнуло, покраснѣло.

— Сколько сто̀итъ вамъ вонъ та лента?—сухо и строго спросила она.

— Лента? эта?.. Семнадцать копеекъ аршинъ...

— Почемъ продаете?

— Двадцать...

— Ну вотъ... Три копейки, которыя берете вы, принадлежатъ не вамъ, а тому, кто ленту работалъ. Понимаете?

— Нѣтъ!—откровенно сознался Луневъ.

Тогда въ глазахъ дѣвушки вспыхнуло что-то враждебное ему. Онъ ясно видѣлъ это и оробѣлъ предъ нею, но тотчасъ же разсердился на себя за эту робость.

— Да, я думаю, вамъ не легко понять такую простую

мысль,—говорила она, отступивъ отъ прилавка къ двери.— Видите ли... представьте себѣ, что вы—рабочій, вы дѣлаете все это...

Широкимъ жестомъ руки она повела по магазину и продолжала разсказывать ему о томъ, какъ трудъ обогащаетъ всѣхъ, кромѣ того, кто трудится. Сначала она говорила такъ, какъ всегда — сухо, отчетливо, и некрасивое лицо ея было неподвижно, а потомъ брови у ней дрогнули, нахмурились, ноздри раздулись, и, высоко вскинувъ голову, она въ упоръ кидала Ильѣ крѣпкія слова, пропитанныя молодой, непоколебимой вѣрой въ ихъ правду.

— Торгашъ стоитъ между рабочимъ и покупателемъ... онъ ничего не дѣлаетъ, но увеличиваетъ цѣну вещи... торговля—узаконенное воровство.

Илья чувствовалъ себя оскорбленнымъ, но не находилъ словъ, чтобъ возразить этой дерзкой дѣвушкѣ, прямо въ глаза ему говорившей, что онъ бездѣльникъ и воръ. Онъ стиснулъ зубы, слушалъ и не вѣрилъ ея словамъ, не могъ вѣрить. И, отыскивая въ себѣ такое слово, которое сразу бы опрокинуло всѣ ея рѣчи, заставило бы замолчать ее, — онъ въ то же время любовался ея дерзостью... а обидныя слова, удивляя его, вызывали въ немъ тревожный вопросъ:—за что?

— Все это... не такъ-съ! — громкимъ голосомъ прервалъ онъ ее наконецъ, ибо почувствовалъ, что больше уже не можетъ безотвѣтно слушать ея рѣчь.—Нѣтъ... я не согласенъ!

Въ груди его вскипало бурное раздраженіе, лицо покрылось красными пятнами.

— Возражайте!—спокойно сказала дѣвушка, садясь на табуретъ, и, перебросивъ свою длинную косу на колѣни себѣ, она стала играть ею.

Луневъ вертѣлъ головой, чтобъ не встрѣчаться съ ея недружелюбнымъ взглядомъ.

— И возражу!—не сдерживаясь больше, крикнулъ онъ.— Я... всей жизнью возражу! Я... можетъ-быть, великій грѣхъ сдѣлалъ прежде, чѣмъ до этого дошелъ...

— Тѣмъ хуже... Но это не возраженіе... — сказала дѣвушка и точно холодной водой плеснула въ лицо Ильи.

Онъ оперся руками о прилавокъ, нагнулся, точно хотѣлъ перепрыгнуть черезъ него, и, встряхивая курчавой головой, обиженный ею, удивленный ея спокойствіемъ, смотрѣлъ на нее нѣсколько секундъ молча. Ея взглядъ и неподвижное, увѣренное лицо сдерживали его гнѣвъ, смущали его. Онъ чувствовалъ въ ней что-то твердое, безстрашное. И слова, нужныя для возраженія, не шли ему на языкъ.

— Ну, что же вы?—хладнокровно вызывая его, спросила она. Потомъ усмѣхнулась и съ торжествомъ сказала:—Возражать мнѣ нельзя, потому что я сказала истину!

— Нельзя?—глухо переспросилъ Луневъ.

— Да, нельзя! Что вы можете возражать?

Она снова улыбнулась снисходительной улыбкой.

— До свиданья!

И ушла, поднявъ голову еще выше, чѣмъ всегда.

— Это пустяки! Не вѣрно-съ! — крикнулъ Луневъ вслѣдъ ей. Но она не обернулась на его крикъ.

Илья опустился на табуретъ. Гаврикъ, стоя у двери, смотрѣлъ на него и, должно-быть, былъ очень доволенъ поведеніемъ сестры, — лицо у него было важное, побѣдоносное.

— Что смотришь? — сердито крикнулъ Луневъ, чувствуя, что этотъ взглядъ непріятенъ ему.

— Ничего!—отвѣтилъ мальчикъ.

— То-то!..—угрожающимъ голосомъ произнесъ Луневъ и, помолчавъ, добавилъ:—Иди-ка... гуляй!

Ему нужно было остаться наединѣ съ собою. Но, и оставшись, онъ не могъ собраться съ мыслями. Онъ не вдумывался въ смыслъ того, что сказала ему дѣвушка, ея слова прежде всего были обидны. Облокотясь о прилавокъ, возмущенный, онъ думалъ:

„За что она меня изругала?.. Что я ей сдѣлалъ?.. Пришла, осудила и ушла... Безо всякой справедливости... не спросивъ ни про что... Образованная... Ну-ка, приди-ка еще? Я тебѣ отвѣчу...“

Онъ грозилъ ей, а самъ искалъ въ себѣ ту вину, за которую она обидѣла его. Ему вспоминалось, какъ Павелъ разсказывалъ объ ея умѣ, простотѣ.

— Пашку, небось, не обижаетъ...

И, приподнявъ голову, онъ увидалъ себя въ зеркалѣ. Вглядываясь въ свое отраженіе, онъ какъ бы спрашивалъ его о чемъ-то. Черные усики шевелились надъ его губой, большіе глаза смотрѣли устало, на скулахъ горѣлъ румянецъ. Но даже и теперь его лицо—обезпокоенное, немного угрюмое отъ обиды и все-таки красивое грубоватой мужицкой красотой, было лучше болѣзненно-желтаго, костляваго лица Павла Грачева.

„Неужто Пашка ей больше меня нравится?“ — подумалъ онъ. И тотчасъ же возразилъ самъ себѣ:

— А что ей за дѣло до моей рожи? Не женихъ... Она за доктора какого-нибудь выйдетъ... за адвоката, чиновника... Какой интересъ для нея мы можемъ составить?

Онъ съ горечью усмѣхнулся и снова сталъ спрашивать себя:

— А зачѣмъ она Пашку приводила къ себѣ? Зачѣм меня словами обижаетъ? Торговецъ — все равно, что воръ. не трудится, видишь ли! Я живу отъ чужихъ трудовъ? кто тутъ торчитъ съ утра до вечера безвыходно?

Теперь онъ началъ ей возражать и находилъ много слов для оправданія своей жизни. Но ея не было, и эти слов только раздражали, а не успокаивали обиду, кипѣвшую в его груди. Онъ всталъ, пошелъ въ комнату, выпилъ стакан воды и оглянулся. Сумрачно и тѣсно было въ этой низенько комнатѣ съ желѣзной рѣшеткой въ окнѣ. Яркое пятно кар тины бросилось въ глаза ему. Стоя въ двери магазина, он уставился глазами на аккуратно размѣренныя „Ступени че ловѣческаго вѣка“ и подумалъ:

„Обманъ это... Развѣ такъ живутъ?“

Онъ смотрѣлъ долго на картину, мысленно прикидыва свою жизнь на мѣру, изображенную такими яркими краскам

— Развѣ такъ?—твердилъ онъ про себя. И вдругъ доба вилъ безнадежно:

— Да и такъ если —тоже скука... Чисто, да не весело...

Медленно подойдя къ стѣнѣ, онъ сорвалъ съ нея картин и унесъ въ магазинъ. Тамъ, разложивъ ее на прилавкѣ, он снова началъ разсматривать превращенія человѣка, написав ныя на ней, и смотрѣлъ теперь съ насмѣшкой. Смотрѣлъ все думалъ о сестрѣ Гаврика.

Мысли ворочались въ его головѣ медленно, тяжело, а от картины зарябило въ глазахъ. Тогда онъ смялъ ее, скомкал и бросилъ подъ прилавокъ; но она выкатилась оттуда под ноги ему. Раздраженный этимъ, онъ снова поднялъ ее, смял крѣпче и швырнулъ въ дверь, на улицу...

На улицѣ было шумно. По той сторонѣ, тротуаромъ, кто то шелъ съ палкой. Палка стукала по камнямъ не въ раз съ ногой идущаго, казалось, что у него три ноги. Ворковал голуби. Гдѣ-то громыхало желѣзо,—должно-быть, трубочист ходилъ по крышѣ. Мимо магазина проѣхалъ извозчикъ. Он дремалъ, и голова у него качалась. И все качалось вокруг Ильи. Онъ взялъ счеты, посмотрѣлъ на нихъ и положилъ— двадцать копеекъ. Посмотрѣлъ еще и — семнадцать скинул Осталось три копейки. Онъ щелкнулъ по косточкамъ ногтем косточки завертѣлись на проволокѣ съ тихимъ шумомъ и разъединившись, остановились.

Илья вздохнулъ, отодвинулъ счеты прочь, навалился груды на прилавокъ и замеръ, слушая, какъ бьется его сердце.

На другой день сестра Гаврика опять пришла. Она была такая же, какъ всегда: въ томъ же старенькомъ платьѣ, съ тѣмъ же лицомъ.

„Ишь ты",—непріязненно подумалъ Луневъ, наблюдая ее изъ комнаты.

На поклонъ дѣвушки онъ неохотно склонилъ предъ ней голову. А она вдругъ улыбнулась доброй улыбкой и ласково спросила его:

— Вы что̀ такой блѣдный? Нездоровы, да?

— Здоровъ,—кратко отвѣтилъ Илья, стараясь не выдавать предъ нею чувства, возбужденнаго ея вниманіемъ. А чувство было хорошее, радостное: улыбка и слова дѣвушки коснулись его сердца такъ мягко и тепло, но онъ рѣшилъ показать ей, что обиженъ, тайно надѣясь, что дѣвушка скажетъ ему еще ласковое слово, еще улыбнется. Рѣшилъ—и ждалъ, надутый, не глядя на нее.

— Вы... кажется, обидѣлись на меня?—раздался ея твердый голосъ. Онъ такъ рѣзко отличался отъ тѣхъ звуковъ, которыми она сказала свои первыя слова, что Илья тревожно взглянулъ на нее, а она ужъ вновь была такая, какъ всегда, гордая, и что-то заносчивое, задорное было въ ея темныхъ глазахъ.

— Я къ обидамъ привыкъ,—сказалъ Луневъ и усмѣхнулся въ лицо ей вызывающей улыбкой, чувствуя холодъ разочарованія въ груди.

„А, ты играешь!—думалось ему.—Погладишь да прибьешь? Ну нѣтъ..."

— Я не хотѣла обижать васъ...

— Вамъ меня обидѣть трудно!—дерзко и громко заговорилъ онъ.—Я вѣдь вамъ цѣну знаю-съ: птица вы не высокаго полета!

Она выпрямилась при этихъ словахъ, удивленная, широко открывъ глаза. Но Илья уже не видѣлъ ничего: буйное желаніе отплатить ей охватило его, какъ огнемъ, и, намѣренно не торопясь, онъ обкладывалъ ее тяжелыми и грубыми словами:

— Барство ваше, гордость эта—вамъ не дорого обходятся... въ гимназіяхъ всякъ можетъ этого набраться... А безъ гимназій—швея вы, горничная... По бѣдности вашей ничѣмъ другимъ быть не можете... вѣрно-съ?

— Что̀ вы говорите?—тихо воскликнула она.

Илья смотрѣлъ ей въ лицо и съ удовольствіемъ видѣлъ, какъ раздуваются ея ноздри, краснѣютъ щеки.

— Говорю, что̀ думаю! А думаю я такъ, что дешевому вашему барству—грошъ цѣна!

— Во мнѣ нѣтъ барства!—звенящимъ голосомъ крикнула дѣвушка.

Братишка подбѣжалъ къ ней, схватилъ ее за руку и, злыми глазами глядя на хозяина, тоже закричалъ:

— Уйдемъ, Сонька!

Луневъ окинулъ ихъ взглядомъ и уже съ ненавистью, хладнокровно сказалъ:

— Да-съ... уйдите-ка! Ни я вамъ ни вы мнѣ... не нужны!

Они оба какъ-то странно мелькнули въ его глазахъ и исчезли. Онъ засмѣялся вслѣдъ имъ. Потомъ, оставшись одинъ въ магазинѣ, онъ нѣсколько минутъ стоялъ неподвижно, упиваясь острой сладостью удавшейся мести. Возмущенное, недоумѣвающее, немного испуганное лицо дѣвушки хорошо запечатлѣлось въ его памяти, и онъ былъ доволенъ собой.

„Мальчишка-то... какой...“ — вертѣлась у него въ головѣ безсвязная мысль: поступокъ Гаврика немножко мѣшалъ ему, нарушая его настроеніе.

„Вотъ тебѣ и спесь!..—внутренно усмѣхаясь, думалъ онъ.— Танечка бы пришла теперь... я бы и ей... заодно...“

Онъ ощущалъ въ себѣ желаніе растолкать всѣхъ людей прочь отъ себя, растолкать ихъ грубо, обидно, безъ пощады...

Но Танечка не пришла, весь день онъ пробылъ одинъ, и день этотъ былъ странно длиненъ. Ложась спать, Илья чувствовалъ себя одинокимъ и обиженнымъ этимъ одиночествомъ еще болѣе, чѣмъ словами дѣвушки. Ему вспоминалась Олимпіада, и теперь онъ думалъ, что эта женщина была для него лучше всѣхъ людей. Закрывъ глаза, онъ вслушивался въ тишину ночи и ждалъ звуковъ, а когда звукъ раздавался, Илья вздрагивалъ и, пугливо приподнявъ голову съ подушки, смотрѣлъ широко открытыми глазами во тьму. И вплоть до утра онъ не могъ уснуть, чего-то ожидая, чувствуя себя точно запертымъ въ погребѣ, задыхаясь отъ жары и неуклюжихъ, безсвязныхъ мыслей. Онъ всталъ съ тяжелой головой, хотѣлъ поставить самоваръ, но не поставилъ, а, умывшись, выпилъ ковшъ воды и открылъ магазинъ.

Около полудня явился Павелъ, сердитый, съ нахмуренными бровями. Не здороваясь съ товарищемъ, онъ прямо спросилъ его:

— Ты что̀ это зазнаёшься?

Илья понялъ, о чемъ онъ говоритъ. и, безнадежно тряхнувъ головой, промолчалъ, думая:

„И этотъ противъ меня...“

— За что ты Софью Никоновну обидѣлъ?—строго допрашивалъ Павелъ, стоя передъ нимъ.

Въ надутомъ лицѣ Грачева и въ укоряющихъ его глазахъ Илья видѣлъ осужденіе себѣ, но отнесся къ нему равнодушно.

Медленно, усталымъ голосомъ онъ сказалъ:

— Ты бы прежде поздоровался, что ли... да и шапку сними,—здѣсь икона...

Но Павелъ схватилъ фуражку за козырекъ, надвинулъ ее на голову плотнѣе, задорно скривилъ губы и заговорилъ торопливо, горячо, вздрагивающимъ голосомъ:

— Форси! Разбогатѣлъ! Наѣлся! Вспомнилъ бы, какъ говорилъ: нѣтъ человѣка для насъ! А вотъ онъ нашелся,— гонишь его... Эхъ, ты, купецъ!

Тупое чувство какой-то лѣни мѣшало Луневу отвѣчать на слова товарища. Безразличнымъ взглядомъ онъ разсматривалъ возбужденное и насмѣшливое лицо Павла и чувствовалъ, что укоры не задѣваютъ его души. Желтые волоски въ усахъ и на подбородкѣ Грачева были какъ плѣсень на его худомъ лицѣ, и Луневъ смотрѣлъ на нихъ, равнодушно соображая:

„Это она ему нажаловалась... Развѣ я ее очень обидѣлъ? Могъ хуже...“

— Она все понимаетъ все можетъ объяснить... а ты съ ней... эхъ! — говорилъ Павелъ, по обыкновенію, густо пересыпая свою рѣчь междометіями. — Они всѣ люди хорошіе... они умные... они всякое право знаютъ наизусть... да! Тебѣ бы держаться за нее... а ты...

— Перестань, Пашка!—медленно сказалъ Луневъ. — Что̀ ты меня учишь? Какъ хочу, такъ и дѣлаю...

— Что̀ ты дѣлаешь? Скандалишь ты...

— Какъ хочу, такъ и живу... Надоѣли вы мнѣ всѣ... Хо̀дите, говорите...

И, тяжело прислоняясь къ полкамъ съ товаромъ, Луневъ задумчиво, какъ бы спрашивая самъ себя, выговорилъ:

— А что̀ вы можете сказать?

— Она все можетъ!—съ глубокимъ убѣжденіемъ воскликнулъ Павелъ и даже руку поднялъ кверху, точно готовясь принять присягу.—Они знаютъ все!

— Ну, и ступай къ нимъ!—равнодушно посовѣтовалъ ему Илья.

И слова и возбужденіе Павла были непріятны ему, но возражать товарищу онъ не искалъ въ себѣ желанія. Скука, тяжелая и липкая, мѣшала ему говорить и думать,

связывала его движенія. Онъ хотѣлъ остаться одинъ, ничего не слышать и не смотрѣть ни на что.

— И уйду!—угрожая, говорилъ Павелъ. — Уйду, потому что понимаю: мнѣ только около нихъ и можно жить... около нихъ можно все для себя найти, да! Они правду знаютъ!.. Никогда мнѣ такъ не жилось, какъ теперь... по-человѣчески... Кто меня уважалъ?

— Не ори!—сказалъ ему Луневъ негромко и безсильно.

— Идолъ ты деревянный!—крикнулъ Павелъ.

Но тутъ въ лавочку пришла дѣвочка и спросила дюжину пуговицъ рубашечныхъ. Илья, не торопясь, далъ ей просимое, взялъ изъ ея руки двугривенный, потеръ его между пальцами и возвратилъ покупательницѣ, сказавъ:

— Сдачи нѣтъ,—послѣ принесешь...

Сдача была въ конторкѣ, но ключъ лежалъ въ комнатѣ, и Луневу не хотѣлось пойти за нимъ. Когда дѣвочка ушла, Павелъ не возобновлялъ разговора. Стоя у прилавка, онъ хлопалъ себя по колѣну снятымъ съ головы картузомъ и смотрѣлъ на товарища, какъ бы ожидая отъ него чего-то. Но Луневъ, отвернувшись въ сторону отъ него, тихо свистѣлъ сквозь зубы. Съ улицы въ магазинъ врывался грохотъ телѣгъ, торопливые шаги прохожихъ, влетала пыль...

— Ну, что̀ же ты?—вызывающе спросилъ Павелъ.

— Ничего,—не сразу отвѣтилъ Луневъ.

— Такъ-таки—ничего?

— Отстань, Христа ради!—воскликнулъ Илья нетерпѣливо.

Грачевъ кинулъ картузъ на голову себѣ и ушелъ быстрыми шагами, не сказавъ ни слова. Илья проводилъ его, медленно поворачивая глаза и не двигая головой.

„Нездоровится мнѣ, что ли?“—спросилъ онъ себя.

Большая рыжая собака заглянула въ дверь, помахала хвостомъ и исчезла. Потомъ явилась въ двери старушка-нищая, сѣдая, съ большимъ носомъ. Она кланялась и говорила вполголоса:

— Подайте, батюшка, милостыньку!.. благодѣтель!..

Луневъ молча кивнулъ ей головой, отказывая въ милостынѣ. По улицѣ въ жаркомъ воздухѣ колебался шумъ трудового дня. Казалось, топится огромная печь, трещатъ дрова, пожираемыя огнемъ, и дышатъ знойнымъ пламенемъ. Гремитъ желѣзо,—это ѣдутъ ломовики: длинныя полосы, свѣшиваясь съ телѣгъ, задѣваютъ за камни мостовой, взвизгиваютъ, какъ отъ боли, ревутъ, гудятъ. Точильщикъ точитъ ножи, — злой, шипящій звукъ рѣжетъ воздухъ...

Каждая минута рождаетъ что-нибудь новое, неожиданное,

и жизнь поражаетъ слухъ разнообразіемъ своихъ криковъ, неутомимостью движенія, силой неустаннаго творчества. Но въ душѣ Лунева тихо и мертво: въ ней все какъ будто остановилось,—нѣтъ ни думъ ни желаній, а только тяжелая усталость. Въ такомъ состояніи онъ провелъ весь день и потомъ ночь, полную кошмаровъ... и много такихъ дней и ночей. Приходили люди, покупали, что надо было имъ, и уходили, а онъ ихъ провожалъ холодной мыслью:

„Я имъ не нуженъ, и они мнѣ не нужны... Это только сначала такъ... а потомъ привыкну... Буду жить одинъ... буду жить!“

Вмѣсто Гаврика ему ставила самоваръ и носила обѣдъ кухарка домохозяина, женщина угрюмая, худая, съ краснымъ лицомъ. Глаза у нея были безцвѣтные, неподвижные. Иногда, взглянувъ на нее, Луневъ ощущалъ гдѣ-то въ глубинѣ души возмущеніе:

„Неужто ничего хорошаго такъ и не увижу я никогда?“

И угрюмо, безнадежно онъ говорилъ себѣ:

„Зря жизнь идетъ...“

Онъ ужъ привыкъ къ разнороднымъ впечатлѣніямъ, и хотя они волновали, злили его, но онъ чувствовалъ—съ ними все же лучше было жить. Ихъ приносили люди. А теперь люди исчезли куда-то, — остались одни покупатели. Потомъ ощущеніе одиночества и тоска о хорошей жизни снова утопали въ равнодушіи ко всему, и снова дни тянулись медленно, въ какой-то давящей духотѣ.

Однажды поутру Илья только-что проснулся и сидѣлъ на постели, думая, что вотъ опять день пришелъ, — нужно его прожить...

„Живешь, какъ осенью по болоту шагаешь... Холодно, вязко... устаешь сильно, а впередъ уходишь мало...“

Въ дверь со двора постучали дробнымъ, частымъ стукомъ.

Илья всталъ, думая, что это кухарка за самоваромъ пришла, отперъ дверь и очутился лицомъ къ лицу съ горбуномъ.

— Эге-ге! — насмѣшливо качая головой и улыбаясь, заговорилъ Терентій.—Девятый часъ, а у тебя, торговецъ, лавка не отперта!

Илья стоялъ предъ нимъ, мѣшая ему войти въ дверь, и тоже улыбался. Лицо у Терентія загорѣло, но какъ-то обновилось; глаза смотрѣли радостно и бойко. У ногъ его лежали мѣшки, узлы, и онъ самъ среди нихъ казался узломъ.

— Здорово, племянничекъ! Пускай, что ли, въ жилье-то!

Илья посторонился и молча началъ втаскивать узлы, а Те-

рентій отыскалъ глазами образъ, осѣнилъ себя крестомъ и поклонясь, сказалъ:

— Слава Тебѣ, Господи,—вотъ я и дома! Ну, здравствуй Илья!

Обнимая дядю, Луневъ почувствовалъ, что тѣло горбуна стало крѣпкимъ, сильнымъ.

— Умыться бы мнѣ,—громко говорилъ Терентій, оглядывая комнату. Онъ уже не гнулся, какъ прежде: хожденіе съ котомкой за плечами какъ будто оттянуло его горбъ книзу. Терентій выпрямился и высоко поднялъ голову.

— Какъ поживаешь?—спрашивалъ онъ племянника, бросая пригоршнями воду на свое лицо.

Ильѣ было пріятно видѣть дядю такимъ обновленнымъ. Онъ хлопоталъ около стола, приготовляя чай, и отзывался на вопросы горбуна охотно, хотя сдержанно, съ осторожностью.

— Ты—какъ?

— Я? Хорошо! — Терентій закрылъ глаза и съ довольной улыбкой покачалъ головой.—Такъ-то ли хорошо я сходилъ,—лучше не надо! Живой водицы испилъ, словомъ сказать...

Онъ усѣлся за столъ, намоталъ свою бородку на палецъ и, склонивъ голову набокъ, сталъ разсказывать:

— Былъ я у Аѳанасья Сидящаго и у переяславльскихъ чудотворцевъ, и у Митрофанія Воронежскаго, и у Тихона Задонскаго... ѣздилъ на Валаамъ островъ... множество земли исходилъ. Многимъ угодникамъ молился, а сейчасъ я у послѣднихъ былъ: у Петра—Фавроньи въ Муромѣ...

Должно-быть, онъ испытывалъ большое удовольствіе, перечисляя имена угодниковъ и города,—лицо у него было сладкое, глаза увлажились и смотрѣли гордо. Слова своей рѣчи онъ произносилъ на тотъ пѣвучій ладъ, которымъ умѣлые разсказчики сказываютъ сказки или житія святыхъ.

— Въ пещерахъ святой лавры тишь стоитъ непоколебимая, тьма въ нихъ страховитая, а во тьмѣ дѣтскими глазыньками лампадочки блещутъ и святымъ мѵромъ пахнетъ...—монотонно говорилъ Терентій.

Вдругъ хлынулъ дождь, за окномъ раздался вой, визгъ, желѣзо крышъ гудѣло, вода, стекая съ нихъ, всхлипывала, и въ воздухѣ какъ бы дрожала сѣть изъ толстыхъ нитей стали.

— Мѵро это источаютъ собою богоѵгодныя главы...

— Та-акъ,—медленно протянулъ Илья.—Ну, а... облегчился?

Терентій замолчалъ на минуту, потомъ приподнялся на стулѣ и, наклонясь къ Ильѣ, пониженнымъ голосомъ сказалъ ему:

— То-есть... примѣромъ скажу: какъ сапогъ ногу, жалъ

мнѣ сердце грѣхъ этотъ невольный мой... Невольный, — потому не послушалъ бы я въ ту пору Петра, онъ бы меня— швырь вонъ! Вышвырнулъ бы... Вѣрно?

— Вѣрно!—согласился Илья.

— Ну вотъ... а какъ я пошелъ... сразу этакая легкость на душѣ явилась... Иду и говорю: Господи, видишь? Иду ко угодникамъ Твоимъ... Знаю—грѣшенъ...

— Значитъ—разсчитался?—спросилъ Луневъ съ улыбкой.

— Его воля! Какъ Онъ приметъ мою молитву—не вѣдаю!— сказалъ горбунъ, поднявъ глаза кверху.

— Да совѣсть-то какъ?

— Что̀—какъ?

— Спокойна?

Терентій подумалъ, какъ бы прислушиваясь къ чему-то, и сказалъ:

— Молчитъ...

Луневъ усмѣхнулся.

— Молитва,—ежели отъ чистаго сердца,—всегда принесетъ человѣку облегченіе, — тихо, внушающимъ тономъ говорилъ горбунъ

Илья всталъ со стула и подошелъ къ окну. Широкіе ручьи мутной воды бѣжали около тротуара; на мостовой, среди камней ея, стояли маленькія лужи; дождь сыпался на нихъ, онѣ вздрагивали: казалось, что вся мостовая дрожитъ. Домъ противъ магазина Ильи нахмурился, весь мокрый, стекла въ окнахъ его потускнѣли, и цвѣтовъ за ними не было видно. На улицѣ было пусто и тихо,—только дождь шумѣлъ и журчали ручьи. Одинокій голубь прятался подъ карнизомъ, усѣвшись на наличникѣ окна, и отовсюду съ улицы вѣяло сырой, тяжелой скукой.

„Осень начинается“,—мелькнуло въ головѣ Лунева.

— Чѣмъ инымъ оправдаться можно, какъ не молитвой?— говорилъ Терентій, развязывая одинъ изъ своихъ мѣшковъ.

— Просто очень,—хмуро замѣтилъ Илья, не оборачиваясь къ дядѣ. — Согрѣшилъ, помолился — чистъ. Валяй опять — грѣши...

— За-ачѣмъ? Живи строго...

— Чего ради?

— Какъ?

— Такъ...

— А совѣсть чистая?

— А что̀ въ ней толку?

— Н-ну-у...—неодобрительно протянулъ Терентій. — Какъ ты это говоришь...

— Такъ и говорю,—настойчиво и твердо продолжалъ Илья, стоя спиной къ дядѣ.

— Грѣхъ!

— Ну и грѣхъ...

— Наказанъ будешь!

— Нѣтъ...

Теперь онъ отвернулся отъ окна и смотрѣлъ въ лицо Терентія. Горбунъ тоже пытливо щупалъ глазами крѣпкую фигуру племянника. Чмокая губами, онъ долго искалъ слова, чтобы возразить, и, найдя его, внушительно выговорилъ:

— Какъ нѣтъ? Будешь... Вотъ я — согрѣшилъ и былъ за то наказанъ...

— Чѣмъ это?—угрюмо спросилъ Илья.

— А страхомъ? Жилъ и все боялся — вдругъ узнаютъ, вдругъ...

— А я вотъ согрѣшилъ, а не боюсь, — объявилъ Илья, дерзко усмѣхаясь.

— Дуришь ты,—сказалъ Терентій строгимъ голосомъ.

— Да, не боюсь! Жить мнѣ трудно, однако...

— А-а!—воскликнулъ Терентій, съ торжествомъ поднимаясь съ пола.—Трудно, говоришь?

— Да! Всѣ бросили, какъ паршиваго...

— Вотъ и наказаніе! Ага?!

— За что? — крикнулъ Илья почти съ бѣшенствомъ. Челюсть у него тряслась, и пальцы рукъ, сложенныхъ за спиной, царапали стѣну.

Терентій смотрѣлъ на него съ испугомъ, помахивая въ воздухѣ какой-то веревочкой.

— Не кричи, не кричи!—говорилъ онъ вполголоса.

Но Илья кричалъ. Давно уже онъ не говорилъ съ людьми и теперь выбрасывалъ изъ души все, что накопилось въ ней за эти дни одиночества. Страстно, со злобой, онъ говорилъ дядѣ:

— И напрасно ты ходилъ... все равно, ничего тебѣ не было бы! Не только грабь,—убивай: ничего не будетъ! Некому наказывать... Наказываютъ неумѣющихъ, а кто умѣетъ,— тотъ все можетъ дѣлать, все!

— Илья! — говорилъ Терентій, осторожно подвигаясь къ нему. — Ты погоди, ты не горячись!.. Сядь!.. Давай смирно разберемъ все.

Вдругъ за дверью что-то грохнуло, покатилось, затрещало и остановилось гдѣ-то близко, у самой двери. Они оба вздрогнули и замолчали. Но тишина настала вновь, только дождь лилъ...

— Что̀ это?—тихонько и пугливо сказалъ горбунъ.

Илья молча подошелъ къ двери, отворилъ ее и выглянулъ на дворъ. Въ комнату влетѣлъ тихій свистъ, хрипъ, шопотъ, цѣлый вихрь звуковъ, слившихся въ однообразный тяжкій гулъ.

— Ящики развалились,—сказалъ Луневъ, затворяя дверь и снова проходя на прежнее мѣсто къ окну.

Терентій опять присѣлъ на полъ разбирать свои мѣшки. Помолчавъ, онъ заговорилъ:

— Нѣтъ, ты тово... подумай! Ты такія слова кричишь, ой-ой, братъ! Безбожіемъ Бога не прогнѣваешь, но себя погубишь... Ты это пойми... слова мудрыя,—я дорогой слыхалъ ихъ отъ одного человѣка... Сколько мудрости слышалъ я!

Онъ снова началъ разсказывать о своемъ путешествіи, искоса поглядывая на Илью. А Илья слушалъ его рѣчь, какъ шумъ дождя, и уже думалъ о томъ, какъ онъ будетъ жить съ дядей?..

Они зажили недурно. Терентій сдѣлалъ себѣ изъ ящиковъ кровать, поставилъ ее между печью и дверью, въ углу, гдѣ по ночамъ тьма сгущалась плотнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ комнаты. Присмотрѣвшись къ жизни Лунева, онъ взялъ на себя обязанности Гаврика,—ставилъ самовары, убиралъ магазинъ и комнату, ходилъ въ трактиръ за обѣдомъ и всегда мурлыкалъ себѣ подъ носъ акаѳисты. Вечерами онъ разсказывалъ племяннику о томъ, какъ Аллилуіева жена спасла Христа отъ враговъ, бросивъ въ горящую печь своего ребенка, а Христа взявъ на руки вмѣсто него. Разсказывалъ о томъ, какъ монахъ триста лѣтъ слушалъ пѣніе птички; о Кирикѣ и Улитѣ и о многомъ другомъ. Луневъ, слушая его, все думалъ свои думы... Теперь, по вечерамъ, онъ уходилъ гулять, и всегда его манило куда-нибудь за городъ. Тамъ, въ полѣ, ночью было тихо, темно и пустынно, какъ въ его душѣ.

Чрезъ недѣлю послѣ его возвращенія Терентій сходилъ къ Петрухѣ Филимонову и вернулся отъ него обезкураженный, обиженный. Но, когда Илья спросилъ, что̀ съ нимъ? — онъ отвѣтилъ торопливо:

— Ничего, ничего! Такъ... былъ, значитъ, видѣлъ все, стало-быть... поговорили... м-да!

— Что̀ Яковъ?—спросилъ Илья.

— Яковъ? Онъ, Яковъ-то, того... помирать хочетъ... Говорилъ про тебя... Желтый... кашляетъ...

Терентій замолчалъ и, глядя въ уголъ, сталъ жевать губами, грустный и жалкій.

Жизнь шла ровно, однообразно: всѣ дни походили одинъ на

другой, какъ мѣдные пятаки чеканки одного года. Угрюмая злоба хоронилась въ глубинѣ души Лунева, какъ большая змѣя, и пожирала всѣ впечатлѣнія этихъ дней. Никто изъ старыхъ знакомыхъ не приходилъ къ нему: Павелъ и Маша какъ будто нашли себѣ другую дорогу въ жизни; Матицу сшибла лошадь, и баба умерла въ больницѣ; Перфишка исчезъ, точно провалился сквозь землю. Луневъ все собирался пойти къ Якову и не могъ собраться, чувствуя, что ему не о чемъ говорить съ умирающимъ товарищемъ. Утромъ онъ читалъ газету, а днемъ сидѣлъ въ магазинѣ, глядя, какъ осенній вѣтеръ гоняетъ по улицѣ желтые листья, сорванные съ деревьевъ. Иногда и въ магазинъ залеталъ такой листъ...

— Преподобне отче Тихоне, моли Бога о на-асъ... — хрустѣвшимъ, какъ сухіе листья, голосомъ напѣвалъ Терентій, возясь въ комнатѣ.

Однажды въ воскресенье, развернувъ газету, Илья увидалъ на первой ея страницѣ стихотвореніе: „Прежде и теперь. Посвящается С. Н. М—ой“, подписанное: „П. Грачевъ“.

Въ недугѣ тяжкомъ и въ бреду
Я годы молодости прожилъ.
Вопросъ—куда, слѣпой, иду?—
Ума и сердца не тревожилъ.
Мракъ мою душу оковалъ
И ослѣпилъ мнѣ умъ и очи...
Но я всегда—и дни и ночи—
О чемъ-то свѣтломъ тосковалъ!.
Вдругъ—свѣтомъ внутреннимъ полна,
Ты предо мною гордо встала—
И, дрогнувъ, мрака пелена
Съ души и глазъ моихъ упала!
Да будетъ проклятъ этотъ мракъ!
Свободный отъ его недуга,
Я чувствую—нашелъ я друга!
И ясно вижу—кто мой врагъ!..

Луневъ прочиталъ и съ сердцемъ отодвинулъ газету отъ себя.

„Сочиняй! Выдумывай! Другъ... врагъ!.. Кто—дуракъ, тому всякій врагъ... да!“—онъ криво усмѣхнулся. И какъ-то вдругъ, точно другимъ сердцемъ, подумалъ:

„А что̀, ежели я туда махну? Приду и скажу... вотъ пришелъ! Извините...“

„За что?“ — тотчасъ же спросилъ онъ себя. И закончилъ все это рѣшительнымъ и угрюмымъ словомъ:

„Прогонитъ...“

Потомъ онъ, съ обидой и завистью въ сердцѣ, снова прочиталъ стихи и снова задумался о дѣвушкѣ...

„Гордая... Посмотритъ этакъ... ну и—уйдешь, съ чѣмъ пришелъ...“

Въ этой же газетѣ, въ справочномъ отдѣлѣ онъ прочиталъ, что на двадцать третье сентября въ окружномъ судѣ назначено къ слушанію дѣло по обвиненію Вѣры Капитановой въ кражѣ. Злорадное чувство вспыхнуло въ немъ, и, мысленно обращаясь къ Павлу, онъ сказалъ:

— Стихи сочиняешь? А она—въ тюрьмѣ все сидитъ?..

— Боже! Милостивъ буди ми грѣшному,—вздохнувъ, прошепталъ Терентій, грустно качая головой. Потомъ онъ взглянулъ на племянника, шуршавшаго газетой, и окрикнулъ его:

— Илья...

— Ну?

— Петруха-то...

Горбунъ жалобно улыбнулся и замолчалъ.

— Что̀?—спросилъ Луневъ.

— О-ограбилъ онъ меня,—тихо, виноватымъ голосомъ сообщилъ Терентій и уныло хихикнулъ.

Илья равнодушно поглядѣлъ на лицо дяди и не сказалъ ни слова, но подумалъ:

„Такъ и надо...“

— Эхе-хе! Обобралъ...

— Сколько всего-то украли вы?—спокойно спросилъ Илья.

Его дядя отодвинулся отъ стола вмѣстѣ со стуломъ, наклонилъ голову и, держа руки на колѣняхъ, сталъ шевелить пальцами, то сгибая, то разгибая ихъ.

— Тысячъ десять, что ли?—вновь спросилъ Луневъ.

Горбунъ вскинулъ голову и съ удивленіемъ протянулъ:

— Деся-ать?

Потомъ махнулъ рукой на Илью, говоря:

— Что̀ ты, Господь съ тобой! Всего-навсего три тыщи шестьсотъ съ мелочью, а ты—десять! Хватилъ!..

— У дѣдушки больше десяти было,—сказалъ Илья, усмѣхаясь.

— Врё-е?

— Ну, вотъ еще... онъ самъ мнѣ говорилъ...

— Да онъ считать-то умѣлъ ли?

— Не хуже васъ съ Петромъ...

Терентій задумался, и вновь голова его низко опустилась.

— Сколько Петруха не додалъ?—спросилъ Илья.

— Около семисотъ...—со вздохомъ сказалъ Терентій.—Такъ больше десяти?

Луневъ промолчалъ. Ему было непріятно видѣть озабоченное, разочарованное лицо дяди.

— Гдѣ же такая уйма деньжищъ спрятана была?—вдумчиво и съ удивленіемъ спросилъ горбунъ.—Мы, кажись бы все забрали... А можетъ, Петруха-то еще въ ту пору надулъ меня... а?

— Помолчалъ бы ты про это!—сурово сказалъ Луневъ.

— Да ужъ теперь... не стоитъ говорить! — согласился Терентій и тяжело вздохнулъ.

А Луневъ задумался о жадности человѣка и о томъ, какъ много пакостей дѣлаютъ люди ради денегъ. Но вскорѣ онъ уже думалъ о томъ, кабы у него этихъ денегъ было много,— десятки, сотни тысячъ, онъ бы показалъ себя людямъ! Онъ заставилъ бы ихъ на четвереньках ходить предъ собой, онъ бы... Увлеченный мстительнымъ чувствомъ, онъ съ ненавистью ударилъ кулакомъ по столу, — вздрогнулъ отъ удара, взглянулъ на дядю и увидалъ, что дядя тоже смотритъ на него, полуоткрывъ ротъ и со страхомъ въ глазахъ.

— Задумался я, — хмуро сказалъ онъ Терентію, вставая изъ-за стола.

— Бываетъ,—недовѣрчиво согласился тотъ.

Когда Илья пошелъ въ магазинъ, онъ пытливо смотрѣлъ вслѣдъ ему, и губы горбуна беззвучно шевелились... Хотя Илья не видѣлъ, но онъ чувствовалъ этотъ подозрительный взглядъ за своей спиной: онъ уже давно замѣтилъ, что дядя слѣдитъ за каждымъ его шагомъ и хочетъ что-то понять, о чемъ-то спросить. Это заставляло Лунева избѣгать разговоровъ съ дядей. Съ каждымъ днемъ онъ все болѣе ясно чувствовалъ, что горбатый мѣшаетъ ему жить, и все чаще ставилъ предъ собою вопросъ:

„Долго это будетъ тянуться?“

Въ душѣ Лунева назрѣвалъ нарывъ; жить становилось все тошнѣе, и всего хуже было то, что ему ничего не хотѣлось дѣлать: никуда его не тянуло, а только казалось порою, что онъ медленно и съ каждымъ днемъ все глубже опускается куда-то въ темную яму безъ дна. Считая себя тяжко обиженнымъ людьми, онъ всей силой души сосредоточился на горькомъ ощущеніи этой обиды, разжигалъ ее въ себѣ постоянными думами о ней и находилъ въ ней оправданіе всему дурному, что когда-либо сдѣлалъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ пріѣхалъ Терентій, явилась и Татьяна Власьевна, уѣзжавшая куда-то изъ города. При видѣ горбатаго мужика въ коричневой рубахѣ изъ бумазеи, она брезгливо поджала губы и спросила его:

— Это вашъ дядя?

— Да,—коротко отвѣтилъ Луневъ.

— Съ вами будетъ жить?

— Обязательно...

Татьяна Власьевна почувствовала что-то непріятное, вызывающее въ отвѣтахъ компаньона и перестала обращать вниманіе на горбуна; а Терентій, стоя у двери, на мѣстѣ Гаврика, покручивалъ свою желтую бородку и любопытными глазами слѣдилъ за тоненькой, одѣтой въ сѣрое фигуркой женщины. Луневъ тоже смотрѣлъ, какъ она воробышкомъ прыгаетъ по магазину, и молча ждалъ, что̀ она еще спроситъ, готовый закидать ее тяжелыми, обидными словами. Но она, искоса поглядывая на его злое, холодное лицо, не спрашивала ни о чемъ. Стоя за конторкой, она перелистывала книгу дневной выручки и говорила о томъ, какъ пріятно пожить недѣльку, двѣ въ деревнѣ, какъ это дешево сто̀итъ и хорошо дѣйствуетъ на здоровье.

— Тамъ была маленькая рѣчушка,—тихая такая! И веселая компанія... одинъ телеграфистъ превосходно игралъ на скрипкѣ... Я выучилась грести... Но—мужицкія дѣти! Это наказаніе! Въ родѣ комаровъ,—ноютъ, клянчатъ... Дай, дай! Это ихъ отцы учатъ и матери... ужасно непріятно...

— Никто не учитъ,—сухо заговорилъ Илья.—Отцы и матери работаютъ. А дѣти—безъ призора живутъ... Неправду вы говорите...

Татьяна Власьевна удивленно взглянула на него, открыла ротъ, желая что-то сказать, но въ это время Терентій почтительно улыбнулся и заявилъ:

— Господа въ деревнѣ теперь—диковина... Допрежде въ каждой деревнѣ баринъ весь вѣкъ свой былъ... а теперь наѣздомъ бываютъ...

Автономова перевела глаза на него, потомъ снова на Илью и, не сказавъ ни слова, уставилась въ книгу. Терентій сконфузился и сталъ одергивать рубашку. Съ минуту въ магазинѣ всѣ молчали,—былъ слышенъ только шелестъ листовъ книги да шорохъ,—это Терентій терся горбомъ о косякъ двери...

— А ты, — вдругъ раздался сухой и спокойный голосъ Ильи,—прежде чѣмъ съ господами въ разговоръ вступать, спроси: позвольте, молъ, поговорить, сдѣлайте милость... Да на колѣни встань...

Книга вырвалась изъ-подъ руки Татьяны Власьевны и поѣхала по конторкѣ, но женщина поймала ее, громко хлопнула по ней рукой и засмѣялась. Терентій, наклонивъ голову, вышелъ на улицу... Тогда Татьяна Власьевна исподлобья съ улыбкой взглянула на угрюмое лицо Лунева и вполголоса спросила:

— Сердишься? На меня? За что?

Лицо у нея было плутоватое, ласковое, глаза блестѣли задорно... Луневъ, протянувъ руку, взялъ ее за плечо... Въ немъ вспыхнула ненависть къ ней, дикое, звѣрское желаніе обнять ее, давить на своей груди и слушать трескъ ея тонкихъ костей. Оскаливъ зубы, онъ притягивалъ ее къ себѣ, а она, схвативъ его руку, старалась оторвать его отъ своего плеча и шептала:

— Ой... пусти! Больно... Ты съ ума сошелъ? Здѣсь нельзя обниматься... И... послушай! Дядю неудобно имѣть: онъ горбатый... его будутъ бояться... пусти же! Его надо куда-нибудь пристроить—слышишь?

Но онъ уже обнялъ ее и медленно наклонялъ голову надъ ея лицомъ, съ расширенными глазами.

— Что̀ ты? Здѣсь нельзя... оставь.

Она вдругъ опустилась къ землѣ и выскользнула изъ его рукъ, гибкая, какъ рыба. Луневъ, сквозь горячій туманъ въ глазахъ, видѣлъ ее у двери на улицу. Оправляя кофточку дрожащими руками, она говорила:

— Ахъ, какой ты грубый! Развѣ не можешь подождать?

У него въ головѣ шумѣло, точно тамъ ручьи текли. Неподвижно, сцѣпивши крѣпко пальцы рукъ, онъ стоялъ за прилавкомъ и смотрѣлъ на нее такъ, точно въ ней одной видѣлъ все зло, всю тяжесть своей жизни.

— Это хорошо, что ты страстный, но, голубчикъ, надо же быть сдержаннымъ...

— Уйди!—сказалъ Илья.

— Ухожу... Сегодня я не могу принять тебя... но послѣзавтра,—двадцать третьяго,—день моего рожденья... придешь?

Говоря, она ощупывала пальцами брошь и не смотрѣла на Илью.

— Уйди!—повторилъ онъ, вздрагивая отъ желанія поймать ее и мучить.

Она ушла. Тотчасъ же явился Терентій и почтительно спросилъ:

— Это вотъ и есть—компаньонка?

Луневъ кивнулъ головой, облегченно вздыхая.

— Ва-ажная барыня!.. Какая... ишь ты! Маленькая, а...

— Поганая!—сказалъ Илья густымъ голосомъ.

— Мм...—недовѣрчиво промычалъ Терентій.

Илья почувствовалъ на своемъ лицѣ пытливый, догадывающійся взглядъ дяди и съ сердцемъ спросилъ:

— Ну, что̀ смотришь?

— Я? Господи, помилуй! Ничего...

— Я знаю, что̀ говорю... Сказалъ—поганая, и—кончено! Хуже скажу—и то правда будетъ...

— А-а? Вонъ оно что̀-о...—протянулъ горбунъ соболѣзнующимъ голосомъ.

— Что̀?—сурово крикнулъ Илья.

— Стало-быть...

— Что̀—стало-быть?

Терентій стоялъ передъ нимъ, переступая съ ноги на ногу, испуганный и оскорбленный криками: лицо у него было жалкое, глаза часто мигали.

— Стало-быть... ты лучше знаешь...—сказалъ онъ, помолчавъ.

— Только и всего! — воскликнулъ Илья. — Я ихъ очень знаю,—чистенькія... снаружи... Ты, дядя, поторгуй!.. Я ухожу...

На улицѣ было невесело. Нѣсколько дней кряду шелъ дождь. Сѣрые чистенькіе камни мостовой неподвижно и скучно смотрѣли въ сѣрое небо надъ ними, и были они похожи на лица людей. Во впадинахъ между ними лежала грязь, оттѣняя собою ихъ холодную чистоту... Желтый листъ на деревьяхъ вздрагивалъ предсмертной дрожью. Гдѣ-то частыми ударами палокъ выбивали пыль изъ ковровъ или мѣховой одежды,—дробные звуки сыпались въ воздухъ и исчезали въ немъ, какъ камни въ водѣ. А въ концѣ улицы, предъ глазами Ильи, изъ-за крышъ домовъ на небо поднимались густыя, сизыя и бѣлыя облака. Тяжело, огромными клубами они лѣзли одно на другое, все выше и выше, постоянно мѣняя формы, то похожія на дымъ пожара, то—какъ горы или какъ мутныя волны рѣки. Казалось, что всѣ они только затѣмъ поднимаются въ сѣрую высоту, чтобы сильнѣе упасть оттуда на дома, деревья и на землю. Лупевъ усталъ смотрѣть на ихъ живую стѣну предъ собой и вернулся въ магазинъ, вздрагивая отъ скуки и холода.

— Надо бросить все... магазинъ и все... Пусть дядя торгуетъ... съ Танькой... а я—пойду...

Ему представилось огромное, мокрое поле, покрытое сѣрыми облаками небо, широкая дорога съ березами по бокамъ ея. Онъ идетъ съ котомкой за плечами, его ноги вязнутъ въ грязи, холодный дождь бьетъ въ лицо. А въ полѣ, на дорогѣ, нѣтъ ни души... даже галокъ на деревьяхъ нѣтъ, и надъ головой безмолвно двигаются синеватыя тучи...

„Удивляюсь“,—равнодушно подумалъ онъ, видя, что итти ему некуда и не можетъ онъ итти никуда...

Проснувшись утромъ черезъ день, онъ увидалъ на отрывномъ календарѣ черную цифру двадцать три и... вспомнилъ,

что въ этотъ день судятъ Вѣру. Онъ обрадовался возможности уйти изъ магазина и почувствовалъ горячее любопытство къ судьбѣ дѣвушки. Спѣшно одѣвшись, наскоро выпивъ чаю, почти бѣгомъ онъ пошелъ въ судъ и—явился прежде времени. Въ зданіе не пускали,—кучка народа жалась у крыльца, ожидая, когда отворятъ двери. Луневъ тоже всталъ у дверей, прислонясь спиной къ стѣнѣ дома. Широкая площадь развертывалась предъ судомъ, среди нея стояла большая церковь. Тѣни двигались по землѣ. Ликъ солнца, блѣдный и усталый, то появлялся, то исчезалъ за облаками. Почти каждую минуту вдали на площадь ложилась тѣнь, ползла по камнямъ, лѣзла на деревья, и такая она была тяжелая, что вѣтви деревьевъ качались подъ нею; потомъ она окутывала церковь отъ подножія до креста, переваливалась черезъ нее и безъ шума двигалась дальше на зданіе суда, на людей у двери его...

Люди были все какіе-то сѣрые, съ голодными лицами; они смотрѣли другъ на друга усталыми глазами и говорили медленно. Одинъ изъ нихъ—длинноволосый, въ легкомъ пальто, застегнутомъ до подбородка, въ измятой шляпѣ,—озябшими красными пальцами крутилъ острую рыжую бороду и нетерпѣливо постукивалъ о землю ногами въ худыхъ башмакахъ. Другой, въ заплатанной поддевкѣ и картузѣ, нахлобученномъ на глаза, стоялъ, опустивъ голову на грудь, сунувши одну руку за пазуху, а другую въ карманъ. Онъ казался дремлющимъ. Черненькій человѣчекъ въ пиджакѣ и высокихъ сапогахъ, похожій на жука, безпокоился: онъ поднималъ острую, блѣдную мордочку кверху, смотрѣлъ въ небо, свисталъ, морщилъ брови, ловилъ языкомъ усы и разговаривалъ больше всѣхъ.

— Отпираютъ? — восклицалъ онъ и, склонивъ голову на бокъ, прислушивался.

— Нѣтъ... гм!.. А времени много ужъ... Вы, моншеръ, въ библіотеку не заходили?

— Нѣтъ, рано...—въ два удара, но въ одинъ тонъ отвѣтилъ длинноволосый.

— Чортъ возьми... холодно, знаете!

Длинноволосый сочувственно крякнулъ и сказалъ задумчиво:

— А гдѣ бы мы грѣлись, если бы не было суда и библіотеки?

Черненькій молча передернулъ плечами. Илья разсматривалъ этихъ людей и вслушивался въ ихъ разговоръ. Онъ видѣлъ, что это—„шалыганы“, „стрѣлки“,—люди, которые живутъ темными дѣлами, обманываютъ мужиковъ, составляя

имъ прошенія и разныя бумаги, или ходятъ по домамъ съ письмами, въ которыхъ просятъ милостыню.

Пара голубей опустилась на мостовую, неподалеку отъ крыльца. Толстый голубь съ отвисшимъ зобомъ, переваливаясь съ ноги на ногу, началъ ходить вокругъ голубки, громко воркуя.

— Фь-ю!—рѣзко свистнулъ черненькій человѣчекъ. Человѣкъ въ поддевкѣ вздрогнулъ и поднялъ голову. Лицо у него было опухшее, синее, со стеклянными глазами.

— Терпѣть не могу голубей! — воскликнулъ черненькій, глядя вслѣдъ улетавшимъ птицамъ.—Жирные... въ родѣ богатыхъ лавочниковъ... воркуютъ... пр-ротивно! Судитесь?—неожиданно спросилъ онъ Илью.

— Нѣтъ...

— Не обвиняемый?

— Нѣтъ..

Черненькій человѣкъ осмотрѣлъ Лунева съ ногъ до головы и въ носъ себѣ проговорилъ:

— Странно...

— Чего же страннаго?—спросилъ Илья, усмѣхнувшись.

— У васъ лицо обвиняемаго,—скороговоркой сказалъ человѣкъ.—А, отпираютъ...

Онъ первый нырнулъ въ открытую дверь суда. Задѣтый его словомъ, Илья пошелъ за нимъ и въ дверяхъ толкнулъ плечомъ длинноволосаго.

— Тише, невѣжа,—спокойно сказалъ длинноволосый и, въ свою очередь тоже толкнувъ Илью, опередилъ его.

Но этотъ толчокъ не обидѣлъ Ильи, а только удивилъ его. „Чудно!—подумалъ онъ.—Толкается такъ, какъ будто баринъ и вездѣ можетъ первымъ итти, а самъ вонъ какой... огарокъ...“

Въ залѣ суда было сумрачно и тихо. Длинный столъ, крытый зеленымъ сукномъ, кресла съ высокими спинками, золото рамъ, огромные, въ ростъ человѣка, портреты, малиновые стулья для присяжныхъ, большая деревянная скамья за рѣшеткой,—все было тяжелое и внушало уваженіе. Окна глубоко уходили въ сѣрыя стѣны; парусиновыя занавѣски толстыми складками висѣли надъ окнами, а стекла въ нихъ были какія-то мутныя. Тяжелыя двери отворялись безшумно, и безъ шума, быстро, расхаживали люди въ мундирахъ. Каждый предметъ въ этой большой комнатѣ, казалось, безмолвно внушалъ человѣку вести себя тихо и смирно. Луневъ осматривался, и жуткое чувство щемило ему сердце, а когда чиновникъ объявилъ, что „судъ идетъ“, Илья вздрогнулъ и вско-

чилъ на ноги раньше всѣхъ, хотя и не зналъ, что нужно было встать. Одинъ изъ четырехъ людей, вошедшихъ въ залу, былъ Громовъ,—тотъ человѣкъ, что жилъ въ домѣ противъ магазина Ильи. Онъ усѣлся въ среднее кресло, провелъ обѣими руками по волосамъ, взъерошилъ ихъ и поправилъ воротникъ, густо шитый золотомъ. Его лицо нѣсколько успокоило Илью: оно было такое же румяное и благодушное, какъ всегда, только концы усовъ Громовъ закрутилъ кверху. Справа отъ него сидѣлъ славный старичокъ съ маленькой сѣдой бородкой, курносый, въ очкахъ, а слѣва—человѣкъ лысый, съ раздвоенной рыжей бородой и желтымъ неподвижнымъ лицомъ. Потомъ еще у конторки стоялъ молодой судья, круглоголовый, гладко остриженный, съ черными глазами навыкатѣ. Всѣ они нѣкоторое время молчали, перебирая бумаги на столѣ, а Луневъ смотрѣлъ на нихъ съ уваженіемъ и ждалъ, что вотъ сейчасъ кто-нибудь изъ нихъ встанетъ и скажетъ нѣчто громко, важно...

Но вдругъ, повернувъ голову влѣво, Илья увидѣлъ знакомое ему толстое, блестящее, точно лакомъ покрытое, лицо Петрухи Филимонова. Петруха сидѣлъ въ первомъ ряду малиновыхъ стульевъ, опираясь затылкомъ о спинку стула, и спокойно поглядывалъ на публику. Раза два его глаза скользнули по лицу Ильи, и оба раза Луневъ ощущалъ въ себѣ желаніе встать на ноги, сказать что-то Петрухѣ, или Громову, или всѣмъ людямъ въ судѣ.

„Вотъ!.. сына забилъ!..“ — вспыхивало у него въ головѣ, и въ горлѣ у себя онъ чувствовалъ что-то похожее на изжогу...

— Вотъ, вы обвиняетесь въ томъ, — ласковымъ голосомъ говорилъ Громовъ, но Илья не видѣлъ, кому Громовъ говоритъ: онъ смотрѣлъ въ лицо Петрухи, подавленный тяжелымъ недоумѣніемъ, не умѣя примириться съ тѣмъ, что Филимоновъ—судья...

— Скажите, подсудимый,—лѣнивымъ голосомъ спрашивалъ прокуроръ, потирая себѣ лобъ, — вы говорили... лавочнику Анисимову: „Погоди! я тебѣ отплачу!“?

Гдѣ-то вертѣлась форточка и взвизгивала.

— Й-у... й-у... й-у...

Среди присяжныхъ Илья увидалъ еще два знакомыхъ лица. Выше Петрухи и сзади него сидѣлъ штукатуръ—подрядчикъ Силачевъ, мужикъ большой, съ длинными руками и маленькимъ, сердитымъ лицомъ, пріятель Филимонова, всегда игравшій съ нимъ въ шашки. Про Силачева говорили, что однажды на работѣ, поссорившись съ мастеромъ, онъ столкнулъ его съ лѣсовъ, отчего мастеръ захворалъ и померъ. А въ первомъ

ряду, черезъ человѣка отъ Петрухи, сидѣлъ Додоновъ, владѣлецъ большого галантерейнаго магазина. Илья покупалъ у него товаръ и зналъ, что это человѣкъ жестокій, скупой, дважды платившій по гривеннику за рубль...

— Свидѣтель! Когда вы увидали, что изба Анисимова горитъ...

— Й-у... ію-ю-ю,—ныла форточка, и въ груди Лунева тоже ныло.

— Дуракъ!—раздался рядомъ съ нимъ тихій шопотъ.

Онъ взглянулъ,—съ нимъ рядомъ сидѣлъ черненькій человѣчекъ, презрительно скрививъ губы.

— Дуракъ!—повторилъ онъ, кивая головой Ильѣ.

— Кто?—шепнулъ Илья, тупо взглянувъ на него.

— Арестантъ... Имѣлъ прекрасный случай опрокинуть свидѣтеля... пропустилъ! Я бы... эхъ!

Илья взглянулъ на арестанта. Это былъ высокій мужикъ, костлявый, съ угловатой головой. Лицо у него было темное, испуганное, онъ оскалилъ зубы, какъ усталая, забитая собака скалитъ ихъ, прижавшись въ уголъ, окруженная злыми врагами, не имѣя силы защищаться. Тупой, звѣриный страхъ выражало его темное лицо. А Петруха, Силачевъ, Додоновъ и другіе смотрѣли на него спокойно сытыми глазами. Луневу казалось, что всѣ они думаютъ о мужикѣ:

„Попался,—значитъ, виноватъ...“

— Скучно!—шепнулъ ему сосѣдъ.—Совсѣмъ неинтересное дѣло... Подсудимый—глупъ, прокуроръ—мямля, свидѣтели—болваны, какъ всегда... Будь я прокуроромъ, — я бы въ десять минутъ его скушалъ...

— Виноватъ?—шопотомъ спросилъ Луневъ, вздрагивая отъ какого-то озноба.

— Едва ли... Но осудить можно... Не умѣетъ защищаться. Мужики вообще не умѣютъ защищаться... Дрянь народъ! Кость и мясо,—а ума, ловкости—ни капли!

— Это вѣрно... Да-а...

— У васъ есть двугривенный?—вдругъ спросилъ человѣчекъ.

— Есть...

— Дайте мнѣ...

Илья вынулъ кошелекъ и далъ монету раньше, чѣмъ успѣлъ сообразить, слѣдуетъ ли дать? А когда уже далъ, то съ невольнымъ уваженіемъ подумалъ, искоса поглядывая на сосѣда:

„Ловокъ... вотъ какъ живутъ люди,—нахрапомъ...“

— Тупое рыло, не болѣе! — вновь зашепталъ черненькій, указывая глазами на подсудимаго.

— Ш-ш-ш!..—зашипѣлъ судебный приставъ.

— Господа присяжные! — мягко и внушительно говорилъ прокуроръ.—Взгляните на лицо этого человѣка,—оно краснорѣчивѣе показаній свидѣтелей, безусловно установившихъ виновность подсудимаго... оно не можетъ... не убѣдить васъ въ томъ, что предъ вами стоитъ типичный преступникъ, врагъ законо-порядка, врагъ общества... предъ вами стоитъ...

Врагъ общества сидѣлъ, но, должно-быть, ему неловко стало сидѣть, когда про него говорили, что онъ стоитъ,—онъ медленно поднялся на ноги, низко опустивъ голову. Его руки безсильно повисли вдоль туловища, и вся сѣрая, длинная фигура изогнулась, какъ бы приготовляясь нырнуть въ пасть правосудія...

Луневъ тоже опустилъ голову. Ему было неловко, нехорошо, въ головѣ его тяжело и медленно ворочались неуклюжія думы, онъ не находилъ словъ для нихъ, и онѣ, поглощая одна другую, давили его.

Когда Громовъ объявилъ перерывъ засѣданія, Илья вышелъ въ коридоръ вмѣстѣ съ черненькимъ человѣчкомъ. Человѣчекъ досталъ изъ кармана пиджака смятую папироску и, расправляя ее пальцами, заговорилъ:

— Божится, чудакъ, не поджигалъ, говоритъ. Тутъ не божись, а прямо—снимай штаны да ложись... ха-ха! Дѣло строгое! Обидѣли лавочника... ты или не ты обидѣлъ—не важно! Но важно, чтобъ наказать за это... попался ты—тебя и накажутъ...

— Виноватъ онъ, мужикъ-то, по-вашему?—задумчиво спросилъ Илья.

— Должно-быть, виноватъ, потому что глупъ. Умные люди виноватыми не бываютъ...—спокойно скороговоркой отрѣзалъ человѣчекъ, форсисто покуривая свою папироску.

— Тутъ, въ присяжныхъ,—тихо и съ напряженіемъ заговорилъ Илья,—сидятъ люди...

— Купцы больше, — спокойно поправилъ его черненькій.

Илья взглянулъ на него и повторилъ:

— Купцы. Нѣкоторыхъ я знаю...

— Ага!..

— Народъ аховый... то-есть, ежели прямо говорить..

— Тоже воры,—подсказалъ ему собесѣдникъ.

Говорилъ онъ громко, безъ стѣсненія. Бросивъ свою папироску, онъ то и дѣло складывалъ губы трубой, густо свисталъ, смотрѣлъ на всѣхъ до наглости смѣлыми глазами, и все въ немъ,—каждая косточка такъ ходуномъ и ходила отъ голоднаго безпокойства.

— Это бываетъ. Вообще, такъ называемое правосудіе есть

въ большинствѣ случаевъ легонькая комедія,—говорилъ онъ, передергивая плечами.—Сытые люди упражняются въ исправленіи порочныхъ наклонностей въ голодныхъ людяхъ... Въ судѣ бываю часто, но не видалъ, чтобы голодные сытаго судили... если же сытые сытаго и судятъ,—это они его за жадность. Дескать—не все сразу хватай, намъ оставляй.

— Говорится: сытый голоднаго не разумѣетъ, — сказалъ Илья.

— Пустяки!—возразилъ ему собесѣдникъ. — Великолѣпно разумѣетъ... оттого и острогъ...

— Ну, если сытый да честный—ничего еще!—вполголоса говорилъ Илья,—а когда сытый да и подлый,—какъ можетъ онъ судить человѣка?

— Подлецы—самые строгіе судьи,—спокойно заявилъ черненькій человѣчекъ.—Ну-съ, будемъ слушать дѣло о кражѣ.

— Знакомая моя...—тихо сказалъ Луневъ.

— А!—воскликнулъ человѣчекъ, мелькомъ взглянувъ на него.—Па-асмотримъ вашу знакомую...

Въ головѣ Ильи все путалось. Онъ хотѣлъ бы о многомъ спросить этого бойкаго человѣчка, сыпавшаго слова, какъ горохъ изъ лукошка, но въ человѣчкѣ было что-то непріятное, опасное, пугавшее Лунева. Въ то же время неподвижная мысль о Петрухѣ-судьѣ давила собою все въ немъ. Она какъ бы желѣзнымъ кольцомъ обвилась вокругъ его сердца, и всему остальному въ сердцѣ его стало тѣсно...

Когда онъ подошелъ къ двери залы, въ толпѣ предъ нею онъ увидалъ крутой затылокъ и маленькія уши Павла Грачева. Онъ обрадовался, дернулъ Павла за рукавъ пальто и широко улыбнулся въ лицо ему, и Павелъ тоже улыбнулся—неохотно, съ явнымъ усиліемъ.

— Здравствуй!

— Здравствуй!

Они нѣсколько секундъ стояли другъ передъ другомъ молча, и, должно-быть, оба почувствовали въ эти секунды что-то, заставившее ихъ заговорить обоихъ сразу.

— Смотрѣть пришелъ?—спросилъ Павелъ, криво усмѣхаясь.

— А эта... здѣсь?—спросилъ Илья смущенно.

— Кто?

— А твоя Софья Ник...

— Она не моя,—сухо отвѣтилъ Павелъ, перебивая его рѣчь.

Снова молча они вошли въ залу.

— Садись рядомъ?—предложилъ Луневъ.

Павелъ замялся и отвѣтилъ:

— Видишь ли.. я—въ компаніи...

— Ну... ладно...

— Ты вотъ что,—оживленно заговорилъ Павелъ,—ты послушай, что будетъ защитникъ говорить...

— Послушаю... — тихо сказалъ Илья и еще тише добавилъ:—Ну, прощай, братъ...

— До свиданья! Увидимся!

Грачевъ повернулся и быстро отошелъ въ сторону. Илья смотрѣлъ вслѣдъ ему съ такимъ чувствомъ, какъ будто Павелъ крѣпко потеръ ему рукой своей ссадину на тѣлѣ. Горячая боль охватила его. И ему было завидно, непріятно видѣть на товарищѣ крѣпкое, новое пальто, видѣть, что лицо Павла за эти мѣсяцы стало здоровѣе, чище. На той скамьѣ, гдѣ сидѣлъ Павелъ, сидѣла и сестра Гаврика. Вотъ онъ сказалъ что-то, она быстро повернула голову къ Луневу. Увидавъ ея стремительное, подавшееся впередъ лицо, онъ отвернулся въ сторону, и душа его еще болѣе плотно и густо окуталась темными чувствами обиды, злобы, недоумѣнія...

А уже привели Вѣру: она стояла за рѣшеткой въ сѣромъ халатѣ до пятъ, въ бѣломъ платочкѣ. Золотая прядь волосъ лежала на ея лѣвомъ вискѣ, щека была блѣдная, губы плотно сжаты, и лѣвый глазъ ея, широко раскрытый, неподвижно и серьезно смотрѣлъ на Громова.

— Да... да... нѣтъ... да...—тускло звучалъ ея голосъ въ ушахъ Ильи.

Громовъ смотрѣлъ на нее ласково, говорилъ съ ней негромко, мягко, точно котъ мурлыкалъ.

— А признаёте вы, Капитанова, виновной себя въ томъ, что въ ночь... — подползалъ къ Вѣрѣ его гибкій и сочный голосъ.

Луневъ взглянулъ на Павла, тотъ сидѣлъ, согнувшись, низко опустивъ голову, и мялъ въ рукахъ шапку. А его сосѣдка держалась прямо и смотрѣла такъ, точно она сама судила всѣхъ,—и Вѣру, и судей, и публику. Голова ея то и дѣло повертывалась изъ стороны въ сторону, губы были брезгливо поджаты, а гордые глаза блестѣли изъ-подъ нахмуренныхъ бровей холодно и строго...

— Признаю...—сказала Вѣра. Голосъ ея задребезжалъ, и звукъ его былъ похожъ на ударъ по тонкой чашкѣ, въ которой есть трещина.

Двое присяжныхъ, Додоновъ и его сосѣдъ, рыжій, бритый человѣкъ,—наклонивъ другъ къ другу головы, беззвучно шевелили губами, а глаза ихъ, разсматривая дѣвушку, улыбались. Петруха Филимоновъ подался всѣмъ тѣломъ впередъ,

держась руками за свое кресло: лицо у него еще болѣе покраснѣло, усы шевелились. Еще многіе изъ присяжныхъ смотрѣли на Вѣру и всѣ—съ тѣмъ особеннымъ вниманіемъ, которое было понятно Луневу, противно ему и возбуждало въ немъ негодованіе.

„Судятъ, а сами щупаютъ ее глазищами-то",—думалъ онъ, крѣпко сжимая зубы. И ему хотѣлось крикнуть Петрухѣ:

— Ты, жуликъ! О чемъ думаешъ? Гдѣ сидишь? Что дѣлать долженъ?..

Къ горлу его подкатывалось что-то удушливое, тяжелый шаръ, затруднявшій дыханіе.

— Скажите мнѣ... э, Капитанова,—лѣниво двигая языкомъ и выкативъ глаза, какъ баранъ, страдающій отъ жары, говорилъ прокуроръ,—да-авно вы... занимаетесь проституціей?

Вѣра провела рукой по лицу, точно этотъ вопросъ приклеился къ ея покраснѣвшимъ щекамъ.

— Давно.

Она отвѣтила твердо. Въ публикѣ раздался шопотъ, какъ будто змѣи поползли. Грачевъ наклонился еще ниже, точно хотѣлъ спрятаться, и все мялъ картузъ.

— Какъ именно давно?

Вѣра молчала, глядя въ лицо Громова широко раскрытыми глазами серьезно, строго...

— Годъ? Два? Пять?—настойчиво допрашивалъ прокуроръ.

Она все молчала. Сѣрая, какъ изъ камня вырубленная, дѣвушка стояла неподвижно, только концы платка на груди ея вздрагивали.

— Вы имѣете права не отвѣчать, если не хотите, — сказалъ Громовъ, поглаживая усы.

Тутъ вскочилъ адвокатъ, худенькій человѣкъ съ острой бородкой и продолговатыми глазами. Носъ у него былъ тонкій и длинный, а затылокъ широкій, отчего лицо его похоже было на топоръ.

— Скажите, Капитанова, что заставляло васъ заниматься... этимъ ремесломъ?—спросилъ онъ звонко и рѣзко.

— Ничто не заставляло,—отвѣтила Вѣра, глядя на судей.

— Мм... это не совсѣмъ такъ... Видите ли... мнѣ извѣстно... вы разсказывали мнѣ...

— Ничего вамъ неизвѣстно,—сказала Вѣра. Она повернула къ нему голову и, строго взглянувъ на него, продолжала сердито, съ неудовольствіемъ въ голосѣ:—Ничего я вамъ не разсказывала...

Быстро окинувъ публику однимъ взглядомъ, она обернулась къ судьямъ и спросила, кивая головой на защитника:

— Можно не разговаривать съ нимъ?

Снова въ залѣ поползли змѣи, теперь уже громче и явственнѣе.

Илья дрожалъ отъ напряженія и смотрѣлъ на Грачева.

Онъ ждалъ отъ него чего-то, увѣренно ждалъ. Но Павелъ, выглядывая изъ-за плеча человѣка, сидѣвшаго впереди его, молчалъ, не шевелился. Громовъ, улыбаясь, говорилъ что-то скользкими масляными словами... Потомъ негромко и твердо стала говорить Вѣра.

— Просто,—разбогатѣть захотѣла... и взяла, вотъ и все... А больше ничего не было... и всегда была такая...

Присяжные стали перешептываться другъ съ другомъ: лица у нихъ нахмурились, и на лицахъ судей тоже явилось что-то недовольное. Въ залѣ стало тихо; съ улицы донесся мѣрный и тупой шумъ шаговъ по камнямъ,—шли солдаты.

— Въ виду сознанія подсудимой, полагалъ бы...—говорилъ прокуроръ.

Илья чувствовалъ, что не можетъ больше сидѣть тутъ. Онъ всталъ, шагнулъ...

— Тиш-ше!—громко замѣтилъ приставъ.

Тогда онъ снова сѣлъ и, какъ Павелъ, тоже низко наклонилъ голову. Онъ не могъ видѣть красное лицо Петрухи, теперь важно надутое, точно обиженное чѣмъ-то, а въ неизмѣнно ласковомъ Громовѣ, за благодушіемъ судьи, онъ чувствовалъ холодное сердце и понималъ, что этотъ веселый человѣкъ привыкъ судить людей, какъ столяръ привыкаетъ деревяжки строгать. И въ душѣ Ильи родилась теперь жуткая, тревожная мысль:

„Сознайся я — и меня такъ же вотъ будутъ... Петруха будетъ судить... меня—въ каторгу, а самъ останется...“

Онъ остановился на этихъ думахъ и сидѣлъ, ни на кого не глядя, ничего не слушая.

— Н... не хочу я, чтобы говорили объ этомъ! — раздался дрожащій, обиженный крикъ Вѣры, и она завыла, завизжала, хватая руками грудь свою, сорвавъ съ головы платокъ.

Мутный шумъ наполнилъ залу. Все въ ней засуетилось отъ криковъ дѣвушки, а она, какъ обожженная, металась за рѣшеткой и рыдала, надрывая душу.

Илья вскочилъ и бросился впередъ, но публика шла навстрѣчу ему, и какъ-то незамѣтно для себя онъ очутился въ коридорѣ.

— Обнажили душу,—услыхалъ онъ голосъ черненькаго человѣка.

Павелъ Грачевъ, блѣдный и растрепанный, стоялъ у стѣны,

челюсть у него тряслась. Илья подошелъ къ нему и угрюмо, злыми глазами, заглянулъ въ лицо товарища.

— Что? Каково?—спросилъ онъ.

Павелъ взглянулъ на него, открылъ ротъ и не сказалъ ни слова.

— Погубилъ человѣка?—продолжалъ Луневъ.

Тогда Павелъ вздрогнулъ, будто его кнутомъ ударили, поднялъ руку, положилъ ее на плечо Лунева и возбужденно заговорилъ:

— Развѣ я? Мы еще подадимъ жалобу...

Илья стряхнулъ съ плеча его руку и хотѣлъ сказать ему:

— Ты! Не закричалъ, небось, что для тебя она украла,— но вмѣсто этого онъ сказалъ: — а судитъ Филимоновъ Петрушка... Правильно это, а?—и усмѣхнулся.

Павелъ выпрямился, лицо его вспыхнуло, и онъ торопливо началъ говорить что-то, но Луневъ, не слушая, кивнулъ головой и отошелъ прочь. Такъ, съ усмѣшкой на лицѣ, онъ вышелъ на улицу и медленно зашагалъ куда-то, чувствуя себя туго связаннымъ какими-то невидимыми веревками. Тоска тяжелымъ камнемъ лежала въ его груди: отъ нея ему было холодно, — она мѣшала думать; и вплоть до вечера безцѣльно, какъ бродячая собака, онъ шлялся изъ улицы въ улицу, усталый и голодный. Не зарождалось въ немъ никакихъ желаній, и ничего онъ не замѣчалъ до поры, пока не почувствовалъ, что его тошнитъ отъ голода.

Было уже темно. Въ окнахъ домовъ зажигались огни, на улицу падали широкія, желтыя полосы свѣта, а въ нихъ лѣжали тѣни цвѣтовъ, стоявшихъ на окнахъ. Луневъ остановился и, глядя на узоры этихъ тѣней, вспомнилъ о цвѣтахъ въ квартирѣ Громова, о его женѣ, похожей на королеву изъ сказки, о печальныхъ пѣсняхъ, которыя не мѣшаютъ смѣяться... Кошка осторожными шагами, отряхивая лапки, перешла улицу.

Онъ тоже пошелъ и, дойдя до перекрестка, снова остановился. Одинъ изъ домовъ на углахъ былъ ярко освѣщенъ, и въ немъ играла музыка.

— Пойду въ трактиръ,—рѣшилъ Илья и вышелъ на средину мостовой.

— Берегись!—крикнули ему. Черная морда лошади мелькнула у его лица и обдала его теплымъ дыханіемъ... Онъ прыгнулъ въ сторону, прислушался къ ругани извозчика и пошелъ прочь отъ трактира.

„Легковой извозчикъ до смерти не задавитъ,—спокойно подумалъ онъ. — Надо поѣсть... А Вѣра теперь ужъ совсѣмъ

пропадетъ... Тоже гордая... Про Пашку не захотѣла сказать... видитъ, что некому сказать-то... Она лучше всѣхъ... Олимпіада бы... Нѣтъ, Олимпіада тоже ничего... а вотъ Танька...“

Тутъ ему вспомнилось, что именно сегодня Татьяна Власьевна празднуетъ день рожденія. Сначала мысль о томъ, чтобы пойти къ ней, показалась ему отвратительной, но почти тотчасъ же одно острое, жгучее чувство коснулось его сердца...

Крикнувъ извозчика, онъ поѣхалъ и черезъ нѣсколько минутъ, прищуривая глаза отъ свѣта, стоялъ въ двери столовой Автономовыхъ, тупо улыбался и смотрѣлъ на людей, тѣсно сидѣвшихъ вокругъ стола въ большой комнатѣ.

— А-а! Явился еси... — воскликнулъ Кирикъ. — Конфетъ принесъ? Подарокъ новорожденной, а? Что жъ ты, братецъ мой?

— Откуда вы?—спросила хозяйка.

Но Кирикъ схватилъ его за рукавъ и повелъ вокругъ стола, знакомя съ гостями. Луневъ пожималъ чьи-то теплыя руки, а лица гостей слились въ его глазахъ въ одно длинное, холодно и вѣжливо улыбающееся лицо съ большими зубами. Запахъ жаренаго щекоталъ ему ноздри, трескучій разговоръ женщинъ звучалъ въ его ушахъ, какъ шумъ дождя, а глазамъ было жарко: тупая боль мѣшала ему двигать ими, и какой-то пестрый туманъ застилалъ ихъ. Когда онъ сѣлъ, то почувствовалъ, что у него отъ усталости ломитъ ноги и голодъ сосетъ его внутренности. Онъ молча взялъ кусокъ хлѣба и сталъ ѣсть. Кто-то изъ гостей громко фыркнулъ, въ то же время Татьяна Власьевна замѣтила ему:

— Вы не хотите меня поздравить? Хорошъ! Пришелъ, не сказалъ ни слова, усѣлся и ѣстъ...

Подъ столомъ она сильно толкнула ногой его ногу и наклонила лицо надъ чайникомъ, доливая его. Вмѣстѣ со звукомъ льющейся воды Илья услыхалъ ея тихій шопотъ:

— Веди себя прилично...

Тогда онъ положилъ кусокъ хлѣба на столъ, крѣпко потеръ себѣ руки и громко сказалъ:

— А я цѣлый день въ судѣ просидѣлъ...

Его голосъ покрылъ шумъ разговора. Гости замолчали. Луневъ сконфузился, чувствуя ихъ взгляды на лицѣ своемъ, и тоже исподлобья оглядѣлъ ихъ. На него смотрѣли недовѣрчиво, точно каждый сомнѣвался въ томъ, что этотъ широкоплечій, курчавый парень можетъ сказать что-нибудь интересное. Неловкое молчаніе наступило въ комнатѣ. Обрывки какихъ-то мыслей кружились въ головѣ Ильи,—безсвязныя, сѣрыя, онѣ вдругъ точно провалились куда-то, исчезая во тьмѣ его души.

— Въ судѣ иногда очень любопытно, — кислымъ голосомъ замѣтила Фелицата Егоровна Грызлова и, взявъ коробку съ мармеладомъ, стала ковырять въ ней щипчиками.

На щекахъ Татьяны Власьевны вспыхнули красныя пятна, а Кирикъ громко высморкался и сказалъ:

— Что жъ ты, братецъ, замахнулся, а не бьешь? Ну, былъ въ судѣ...

„Конфужу я ихъ", —сообразилъ Илья, и губы его медленно раздвинулись въ улыбку. Гости снова заговорили сразу въ нѣсколько голосовъ.

— Я однажды слушалъ въ судѣ дѣло объ убійствѣ,—разсказывалъ молодой телеграфистъ, блѣдный, черноглазый, съ маленькими усиками.

— Я ужасно люблю читать и слушать про убійства,—воскликнула Травкина.

А ея мужъ посмотрѣлъ на всѣхъ и сказалъ:

— Гласный судъ—благодѣтельное учрежденіе...

— Судился мой товарищъ Евгеніевъ... Онъ, видите ли, стоя на дежурствѣ у денежнаго ящика, шутилъ съ мальчикомъ да вдругъ и застрѣлилъ его...

— Ахъ, ужасъ какой!—вскричала Татьяна Власьевна.

— Наповалъ! — съ какимъ-то удовольствіемъ добавилъ телеграфистъ.

— А я однажды былъ свидѣтелемъ по одному дѣлу, — заговорилъ Травкинъ своимъ шумящимъ, сухимъ голосомъ,—а по другому дѣлу судился человѣкъ, который совершилъ двадцать три кражи! Недурно?

Кирикъ громко захохоталъ. Публика раздѣлилась на двѣ группы: одни слушали разсказъ телеграфиста объ убійствѣ мальчика, другіе — скучное сообщеніе Травкина о человѣкѣ, совершившемъ двадцать три кражи. Илья наблюдалъ за хозяйкой, чувствуя, что въ немъ тихо разгорается какой-то огонекъ,—онъ еще ничего не освѣщаетъ, но уже настойчиво жжетъ сердце. Съ той минуты, когда Луневъ понялъ, что Автономовы опасаются, какъ бы онъ не сконфузилъ ихъ предъ гостями, его мысли становились стройнѣе, какъ будто онъ нашелъ нѣчто объединявшее ихъ.

Татьяна Власьевна хлопотала въ другой комнатѣ около стола, уставленнаго бутылками. Алая шелковая кофточка яркимъ пятномъ рисовалась на бѣлыхъ обояхъ стѣны, маленькая, туго затянутая въ корсетъ женщина носилась по комнатѣ, подобно бабочкѣ, и на лицѣ у нея сіяла гордость домовитой хозяйки, у которой все идетъ прекрасно. Раза два Илья видѣлъ, что она ловкими, едва замѣтными знаками зо-

ветъ его къ себѣ, но онъ не шелъ къ ней и чувствовалъ удовольствіе отъ сознанія, что это безпокоитъ ее.

— Что, братъ, сидишь, какъ сычъ?—вдругъ обратился къ нему Кирикъ.—Говори что-нибудь... не стѣсняйся... здѣсь люди образованные, они, въ случаѣ чего, не взыщутъ съ тебя.

— Судили сегодня, — сразу началъ Илья громкимъ голосомъ,—дѣвушку одну, знакомую мнѣ... она изъ гулящихъ, но хорошая дѣвушка...

Онъ снова обратилъ на себя общее вниманіе, снова всѣ гости уставились на него. Большіе зубы Фелицаты Егоровны обнажились отъ широкой и насмѣшливой улыбки, телеграфистъ, закрывъ ротъ рукою, началъ покручивать усики, почти всѣ старались казаться серьезными, внимательно слушающими. Шумъ ножей и вилокъ, вдругъ разсыпанныхъ Татьяной Власьевной, отозвался въ сердцѣ Ильи громкой боевой музыкой... Онъ спокойно обвелъ лица гостей широко раскрытыми глазами и продолжалъ:

— Вы что улыбаетесь? Среди нихъ есть очень хорошія...

— Есть-то есть, — перебилъ его Кирикъ, — только ты не тово... не очень откровенно...

— Вы люди образованные, — сказалъ Илья, —обмолвлюся, не взыщите.

Въ немъ вдругъ точно вспыхнулъ цѣлый снопъ яркихъ искръ. Онъ улыбался острой улыбочкой, и сердце его замирало въ живой игрѣ словъ, внезапно рожденныхъ его умомъ.

— Украла эта дѣвушка деньги у одного купца...

— Часъ отъ часу не легче, — воскликнулъ Кирикъ, комически сморщивши лицо, и уныло покачалъ головой.

— Сами понимаете, когда и какъ могла она украсть... а можетъ, еще и не украла, а подарокъ взяла...

— Танечка!—вскричалъ Кирикъ. — Иди сюда! Тутъ Илья такіе анекдоты разводитъ...

Но Татьяна Власьевна уже стояла рядомъ съ Ильей. Натянуто улыбаясь, она проговорила, пожимая плечиками:

— Что жъ такое? Очень обыкновенно все... ты знаешь такихъ исторій сотни... барышень здѣсь нѣтъ... Но—это послѣ... а пока—пожалуйте закусить, господа!

— Прошу! — закричалъ Кирикъ. — И я съ вами закушу, хе-хе! Не фигуренъ каламбурчикъ, и веселенькій...

— Аппетитъ возбуждаетъ... — сказалъ Травкинъ и погладилъ себѣ горло.

Всѣ отвернулись отъ Ильи. Онъ понялъ, что гости не желаютъ его слушать, потому что хозяева этого не хотятъ, и

это еще болѣе возбудило его. Вставши со стула и обращаясь ко всѣмъ, онъ продолжалъ:

— И вотъ судятъ эту дѣвицу люди, которые, можетъ, сами не разъ пользовались ею... а нѣкоторые изъ нихъ извѣстны мнѣ... И жуликами назвать ихъ—мало...

— Позвольте!—строго сказалъ Травкинъ, поднимая палецъ кверху.—Такъ нельзя-съ! Это — присяжные засѣдатели... и я самъ...

— Вотъ—присяжные! — воскликнулъ Илья.—Но могутъ ли они справедливы быть, ежели...

— Па-азвольте-съ! Судъ присяжныхъ есть, такъ сказать, великая реформа, введенная на всеобщую пользу императоромъ Александромъ Вторымъ-съ! Какъ можете вы подвергать поношенію учрежденіе государственное-съ?

Онъ хрипѣлъ въ лицо Ильѣ, и его жирныя, бритыя щеки вздрагивали, а глаза вращались справа налѣво и обратно. Всѣ окружили ихъ тѣсной толпой и стояли въ дверяхъ, охваченные пріятнымъ предчувствіемъ скандала. Фелицата Егоровна снисходительно, сверху внизъ, смотрѣла на хозяйку, а хозяйка, блѣдная и встревоженная, дергала гостей за рукава, торопливо восклицая:

— Ахъ, господа, оставимъ это! Право же, неинтересно! Кирикъ, да попроси же...

Кирикъ растерянно хлопалъ глазами и просилъ:

— Пожалуйста!.. ну ихъ къ Богу, реформы, проформы и всю эту философію...

— Это не философія, а по-ли-ти-ка-съ!—хрипѣлъ Травкинъ,— и люди, разсуждающіе подобнымъ образомъ, именуются по-ли-ти-че-ски не-благо-надежными-съ!

Горячій вихрь охватилъ Илью. Любо ему было стоять противъ толстенькаго человѣчка съ мокрыми губами на бритомъ лицѣ и смотрѣть, какъ онъ сердится. Сознаніе, что Автономовы сконфужены предъ гостями, глубоко, пріятно радовало его. Онъ становился все спокойнѣе, стремленіе итти вразрѣзъ съ этими людьми, говорить имъ дерзкія слова, злить ихъ до бѣшенства, это стремленіе расправлялось въ немъ, какъ стальная пружина, и поднимало его на какую-то пріятную и страшную высоту. Онъ становился все спокойнѣе, все тверже звучалъ его голосъ.

— Называйте меня, какъ желательно вамъ,—вы, человѣкъ образованный, но я отъ своего не отступлюсь!.. Разумѣетъ ли сытый голоднаго?.. Пусть голодный—воръ, но и сытый—воръ...

— Кирикъ Никодимовичъ? — захрипѣлъ Травкинъ. — Я, что такое? Это-съ...

Но въ это время Татьяна Власьевна просунула свою руку подъ его и, увлекая за собой возмущеннаго человѣка, стала громко говорить ему:

— Любимыя ваши тартинки, — селедка, яйца вкрутую и зеленый лукъ, растертый со сливочнымъ масломъ...

— М-да! Это... я знаю-съ! — обиженно воскликнулъ Травкинъ, громко чмокнувъ губами.

Его жена уничтожающе посмотрѣла на Илью и, подхвативъ мужа подъ другую руку, сказала ему:

— Не волнуйся, Антонъ, изъ-за пустяковъ...

А Татьяна Власьевна продолжала успокаивать дорогого гостя:

— Стерлядки маринованныя съ помидорами...

— Нехорошо, молодой вы человѣкъ! — вдругъ обернувши голову къ Ильѣ и упираясь ногами въ полъ, заговорилъ Травкинъ укоризненно и великодушно.—Надо умѣть цѣнить... надо понимать, да-съ!

— А я не понимаю!—воскликнулъ Илья.—Оттого и говорю... Почему Петрушка Филимоновъ хозяинъ жизни?

Гости проходили мимо Лунева, стараясь не коснуться его платьемъ и не глядя на него. А Кирикъ подошелъ вплоть къ нему и сказалъ грубо, обиженно:

— Чортъ тебя дери, болванъ ты—и больше ничего.

Илья вздрогнулъ, у него потемнѣло въ глазахъ, какъ отъ удара по головѣ, и, крѣпко сжимая кулаки, онъ шагнулъ къ Автономову. Но Кирикъ быстро отвернулся отъ него, не замѣтивъ его движенія, и прошелъ къ закускѣ. Илья тяжело вздохнулъ...

Стоя въ двери, онъ видѣлъ спины людей, тѣсно стоявшихъ у стола, слышалъ, какъ они чавкаютъ. У нихъ двигались скулы. Алая кофточка хозяйки окрашивала все вокругъ Ильи въ цвѣтъ красный, тусклый, застилавшій глаза туманомъ.

— Мм! — мычалъ Травкинъ. — Это удивительно вкусно... удивительно...

— Хотите перцу? — спросила хозяйка нѣжнымъ голосомъ.

— Я тебѣ задамъ перцу! — съ холодной злобой рѣшилъ Луневъ и, высоко вскинувъ голову, въ два шага стоялъ у стола. Схвативъ чей-то стаканчикъ краснаго вина, онъ протянулъ его Татьянѣ Власьевнѣ и внятно, точно желая ударить словами, сказалъ ей:

— Выпьемъ, Танька!..

Это подѣйствовало на всѣхъ такъ, какъ будто что-то оглушительно треснуло, или огонь въ комнатѣ погасъ; и всѣхъ сразу охватила густая тьма—и люди замерли въ этой тьмѣ,

кто какъ стоялъ. Открытые рты, съ кусками пищи въ нихъ, были какъ гнойныя раны на испуганныхъ, недоумѣвающихъ лицахъ этихъ людей.

— Выпьемъ, ну! Кирикъ Никодимовичъ, скажи моей любовницѣ, чтобы пила она со мной! Пила бы, не стѣсняясь... Что̀ тамъ?.. Зачѣмъ все втихомолку пакостничать? Будемъ открыто! Вотъ я рѣшилъ—открыто, чтобы...

— Негодяй! — рѣзкимъ, визгливымъ голосомъ крикнула женщина.

Илья видѣлъ, какъ она взмахнула рукой, и отбилъ кулакомъ въ сторону тарелку, брошенную ею. Трескъ разбитой тарелки какъ будто еще болѣе оглушилъ гостей. Медленно, беззвучно они отодвигались въ стороны, оставляя Илью лицомъ къ лицу съ Автономовыми. Кирикъ держалъ въ рукѣ какую-то рыбку за хвостъ и мигалъ глазами, блѣдный, жалкій и тупой. Татьяна Власьевна дрожала, грозя Ильѣ кулаками; лицо ея сдѣлалось такого же цвѣта, какъ кофточка, и языкъ не выговаривалъ словъ:

— Ты-ы... вреш-шь... вреш-шь...—шипѣла она, вытягивая шею къ Ильѣ.

— А хочешь — я скажу, какова ты нагая? — спокойно говорилъ Илья.—Сама же ты всѣ родинки твои мнѣ показала... Мужъ узна̀етъ, вру я или нѣтъ...

Раздался чей-то подавленный смѣхъ и тихое восклицаніе. Автономова взмахнула руками, схватила себя за шею и безъ звука упала на стулъ.

— Полицію! — крикнулъ телеграфистъ.

Кирикъ обернулся къ нему и вдругъ, наклонивъ голову, пошелъ, какъ быкъ, на Лунева.

Илья вытянулъ руку, толкнулъ его въ голову и сурово сказалъ

— Куда? Ты сырой... я ударю тебя — свалишься... Ты — слушай... И вы всѣ тоже — слушайте... Вамъ правды негдѣ услыхать.

Но, отшатнувшись отъ Ильи, Кирикъ снова нагнулъ голову и пошелъ на него. Гости молча смотрѣли. Никто не двинулся съ мѣста, только Травкинъ, ступая на носки сапогъ, тихо отошелъ въ уголъ, сѣлъ тамъ на лежанку и, сложивъ руки ладонями, сунулъ ихъ между колѣнъ.

— Смотри, ударю!—угрюмо предупреждалъ Илья Кирика.— Мнѣ обижать тебя не за что! Ты—глупый... безвредный... Я не видалъ худого отъ тебя... отойди!

Онъ снова оттолкнулъ его уже сильнѣе и самъ отошелъ къ стѣнѣ. Тамъ, прислонясь спиной, онъ продолжалъ, поглядывая на всѣхъ:

— Твоя жена сама на шею мнѣ бросилась. Она вотъ умная... Подлѣе ея женщины на свѣтѣ нѣтъ! Но и вы тоже— всѣ подлецы. Я въ судѣ былъ... научился судить...

Онъ такъ много хотѣлъ сказать, что не могъ привести въ порядокъ мыслей своихъ и кидалъ ими, какъ обломками камней.

— Я вѣдь не Таньку обличаю... Это такъ вышло... само собой... у меня всю жизнь все само собой выходило... Я даже человѣка удушилъ нечаянно... Не хотѣлъ, а удушилъ. Танька! На тѣ самыя деньги, которыя я у человѣка убитаго взялъ, мы съ тобой и торгуемъ...

— Онъ сумасшедшій!—радостно крикнулъ Кирикъ и, прыгая по комнатѣ отъ одного къ другому, онъ кричалъ тревожно и радостно:

— Видите? Слышите? Сошелъ съ ума!.. Ахъ, Илья!.. ахъ, ты! А-ахъ, жалко, братецъ!

Илья громко захохоталъ. Ему стало еще легче и спокойнѣе, когда онъ сказалъ про убійство. Онъ стоялъ, не чувствуя подъ собою пола, какъ на воздухѣ, и ему казалось, что онъ тихо поднимается все выше. Плотный, крѣпкій, онъ выгнулъ грудь впередъ и высоко вскинулъ голову. Курчавые волосы осыпали его большой блѣдный лобъ и виски, глаза смотрѣли насмѣшливо и зло...

Татьяна встала, пошатываясь, подошла къ Фелицатѣ Егоровнѣ и вздрагивающимъ голосомъ говорила ей:

— Я видѣла давно... онъ давно уже... дикіе глаза... страшный...

— Если сошелъ съ ума, нужно позвать полицію,—внушительно сказала Фелицата, присматриваясь къ лицу Лунева.

— Сошелъ, сошелъ!—кричалъ Кирикъ.

— Перебьетъ всѣхъ еще...—прошепталъ Грызловъ, безпокойно оглядываясь. Они боялись выйти изъ комнаты.

Луневъ стоялъ рядомъ съ дверью, и нужно было итти мимо него. Онъ все смѣялся. Ему пріятно было видѣть, что эти люди боятся его; глядя на нихъ, онъ замѣчалъ и то, что гостямъ не жалко Автономовыхъ, что они съ удовольствіемъ стали бы всю ночь слушать его издѣвательства надъ любовницей, если бъ не боялись его.

— Я не сумасшедшій, — заговорилъ онъ, сурово сдвигая брови,—только вы погодите, постойте. Я васъ не пущу никуда... а броситесь на меня, — бить буду... на смерть... Я сильный...

Протянувъ свою длинную руку съ большимъ, крѣпкимъ кулакомъ на концѣ, онъ потрясъ имъ въ воздухѣ и опустилъ руку.

— Скажите мнѣ—что̀ вы за люди? Зачѣмъ живете? Крохоборы вы... сволочь какая-то...

— Ты!—крикнулъ Кирикъ.—Молчать!..

— Самъ молчи! А я поговорю... Я вотъ смотрю на васъ,—жрете вы, пьете, обманываете другъ друга... никого не любите... чего вамъ надо? Я—порядочной жизни искалъ, чистой... нигдѣ ея нѣтъ. Только самъ испортился... Хорошему человѣку нельзя съ вами жить—сгніетъ. Вы хорошихъ людей до смерти забиваете... Я вотъ — злой, сильный, да и то среди васъ, какъ слабая кошка среди тысячи крысъ въ темномъ погребѣ... Вы—вездѣ... и судите, и рядите, и законы ставите... Гады, однако, вы...

Въ это время телеграфистъ отскочилъ отъ стѣны, какъ мячъ, и бросился вонъ изъ комнаты, проскользнувъ мимо Лунева.

— Эхъ! упустилъ одного!—сказалъ Илья, усмѣхаясь.

— За полиціей!—крикнулъ телеграфистъ.

— Ну, зови! Все равно...—сказалъ Илья.

Мимо него прошла Татьяна Власьевна, шатаясь, какъ сонная, не взглянувъ на него.

— Ушибъ!—продолжалъ Луневъ, кивая на нее головой.—Она стòитъ того... гадина...

— Молчать!—крикнулъ Автономовъ изъ угла. Тамъ онъ стоялъ на колѣняхъ и рылся въ какомъ-то сундукѣ.

— Не кричи, дурачокъ!—отвѣтилъ ему Илья, усаживаясь на стулъ и скрестивъ руки на груди.—Чтò кричишь? Вѣдь я жилъ съ ней, знаю ее... И человѣка я убилъ... Купца Полуэктова... Помнишь, я съ тобой не одинъ разъ про Полуэктова заговаривалъ? Это потому, что я его удушилъ... А, ей-Богу, на его деньги магазинъ-то открытъ...

Илья оглядѣлъ комнату. У стѣнъ ея молча стояли испуганные, жалкіе люди. Онъ почувствовалъ въ груди презрѣніе къ нимъ, обидѣлся на себя за то, что сказалъ имъ объ убійствѣ, и крикнулъ:

— Вы думаете—каюсь я передъ вами? Дожидайтесь. Смѣюсь я надъ вами, вотъ чтò.

Изъ угла выскочилъ Кирикъ, красный, растрепанный. Онъ размахивалъ какимъ-то револьверомъ и, дико вращая глазами, кричалъ:

— Теперь не уйдешь! Ага-а! Ты—убилъ?

Женщины ахнули. Травкинъ, сидя на лежанкѣ, заболталъ ногами и захрипѣлъ:

— Господа-а! Я больше не могу! Отпустите... Это ваше семейное дѣло...

Но Автономовъ не слышалъ его голоса. Онъ прыгалъ предъ Ильей, совалъ въ него револьверомъ и оралъ:

— Каторга! Мы тебѣ покажемъ!..

— Да вѣдь и пистолетишко-то, чай, не заряженъ?—спросилъ его Илья, равнодушно, усталыми глазами глядя на него.— Что̀ ты бѣсишься? Я не ухожу... Некуда мнѣ итти... Каторгой грозишь? Ну... каторга, такъ каторга...

— Антонъ, Антонъ! — раздавался громкій шопотъ жены Травкина,—иди...

— Я не могу, матушка...

Она взяла его подъ руку. Рядомъ другъ съ другомъ, они прошли мимо Ильи, наклонивъ головы. Въ сосѣдней комнатѣ рыдала Татьяна Власьевна, взвизгивая и захлебываясь.

Въ груди Лунева какъ-то вдругъ выросла пустота—темная, холодная, а въ ней, какъ тусклый мѣсяцъ на осеннемъ небѣ, всталъ холодный вопросъ:

— А дальше что̀?

— Вотъ и вся моя жизнь оборвалась!—сказалъ онъ задумчиво и негромко.—И пожалѣть не о чемъ... Кто меня изломалъ?

Автономовъ стоялъ предъ нимъ и, торжествуя, вскрикивалъ:

— Не разжалобишь!

— Да я и не пытаюсь... чортъ васъ всѣхъ возьми! Я самъ скорѣе собаку пожалѣю, чѣмъ васъ... Вотъ если бы могъ я... уничтожить васъ... всѣхъ! Ну, что̀ еще не идетъ полиція? Скушно мнѣ стало... Ты бы, Кирикъ, прочь отошелъ, а то глядѣть на тебя противно...

Ему дѣйствительно было противно и тошно сидѣть противъ Автономова.

Гости вышли изъ комнаты, — тихонько выползли изъ нея, пугливо взглядывая на Илью. Онъ видѣлъ, какъ мимо него проплываютъ сѣрыя пятна, но они не возбуждали въ немъ ни мысли ни чувства. Пустота въ душѣ его росла и проглатывала все. Онъ помолчалъ съ минуту, вслушиваясь въ крики Автономова, и вдругъ съ усмѣшкой предложилъ ему:

— Давай, Кирикъ, поборемся?

— Пулю въ башку!—заревѣлъ Кирикъ.

— Да нѣтъ у тебя пули!—насмѣшливо возразилъ Луневъ и увѣренно добавилъ:—А какъ бы я тебя шлепнулъ!

Потомъ, оглянувъ публику, онъ просто, ровнымъ голосомъ сказалъ:

— Кабы зналъ я, какой силой раздавить васъ можно! Нашелъ бы я эту силу... нашелъ бы! Но не знаю ея...

И послѣ этихъ словъ уже не говорилъ ничего, сидя неподвижно и ничего не ожидая...

Наконецъ пришли двое полицейскихъ съ околоточнымъ.

А сзади нихъ явилась Татьяна Власьевна и, протянувъ къ Ильѣ руку, сказала задыхающимся голосомъ:

— Онъ сознался намъ... въ томъ, что убилъ мѣняла Полуэктова... тогда, помните?

— Можете подтвердить?—быстро спросилъ околоточный.

— Что̀ жъ? Можно и подтвердить... — отвѣтилъ Луневъ спокойно и устало. — Прощай, Танька... не безпокойся... не бойся... а впрочемъ... ну васъ всѣхъ къ чорту!

Околоточный сѣлъ за столъ и началъ что-то писать, полицейскіе стояли по бокамъ Лунева; онъ посмотрѣлъ на нихъ и, тяжело вздохнувъ, опустилъ голову. Стало тихо, скрипѣло перо на бумагѣ, за окнами ночь воздвигала непроницаемо-черныя стѣны. У одного окна стоялъ Кирикъ и смотрѣлъ во тьму, вдругъ онъ бросилъ револьверъ въ уголъ комнаты и сказалъ околоточному:

— Савельевъ! Дай ему по шеѣ и отпусти,—онъ сумасшедшій.

Околоточный взглянулъ на Кирика, подумалъ и отвѣтилъ:

— Н-нельзя ужъ... этакое заявленіе... помощникъ знаетъ...

— Эхъ...—вздохнулъ Автономовъ.

— Добрый ты, Кирикъ Никодимычъ!—презрительно усмѣхаясь, сказалъ Илья.—Собаки вотъ есть такія—ее бьютъ, а она ласкается... А можетъ, ты не жалѣешь меня, а боишься, что я на судѣ про жену твою говорить буду? Не бойся... этого не будетъ! Мнѣ и думать про нее стыдно, не то что говорить...

Автономовъ быстро вышелъ въ сосѣднюю комнату и тамъ шумно усѣлся на стулъ.

— Ну-съ, вотъ, — заговорилъ околоточный, обращаясь къ Ильѣ,—бумажку эту можете подписать?

— Могу...

Онъ взялъ перо и, не читая бумаги, вывелъ на ней крупными буквами: Илья Луневъ. А когда поднялъ голову, то увидалъ, что околоточный смотритъ на него съ удивленіемъ. Нѣсколько секундъ они молча разглядывали другъ друга,—одинъ заинтересованный и чѣмъ-то довольный, другой равнодушный, спокойный.

— Совѣсть замучила? — спросилъ околоточный вполголоса

— Совѣсти нѣтъ,—твердо отвѣтилъ Илья.

Помолчали. Потомъ изъ сосѣдней комнаты раздался голосъ Кирика:

— Онъ съ ума сошелъ...

— Пойдемте!—предложилъ околоточный, передернувъ плечами.—Рукъ связывать вамъ не буду... только вы не тово... не убѣгайте! Часть недалеко, подъ горой.

— Куда бѣжать? — кратко спросилъ Илья.

— Ну ужъ... я не знаю... Побожитесь, что не убѣжите... ей-Богу!

Луневъ взглянулъ на сморщенное, сожалѣющее лицо околоточнаго и угрюмо сказалъ:

— Въ Бога не вѣрю...

Околоточный махнулъ рукой.

— Идите, ребята!..

Когда ночная тьма и сырость охватили Лунева, онъ глубоко вздохнулъ, остановился и посмотрѣлъ въ небо, почти черное, низко опустившееся къ землѣ, похожее на закопченный потолокъ тѣсной и душной комнаты.

— Иди!—сказалъ ему полицейскій.

Онъ пошелъ... Дома стояли по бокамъ улицы, какъ огромные камни, грязь всхлипывала подъ ногами, а дорога опускалась куда-то внизъ, гдѣ тьма была еще болѣе густа... Илья споткнулся о камень и чуть не упалъ. Въ пустотѣ его души вздрогнула надоѣдливая мысль:

„А дальше что будетъ? Петрухинъ судъ?“

И тотчасъ же предъ нимъ встала картина суда,—ласковый Громовъ, красная рожа Петрухи Филимонова...

Пальцы его ноги болѣли отъ удара о камень. Онъ пошелъ медленнѣе. Въ ушахъ его звучали бойкія слова черненькаго человѣчка о сытыхъ людяхъ:

— Прекрасно разумѣютъ, оттого и строги...

Потомъ онъ вспомнилъ благодушный звукъ голоса Громова:

— А признаёте вы себя виновнымъ?.

А прокуроръ тягуче говорилъ:

— Скажите намъ, обвиняемый...

Красная рожа Петрухи хмурилась, и толстыя губы на ней двигались...

Луневъ, прихрамывая, еще замедлилъ шагъ.

— Иди, иди!—сурово торопилъ его полицейскій.

Невыразимая словами и острая, какъ ножъ, тоска впилась въ сердце Ильи.

Онъ прыгнулъ впередъ и побѣжалъ подъ гору изо всей силы, отталкиваясь ногами отъ камней. Воздухъ свистѣлъ въ его ушахъ, онъ задыхался, махалъ руками, бросая свое тѣло все дальше впередъ, во тьму. Сзади него тяжело топали полицейскіе, тонкій, тревожный свистъ рѣзалъ воздухъ, и густой голосъ ревѣлъ:

— Держи-и!

Все вокругъ Ильи, — дома, мостовая, небо, — вздрагивало, прыгало, лѣзло на него черной, тяжелой массой. Онъ рвался

впередъ и не чувствовалъ усталости, окрыленный стремленіемъ не видѣть Петрухи. Что-то сѣрое, ровное выросло предъ нимъ изъ тьмы и повѣяло на него отчаяніемъ. Онъ вспомнилъ, что эта улица почти подъ прямымъ угломъ повертываетъ направо, на главную улицу города... Тамъ люди, тамъ схватятъ...

— Эхъ, вы, подлецы... ловите!—крикнулъ онъ во всю грудь и, наклонивъ голову впередъ, бросился еще быстрѣе... Холодная, сѣрая каменная стѣна встала предъ нимъ. Ударъ, похожій на всплескъ рѣчной волны, раздался во тьмѣ ночи, онъ прозвучалъ тупо, коротко и замеръ...

Потомъ еще двѣ темныя фигуры скатились къ стѣнѣ. Онѣ бросились на третью, упавшую у подножія стѣны, и скоро обѣ выпрямились... Съ горы еще бѣжали люди, раздавались удары ихъ ногъ, крики, пронзительный свистъ...

— Разбился?—задыхаясь, спросилъ одинъ полицейскій.

Другой зажегъ спичку, присѣлъ на землю. У ногъ его лежала рука Ильи Лунева, и пальцы ея, крѣпко стиснутые въ кулакъ, тихо расправлялись.

— Совсѣмъ, кажись... башка лопнула...

— Гляди — мозгъ...

Черныя фигуры какихъ-то людей выскакивали изъ тьмы...

— Ахъ, лѣшій...—тихо выговорилъ полицейскій, стоявшій на ногахъ.

Его товарищъ поднялся съ земли и, крестясь, устало, задыхающимся голосомъ сказалъ:

— Упокой, Господи... все-таки...

1901.

ПѢСНЯ О БУРЕВѢСТНИКѢ.

Надъ сѣдой равниной моря вѣтеръ тучи собираетъ. Между тучами и моремъ гордо рѣетъ Буревѣстникъ, черной молніи подобный.

То волны крыломъ касаясь, то стрѣлой взмывая къ тучамъ, онъ кричитъ, и тучи слышатъ радость въ смѣломъ крикѣ птицы.

Въ этомъ крикѣ—жажда бури! Силу гнѣва, пламя страсти и увѣренность въ побѣдѣ слышатъ тучи въ этомъ крикѣ.

Чайки стонутъ передъ бурей,—стонутъ, мечутся надъ моремъ и на дно его готовы спрятать ужасъ свой предъ бурей.

И гагары тоже стонутъ, — имъ, гагарамъ, недоступно наслажденье битвой жизни: громъ ударовъ ихъ пугаетъ.

Глупый пингвинъ робко прячетъ тѣло жирное въ утесахъ... Только гордый Буревѣстникъ рѣетъ смѣло и свободно надъ сѣдымъ отъ пѣны моремъ!

Все мрачнѣй и ниже тучи опускаются надъ моремъ, и поютъ, и рвутся волны къ высотѣ навстрѣчу грому.

Громъ грохочетъ. Въ пѣнѣ гнѣва стонутъ волны, съ вѣтромъ споря. Вотъ охватываетъ вѣтеръ стаи волнъ объятьемъ крѣпкимъ и бросаетъ ихъ съ размаху въ дикой злобѣ на утесы, разбивая въ пыль и брызги изумрудныя громады.

Буревѣстникъ съ крикомъ рѣетъ, черной молніи подобный, какъ стрѣла, пронзаетъ тучи, пѣну волнъ крыломъ срываетъ.

Вотъ онъ носится, какъ демонъ,—гордый, черный, демонъ бури, — и смѣется и рыдаетъ... Онъ надъ тучами смѣется, онъ отъ радости рыдаетъ!

Въ гнѣвѣ грома, — чуткій демонъ, — онъ давно усталость слышитъ, онъ увѣренъ, что не скроютъ тучи солнца,—нѣтъ, не скроютъ!

Вѣтеръ воетъ... Громъ грохочетъ...

Синимъ пламенемъ пылаютъ стаи тучъ надъ бездной моря. Море ловитъ стрѣлы молній и въ своей пучинѣ гаситъ. Точно огненныя змѣи, вьются въ морѣ, исчезая, отраженья этихъ молній.

— Буря! Скоро грянетъ буря!

Это смѣлый Буревѣстникъ гордо рѣетъ между молній надъ ревущимъ гнѣвно моремъ; то кричитъ пророкъ побѣды:

— Пусть сильнѣе грянетъ буря!..

1901.

Оглавленіе

III тома.

	Стр.
Ярмарка въ Голтвѣ	3
Зазубрина	15
Скуки ради	22
Каинъ и Артемъ	38
Дружки	68
Проходимецъ	82
Читатель	115
Кирилка	129
О чортѣ	141
Еще о чортѣ	148
Васька Красный	160
Двадцать шесть и одна. Поэма	175
Трое	188
Пѣсня о Буревѣстникѣ	476

Duke University Libraries
D04103669T